

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Винн
5
1882

5667
61-5

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

№ 5

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГР. А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, 12
1882

A P Slav (1882)
5

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры «ДѢЛА» за прошлые года можно приобрести въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1868	годъ	съ пересылкою	10 р.
" 1869	"	"	10 "
" 1871	"	"	10 "
" 1872	"	"	10 "
" 1874	"	"	10 "
" 1876	"	"	8 "
" 1877	"	"	10 "
" 1879	"	"	10 "
" 1880	"	"	9 "

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересылкою по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 мая 1882 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ 1882 году.

(ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫИ).

„ДѢЛО“ будетъ издаваться по той-же программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 15 лѣтъ, при томъ-же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Альбовъ (М. Н.), Ардовъ, Барыкова (А. П.), Боборыкинъ (П. Д.), Гальфранкъ, Жика, Больцовъ (И. Г.), Ленскій (Б. П.), Мечниковъ (Л. И.), Москвинъ (А. Л.), Михаловскій (Д. Л.), Минаевъ (Д. Д.), Наумовъ (Н. И.), Оммулевскій, Откровенный Писатель, Потапенко (И. Н.), Цавскій, Плещеевъ (А. Н.), Протопоповъ (М. А.), Русановъ (Д. С.), Станюковичъ (К. М.), Харламовъ (И. Н.), Шашковъ (С. С.), Шелгуновъ (Н. В.), Шефтель (М. И.), Шпажинскій (А. В.), Якубовичъ (П. Ф.) и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА «ДѢЛО»:

съ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ	16 » — »
съ пересылкою иногороднымъ	17 » — »
съ пер. за-границу во всё государство и страны.	19 » — »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной кон-

торъ редакціи журнала «ДѢЛО», по Надеждинской ул., домъ № 39.

Редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную высылку журнала только передъ подписчиками, подписавшимися въ Главной конторѣ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“.

Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова. Съ портретомъ, біографіей автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Цѣна 3 руб. 50 коп., съ пересылкою 4 руб.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. *Карла Реклама*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе пятое. 1882 г., съ приложеніемъ „Военной гигиѣны“ д-ра Вейпмана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб., съ пересылкой 2 р. 30 к.

Спартакъ. Историческій романъ *Рафаэля Джіованіоли*. Переводъ съ итальянскаго. Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 р. 30 к.

Избранныя рѣчи *Джона Брайта*. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ *Фр. Шиллигаена*. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Десяносто-третій годъ. Романъ *В. Гюго*, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣтели. (Біографіи и характеристикъ). *Э. Реклю* (М. Триго). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ *Ипполита Ньвео*. Перев. съ итальянскаго *В. А. Зайцева*. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. *Дж. Ст. Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. *Юг. Шерра*: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 к.

Автобіографія *Джона Стюарта Милля*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ *П. Лютнева*, изданный безъ предъварительной цензуры. Цѣна 1 р., 50 к., съ перес. 2 р.

Американна. Романъ *Луизы Алякотъ*. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. *В. М. Флоринскаго*. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Сочиненія **Ө. М. Толстого**. (Повѣсти и рассказы), съ предисловіемъ **Д. И. Писарева**. Два тома. Цѣна 1. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. **Н. Потѣхина**. Цѣна 1 р. 20 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. **Д. Гирса**. Цѣна 1 р. 60 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. **Ж. Верна**. Переводъ съ французскаго. Цѣна 50 к., съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ **Антони Троллопа**. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Идіотизмъ и тупоуміе. Соч. д-ра **И. П. Айрленда**, съ предисловіемъ проф. Мержеевского. Переводъ съ англійскаго д-ра Томашевскаго, съ рисунками и генеалогическими таблицами. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 руб.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. **Чарльса Дарвина**. Перев. съ англ., подъ редакціею **Г. Е. Благосвѣтлова**. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки **Альфреда Россея Валласа**. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Вопросы общественной гигиены. **В. О. Португалова**. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра **Жюль Сира**. Перев. съ французскаго, подъ редакціею **А. Н. Моригеровскаго**. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Уроки элементарной фізіологіи. **Т. Гексли**. Перев. съ англ., съ предисловіемъ **Д. И. Писарева**. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. **Юст. Шерра**. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмецк. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 8 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра **В. Циммермана**, составл. по гѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала «ДѢЛО» уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки)

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ. (Изъ жизни на Уралѣ)	<i>Д. Сибиряка.</i>
Въ изгнаніи. (Изъ А. Мицкевича). Стихотвореніе	<i>Д. Минаева.</i>
За правду. Романъ. (Главы XIV—XVI).	<i>Карла Францоza.</i>
Конецъ античнаго міра	<i>И. Д.</i>
Дѣти. Разсказъ	<i>Владимира Бьлзорова.</i>
Канунъ свадьбы. Разсказъ. (Перев. съ итальянскаго)	<i>Р. Саккети.</i>
«Когда бушуетъ океанъ». Стихотвореніе	<i>Д.</i>
Степанъ Огоньковъ. Разсказъ. (Окончаніе)	<i>П. Засодимскаго.</i>
Счастіе. (Философско-психологическій этюдъ)	<i>И. И.</i>
Золотой фонтанъ. Романъ. (Перев. съ испанскаго). (Главы I—III).	<i>Бенито Переса Гальдоса.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ	<i>А. Москваина.</i>
Отживающія традиціи	<i>М. Протопопова.</i>
Фабрика и школа	<i>Б. Ленскаго.</i>
Кое-что объ экономической наукѣ и буржуазной жизни	<i>Р.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III-за.</i>
Картинки общественной жизни. Процессъ Буша	<i>Откровеннаго писателя.</i>
Письмо въ редакцію	<i>Е. А. Благосвѣтловой.</i>

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА

(Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова, бывшій А. И. Глазунова. С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Гостиного Двора, № 12).

за послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

1. ГЕЙССЕРЪ, профъ Исторія реформаціи. Переводъ подъ редакцію Виктора Михайловскаго, съ приложеніемъ статьи редактора о предшественникахъ реформаціи. М. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.
2. ИВАНЮКОВЪ, И. Основныя положенія теоріи экономической политики. 2-е изд. М. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.
3. ЕГО-ЖЕ. Паденіе вѣрнопостного права въ Россіи. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
4. ТРУСЕВИЧЪ, Х. Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ до XIX вѣка. М. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.
5. СПАСОВИЧЪ, В. Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго, эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и попроса. Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
6. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ, К. Біографіи и характеристики: Татищевъ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Ешевскій, Гильфердингъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.
7. ЗАЙЦЕВЪ, В. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія запада. Т. I. Эллинская эпоха, съ 2-мя картами. Спб. Ц. 4 руб., съ пер. 4 р. 50 к.
8. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО. Т. III. Литературныя, критическія и біографическія очерки. 1855—1877. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 3 руб.
9. КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИЛЛАРИОНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ. 1818—1881. Біографическій очеркъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова. Сост. Голубевъ. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.
10. СУДЬБА КАПИТАЛИЗМА ВЪ РОССІИ. В. В. Спб. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. 2 ф.
11. КАМАРОВСКІЙ, Л., графъ. О международномъ судѣ. М. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
12. МИЛЛЬ, Д. С. Утилитаризмъ о свободѣ. Переводъ съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго (2-е изданіе), съ приложеніемъ очерка жизни и дѣятельности Милля. Е. Кондради. Спб. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

13. ФИНШЪ, О. и БРЭМЪ, А., доктора Путешествіе въ западную Сибирь. Съ рисунками въ текстѣ. М. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
14. ГЮЛИСТАНЪ. «Цвѣтникъ Розъ». Твореніе шейха Саади-Ширази, съ персидскаго подлинника перевелъ И. Холмогоровъ. М. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.
15. ВЕРНЪ, ЖЮЛЬ. Паровой Домъ. Послѣдній романъ, съ оригинальными рисунками. М. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
16. СОЛОВЬЕВЪ, В. Сергій Горбатовъ. Историческій романъ. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
17. КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка, въ 2-хъ част. Изд. 2 е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
18. РОЗЕНГЕЙМЪ, М. П. Стихотворенія. Изд. 3-е, дополненное. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
19. ШАХОВСКОЙ, Л. «Надъ Бездной». Историческій романъ эпохи Цицерона. Часть 1-я. Изъ бѣды въ бѣду! Часть 2-я. Тайственный пѣвецъ. М. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
20. СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА. Полное собраніе, въ одномъ томѣ, 1842—1877 г. 2-е изд. Спб. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
21. ОТВЕРЖЕННЫЕ. Романъ Виктора Гюго. Переводъ съ французскаго. Спб. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.
22. СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ, М. Иерихонскаго. Съ 100 рисунками В. Буша. М. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
23. МИХНЕВИЧЪ, Вл. Историческіе этюды русской жизни. Народная копилка Христа ради. Исторія русской бороды. Исторія одного проклятаго вопроса. Объединители. Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ. Извращеніе народнаго пѣснотворчества. Лодка. Спб. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к.
24. ЗА РУБЕЖЕМЪ. Сочин. М. Е. Салтыкова (Щедрина). Спб. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
25. ЕГО-ЖЕ. Сатиры въ прозѣ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.
26. ЕГО-ЖЕ. Невинные рассказы. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
27. ЕГО-ЖЕ. Въ Средѣ умѣренности и аккуратности. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
28. ЕГО-ЖЕ. Сборникъ рассказовъ, очерковъ и сказокъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.
29. МАРКЕВИЧЪ, В. Переломъ. Правдивая исторія. 2 т. Ц. 6 руб., съ перес. 7 р.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно и аккуратно. Бромъ упомянутыхъ книгъ, магазинъ высылаетъ всѣ какъ прежде вышедшія, такъ и вновь выходящія по цѣнамъ, гдѣ-бы и кѣмъ-бы то ни было опубликованнымъ.

ВСѢ МЫ ХЛѢБЪ ВЪДИМЪ...

(ИЗЪ ЖИЗНИ НА УРАЛѢ).

I.

— Эхъ, отлично было-бы закатить теперь въ Шатрово, говорилъ мой пріятель Павелъ Ивановичъ Сарафановъ, отдувая паръ со своего блюдечка.—То есть, я вамъ наивно доложу, послѣ спасибо скажете!.. Вѣдь теперь какое время... а? Каждый день дорогъ, а мы съ вами сидимъ здѣсь въ N*: пыль, духота, жаръ... Вы посмотрите, утра-то какія стоятъ,—такъ вотъ за душу и тянетъ куда нибудь въ болотину за дупелями. У меня и собачка есть на примѣтѣ: лягашикъ, стойку держитъ и всякое прочее. Ей-Богу! На лѣвую ногу немного припадаетъ, да это пустяки, со стороны даже и незамѣтно, а какъ пойдетъ по осовѣ... Ей-Богу, поѣдемте въ Шатрово?! Остановимся у попа, важнѣющій попь, на всю губернію первый. Объ о. Михѣѣ, можетъ, слыхивали? Нѣтъ? Какъ же вы это такъ... Богатѣющій попь, я у него по недѣлямъ гащиваль. Кстати, у меня дѣльце есть въ Шатровѣ, да еще не одно... Нѣтъ, завтра же поѣдемъ!

— Я съ большимъ бы удовольствіемъ, только на чемъ мы съ вами поѣдемъ?..

— На чемъ?!.. Да вы только скажите одно слово: завтра, въ три часа утра, я подъѣду къ вамъ на своей лошади, а вы только садитесь.

— Да вѣдь, у васъ нѣтъ своей лошади?

— Сегодня нѣтъ, а завтра будетъ.

— И экипажа нѣтъ?

— И экипажъ будетъ... У меня ходъ на сараѣ лежитъ, а коробокъ есть на примѣтѣ.

— И лошадь, и коробокъ, и лягашникъ—все на примѣтѣ; когда же вы успѣете все это собрать?

— Ахъ, Господи, Господи, да вамъ-то какая забота: вы только садитесь, и конецъ дѣлу. Ружье есть? Больше ничего не надо... Ружье да ноги, и шабашъ. Да и безъ ногъ можно: разъ я съ однимъ чиновникомъ на охоту ходилъ,—такой же жиденькій изъ себя, какъ въ родѣ васъ,—такъ онъ у меня такъ развинтился на обратномъ пути, что я его верстъ пять на своей спинѣ тащилъ. Ей-Богу! А мы отлично погостимъ у о. Михѣя... Я, ужъ, знаю, чѣмъ старику угодить: парочку свѣженькихъ дупельковъ привезу—да онъ меня разцѣлуетъ.

Сарафановъ былъ замѣчательный человекъ, начиная съ своей наружности. Средняго роста, коренастый и плотный, онъ былъ не красиво скроенъ, да крѣпко спитъ; въ глаза издали бросалось его несоразмѣрно длинное туловище, поставленное на вывороченныхъ короткихъ ногахъ съ широчайшими ступнями. Небольшая голова была крѣпко посажена на могучей, короткой, всегда красной шеѣ; длинныя руки соответствовали остальному. Широкое лицо Сарафанова, обрамленное небольшой бородкой песочнаго цвѣта, всегда дышало добродушнымъ спокойствіемъ; маленькіе, свѣтло-каріе глазки смотрѣли улыбающимся пытливымъ взглядомъ, какъ у только что проснувагося ребенка. На видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, въ крайнемъ случаѣ—сорокъ пять, а въ дѣйствительности было шестьдесятъ съ хвостикомъ. И ни одного сѣдого волоска на головѣ; держался бодро, въ ходѣбѣ былъ неутомимъ, и во всѣхъ движеніяхъ замѣчалась гибкость и та упругая энергія, которая свойственна только юношескому возрасту. Одѣвался Сарафановъ неизмѣнно въ длинный чернаго сукна сюртукъ и глухой, сильно потертый, атласный жилетъ; туго накрахмаленные воротнички всегда упирались въ подбородокъ, шея, не смотря ни на какой жаръ, была туго затянута шелковой черной косынкой, въ манжетахъ красовались большія малахитовыя запонки въ серебряной оправѣ. Вообще, костюмъ Павла Иваныча не блисталъ свѣжестью, но всегда былъ чистъ, опрятенъ и съ нѣкоторыми претензіями на солидность.

Глядя на свѣжую, полную силъ фигуру Сарафанова, трудно было помириться съ мыслью, что предъ вами стоитъ, ни больше ни меньше, какъ привязная строка блаженной памяти Уѣзднаго суда. А между тѣмъ, это было такъ: Сарафановъ отслужилъ въ судѣ тридцать лѣтъ, съ 15 до 45, и теперь около пятнадцати лѣтъ состоялъ въ разночинцахъ, занимаясь «дѣлами», какъ онъ скромно выражался о своей дѣятельности. Въ своей сущности, дѣятельность Сарафанова отличалась замѣчательной разносторонностью: онъ былъ въ одно и то же время ходатаемъ по дѣламъ, комиссіонеромъ, столяромъ, охотникомъ, поставщикомъ драгоценныхъ камней, мыловаромъ и т. д.. Онъ имѣлъ северную привычку разомъ братья за десять дѣлъ и поэтому терпѣлъ постоянныя неудачи, которыя поглощали послѣднія крохи его скуднаго бюджета. Чѣмъ неосуществимѣе было предпріятіе, тѣмъ сильнѣе къ нему привязывался Сарафановъ. Неудачи только воодушевляли его, и онъ съ какимъ-то болѣзненнымъ напряженіемъ энергіи переходилъ отъ одной спекуляціи къ другой: то начнетъ скупать старообрядческія старинныя книги, то по пути прихватитъ партію рябчиковъ и замаринуетъ ихъ, то нѣсколько мѣсяцевъ устраиваетъ какой-то ночлежный домъ, и т. д.. Можетъ быть, при другихъ условіяхъ, Сарафановъ сдѣлался-бы великимъ изобрѣтателемъ и обогатилъ-бы себя и другихъ, но въ тѣсныхъ рамкахъ захолустной провинціальной жизни онъ могъ только задыхаться подъ наплывомъ жажды дѣятельности. Когда-то у него были свой домикъ, небольшое хозяйство, даже маленькая ферма, а теперь оставался только, гдѣ-то за городомъ, клочекъ земли, на которомъ онъ сѣялъ какую-то мудреную американскую рѣпу. Жилъ онъ на краю города, въ крошечной избушкѣ, старымъ холостякомъ, и былъ бѣденъ, какъ церковная мышь, но никогда не терялъ душевнаго равновѣсія, вѣчно находился въ самомъ оживленномъ, счастливомъ настроеніи и, какъ мнѣ кажется, былъ очень счастливъ. Для другихъ Сарафановъ былъ золотой человѣкъ, потому что черезъ него можно было достать рѣшительно все на свѣтѣ—весь городъ ему былъ знакомъ и все было на примѣтѣ: нужно вамъ возу—черезъ часъ Сарафановъ ведетъ ее за рога, нужна скрипка—и скрипка къ вашимъ услугамъ. Для меня лично Сарафановъ имѣлъ интересъ, какъ живая исторія и географія N—скаго уѣзда: онъ зналъ

всѣхъ наперечетъ и пѣшкомъ, съ ружьемъ за плечами, исходилъ его вдоль и поперекъ. Иногда онъ привиралъ для краснаго словца, но самая ложь у него выходила такой безобидной,—онъ самъ вѣрилъ ей первый. Даже въ несчастной привычкѣ употреблять иностранныя слова, которымъ Сарафановъ придавалъ свое собственное значеніе, не имѣвшее ничего общаго съ ихъ дѣйствительнымъ смысломъ,—онъ являлся только съ комической стороны, и скоро можно было привыкнуть къ его не особенно разнообразному лексикону. „Наивно“—въ переводѣ значило „серьезно“; въ этомъ же значеніи онъ употреблялъ слово „сентиментально“; „хаосъ“ надлежало переводить—„глупость“, и т. д.. Только къ двумъ словамъ, которыя Сарафановъ особенно часто употреблялъ, я никакъ не могъ привыкнуть и часто принужденъ былъ отгадывать ихъ смыслъ по аналогіи,—эти слова были „грація“ и „цивилизація“. Значеніе этихъ словъ постоянно мѣнялось и, вдобавокъ, они часто ставились одно вмѣсто другого. Приблизительно, слово „грація“ можно было перевести словомъ „ловкость“, иногда — „смѣлость“, рѣже—„умъ“; „цивилизація“ попеременно обозначала то образованіе, то *comme il faut*. Когда Сарафановъ начиналъ сердиться, эти слова означали даже „мошенничество“.

Предложеніе Сарафанова ѣхать въ Шатрово было для меня какъ нельзя больше встать. Мой добрѣйшій докторъ, типъ розово-сѣдѣнькихъ старичковъ, встрѣчая меня, каждый разъ спрашивалъ съ своей добрѣйшей улыбкой:

— Вы все еще никуда не уѣхали? Вы не шутите съ послѣдствіями голоднаго тифа и петербургскихъ кухмистерскихъ. Иначе...

— Куда прикажете ѣхать, докторъ?

— Конечно не на воды, не на югъ, а въ деревню... Понимаете: въ самую глубь N—скаго уѣзда. Воздухъ полей, лѣсъ, парное молоко, душевное равновѣсіе...

II.

Мои надежды на то, что Сарафановъ не успѣетъ управиться въ одинъ вечеръ съ довольно сложной операціей покупки лошади, коробка и сбруи — не оправдались: ровно въ три часа утра Сарафановъ ворвался въ мою комнату и заста-

вилъ меня оставить постель. Онъ былъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, только на ноги надѣлъ длинные охотничьи сапоги, да поверхъ сюртука набросилъ татарскій азымъ.

— Посмотрите-ка, какого рысака я завоевалъ, говорилъ онъ, помогая мнѣ одѣваться.—Ахъ, батюшки, у васъ и папирсы не набиты... Какъ-же это? Ну да ничего, давайте-ка мнѣ въ сумку табакъ и гильзы, послѣ набьемъ.

Сарафановъ сложилъ табакъ и гильзы, вмѣстѣ съ чаемъ и сахаромъ, въ свой „саквояжикъ“, перекинутый на ремнѣ черезъ плечо, и еще разъ проговорилъ:

— Нѣтъ, вы лошадь-то посмотрите...

Дѣйствительно, у воротъ стояла поджарая киргизская лошадь съ поротыми ушами и горбатой спиной; въ новенькомъ съ иголочки коробѣ сидѣлъ хромой лягашикъ, на дрогахъ, впереди и сзади коробка, были привязаны веревками какіе-то сундуки. Сарафановъ любилъ все устраивать хозяйственно, и безъ разныхъ дополненій, въ родѣ ящиковъ, узелковъ, сундуковъ, онъ былъ немислимъ.

— Конь въ ѣздѣ, другъ въ нуждѣ, уклончиво отвѣчалъ я, осматривая лошадь.

— Въ двѣ пряжки до Шатрова доѣдемъ.

— Сто верстъ въ двѣ пряжки, на одной лошади?..

— А вотъ увидите... Мы тутъ свернемъ съ тракту въ одномъ мѣстѣ; оно проселкомъ-то на двадцать верстъ ближе.

Черезъ десять минутъ мы уже выѣзжали изъ города N* по шадринскому тракту.

— Какъ N*-то нашъ обстраивается, говорилъ Сарафановъ, когда нашъ коробокъ, какъ по ковру, мягко катился въ сторонѣ отъ тракта, среди сосноваго бора. — Истинно можно сказать, что городъ съ цивилизаціей... И раньше нѣкоторые свѣтло жили, а какъ подвели эту желѣзную дорогу—всѣ точно на ноги встали. Ей-Богу! Откуда что пошло: адвокаты, инженеры, нѣмцы, жида... очень граціозно!.. Прежде только бывало и свѣту въ окнахъ, что заводчики да золотопромышленники... Ну, горные инженеры, которые поумнѣ, нечего сказать, свѣтленько поживали. Только все это было въ родѣ того, какъ въ темотѣ: одинъ скачетъ, а тысяча плачуть. Теперь взять хоть богачей,—страшенные богачи были, а какъ жили: мужики мужиками, а захочетъ развернуться — глупость его мужицкая и объявится. Наивно

вамъ говорю... То церкви устраиваютъ, моленныя, австрицкихъ архиреевъ выписываютъ, то начнутъ шампанскимъ дорогу поливать и гостей женскимъ поломъ угощать. Всячины было, а настоящей цивилизаціи не было. Можно сказать, была одна темнота и хаосъ. Теперь и то взять: заведутся у кого деньги, они ужь такъ изъ роду въ родъ и переходятъ. Туго жили, всѣхъ богачей по пальцамъ пересчитаешь, а вновь никого.

— А нынче?

— Нынче залежныхъ денегъ ни у кого нѣтъ,—сегодня бѣденъ, завтра богатъ... Богатство то, какъ вода, такъ изъ рувъ въ руки и переливается. Успѣвай ловить... Вчера въ портерной сидѣлъ, пивомъ торговалъ, а сегодня ѣдетъ: пара на-отлетъ, на головѣ цилиндръ, на носу пенснэ. Вчера своими глазами видѣлъ такого хвата: иду отъ васъ, а кто-то ѣдетъ на парѣ и кланяется... А потомъ и вспомнилъ: Пиньджаковъ, въ портерной пивомъ торговалъ, а теперь золото моегъ. Вотъ какія дѣла-сь! А пришелъ этотъ Пиньджаковъ откуда-то изъ Казани, извините, въ однихъ портахъ. Наивно вамъ говорю! Однимъ словомъ, всѣ поднялись на ноги, точно свѣтъ увидали, и свою дикость совсѣмъ оставили. Такихъ ужь, пожалуй, и не найдешь, чтобы завелось лишнихъ сто рублей, а онъ ихъ въ кубышку да въ землю, да по двугривенному черезъ годъ прибавлять, какъ лѣнивый рабъ; нѣтъ, нынче вездѣ тонкость пошла: другому вся цѣна, ей-Богу, полтина на ассигнаціи, а, глядишь, онъ водкой занялся, торговля бани открылъ, номера съ арфистками... Нѣтъ, не прежнія времена!.. Прежде только и свѣту въ окнѣ, что горные инженеры, а нынче—шалишь, пороку супротивъ другихъ не хватаетъ. Теперь взять адвокатовъ или докторовъ: такъ на парахъ и зажариваютъ; или взять карты—вѣдь пустыни и даже грѣшно-сь, а сколько у насъ въ N* этими картами живутъ... Очень малодушенъ нынче народъ сталъ, особливо адвокаты: что сорвалъ, то и продулъ. Богачи-то, какъ пузыри послѣ дождя: вскочить, покружится и лопнетъ.

А іюньское утро вышло на славу: солнце не свѣтило, а точно смѣялось въ голубомъ небѣ, гдѣ, какъ стада лебедей, бродили легкія серебристыя облачка. Мѣстность, по которой пылившей лентой вилась дорога, была слегка холмиста; по сторонамъ дороги давно тянулись безконечныя нивы, поля и уга въ перемежку съ свѣтлыми, какъ транспарантъ, березо-

выми пролѣсками и кой-гдѣ еще сохранившимися гривками молодого сосняку. Озимы колосились; яровыя были еще зелены. Изъ густой зелени то и дѣло взлетали жаворонки; они нѣсколько минутъ держались въ струившемся благовонномъ воздухѣ на одной высотѣ, разсыпаясь звенѣвшими, какъ серебряные колокольчики, трелями, и камнемъ опять падали въ траву. Попало нѣсколько обратныхъ почтовыхъ троекъ; въ сторонѣ дороги, по утоптаннмъ тропинкамъ, тянулись вереницы богомолковъ, спѣшившихъ въ Екатеринбургъ въ Тихвинской. Что-то невыразимо патріархальное чувствовалось въ этой картинѣ: мелькали загорѣлыя истощенныя лица, повязанныя темными платками головы, котомки за плечами и длинныя палки, но на этихъ испеченныхъ солнцемъ грубыхъ лицахъ лежала печать такого глубокаго душевнаго спокойствія, глаза смотрѣли такимъ сосредоточеннымъ, одухотвореннымъ взглядомъ... Даже этотъ низкій поклонъ каждому встрѣчному говорилъ самъ за себя. Какія все славныя, русскія лица!

— Ишь, какъ лопочуть, любовно говорилъ Сарафановъ, раскланиваясь съ богомолками.— По обѣщанію больше идетъ низменный народъ, а кто побогаче, тѣ на ярмарку или въ гости. Монастырь въ Екатеринбургѣ важнѣющій, и игуменья молодца. Сказываютъ, что съ архиреемъ ссорится, только я полагаю, что это зря болтаетъ народъ.

Часовъ въ восемь утра мы сдѣлали небольшой привалъ у одного болота, гдѣ Сарафановъ, пока лошадь щипала траву, успѣлъ убить штукъ пять дупелей. Стрѣлялъ онъ безъ промаха, но лягашикъ оказался плохъ,—не выдерживалъ стойки и горячился. Убитыхъ дупелей Сарафановъ, не ощипывая пера, какъ-то особенно искусно завернулъ въ широкіе листья болотной травы и зажарилъ въ золѣ. Это охотничье кушанье оказалось великолѣпнымъ, и мы съ большимъ аппетитомъ раздѣлили его въ тѣни молодыхъ липокъ.

— Грѣшный человекъ, говорилъ Сарафановъ, влады широкій крестъ на свою могучую грудь: — ни въ среду, ни въ пятницу, ни въ постъ скромнаго въ ротъ не возьму, а въ полѣ не могу... И въ грѣхъ себѣ этого не ставлю. Вы какъ на счетъ этого думаете?

Сарафановъ отличался вообще большой воздержностью, въ ротъ не бралъ вина и не курилъ.

Дожидаясь, пока лошадь отдохнетъ, мы, отъ нечего дѣлать, болтали; лягавикъ свернулся влубочкомъ подъ коробкомъ и дремалъ самымъ мирнымъ образомъ. Оводъ начиналъ одолѣвать нашего киргиза, и онъ старался держаться подъ прикрытіемъ ѣдкой струи дыма отъ огня. Надъ болотомъ столбомъ играли комары, что служило самымъ вѣрнымъ признакомъ установившагося на долго вѣдра; пахло свѣжей травой, гдѣ-то звонко ковалъ кузничикъ, и изрѣдка начиналъ скрипѣть въ ближайшей осокѣ коростель, заставляя собаку вздрагивать и поднимать голову.

— Вотъ мы теперь ѣдемъ съ вами въ Шатрово, говорилъ Сарафановъ: — а что такое Шатрово? Деревня, и больше ничего. Прежде самый, можно сказать, несмѣтый народъ жилъ, совсѣмъ озерный, а теперь въ Шатровѣ,—вы чего думаете,—тоже цивилизаціей пахнетъ. Вездѣ проснулся народъ, особливо ежели Шадринскій уѣздъ взять, — бѣдовый народъ живетъ, и кержаковъ тьма тьмушая. А про заводы и говорить нечего: тамъ голову-то, какъ гайку, отвинтить! Только развѣ еще въ Камышловскомъ да въ Ирбитскомъ уѣздѣ,—тамъ еще просто. Только это не надолго... Я замѣчаю про себя такъ: какъ эти самовары пошли по деревнямъ,—вѣдь, кажется, пустяки: самоваръ! — конечно, всю эту простоту, какъ рукой снять. А какъ наладить чугунокъ на Тюмень, тутъ держись... Намъ въ N* эта самая чугунокъ много слезъ привезла и, можно сказать, вышелъ чистый хаосъ: прежде всѣ первый сортъ крупчатку употребляли, а какъ она выиграла съ шести рубликовъ за мѣшокъ на одиннадцать,—шабашъ, даже попы — и тѣ на второй сортъ перешли. Нѣкоторымъ чиновникамъ приходится совсѣмъ граціозно: жалованья въ мѣсяцъ двѣнадцать рубликовъ, семьища... Охъ, не смотрѣли-бы глаза!..

Къ вечеру, когда солнце уже замѣтно начало клониться къ западу и дневной жаръ спалъ, мы, дѣйствительно, подѣзжали къ Шатрову, которое стояло немного въ сторонѣ отъ шадринскаго тракта.

— Такъ мы, значить, къ попу махнемъ, говорилъ Сарафановъ, поощряя кнутикомъ своего киргиза.

— Нѣтъ, лучше у кого нибудь другого остановимся.

— А зачѣмъ отца-то Михѣя обижать?

— Чѣмъ?

— Да онъ мнѣ проходу недастъ, потому какъ человекъ самый гостепріимный, хлѣбосолюбъ... Въ родѣ того, какъ Авраамъ подъ дубомъ маврійскимъ. Наивно вамъ говорю. Богатенный попъ: свой конскій заводъ, хлѣба тыщи три пудовъ лежить, и угостить любить. А насчетъ разговору: какъ труба, такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ. Живетъ князь княземъ. На сто верстъ кругомъ всѣ знаютъ шатровскаго попа.

Не смотря на всю убѣдительность этихъ доводовъ, я все-таки настоялъ на своемъ.

— Вонъ оно, Шатрово-то, точно на блюдечѣ раскинулось! проговорилъ Сарафановъ, заслоняя отъ солнца глаза ладонью.

Всякій, кто видалъ безконечныя равнины, тощія поля, болотины и убогія деревеньки средней Россіи, взглянувъ на Шатрово съ высоты, на которой теперь былъ нашъ коробокъ, вздохнулъ-бы свободнѣе и подумалъ: „вотъ гдѣ она, Сибирь—золотое дно!“ Разсматривая карту Азіи, можно видѣть, что дно исчезнувшаго Сарматскаго моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается соединяющій его съ Ледовитымъ океаномъ проливъ Гумбольдта, вдается въ предгоріе Урала небольшимъ заливомъ,—вотъ въ устьѣ этого залива, гдѣ рѣка Шатровка точно сдвлена каменистыми отрогами Урала, и раскинулось громадное русское село, дворовъ въ четыреста. Это была поразительная картина: необозримая ширь полей волнами уходила на востокъ и тонула гдѣ-то далеко-далеко въ синеватой дымѣ горизонта; на западѣ замыкали картину ряды холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. По извилистому теченію Шатровки можно было насчитать до пяти деревень; въ одномъ мѣстѣ видѣлась какая-то фабрика съ высокими кирпичными трубами. Самое село разсыпало свои домики по обоимъ берегамъ рѣки, по крайней мѣрѣ на разстояніи трехъ верстъ; большая каменная церковь стояла, какъ мать среди дѣтей, въ самомъ центрѣ села.

Нашъ коробокъ мягко катился по узкой дорожкѣ, минуя огороженныя поля и спускаясь къ рѣкѣ. Вотъ и первыя избы, и широкая улица, и цѣлая стая собакъ. Судя по наружному виду крестьянскихъ построекъ, можно было впередъ сказать, что народъ живетъ здѣсь, какъ у Христа за пазухой, конечно не безъ исключеній, въ видѣ одинокихъ избышекъ, вынесен-

ныхъ къ самой околицѣ, гдѣ, вѣроятно, жили старики да солдатики-бобылки. Нашъ экипажъ прокатился чуть не чрезъ все село, мимо каменной церкви, одноэтажнаго домика о. Михѣя, мимо волости и нѣсколькихъ питейныхъ; онъ остановился у старой покосившейся избы, у воротъ которой стояла высокая красивая дѣвка въ красномъ платкѣ.

— Шептунъ дома? спрашивалъ Сарафановъ, съ легкимъ похрапываньемъ выльзая изъ коробка.

— Дома.

— А тебя какъ звать-то, умница?

— Анной зовутъ, отвѣчала умница.

— Шутить? Развѣ Анны такія бываютъ: Анны тощія да низенькія, а ты, слава тебѣ Господи... Какъ ямистая рѣпа!

Сарафановъ выпускалъ эту остроумную, по его мнѣнію, шутку въ теченіи дня, по крайней мѣрѣ, пятимъ изданіемъ, и каждый разъ самъ первый начиналъ смѣяться своимъ нерѣшительнымъ, съ легкимъ дребезгомъ, смѣхомъ; но Анна даже не улыбнулась на этотъ комплиментъ.

— А что, Аннушка, какъ Шептунъ-то, здоровъ?

— Что ему дѣлается... Не бойсь, не издохнетъ!

Анна была, что называется, дѣвка кровь съ молокомъ, съ полными румяными щеками, крѣпкой загорѣлой шеей и могучей грудью; немного восою разрѣзъ карихъ глазъ придавалъ ея лицу недружелюбное выраженіе, но оно смягчалось, когда она улыбалась, выставляя два ряда точно выточенныхъ изъ слоновой кости зубовъ. Громадныя красныя руки и грязныя босыя ноги дополняли портретъ этой деревенской красавицы, одѣтой въ старенькій ситцевый сарафанъ и розовую, тоже ситцевую, рубашку. На шеѣ были надѣты зеленыя стеклянныя бусы.

— А-ахъ, кошка тебя залагай... ладная ты, а?! бормоталъ Сарафановъ, заглядывая на Анну. — А ты какъ Шептуну-то приходишься, умница?

— Нивакъ я ему не прихожусь... Чего присталь, какъ сѣра горячая?

— А ты, Аннушка, не тово...

Въ это время въ воротахъ показался сторбленный сѣдой старикъ въ ветхой пестрядевой рубахѣ; онъ изъ-подъ руки

посмотрѣлъ на Сарафанова, и по его выцвѣтшимъ сухимъ губамъ проползло что-то въ родѣ улыбки.

— Это ты, Павелъ Ивановичъ, медленно проговорилъ старикъ, не отнимая руки отъ глазъ.

— Давай, отворяй ворота да принимай гостей, распорядился Сарафановъ, здороваясь со старикомъ.— А ты, умница, наставь самоварчикъ поскорѣе. До смерти заморились. Чистый хаосъ, Аннушка!

— Ишь какъ лошадь-то пересобачили, говорилъ старикъ, отворяя съ тяжелымъ кряхтѣньемъ ворота. — Никакъ прямо изъ городу?

— На обыденку, Шептунъ.

Пока Сарафановъ переносилъ нашъ багажъ куда-то въ заднюю избу, хозяинъ съ какимъ-то шепотомъ медленно распрягалъ лошадь. Я только теперь хорошенько рассмотрѣлъ его. Онъ былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ казался съ перваго раза, хотя ему видимо перевалило уже на восьмой десятокъ. Старческое лицо совсѣмъ сѣраго цвѣта, съ большимъ носомъ и жиденькой бородкой, производило неприятное впечатлѣнiе, особенно когда онъ медленно останавливалъ на одной точкѣ болѣзненно пристальный взглядъ своихъ ястребиныхъ сѣрыхъ глазъ и начиналъ беззвучно шевелить губами. Въ рукахъ у Шептуна была длинная черемуховая палка, на которую онъ долженъ былъ опираться, потому что ноги сильно ему измѣняли.

— Ишь, какъ его нашептываетъ, говорилъ Сарафановъ, кивая головой на старика.— Отъ этого самаго и Шептуномъ прозвали.

Широкій крестьянскій дворъ былъ окруженъ низенькими бревенчатыми постройками: „стайки“ (хлѣвы) для скота, амбары, сѣноваль; небольшая перегородка открывала видъ на задній дворъ, гдѣ ходила хромая лошадь, и на длинный огородъ съ низенькой совсѣмъ черной баней въ глубинѣ. Всѣ пристройки и самая изба были крыты по-крестьянски дранцами, а не тесомъ. Широкое грязное крыльцо, крытое соломой, сильно покосилось и немного отстало отъ корпуса избы; подъ нимъ что-то живое визжало и хрюкало. На всемъ кругомъ лежала печать разлагающейся старости, и видно было,

что некому приволотить отставшую доску и поправить покосившійся столбъ.

— А тебѣ это будетъ Анна-то? спрашивалъ Сарафановъ, когда старикъ подошелъ къ намъ.

— Анна-то... А тебѣ на что?

— Да такъ я спросилъ. Раньше не видалъ, ровно, у тебя никого изъ бабъ-то...

— Анка работница мнѣ будетъ. Хлѣбомъ кормлю, а она, стерва, за воротами все стоитъ...

— Та-ахъ... Такіе ея годы, твоей Анки, что ей стоять, видно, за воротами!

III.

Намъ была отведена задняя изба, куда мы и прошли.

— А это у тебя что? спрашивалъ Сарафановъ, указывая старику на валявшіяся по столу и по лавкамъ книги, на висѣвшее на стѣнкѣ ружье, чей-то сильно подержанный казине-товый сюртукъ и старый патронташъ.

— Это... А это Лекандра живетъ у меня, такъ его муниципя, равнодушно объяснилъ Шептунъ, остановившись у порога.

— Какой Лекандра?

— Да учитель нашъ, Лекандра... Отцу Михѣю сынъ приходится.

— А, помню... Изъ лица немножко шадривъ?

— Онъ самый... Лекандра ничего, онъ на сарай уйдетъ, пока вы тутъ поживете.

— А почему онъ у отца не живетъ, вашъ учитель?

— Кто его знаетъ, пошто онъ у отца-то не живетъ... Видно у меня глянется лучше, съ улыбкой прибавилъ старикъ.— Нонѣ вѣдь все это мудрено пошло, не разберешь никакъ.

Постоявъ немного въ дверяхъ, старикъ вышелъ изъ избы. Черезъ нѣсколько минутъ донесся его ворчливый голосъ:

— Анка, Анка, куда ты запропастилась?!. Собирай скорѣе чай господамъ...

— Чай, не разохнутъ твои господа: подождутъ, откуда-то изъ глубины двора донесся голосъ Анки.

Когда мы, черезъ полчаса, сидѣли уже за самоваромъ, въ

комнату вошелъ самъ Лекандра. Это былъ небольшого роста господинъ, въ парусинномъ пальто, казюшечныхъ широкихъ панталонахъ, заправленныхъ въ сапоги, и въ розовой ситцевой рубашкѣ-косовороткѣ. Онъ былъ дѣйствительно сильно „шадривъ“, то-есть его круглое добродушное лицо съ небольшими близорукими голубыми глазками было сильно попорчено оспой. Пряди бѣлокурыхъ волосъ, мягкихъ какъ ленъ, выбивались изъ-подъ сдвинутой на затылокъ кожаной фуражки и падали на лобъ; пушистая съ красноватымъ оттѣнкомъ борода придавала физиономіи Лекандры самый добродушный видъ. Когда онъ улыбался, что-то неумолимо дѣтское свѣтилось въ этомъ кругломъ лицѣ, и въ головѣ невольно шевелилась мысль: „а вѣдь я гдѣ-то видалъ этого Лекандру“.

— А, Лекандра Михѣичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! привѣтствовалъ Сарафановъ учителя.— Здоровенько-ли поживаете?

— Прыгаемъ помаленьку, съ улыбкой отвѣчалъ учитель, снимая фуражку.

— А о. Михѣй каково здравствуетъ?

— У о. Михѣя чахотка, еле дышетъ...

— Ахъ, ужъ, вы только и скажете... Ей Богу! А маменька ваша?

— А вотъ пойдешь къ ней, такъ самъ и увидишь.

— Конечно пойду... Ежели обходить такихъ почтенныхъ людей, да тогда и жить не зачѣмъ. Съ нами чайкомъ побаловаться, Лекандра Михѣичъ?

Учитель не заставилъ себя просить и сѣлъ за столъ, рядомъ съ Шептуномъ. Сарафановъ познакомилъ насъ и сейчасъ-же распространился о чудесахъ N—ской цивилизаціи, о людяхъ съ „граціей“ и о всеобщемъ „хаосѣ“. Мнѣ очень понравился учитель. Онъ держалъ себя какъ-то особенно просто и съ тѣмъ неумолимымъ оттѣнкомъ собственного достоинства, когда человѣкъ настолько доволенъ и собой, и своимъ общественнымъ положеніемъ, что не имѣетъ нужды ни прибавлять, ни убавлять ни одного вершка собственного роста. Въ Лекандрѣ не было даже тѣни той неестественности, какая присуща большинству сельскихъ учителей. Обыкновенно, они изображаютъ изъ себя какихъ-то непризнанныхъ гениевъ, какъ большинство гувернантокъ страдаетъ маніей разыгрывать роль неопѣненныхъ талантовъ и непо-

нятыхъ натуръ. Въ отвѣтахъ и вопросахъ Лекандры скользила неуправимая иронія, присущая складу русскаго ума.

— А я, Павелъ Ивановичъ, женюсь, добродушно говорилъ учитель, раскуривая папиросу.

— Поди, на какой учительшѣ? У васъ, вѣдь, все это по-ученому дѣлается..

— Нѣтъ, не на учительшѣ, а на Анкѣ. Вотъ та самая, которая самоваръ вамъ подавала.

Сарафановъ даже раскрылъ ротъ отъ удивленія и вопросительно посмотрѣлъ на Шептуна.

— Спроси хоть Шептуна, продолжалъ учитель.

— Чего тутъ спрашивать, ворчалъ старикъ.—Только ты, Лекандра, еще рыломъ не вышелъ, чтобы тебѣ на Анкѣ жениться.

— Это ужъ не твоя забота.

— А то чья-же? Не по себѣ дерево выбралъ... Какой ты есть человекъ, ежели тебя разобрать: ни ты баринъ, ни ты мужикъ. Сегодня ты здѣсь чай вотъ съ нами пьешь, а завтра тебя и слѣдъ простылъ... У мужика изба своя, обзаведенье, земля, скотина, а у тебя что? Куда тебѣ, такому, на Анкѣ жениться...

— Вы все шутите, Никандра Михѣичъ, сказалъ Сарафановъ, пытливо и въ недоумѣннн поглядывая на учителя.

— Нѣтъ, серьезно, женюсь. Осенью свадьба.

— Не можетъ быть... уже слабо протестовалъ Сарафановъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ.—Какъ-же отецъ-то Михѣй будетъ? Одинъ сынъ докторъ и три тысячи жалованья получаетъ, другой—прокуроръ и тоже три тысячи, три сына въ университетѣ... Чистый хаосъ! Нѣтъ, ужъ, ты, Никандра Михѣичъ, пожалуйста оставь эту задачу. Наивно тебѣ говорю. У Анки свой предѣлъ, а у тебя свой... Я тебѣ вотъ что скажу: есть у меня на примѣтѣ одна поповна,—ну, отдай все да и мало! Всѣмъ взяла: въ родѣ какъ вишня или малина.

— Вотъ ты и женись на ней, предложилъ Лекандра.

— Ахъ, Господи, Господи... Вы все шутите, а какъ тятенька съ мамынькой, ежели вы имъ этакой камуфлетъ подстроите? Вѣдь это, можно сказать, всей вашей природѣ будетъ одно поношеніе-съ... Вы только то подумайте: одинъ братъ докторъ, другой прокуроръ, три въ университетѣ... Люди все съ граціей, образованіе... Да вы шутите?

— Нѣтъ, право, не шучу. Приѣзжайте на свадьбу.

Когда, послѣ чая, вопросъ зашелъ о томъ, какъ мы расположимся, учитель предложилъ мнѣ спать на сараѣ, потому-что въ избѣ было и душно и „насъѣомисто“, какъ онъ выразился. Сарафановъ остался въ избѣ и даже забрался на палати. Мы вышли въ сѣни и лицомъ къ лицу встрѣтились съ двумя мужиками, которые о чемъ-то тихонько разговаривали съ Шептуномъ.

— Послушай, баринъ, ты-бы лучше въ избѣ остался, нерѣшительно заговорилъ Шептунъ, обращаясь ко мнѣ.

— Почему лучше?

— Да такъ... невозможно.

— А вы по какому собственно дѣлу изволили сюда пожаловать? спрашивалъ меня одинъ изъ мужиковъ.

— Да безъ всякаго дѣла: приѣхалъ, и только.

Мужики переглянулись и не двигались съ мѣста.

— Вамъ, вѣроятно, паспортъ мой нуженъ? спрашивалъ я.

Въ это время изъ избы, на шумъ голосовъ, вышелъ Сарафановъ и накинулся на мужиковъ:

— Да вамъ чего надобно? Чего вы людямъ покоя не даете... Да я сейчасъ...

— Тебя-то мы, Павелъ Ивановичъ, знаемъ, нерѣшительно говорили мужики. — А вотъ баринокъ-отъ, тово...

Произошла довольно крупная сцена. Сарафановъ почему-то счелъ своимъ долгемъ обидѣться и долго кричалъ и ругался; мужики переминались съ ноги на ногу и стояли на своемъ. Учитель напрасно уговаривалъ ихъ придти завтра. Дѣло кончилось тѣмъ, что Сарафановъ схватилъ шапку и куда-то убѣжалъ. Черезъ десять минутъ онъ вернулся и сердито плюнулъ въ сторону.

— Бѣгалъ къ о. Михѣю, — уѣхалъ куда-то съ требой, докладывалъ Сарафановъ, утирая лицо платкомъ: — по пути забѣжалъ къ капитану, — куда-то тоже ушелъ. Ужъ я-бы задалъ этимъ продамъ...

Мы всѣ вернулись въ избу и, при свѣтѣ сальнаго огарка, по-крайней мѣрѣ въ теченіи цѣлаго часа, должны были присутствовать при чтеніи и осмотрѣ моихъ документовъ. Мужики оказались начальствомъ и стояли на томъ, чтобы я переночевалъ въ волости, до приѣзда урядника. Только благодаря неимовернымъ усиліямъ со стороны Лекандры и Сарафанова, мы кое-какъ со-

шлись на такихъ условіяхъ: я останусь спать въ избѣ, а въ сѣняхъ будетъ спать сотскій.

— Ну, пусть его спать на здоровье, проговорилъ Сарафановъ, когда переговоры были кончены.—Только и ироды: всю душу вытянули... Да что мы, вонокрады что-ли дались вамъ?!

— Мало-ли народу по новѣшнему времени, Павелъ Ивановичъ, разсуждалъ широкоплечій староста.—Другой—пальцемъ перешибить нечего, а за него наотвѣчаешься... Намеднисъ такъ-же было: пріѣхалъ какой-то, кто его знаетъ кто, пожилъ денька три, а потомъ въ Екатеринбургскую Недѣлю корреспонденцію написалъ... Это какъ по твоему? Такъ, хорошо, урядникъ былъ дома, а теперь его нѣтъ... Баринъ-то вонъ что говорить: „безъ всякаго дѣла пріѣхалъ“, а развѣ безъ дѣловъ кто поѣдетъ? Не тѣ времена...

— Ахъ, все это вы испортили, горячился Сарафановъ, обращаясь ко мнѣ.—И сказали-бы прямо: докторъ послалъ, и конченъ балъ. Вотъ гдѣ хаосъ!..

— Фу, глупость какая! сердился учитель, попыхивая папироской.—Надоѣли эти церемоніи... Даже оригинальнаго ничего нѣтъ.

Скоро появился и сотскій. Это былъ высокій кривой старикъ съ длинной загорѣлой шеей. На головѣ былъ надѣтъ триковый картузь. Небольшая бородка мочальнаго цвѣта украпала нижнюю часть лица. Когда онъ вошелъ въ избу, Сарафановъ и учитель только развели руками и громко захохотали.

— Вотъ такъ сторожъ! говорилъ Сарафановъ, заливаясь своимъ нерѣшительнымъ дребезжающимъ смѣхомъ.—Ты, Разсказъ, меня пришелъ караулить?

— Павлу Иванучу!.. развязно проговорилъ Разсказъ, поправляя одной рукой свалившіеся на глаза волосы, а другую протягивая Сарафанову.—Вы не по винной-ли части? обратился Разсказъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, не по винной.

— Такъ... А въ Екатеринбургскую Недѣлю корреспонденціи не пишете?

— Нѣтъ, не пишу.

— Да будетъ тебѣ, шутъ гороховый! говорилъ учитель.— Пойдемте на сѣнникъ... Лихо выспимся.

Стояла душистая лѣтняя ночь послѣднихъ чиселъ іюня. Мы

съ большимъ комфортомъ расположились на свѣжемъ сѣнѣ, только-что снятомъ съ огорода. Дѣлалось даже неловко отъ одуряющаго запаха душистыхъ травъ. Гдѣ-то лаяла собака; неугомонные пѣтухи перекликались черезъ всю деревню; простучала по улицѣ телѣга. Сѣноваль былъ покрытъ полусгнившими драницами; между ними свозило синими полосками ночное небо. Въ одномъ мѣстѣ заглядывала искристымъ фосфорическимъ свѣтомъ мигавшая звѣздочка, точно любопытный дѣтскій глазокъ. Я думалъ о Леандрѣ, который, свернувшись клубочкомъ, лежалъ въ двухъ шагахъ отъ меня.

— Анка, Анка... чтобы тебя розорвало, [окаянную! доносился откуда-то сдержанный голосъ Шептуна.

Опять тихо. Гдѣ-то далеко-далеко встаетъ обрывокъ пѣсни, и опять мертвая тишина, прерываемая смутнымъ, неяснымъ шепотомъ ночи... Ночная-ли птица шарахнетъ крыломъ о-земь, вѣтеръ-ли набѣжить,—трудно разобрать. Стараешься остановиться на мысли, что кругомъ тебя деревня, настоящая русская деревня, деревенскій здоровый воздухъ льется освѣжающей струей надъ этими полями, рѣкой, лѣсомъ, самый мѣсяцъ освѣщаетъ не многоэтажные каменные дома, не дремлющихъ у воротъ дворниковъ, не каланчу полицейской части, а бревенчатыя русскія избы. Отдохнуть каждой каплей крови, каждой нервной клѣточкой—вотъ единственное желаніе, которое теперь выражаетъ желаніе большинства русскихъ людей, не сѣющихъ и не собирающихъ въ житницы, не продающихъ и не покупающихъ. Да, отдохнуть...

— Вы не спите? спрашиваетъ Леандра.

— Нѣтъ.

Небольшая пауза.

— Зачѣмъ Шептунъ такъ бранить эту Анку? спросилъ я, прислушиваясь къ долетающимъ со двора звукамъ.

— Обыкновенная исторія: онъ старъ, она молода.

— Этого еще мало.

— Они живутъ гражданскимъ бракомъ. Дѣвку кровь душитъ, а стариченко еле на ногахъ держится. Вотъ и вздорять...

— Какъ-же вы...

— Вы хотите сказать: какъ я рѣшаюсь жениться на Анкѣ? Это я подшутилъ надъ Сарафановымъ. Пусть его поломаешь

голову... Ха-ха!.. Анка еще не пойдетъ за мсня. У ней отъ жениховъ отбоя нѣтъ.

— Вѣдь вы говорите, что она живетъ гражданскимъ бракомъ съ Шептуномъ?

— Это по нашимъ нравамъ вздоръ. Мы вѣдь еще живемъ „образомъ звѣринскимъ, схождахуса межи сель“. Пословица есть такая... Она немножко грубо звучить, но отлично выражаетъ взглядъ крестьянъ на отношенія половъ. Недавно отецъ спрашиваетъ одного мужика, который женился на беременной дѣвкѣ, зачѣмъ онъ не беретъ другую. Мужикъ почесалъ за ухомъ и говоритъ: „тѣмъ море не испоганилось, что псы полакали“... Мы смотримъ на женщину глазами Сарафанова, чтобы она была „въ родѣ какъ малина или вишня“, а крестьянину нужна работница, нужна будущая мать. Вѣнецъ все прикроетъ. Вы посмотрите, какъ цѣлую жизнь работаетъ деревенская баба, — именно какъ рыба о ледъ колотится... Всѣ эти ошибки молодости не могутъ имѣть здѣсь особеннаго значенія.

Молчаніе. Учитель раскуриваетъ папиросу.

— Скверно теперь у васъ въ городѣ?

— Какъ всегда.

— Одного не могу понять: зачѣмъ это люди лѣзутъ въ эти города. Ей Богу! Скажите пожалуйста: напримѣръ, нашъ братъ изъ семи кожъ вылѣзеть, а все-таки добьется своего, т. е. его допустить гдѣ-нибудь въ судѣ или въ какой палатѣ нажать геморрой. Обыкновенно говорятъ про какія-то удобства цивилизованной жизни, про общественную жизнь, про удовольствія... Вѣдь врутъ, все врутъ до послѣдняго слова! Какой-нибудь чиновникъ замуруетъ себя въ гнилую квартиру и пьетъ здѣсь горькую чашу, пока Господь не приберетъ грѣшную душу. Деньжонки завелись, — „винтить“ ночи на пролетъ. Тьфу!..

— Что-же въ деревнѣ дѣлать?

— Въ деревнѣ... Во-первыхъ, деревня деревнѣ рознь. Если взять наше Шатрово, здѣсь еще жить можно.

— Именно?

— Да вотъ хоть я: землю пашу. Отличная статья. Я, право, такъ радъ, что развязался со всей этой „цивилизацией“ Сарафанова. Свѣтъ увидалъ, а то такая мерзость на душѣ стояла — хоть въ воду. Видите-ли, былъ я въ университетѣ... По слу-

хамъ, ужь очень хорошо тамъ, значить и намъ туда-же надо. Своего ума нѣтъ, такъ чужимъ живешь. Ну, и мода на образованнаго человѣка, и дипломъ, и этакой приличный окладъ въ нѣкоторой туманной дали—все это имѣетъ свою прелесть. Потолкался я на людяхъ, дошелъ до третьяго курса медицины, а потомъ все и похѣриль...

— Почему такъ?

— Плутство одно, это наше образованіе самое—и больше ничего. Кричатъ про кулаковъ, что они такіе-сякіе, а я больше уважаю такого кулака, чѣмъ какого-нибудь доктора или учителя гимназіи. Кулакъ собственнымъ лбомъ, по крайней мѣрѣ, дорогу прошибъ, а докторъ или учитель доплыветъ до своего диплома на ту-же земскую стипендію. Тьфу!.. А какая была мода на этихъ докторовъ съ легкой руки нашихъ маститыхъ беллетристовъ: каждый такъ и смотреть героємъ... Насмотрѣлся я на нихъ, теперъ—палишь, знаемъ, чѣмъ подбиты эти всѣ герои. И главное, замѣтите, изъ тысячи человѣкъ одинъ занимается, а остальные съ грѣхомъ пополамъ только перелѣзаютъ изъ курса въ курсъ. Вотъ вамъ и все его геройство. По моему, нужно поставить науку какъ она въ Англии или въ Америкѣ, а не тянуть за уши. Идутъ за дипломомъ, а не за наукой... Вотъ я, когда перелѣзъ на третій курсъ, и началъ думать: къ медицинѣ я никакого влеченія не имѣю, да она и сама существуетъ только, какъ искусство для искусства.

— Именно?

— Возьмите доктора, что онъ дѣлаетъ? Вѣдь онъ шарлатанить изъ ста случаевъ въ девяносто-девяти... Одна только хирургія и вывозить, а остальное все гиль и чепуха! Морочать только богатыхъ купцовъ да нервныхъ барынь. Напримѣръ, приѣзжаетъ докторъ къ больному... Если больной—человѣкъ состоятельный, —онъ и безъ него поправится, если онъ бѣднякъ—еще скорѣе помретъ, потому что послѣдніе гроши снесетъ въ аптеку. Одинъ умираетъ отъ того, что спился съ кругу, ожирѣлъ или нажилъ какую-нибудь благородную болѣзнь; другой отъ того, что вытянулся на работѣ, съ холоду, съ горя, съ голоду... И въ томъ и въ другомъ случаѣ докторъ рѣшительно бесполезенъ. А что эти гигиеническіе совѣты ихніе, такъ это и безъ нихъ давно извѣстно. Вы войдите въ избу къ богатому мужику, особенно къ раскольнику: да всѣмъ этимъ нѣмцамъ, которые придумывали

гигіену, и во снѣ не снилось ничего подобнаго — такая чистота заведена, словно языкомъ все вылизано. И посмотрите, какой здоровый народъ. Вы можете считать мое мнѣніе за абсурдъ, а между тѣмъ оно совершенно справедливо. Когда этихъ докторовъ не было, развѣ люди не жили? Вся эта медицина выѣденнаго яйца не стоитъ на практикѣ и одно толченіе воды въ ступѣ, отъ котораго плачуть земскія денежки. Да-съ!..

Учитель замѣтно раздражился и говорилъ съ такимъ выраженіемъ въ голосѣ, точно ему кто-нибудь не вѣрилъ.

— Все это хорошо и, можетъ быть, въ вашихъ словахъ много правды, проговорилъ я, желая навести учителя на прежнюю тѣму: — но интересно, какъ вы дошли до мысли, что остается только землю пахать.

— Опять-таки не своимъ умомъ дошелъ, не безпокойтесь. У насъ свой-то умъ съ семи лѣтъ отшибаются... Былъ у меня одинъ товарищъ. Въ семинаріи мы съ нимъ вмѣстѣ учились. Дѣло было въ философіи. Крѣпкій былъ человѣкъ. Понимаете: сама натура. Учился, учился да однажды въ классѣ профессору и началъ отчитывать: „Чему вы насъ учите? Вотъ я девятый годъ давлю парту, а ни аза въ глаза не знаю... Мнѣ на вашихъ классиковъ наплевать!“ Взбѣсился человѣкъ совсѣмъ, а потомъ бросилъ все да въ мужики и ушелъ, землю пахать. Мы его уговаривать, перспективы тамъ разныя ему рисовать, а онъ намъ: „Дураки вы, дураки... Ничего-то вы не понимаете и не понять вамъ ничего. Я буду мужикомъ въ сто разъ счастливѣе васъ“... Вотъ, когда я былъ на третьемъ курсѣ, на меня это самое раздумье и напади... Тутъ я и вспомнилъ про товарища, написалъ ему горячее письмо и жду отвѣта. Пишетъ: „Приѣзжай; самъ увидишь. Твой Африканъ Неопалимовъ“. Кое-какъ дождался я лѣта, а потомъ къ Неопалимову, въ деревню. Отыскалъ его. Живетъ какъ мужикъ, и все тутъ. „Брось-ко, говоритъ, свою ученую дурь, да ступай въ мужики, если добра хочешь.“ Пожилъ я у него лѣто, присмотрѣлся... Ничего, дѣйствительно хорошо. Неопалимовъ давно былъ женатъ на крестьянской дѣвкѣ, дѣтишки были — отлично живутъ. Вернулся я въ Шатрово и свою медицину по боку: совѣстно стало чужой хлѣбъ заѣдать. Только сразу упроститься, какъ Неопалимовъ, у меня пороку не хватило. Придумалъ я, видите-ли, поступить учителемъ и составить такую компанію, чтобы лѣтомъ, когда у насъ, учителей, нѣтъ занятій, сельскимъ хозяйствомъ за-

няться. Собралось насъ человѣкъ шесть. Землю у башкиръ арендовали, обзаведеньишко сдѣлали и всякое прочее...

Левандра замолчалъ и сердито сплюнулъ на сторону.

— Ну, и что-же? спрашивалъ я.

— Все прахомъ пошло, какъ зданіе, возведенное на песцѣ. Дрянъ народишко мои учителя оказались и сейчасъ на попятный дворъ. Тутъ встати и случай подвернулся. Исправнику донесли, что мы коммунизмомъ занимаемся... Ну, то-се, пошла эта „московская волокита“, а потомъ—смѣшеніе языковъ и разбѣяніе народовъ. На повѣрку вышло такъ, что мы даже претерпѣли нѣкоторое гоненіе отъ „мучителя-фараона“; значить, все честь честью кончилось.

— А теперъ вы совсѣмъ упростились?

— Ну, этого еще сказать нельзя... Извольте-ка сразу разстаться со все этой глупостью, которая выросла съ золотыхъ дней дѣтства;—нѣтъ это не вдругъ. Опять и то смущаетъ: упростисься, а потомъ не вынесешь. Вотъ исподоволь и упрощаюсь. Теперъ состою учителемъ и землю у родителя арендую. Третій годъ свое хозяйство веду...

— Гдѣ-же оно у васъ?

— Верстахъ въ семи отсюда. Тамъ у меня и избенка огорожена, и прочее такое. Вотъ поживете здѣсь, забредете какъ-нибудь.

Наступило молчаніе. Упрощавшійся человѣкъ тяжело вздыхалъ. Очевидно, ему хотѣлось высказать еще что-то.

— Что-же мѣшаетъ окончательному упрощенію? спросилъ я.

— Вы не догадываетесь?

— Нѣтъ...

— Вотъ то-то и есть, а дѣло самое простое: развѣ мужицкое хозяйство можно поставить безъ бабы... Теперъ поняли? Интеллигентный человѣкъ амурь да идеалы разводитъ и видитъ въ женѣ... Ну, да чортъ съ нимъ со всѣмъ, что онъ видитъ! Упроститься-то я, пожалуй, совсѣмъ упростился, а когда дошло дѣло до бабы,—вотъ тутъ вся эта дрянъ, которая накопилась въ душѣ, и даетъ себя чувствовать. И себя загубить можно, и другого человѣка... Ну, возмешь деревенскую дѣвку, а потомъ вдругъ скучно покажется съ ней вѣкъ коротать,—все-таки большая разница. А можетъ быть, она будетъ счастливѣе за настоящимъ мужикомъ... Гмъ... это я вамъ скажу... Кажется, свѣтаеть?..

IV.

— Пойдемте купаться, будиль меня учитель раннимъ утромъ, когда солнце стояло еще въ золотистомъ туманѣ.— Утро-то какое... а?..

Учитель лежалъ на животѣ, положивъ свою бѣлокурую голову въ широкія ладони. Мнѣ ужасно не хотѣлось вставать, но желаніе съ этого-же дня начать настоящую деревенскую жизнь наконецъ превозмогло, и я быстро поднялся съ своей импровизированной постели. Мы осторожно спустились съ сѣновала по ветхой, дрожавшей подъ нашими шагами, лѣсенкѣ. Такъ и хотѣлось вернуться обратно и додернуть часокъ. Во дворѣ мы встрѣтили Анну. Она, съ высоко заткнутымъ подоломъ, выгоняла подоенныхъ коровъ.

— Анка, зачѣмъ ты на сарай ешь Лекандрѣ лѣзешь? доносился изъ избы голосъ Шептуна.— Вотъ я возьму колъ, да коломъ тебя, стерву!.. Анка!..

— Отвяжись, старый песь, ворчала дѣвка, храбро шагая съ хворостиной въ рукавѣ.

Мы вышли черезъ задній дворъ, гдѣ прыгала хромая лошадь, въ огородъ. Въ двухъ шагахъ, теперь покрытая густымъ бѣлымъ туманомъ, тихо катилась Шатровка, наклоняя прибрежные вербы и стоявшую въ водѣ осоку. Гдѣ-то подъ берегомъ гоготали гуси. Солнце заливало золотистымъ свѣтомъ оврестныя горы и золотыми искрами дробило свои лучи на золоченныхъ главахъ церкви. Учитель быстро раздѣлся въ ближайшихъ кустахъ, и только глухой всплескъ воды, распахнувшейся подъ его тѣломъ всплѣненной волной, показывалъ мѣсто, гдѣ онъ бросился прямо съ берега. Нѣсколько мгновений онъ не появлялся на поверхности, а потомъ только по фырканью и кряхтѣнью можно было опредѣлить, гдѣ онъ плыть въ туманѣ. Я попробовалъ послѣдовать его примѣру, но послѣ десяти минутъ, проведенныхъ въ холодной водѣ, у меня зубъ съ зубомъ не сходился. Оставалось вылѣзти изъ воды и одѣться.

— Что, замерзли? доносился голосъ учителя изъ тумана.

Онъ плавалъ еще съ полчаса и вылѣзъ изъ воды только тогда, когда все тѣло покраснѣло отъ холода и зубы стучали какъ въ лихорадкѣ. Приерывшись рукой, на манеръ Венеры Ме-

дичейской, Лекандра скрылся въ кустахъ, откуда все время его туалета доносилось какое-то забавное фуканье носомъ и кряканье. Солнце свѣтило ярче и ярче. Туманъ началъ ходить по рѣкѣ бѣлыми волнами, а потомъ бѣлоснѣжной пеленой тихо поднялся кверху, открывъ рѣку во всей ея красотѣ,—съ живописными берегами, выложенными ярко-зеленой осокой и кудрявой вербой, съ тихо скользящей водой, отражавшей въ себѣ и небо, и горы, и плававшія въ небѣ облачка.

— На нашемъ солнышкѣ грѣтесесь... подъ самымъ моимъ ухомъ произнесъ чей-то пріятный басокъ.

Когда я оглянулся, то чуть не стукнулся лбомъ съ высокимъ священникомъ, облеченнымъ въ бѣлоснѣжный пикейный подрясникъ и съ широчайшей панамой на головѣ. Онъ съ добродушной улыбкой протянулъ мнѣ свою пухлую, какъ подушка, десницу и тѣмъ же баскомъ проговорилъ:

— Честь имѣю рекомендоваться: шатровскій попъ Михѣй... Чай, слыхивали про такого звѣря?

— А... это ты, родитель? отозвался Лекандра изъ-за кустовъ.— Купаться вышелъ?

— Да, немного нужно освѣжить свою грѣшную плоть...

Грѣшная плотъ о. Михѣя представляла нѣчто совершенно особенное, въ родѣ тѣхъ наливныхъ яблокъ, которыя вотъ-вотъ расколются, только пошевели пальцемъ. Его высокая фигура была необыкновенно развита въ ширину, такъ что спина была выгнута совсѣмъ жолобомъ, какъ у закормленной купеческой лошади. Плечи и грудь представляли какую-то вздутую массу, которая выпирала изъ подъ пикейнаго подрясника, точно тамъ были нарывы. Круглое обрюзгшее лицо было сѣраго геморроидальнаго цвѣта; около небольшого носа луковицей, какъ въ маслѣ, плавали два узкихъ сѣрыхъ глаза. Щеки, походившія на подушки, обросли тощей бородкой. Изъ подъ панамы выбивались двѣ крошечныхъ косички.

Замѣтивъ мой пристальный взглядъ, о. Михѣй съ неизмѣнной добродушной улыбкой проговорилъ:

— Угадайте-ка, сколько мнѣ лѣтъ?.. Нѣтъ, не угадать. Шестьдесятъ лѣтъ дней странствія моего въ юдоли плача, а еще, кажется, ничего...

Въ подтвержденіе своихъ словъ, о. Михѣй молодцовато повернулъ сначала одинъ бокъ, потомъ другой. Послѣ этой вы-

ходки, онъ опустился на траву рядомъ со мной и заговорилъ такимъ тономъ, точно мы вчера съ нимъ разстались:

— Вотъ что, батенька, вы завертывайте ко мнѣ чайку напиться... У насъ по просту, безъ чиновъ. Мой нигилистъ васъ проведетъ. Познакомились съ нимъ? Ха-ха... Парень ничего, только немного дыра въ головѣ... Такъ вы отсюда прямо ко мнѣ. Я ужь послалъ за Павломъ Ивановичемъ.

Я поблагодарилъ за приглашеніе и попробовалъ было отказаться подъ предлогомъ ранняго утра.

— Да у насъ городъ, что-ли? У меня старуха давно ужь скрипитъ по всему дому... Слышите: заходите. Покалякаемъ, побалагуримъ, а ежели меня разсердите—хуже будетъ.

— Мы, дѣйствительно, отправимтесь въ родителю, говорилъ учитель, появляясь изъ-за кустовъ.

— А... нигилистъ, будущій Аненинъ мужъ, встрѣтилъ сына о. Михѣй и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ: — Вотъ разсудите насъ: одинъ сынъ у меня докторомъ (о. Михѣй степенно отогнулъ на шуйцѣ указательный палецъ, пухлый, какъ у новорожденнаго), второй товарищъ прокурора (о. Михѣй отогнулъ средній палецъ), три сына довершаютъ свое образованіе въ университетѣ, а шестой сынокъ вздумалъ въ податное состояніе обратиться... А-а, вотъ тебя, дружище, и нужно! закричалъ зычно о. Михѣй, завидѣвъ поспѣшно приближавшагося Сарафанова.—Иди, иди сюда, мы дадимъ тебѣ судъ и расправу... На кого ты меня промѣнялъ, Павелъ Ивановичъ? Не ожидалъ я отъ тебя этого, нѣтъ, не ожидалъ!..

— Наивно вамъ говорю, о. Михѣй, это все вотъ они, оправдывался Сарафановъ, указывая на меня.—Ужъ я зналъ, что мнѣ попадетъ за это... Повинную голову и мечъ не счѣть, о. Михѣй!

— Хорошо, хорошо: у Федорки вездѣ отговорки, добродушно гудѣлъ о. Михѣй, подхватывая Сарафанова подъ руку.—Пойдемъ купаться. Мнѣ одному скучно... А слышалъ, мой-то нигилистъ, женится...

— Хаотическій человѣкъ, о. Михѣй, проговорилъ Сарафановъ, разводя руками.—Чистая грація!.. А только купаться не пойду, о. Михѣй: натура у меня не принимаетъ. Я лучше на бережѣ посижу.

— Нѣтъ, вре-ошь, Павелъ Ивановичъ! увлекая Сарафанова, гудѣлъ о. Михѣй.—Ты ужь меня разь-надулъ...

— Намвно вамъ говорю: ревматизмъ въ ногахъ...

— Шалишь.

Пикейный подрясникъ и панама о. Михѣя скрылись за кустами. Мы съ Лекандрой побрели къ избушкѣ о. Михѣя, которая стояла какъ разь противъ церкви и такъ привѣтливо издали глядѣла своими небольшими окошечками съ бѣлыми ставешками. Это былъ прелестный сельскій домикъ съ низкой зеленой крышей, весь потонувшій въ вишневомъ садикѣ. Широкой дворъ былъ усыпанъ мелкимъ песочкомъ и дѣлился на части нѣсколькими изгородами. Въ этихъ загородкахъ бродило не мало отличныхъ лошадей, помѣсь кровныхъ киргизовъ съ заводскими. О. Михѣй былъ великій любитель и знатокъ лошадей; его вонскій заводъ пользовался большой извѣстностью. Въ глубинѣ двора виднѣлись—дѣлный рядъ конюшенъ, нѣсколько амбаровъ, громадный сѣноваль и баня. Видъ домика со двора былъ еще лучше, потому-что онъ, низенькой террасой, затянутой маркизой, выходилъ прямо въ цвѣтникъ. Эту мирную картину довершало кудахтанье голенастыхъ кохинхинскихъ куриць, бродившихъ по двору подъ руководствомъ горластаго рыжаго пѣтуха. Изъ окна кухни выставлялась голова Разказа, который дружелюбно мигалъ въ нашу сторону своимъ единственнымъ окомъ.

— Разказъ отличный наѣздникъ, объяснялъ Лекандра:— всѣхъ лошадей выѣзжаетъ у родителя. А вонъ и мамынька чай разводить...

На террасѣ, около большаго стола, накрытаго бѣлой камчатной сватертью и уставленнаго чашками и печеньями на маленькихъ фаянсовыхъ тарелочкахъ, суетилась небольшого роста дама съ папирской въ зубахъ. При нашемъ приближеніи, она прищурила сѣрые выцвѣтшіе глаза. Лѣтнее изъ суроваго полотна платье, какая-то накидка на плечахъ и шелковая сѣтка на головѣ показывали, что матушка не хотѣла быть деревенской попадьей и держала себя на городскую ногу. До этого времени мнѣ ни разу не случалось видѣть матушекъ съ папирсами, и я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сморщенное, желтое лицо улыбающейся дамы.

— Вотъ гостя привелъ, мамынька, рекомендовалъ меня Лек-

кандра.—А, да тутъ цѣлый капитанъ еще сидитъ... Наше вамъ, Гордѣй Ѳеодорычъ!

— Здравствуйте, г. нигилистъ, отозвался сгорбленный, сѣднѣвый старичекъ въ китель.

Я только теперь могъ разсмотрѣть его съезжившуюся фигурку изъ-за большого томпаковаго самовара, сильно походившаго на о. Михѣя по своей тучности.

— Вы къ намъ лечиться пріѣхали? спрашивала меня матушка.

— Отдохнуть...

— И хорошо сдѣлали: у насъ вонъ какія отличныя мѣста... О. Михѣй, когда кончилъ курсъ въ семинаріи, былъ тоньше соломенки, а года три послужилъ въ Шатровѣ и раздобрѣлъ. У насъ здѣсь воздухъ очень хорошъ.

Мнѣ оставалось только согласиться, потому что ужъ какого же еще можно было ожидать воздуха, когда о. Михѣй изъ соломенки могъ превратиться въ настоящей свой видъ. По правдѣ сказать, мое воображеніе совсѣмъ отказывалось представить себѣ о. Михея, когда онъ только что кончилъ курсъ въ семинаріи. Капитанъ опять съѣжился на своемъ стулѣ и наблюдалъ меня мигающимъ, слезившимся взглядомъ. Это былъ совсѣмъ выдохшійся старецъ, съ сѣдыми нависшими бровями и щетилистыми, порѣжѣвшими отъ табачнаго дыма усами, которые ужасно походили на старую зубочистку. Онъ имѣлъ такой видъ, какъ-будто долго гдѣ-то лежалъ въ затхломи и сырости мѣстѣ и теперь вынули его провѣтриться.

— А что ваша Тонечка? спрашивала матушка, подавая капитану стаканъ удивительно крѣпкаго чаю.—Я что-то давненько ее не видала...

— Нездоровится ей, нездоровится, Калерія Валерьяновна, отозвался капитанъ, памкая и пришепетывая.—Дѣвичье дѣло, дѣвичье... Хе-хе! Не побережется, не побережется, а теперь жалуется... жалуется, что голова болитъ... Молодость!.. Да!..

Самый голосъ у капитана былъ какой-то выпѣвѣтый, съ сухими безжизненными нотами, точно скрипѣло сухое дерево. Лекандра низко наклонилъ свое розовое лицо надъ самымъ ставаномъ и, кажется, былъ исключительно занятъ процессомъ глотанія душистаго напитка. Мнѣ показалось, что Лекандра съ намѣреніемъ избѣгалъ встрѣчи съ прищуренными глазами

своей „мамыньки“ и какъ-то странно подыалъ кверху свои блѣбрысыя брови, когда она заговорила о Тонечкѣ.

— Миръ вамъ и мы къ вамъ, загудѣлъ о. Михѣй, вваливаясь на террасу. — Посмотрите, какъ я выкупалъ Павла Иваныча. Ха-ха! Вотъ тебѣ и ревматизмъ...

— Чуть не утопили-съ, ей Богу! Наивно вамъ говорю, увѣрялъ Сарафановъ, стараясь вылить воду изъ уха. — Ахъ, Калерія Валерьяновна... Здравствуйте!.. Сократите, пожалуйста, о. Михѣя, а то они меня совсѣмъ было того... ужъ захлебываться сталъ.

— Какъ это ты въ самомъ дѣлѣ неосторожно все дѣлаешь! проговорила матушка, покачивая кругленькой головкой, какъ дѣтская фарфоровая куколка.

— Пошутить... Эка важность! Онъ меня тоже надулъ: на Шептуна промѣнялъ. И слѣдовало утопить, только до другого раза оставилъ.

— А... старичку, Гордѣю Федорычу, наше почтеніе! говорилъ Сарафановъ, чуть не сѣвъ на капитана. — А я, право, даже не замѣтилъ васъ съ перваго раза... Хе-хе!..

— Да гдѣ его замѣтишь... Ишь, какой варманный образъ ему природа-то дала! добродушно басилъ о. Михѣй, пока Сарафановъ держалъ въ своей лапицѣ сухую, желтую ручку капитана.

Лицо о. Михѣя было теперь мертвенно блѣдно и скоро покрылось крупными каплями пота. Выпивъ залпомъ ставанъ чаю, онъ проговорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Послушайте, батенька, не знаете-ли вы какаго нибудь средства противъ геморроя?.. Совсѣмъ замучилъ, проклятый!

— Ахъ, о. Михѣй, вѣдь мы, кажется, чай пьемъ... жеманно вступилась матушка, какъ-то забавно вострепенувшись своими коротенькими ручками. — Ты всегда...

— Что всегда: что есть, то и говорю!.. У кого чего болить...

— Пожалуйста, перестань!.. Вонъ Тонечка идетъ... Ахъ, здравствуйте, Тонечка, легки на поминѣ, — мы только что о васъ сейчасъ говорили...

— Врѣшь, по возможности тихо прошепталъ о. Михѣй, но этотъ шепотъ походилъ на то, что если-бы кто нибудь прошепталъ въ пустую бочку.

Тонечка была бѣлокурая, граціозная дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Ея небольшое, правильное лицо, съ большими умными темными глазами, было красиво отѣнено широкой соломенной шляпой съ букетомъ незабудокъ на отогнутомъ полѣ. Она короткими шажками, едва прикасаясь къ землѣ, вошла на террасу и спокойно поздоровалась со всѣми. Сарафановъ, какъ галантный кавалеръ, приложился мокрыми губами къ ея миниатюрной ручкѣ съ просвѣчивавшими синими жилками, выгнувъ свою широкую спину, какъ это дѣлаютъ бильярдные игроки. Ситцевое простенькое платьѣ красиво сидѣло на маленькой фигуркѣ дѣвушки и цѣломудренно собралось около ея бѣлой шейки широкой розеткой.

— А я пришла къ вамъ, Калерія Валерьяновна, за хиной, проговорила дѣвушка.

— И вы вѣрите въ эту латынскую кухню, Антонина Гордѣвна? вступился о. Михѣй.

— А то какъ-же? Противъ лихорадки отлично помогаетъ...

— Пустяки! Это только такъ кажется. Вотъ у меня...

— Ахъ, о. Михѣй, пожалуйста! взмолилась матушка.

— Ну, ну, не буду. Я пошутить... Ха-ха!.. Спроси вонъ у капитана, онъ испыталъ. Какъ заберетъ, — мѣста не найдешь... Не буду больше, не буду. Вотъ мы съ Павломъ Ивановичемъ относительно цивилизаціи побесѣдуемъ.

Тонечка просидѣла не долго. Она все время потирала свои маленькія ручки, какъ это дѣлаютъ съ холоду, и ежила худенькими плечиками. Лекандра нѣсколько разъ съ улыбкой посматривалъ на дѣвушку и, наконецъ, проговорилъ про себя:

— Нервы...

— Вы что этимъ хотите сказать? смѣло спросила Тонечка.

— А то и хочу сказать, что у всѣхъ барынь одна болѣзнь: нервы. Глаза этакъ закатить (Лекандра изобразилъ, какъ барыни закатываютъ глаза): „Ахъ, у меня нервы“...

— Вы, Антонина Гордѣвна, не слушайте его, вступился опять о. Михѣй.—Я вамъ дамъ отличный совѣтъ: ѣшьте сырое мясо, пейте сырыя яйца... Вотъ я, — я былъ хуже васъ!.. А теперь, кажется, слава Богу, только вотъ... Ну, да это васъ не касается. А вы слышали нашу послѣднюю новость: Никандръ Михѣичъ женятся. Да-съ. И знаете, на комъ?

— На дамѣ женюсь, отозвался Лекандра. — Она будетъ

въ оборкахъ да въ бантахъ ходить, а я ее хлѣбомъ буду кормить.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ женится... На работницѣ Шептуна. Можетъ быть видали?

Всѣ засмѣялись. Сарафановъ дергалъ капитана за рукавъ и разсыпался своимъ дребезжащимъ нервѣнительнымъ смѣхомъ, откидывая голову назадъ. По лицу капитана проползло что-то тоже въ родѣ улыбки, отъ которой вся кожа покрылась мельчайшими морщинками и зашевелились подъ желтыми усами синія губы.

— Ужъ только и о. Михѣй, умиленно шепталъ Сарафановъ: слово скажутъ—одна грація...

Дѣвушка вопросительно вскинула свои темносѣрые глаза на Леандру и улыбнулась болѣзненной, умной улыбкой. Скоро она ушла своими короткими шажками.

— Вы не смотрите на него, что онъ карманный, говорилъ о. Михѣй, обращаясь ко мнѣ и тыкая капитана своимъ перстомъ въ высохшую грудь:—у него въ головѣ-то такіе узоры наведены, что намъ и во снѣ не снилось.

— Какіе тамъ узоры, какіе узоры, шепталъ капитанъ, отмахиваясь отъ словъ о. Михѣя, какъ отъ комаровъ.

— Вы спросите-ка Шептуна... Будутъ они помнить Гордѣя Федорыча.

— Чего помнить... нечего помнить. Дѣло полюбовное, по закону дѣло... Все по закону.

— Вотъ они и чешутъ въ затылкахъ-то отъ вашихъ законовъ. Видите-ли, капитану, до освобожденія крестьянъ, принадлежала половина Шатрова, а другая половина—нѣмцу Фурману. Хорошо... Когда стали составлять уставную грамоту, капитанъ и уговорилъ своихъ бывшихъ крестьянъ принять отъ него даровой надѣлъ, по осьминѣ на душу. Тѣ съ большого ума и согласись. А теперь у капитана же и должны арендовать землю по десяти рубликовъ за десятину... Какъ это вамъ понравится? У насъ землю-то продаютъ по семи рублей за десятину.

— Зачѣмъ-же они арендуютъ землю у Гордѣя Федорыча, если могутъ купить въ собственность дешевле? спрашивалъ я.

— Вотъ тутъ-то и есть корень вещей: земля-то покупная далеко, надо переселяться на нихъ, а капитанова земля подъ

бОВОМЪ. У капитана всякое лыко идетъ въ строку: онъ за выгоны беретъ отдѣльно, за потравы отдѣльно, за лѣсъ отдѣльно. То-есть, я вамъ скажу, настоящій художникъ! Видѣли лѣсъ? Это все капитановъ лѣсъ: мы ему за каждую жердочку платимъ дикую пошлину. А фабрику замѣтили? Ха-ха... Этакую штуку и самому Бисмарку не придумать: стоитъ зданіе, понимаете, одно зданіе—и больше ничего, а капитанъ ежегодно двадцать тысячъ себѣ въ карманъ да въ карманъ. Вотъ какъ добрые люди живутъ, а не то, что мы грѣшныя: по грошикамъ, да по копѣечкамъ.

Сарафановъ умиленными глазами смотрѣлъ на капитана, какъ жаждущій на источникъ живой воды. Онъ преклонялся предъ геніемъ капитана.

— Я не принуждаю никого, не принуждаю... По добровольному соглашенію, да, соглашенію, говорилъ капитанъ, совсѣмъ исчезая въ облакахъ дыма.

— Хорошо соглашеніе, ворчалъ учитель.—Тысячу человѣкъ пустилъ по міру,—вотъ и все соглашеніе.

— Что-же, я, по вашему, по вашему, фаланстеріи буду устраивать на своей землѣ? спрашивалъ капитанъ.

V.

Проживъ всего нѣсколько дней въ Шatroвѣ, я какъ-то сразу сросся съ его интересами, злобами дня и разными болѣе или менѣе проклятыми вопросами. Да и невозможно было съ головой не погрузиться въ этотъ маленькій мірокъ, который задыхался подъ вѣяніями времени. Рознь шла сверху до низу. Мечты о деревенскомъ воздухѣ, о наслажденіи природой, о равновѣсіи элементовъ такъ и остались мечтами. Той идеальной деревни, описанія которой мы когда-то читали у нашихъ любимыхъ беллетристовъ, не было и помину: современная деревня представляетъ арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремленія и инстинкты. Перестройка этой, если позволено такъ выразиться, классической деревни, съ семейнымъ патріархатомъ во главѣ и съ общиннымъ устройствомъ въ основаніи, совершается на нашихъ глазахъ, такъ-что можно прослѣдить во всей послѣдовательности это броженіе взбаломученныхъ рядомъ реформъ элементовъ, нарожденіе но-

выхъ комбинацій и постепенное наслоеніе новыхъ формъ жизни. Нынѣшняя деревня это — химическая лабораторія, въ которой идетъ самая горячая, спѣшная работа. Центръ тяжести, искусственно привязанный нашей исторіей къ жизни городовъ, самъ собой перемѣстился въ деревню.

— Ну, что, Америку открываете? спрашивалъ меня о. Михѣй каждый разъ, когда мы встрѣчались.—Нѣ-ѣтъ, батенька, не тѣ времена, чтобы лежать на боку да плевать въ потолокъ. Перестраиваемся, голубчикъ, перестраиваемся... Послушайте-ка, что мужички-то калякаютъ. Павелъ Иванычъ, вѣдь, правду вретъ про самовары-то да цивилизацію. Умственный мужикъ пошелъ. Все самъ хочетъ знать: какъ и что на свѣтѣ дѣлается. Газеты выписываетъ... Да и кулаки эти ужъ просвѣщаютъ ихъ на всѣ бока: поневолѣ задумаешься.

О. Михѣй былъ очень начитанный человекъ и слѣдилъ за журналами. Голова у него была крѣпкая, только на все кругомъ себя онъ смотрѣлъ какъ-то не то сверху, не то со стороны. И, главное, все ему смѣшно. Гдѣ онъ набрался этого добродушія—Богъ его вѣдаетъ. Самой хорошей чертой въ немъ было то, что онъ и на себя смотрѣлъ тоже какъ-то со стороны, съ подковыромъ.

— Вы возьмите-ко нашего брата, поповъ, ораторствовалъ онъ, похаживая по комнатѣ такими шагами, что половицы только гнулись и поскрипывали. — Прежде попъ былъ притча во языцѣхъ, послѣдняя спица въ колесницѣ, а нынче и мы себѣ цѣну узнали. Это прежде мужика простецомъ считали, а вы пощупайте-ка хоть Шептуна!.. Это, батенька, министр...

Шептунъ и Разказъ были закадычными пріятелями, вѣроятно потому, что трудно было подыскать двухъ такихъ противоположныхъ людей. Шептунъ былъ крѣпкій старикъ и игралъ выдающуюся роль на сходахъ. Онъ не проговоритъ слово даромъ, и все у него выходило какъ-то особенно складно. Находчивость въ отвѣтахъ, живость, убійственная острота—вотъ чѣмъ онъ бралъ, и, часто, нужно было много подумать, чтобы добраться до истиннаго значенія его рѣчей. Главнымъ образомъ, онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ запутывать свою мысль, какъ заяцъ путаетъ свои слѣды. Сравненія, прибаутки, шуточки таеъ и сыпались съ его посинѣлыхъ губъ. „Шептунъ сказалъ“, говорили часто вмѣсто отвѣта, или: „спроси у Шептуна, онъ тѣ скажетъ.“

— Ну, что, Шептунъ, какъ у васъ съ капитаномъ дѣло?

— Это отъ антеллеріи-то? А ничего, милый, капитаномъ мы довольны... Бога за него благодаримъ. Да. Капитанъ у насъ славный. Даровой осьмухой насъ благословилъ. У насъ и попъ Михѣй тоже ничего. Супротивъ капитана ему не сдѣлать, а славный попъ. Вишь, какъ ему весело... Въ соху-бы запречь, такъ пожалуй, смѣху-то убыло-бы.

Разсказъ былъ увлекающаяся, поэтическая натура, растворявшаяся въ настоящемъ. Все, что онъ ни дѣлалъ, было результатомъ порывистаго желанія немедленно осуществить свою мысль. Какъ истинный поэтъ, онъ былъ бѣднѣе Шептуна и часто выслушивалъ отъ него очень горькія истины относительно своего безшабашнаго житья. Къ людямъ онъ относился довѣрчиво и съ перваго разу любилъ или ненавидѣлъ. Вообще, рядомъ съ Шептуномъ, это былъ настоящій ребенокъ. Поэтическая точка возрѣнія на весь міръ заслоняла предъ нимъ тѣ пружины и внутренніе мотивы, которые заставляли этотъ міръ радоваться и плакать, мучиться и наслаждаться. Какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ слѣпо преклонялся предъ успѣхомъ и удачей, забывалъ неудачи и оскорбленія и постоянно нуждался въ руководителѣ.

Интересно было наблюдать, когда Шептунъ и Разсказъ выйдутъ вечеромъ за ворота и, сидя на завалинѣ, калякаютъ между собой.

— Ну, чего ты слоны-то продаешь?! корить Шептунъ своего благопріятеля.— Выѣздишь ты пятерыхъ жеребцовъ у попа, а онъ тебѣ двугривенный въ зубы... Эхъ, ты, рухлядь!

— Ты умень, пробуетъ иронизировать Разсказъ.

— Съ твое-то будетъ ума... Не пойду къ попу за двугривенный-то лобъ парить да вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутреней.

— Ладно, рассказывай. Знаемъ... Тоже вотъ тогда, какъ отъ антеллеріи-то...

Это обыкновенный исходъ всѣхъ подобныхъ разговоровъ, потому что капитанъ былъ единственное слабое мѣсто, въ которое можно было уязвить Шептуна. При составленіи уставной грамоты, Шептунъ одинъ изъ первыхъ поддался на удочку капитану и теперь несъ на себѣ кару за этотъ промахъ. Какъ

это вышло, что Шептунъ опростоволосился, я долго не могъ себѣ представить

— Што капитанъ? Ну, што ты говоришь мнѣ: капитанъ? Разъ я у него былъ въ тѣ поры на умѣ? Чужая душа—потемки, известное дѣло. Да кабы знатье... то есть вотъ пополамъ перекусить его, прохиря, и весь разговоръ!

— Намеднись я иду мимо Прошкина кабака, уже спокойно продолжаетъ Разсказъ, совершенно довольный, что уязвилъ Шептуна. — Попадаются моховики... *). Грудно такъ иду, артелкой. Афонька Спиридонихинъ, Микѣшка Гуцинъ, Естюшка... Ну, идутъ, калякаютъ промежду себя, а на дворъ ужъ темнается. Я, эдакъ, маненичко притулился за уголь и думаю, пусть, молъ, пройдутъ своей дорогой. По разговорю, значить, слышу, что онѣ маненько тово, заложили за ухо-то... Еще, пожалуй, съ пьяныхъ-то глазъ въ загривокъ наладутъ. Стою эдакимъ манеромъ за уголь и слушаю. „Этихъ-бы сивыхъ чертей, говорить Естюшка,—взять, говорить, за бороды да о-земь, потому самому, што онѣ насъ на вѣки вѣчныя времена въ раззоръ привели...“ Это, выходитъ, они про насъ такъ-ту разговоры разговариваютъ. А Микѣшка Гуцинъ на это: „Тутъ дѣло не просто: подкупилъ ихъ тогда этотъ самый капитанъ, либо напоилъ, вотъ они и продали... Осьмуху-то немного укусишь! Вонъ у шаблинскихъ али у болтинскихъ — все по божескому сдѣлано. Только мы не въ людяхъ люди! Надо, слышь, этихъ стариковъ встряхнуть когда ни-на-есть: они заварили кашу, они и расклебывай?“ „Чего тутъ толковать, братцы“, говорить Афонька: — „вонъ взять нашихъ фурманскихъ: не поддаются и шабашъ. Только мы одни не къ шубѣ рукавъ“.

— Ахъ, псы эдакіе! ругается Шептунъ.—По заугольямъ-то ихъ много, а доведись до дѣла—такъ и нѣтъ никого... Естюшка и то было разъ сцапалъ меня за бороду въ кабакѣ у Прошки.

— Н-но!

— Вѣрно. „Ты, говорить, такой-сякой, насъ по міру пустиль“. Ей-Богу! Тогда чуть меня отняли... Парень могутный, поднесетъ раза—и духъ вонъ. Кабы помоложе былъ, я бы ему завязалъ языкъ-отъ. Тогда на сходѣ учили муторить—што-не што до полѣньевъ дѣло не дошло.

*) Изъ доревни Моховой.

„Дѣло“, № 5, 1882 г. I.

— А ты слышалъ, что посредственникъ къ намъ ѣдетъ?

— Это на счетъ фурманскихъ?

— То само собой. Кулумбаевскихъ да ирнабаевскихъ башикирь будутъ межевать. Вѣрно тебѣ говорю. Попъ Михѣй сказывалъ.

— Вреть, поди?

— Чего ему врать. Сказано: ѣдетъ, — значить, взаболь *) ѣдетъ.

— Лонисъ **) тоже приѣзжалъ посредственникъ-то, да што изъ этого толку вышло?

— А ежели у него бумага вышла изъ Питенбурха? Собреть сходить, бумагу заставить читать — тутъ, парень, слушай: Михѣй сказываетъ, кулумбаевскимъ плохо придется: замежутъ ихъ. Къ заводамъ всю землю отведутъ, потому у нихъ бумага.

Такъ сидятъ старики и балагурятъ. Невеселые разговоры у нихъ и всегда има капитана появляется на первомъ планѣ. Капитанъ, дѣйствительно, пустилъ съ сумой половину Шатрова. Принявъ даровой надѣлъ, крестьяне сидѣли въ рукахъ капитана, по выраженію Шептуна, „все одно какъ рыба въ неводу“. Нищенскій даровой надѣлъ приходился имъ теперь солоно. Арендную цѣну на свою землю капитанъ поднялъ на неслыханную высоту и, кромѣ того, изморомъ морилъ на каждомъ шагу. Только необыкновенно плодородная земля спасала ихъ еще отъ конечнаго раззоренія, а впереди предвидѣлось самое худшее. Съ нарастаніемъ населенія на душу приходилось меньше осеминника. Молодые мужики, которыхъ о. Михѣй называлъ умственными, не давали старикамъ проходу за даровой надѣлъ. Мнѣ случилось присутствовать на одномъ сходѣ, гдѣ дѣйствительно чуть не произошла свалка.

Вторая половина Шатрова принадлежала помѣщику фонъ-Фурманъ. Это былъ обломокъ одной изъ тѣхъ фамилій, которыя происходили отъ „случайныхъ людей“ восемнадцатаго вѣка. Въ своихъ уральскихъ помѣстьяхъ самъ фонъ-Фурманъ никогда не бывалъ, а всѣмъ дѣломъ заправлялъ его повѣренный, конечно, тоже нѣмецъ, какой-то Госсенбахъ. Наученные опытомъ капи-

*) Взаболь — дѣйствительно, въ самомъ дѣлѣ.

**) Лонисъ — въ прошломъ году.

тановскихъ крестьянъ, бывшіе крѣпостные Фурманъ не соглашались принять даровой надѣлъ. Изворотливый нѣмецъ отвелъ имъ землю наполовину въ болотѣ, наполовину солончакъ. Крестьяне не согласились принять отведенный надѣлъ, и это дѣло теперь тянулось изъ года въ годъ. Отведенная земля пустовала, крестьяне отказывались платить выкупныя деньги, начальство выбивалось изъ силъ, чтобы привести стороны въ соглашенію. Только возможность арендовать башкирскія земли, „пахать въ башкырахъ“, какъ говорятъ здѣсь, давала возможность и средства фурманскимъ крестьянамъ вести эту непосильную борьбу.

Мнѣ приходилось быть невольнымъ свидѣтелемъ семейной жизни Шептуна. Анка по цѣлымъ днямъ была занята самой тяжелой черной работой, какая неразлучна съ крестьянской жизнью. Раннимъ утромъ она должна была подоить коровъ, выгнать ихъ въ стадо, потомъ до полудня гремѣла горшками и ухватами въ своей избѣ. Послѣ обѣда новая работа—или въ огородѣ, или во дворѣ. Только подъ вечеръ у Анки оставалось свободнаго времени съ часъ, который она неизмѣнно проводила всегда за воротами: прислонится къ веревѣ да такъ и стоять. Изрѣдка перебросится словечкомъ съ сосѣдкой или обругаетъ какого-нибудь парня, который дастъ волю рукамъ. Глядя на этотъ безустанный трудъ, на это полное одиночество, право, едва-ли у кого-нибудь поднимется рука бросить камнемъ въ эту „блудницу“, какъ о. Михѣй называлъ Анку. Что ее заставило отдаться Шептуну? Неопытность, нужда, расчеты?.. О чемъ думало это полное силъ человѣческое существо и въ состояніи-ли оно было о чемъ-нибудь думать?.. Разъ мы съ Сарафановымъ прилегли послѣ обѣда вздремнуть на сѣновалѣ. Зной такъ и стоялъ въ воздухѣ; дѣлать что-нибудь не было просто никакой физической возможности. Сквозь тяжелую дрему до меня донеслись звуки пѣсни, которую кто-то пѣлъ въ полголоса въ огородѣ Шептуна. Въ щель сѣновала я увидаль Анку, которая полола гряды съ картофелемъ и потихоньку мурлыкала про себя. Слова пѣсни обрывками долетали до моего уха, но они краснорѣчиво говорили сами за себя: тутъ были и „родимый батюшка съ матушкой“, и „чужая сторонюшка“, и „дѣвичье горе-гореваньце“. Я вышелъ въ огородъ и присѣлъ на обрубокъ дерева, недалеко отъ Анки. Мое присутствіе, повидимому, нисколько не стѣсняло ее. „Пришелъ, вылупилъ шары,

ну и сиди, чортъ съ тобой!“ Форма выраженія мыслей Анки не отличалась особенной нѣжностью или граціей. Да и чего ей было стѣсняться? Вѣдь эта грустная пѣсня была такъ-же естественна, какъ аромать вотъ этихъ „лазоревыхъ цвѣтиковъ“, или какъ теплота солнечнаго луча.

— Очень граціозно, Аннушка, говорилъ Сарафановъ, появляясь тоже въ огородѣ. — Вотъ этакъ-то лучше, умница... И намъ, старичкамъ, въ охотку послушать деревенскихъ-то пѣсень!

Анка отнеслась такъ-же безразлично и къ присутствію Сарафанова, точно мы для нея были не живыми людьми, а чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ обрубковъ, какіе валялись у Шептуна въ огородѣ. Сарафановъ былъ очень чувствительный человѣкъ, пѣсня его скоро разжалобила

— Охъ, Аннушка, Аннушка... говорилъ онъ, покачивая головою. — Замужъ-бы тебя за хорошаго мужика!.. Было-бы и дровъ, и лучины. По крайности, знала-бы, для кого работала.

— Отвяжись, сѣра горячая!

— Нѣтъ, я такъ... къ слову.

Вечеромъ Анка не стояла у воротъ. Она спряталась въ темную баню и тамъ заливалась рѣка-рѣкой.

— И нужно было говорить! корилъ я Сарафанова.

— Чистый хаосъ... Ахъ, грѣхъ его бей!.. Да, вѣдь, я по душѣ ее пожалѣлъ... Вотъ и поди!

VI.

Каждый день исправно я отправлялся въ поле и всегда заходилъ къ Лекандрѣ, въ его хуторъ. Этотъ хуторъ былъ верстахъ въ пяти отъ Шатрова, сейчасъ за капитанскимъ лѣсомъ. Земли у Лекандры было десятинъ восемь. Теперь она представляла волнистый коверъ доспѣвавшей пшеницы, ржи и овса. Небольшая избушка была прилѣплена къ самому лѣсу, и съ ея порога открывался чудный видъ на рѣку Шатровку, красивымъ извивомъ тонувшую среди безконечныхъ нивъ и поемныхъ луговъ. По ея отлогимъ берегамъ разсажались неправильными кучками избъ деревушки Моховая, Болтина, Шаблино, и т. д.. Глядя издали на Шатровку, казалось, что всѣ эти бревенчатые избы

точно были насыпаны какой-то исполинской рукой по рѣчному берегу или сейчасъ только, какъ стадо утятъ, выползли изъ воды и грѣются въ лучахъ лѣтняго солнышка. Эту картину портило только полное отсутствіе садиковъ и деревьевъ: хоть-бы одно дерево на все это громадное пространство, которое охватывалъ глазъ. Пріятнымъ исключеніемъ на этой оголенной равнинѣ, когда-то славившейся дремучими сосновыми борами, была красивая капитанская роща. Она была разбита на нѣсколько участковъ и въ ней велось правильное лѣсное хозяйство.

Изба Лекандры была устроена какъ всѣ русскія избы и состояла всего изъ одной комнаты, половину которой занимала громадная русская печь. Простой столъ, деревянныя лавки и старый сундукъ составляли всю обстановку. Обѣдъ готовилъ себѣ Лекандра на керосиновой кухнѣ, а хлѣбъ привозилъ изъ Шатрова. Сбоку избы было прилѣплено небольшое крылечко, выходившее прямо на дворъ, т. е. просто въ загородку, гдѣ ходила пара лошадей, стояли — крестьянская телѣга, плугъ, бороны и разныя другія принадлежности сельскаго хозяйства. Пара лохматыхъ собакъ оберегали хуторокъ вмѣстѣ съ глухимъ старикомъ, который попеременно спалъ то на печи, то на завалинкѣ. По вечерамъ часто пріѣзжалъ сюда о. Михѣй напиться чайку на „благорастворенныхъ воздушныхъ“ или забродилъ съ охоты Сарафановъ.

— Зачѣмъ-же у васъ еще квартира у Шестуна? спрашивалъ я Лекандру.

— А зимой гдѣ я буду жить? Отсюда въ школу далеко, да и такъ, мало-ли.

Объ этомъ „мало-ли“ я начиналъ уже смутно догадываться, отчасти изъ подмигиваній о. Михѣя, отчасти по тяжелымъ вздохамъ матушки. Мнѣ казалось, что я уже начиналъ угадывать причину, мѣшавшую Лекандрѣ окончательно упроститься, какъ это сдѣлалъ Африканъ Неопалимовъ. „Гдѣ женщина?“ спрашивалъ какой-то французскій адвокатъ въ каждомъ процессѣ; мои догадки сводились къ этому-же щекотливому вопросу. Были нѣкоторые, правда, очень слабые, но все-таки замѣтные, признаки существованія такой женщины. Въ избушкѣ Лекандры мнѣ нѣсколько разъ попадались на глаза полевые цвѣты, искусной рукой собранные въ маленькіе букеты, пуговка отъ дамской ботинки и даже цѣлая фильдеко-

совая перчатка. Это была совсѣмъ маленькая перчатка, почти съ дѣтской руки. Если присутствіе цвѣтовъ можно было объяснить нѣжностью матушки, то присутствіе пуговокъ и перчатки рѣшительно не чѣмъ было объяснить.

Однажды, послѣ долгой прогулки по капитанскому лѣсу, я направился къ избушкѣ Лекандры. Я брелъ по заросшей межѣ, между стѣнами пшеницы, которая стояла тынь-тыномъ и глухо шумѣла подъ напоромъ набѣгавшаго вѣтерка. Чудно хороша этотъ лѣтній вѣтеръ, который такъ и обдавалъ теплою пахучей струей, разбѣгался по нивамъ лоснившейся, какъ переливы атласа, волной и весело гудѣлъ въ капитанскомъ лѣсу. Въ сторонѣ пестрѣли въ травѣ полевые цвѣточки, и любопытными дѣтскими глазками выглядывали изъ пшеницы васильки. Гдѣ-то звенѣлъ жаворонокъ, въ травѣ дергалъ коростель и звонко ковали кузнечики. Я любилъ бродить по этимъ нивамъ, полямъ и лугамъ. Чувствуешь, какъ оживляютъ эти солнечные лучи, это дыханіе матери-земли, эта кипучая жизнь, разлитая въ воздухъ, на землѣ и въ землѣ. Каждая былинка вытягивалась изъ послѣднихъ силъ, чтобы раньше другихъ втянуть въ себя первую капельку дождя, солнечную теплоту, ночную росу. А въ этой густой зеленой травѣ, которая издали казалась бархатнымъ ковромъ, — какая кипучая жизнь совершалась въ ней!

Мнѣ оставалось сдѣлать до избушки Лекандры шаговъ двѣсти. Когда я посмотрѣлъ въ ея сторону, первое, что бросилось мнѣ въ глаза — было бѣлое платье... Да, настоящее бѣлое платье, которое стояло ко мнѣ спиной и нервно помахивало короткимъ зонтикомъ. Я сразу узналъ Тонечку. Но что она могла дѣлать у Лекандры? Я искалъ глазами капитана но его не было. Итакъ, мнѣ приходилось сдѣлаться невольнымъ свидѣтелемъ и разрушителемъ *tête-à-tête*. Воротиться назадъ я не могъ, потому что Лекандра уже замѣтилъ меня.

— А... здравствуйте, какъ сквозь сонъ протянула дѣвушка, подавая мнѣ свою крошечную ручку.

Тонечку нисколько не смутило мое неожиданное появленіе, и она, кажется, не думала прибѣгать къ объясненіямъ того обстоятельства, какъ попала она сюда. Лекандра былъ съ ней грубъ и суровъ сегодня особенно. Меня это удивляло, потому что ужъ совсѣмъ не гармонировало съ его добродушіемъ.

Изъ разговора оказалось, что дѣвушка была помощницей въ школѣ Лекандры. Это было для меня новостью.

— Васъ, кажется, это удивляетъ? спрашивала дѣвушка, улыбаясь своей спокойной улыбкою.

— Да, отчасти...

— Вѣдь мой отецъ такой богачъ, и вы, вѣроятно, въ первый разъ имѣете удовольствіе слышать, что помощницей учителя въ Шатровѣ дама, т. е. извѣстная комбинація оборотъ, бантовъ и... нервовъ. Да?..

Тонечка громко смѣялась своей шуткѣ, а Лекандра кусаль губы и смотрѣлъ куда-то въ сторону.

Мы очень весело провели нѣсколько часовъ въ обществѣ этой дѣвушки, присутствіе которой было именно тѣмъ, чего не доставало избушкѣ Лекандры. Учитель вынесъ на траву свою керосиновую кухню, и Тонечка принялась готовить чай своими бѣлыми, дѣтскими ручками.

— И вы пьете изъ этой гадости? спрашивала она, заглядывая съ ужасомъ въ глубину мѣднаго проржавѣвшаго чайника.— Вы когда нибудь отравитесь...

— Насъ не скоро отравить, грубилъ Лекандра.—Это если...

— Хорошо, хорошо. Вы, кажется, сѣгодня достаточно наговорили мнѣ грубостей, прервала учителя Тонечка, напрасно стараясь снять кипѣвшій чайникъ съ кухни.—Послушайте, въ прошлый разъ я оставила у васъ перчатку? обратилась она къ Лекандрѣ.—Ручка у чайника расколота, жжетъ голую руку...

Лекандра былъ уничтоженъ и растерялся, какъ пойманный швальникъ. Но дѣвушка, кажется, ничего не хотѣла замѣчать и все время держала себя непринужденно и просто, какъ сестра. Причина, мѣшавшая Лекандрѣ окончательно упроститься, была теперь на лицо и, право, была такъ мила и граціозна, что стыдиться ея рѣшительно не было никакого основанія. Лицо Тонечки на свѣжемъ воздухѣ разгорѣлось слабымъ румянцемъ, и на щекахъ, когда она смѣялась, забавно дрожали маленькія ямочки. Въ темносѣрыхъ глазахъ такъ и вспыхивали искорки. Вся ея фигурка, съ легкими граціозными движеніями, была сегодня необыкновенно хороша, а подобранныя юбочки открывали хорошо сложенную ногу въ крошечномъ прунелевомъ ботинкѣ.

— Я, кажется, сегодня очень много наглупила, съ милой

простотой проговорила Тонечка, надѣвая на свои бѣлокурные волосы шляпу. — Отчего вы не забредете къ намъ какънибудь? обратилась ко мнѣ дѣвушка, протягивая на прощальныи руку.

Я поблагодарила за это любезное приглашеніе и общалась воспользоваться имъ при первомъ удобномъ случаѣ.

— А васъ не смѣю приглашать, съ улыбкой проговорила Тонечка, поворачивая свою голову къ Лекандрѣ. — Вы, вѣдь, тоже не приглашаете меня...

— Какъ не приглашаю: ходите почаще мимо-то, безъ васъ веселѣе, — отрѣзалъ Лекандра, обидывая „оборвни“ Тонечки уничтожающимъ взглядомъ.

Замѣтивъ мое намѣреніе провѣщать ее, Тонечка съ улыбкой проговорила:

— Нѣтъ, ужь, вы пожалуйста останьтесь при одномъ нашемъ намѣреніи... Я настолько цѣню его, что освобождаю васъ отъ скучной обязанности тащиться съ дамой по такому жару. Я привыкла вездѣ ходить одна.

Скоро Тонечка своими короткими шажками быстро начала удаляться отъ нашей избушки. Она шла по межѣ и казалась издали съ своимъ распушеннымъ зонтикомъ какимъ-то бѣлымъ цвѣткомъ. Мы нѣсколько времени, молча, курили. Лекандра лежалъ на травѣ, что его приводило въ нѣкоторое созерцательное настроеніе, въ которомъ онъ могъ оставаться въ одной позѣ по нѣсколькимъ часамъ. Солнце палило. Не слышно было щебетанья птицъ, которыя теперь сладко дремали въ пахучей тѣни капитанскаго лѣса. Надъ полями раскаленный воздухъ тихо струился, какъ нагрѣтая вода. Вдали изрѣдка вставали надъ нивами легкія желтыя облачка и долго тянулись въ воздухѣ желтыми полосами. Это пылила проселочная дорога, по которой проѣзжали крестьянскія телѣги.

— А что этотъ капитанъ? спрашивалъ я, чтобы хоть чѣмъ нибудь нарушить созерцательное настроеніе Лекандры.

— Скотина!

— То-есть?

— Ограбилъ крестьянъ, деретъ съ нихъ за все, а деньги посылаетъ въ Петербургъ сынку-гусару.

— А про какой заводъ тогда говорилъ о. Михѣй?

— Заводъ?.. Вѣдь слышали о Стрѣдзедзинскомъ, — ну, извѣстный винный заводчикъ изъ братьевъ-славянъ, всю губер-

нiю споялъ. У него до десяти винныхъ заводовъ, по заводу на уѣздъ. Вотъ у нашего капитана и блеснула счастливая мысль—тоже выстроить заводъ. Дѣйствительно, взялъ да и выстроилъ. А клеветы ужь доносятъ пану Стржедзинскому, что такъ и такъ, новый заводъ, значить — конкуренція. Сейчасъ къ капитану, ну, и устроили маленькую сдѣлку: капитанъ не пустилъ въ ходъ своего завода, а Стржедзинскій обязался выплачивать ему за это двадцать-пять тысячъ. Теперь ужь лѣтъ пять эта комедія творится, и никто не въ убыткѣ.

— Да, операція не дурная.

— О. Михѣй тоже хотѣлъ выстроить винный заводъ, только ему архирей не позволилъ... Ха-ха!... Вотъ вышла-бы картина: пастыръ словеснаго стада въ качествѣ винокура.

— А что, эта Тонечка должно быть очень умная дѣвушка? спрашивалъ я Лекандру, впадавшаго опять въ летаргію.

— Ничего... порядочная дура. Съ моей мамынькой ей ладно бобы-то разводить. И за какимъ лѣпшимъ сюда таскается?!..

Лекандра окончательно «замкнулся въ свое я», какъ выражаются семинарскія записки по философіи. Разговорчивость и мрачное настроеніе находили на него полосой, ни съ того, ни съ сего. Такъ и теперь. Полежавъ нѣсколько времени въ безмолвіи, Лекандра вдругъ расхохотался.

— Надъ чѣмъ вы смѣетесь?

— Какъ надъ чѣмъ? Да вы развѣ не замѣчаете, что любезная мамынька задалась цѣлью женить меня непременно на Тонечкѣ. Ха-ха!.. Вотъ вышла-бы примѣрная пара!.. Хотъ сейчасъ картину рисуи: зять капитана отъ артиллеріи. Охъ-хо-хо-о!..

— Не знаю; по моему, это не такъ смѣшно...

— Да? Отчего-же... у всякаго барона своя фантазія. Только, по моему, жениться на Тонечкѣ, это—завести себѣ лазаретъ по конецъ жизни: смотрѣть на нее, какъ на красивую куколку—это еще я могу понимать, но представить ее во образѣ дражайшей половины... Только не достаетъ, чтобы она начала курить папирсы, какъ моя родительница...

— А все-таки, Тонечка нравится вамъ?

— Пожалуй... Нѣкоторое время даже питалъ къ ней душевное и сердечное расслабленіе, а теперь ничего, прошло.

— Упрощаетесь?

— Да, упрощаюсь. Вы подумайте: я изъ-за сохи влѣзу въ избу, какъ трубочистъ, а тутъ этакая Маргарита, въ качествѣ жены. Что-же я съ ней буду дѣлать? Смотрѣть? Нѣтъ, ужь, Боже избави отъ такой церемоніи. Раньше я еще иногда допускалъ мысль, что изъ нея можетъ выйти что-нибудь въ родѣ женщины.

— Бабы?

— Да, если хотите: бабы. Совершенно вѣрно. Вѣдь нужно и корову подоить, и лошадь иногда прибрать, и порты починить, а тутъ одни перья да банты.

— Тонечка въ школѣ занимается, получаетъ жалованье, слѣдовательно она можетъ замѣнить себя другими руками.

— Ну, да... конечно, можно и замѣнить. Только опять это совершенно особенная музыка... Ну, да не стоитъ говорить о пустякахъ. Вонъ посмотрите, никакъ цивилизація къ намъ катитъ... Да, она самая. Разсказъ приклеился къ новому дѣльцу,—вонъ волокетъ какой кузовъ. Ахъ, проказники, проказники!

— Вы про какое новое дѣльце говорите?

— А вотъ про то самое, зачѣмъ Сарафановъ пріѣхалъ въ Шатрово.

Я слышалъ отъ Павла Иваныча о «дѣльцѣ», которое у него было въ Шатровѣ, но до сихъ поръ какъ-то не интересовался имъ. Раза два Сарафановъ пытался вытащить меня на охоту въ болото, но я откладывалъ это удовольствіе, подѣ предлогомъ, что до Петрова дня не хорошо стрѣлять дичь.

VII.

Сарафановъ шелъ, съ перекинутой за плечами двухстволкой, своимъ твердымъ, развалистымъ шагомъ, точно возвращался съ прогулки, а не послѣ двѣнадцати-часовой охоты. Издали онъ сильно смахивалъ на медвѣдя, который умѣлъ ходить на заднихъ лапахъ. Лягашикъ, прихрамывая, плелся назади. Разсказъ, сильно вытягивая жилистую шею, тащилъ на спинѣ чуть не цѣлый возъ изъ мѣшковъ и лубочныхъ коробковъ. Все лице у него было покрыто потомъ и волосы на лбу прилипали къ кожѣ мокрыми прядями.

— Одначе, здорово парить, проговорилъ Сарафановъ, при-
слоняя ружье къ углу избы.

— Что, усталъ, Павелъ Ивановичъ? спрашивалъ Лекандра.

— Нѣтъ, не усталъ... Только поясница немножко тово...
Должно быть къ ненастью поетъ.

— А чайшку хочешь пошвыркать?

— Ежели такая ваша милость будетъ... А гдѣ у меня Личарда?

Разсказъ растянулся въ избѣ и не подавалъ голоса. Онъ успѣлъ выпить не одинъ ковшъ самой холодной воды и теперь едва дышалъ, закрывъ единственное око.

— Какое у тебя дѣльце, Павелъ Ивановичъ? спрашивалъ я, пока Лекандра хлопоталъ около своей вухни.

— Дѣльце? А вотъ... Онъ развязалъ одинъ изъ коробковъ и досталъ нѣсколько жестяныхъ банокъ изъ-подъ монпансье. Крышки банокъ были плотно припаяны къ стѣнкамъ.—Вотъ, извольте видѣть: банка, а въ этой банкѣ двѣнадцать дупелей... Сто лѣтъ пролежать и хоть-бы что!

— Консервы?

— Да, въ родѣ какъ консервы, только получше.

— Какъ вы ихъ приготовляете?

— А вотъ какъ: выберемъ болото, Личарда разведетъ на берегу огонь, приготовить наальникъ, коробки и всякое прочее. Потомъ я иду въ болото и начинаю крошить дупельковъ... Только успѣвай мигать. Десятокъ въ полчаса погублю и сейчасъ ихъ къ Личардѣ. Онъ ихъ оциплетъ, сложить въ коробки, залетъ свѣжимъ саломъ и сейчасъ припаяетъ крышечку. Вотъ и готово-съ. А у меня ужъ опять десятокъ готовъ... Наивно вамъ говорю. Этого дупеля по здѣшнимъ мѣстамъ видимо-невидимо. Безъ полусотни штукъ мы еще не вылѣзали изъ болота.

— Куда-же вы потомъ съ этими консервами?

— Квкъ куда: продавать... Помилуйте, да съ руками оторвутъ, если на охотника. Первый о. Михѣй, — ну, ему, конечно, я даромъ презентую, — капитанъ, становой, докторъ... Всѣмъ будетъ любопытно. Вы замѣтите—это будетъ въ родѣ только объявленія: одинъ попробуетъ, пятерыхъ угоститъ, да десятку похвалить. Вотъ у меня цѣлыхъ пятнадцать завазчиковъ. Если считать за банку, значитъ, за десятокъ дупелей, — ну, рубль — и то составитъ пять рубликовъ а зашибу въ день. Поняли? Очень

граціозно-съ... Это я только пробу дѣлаю, а на будущій годъ настоящимъ дѣломъ займусь. Тысячу банокъ приготовлю въ лѣто!.. Это у меня въ карманѣ останется семьсотъ рубликовъ. А если буду посылать въ Петербургъ да въ Москву—это опять другой разговоръ пойдетъ.

— Вы, кажется, посылали ужъ маринованныхъ рябчиковъ?

— Ахъ, то опять особь-статья. Тамъ меня въ одномъ магазинѣ подвели: послалъ имъ на пробу нѣсколько банокъ, высылаютъ требованіе на цѣлую сотню. Послалъ сотню... Они, черти, эту сотню слопали тамъ или продали, а денегъ не выслали. Наивно вамъ говорю: хаосъ! Теперь ужъ не проведутъ. Своего комиссіонера заведу. Недавно въ газетахъ объявленіе такое прочиталъ.

Чай былъ готовъ, и мы напились съ Лекандрой во второй разъ, ибо паръ костей не ломить.

— Ты, Павелъ Ивановичъ, компанію на акціяхъ устрой лучше, совѣтовалъ Лекандра:—вотъ, какъ желѣзныя дороги строить... Слыхалъ?

— Какъ не слышать: и мы не лѣвой ногой сморкаемся. Хе-хе!.. Только, вѣдь, это я такъ, между дѣлами: и удовольствіе получишь, и самъ не въ убыткѣ.

— Можеть, опять какое-нибудь дѣльце затѣваешь?

— А то какъ-же: волка ноги кормятъ. И еще какое дѣльце-то: каламбуръ, пальчики оближешь.

— Именно?

Сарафановъ оглядѣлся по сторонамъ и заговорилъ въ полголоса, точно боялся, что его можеть подслушать даже трава:

— Третьева дни иду это я по Шатрову отъ капитана,—чай у нихъ пилъ, какъ вотъ сейчасъ съ вами,—иду, а на-встрѣчу ѣдетъ башкиръ изъ Кулумбаевки, Урмугузъ. „А, знакомъ, се-лямъ малику“... Ну, то-се, разговорились..

— Это ты, значить, хочешь взяться за дѣло ирнабаевскихъ и кулумбаевскихъ башкиръ съ Локтевскими заводами?

— Даже всенепремѣнно-съ... Послѣ завтра поѣду съ Разказомъ въ Кулумбаевку, а потомъ въ Ирнабаевку. По-пути возьмемъ Иртяшское болото;—слыхали? Въ ширину семь верстъ, да въ длину двѣнадцать... Тутъ настоящій моментъ дупелей!

— Какое это дѣло у башкиръ съ заводами? спрашивалъ я.

— Одинъ хаосъ и больше ничего! Наивно вамъ говорю: ха-

ось, отвѣчалъ Сарафановъ, отдувая паръ съ своего блюдечка. — Локтевскіе заводы принадлежатъ Бухвостову, т. е. принадлежали. Самъ-то Бухвостовъ умеръ сто лѣтъ назадъ. Такъ-съ. Послѣ его смерти, его супруга въ 1792 году предъявляетъ въ земскій судъ купчую крѣпость, будто-бы написанную еще въ 1776 году. А по этой купчей кулумбаевскіе башкиры продали заводамъ 20,000 десятинъ. Понимаете? Почему же самъ Бухвостовъ не явилъ эту купчую и не просилъ о вводѣ во владѣніе?.. Это разъ. Второе: прошло 16 лѣтъ, значить земская давность. Третье: часть, якобы, проданныхъ кулумбаевскими башкирами земель принадлежитъ ирнабаевскимъ. Все-таки, не смотря на все это, земскій судъ утвердилъ эту купчую.

— Да, вѣдь, тутъ надо знать всѣ законы, какъ пять пальцевъ, говорилъ Лекандра.

— Хорошо-съ, дойдемъ и до законовъ. Подождите. Черезъ десять лѣтъ, значить въ 1802 году пріѣзжаетъ, для провѣрки межей, правительственный землебѣръ. Хорошо. Башкиры ему жалобу, а Бухвостова заявила въ оренбургскую межевую контору, что по спорнымъ землямъ устроила съ башкирами мировую сдѣлку. Межевая контора посылаетъ другого землебѣра: башкиры ему жалобу, а онъ ихъ бунтовщиками обозвалъ. Пріѣхалъ третій землебѣръ; только этотъ совсѣмъ не сталъ разговаривать съ азіятами, а взялъ да ночью замежевалъ лучшія угоды и земли, да кромѣ того, внутри межи оставилъ цѣлую деревню Ирнабаевку. Башкиры опять жаловаться. Тогда Бухвостова предъявила свою полюбовную сказку, дескать, такъ и такъ, обмежеванную землю башкиры уступили ей, Бухвостовой, а что-де касается замежеванной деревни, такъ у насъ есть условіе, по которому ирнабаевскіе башкиры обязываются оставить свою деревню, когда это намъ будетъ угодно. Башкиры объявили и полюбовную сказку, и условіе—подложными. ●

Сарафановъ допилъ чашку, вытеръ ротъ платкомъ и, пожавъ руку Лекандры, продолжалъ:

— Ну-съ, такимъ манеромъ дѣло это ужъ дошло до Гражданской палаты, которая признала, что Бухвостова владѣтъ кулумбаевскими землями правильно, а ирнабаевскими неправильно. Бухвостова давно ужъ умерла, а дѣло вели наслѣдники. Хорошо. Они не унялись и пошли хлопотать дальше: жаль было, вишь, упустить ирнабаевскія-то земли. Въ 1856 году это

дѣло попало въ московскую межевую канцелярію, которая и вырѣшила: размежеванныя у ирнабаевскихъ башкиръ 2000 десятинъ оставить за заводами, а вмѣсто нихъ отмежевать у кулumbaевскихъ башкиръ эти 2000 десятинъ и передать ихъ ирнабаевскимъ.

— Да ты выучилъ это дѣло наизусть, Павелъ Ивановичъ?

— По бумажкѣ училъ, какъ „вѣрую“. Ну-съ, теперь разсужденіе должно быть такое: во-первыхъ, московская межевая канцелярія не имѣла права отводить заочно спорныя земли; потомъ, наслѣдники, въ теченіи цѣлыхъ 15 лѣтъ, не приводили его въ исполненіе, значить, оно опять потеряло силу за давностью. Такъ? Хорошо. Это самое дѣльце и выплыло на дняхъ: ѣдетъ мировой посредникъ уговаривать ирнабаевскихъ башкиръ уступить заводамъ эти 2000 десятинъ. Вотъ я услышалъ это отъ Урмугуза и спрашиваю, что они хотятъ дѣлать. „А не будемъ, говорить, отдавать, и конечно“. „Да, вѣдь, васъ, говорю, азіятовъ этакихъ, засудятъ...“

— Отчего-же они не обратятся къ кому-нибудь изъ при- сяжныхъ повѣренныхъ или опытныхъ адвокатовъ?

— Обращались, голубчикъ, не одинъ и не два раза: адвокатъ сдеретъ съ нихъ дикую пошлину, а дѣльце лежитъ. Потому, одно слово: азіяты. Всякій ладить съ нихъ сорвать, что можно. Не любятъ, гдѣ плохо лежитъ. Да-съ.

— И ты туда-же?

— Ахъ, Господи, Господи! Вѣдь я не обязанъ даромъ за нихъ хлопотать... Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ!

— Смотри, Павелъ Ивановичъ, тово...

— Чего: тово...

— А понимаете: возьмутъ этакъ за хвостъ да въ окошко.

— Ну, это еще старуха-то на двое сказала. Это еще мы посмотримъ. Если за мной ничего нѣтъ, да я чистъ передъ Богомъ... Ахъ, Господи, неужели ужъ и суда праведнаго не найдемъ?!. Вы, можетъ, думаете, что заводы смазали колеса кому слѣдуетъ: ну, и пусть ихъ. Мы пойдемъ напрямикъ.

— Гдѣ ваше не пропадало!

— Хоть-бы и такъ... Я даже пострадать готовъ. Наивно вамъ говорю.

Сарафановъ дѣйствительно, по своему обыкновенію, горячо взялся за новое дѣльце и уѣхалъ къ башкирамъ. Мнѣ нужно бы-

ло пробираться уже во-свояси, хотя было немного и жаль расставаться съ Шатровымъ.

— Миѣ Тонечка говорила, что вы обѣщали зайти къ нимъ, проговорила однажды матушка, когда мы съ Лекандрой ѣли у нея какіе-то пирожки.

— Это еще что за китайскія церемоніи, оврысился было Лекандра, но потомъ стихъ и даже отправился вмѣстѣ со мной къ капитану.— Вѣдь, вотъ, подумаешь, какова сила инерціи, резонироваль онъ дорогой, стуча палкой по заборамъ:—спросите меня, зачѣмъ я иду...

— Вѣдь вы обѣщали, уговариваль я.

— Что-же изъ того, что обѣщаль: велика важность!

Домикъ капитана стоялъ почти у самой рѣки. Это былъ обломокъ добраго стараго времени: съ мезониномъ, съ какой-то колоннадой, съ широкимъ подъѣздомъ. Время изрядно поработало надъ этимъ произведеніемъ помѣщичьяго вкуса, и вездѣ проглядывала мерзость запусгтвія: колонны покосились, крыша прогнула, мезонинъ стоялъ съ выбитыми стеклами. Меня очень поразилъ видъ этого дворянскаго гнѣзда, которое походило на воронье гнѣздо.

— По Сеньѣ и шапка, говорилъ Лекандра, поднимаясь по шатавшимся ступенькамъ разваливагося крыльца.

Въ пустой передней пахло сыростью и вездѣ лежалъ толстый слой пыли. Въ гостиной насъ встрѣтилъ самъ кяпитанъ, путавшійся въ длинномъ заношенномъ халатѣ и съ длиннѣйшей трубкой въ рукахъ.

— А, господа, очень радъ, очень радъ... прошамкаль онъ, усаживая насъ въ старинныя кресла съ выгнутыми спинками и удивительно тоненькими ножками.

Гостиная представляла лавку старыхъ вещей: мебель, картины, часы, какіе-то мудреные предметы, назначеніе которыхъ трудно было угадать—все это точно было нарочно подобрано. На одной стѣнѣ висѣли неизбѣжныя пастухъ и пастушка, вышитыя по канвѣ шелками; носъ у пастуха походилъ на лѣстницу, нога пастушки на пилу, каковой пилать дрова. Скоро показалась Тонечка.

— Не ожидала отъ васъ таковой любезности, чистосердечно и просто проговорила она.

— У насъ рѣдко кто бываетъ, шамкаль капитанъ.—Развѣ о. Михѣй когда заглянетъ.

Поданъ былъ неизбѣжный чай. Капитанъ вытащилъ откуда-то залпѣсневѣвшія бутылки съ какими-то мудреными старинными винами, даже завелъ баульчикъ съ музыкой—вообще, хлопоталъ ужасно, чтобы угодить своимъ гостямъ, т. е., вѣрнѣе, своей Тонечкѣ.

— Зачѣмъ вы тревожите такъ свой „восемнадцатый вѣкъ“? шутилъ учитель. Онъ сегодня, въ моему удивленію, уже не грубилъ, а даже, съ ловкостью ручнаго медвѣдя, старался помочь хозяйкѣ въ ея хлопотахъ. Результатомъ этихъ благородныхъ усилій было два разбитыхъ чайныхъ блюдечка и отломленная ручка у кресла.

— Ничего, это ему полезно, отвѣчала Тонечка, кивая головой въ сторону отца.

Дѣвушка была сегодня въ ударѣ. Она рассказывала о своихъ занятіяхъ въ школѣ, о томъ, какъ она сначала боялась всего, а потомъ понемногу привыкла. Разговоръ зашелъ о будущемъ. Тонечкѣ хотѣлось современемъ открыть вечерніе классы, чтобы учить дѣвочекъ руководѣльямъ. Когда вопросъ зашелъ о профессиональныхъ школахъ, она проговорила:

— У Никандра Михѣича былъ отличный планъ относительно добавочныхъ ремесленныхъ классовъ... Не знаю, въ какомъ положеніи онъ теперь.

— На точкѣ замерзанія, отвѣчалъ Левандра.

— Потомъ мы думали устроить образцовую ферму, продолжала дѣвушка уже во множественномъ числѣ, что немного передернуло учителя.—Только это еще въ проэктѣ...

— Образцовая ферма имѣетъ для крестьянъ такое-же значеніе, какъ школа плаванія для шукъ, сгрубилъ Левандра.

Капитанъ все время ходилъ въ своемъ халатѣ по комнатѣ и, отмахиваясь маленькой ручкой, повторялъ: „Пожалуйста, не обращайтесь на меня вниманія!.. Пожалуйста, не обращайтесь!“ Онъ пускалъ густыя облака дыма изъ своей трубки и по временамъ улыбался. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ намъ, наводилъ ухо и съ улыбочкой говорилъ:

— Вотъ и отлично!..

Что было „отлично“—я никакъ не могъ понять, только капитанъ являлся для меня совсѣмъ въ новомъ свѣтѣ. Глядя на его высохшую маленькую фигурку, никто-бы не подумалъ, что капитанъ способенъ былъ пустить по-міру сотни людей.

Теперь это былъ чадолюбивый отецъ, счастливый тѣмъ, что его дочь весело говорила и щебетала, какъ птичка. Этотъ громкій говоръ и смѣхъ представлялъ такой контрастъ со всей окружавшей насъ обстановкой почтенной старяны: сердитые генералы очень сурово смотрѣли на насъ изъ своихъ старинныхъ рамъ, а шелковыя красавицы дѣлали совсѣмъ томные глазки своимъ поступкамъ.

— Главное, что обидно, ораторствовала Тонечка:—за какое вы дѣло ни возьметесь, вы встрѣтите прежде всего глухой отпоръ даже со стороны людей, на которыхъ, кажется, можно было рассчитывать. Потомъ, это отношеніе свысока ко всему, это желаніе... какъ-бы вамъ сказать?.. желаніе быть маленькимъ оракуломъ.

— Если это въ мой огородъ камни летать, то совершенно напрасно, съ улыбкой говорилъ Лекандра.—Всѣ мы люди, всѣ человѣки...

— Ну, вотъ, и всегда такъ: скажетъ человѣкъ жалкую фразу, и доволенъ.

Тонечка разсердилась, хотя никто и не думалъ ей возражать. Видно было, что у ней давно что-то накипѣло на душѣ и теперь выливалось порывистыми горячими фразами. Капитанъ заботливо моргалъ глазами и не говорилъ больше своего „отлично“. Впрочемъ, онъ скоро нашелся: вытащилъ откуда-то очень хорошую гитару и рекомендовалъ ее нашему вниманію.

— Нужно веселиться, господа, говорилъ онъ, поднимая съдыя брови.—Всему свое время... Вотъ-бы спѣли или поиграли.

— А, это по моей части, отозвался Лекандра, принимая отъ капитана гитару.—Наше поповское отродье большое пристрастіе имѣетъ къ кимваламъ и велегласію. Ну, что прикажете, барышня, изобразить?

— Вы такое сыграйте, чтобы спѣть... всѣмъ спѣть,—совѣтовалъ капитанъ.—Я тоже помогу вамъ, да-а, помогу. Хе-хе!..

Капитанскій домикъ скоро огласился самымъ удивительнымъ квартетомъ. У Тонечки былъ небольшой голосокъ, и она владѣла имъ съ такой-же простотой, какъ говорила. Лекандра гудѣлъ басомъ. Мы съ капитаномъ постоянно мѣняли свои партіи и путали мотивы. Въ заключеніе всего, баульчивъ ни съ того, ни съ чего снова заигралъ и окончательно прервалъ наше велегласіе.

— Какъ жаль, что вы такъ скоро уѣзжаете, говорила мнѣ Тонечка, когда вышла провожать насъ въ переднюю.

— Въ самомъ дѣлѣ: останьтесь, упрашивалъ капитанъ... Ей Богу: останьтесь! Мы устроимъ отличное катанье на рѣвѣ... Понимаете: этакая луна, звѣзды...

— Ай-да „восемнадцатый вѣвѣ“, какъ онъ разошелся сегодня, говорилъ дорогой Лекандра. — Мы, однако, дурачились сегодня, какъ школьники. И, вѣдь, странная вещь, какъ это иногда случается... Просто, чортъ его знаетъ!.. Этакое дворянское гнѣздо въ нѣкоторомъ родѣ, и вдругъ въ немъ вырастаетъ какая-нибудь Тонечка. Вѣдь посмотрѣть не на что, а въ головѣ ужъ и вопросы разные, и этакая чуткость... Она, пожалуй, и славная-бы дѣвка, только вотъ эти фалборки да банты... А у меня въ головѣ шумить. Этотъ „восемнадцатый вѣвѣ“ намъ подсунулъ чего-то самого анафемскаго...

На другой день я уѣхалъ изъ Шатрова. Матюшка успѣла сунуть въ мой экипажъ какую-то коробку съ пирогами, о. Михѣй долго пожималъ мою руку и самымъ добродушнымъ образомъ говорилъ:

— А, вѣдь, право, остались-бы еще погостить... Ну васъ тамъ, съ вашимъ городомъ. Вотъ скоро грибы поспѣютъ, наливки будемъ дѣлать.

Когда мой экипажъ, — простая деревенская телѣга, — тронулся въ путь, онъ еще разъ остановилъ меня:

— Послушайте, батенька, если вамъ гдѣнибудь въ газетахъ попадетъ этакое средство отъ геморроя... Настрочите какъ-нибудь цидулочку! Просто, понимаете, какъ сядешь на диванъ или на стулъ... Хе-хе!.. Ну, прощайте. Дальніе проводы, лишніе слезы.

— Ну, омморошная, крикнулъ Шептунъ, дергая возжами; онъ взялъ отвезти меня до ближайшей станціи.

Я возвращался одинъ, потому-что Сарафановъ уѣхалъ въ Кулumbaевку. Наша телѣга бойко поватилась по мягкой дорогѣ, и Шатрово скоро осталось назади. Опять кругомъ потянулись пашни, поля и нивы, а вдали серебряной чешуей отливала на солнцѣ р. Шатровка.

— А это все пашни нашего змѣя, проговорилъ Шептунъ, указывая внутикомъ на желтѣвшія поля пшеницы.

— Какого змѣя?

— А отъ антиллеріи-то...

VIII.

Вернувшись въ городъ, я нѣсколько времени находился въ самомъ странномъ расположеніи духа. Стараешься дѣлать все такъ-же, какъ раньше, напрягаешь всѣ усилія, чтобы войти въ прежнюю колею, а нѣтъ-нѣтъ и унесешься мыслью въ избушку Лекандры, въ лѣсъ капитана. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что въ передней слышатся шаги о. Михѣя, но это было иллюзіей. Мысль объ упрощеніи представлялась въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Такъ прошло мѣсяца три! Начались осенніе дожди, и нашъ N потонулъ совсѣмъ въ непролазной грязи, но все-таки осенью городъ несравненно лучше самой красивой деревни. Я съ нетерпѣніемъ поджидалъ появленія Сарафанова, но онъ точно въ воду канулъ. Перебирая всевозможныя догадки относительно причинъ его исчезновенія, я просто не зналъ, что думать о немъ.

Проходилъ уже и сентябрь. Въ воздухѣ изрѣдка появлялись „бѣлые комары“, т. е. слѣжины. Добрые люди начинали думать о теплыхъ шубахъ, двойныхъ рамахъ, дровахъ и дружбѣ. Известно, что холодъ заставляетъ собираться въ одну стаю даже и волковъ. Разъ, сѣжу за самоваромъ и пробѣгаю большую столичную газету, какъ вдругъ—слышу въ передней осторожное покашливаніе... Я даже вздрогнулъ: это былъ Сарафановъ. Да, это былъ онъ...

— Здравствуйте!..

— Очень радъ. Не хотите-ли чаю?

— Даже съ большимъ удовольствіемъ.

Сарафановъ осторожно раздвинулъ фалды своего скюртука и сѣлъ на стулъ. Мнѣ показалось, что во всей его фигурѣ было что-то особенное, какъ-будто торжественное. Маленькіе глазки смотрѣли уныло и покорно. „Ужъ не схватилъ-ли онъ кушъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ; но начать разговоръ прямо съ этого -- было, конечно, неловко.

— Что васъ давно не видать, Павелъ Ивановичъ?

— Какъ это вамъ сказать...

— Да вы давно-ли сюда-то пріѣхали?

Павелъ Ивановичъ поднялъ брови и жестомъ Гамбетты, когда онъ говорить: „Господа, что касается до меня“... сказалъ:

— Я-съ... я ужъ больше двухъ недѣль здѣсь.

— Что-же вы ко мнѣ-то не зашли? Были нездоровы?

— Нѣтъ, ничего...

— Да говорите толкомъ, пожалуйста: ну, что васъ задержало?

— Я... я, видите-ли, сидѣлъ въ заключеніи.

Если-бы раздался ударъ грома,—и то не удивило-бы меня въ такой степени, какъ послѣднія слова Сарафанова. Я даже не зналъ, о чемъ его спрашивать.

— Да-съ, высидѣлъ двѣ недѣльки... Наивно вамъ говоарю!

— Да какъ вы туда попали?

— Привезли-съ... Подъ конвоемъ привезли и подвергли заключенію.

— А гдѣ-же у васъ лошадь? консервы? лагашикъ?

Сарафановъ только махнулъ рукой и печально улыбнулся, какъ это дѣлаютъ драматическіе актеры.

— Нужно вамъ рассказать это дѣло съ самаго начала, заговорилъ онъ, вытирая лицо платкомъ.—Ахъ да, была гдѣ-то вамъ записочка...

Сарафановъ началъ рыться въ своихъ карманахъ и показалъ, молча, вырванную подкладку своего сюртука. Я ничего не понималъ.

— Вамъ Тонечка посылала со мной писулетку, и Нивандра Михѣичъ. . они, того, въ законѣ-съ... Да, благодареніе Создателю!..

— Этого можно было ожидать.

— По нынѣшнимъ-то временамъ?! При послѣднихъ словахъ Сарафановъ сдѣлалъ такой жестъ, какъ-будто кого-нибудь отталкивалъ отъ себя обѣими руками.—Что вы!! Что вы!! Да нынче... Послѣднія времена и хаосъ! Нынче не то что неопытную, невинную дѣвушку, этакой бутончикъ въ родѣ Тонечки, обмануть—это что: можно сказать, людей закаленныхъ истязаютъ и подвергаютъ мукѣ... Чистая грація!.. Неблагодарность и звѣрство!..

Отъ волненія Сарафановъ нѣсколько времени не могъ говорить. Мнѣ было жаль старика.

— Я ужъ сначала вамъ расскажу, заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы.—Помните, какъ я уѣхалъ тогда въ Кулумбаевку съ Разказомъ? Хорошо. Пріѣзжаемъ, а тамъ ужъ всѣ на ногахъ, и посредника ждуть съ часу на часъ. Хорошо. По-

говорилъ я кое съ вѣмъ; Урмугузъ, Урукайка и другіе—всѣ въ ногахъ валяются. „Павель Ивановичъ, заставь вѣчно Бога молить и не оставь насъ, дураковъ. Посредникъ ѣдетъ, онъ насъ замежуетъ“.—Хорошо, говорю, ребята, только, чуръ, дѣлать по моему. Согласны? „Согласны, согласны“... Хорошо. „Первое дѣло, говорю, не подписывайте у посредника никакой бумаги“. Ну, это я такъ, для острастки, потому они всякой бумаги боятся хуже чорта, потому обучены, значить. „Второе, говорю, если онъ васъ будетъ приводить въ соглашеніе или склонять на мировую сдѣлку, скажите, что „подумаемъ“. А тамъ мы это все разжемъ и дадимъ отвѣтъ“. Всѣ согласны. Отлично. Приѣзжаетъ посредникъ. И что-же-бы вы думали? Дворянинъ, получилъ высшее образованіе, человекъ съ граціей вполнѣ—и вдругъ начинаетъ склонять кулумбаевцевъ на мировую сдѣлку съ Локтевскими заводами... Да развѣ это честно? Онъ долженъ, какъ посредникъ, безпристрастно отнестись къ дѣлу и даже защитить башкиръ, потому темнота, хаосъ... Башкиры на дыбы, шумъ, гвалтъ, столарня!..

Сарафановъ не могъ больше сидѣть и забѣгалъ по комнатѣ.

— Такъ башкиры и не пошли на мировую, хоть ты что хошь. А посредникъ живетъ, и я живу. Думаю, какую еще онъ мину будетъ подводить. И дѣйствительно, подвелъ... Собралъ сходъ и на сходѣ предлагаетъ кулумбаевцамъ объявить ирнабаевцевъ припущенниками. Башкиры вотчинники имѣютъ надѣлъ въ тридцать десятинъ на душу, а припущенники всего пятнадцать. Вотъ посредникъ и говоритъ кулумбаевцамъ: „Объявите ирнабаевцевъ припущенниками, значить, съ каждой души отойдетъ по 15 десятинъ; мы изъ нихъ выдѣлимъ 2000 десятинъ заводамъ, а остальная земля достанется вамъ“. Понимаете? А на сходѣ цѣлыхъ пять волостей, — тутъ можно и крупы, и муки намолоть. Посредникъ сейчасъ вытащилъ листъ: „Подписывайтесь!“ Ни одна живая душа не подошла... Хе-хе... Какъ бараны, такъ и пятятся, даромъ что азіаты. Только посредникъ и этимъ не унялся, а вечеромъ пошелъ по избамъ и давай страцать, что если-де не подпишутъ листа, то всѣхъ въ острогъ сгноять и землю отымутъ. Башкиры осатавѣли и сейчасъ ко мнѣ. Я говорю имъ: «вретъ посредникъ, ничего вамъ не будетъ, — закона такого нѣтъ, чтобы силой заставлятъ подписывать мировую сдѣлку». Вѣдь правильно я рассуждалъ?.. Хорошо. А посреднику ужъ донесли, что башкиры бѣгаютъ ко мнѣ. Онъ

послалъ за мной. Прихожу. „Вы это такой?“ „Повѣренный отъ башкиръ кулумбаевской волости“... „Ага, мы съ вами еще увидимся. До свиданія“!.. Уѣхалъ. Я пожилъ денька два и тоже поѣхалъ. Думаю про себя, нужно еще съ о. Михѣемъ посоветоваться.

— Ну что, о. Михѣй здоровъ?

— Ничего, кланяется... Заложилъ Разказъ мою лошадеу, — помните, киргизъ, на лѣвой лопаткѣ тавро, одно ухо короткое; выѣхали мы этакъ къ вечерку, чтобы по холодку-то доѣхать до иртяшскаго болота и взять тамъ утро. Ружье у меня было съ собой, лягашикъ тоже, коробки, припай, сало, — ну весь снарядъ, какъ слѣдуетъ. Приѣхали, разбили станъ, закусили, легли вздремнуть. Лошадь, стреноженная, ходитъ въ двухъ шагахъ, лягашикъ подъ телѣгой спать. Лежу это я, и такой сонъ меня одолѣлъ, такой сонъ, что вотъ словно кто желѣзной доской придавилъ: не могу пошевелить ни рукой, ни ногой... А тутъ сквозъ сонъ и слышу, что лягашикъ вдругъ какъ задастъ. Я вскочилъ, бросился къ лошади, а тамъ Разказъ ухватился за какого-то человѣка, да такъ по травѣ мѣшкомъ и тащится. Я тоже сгрёбся за него, а онъ, извините меня, весь голый и притомъ саломъ намазанъ. Вѣдь вырвался... Такъ лошадь и угнали, а лягашикъ мой лежитъ сверху ножками и мордочка вся въ крови. Вы думаете, это это угналъ лошадь? Башкиры... кулумбаевскіе башкиры... Я за нихъ поѣхалъ въ городъ хлопотать, а они у меня лошадь украли. Это ужъ у нихъ такая воровская замашка: вымажется саломъ, подползетъ, — только и видѣлъ. Вѣдь я его въ рукахъ держалъ, — нѣтъ, вывернулся, какъ живой налимъ.

— Что-же вы и Разказъ стали дѣлать?

— Что стали дѣлать .. въ раздумьи повторялъ мои слова Сарафановъ, проводя рукой по-лбу, точно смахивая что-то, мѣшавшее ему припомнить обстоятельства дѣла. — Мы пѣшкомъ пошли въ Кулумбаевку и прямо къ Урмугузу. Я вошелъ въ избу, онъ дома. Разказалъ ему, что такъ и такъ, — удивляется, азіать, и чуть не плачетъ отъ жалости. А я знаю ихнюю натуру и попросилъ Разказа пошарить по двору. Урмугузъ началъ угощать меня маханиной, это, значить, жареной кобылятиной, — мнѣ это просто къ сердцу пришло: думаю, да что это я дурака-то съ азіатами разыгрываю, вѣдь на мнѣ крестъ. Только это я собираюсь обругать Урмугуза за его угощеніе поганое, Разказъ пасть въ

избу и тащить за собой кожу съ моего киргиза. Еще свѣженькая... Ахъ, аспиды! Урмугузъ угналъ мою лошадь, закололъ да ея-же мясомъ меня и угощаетъ! Какъ это вамъ понравится? У нихъ ужь обычай такой: украдетъ у сосѣда лошадь, да ей-же и угощаетъ. Даже не сердатся... Ну, нарродецъ! Поругался я, поругался да съ тѣмъ и уѣхалъ въ Шатрово.

Мнѣ было жаль Сарафанова, но эта исторія съ „рысачкомъ“ заставила меня хохотать до слезъ. Сарафановъ и самъ хохоталъ вмѣстѣ со мной.

— Вѣдь чистый хаосъ вышелъ, говорилъ онъ, вытирая слезы. Чего съ нихъ, азіятовъ, возьмешь? У меня собака лучше живетъ, чѣмъ они. Наивно вамъ говорю... Натрескаются своего кумысу да маханины и спятъ всей деревней. Хоть трава не рости! А ужь если украсть,—кожу съ живаго сдеруть да тебѣ-же ее продадутъ.

— Ну, а дальше?

— Дальше-то... Приѣзжаю это я въ Шатрово, о. Михѣй чуть на рукахъ не ходитъ: „Нигилистъ женится...“—Да на комъ? говорю. „Ахъ, говорить, какой ты непонятный человѣкъ: на Тонечкѣ“. Ну, я даже перекрестился, потому что, помните, какія слова Никандръ Михѣичъ выговорилъ касательно Анки.

— А что Шептунъ?

— Шепчетъ да Анку ругаетъ. Вѣдь умный стариченко, а вотъ, поди ты, какую слабость въ себѣ имѣетъ. Да-съ. Такъ вотъ-съ, мы этакимъ манеромъ, честнымъ пирвомъ да и за свадебку. О. Михѣй меня не пустилъ. Кожу, говорить, съ тебя сниму, какъ башкиры съ твоего киргиза... Освѣжую! Большіе шутники, о. Михѣй. Ну, горе-то у меня свое, да и обидѣтъ не хотѣлось—я и прохлаждаюсь на свадьбѣ. А нужно вамъ сказать, что Никандръ Михѣичъ очень граціозно сдѣлали: „никакого мнѣ, говорить, вашего приданого, ни денегъ за женой, чтобы ни Боже мой“... А капитану это и на руку: въ одной юбочкѣ отпустилъ Тонечку-то. Это дочь-то родную, да еще какую дочь: и уменькая-то, и хорошенькая, и добренькая... Суперфлю!.. Никандръ-то Михѣичъ хотѣлъ, было, и свадьбу сыграть по нонѣшнему: обвѣнчаться между первымъ и вторымъ стаканомъ чаю, да не тутъ-то было, — о. Михѣй и думать не велѣлъ. Ну, хороводимся этакимъ манеромъ на дѣвишникахъ да на столованьи, а тутъ мировой посредникъ со становымъ да съ урядникомъ — шастъ на свадьбу. О. Михѣй радехонекъ: ему-бы только человѣческое

обличье было да пить могъ—вотъ и дорогой гость. Я сижу этакъ въ уголкѣ, а посредникъ, какъ увидалъ меня, сейчасъ становому: «шу-шу-шу»... А я опять сижу да еще этакъ про себя думаю: «Видно, молъ, солоно я тебѣ пришелся». Наивно вамъ говорю: сижу это и думаю... Потомъ, знаете, при всей честной компаніи взяли меня, раба Божія, подъ ручки, — прямо меня въ повозку. О. Михѣй и капитанъ заступились, было, за меня: куда тебѣ—и приступу нѣтъ!» Ну, думаю, пришло мое докончаніе; а все-таки я правъ и готовъ пострадать. Ничего не дали даже захватить съ собой, такъ и волокутъ въ городъ. По деревнѣ ѣдешь — даже совѣстно, всѣ пальцами указываютъ... Наивно вамъ говорю! И сижу я такимъ манеромъ за рѣшеткой и слушаю себѣ всякое поношеніе. Кто говорить, что поджигателя поймали, кто нигилиста... Всякій, значить, свое мелеть. А я жду толькоодного, скоро-ли меня къ прокурору,.. И что-бы вы думали: отсидѣлъ я двѣ недѣли, потомъ ведутъ меня къ полицмейстеру... Читалъ, читалъ онъ мнѣ, а потомъ этакъ пальцемъ погрозилъ и говорить: «Ты у меня смотри, художникъ... Я тебѣ пропишу такихъ дупелей, что позабудешь дорогу къ своей избушкѣ, не то что къ башкирамъ!» Ну-съ, вышелъ я... Значить, опять вольная птица. Дождичекъ этакъ моросить, гдѣ-то къ обѣднямъ {перезваниваютъ, люди бѣгутъ по своимъ дѣламъ... И такъ мнѣ это тошно стало, такъ тошно. Думаю, хоть-бы умереть. Вотъ къ вамъ и пришелъ...

— А консервы ваши гдѣ?

— Казачки скушали... Грація!

Д. Сибирякъ.

ВЪ ИЗГНАНІИ.

(Изъ А. Мицкевича).

Что можно вынести съ парижской мостовой
Гдѣ поражаетъ слухъ среди толпы живой
Хаосъ проклятій, лжи, заносчивыхъ стремленій,
Предательствъ, смуть и позднихъ сожалѣній?...

*

О, горе, горе намъ, изгнанникамъ, сюда
Бѣжавшимъ съ трепетомъ въ тяжелые года!
Гдѣ шли мы, тамъ за нами шла тревога,
Насъ стерегли враги у каждаго порога,
И въ тѣсный кругъ цѣпей былъ заключенъ нашъ духъ,
Чтобъ мы, какъ всѣ рабы, не смѣли думать вслухъ.

*

Когда вкругъ бѣглецовъ всѣ равнодушно-глухи,
Когда изъ Польши къ нимъ приходятъ только слухи
Одни печальные, какъ погребальный звонъ,
Когда враги давно ждутъ дня ихъ похоронъ
И, какъ могильщики, ихъ манятъ издалека,
Когда и въ небесахъ для нихъ надежды нѣтъ,
Не давно что они, измучены жестоко,
Плюютъ какъ на себя, такъ и на цѣлый свѣтъ
И, разумъ потерявъ отъ мукъ и отъ позора,
Другъ друга истребятъ въ безумномъ гнѣвѣ скоро.

*

Какъ птичка робкая, я радъ-бы избѣжать
Послѣдствій грозныхъ бурь и для себя искать
Затишья мирнаго подъ яснымъ небосводомъ,
Вернуться мысленно къ отраднымъ дѣтскимъ годамъ.

*

Какъ счастливъ тотъ, кто могъ въ годину тяжкихъ бѣдъ
 Въ кругу своихъ друзей у камелька забыться,
 Отъ европейскаго волненья отрѣшиться
 И, вспоминая жизнь счастливыхъ прежнихъ лѣтъ,
 Отчизнѣ посылать свой дружескій привѣтъ.

*

Но о кровавыхъ дняхъ, намъ памятныхъ не мало,
 О морѣ слезъ—давно-ль въ нихъ Польша утопала? —
 О славѣ, что еще для насъ не отзвучала—
 Не смѣли думать мы, сгорая отъ стыда.
 Народы въ дни невзгодъ испытываютъ муки
 Такія, что о нихъ пропомнивъ иногда,
 Отвага съ ужасомъ свои ломаетъ руки.

*

То поколѣніе тоской омрачено:
 Проклятьями дышать и жить могло оно
 И въ сферу, страшную и для орловъ, не смѣла
 Мысль проникать и рѣчь людей нѣмѣла.

*

Найдется-ли у насъ волшебное то слово,
 Которое прогнать отчаянье готово,
 Которое страхнетъ съ сердецъ тяжелый гнетъ,
 Осушить на лицѣ потоки слезъ и снова,
 Все то, что умерло безславно, намъ вернетъ?..

*

А нынче... у всѣхъ насъ, непрощенныхъ гостей
 Земли, среди ея волненій и страстей
 Одинъ есть уголокъ, есть область дорогая,
 Гдѣ отдыхаемъ мы, отъ горя убѣгая.
 То—область дѣтскихъ лѣтъ. Всегда для насъ она,
 Какъ первая любовь чиста, не смущена
 Воспоминаньями о прошлыхъ заблужденьяхъ,
 Обманутыхъ мечтахъ и не омрачена,
 Какъ небо ясное, ничѣмъ и въ сновидѣньяхъ.

*

Ту область радъ-бы я привѣтствовать, гдѣ слезъ
 Не зналъ почти, не зналъ бурь и житейскихъ грозъ,
 Ту область милую, гдѣ свѣтъ казался лугомъ,
 Гдѣ часто бѣгалъ я и рвалъ цвѣты, съ испугомъ
 Бросая тѣ изъ нихъ, въ которыхъ скрытъ былъ адъ,
 Въ безвредныхъ же любилъ ихъ чудный аромат.

*

Та область тѣсная, но милая не мало,
Какъ Богу цѣлый свѣтъ, намъ всѣмъ принадлежала.
Все наше было тамъ и много, много разъ
Помянемъ мы все то, что окружало насъ:
Отъ густолиственной той липы, что, бывало,
Подъ тѣнь свою дѣтей веселыхъ призывала,
До каждаго ручья и камешка, и былъ
Намъ каждый уголокъ земли знакомъ и миль,
Гдѣ намъ границею сосѣдей домъ служилъ.

*

А если иногда къ намъ врагъ нашъ и являлся,
То памятенъ однимъ онъ дѣтямъ оставался,
Что былъ одѣтъ въ мундиръ блестящій онъ всегда;
По кожѣ лишь змѣю мы знали въ тѣ года.

Д. Миннаевъ.

ЗА ПРАВДУ.

Романъ Карла Францова.

(Продолженіе).

ГЛАВА XIV.

На слѣдующее утро, въ Свѣтло Христово Воскресенье, Тарасъ велѣлъ поставить на вершинѣ небольшой скалы деревянный крестъ, изготовленный въ теченіи послѣднихъ дней. Всѣ собрались вокругъ вреста; одинъ Нашко держался въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Тарасъ подошелъ къ вресту.

— Братцы! началъ онъ, — мы принуждены отпраздновать этотъ святой день безъ священника и алтаря. Но для вѣрующаго человѣка Богъ вездѣсущъ; онъ услышитъ и нашу молитву, молитву безпріютныхъ скитальцевъ, повинувшихъ, ради его, все, что дорого человѣку.

Онъ перекрестился и громко, началъ читать Отче-Нашъ, остальные повторяли за нимъ слова молитвы. Затѣмъ пѣвчій Софронъ запѣлъ, всѣ присутствующіе подхватили, и надъ озеромъ зазвучала древняя, чудная пѣснь: „Христось воскресе!“

Такъ праздновали Свѣтло Христово Воскресенье эти люди, объявившіе войну обществу.

Пѣніе еще не кончилось, какъ вернулся старикъ Емельянъ. Онъ сообщилъ Тарасу, что Ануса успокоилась.

— Она даже сдѣлала всѣ приготовленія для приема солдатъ, прибавилъ онъ;—остальные въ деревнѣ, напротивъ, ничего не подозрѣваютъ; они увѣрены, что ты сегодня ночью бу-

дешь брать замокъ, и намѣрены смотрѣть на это. А твоя жена отказывается передать мужикамъ сообщенное мною извѣстіе.

— Что? воскликнулъ Тарась, невольно отступая на одинъ шагъ.

— Да, отказывается, повторилъ Емельянъ. Вотъ что она приказала передать тебѣ; я хорошо запомнилъ ея слова: „Я, говорить, съ благодарностью выслушаю всякую вѣсть, которую пришлетъ мнѣ мужъ, но умоляю его сообщать мнѣ только вѣсти о своемъ здоровьи, а не о своихъ намѣреніяхъ и не о замыслахъ враговъ. Я не могу лгать, когда писаря стануть спрашивать меня, но не могу брать и грѣха на душу. Вотъ, говорить, моя просьба; отъ него зависить — исполнить ее или нѣтъ. На одно только я никогда не пойду, какъ бы, говорить, онъ ни приказывалъ: я никогда не буду посредницей между нимъ и громадою. Я не хочу попасть въ тюрьму, какъ его сообщница. Передай ему мой отвѣтъ; онъ не можетъ пенять на меня за это рѣшеніе: онъ отнялъ у дѣтей отца, а потому обязанъ сохранить имъ мать“. — Вотъ что сказала она, Тарась.

Тарась поблѣднѣлъ. Онъ собирался было что-то отвѣтить, но прибытіе новаго посла остановило его. Новый посолъ былъ мальчикъ, присланный „Кречетомъ“ изъ Заблотова. „Гусары, извѣщаль онъ, прискачутъ сегодня ночью въ Зулавцы, чтобы изловить тебя; они думаютъ, что ты будешь брать приступомъ замокъ“.

Атаманъ встревожился, а старикъ Емельянъ пришелъ въ неописанное волненіе.

— Быть бѣдѣ, сказалъ онъ, — если эти цыгане наткнутся ночью на ожидающихъ мужиковъ.

— Да, воскликнулъ Тарась, — мы должны предупредить ихъ. Отправляйся сейчасъ въ Зулавцы; если жена моя снова откажется передать мужикамъ это извѣстіе, обратись къ священнику.

Емельянъ обѣщаль исполнить порученіе въ точности. Но безпокойство не покидало атамана, а съ наступленіемъ вечера усилилось еще болѣе.

— До сихъ поръ я никогда не предчувствовалъ бѣдъ, которыя случались со мной въ жизни, сказалъ онъ, обращаясь къ своему вѣрному Нашку, — а теперь я почти увѣренъ, что въ эту минуту надъ моей семьей разразилась бѣда.

Когда, на разсвѣтѣ, Тарасъ проснулся отъ тяжелыхъ сновидѣній, Емельянъ уже сидѣлъ у его изголовья. Старикъ былъ блѣденъ; мрачное выраженіе лица его не предвѣщало ничего хорошаго.

— Они убиты! воскликнулъ Тарасъ, вскакивая.

— Твоя жена и дѣти живы, отвѣтилъ Емельянъ, — но безъ кровопролитія дѣло не обошлось.

Въ минуту столкновенія мужиковъ съ гусарами, старикъ былъ уже на обратномъ пути. Услышавъ крики и выстрѣлы, онъ осторожно вернулся и успѣлъ кое-что узнать. Узналъ онъ и о смертельной ранѣ, полученной кузнецомъ.

— Не убивайся такъ, сказалъ онъ, стараясь успокоить Тараса, — ни ты, ни жена твоя не повинны въ этой крови; Ануся поручила священнику предупредить мужиковъ.

— Нѣтъ, я, я въ ней повиненъ! воскликнулъ Тарасъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ овладѣлъ собой и приказалъ Емельяну оставить его одного. Спустя нѣсколько времени онъ вышелъ къ своимъ товарищамъ, молча кивнулъ головой въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе и пошелъ въ лѣсъ.

Гайдамаки не понимали, почему онъ такъ печаленъ. „Вѣдь это хорошее извѣстіе!“ Одинъ только еврей догадывался, что происходило въ душѣ атамана, и наконецъ рѣшился послѣдовать за нимъ. Онъ нашелъ его лежащимъ подъ елью; лицо его было мрачно и выражало страданье.

— Тарасъ! началъ онъ, схватывая его руку; — я понимаю твое горе, но у тебя есть утѣшенье. Вѣдь ты сдѣлалъ все необходимое, чтобы предупредить несчастье.

Тарасъ мрачно покачалъ головой.

— Кто съестъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю! сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Развѣ ты раскаяваешься?

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ съ жаромъ. — О, какъ дурно ты понимаешь меня! Если-бъ я раньше еще колебался, то сегодня же объявилъ-бы войну властямъ! То, что я сдѣлалъ, должно было случиться. Но только сегодня понялъ я исполнѣ всѣ ужасы, которые предстоятъ мнѣ впереди... Сегодня-же, прибавилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, явилась во мнѣ и другая увѣренность. Прежде я думалъ по временамъ, что меня ждетъ худой конецъ, и мирился съ этою мыслью; но съ сегодняшняго дня я навѣрное

знаю, что другого исхода для меня *не может* и *не должно* быть...

— Я не понимаю тебя! воскликнулъ еврей въ недоумѣніи.

— А я не могу тебѣ этого объяснить, отвѣчалъ атаманъ съ загадочной улыбкой, поднимаясь съ земли. — Вѣдь и я постигъ это не умомъ, а сердцемъ.

На слѣдующій день явились къ Тарасу ходоки изъ Зулавцевъ, мясникъ Василь и Грицко Поменко.

— Мы увѣрены, прибавили они, передавъ возложенное на нихъ порученіе громады, что ты не откажешь въ нашей просьбѣ, и потому только спрашиваемъ тебя, какую ночь назначаешь ты для мести?

Тарасъ ихъ внимательно выслушалъ. Когда-же они кончили, онъ отвѣтилъ спокойнымъ, но мрачнымъ голосомъ:

— Слушайте, что я скажу вамъ. Если-бы вы просили меня напасть вмѣстѣ съ вами на гусаръ, я отказалъ-бы. Да, отказалъ-бы, во-первыхъ, ради васъ, потому что совѣсть моя запретила-бы мнѣ помогать такому дѣлу, которое погубить все село; а во-вторыхъ, ради справедливости, потому что гусары только повиновались приказанію своего офицера, да и тотъ, можетъ быть, обязанъ былъ исполнить волю своего начальства. Я сталъ-бы ласково уговаривать васъ, чтобы вы смягчили свое сердце; если-же дѣйствительно свершено злодѣяніе, я просилъ-бы васъ предоставить мнѣ одному отомстить за него тѣмъ, кто въ немъ виновенъ. Но сегодня, когда вы зовете меня на убійство солдатъ, не сдѣлавшихъ вамъ никакого зла, вы заслуживаете иного отвѣта. Прочь изъ стана мстителя! Съ людьми, замышляющими подлое убійство, онъ не можетъ имѣть ничего общаго! Вотъ вамъ мой отвѣтъ.

— Тарасъ! могъ только воскликнуть Василь, невольно отступая. Молодой Грицко, напротивъ, стоялъ неподвижно, какъ вкопанный, широко раскрывъ глаза отъ безграничнаго изумленія. Не такъ отнеслись къ словамъ атамана его товарищи; они, правда, молчали, уставившись въ землю, но на лицахъ ихъ выразилось глубокое негодованіе.

— Да, продолжалъ Тарасъ, — то, что вы замышляете, не справедливая месть виновнымъ, а подлое убійство невинныхъ. Если-бъ я не былъ увѣренъ, что вы слишкомъ трусливы, чтобы

совершить это злодѣяніе безъ меня,—влянусь всемогущимъ Богомъ, я велѣлъ-бы предупредить капитана...

— Тарась! воскликнулъ Грицко.—Не могу я этого понять! Развѣ ты въ присутствіи всей громады не провозгласилъ войну цисарю? А теперь ты не хочешь помочь намъ раздѣлаться съ солдатами!?

— Нѣтъ, возразилъ Тарась,—не хочу, потому что я не убійца, а боець за правду.

— Боець, который не хочетъ проливать крови? насмѣшливо спросилъ Василь.

— Боець, воскликнулъ Тарась,—который хочетъ проливать кровь невинныхъ только тогда, когда это *необходимо* для торжества правды. Если-бы управляющій сегодня ночью былъ въ Заблотовѣ и если-бы у меня было достаточно людей, чтобы вступить въ бой съ гусарами, я сегодня-же сдѣлалъ-бы нападеніе. Злодѣй этотъ нарушилъ установленный Богомъ справедливый порядокъ и долженъ понести наказаніе за свое преступленіе; нѣтъ ничего въ мірѣ выше правды и пусть лучше будетъ пролита неповинная кровь, лишь-бы только не была опозорена правда. Но тамъ, гдѣ нѣтъ этой необходимости, я буду щадить жизнь невинныхъ, чтобы души ихъ не возроптали передъ престоломъ Всевышняго противъ меня и моихъ товарищей!

— О, Тарась! воскликнулъ Грицко.—Ты думаешь о насъ, о цисарскихъ солдатахъ и забываешь о самомъ себѣ. Неужели ты рассчитываешь, что они пощадятъ тебя и задумаются умертвить тебя, хотя-бы спящего?

— Отъ этой участи мы сдумѣемъ уберечься.

— Дай Богъ, чтобы это удалось вамъ, сказалъ Василь.— Пойдемъ, Грицко!

Но юноша не слушалъ его и еще разъ подошелъ къ Тарасу.

— Что-же намъ отвѣтить громадѣ? спросилъ онъ умоляющимъ тономъ, схватывая его руку; — громада озлоблена за нападеніе цыганъ и твердо вѣрить въ твою помощь. Озлобленіе ея обратится противъ тебя, когда она узнаетъ какъ назвалъ ты рѣшеніе громады. Неужели у тебя не найдется иного отвѣта?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ твердо.—Благодарю тебя за доброе желаніе; но съ тѣхъ поръ какъ я служу Богу, мнѣ нечего бояться людскаго гнѣва. Разсважите имъ всю правду.

Это происходило во вторникъ около полудня. Вечеромъ то-

го-же дня Тарась созвалъ свою дружину, которая теперь состояла уже человекъ изъ сорока, на первый военный совѣтъ и сообщилъ ей два наиболѣе важныя извѣстія, полученные за послѣдніе дни. Василь Соколевичь привезъ вѣсть объ обрученіи управляющаго и о томъ, что онъ обыкновенно проводитъ вечеръ на дачѣ армянина. „Кречеть“ вернулся изъ села Косовинцы и заявилъ, что жалобы этой громады противъ ненасытнаго, жестокосердаго священника вполнѣ основательны. Онъ заперъ ихъ церковь и безжалостно вымучиваетъ подати экзекуціями.

— И управляющій и священникъ,—заклучилъ онъ,—одинаково достойны нашего вмѣшательства! Такъ не станемъ-же терять времени и поспѣшимъ освободить землю отъ этихъ гадинъ! И то и другое предпріятіе опасно, ибо въ Косовинцахъ, въ домѣ священника, стоятъ солдаты, а та дача, въ которой обыкновенно проводитъ вечеръ управляющій, находится по близости отъ города, защищеннаго сильнымъ гарнизономъ. Но возложимъ упованіе на Бога и отважимся на это смѣлое дѣло. Завтра, послѣ обѣда, мы тронемся въ путь, ночью расправимся съ злодѣемъ въ Косовинцахъ, а въ четвергъ, раньше полуночи, будемъ у воротъ уѣзднаго города. Согласны-ли вы?

— Ура! крикнула радостно толпа.—Послѣ этого всѣ разошлись и расположились группами вокругъ костровъ. Въ первый разъ въ станѣ слышались веселыя рѣчи. Только Напко сѣлъ въ сторонѣ и молча уставился въ землю.

— Несчастный! думалъ онъ.—Эти хлопцы такъ-же мало понимаютъ его, какъ волю—проповѣдь священника. Они считаютъ его за своенравнаго безумца, потому-что онъ выбралъ меня въ предводителя отряда и отказался отъ помощи, которую предлагали ему жители Зулавцевъ. Если-бы сегодня вечеромъ онъ не объявилъ нападенія, черезъ три дня ему пришлось-бы прежде всего начать борьбу со своими товарищами. Теперь дурные помыслы въ нихъ на время заглушены; но пройдутъ недѣли, мѣсяцы, и они снова выплывутъ наружу. Противъ солдатъ онъ защититъ себя самъ; но кто защититъ его сердце противъ этихъ людей?

На слѣдующее утро, при первыхъ лучахъ разсвѣта, начались приготовления къ экспедиціи въ Коломію. Всякій старался принарядиться и украситъ свою лошадь; всѣ чистили свои ружья.

Тарасъ обсуждалъ съ Юлькомъ и Нашвомъ планъ нападенія и возложилъ на каждаго изъ нихъ опредѣленныя обязанности. Такъ проходили часы среди лихорадочной дѣятельности.

Положеніе солнца указывало уже полдень. Вдругъ со стороны „Краснаго Ущелья“ послышался пронзительный свистъ. Это былъ сигналъ караульнаго, извѣщавшій о приближеніи посторонняго лица. Обратившись въ ту сторону, гайдамаки увидѣли молодого хлопца, еще подростка, мчавшагося на маленькомъ конѣ, сломя голову, внизъ по крутому склону горы. — „Этотъ хлопецъ обезумѣлъ!“ — вскрикнули они; — „вѣдь онъ упадетъ вмѣстѣ съ лошадыю.“

Тарасъ также посмотрѣлъ по этому направленію и поблѣднѣлъ; онъ узналъ младшаго своего наймита, Галька. „У меня въ домѣ случилась бѣда!“ — крикнулъ онъ и поспѣшилъ на встрѣчу къ всаднику.

Несмотря на бѣшенную скачку, отважный хлопецъ благополучно достигъ тѣхъ гранитныхъ воротъ, которыя замыкали ущелье. Только здѣсь, при послѣднемъ отчаянномъ скачкѣ, лошадь перевернулась и отбросила всадника къ скалѣ. У всѣхъ невольно вырвался крикъ ужаса. Но только лошадь осталась на мѣстѣ, не будучи въ силахъ подняться; хлопецъ-же ловко, какъ кошка, вскочилъ на ноги и поспѣшилъ къ Тарасу.

— Гнѣдого язагналъ, — началъ онъ, едва переводя дыханіе, — но за то исполнилъ порученіе и пріѣхалъ къ тебѣ почти въ самый полдень. Слушай-же, что велѣла тебѣ передать жена!

Затѣмъ онъ разсказалъ о разговорѣ Ануси съ комиссаромъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали гайдамаки, столпившись вокругъ разскащика; по временамъ только негодующее восклицаніе или крѣпкое проклятіе прерывало разсказъ хлопца. „Подлые, трусливые псы!“ кричали въ толпѣ, „къ намъ они, небось, не рѣшаются сунуться, а съ бабами воевать молодцы“.

Одинъ Тарасъ, повидимому, оставался спокоенъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, когда Галько окончилъ свой разсказъ. — Ты говоришь, что писарь сегодня возвращается назадъ? Ну, такъ мы поразспросимъ его самого. Прощу тебя, Юлько, привези мнѣ его сюда какъ можно скорѣе, — разумѣется, живого и невредимаго, съ завязанными глазами. Извини меня; самому мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно отлучиться... Ты же, Галько, поѣзжай домой и скажи женѣ, чтобы она не беспокоилась.

„Кречеть“ тотчас велѣлъ сѣдлатъ коней и черезъ нѣсколь-
ко минутъ уже скакалъ со своимъ отрядомъ по направленію къ
Пруту. Тарасъ снова обратился къ прерваннымъ занятіямъ:
осматривалъ у всякаго оружіе, раздавалъ порохъ, пули и про-
віантъ и вообще продолжалъ дѣлать всѣ необходимыя пригото-
вленія для ночной экспедиціи. Тотъ, кто наблюдалъ-бы за нимъ
во время этой дѣятельности, никогда-бы не догадался, что онъ
только что получилъ подобное извѣстіе и ждетъ встрѣчи, кото-
рая должна была имѣть для него огромное значеніе. Къ сумер-
камъ все было готово. Гайдамаки стояли возлѣ своихъ лоша-
дей и съ нетерпѣніемъ прислушивались, не возвращается-ли
Юлько со стороны поросшаго лѣсомъ ущелья. Но послѣдній
лучъ дневного свѣта погасъ, ярче разгорѣлись въ небѣ звѣзды,
темная, непроглядная ночь спускалась надъ горами, а все еще
не было слышно никакого другого звука, кромѣ тихаго, почти
металлическаго шелеста сосенъ и отдаленнаго крика филина.

— Птица смерти!—шептали другъ другу гайдамаки. Богъ
знаетъ, вернется-ли еще Юлько!

Тарасъ не обращалъ вниманія на ихъ слова; онъ былъ по-
груженъ въ глубокія думы. Когда до слуха его донесся крикъ
филина, въ немъ также возникъ невольно вопросъ: „Не ко мнѣ-ли
относится это крикъ?“ Этотъ зловѣщій внѣшній звукъ вполне
гармонировалъ съ внутреннимъ голосомъ, который говорилъ
ему: „Въ эту ночь ты будешь проливать человѣческую кровь.“

Емельянь подошелъ къ своему задумавшемуся хозяину.

— Хозяинъ, сказалъ онъ озабоченнымъ тономъ;—они что-
то долго не ѣдутъ. Тарасъ вздрогнулъ и устремилъ на него не-
доумѣвающій взглядъ. Старикъ повторилъ свои слова.

— Это ничего не значить, возразилъ Тарасъ необыкновенно
громкимъ голосомъ, какъ будто хотѣлъ перекричать свои соб-
ственныя сомнѣнія; — Юлько изловилъ писаря позднѣе, чѣмъ
думалъ, а дорога черезъ лѣсистое ущелье даже днемъ не осо-
бенно удобна... Вы, видно, боитесь темноты, какъ малыя ребята?!
Такъ разведите костеръ. Кстати, гдѣ изъ васъ, кому не доводи-
лось еще видѣть на своемъ вѣку писаря, разглядывать лучше на-
шего дорогого гостя.

Дѣйствіе этихъ словъ было поистинѣ волшебное. У всѣхъ
словно гора свалилась съ плечъ, а когда нѣсколько минутъ
спустя съ трескомъ запылалъ огромный костеръ, распростра-

няя свѣтъ и тепло среди прохладной, темной весенней ночи, во всѣмъ вернулась прежняя самоувѣренность и суевѣрная робость смѣнилась бѣшеннымъ веселиемъ. Гайдамаки усѣлись вокругъ огня; Кароль Выгода, крестьянинъ изъ Кольцмана, заигралъ на волынкѣ и всѣ принялись отплясывать „гору“, эту дикую, странную пляску, распространенную между всѣми жителями Карпатовъ безъ различія національности, и имѣвшую при данной обстановкѣ свой исконный характеръ военной пляски.

Тарась не мѣшалъ имъ; онъ подошелъ къ Нашеу, который стоялъ въ сторонѣ, снова погружившись въ печальныя думы.

— Который часъ? спросилъ онъ.

Еврей былъ единственнымъ человѣкомъ во всей дружинѣ, обладавшимъ часами; кромѣ него только Тарась да Софронъ умѣли узнавать по циферблату время.

— Одинадцать часовъ! Что, теперь и ты начинаешь тревожиться?

— Нѣтъ! Да и что съ ними можетъ случиться?.. Но чу! Что это такое?

— Я ничего не слышу.

— А я ясно слышу... Молчите! крикнулъ онъ горланившимъ хлопцамъ.

Они повиновались ему; умолкли и визгливыя завыванія волынки.

Теперь всѣ ясно услышали то, что передъ тѣмъ уловилъ только чуткій слухъ Тараса. Издали, сквозь ночную тишину, доносился какой-то шипящій звукъ, напоминавшій жужжаніе стрѣлы. „Свистокъ Юльба!“ радостно крикнули гайдамаки. Тарась приставилъ къ губамъ свой свистокъ и подаль отвѣтный сигналъ. Всѣ опять стали напряженно слушать. Снова послышалось тоже шипѣнье, три раза подъ рядъ и протяжно.

— Вы знаете, что означаетъ этотъ сигналъ, обратился Тарась къ гайдамакамъ; — они въ темнотѣ сбились съ дороги и ищутъ насъ. Эй! Стась и ты, Емельянъ, — возьмите каждый по фонарю, идите къ нимъ на встрѣчу, какъ можно дальше и что есть силы свистите въ ваши свистки.

Оба повиновались, а остальные, по приказанію Тараса, отправились къ своимъ лошадямъ, взнуздали ихъ и стояли наготовѣ.

— Черезъ полчаса они могутъ быть здѣсь, сказалъ Тарасъ. — Но время проходило, а изъ лѣса до ушей ихъ все еще не доносилось иного звука, кромѣ пронзительнаго свиста Стаса и Емельяна да отдаленнаго шипѣнія заблудившихся. Но мало-по-малу первый звукъ сталъ ослабѣвать, а второй усиливаться; наконецъ, раздались нѣсколько короткихъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ сигналовъ, которые возвѣстили, что ищущіе и заблудившіеся встрѣтились. Нѣсколько минутъ спустя, изъ лѣса уже донеслись звуки ихъ голосовъ и глухой топотъ конскихъ копытъ по скалистой почвѣ.

Прежде всѣхъ подскакалъ Кречеть.

— Извини, что опоздалъ, обратился онъ къ атаману. — Цѣлыхъ два часа пролежали мы въ засадѣ у переправы черезъ Прутъ, а потомъ пришлось ѣхать въ темнотѣ по этой ужасной дорогѣ. Я привезъ тебѣ писаря, какъ ты приказывалъ.

— Надѣюсь, онъ цѣлъ и невредимъ?

— Да. По крайней мѣрѣ, мы не сдѣлали ему никакого вреда; впрочемъ, я не ручаюсь, что онъ не умеръ дорогой отъ страха.

Дѣйствительно, на первый взглядъ трудно было рѣшить, сохранилась-ли хоть искра жизни въ томъ неподвижномъ тѣлѣ, которое тащили къ атаману. Юлько не только велѣлъ привязать комиссара къ сѣдлу, но еще посадилъ за его спиною чело-вѣка, который поддерживалъ полумертваго героя подъ руку и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы онъ не бился головою о древесныя вѣтви, такъ какъ глаза его были тщательно завязаны. Кромѣ того онъ позаботился надѣть на него большую теплую бунду. Въ такомъ оригинальномъ нарядѣ комиссаръ, какъ безжизненный трупъ, лежалъ на шеѣ тяжело нагруженнаго коня своего. Гайдамаки привѣтствовали эту жалкую фигуру громкимъ хохотомъ; но повелительный знакъ Тараса заставилъ ихъ замолчать.

— Обмеръ онъ? спросилъ Тарасъ хлопца, который все еще заботливо держалъ комиссара въ объятіяхъ.

— Нѣтъ, атаманъ, отвѣтилъ тотъ; — онъ притворяется. Не далѣе какъ нѣсколько минутъ тому назадъ онъ еще настолько былъ въ памяти, что шепнулъ мнѣ: „Спаси меня, я заплачу тебѣ за это въ Коломій сто гульденовъ“. До смерти хотѣлось мнѣ надѣлать его тумачами, да къ сожалѣнію это мнѣ было строго воспрещено“. При этихъ словахъ хлопецъ скорчилъ такую огорченную фязіономію, что даже Тарасъ улыбнулся.

— Отвяжите его! крикнулъ онъ.

Приказаніе было тотчасъ исполнено. Когда съ лица пана Капронскаго сняли повязку, онъ широко раскрылъ глаза, потому въ ужасѣ отшатнулся и грохнулся на землю. Это ужъ не было комедіей. Картина, которая открылась передъ нимъ такъ внезапно, дѣйствительно могла-бы смутить человѣка даже болѣе смѣлаго и обладающаго болѣе чистой совѣстью, чѣмъ панъ Капронскій. Передъ нимъ стояла богатырская фигура Тараса; на заднемъ планѣ—толпа вооруженныхъ людей, изъ которыхъ каждый держалъ подъ уздцы свою лошадь; всѣ эти дикія фигуры и окрестный горный ландшафтъ были ярко освѣщены краснымъ мерцающимъ пламенемъ сторожеваго костра.

— Поднимите его! нетерпѣливо приказалъ атаманъ. Два гайдамака подошли, но не смотря на всѣ старанія не могли поставить на ноги дрожащаго комиссара; имъ удалось поставить его только на колѣни. — „Пощади!“ простоналъ онъ, простирая къ Тарасу съ мольбой руки.

Тарасъ приблизился къ комиссару.

— А! воскликнулъ онъ съ горькой усмѣшкой,—такъ это ты, нашъ старый пріятель, панъ Владиславъ Капронскій? Встань! прибавилъ онъ;—за жизнь твою тебѣ нечего бояться.

Теперь только комиссаръ рѣшился подняться на ноги и стоялъ съ опущенной головой, съ сложенными, какъ для молитвы, и протянутыми впередъ руками.

— Не о своемъ собственномъ дѣлѣ я намѣренъ говорить съ тобою, началъ Тарасъ;—вы поведете его съ обычною справедливостью... Это мнѣ все равно! Пишите что вамъ угодно!..

Панъ Капронскій тѣмъ временемъ успѣлъ придти въ себя.

— Вѣдь я и самъ говорилъ уѣздному начальнику—началь онъ съ жаромъ, отвѣшивая низкій поклонъ— что слѣдствіе, назначенное противъ пана не имѣетъ смысла. Вѣдь панъ такъ храбръ и такъ уменъ и такой любимецъ народа. О, найяснѣйшій пане... пане... мститель!..

— Молчи! прикрикнулъ на него Тарасъ.—Мнѣ стыдно за тебя; вѣдь ты все-таки человѣкъ!.. Не о слѣдствіи я намѣренъ говорить съ тобою, продолжалъ онъ болѣе покойнымъ тономъ,— а о томъ, что ты передалъ моей женѣ!

— Пощади! Вѣдь мнѣ было приказано передать это!

— Въ самомъ дѣлѣ?

Тарасъ пытливо посмотрѣлъ на него; комиссаръ не выдержалъ его взгляда и затрясся пуще прежняго.

— Что-же ты дрожишь, какъ осиноый листь? Ужь не твоя-ли это выдумка, храбрый, умный, благородный витязь?!

— Нѣтъ! закричалъ комиссаръ.—Клянусь всѣми святыми...

— Такъ и быть, повѣрю тебѣ на этотъ разъ. Вы называете себя блюстителями правды и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы совершить такую вопіющую несправедливость! И какіе вы при этомъ низкіе трусы! Въ вашемъ распоряженіи тысячи солдатъ, а вы не умѣете иначе защититься отъ меня, какъ прибавши къ рукамъ мою жену и дѣтей?!

— О, я и самъ вѣдь говорилъ это! распинался панъ Капронскій;—но большинство голосовъ было противъ меня. Напрасно доказывалъ я...

— Не лги, а слушай и передай мои слова остальнымъ!.. Ваша угроза не помѣшаетъ мнѣ исполнить то, что я считаю своею священною обязанностью,—нисколько не помѣшаетъ! Если бы бѣдная жена моя и дорогія мои дѣти томились уже въ тюрьмѣ и если-бы я зналъ, что совершивъ сегодня дѣло, возложенное на меня моею обязанностью, я тѣмъ самымъ обрекаю ихъ на казнь,—то дѣло это все-таки-бы осуществилось, по моему приказанію, съ моимъ содѣйствіемъ! Понялъ ты меня?

— О, да!.. о!..

— Такъ выслушай-же и остальное! Я не могу вамъ помѣшать заключить въ тюрьму или казнить жену и дѣтей моихъ. Но въ тотъ день, когда вы исполните свою угрозу,—въ тотъ самый день и я отложу на время всѣ остальные свои обязанности и обращусь къ самой важной; тогда я примусь освобождать страну отъ самыхъ вредныхъ негодяевъ,—отъ васъ, писарей колонійскаго суда! Горе тому, кто попадетъ тогда ко мнѣ въ руки. Всѣхъ подъ рядъ повѣшу я васъ тогда здѣсь на деревьяхъ горнаго лѣса, а на самое высокое—уѣзднаго начальника...

Панъ Капронскій былъ ни живъ, ни мертвъ.—„Только не меня!“ умолялъ онъ; „только не меня! Вѣдь я всегда былъ противъ этого и всегда стоялъ за пана...“

— Послушай! прервалъ его Тарасъ.—Ты, право, замѣчательный человекъ. Про тебя и безъ того ужь идетъ такая плохая слава, что хуже, кажется, и быть не можетъ, а ты все-таки умѣешь перецеголять и ее... Но объ этотъ послѣ. Къ сожалѣнію, у

меня теперь кромѣ тебя нѣтъ никого подѣ рукою, да вѣдь дѣло не въ послѣ, а въ посланіи. Есть у меня еще и третье порученіе къ панамъ, что сидятъ въ Коломиѣ, и клянусь—меня побуждаетъ въ этому единственно человѣколюбіе, а не какой-нибудь хитрый расчетъ. Я прошу ихъ отозвать изъ Зулавцевъ солдатъ. Гусары уже натворили тамъ бѣды, а пармская пѣхота, того и гляди, вызоветъ своимъ присутствіемъ что-нибудь еще худшее. Незачѣмъ вамъ оставлять тамъ солдатъ; я обѣщаю вамъ, что никогда не явлюсь въ село, даже въ томъ случаѣ, если въ замкѣ снова поселится управляющій; я съумѣю расправиться съ нимъ и въ другомъ мѣстѣ. Повторяю,—если вы исполните мое желаніе, я никогда не возвращусь туда, а такъ какъ нѣтъ въ мірѣ человѣка, который-бы могъ сказать, что я когда-нибудь не сдержалъ своего слова, то, быть можетъ, даже вы мнѣ повѣрите.

— О, конечно!.. Я самъ буду...

— Молчи! Посланія свои я тебѣ передалъ; теперь осталось еще сказать нѣсколько словъ послу. Во-первыхъ,—горе тебѣ, если ты станешь лгать передъ своими начальниками въ Коломиѣ, подобно тому, какъ пытался лгать передо мною. Правда рано или поздно выйдетъ наружу, и если окажется, что ты перевернулъ хоть одно слово моего порученія, то я...

— Пощадите!

— Теперь второе;—я обѣщаль тебѣ пощадить твою жизнь и, разумѣется, сдержу свое обѣщаніе; но ты держалъ себя здѣсь все время такимъ подлымъ трусомъ и такъ безсовѣстно лгалъ, что вполнѣ заслуживаешь за это наказанія; а такъ-какъ ты посятилъ меня въ горахъ, то я и назначу тебѣ такое наказаніе, какое употребительно здѣсь за безчестіе.—Обстригите ему волосы!

— Смилуйтесь! завопилъ Капронскій.—Но всѣ мольбы были бесполезны. Четыре дюжихъ руки схватили и держали его, между тѣмъ какъ Софронъ принялся такъ усердно обрабатывать его волосы исполинскими ножницами, что клочья летѣли во всѣ стороны. Минуту спустя, голова комиссара уже походила на сжатое осеннее поле.

— Теперь привяжите его опять къ сѣдлу! приказалъ Тарасъ.—Да завяжите ему глаза платкомъ!

Сказано—сдѣлано.

— Зажигайте факелы! На коней! Въ дорогу,—къ Пруту! У переправы мы отпустимъ нашего дорогого гостя.

Раздались сигналы. Отрядъ выстроился и двинулся по лѣсной дорогѣ, которая ведетъ къ Пруту, а потомъ, внизъ по теченію рѣки,—къ Косовинцамъ...

ГЛАВА XV.

Дорога, ведущая вдоль теченія рѣки отъ деревяннаго мостика, перекинутаго неподалеку отъ Зулавцевъ черезъ Прутъ, скоро приводитъ путника въ село Косовинцы. Положеніе его необыкновенно выгодное; кругомъ разстилается плодородная пахатная земля равнины а вмѣстѣ съ тѣмъ и пастбища предгорья настолько близки, что позволяютъ жителямъ въ значительной степени увеличивать свои доходы скотоводствомъ. Это цвѣтущее мѣстечко въ настоящее время опять слыветъ „богатымъ селомъ“, а счастливыхъ обитателей его величаютъ „пшеничными графами“; но было время, когда самый бѣдный степной мужикъ не промѣнялъ-бы своей жалкой хаты на самый лучшій домъ въ Косовинцахъ. Много крови и слезъ было пролито здѣсь изъ-за вѣры. Послѣ того какъ поляки покорили Червонную Русь, всѣ жители оставили православную вѣру и приняли католическую. Лишь очень немногіе устояли противъ миссіонерскаго рвенія іезуитовъ и ударовъ воеводскихъ сабель; въ числѣ этихъ немногихъ были и жители Косовинцевъ. Надѣясь на свое богатство, утѣшаясь тѣмъ, что ихъ много, „пшеничные графы“, остались вѣрны прежней вѣрѣ, несмотря на то, что ради этого приходилось выносить жестокія преслѣдованія, повторявшіяся почти черезъ каждыя десять лѣтъ. Австрійское господство положило конецъ этимъ ужасамъ; во время правленія императора Іосифа жители Косовинцевъ имѣли уже право творить крестное знаменіе, какъ имъ было угодно,—справа налѣво или обратно; но съ вступленіемъ на престолъ императора Франца это обстоятельство снова получило серьезное значеніе и крайне огорчало львовскаго пана архіепископа. По безчисленнымъ мелкимъ придиравкамъ, жители села вскорѣ замѣтили, что ихъ „ересь“ снова сдѣлалась предметомъ отеческой заботливости начальства. Съ безпокойствомъ смотрѣли они въ будущее, и

безпокойство это еще усилилось, когда вдруг оказалось, что они внезапно перешли въ руки духовенства. Вдовствующая графиня, ихъ помѣщица, отказала въ своемъ завѣщаніи „богатое село“ духовному католическому учрежденію, и вслѣдъ затѣмъ въ замѣкъ, въ качествѣ управляющаго, поселился всендзъ, панъ Викторъ Занецкій. Онъ былъ встрѣченъ жителями съ чувствомъ глубочайшей ненависти, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сумѣлъ пріобрѣсти любовь и довѣріе всѣхъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что этотъ всендзъ оказался прекраснымъ сельскимъ хозяиномъ, помогаль каждому и дѣломъ, и совѣтомъ и нисколько не заботился о „ереси“ крестьянъ. Когда они какъ-то стали жаловаться, что ихъ сельскій попъ, Миронъ Агановичъ, въ сущности, пьяница и негодяй, онъ кротко вступился за своего „брата во Христѣ“. Къ сожалѣнію оказалось, что такая терпимость чрезвычайно ободрила почтеннаго отца Мирона, который до той поры еще нѣсколько сдерживался, стыдясь католическаго священника; онъ сталъ пить еще пуще, а расходы старался покрывать усиленными сборами съ крестьянъ. Упорные крестьяне, разумѣется, не сразу на это согласились и отказались отъ увеличенной повинности; попъ обратился съ жалобою въ уѣздную управу, и требованія его были признаны законными. Смущенные мужики обратились за помощію къ своему другу, управляющему, но тотъ заявилъ, что онъ, какъ католическій священникъ, уже по чувству деликатности не можетъ вмѣшиваться въ это столкновеніе; то же самое повторилъ онъ и своему „брату во Христѣ“, отцу Мирону. Послѣ этого отецъ Миронъ сталъ притѣснять мужиковъ еще беззастѣнчивѣе. Отношенія между попомъ и громадою скоро сдѣлались до такой степени нестерпимыми, что крестьяне стали просить управу объ удаленіи недостойнаго служителя алтаря; когда-же и въ этой просьбѣ имъ было отказано, они объявили уѣздному начальнику слѣдующее:— „Мы рѣшились освободиться отъ Мирона во чтобы-то ни стало, а такъ какъ мы къ тому-же убѣдились, что наше предубѣжденіе противъ вашихъ священниковъ было неосновательно, то желаемъ принять католическую вѣру, если только умный и кроткій панъ Занецкій будетъ нашимъ священникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ останется управляющимъ“. Къ пасхѣ 1837 года греческая церковь была освящена по католическому

ритуалу, а панъ Занецкій сдѣлался пастыремъ новообращенныхъ.

Пронсшествіе это надѣлало много шума и привлекло всеобщее вниманіе. То, чего не въ силахъ было сдѣлать давленіе двухъ столѣтій, осуществилось въ два года, благодаря кротости истиннаго пастыря. Только тѣ немногіе, которое знали Занецкаго лучше, не удивлялись и видѣли въ этомъ фактѣ лишь подтвержденіе своихъ предсказаній, что этотъ замѣчательный, талантливый человекъ, не стѣсняющійся никакими нравственными соображеніями, вскорѣ зарекомендуетъ себя чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Панъ Занецкій былъ потомокъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода изъ Познани. Безсердечный, но неутомимый, умный и честолюбивый съ ранней юности, онъ прежде всего обратилъ всю свою энергію на то, чтобы вырвать изъ когтей кредиторовъ свое наслѣдственное имѣніе. Это ему не удалось; несмотря на всѣ труды, на всю бережливость, онъ не въ силахъ былъ загладить грѣховъ своихъ предковъ. Затѣмъ онъ въ качествѣ чиновника поступилъ на прусскую, {казенную службу и, ради карьеры, сдѣлался протестантомъ. Здѣсь ему, быть можетъ, и удалось-бы добиться того блестящаго положенія, о которомъ онъ мечталъ, если-бы въ своемъ стремленіи поскорѣ имѣть возможность похвастаться поразительными успѣхами, онъ не перешелъ тѣхъ границъ честности, въ предѣлахъ которыхъ обязаны держаться чиновники этого государства. Выгнанный со скандаломъ изъ службы, панъ Занецкій, которому въ то время едва минуло тридцать лѣтъ, отправился въ Краковъ, сталъ изучать богословіе и тотчасъ послѣ возведенія въ санъ священника получилъ мѣсто управляющаго въ Косовинцахъ. Послѣ того, какъ тутъ ему удалось съ такимъ блестящимъ успѣхомъ исполнить свою миссію, архіепископъ охотно назначилъ-бы его въ главный городъ, на болѣе почетную должность. Но онъ, какъ милости, попросилъ позволенія „и впредь утверждать новообращенныхъ въ новой ихъ вѣрѣ“, такъ какъ понялъ, что здѣсь можно было быстро составить себѣ большое состояніе. Удовлетворивши свое честолюбіе, онъ желалъ теперь удовлетворить и другую страсть—страсть въ наживѣ.

И это намѣреніе ему вполне удалось, хотя пущенныя ради этого въ ходъ средства были поистинѣ ужасны. Жители Косовинцевъ уже по истеченіи нѣсколькихъ недѣль

пришли къ убѣжденію, что любимецъ ихъ далеко не такъ кротокъ, какъ они думали, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя были твердо убѣждены, что чудовище, проповѣдовавшее въ ихъ церкви и распоряжавшееся въ помѣщичьемъ замкѣ, никто иной, какъ самъ сатана. Въ домартовскій періодъ, судьба каждой галиційской деревни находилась въ рукахъ двухъ человѣкъ, — управляющаго и священника. Здѣсь-же эти двѣ власти были сосредоточены въ одномъ лицѣ; панъ Занецкій буквально могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Если крестьянинъ отказывалъ священнику въ какой-нибудь тягостной повинности, управляющій имѣлъ право заключить его за это въ помѣщичью тюрьму; если-же онъ въ томъ-же самомъ отказывалъ управляющему, то у священника была возможность смягчить его упорство церковными наказаніями. Вначалѣ крестьяне, разумѣется, протестовали и обращались къ посредничеству суда, но всѣ ихъ жалобы, понятно, не имѣли никакого успѣха, такъ-какъ въ уѣздной управѣ управляющій ссылался на священника, а въ консисторіи — священникъ на управляющаго. Къ тому-же, при поверхностномъ наблюденіи, дѣйствительно, все можно было приписать упорству новообращенныхъ еретиковъ, и жалобы священника, утверждавшаго, что крестьяне приняли католическую вѣру по чисто внѣшнимъ побужденіямъ и теперь отказываются подчиняться требованіямъ новой религіи, казались очень правдоподобными. А такъ-какъ это была господствующая религія, пользовавшаяся заботливымъ покровительствомъ начальства, то на долю крестьянъ вдобавокъ выпадало еще не мало спеціальныхъ штрафовъ „за легкомысленное отношеніе къ религіознымъ обязанностямъ“. Военная экзекуція не выходила изъ села; крестьяне платили, пока могли; когда деньги истощались, описывали ихъ имущество, и только тогда, когда ужъ и описывать было нечего, священникъ, наконецъ, оставлялъ человѣка въ покоѣ. Раззоренный въ конецъ крестьянинъ могъ безнаказанно совершать самыя вопіющія церковныя преступленія. Насиліе, не приносящее денежной выгоды, было не по вкусу этому всендзу, и самому тяжелому изъ употреблявшихся имъ наказаній, — лишенію церковнаго погребенія, — подвергались только зажиточные крестьяне!..

Таковъ былъ тотъ человѣкъ, противъ котораго Тарасъ впервые выступилъ въ роли мстителя. Такъ-какъ отрядъ тронулся

отъ „Бѣлыхъ Ключей“ почти въ полночь, то переправы черезъ Прутъ они достигли только послѣ двухъ часовъ, хотя дорога шла подъ гору и, благодаря фавеламъ, можно было ѣхать быстрою рысью. Переправившись черезъ рѣку и бережно спустивши на землю остриженного комиссара, гайдамаки поскакали далѣе въ глубину равнины, слѣдуя теченію рѣки. Часъ спустя, они подѣхали къ Косовинцамъ. Несмотря на темноту, Тарасъ, ѣхавшій во главѣ отряда, замѣтилъ фигуру всадника, неподвижно стоявшаго по срединѣ улицы. Это былъ посланный отъ громады; онъ долженъ былъ служить „мстителю“ проводникомъ.

— Отвѣчай коротко, обратился къ нему атаманъ, приказавъ отряду остановиться:— сколько солдатъ въ селѣ и какъ они расположены?

— Поручивъ съ пятьюдесятью солдатами, отвѣтилъ крестьянинъ;— все бѣломундирники, итальянцы съ зелеными отворотами. Тридцать человѣкъ помѣстились въ священническомъ домѣ. Самъ-то дьяволъ живетъ въ замкѣ, а церковный домъ сдавъ намъ въ наймы подъ вазармы, такъ-что мы-же платимъ ему пятьсотъ гульденовъ въ годъ.

— А гдѣ остальные двадцать солдатъ?

— Они размѣщены по хатамъ, по одному да по два человѣка. Въ замкѣ живетъ только поручикъ со своимъ денщикомъ да кромѣ того пять наймитовъ. Смотри, остерегайся; отсюда до священническаго дома всего шаговъ съ двѣсти.

— Разставлены-ли часовые?

— Только одинъ, — передъ поповскимъ домомъ. Но вѣдь этимъ хлопцамъ у насъ всегда холодно; они обыкновенно спятъ въ караульной будкѣ, завернувшись въ свои плащи, словно ежи.

— Мужики останутся по домамъ?

— Да, —хоть имъ и сильно хочется помочь тебѣ, но они понимаютъ, что такъ-то лучше. Только мнѣ одному нечего бояться. Зовутъ меня Яцекъ Бороденко; дьяволъ отнял у отца моего все, до послѣдняго имущества. Потому я, все равно, уйду съ тобою.

— Объ этомъ послѣ!..—Тарасъ затѣмъ обратился къ своей дружинѣ: „Объ отдѣльныхъ солдатахъ, размѣщенныхъ въ деревнѣ, намъ нечего заботиться; для насъ важны только поповскій домъ и замокъ. Мы раздѣлимся на два отряда. Въ первомъ буду

я и Кречеть, Емельянъ и Сефко, Василь и Софронъ, Стась Барилко и Кароль Выгода. Мы будемъ творить въ замкѣ судъ и расправу. Всѣ остальные принадлежать къ отряду, которымъ командуетъ Нашко. Ты, обратился онъ къ еврею, обезоружишь часоваго, окружишь поповскій домъ и позаботишься, чтобы бѣломундирники изъ него не выходили. Если-же это не удастся, то ты, по крайней мѣрѣ, преградишь имъ дорогу къ замку. Надѣюсь, пока вы живы, я спокойно буду исполнять свою обязанность!.. Васъ-же всѣхъ предупреждаю еще разъ: кто станетъ убивать по напрасну, того я съумѣю наказать впоследствии, кто-же протянетъ руку къ чужому имуществу, того застрѣлю немедленно и собственноручно!.. Теперь, братцы, впередъ, шагомъ и безъ шума!“..

Они медленно двинулись по дорогѣ. Надъ равниной разстилалась еще непроглядная ночь, только на востокъ начинала обозначаться едва замѣтная сѣрая полоса.

Передъ церковью они раздѣлились. Тарась съ семью товарищами направился къ замку, остальные-же остановились. Нѣкоторые изъ нихъ слѣзли съ лошадей и тихонько стали подкрадываться къ дому священника, чтобы обезоружить часоваго.

— Знаешь-ли ты расположеніе комнатъ въ замкѣ? спросилъ Тарась проводника.

— Да, пане, я знаю замокъ, какъ свой собственный карманъ. Когда еще жива была графиня Діана, я служилъ тамъ наймитомъ.

— Въ такомъ случаѣ, оставайся со мною. Вѣрно въ замкѣ есть гдѣ-нибудь задняя дверь, которую нетрудно будетъ выломать?

— Нѣтъ, нашъ дьяволъ остороженъ и все велѣлъ обить желѣзомъ. Но конюхъ Михалко повадился ходить на свиданіе къ одной дѣвчинѣ изъ деревенскихъ. Коли счастье намъ поможетъ, мы найдемъ ворота незапертыми.

Осторожно, безъ шума подъѣхали они къ замку. Яцекъ нажалъ скобу и тяжелая дверь со скрипомъ отворилась. Тогда всѣ слѣзли съ лошадей; Василь взялся смотрѣть за ними и сторожить возлѣ двери. Остальные черезъ сводчатый корридоръ вмѣстѣ съ предводителемъ проникли въ домъ. Прежде всего они порѣшили отдѣлаться отъ наймитовъ, которые спали въ большой комнатѣ нижняго этажа. Яцекъ подкрался къ двери.— „Ключъ

торчитъ въ замкѣ“, прошепталь онъ радостно и тотчасъ заперъ дверь. Изъ комнаты не доносилось никакого иного звука, кромѣ мѣрнаго храпа.—„Предосторожность все-таки необходима“, рѣшилъ Тарась. „Они проснутся отъ шума, выбѣгутъ и, быть можетъ, запрутъ намъ выходъ. Софронъ и Кароль, оставайтесь!“ Два названныхъ гайдамака помѣстились передъ дверью.

— А теперь—въ поручику! приказаль онъ.—„Въ первомъ этажѣ“, сказалъ проводникъ; „на одномъ корридорѣ съ дьяволомъ“. Онъ, подобно всѣмъ остальнымъ жителямъ села, такъ неизмѣнно употреблялъ этотъ эпитетъ, какъ будто Викторъ Занецкій никогда и не носилъ другаго имени. Они стали подниматься по лѣстницѣ. Едва дошли они до корридора, какъ вдали раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій; затѣмъ, до слуха ихъ донеслись беспорядочные, заглушенные разстояніемъ, крики. Передъ домомъ священника очевидно началась уже битва.

Въ то-же мгновеніе растворилась дверь и выбѣжалъ поручикъ, съ саблею подъ мышкой и съ пистолетомъ въ рукѣ. Тарась съ быстротою молніи кинулся на него, повалилъ его на землю и обезоружилъ. Остальные сдѣлали то-же самое съ его деньщиками и лакеями, которые выбѣжали изъ своихъ комнатъ.

— Не терять времени! приказаль Тарась;—не вяжите ихъ!

Дверь комнаты деньщика была растворена другаго выхода изъ нея не было, а въ окнѣ была рѣшетка.

— Заприте ихъ туда! распорядился Тарась.

Приказаніе это было тотчасъ исполнено и дверь заперта. Сефко остался передъ дверью, а остальные поспѣшили на другой конецъ корридора, къ спальнѣ священника.

Дверь оказалась запертою. Но когда Тарась уперся въ нее всею тяжестью своего богатырскаго тѣла, она треснула и потомъ окончательно развалилась подъ ударами прикладовъ. Въ ту минуту, какъ они входили въ большую, высокую, но очень скромно меблированную комнату, потухъ горѣвшій въ ней ночникъ, но не отъ дуновенія челоуѣка, а отъ порыва сквознаго вѣтра. Комната была пуста, измятая постель тоже, одно изъ оконъ оказалось раствореннымъ.

Юлько бросился къ окну. — „Смотрите!“ крикнулъ онъ, приподнимая бѣлую простыню, развѣвавшуюся отъ вѣтра; „онъ спустился внизъ по этой простынѣ!“

— Это невозможно! воскликнул Яцекъ;— замокъ обнесень глубокимъ рвомъ; онъ-бы неминуемо расшибся до смерти!

— Но вѣдь въ комнатѣ нѣтъ другаго выхода?

— Есть! Тутъ-же рядомъ находится небольшая комнатка съ потайной дверью. Прежде въ ней былъ еще другой выходъ, на заднюю лѣстницу но дьяволъ рѣшилъ сохранять тамъ свои сокровища и велѣлъ замуровать вторую дверь. Теперь онъ сидитъ тамъ и не можетъ отъ насъ уйти.

— Знаешь-ли ты, гдѣ находится потайная дверь?

— Да, въ этой стѣнѣ.

Онъ указалъ на стѣну, у которой стояла кровать. Она была покрыта потемнѣвшими кожаными обоями, устѣянными, въ видѣ украшенія, большими позолоченными металлическими пуговками, которыя образовали родъ узора.

— Дверь вдѣлана такъ искусно, прибавилъ Яцекъ, — что снаружи совсѣмъ не замѣтна; но если пожать одну изъ этихъ пуговокъ, она тотчасъ растворяется. Мнѣ разъ самому случилось это видѣть. Къ сожалѣнію, я не знаю только, какую пуговку нужно пожать; придется перепробовать всѣ подрядъ.

— Это плохо, сказалъ Тарасъ.—Онъ сталъ прислушиваться; вдали опять раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и дикіе крики сражающихся доносились еще яснѣе. „Ну, нечего дѣлать,— придется испробовать всѣ! Ты навѣрное знаешь, что другой выходъ замурованъ? Въ такомъ случаѣ,—за дѣло!“

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ всѣ занялись отысканіемъ пружины, помѣщавшейся въ стѣнѣ, между тѣмъ какъ сквозь окно съ прежнею силою слышался шумъ отдаленной битвы. Вдругъ у Юлька вырвался радостный крикъ. Когда онъ, стоя на колѣняхъ на кровати, ощупывалъ металлическія шляпки, одна изъ нихъ подалась, и въ стѣнѣ обнаружилась маленькая щель. Дверь еще не растворилась, но очертанія ея были ясно видны. Она, очевидно, была заперта изнутри.

Тарасъ выхватилъ у Емельяна изъ рукъ топоръ, отодвинулъ кровать и принялся наносить удары въ дверь. Она начала уже расщепляться, но вдругъ изнутри отодвинули задвижку, и тотъ, кого они искали, очутился передъ ними.

Гайдамаки въ смущеніи отступили на одинъ шагъ. По наружности, „дьяволъ“ нисколько не соотвѣтствовалъ тому понятію, какое они о немъ составили. У стоявшаго передъ ними

статнаго молодаго человѣка въ священнической рясѣ, лицо было серьезное, красивое, почтенное. Только мертвенная блѣдность свидѣтельствовала о его волненіи, но черты лица сохраняли выраженіе гордой увѣренности, а глаза повелительно сверкали.

— Что вамъ нужно? спросилъ онъ громко и спокойно.— Кто вы?

— Я Тарась, — мститель, отвѣтилъ атаманъ, подходя къ нему.—Твой послѣдній часъ насталъ! Какъ не защитило тебя твое убѣжище, такъ бесполезны будутъ и дерзкая самоувѣренность и малодушныя мольбы!

— Развѣ я похожъ на человѣка, способнаго унижаться передъ кѣмъ-бы то ни было? воскликнулъ Занецкій и гордо выпрямился. Я дѣйствительно пытался спрятаться отъ васъ, но что-же иное остается дѣлать мирному священнику, когда ночью въ домъ его врываются вооруженные люди, а на улицѣ слышатся отчаянные крики?.. Твое имя и намѣреніе, Тарась, мнѣ извѣстны, но я не ожидалъ, что ты явишься ко мнѣ. Совѣсть моя чиста.

— Молчи, дьяволъ проклятый! крикнулъ Яцекъ, бросаясь на священника. Но Тарась удержалъ его.

— Такъ, стало-быть, ты отпираешься? спросилъ онъ спокойнымъ тономъ.—Ты отпираешься и утверждаешь, что не совершалъ безчеловѣчныхъ преступленій надъ собственностью и душевнымъ спокойствіемъ этихъ бѣдныхъ людей?

— Я не отпираюсь ни отъ чего, но тѣ, кто пожаловался тебѣ на меня, солгали! Я требовалъ у нихъ того, что они по закону обязаны были давать моей церкви и мнѣ; сверхъ этого я съ нихъ не взялъ ни гроша. Убивши меня, ты будешь не мстителемъ, Тарась, а убійцею. Если ты не хочешь брать на себя такой роли, если совѣсть тебѣ этого не позволяетъ, такъ позови сюда моихъ обвинителей, серьезныхъ, заслуживающихъ довѣрія людей, а не такого жалкаго негодяя; ты увидишь, что я сумѣю защититься.

На деревнѣ снова раздалось нѣсколько выстрѣловъ; потомъ все затихло, умолкли даже крики. Но здѣсь дѣло въ тоже время едва не дошло до убійства. Внѣ себя отъ ярости, Яцекъ выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и направилъ его на священника.

— Назадъ, Яцекъ! крикнулъ Тарась, вырывая у него изъ „Дѣло“, № 5, 1882 г. I.

ружь оружіе.—А ты, священникъ, не смѣй его позорить!.. Говори, Яцекъ, чѣмъ этотъ человѣкъ обидѣлъ тебя и твое семейство. Говори правду и не трать лишнихъ словъ!

— Мой отецъ, проговорилъ онъ съ усиленіемъ, стараясь подавить волненіе, — принужденъ былъ въ прошломъ году пробыть всю святую недѣлю въ горахъ, на нашемъ пастбищѣ. Это было необходимо; мы бѣдные люди, и все наше имущество состояло изъ нашего стада. Когда онъ вернулся домой, этотъ дьяволъ наложилъ на него штрафъ въ сто гульденовъ за то, что онъ пропустилъ пасхальную исповѣдь и причастіе. Такимъ образомъ, мы стали нищими.

— Атаманъ! Атаманъ! закричалъ подъ окномъ чей-то грубый голосъ.

Тарасъ подошелъ къ окну и сталъ всматриваться въ темноту.

— Это я, охотникъ Милко. Жидъ приказалъ сообщить тебѣ добрую вѣсть. Мы ихъ обезоружили и перевязали.

Гайдамаки отвѣчали на это извѣстіе радостнымъ крикомъ, а Занецкій поблѣднѣлъ. Но онъ тотчасъ овладѣлъ собою и сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Человѣкъ этотъ лжетъ; клянусь милосерднымъ Богомъ, предъ лицомъ котораго я скоро предстану, если ты несправедливый человѣкъ!

Яцекъ опять хотѣлъ броситься на ксендза, но Тарасъ снова остановилъ его.

— Да, сказалъ Тарасъ, я докажу тебѣ, что я справедливый человѣкъ. Противъ тебя говорятъ твоя слава, дошедшія до меня жалобы и показаніе этого человѣка, за тебя—только твоя собственная защита. Тѣмъ не менѣе, я не произнесу надъ тобою окончательнаго приговора, пока не уличу тебя вполнѣ. Назови мнѣ двухъ домохозяевъ села, которые могутъ свидѣтельствовать въ твою пользу.

Попъ на минуту задумался.

— Призови Гаврила Бумбака и Ивана Серецкаго, сказалъ онъ наконецъ.

— Атаманъ, воскликнулъ Яцекъ;—не поддавайся на хитрость этого негодяя. Онъ выбралъ этихъ двухъ мужиковъ только потому, что они живутъ на противоположномъ концѣ села; онъ желаетъ выиграть время.

— Ничего, времени у насъ достаточно. А теперь назови ты, въ свою очередь, двухъ человѣкъ, которые могли-бы свидѣтельствовать противъ него.

— Пускай придутъ тѣ двое, которыхъ мы послали къ тебѣ, — судья Герасимъ и старшина Степанъ.

— Пусть будетъ такъ, сказалъ Тарасъ; — призовемъ всѣхъ четверыхъ. Юлько, Стасъ и Емельянъ, возьмите съ собою проводника, садитесь на коней, прихватите еще нѣскольکو чело-вѣкъ изъ отряда Нашка и какъ можно скорѣе приведите сюда только что названныхъ четырехъ свидѣтелей.

— Развѣ ты хочешь остаться здѣсь одинъ? спросилъ Кречеть.

— Да, хватить и меня одного. Онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и направилъ его на священника.

Гайдамаки вышли...

— Слушай, сказалъ Тарасъ, — если ты двинешься съ мѣста, то тутъ тебѣ и смерть. Совѣтую тебѣ молиться, такъ какъ послѣ на это, пожалуй, уже не хватить времени; я сомнѣваюсь, чтобы тебѣ еще разъ пришлось увидѣть въ полномъ блескѣ это багровое восходящее солнце.

Занецкій невольно посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ Тарасъ. Окно выходило на широкую равнину; узкая полоса облаковъ, тянувшаяся на востокъ надъ далекимъ горизонтомъ, уже горѣла яркимъ багрянцемъ. Лицо священника оживилось; наступающее утро, казалось, придавало ему смѣлости. „Да, я буду молиться, сказалъ онъ; — но не за себя, а за тебя, чтобы ты не запятналъ своихъ рукъ кровью невиннаго человѣка“.

Тарасъ ничего не отвѣтилъ; онъ стоялъ неподвижно, не измѣняя положенія пистолета. Священникъ началъ громко молиться. Такъ они провели около десяти минутъ. Наконецъ вошелъ Стасъ съ старшиною Степаномъ, а вслѣдъ за нимъ явился и Емельянъ съ судьей Герасимомъ.

— Поклянитесь, обратился къ нимъ Тарасъ, — что вы будете показывать правду!

Оба старика, не задумываясь, повѣлялись.

— Судья, въ чемъ ты обвиняешь этого человѣка?

— Въ праздниекъ Всѣхъ Святыхъ, началъ старикъ, — я пошелъ къ нему, чтобы сговориться насчетъ крестьянскихъ повинностей. Онъ потребовалъ больше, чѣмъ слѣдовало, я не со-

гласился и ушелъ; но говорили мы все время спойно, безъ сердца. Вечеромъ того-же дня онъ приказалъ меня схватить и запереть въ погребъ; тамъ я пролежалъ цѣлую недѣлю, безъ свѣта, питаюсь заплѣснѣвшимъ хлѣбомъ и загнившею водою. Сыновья мои ходили къ нему и умоляли его выпустить меня на волю, но онъ отвѣтилъ имъ: „Я, какъ управляющій, держу его въ тюрьмѣ за то, что онъ дерзко обошелся со мною, какъ съ священникомъ. Если вы принесете мнѣ денежный штрафъ въ двѣсти гульденовъ, то я выпущу его“. Ты видишь, я старикъ, мнѣ болѣе семидесяти лѣтъ; чтобы не дать мнѣ погибнуть въ тюрьмѣ, сыновья мои принесли ему деньги; но и послѣ этого онъ выпустилъ меня не тотчасъ; сначала я долженъ былъ еще внести двадцать гульденовъ за свое содержаніе въ продолженіи недѣли.

— А ты, Степанъ?

— Въ Крещеніе жена моя лежала при смерти. Я позвалъ священника, чтобы онъ причастилъ ее, но онъ отказался, объявивъ, что не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока я не заплачу ста гульденовъ за церковное преступленіе, въ которомъ онъ обвинялъ меня. Я не могъ исполнить этого требованія; жена моя такъ и умерла безъ причастія и соборованія и, точно падаль, была зарыта на краю кладбища... Жена моя! воскликнулъ старикъ, моя бѣдная, добрая, набожная жена!

— Въ какомъ преступленіи онъ обвинялъ тебя?

— Я перекрестился по старому обряду, а онъ случайно увидѣлъ это.

Атаманъ вспыхнулъ отъ негодованія.

— Правда-ли это, старикъ?

— Правда, какъ передъ Богомъ клянусь тебѣ!

— Что ты можешь возразить на это? обратился Тарасъ къ священнику.

— Что и они тоже лгутъ, отвѣтилъ тотъ коротко и порывисто.

— Лгутъ!? воскликнулъ старый Степанъ;—побойся Бога-то!

— Да, сказалъ Тарасъ; — ему-бы слѣдовало послушаться этого совѣта... Впрочемъ, выслушаемъ остальныхъ двухъ свидѣтелей.

Снова воцарилась тишина въ обширной комнатѣ, тускло освѣщенной дымящимся факеломъ. Но вскорѣ къ этому крас-

ному свѣту началъ примѣшиваться другой, болѣе ясный свѣтъ наступающаго утра. Когда наконецъ Юлько и Яцекъ явились съ двумя другими свидѣтелями, на дворѣ было уже совершенно свѣтло.

Робѣя вопли мужики въ комнату; они не подозрѣвали, зачѣмъ ихъ призвали и въ ужасѣ отступили, когда услышали, что священникъ вызвалъ ихъ, какъ свидѣтелей.— „Нась!“ воскликнули оба въ одинъ голосъ; „почему это ему вздумалось указать на насъ?“

— Это все равно, сказалъ Тарасъ и заставилъ ихъ также поклясться, что они покажутъ всю правду.— А теперь скажите, какого вы мнѣнія объ этомъ человѣкѣ?

Въ первую минуту оба молчали. Наконецъ, Иванъ воскликнулъ:— „Объ немъ? Да это самъ дьяволъ!“

— Да, дьяволъ! поспѣшилъ подтвердить и Гаврило.

— Не желаешь-ли ты допросить ихъ? обратился Тарасъ къ Занецкому.

— Нѣтъ! отвѣтилъ тотъ спокойнымъ голосомъ.— Даже теперь самообладаніе не повидало этого желѣзнаго человѣка. Лицо его было блѣдно, какъ у мертвеца, но онъ все еще способенъ былъ улыбаться, хотя, правда, ужасною, искаженною улыбкою. „Сорвалось!“ прошепталъ онъ. „Сорвалось... сорвалось!“ повторилъ онъ еще разъ, какъ-будто говоря съ самимъ собою.

Тарасъ обратился къ присутствующимъ.

— По моему мнѣнію этотъ человѣкъ заслуживаетъ смерти. Кто думаетъ иначе, пусть скажетъ свое мнѣніе!

Никто не отвѣтствовалъ; въ комнатѣ царствовала мертвая тишина. Только изъ равнины сквозъ отворенное окно доносились трели живоронковъ, привѣтствовавшихъ восходящее солнце.

Тарасъ взглянулъ на стѣнные часы.

— Священникъ! сказалъ онъ;— до пяти часовъ остается шесть минутъ. Эти минуты я подарю тебѣ, чтобы ты могъ приготовить предстать предъ Богомъ.

Но и при этихъ словахъ Занецкій не дрогнулъ и по-прежнему, гордо выпрямившись, стоялъ на своемъ мѣстѣ. Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана какой-то пузырекъ и быстро поднесъ его къ губамъ. Всѣ бросились къ нему, но было слишкомъ поздно; передъ ними лежалъ трущъ.

— Какъ жаль, воскликнулъ Яцекъ, — теперь мы, стало быть, не увидимъ, какъ онъ будетъ болтаться на висѣлицѣ!

— Молчи! прикрикнулъ на него Тарасъ. — Онъ былъ порочный, преступный, но храбрый, мужественный человекъ! Положите его на кровать!.. Каждый изъ насъ могъ-бы поучиться у него, какъ умирають, когда смерть неизбежна. Теперь перейдемъ къ другому дѣлу, обратился онъ къ судѣ. — Деревня терпѣла, благодаря покойному, сильныя убытки. Ты въ моемъ присутствіи принесешь всѣ его деньги; распредѣли ихъ по справедливости... Стасъ и Емельянъ, обыщите сосѣдную комнату!

— Неужели-же ты не позволишь намъ предложить тебѣ часть этихъ денегъ? спросилъ судья — По справедливости намъ-бы слѣдовало раздѣлить ихъ съ тобой.

— Нѣтъ, возразилъ Тарасъ, — я не возьму ни гроша!

— Такъ позволь хоть наградить твоихъ молодцовъ.

— Нѣтъ! Они не наемныя убійцы, а мстители.

— Такъ чѣмъ-же вы будете жить?

— На мои собственные средства, пока ихъ хватитъ, а послѣ, быть можетъ, найдутся и другіе, готовые на жертвы, люди.

Въ комнату вошли Стасъ и Емельянъ. — „Повидимому, деньги есть только здѣсь“, сказалъ Стасъ, ставя на столъ маленькую шкатулку.

— Сломай замокъ въ ящикѣ, сказалъ Тарасъ судѣ; — самъ я не желаю даже касаться его.

Старикъ не могъ справиться съ этимъ дѣломъ своими дрожащими руками, покуда не помогъ ему Яцекъ. Когда крышка была открыта, въ шкатулкѣ оказалась только небольшая пачка банковыхъ билетовъ, все остальное были векселя и цѣнные бумаги. „Для насъ имѣють цѣну только эти деньги“, сказалъ судья, начиная считать билеты. „Къ сожалѣнію, тутъ всего тысяча двѣсти гульденовъ; село потеряло разъ въ двадцать больше убытка“.

Тѣмъ временемъ старый Емельянъ стоялъ въ сторонѣ, весь блѣдный, какъ-будто взволнованный тяжелой внутренней борьбой. Теперь онъ подошелъ къ Тарасу.

— Панае! сказалъ онъ нерѣшительно, — я хотѣлъ тебѣ сказать объ этомъ позднѣе, но теперь вижу, что необходимо сказать теперь. Стасъ взялъ и спряталъ бумажникъ, лежавшій на шкатулкѣ... Я видѣлъ это своими глазами.

Тарасъ страшно поблѣднѣлъ и запатался. — „Неужели... это... правда?“ проговорилъ онъ съ трудомъ.

Стась упалъ передъ нимъ на колѣни.

— Прости, пане! пробормоталъ онъ, задрожавъ;—не устоялъ противъ искушенія... смилуйся!

— Гдѣ бумажникъ? спросилъ Тарасъ.

Стась подалъ его.

— Возьми его, судья... Пересчитай эти деньги.

— Семнадцать гульденовъ, объявилъ старикъ.

— Хорошо, присоедини ихъ къ остальному.

Онъ говорилъ хриплымъ голосомъ, весь дрожа отъ страшнаго волненія.

— Стась, продолжалъ онъ все тѣмъ-же голосомъ, — мнѣ жаль тебя; ты испыталъ много горя, а теперь тебѣ приходится такъ позорно умереть. Но я не могу тебѣ помочь... Молись въ послѣдній разъ!

— Смилуйся! стоналъ несчастный; да и остальные присоединились къ этой просьбѣ: — „Атаманъ, прости ему на этотъ разъ!“

— Не могу я этого сдѣлать, сказалъ Тарасъ почти беззвучнымъ голосомъ, отирая выступившій на лбу потъ. — Если-бы я могъ, я охотно простилъ-бы его. Не я, наше святое дѣло требуетъ этого... Молись, Стась!

— Пощади! еще разъ застоналъ виновный и безъ чувствъ упалъ къ его ногамъ. Тарасъ отступилъ на одинъ шагъ и выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля попала въ затылокъ и убила несчастнаго на мѣстѣ. Крикъ ужаса вырвался у присутствующихъ. Затѣмъ все снова затихло и въ комнатѣ слышалось только пѣніе жаворонковъ надъ равнинами.

— Онъ не въ состояніи былъ самъ молиться, сказалъ Тарасъ тѣмъ-же хриплымъ голосомъ, прерывая молчаніе;—помолимся же мы за него!

Онъ перекрестился и блѣдными губами сталъ читать Отче-Нашъ. Остальные повторяли за нимъ слова молитвы.

— А теперь—пойдемте.

Они вышли изъ комнаты, позвали разставленныхъ кругомъ караульныхъ и сѣли передъ дверью на коней. Лицо атамана все еще было блѣдно и страшно неподвижно.

— Какъ намъ благодарить тебя? сказала судья, обращаясь къ Тарасу.

— Ни единымъ словомъ! отвѣтилъ Тарасъ глухимъ голосомъ. — Если-бы я сдѣлалъ все это ради васъ, мнѣ слѣдовало-бы слѣдующій выстрѣлъ изъ этого пистолета направить въ свою собственную голову.

Онъ далъ лошади шпоры и поскакалъ по направленію къ дому священника. Отрядъ Нашка стоялъ готовый къ выступленію. „У насъ трое убитыхъ“, объявилъ еврей; „а изъ солдатъ убито четырнадцать человѣкъ. Не смотря на всѣ предосторожности...“

— Есть у насъ раненые? прервалъ его атаманъ.

— Нѣтъ! Только одинъ человѣкъ слегка задѣтъ пулею, но онъ въ состояніи продолжать путь вмѣстѣ съ нами.

Они поѣхали быстрою рысью по большой дорогѣ, ведущей въ Коломию, но вскорѣ свернули на право въ пустынную, бездорожную степь и послѣ утомительнаго почти шестичасоваго переѣзда достигли деревеньки Назурна какъ разъ въ то время, какъ маленькій колоколь деревенской церкви возвѣстилъ полдень.

Деревня эта—настоящее степное селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ разбросанныхъ бѣдныхъ дворовъ съ скудными полями, и расположено посреди той бесплодной плоской возвышенности, которая тянется между долинами Прута и Чернявы. На разстояніи получаса отъ деревни находится большое болото, которое слыветъ подъ названіемъ „болота Валаховъ“, такъ-какъ здѣсь, по словамъ преданія, во время пограничныхъ войнъ между поляками и румынами, погибъ румынскій отрядъ среди бѣлаго дня. Преданіе это не лишено вѣроятности, потому-что, дѣйствительно, самое острое зрѣніе не въ состояніи различить, гдѣ здѣсь кончается твердая почва и гдѣ начинается трясина. Камышь и ивнякъ покрываютъ не только поверхность коварнаго болота, но на далекое разстояніе и самые берега его. Воды не видно нигдѣ, а высокія деревья, которыя растутъ въ промежуткахъ на небольшихъ островахъ, еще болѣе способствуютъ обманчивости впечатлѣнія. Посрединѣ этого болота находится довольно-большой, густо поросшій буковыми деревьями, островъ, который соединяется съ краемъ болота узкой полосой твердой земли.

Туда и повелъ Тарасъ свою дружину; онъ зналъ это болото,

островъ и скрытый среди кустарниковъ, далеко не всѣмъ извѣстный, доступъ въ нему, еще съ того времени, когда служилъ по сосѣдству, въ Ганковцахъ, конюхомъ. Лучшее мѣсто трудно было отыскать гайдамакамъ; даже хорошій военный инженеръ врядь-ли бы могъ придумать болѣе удобное убѣжище для небольшого отряда всадниковъ, который ежечасно принужденъ рассчитывать на нападеніе болѣе многочисленнаго непріятеля и нуждается въ безопасномъ пристанищѣ, гдѣ-бы можно было отдохнуть и собраться съ силами. А между тѣмъ, здѣсь, своеобразная прихоть самой природы создала убѣжище, вполне удовлетворяющее всѣмъ этимъ требованіямъ. Положеніе его было слишкомъ уединенное, чтобы можно было опасаться случайнаго открытія; даже спасаясь отъ преслѣдованія, отрядъ могъ быстро и незамѣтно скрыться, какъ-будто провалившись сквозь землю, а въ крайнемъ случаѣ легко было защищать узкую плотину противъ многочисленнаго непріятеля. „Мститель“ и впоследствии часто водилъ свою дружину на этотъ островъ, который и понынѣ еще извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ „Тарасовой вѣрности“.

Медленно и не безъ труда гайдамаки провели своихъ коней черезъ поросшую кустами плотину на островъ; покончивъ свой скудный обѣдъ, они могли наконецъ отдохнуть послѣ бессонной ночи, послѣ долгаго, утомительнаго переѣзда. Не смотря на это, только немногіе могли заснуть; едва успѣвъ улечься подъ тѣнью деревьевъ, большая часть гайдамаковъ тотчасъ опять поднялась подъ вліяніемъ какого-то тревожнаго возбужденія. Странное настроеніе, колебавшееся между бѣшеннымъ весельемъ и глубокимъ уныніемъ, овладѣло этими людьми. Тѣ, которымъ никогда еще не приходилось ни убивать, ни видѣть близость смерти, только теперь вполне почувствовали, какъ страшно тяжела участь человека, отрекшагося отъ мирной жизни, и то предавались мрачнымъ думамъ, безотрадному чувству раскаянія, то пытались отогнать отъ себя эти черныя мысли, внезапно затягивая неувереннымъ голосомъ разбойничьи пѣсни, или стараясь утѣшать себя мечтами о предстоящей на завтра „веселой работѣ“. Другіе, для которыхъ все, случившееся въ Косовинцахъ, было дѣломъ привычнымъ, также чувствовали горькое раскаяніе, хотя и по совершенно другимъ причинамъ. Они нисколько не удивились, когда Тарасъ, подъ страхомъ смертной казни, запретилъ имъ

грабить; такъ неизмѣнно поступалъ каждый „доброволецъ“, собиравшій новую дружину; но никто изъ нихъ не ожидалъ, что Тарасъ дойдетъ до того, что откажется отъ предложеннаго подарка и даже рѣшится „убить, какъ собаку, бѣднаго Стаса изъ за нѣсколькихъ гульденовъ“. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, каждый изъ этихъ людей спрашивалъ себя: что-же въ сущности связываетъ ихъ съ этимъ человѣкомъ, который изъ упрямства выбралъ въ предводителя „проклятаго жида“, Богъ знаетъ изъ за чего смертельно оскорбилъ своихъ односельцевъ и, повидимому, вполне серьезно разсчитываетъ, что собравшіеся поды его знамя люди станутъ рисковать своей шкурой, единственно ради насущнаго хлѣба? Но при этомъ власть, которую Тарасъ имѣлъ даже надъ душами такихъ испорченныхъ людей, была такъ велика, что они не только не повѣряли своихъ мыслей другъ другу, но едва рѣшались признаться въ нихъ самимъ себѣ. Молча лежали они въ высокой травѣ, предаваясь невеселымъ думамъ, а потомъ вдругъ вскакивали и до тѣхъ поръ приставали къ уставшему Каролу Выгодѣ, пока онъ не брался опять за волюнку и не принимался снова наигрывать плясовой мотивъ „горы“. Кромѣ того, всѣхъ, и злыхъ и добрыхъ, тяготила мучительная мысль объ ежечасно угрожающей имъ смерти. Четверо изъ товарищей, такъ весело покинувшихъ въ полночь „Бѣлые Ключи“, поплатились жизнью, и если даже нападеніе на замокъ съ небольшимъ гарнизономъ стоило жизни десятой части отряда, то что-же ожидало ихъ въ слѣдующую ночь, когда придется проникнуть въ хорошо защищенный уѣздный городъ? Вотъ почему не одинъ изъ гайдамаковъ, только что кружившихся въ бѣшеной пляскѣ, внезапно блѣднѣлъ и отходилъ въ сторону, чтобы въ слѣдующую-же минуту снова отдаться шумному веселію.

Только Тарасъ казался безмятежнымъ. Съ спокойнымъ лицомъ онъ раздавалъ приказанія относительно предстоящей ночной экспедиціи, такимъ равнодушнымъ тономъ, какъ-будто стоялъ у себя на дворѣ и дѣлалъ распоряженія относительно того, какъ на слѣдующій день жать пшеницу. На Нашва это неестественное спокойствіе производило тяжелое впечатлѣніе, такъ-какъ онъ догадывался, что другъ его больше чѣмъ кто-нибудь страдаетъ при мысли о кровопролитіи, ознаменовавшемъ минувшую ночь. Поэтому, когда Тарасъ подозвалъ его къ себѣ, онъ вдвойнѣ ста-

рался доказать, что ни Тарасъ ни его распоряженія въ этомъ нисколько не виноваты.

— Семнадцать человѣкъ! сказалъ онъ печально;—это дѣйствительно ужасно. Но я, положа руку на сердце, могу сказать, что сдѣлалъ все возможное для того, чтобы предотвратить кровопролитіе. Нашъ планъ не удался, благодаря бдительности часового. Онъ насъ замѣтилъ и тотчасъ выстрѣлилъ, а вслѣдъ затѣмъ выбѣжали и остальные, изъ которыхъ многіе не успѣли даже захватить оружія. Я не могъ позволить имъ выстроиться и вооружиться, и поэтому оставался только одинъ исходъ,—отрѣзать часть отряда, проникнуть вслѣдъ за другими въ домъ и справиться съ ними, прежде чѣмъ они успѣютъ опомниться. Здѣсь, въ тѣсныхъ комнатахъ, въ темнотѣ, начался рукопашный бой, въ которомъ и были убиты четырнадцать солдатъ и трое изъ нашихъ. Многихъ раненныхъ и быть не могло ни съ ихъ, ни съ нашей стороны; среди этой ужасной рѣзни въ темнотѣ никому и въ голову не приходило просить пощады или щадить врага. Только, когда зажгли фавелы—и клянусь тебѣ, что это было сдѣлано при первой возможности,—только, когда я могъ доказать солдатамъ, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно,—оказалось возможнымъ прекратить кровопролитіе, и начиная съ этого мгновенія, ни одинъ человѣкъ...

— Хорошо, довольно... сказалъ Тарасъ, отвертываясь.

Еврей посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.— „Ты не хочешь выслушать меня до конца? спросилъ онъ. Я думалъ, что твое душевное спокойствіе...“

— Прекратимъ этотъ разговоръ, сказалъ Тарасъ спокойно.— Ты добросовѣстно исполнилъ свою обязанность. А что касается до остальнаго... не все-ли равно, убито-ли десятью человѣками больше или меньше? Развѣ для меня это можетъ имѣть какое-нибудь значеніе?

Губы его исказились улыбкою, которая еще больше испугала Нашкѣ, чѣмъ прежде спокойствіе.— „Тарасъ, воскликнулъ онъ,—не можетъ быть, чтобы это было твоимъ искреннимъ мнѣніемъ!“

— Ты думаешь? спросилъ онъ, и та-же ужасная улыбка мелькнула на его серьезномъ, вроткомъ лицѣ.—Быть можетъ, ты и ошибаешься!

Онъ отвернулся и отошелъ, чтобы распорядиться смѣною ча-

совыхъ, которые должны были стоять на караулѣ до наступленія сумерокъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ въ свою очередь приготовился отдохнуть. „Теперь и я пойду спать“, сказалъ онъ, отошелъ на противоположный конецъ острова, растянулся въ высокой травѣ и вплоть до вечера пролежалъ здѣсь неподвижно.

Новички съ завистью косились на него. „Вѣдь вотъ, думалось имъ,—Тарасъ тоже непривыченъ къ этому ремеслу, онъ затѣялъ все это дѣло, даже убилъ беззащитнаго человѣка, и все-таки можетъ спокойно спать, между тѣмъ какъ насъ-то и дѣло будятъ угрызения совѣсти!“ Только Нашкѣ и Емельяну лучше другихъ понимали, что происходитъ въ душѣ Тараса.

Около восьмага часа, когда уже значительно стемнѣло, атаманъ снова появился среди своей дружины. По данному имъ приказанію, гайдамаки снарядились въ путь и опять осторожно перевели своихъ лошадей на окружающую болото твердую почву. Здѣсь отрядъ окончательно выстроился. Такъ-какъ теперь предстояло покинуть степь и очутиться въ густо населенной мѣстности, а къ тому-же можно было ожидать, что вѣсть о случившемся въ Косовинцахъ дошла уже до уѣзднаго города и усугубила бдительность городского начальства, то во время этого переѣзда были приняты всѣ мѣры осторожности. Тарасъ раздѣлилъ дружину на три отряда. Начальство надъ авангардомъ принялъ онъ самъ, второй, самый многочисленный, былъ порученъ Кречету, а арьергардъ—Нашку. Всѣ три отряда должны были ѣхать на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Раздались сигналы, и авангардъ, съ Тарасомъ во главѣ, тронулся въ путь; затѣмъ послѣдовалъ Юлькѣ и наконецъ еврей.

Крупною рысью ѣхали они среди темноты весенней ночи; сначала путь ихъ лежалъ на западъ, по бездорожной степи, пока они не попали и не свернули на дорогу, ведущую изъ Назурны въ Корничъ. Небо было покрыто тучами, въ воздухѣ стояла духота. Все глубже, все ближе къ землѣ спускались свинцовыя облака; наконецъ, стало ужъ такъ темно, что невозможно было различать дорогу. Тарасъ началъ беспокоиться и безпрестанно посвистывалъ въ свой сигнальный свистокъ. Въ началѣ, вслѣдъ за его сигналомъ, немедленно раздавались и сигналы двухъ другихъ предводителей; но затѣмъ свистъ одного изъ нихъ сталъ звучать все слабѣе и слабѣе и притомъ не съ той стороны, гдѣ-бы слѣдовало быть отряду.

Какъ ни досадно было Тарасу на тако замедленіе, онъ рѣшилъ остановиться, а потомъ счелъ нужнымъ даже поѣхать назадъ. На главный отрядъ они наткнулись очень скоро, за то прошло не мало времени, пока имъ удалось наконецъ соединиться съ аррьергардомъ, который, какъ оказалось, попалъ въ темнотѣ на другую дорогу.

Теперь рѣшено было ѣхать вмѣстѣ. При данныхъ условіяхъ, это было всего безопаснѣе. Съ трудомъ отыскивали они настоящую дорогу, скоро миновали нѣсколько отдѣльныхъ хатъ и, наконецъ, услышали шумъ теченія рѣчки Вильховець, которая, начинаясь въ Добровскихъ горахъ, быстро мчитъ свои воды въ Прутъ. Тутъ оказалось новое горе: они ошиблись въ направленіи, не попали на единственный мостикъ, который велъ черезъ этотъ бурный горный потокъ, и не знали навѣрное, куда теперь ѣхать,—вверхъ или внизъ по теченію.

— Пусть одни ѣдутъ внизъ, а другіе вверхъ по теченію, предложилъ Юлько;—кто первый упадетъ на мостикъ, подастъ сигналъ остальнымъ.

— Нѣтъ, сказалъ Тарасъ;—такимъ образомъ мы потеряемъ слишкомъ много времени. Не можетъ быть, чтобы въ Вильховцѣ не было гдѣ-нибудь брода. Въ послѣдней хатѣ, мимо которой мы проѣзжали, виднѣлся еще свѣтъ. Я приведу оттуда проводника.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ онъ поскакалъ къ хатѣ и остановился передъ освѣщеннымъ окномъ. Въ низкой комнатѣ сидѣлъ статный мужикъ съ привѣтливымъ красивымъ лицомъ и совершенно сѣдыми волосами; возлѣ него сидѣла его жена, и онъ при свѣтѣ лучины съ довольной улыбкой пересчитывалъ съ нею лежавшую на столѣ кучку денегъ.

— Эй, старикъ! крикнулъ Тарасъ и постучалъ въ окно.

Мужикъ вскочилъ и поспѣшно потушилъ лучину. Жена его въ ужасѣ вскрикнула. Это былъ единственный отвѣтъ, котораго дождались ждавшіе передъ домою люди.

— Не пугайтесь! крикнулъ Тарасъ;—мы пріѣхали только попросить у васъ небольшой услуги.

— Ночью-то? послышался наконецъ голосъ мужика.—Сдѣлайте милость, не мѣшайте мнѣ спать.

— Да вѣдь ты и не думалъ еще спать, нетерпѣливо отвѣчалъ Тарасъ;—ты считаешь свои деньги. Не бойся, мы ихъ не тронемъ;

я и самъ тебѣ готовъ заплатить, если ты покажешь мнѣ дорогу. Я ищу ближайшаго брода въ Вильховцѣ.

— Зачѣмъ тебѣ ѣхать бродомъ? спросилъ мужикъ. Поѣзжай черезъ мостикъ; до него отсюда всего полчаса ходьбы внизъ по теченію; а сегодня ночью ты узнаешь его издали по востру, который развели возлѣ него гусары.

— Гусары! съ испугомъ воскликнулъ Тарась.

— Да, гусары. Никакъ тебѣ это не по вкусу? Да, разбойникамъ я-бы не совѣтовалъ ѣхать сегодня ночью черезъ мостикъ.

— Слушай, сказалъ Тарась;—я не разбойникъ, да и тебя считаю за честнаго человѣка; прошу тебя, выйди ко мнѣ; мнѣ нужна твоя помощь. Я Тарась,—мститель.

— Тарась! воскликнулъ мужикъ тономъ величайшаго изумленія;—Тарась! повторилъ онъ радостно и настѣжь раскрылъ окно.—Неужели это ты? Какое счастье, какая честь!.. Жена, зажигай лучину, чтобы я могъ разглядѣть его лицо!.. Но вѣдь ты приказалъ, чтобы я вышелъ къ тебѣ, пане... Сейчасъ, сейчасъ.

— Подожди, отвѣчай мнѣ сначала. Ты говоришь, что возлѣ моста стоятъ гусары?

— Какъ-же, какъ-же; тридцать человѣкъ. Да развѣ ты этого не знаешь? Развѣ ты не знаешь, какія мѣры рѣшило принять противъ тебя начальство въ Коломій? Мнѣ это все отлично извѣстно, такъ-какъ я не болѣе какъ часъ тому назадъ вернулся оттуда съ рынка. Теперь-то я признаюсь тебѣ: я выручилъ сегодня пятнадцать гульденовъ; овецъ продалъ. Да и имени своего я тебѣ еще не сказалъ; зовутъ меня Стенькó Воробка.

— Ну, рассказывай, Стенькó; не теряй времени.

— Твоя правда; пустое я болтаю; старикъ вѣдь я. Такъ слушай-же. Сегодня на разсвѣтѣ пріѣхала въ Коломію телѣжка съ полицейскими, безъ комиссара. Можешь себѣ представить, какъ всѣ перепугались. „Капронскаго-то намъ не жаль, говорили въ городѣ; пускай Тарась дѣлаеть съ нимъ, что хочетъ; но вѣдь коли онъ примется за работу, такъ прежде всего пожалуетъ къ намъ, чтобы повѣсить управляющаго“. Вотъ они и послали немедленно нарочнаго въ Заблотовъ за цыганами, которые натворили столько бѣдъ въ твоемъ селѣ, а къ вечеру солдаты уже прибыли въ городъ... Какъ я радъ, Тарась, что могу тебѣ все это рассказать... Только городскому начальству не хотѣлось, чтобы схватка между гусарами и твоимъ отрядомъ произошла въ са-

момъ городѣ, а потому они рѣшили изловить тебя по дорогѣ и велѣли цыганамъ да бѣломундирникамъ, которые и прежде стояли въ городѣ, расположиться внѣ города полукругомъ и отрѣзать дорогу къ городу со стороны горъ. Теперь всѣ отряды, должно быть, уже размѣстились.

— Гдѣ они стоятъ?

— По дорогѣ, ведущей въ Городенку, въ Ченявѣ, возлѣ нашего мостика и возлѣ селенія Маріагильфъ. Ни одной мыши не удалось-бы пробраться, такъ-какъ между отдѣльными отрядами безпрестанно разбѣзжаютъ патрули.

— Я не повстрѣчалъ ни одного.

— Да потому и не повстрѣчалъ... хи-хи... что здѣсь какъ разъ прорѣха въ ихъ сѣти. Они увѣрены, что черезъ бурный Вильховець невозможно переправиться иначе какъ по мостику.

— Стало быть, есть бродъ?

— Какъ-же! Не особенно удобный, но перебраться можно... Вотъ тутъ, въ трехъ шагахъ. Ты въ самомъ дѣлѣ ѣдешь въ Коломию? Что-жь, не бойся, поѣзжай; вѣдь тамъ не осталось и дюжины солдатъ.

Тарасъ немного подумалъ. — „Ѣдемъ“, сказалъ онъ, наконецъ. Дѣло это опасное; быть можетъ, насъ ждетъ вѣрная смерть; но, такъ и быть, попытаемъ судьбу! Понятно, что теперь намъ не слѣдуетъ уже терять ни минуты времени“.

Крестьянинъ поспѣшно одѣлся, сѣлъ на лошадь, за спиною одного изъ всадниковъ, и они вернулись къ ожидавшимъ ихъ товарищамъ. Тарасъ въ короткихъ словахъ изложилъ имъ положеніе дѣлъ. — „Попытаемся“, сказалъ онъ въ заключеніе. „Попытаемся!“ воскликнули восторженно Юлькѣ и Нашкѣ. Остальные также выразили свое согласіе.

Слѣдуя указаніямъ старика, они начали переходить рѣчку въ бродъ. Теченіе было необыкновенно сильное, а непроглядная темнота еще увеличивала опасность; тѣмъ не менѣе, они счастливо достигли противоположнаго берега. „Спасибо тебѣ!“ сказалъ Тарасъ, обращаясь къ проводнику; „вотъ тебѣ обѣщанная плата“.

Но Стенькѣ съ негодованіемъ отказался отъ денегъ.

— Не обижай меня, сказалъ онъ; — развѣ ты не мститель за насъ всѣхъ? Нѣтъ, ничего я не возьму отъ тебя и всю ночь проѣду съ вами. Смотри, какая темнота. Безъ меня вы и го-

рода-то не отыщите, не говоря уже про обратную дорогу и про бродь.

— У тебя домъ и жена, предупредилъ его Тарасъ. — Что если они тебя застануть съ нами?!

— Небось, не застануть! возразилъ мужикъ. — Притомъ, развѣ ты не знаешь, что все въ жизни опредѣлено намъ судьбою? Если ужь мнѣ суждено погибнуть, то я погибъ-бы и безъ васъ.

Двое изъ гайдамаковъ сѣли на одну лошадь, а старикъ, рядомъ съ Тарасомъ, поѣхалъ во главѣ отряда. Такъ они поѣхали быстрой рысью по лугамъ и пашнямъ по направленію къ Королевкѣ, а затѣмъ, повернувъ къ сѣверу, достигли большой дороги, ведущей въ Коломію. Дорога была совершенно безлюдна, только на разстояніи четверти часа отъ города повстрѣчали они нѣсколькихъ крестьянъ, возвращавшихся съ базара. Впрочемъ, запоздали они отнюдь не по торговымъ дѣламъ, а просто засидѣлись въ кабакѣ и сильно навеселѣ брели теперь во-свои. Увидѣвъ внезапно окружившій ихъ вооруженный отрядъ, котораго начальникъ обратился къ нимъ съ вопросомъ, они быстро отрезвѣли и въ свою очередь подтвердили, что городской гарнизонъ вмѣстѣ съ гусарами выступилъ противъ „мстителя“ и что въ городѣ осталось только нѣсколько солдатъ на гауптвахтѣ да возлѣ тюрьмы.

Теперь гайдамаки свернули съ большой дороги и поѣхали по проселочной, причемъ проводникомъ служилъ Василь Солевичъ, такъ-какъ онъ одинъ хорошо зналъ положеніе виллы, въ которой они надѣялись найти Гайека. Вилла эта находилась на краю дороги, ведущей къ нѣмецкой колоніи Маріагильфъ, и состояла изъ красиваго двухэтажнаго строенія, окруженнаго обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ крѣпкой желѣзной рѣшеткой. Сзади, а также и по обоимъ бокамъ, ко двору примывали большіе фруктовые сады. Ближайшее жилое строеніе находилось на разстояніи пяти минутъ, городъ—на разстояніи четверти часа.

Когда отрядъ уже подъѣзжалъ къ виллѣ, въ воздухѣ пронесся рѣзкій, протяжный звукъ: часы на колокольнѣ пробили часъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда въ темнотѣ показались уже освѣщенные окна дома, по близости раздался пронзительный свистъ...

Всадники осадили коней. „Засада!“ воскликнули они. „Назадъ!“

— Впередъ! приказалъ Тарасъ, прищпоривая лошадь. — Негодяй выставилъ развѣдчиковъ, которые должны были предупредить его о нашемъ появленіи!.. Онъ въ домѣ! Смотрите!..

Онъ указалъ на виллу, въ которой быстро темнѣло одно окно за другимъ. Когда они подъѣхали къ дому, желѣзные рѣшетчатые ворота съ грохотомъ захлопнулись, замокъ заскрипѣлъ, а человекъ, успѣвшій это сдѣлать, поспѣшно перебѣжалъ черезъ дворъ и скрылся въ галлерейхъ виллы.

— За топоры! приказалъ Тарасъ. Нѣсколько человекъ, соскочивъ съ лошадей, принялись сбивать замокъ; другіе стали сокрушать прикладами рѣшетку. Желѣзные полосы начинали уже гнуться. Вдругъ двери виллы растворились и на дворъ вышелъ сѣдой старикъ съ непокрытой головой, съ ключемъ въ рукахъ; впереди шли два лакея съ факелами. Это былъ панъ Антоновичъ.

— Здравствуйте, добрые люди! началъ онъ. — Зачѣмъ вы безъ нужды поргите мою рѣшетку? Я вамъ и самъ отопру, если вы скажете мнѣ, кто вы и чего вамъ отъ меня нужно.

— Ты это и самъ знаешь! воскликнулъ Тарасъ. — Негодяй управляющій у тебя въ домѣ.

— Да, сказалъ старикъ и затѣмъ продолжалъ громко и съ разстановкой: — Мы всѣ знаемъ, что теперь онъ уже не можетъ спастись отъ тебя, а потому я самъ отопру тебѣ ворота, если ты общаешь мнѣ, что не сдѣлаешь вреда никому изъ насъ, что возьмешь его съ собою и не станешь казнить его здѣсь. Надѣюсь, ты избавишь его невѣсту, мою дочь, отъ такого ужаснаго зрѣлища!

— Ты говоришь чрезвычайно разсудительно, возразилъ Тарасъ съ горькой усмѣшкой. — Я вижу, что онъ избралъ себѣ достойнаго тестя. Да, я общаю тебѣ исполнить всѣ твои просьбы. Отпирай!

Армянинъ отперъ ворота. Юлько и Нашко съ главнымъ отрядомъ остались на улицѣ; только человекъ двѣнадцать вмѣстѣ съ Тарасомъ въѣхали во дворъ; часть изъ нихъ окружила зданіе, другіе послѣдовали за Тарасомъ въ домъ.

— Гдѣ управляющій? спросилъ Тарасъ хозяина.

— Во второмъ этажѣ, отвѣчалъ панъ Богданъ такимъ по-

войнымъ голосомъ, какъ будто посылалъ въ зятю какаго-нибудь случайнаго, добраго посѣтителя. — Тамъ, по крайней мѣрѣ, я его оставилъ. Когда я напрямикъ объявилъ ему, что не намѣренъ ни скрывать, ни защищать его отъ тебя, онъ едва не лишился чувствъ и не въ силахъ былъ тронуться съ мѣста; но теперь, я полагаю, онъ уже успѣлъ оправиться и забился куда-нибудь въ уголь.

Тарасъ сталъ подниматься по лѣстницѣ. На площадѣ ожидали его, стоя на колѣняхъ, пани Антонія и графиня. Обѣ женщины, видимо, были крайне взволнованы, плакали, дрожали, а когда онъ хотѣлъ пройти мимо ихъ, обняли его колѣно. — „Смилуйся!“ — умоляли онъ, — „прости его!“ Тарасъ попытался освободиться, но они уцѣпились за него и всѣми силами старались его удержать. — „Пустите меня, — сказалъ онъ, — всѣ ваши мольбы бесполезны!“

Но онъ не пускали его. — „Неужели ты исполнишь свой замыселъ передъ моими глазами?“ — воскликнула пани Ванда въ отчаяніи, запуская руки въ волосы, такъ что тяжелыя косы распустились и рассыпались по ея плечамъ.

— Нѣтъ! И вы сами, если хотите, можете выйти изъ дома. До женщинъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Ахъ! простонала мать, — какъ же намъ, беззащитнымъ женщинамъ, оставаться посреди твоихъ товарищей?

— Они не сдѣлаютъ вамъ никакого вреда. Впрочемъ, мужъ твой можетъ сопровождать тебя; конечно, съ условіемъ, чтобы вы не покидали двора.

Онъ далъ стоявшему у наружной двери челоуѣку соотвѣтствующій приказъ и отправился, въ сопровожденіи Емельяна, Сефка, Василя и нѣсколькихъ другихъ надежныхъ людей во второй этажъ. Они зажгли факелы и принялись обыскивать комнаты. Нигдѣ не было ни души. Тщетно заглядывали они во всѣ комнаты, отодвигали кровати и диваны, отбдывали каждую занавѣсъ. Нетерпѣніе ихъ возрастало съ минуты на минуту; они такъ тщательно обыскивали каждую комнату, что, казалось, не удалось бы ускользнуть отъ ихъ вниманія даже котенку, а не только челоуѣку. Но нигдѣ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ живаго существа. Наконецъ, имъ оставалось осмотрѣть еще только одну комнату — столовую.

Обѣ двери оказались запертыми. — „Наконецъ!“ восклик-

нуль Тарась, вздохнувъ. Передъ одною дверью онъ поставилъ часоваго, а другую приказалъ выломать. Столъ былъ накрытъ. Въ недопитыхъ стаканахъ еще искрилось шампанское. На столѣ оказалось пять бокаловъ. — „Кто бы могъ быть пятый?“ спросилъ Емельянь.

— Здѣсь! крикнулъ торжествующимъ тономъ Василь изъ глубины залы.— Вотъ онъ, злодѣй! Вылѣзай, братъ, вылѣзай!

Дѣйствительно, оказалось, что въ углу комнаты спрятался какой-то человекъ, избравшій себѣ престранное убѣжище. Онъ опрокинулъ большую корзину съ дровами, высыпалъ ее содержимое и, затѣмъ, насколько это оказалось возможнымъ, расположился въ этомъ узкомъ помѣщеніи. Однако, это удалось ему не вполнѣ, крышка не совсѣмъ закрылась и изъ-подъ нея виднѣлась пола сюртука. Василь толкнулъ корзину ногой и опрокинулъ ее, но спрятавшійся въ ней человекъ засѣлъ такъ плотно, что не вывалился. Онъ застрялъ въ своемъ убѣжищѣ и поднялъ пронзительный и жалобный крикъ.

— Это не Гайекъ! воскликнулъ Тарась, когда Василь и Сефко вытащили, наконецъ, несчастнаго изъ корзины. Дѣйствительно, это былъ не тотъ, кого они искали; это былъ панъ Тадеушъ Базанскій. Голова и все тѣло его были усыпаны опилками, чамарка была изодрана, колѣни дрожали, а лицо до такой степени поблѣднѣло, что даже на носу оставалось только блѣдное розовое сіяніе. Такъ онъ стоялъ, оторопѣвъ отъ страха, и не находя даже словъ, чтобы молить о пощадѣ.

— Кто ты? обратился къ нему Тарась повелительнымъ тономъ.

— Я... а... гость!.. Пощади! Вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ!

— Гдѣ управляющій?

— Скрылся. Ты какъ разъ говорилъ со старикомъ, когда онъ ускользнулъ изъ дома... Тарась въ бѣшенствѣ топнулъ ногою.— „Пощади, я все, все тебѣ расскажу! взмолился, заикаясь отъ страха Базанскій. Въ виду разставленныхъ всюду отрядовъ войска появленіе твое казалося, правда, мало вѣроятнымъ; тѣмъ не менѣе вокругъ дома разставили слугъ, которые должны были подать сигналъ въ случаѣ опасности. Мы сидѣли всѣ вмѣстѣ, пили и не думали про опасность, какъ вдругъ послышался свистокъ. А въ слѣдующее мгновеніе появился и ты самъ, такъ что едва хватило времени запереть ворота и стащить внизъ

управляющаго. Самъ онъ не въ состояніи былъ идти, такъ-какъ отъ страха едва не лишился чувствъ. Но, опасаясь, что ты сломаешь ворота раньше, чѣмъ имъ удастся спроводить его въ садъ, а оттуда направить къ городу, Антоневичь съ женою и дочерью рѣшились тебя обмануть и задержать. Они просили, было, и меня поддержать ихъ планъ, но я отвался на отрѣзъ. Нѣтъ, сказалъ я, въ этомъ я вамъ не товарищъ: противъ Тараса я ничего не предприиму; „мститель“ — благородный человѣкъ, честный человѣкъ, великодушный человѣкъ...

Но Тарасъ уже не слушалъ его лестныхъ изліяній. — „Замной!“ крикнулъ онъ стоявшимъ въ комнатѣ гайдамакамъ и, выбѣжавъ изъ столовой, быстро спустился по лѣстницѣ. „Приведи-ка сюда эту почтенную троицу!“ обратился онъ къ стоявшему возлѣ двери часовому.

— Атаманъ, сказалъ тотъ, вздыхая, — они скрылись!

— Скрылись! За это вы мнѣ отвѣтите!

Онъ поспѣшилъ на дворъ. Съ смущеніемъ встрѣтили его стоявшіе здѣсь на часахъ гайдамаки.

— Атаманъ, начали они, — мы, право, не виноваты. Эти коварныя змѣи сѣумѣли-бы провести самаго Бога, а то, пожалуй, и дьявола. Мы велѣли имъ стоять здѣсь, возлѣ стѣны, и въ теченіе нѣкотораго времени они и въ самомъ дѣлѣ стояли смирно. Только вдругъ старуха вскрикнула и притворилась, будто падаетъ въ обморокъ, а молодая-то стала умолять насъ помочь ей донести мать вонъ до той скамеечки возлѣ забора, да вдругъ какъ закричить: „Воды! Ради Христа — воды!“ Ну, мы видимъ, бабы плачутъ, да и старикъ тоже убивается, — и согласились исполнить ихъ просьбу. Только приходимъ мы назадъ съ водой, а ихъ и слѣдъ простылъ. Скрыться они могли только черезъ садъ, но какъ мы ни старались догнать ихъ, въ темнотѣ это оказалось совершенно невозможнымъ.

Тарасъ задумчиво уставился въ землю. „Объ этомъ потолкуемъ послѣ“, сказалъ онъ мрачно. „Здѣсь-же намъ теперь осталось исполнить только одно дѣло. Домъ, въ которомъ управляющій находилъ гостепріимный пріютъ, хозяинъ котораго такъ коварно меня обманулъ, долженъ исчезнуть съ лица земли... Зажгите его въ двадцати мѣстахъ, — въ подвальномъ этажѣ, въ жилыхъ покояхъ и подъ крышей... Но — онъ вынулъ пистолеть — кто дорожитъ жизнью, пусть не пытается грабить!“

Гайдамаки подняли радостный крикъ и бросились съ факелами въ домъ.

— А что приважешь дѣлать вотъ съ этимъ молодцомъ? спросилъ Василь, подводя Базанскаго, котораго онъ, вмѣстѣ съ Емельяномъ, держалъ за шиворотъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ Тарась; — кто ты?

— Тадеушъ Базанскій, а... а...

— А кто онъ такой, я могу тебѣ сказать, докончилъ Василь. — Слуга управляющаго рассказалъ мнѣ про него. Онъ дармоѣдъ, своднивь и прихлебатель. Обрученіе нашего-то злодѣя съ той толстой, бѣлокурой бабой вѣдь тоже онъ устроилъ.

— Да, воскликнулъ Базанскій, — этого я не стану отрицать. Но если-бы ты зналъ, какою она пользуется репутаціей и какая участь ждетъ твоего врага послѣ брака, то ты долженъ-бы быть мнѣ за это благодаренъ.

Все это было сказано такъ убѣдительно, такимъ тономъ глубочайшей искренности, что Тарась невольно улыбнулся. Но лицо его снова омрачилось, когда Василь продолжалъ: „Онъ шляхтичь, полякъ. Теперь у него, правда, ничего ужъ нѣтъ, но онъ самъ сколько разъ рассказывалъ, какъ въ юности обдиралъ мужиковъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ.

— Вотъ какъ? грозно спросилъ Тарась.

— Ахъ, не правда! жалобно застоналъ Тадеушъ; — вѣдь у меня и помѣстій-то никогда не было. И откуда у меня быть помѣстьямъ?

— Пане, увѣрялъ Василь, — онъ самъ рассказывалъ объ этомъ другимъ панамъ въ винномъ погребѣ.

— Конечно, продолжалъ потомокъ литовскаго княжескаго рода все тѣмъ-же жалобнымъ тономъ, — когда мучить жажда, такъ чего не расскажешь. Небось, даромъ никто не поднесетъ бѣдному старику стакана вина; каждому хочется послушать за это вранья. Ну, вотъ я и вралъ. Совсѣмъ я не дворянинъ и никогда не носилъ меча; отецъ мой былъ бѣдный сапожникъ, а я самъ... Онъ запнулся.

— Ну, кто-же ты на самомъ дѣлѣ?

— Теперь — никто. Чѣмъ я теперь живу, я уже сказалъ тебѣ, благородный мститель, да и вотъ этотъ... этотъ молодой панъ говорилъ правду. Но въ юности я былъ... художникомъ.

— Какимъ-же художествомъ ты занимался?

Тадеушъ смутился и ничего не отвѣчалъ. Наконецъ, онъ попытался объяснить знаками. Онъ провелъ рукою по щекамъ и горлу и при этомъ сконфуженно улыбался.

— Что-же, ты былъ убійцею?!

— Нѣтъ, цирюльникомъ! сознался Тадеушъ. Пусть Господь никогда не даруетъ мнѣ лучшей участи, если я лгу! Я былъ цирюльникомъ и даже не разучился еще своему ремеслу. Если тебѣ угодно...

— Благодарю, сказалъ Тарасъ, и затѣмъ прибавилъ, обращаясь къ Василию: — Отпусти его на всѣ четыре стороны.

Базанскій смиренно поблагодарилъ и послѣпно скрылся въ темнотѣ.

Посланные въ домъ гайдамаки возвратились. „Приказаніе твое исполнено, пане. Мы развели огонь въ тѣхъ комнатахъ, которыхъ овна смотрять въ противоположную отъ города сторону, чтобы пожаръ какъ можно позднѣе замѣтили съ башни“.

Раздался сигналъ; минутой спустя, всѣ уже были на коняхъ. „Не напрасно-же пріѣзжали мы сюда“, крикнулъ Тарасъ, обращаясь къ своей дружинѣ. — „Накроемъ злодѣя въ его-же собственномъ жилищѣ, посреди города!“.

Еще не успѣлъ онъ окончить этихъ словъ, какъ на колокольнѣ загудѣлъ набатъ. Короткіе, быстро слѣдующіе другъ за другомъ, зловѣщіе звуки далеко разносились среди ночной тишины. Тарасъ оборотился къ виллѣ. Дымъ начиналъ уже валить изъ оконъ, но нигдѣ еще не видно было пламени. „Это не пожарный сигналъ!“ воскликнулъ онъ. „Это тревога! Они знаютъ, что мы здѣсь. Но это все равно! Горожане пальцемъ насъ не тронуть, а съ горстью бѣломундирниковъ мы, надѣюсь, справимся. Но теперь, разумѣется, придется прямо ударить на гауптвахту. Злодѣй навѣрное спрятался тамъ и не рѣшился остаться въ своей квартирѣ. Хотите, братцы?“

— Ура! крикнули въ отвѣтъ гайдамаки.

— Впередъ!

Все нижеслѣдующее произошло съ такою изумительною быстротою, что даже разсказъ о случившемся потребуетъ больше времени, чѣмъ потребовало самое происшествіе.

Всадники бѣшенымъ галопомъ мчатся къ городу. Съ каждымъ мгновениемъ доносящійся со стороны города шумъ растетъ. Къ набатному волоколу главной церкви присоединились

волокола всѣхъ остальныхъ башенъ и колоколенъ и наполняютъ воздухъ своимъ рѣзкимъ, оглушительнымъ звономъ. Къ этому еще примѣшиваются крики и отчаянные возгласы проснувшихся жителей: „Пожаръ! пожаръ!.... Спасайтесь... Мститель въ городѣ!“

Глубокая темнота вдругъ замѣняется яркочернымъ освѣщеніемъ. Въ ту-же секунду огонь вырывается изъ всѣхъ оконъ виллы и показывается на крышѣ; въ слѣдующее мгновеніе весь домъ объятъ пламенемъ...

Съ приближеніемъ гайдамаковъ къ рыночной площади, на улицахъ увеличивается шумъ и смятеніе. Жители выбѣгаютъ изъ своихъ домовъ въ ночной одеждѣ, слышатъ ужасную вѣсть, передаютъ ее другъ другу, и всюду раздается крикъ: „Мститель въ городѣ!“ Одни спѣшатъ обратно въ дома и начинаютъ запира- рать двери, а другіе, обезумѣвъ отъ страха, бѣгутъ на рыночную площадь.

— Ура! все громче раздается военный крикъ всадниковъ. Кто не успѣваетъ во время посторониться, тотъ попадаетъ подъ копыта ихъ лошадей. Наконецъ, они на рыночной площади. Зданіе гауптвахты ярко освѣщено, у воротъ горятъ факелы; передъ воротами съ ружьями на готовѣ выстроились солдаты, подъ начальствомъ капрала.

Всадники скачутъ къ гауптвахтѣ. Собравшаяся на площади толпа съ криками ужаса обращается въ бѣгство. „Пли!“ командуетъ капралъ. Милво, какъ снопъ, повалился съ лошади; Нашко зашатался на своемъ сѣдлѣ. Въ слѣдующую минуту солдаты смяты и всѣ убиты до единого человѣка.

Десять всадниковъ остаются у воротъ; съ остальными Тарасъ бросается въ домъ искать управляющаго. Въ первомъ этажѣ всѣ комнаты пусты. У лѣстницы, ведущей во второй этажъ, его встрѣчаютъ два старика, бургомистръ и священникъ; оба бросаются передъ нимъ на колѣни. „Смилуйся!“ умоляютъ они; „управляющаго нѣтъ въ этомъ домѣ.“

— Гдѣ-же онъ?

— Мы этого не знаемъ, а если-бы знали, то не задумались-бы выдать его, чтобы спасти жизнь другихъ, невинныхъ людей. Вѣроятно, онъ лежитъ безъ чувствъ въ одномъ изъ садовъ. Это сказалъ намъ слуга, который провожалъ его, а потомъ, оставивъ

господина, поспѣшилъ впередъ, чтобы поскорѣе сообщить намъ важное извѣстіе.

— Повлянитесь!

Они произнесли торжественную вкляту.

— Въ такомъ случаѣ, все было напрасно! восклицаетъ Тарасъ. — Въ садахъ я его искать не могу, а черезъ нѣсколько минутъ могутъ вернуться гусары.

Раздается сигналъ, отрядъ снова строится и такимъ-же бѣшенымъ галопомъ скачетъ тою-же дорогою назадъ.

ГЛАВА XVI.

Ужасная ночь миновала, гарнизонъ давно уже возвратился, но панической страхъ все еще не покидалъ жителей уѣзднаго города. Неслыханная дерзость Тараса заставила опасаться еще большихъ ужасовъ въ будущемъ. Отъ человѣка, которому удалось безнаказанно совершить подобный подвигъ, можно было ожидать всего. Онъ могъ явиться въ слѣдующую ночь; онъ могъ нагрянуть среди бѣлаго дня...

Подобное-же настроеніе господствовало и среди властей, собравшихся на слѣдующее утро вокругъ зеленого стола въ уѣздной управѣ. Успокоительныя рѣчи офицеровъ не произвели никакого впечатлѣнія. Они сами не могли себѣ объяснить, какимъ образомъ гайдамакамъ удалось проникнуть въ Коломию, и еще болѣе дивились тому, какъ вся шайка могла такъ незамѣтно скрыться. Относительно числа разбойниковъ, мнѣнія были довольно разнообразны. Шумъ, сопровождавшій ихъ появленіе въ городѣ, невѣроятная быстрота, съ которою они совершили кровавую расправу надъ солдатами, вполне объясняли преувеличенныя представленія насчетъ ихъ численности. Одинъ изъ присутствовавшихъ даже положительно утверждалъ, что шайка Тараса состояла изъ тысячи человѣкъ. „Ровно тысяча! Положитесь на честное слово дворянина!“ Такъ говорилъ Тадеушъ Базанскій. Оправившись отъ перваго страха, онъ не безъ основанія отнесся къ своему ночному приключенію, какъ къ событію, положительно для него выгодному. Сколько лишнихъ бутылокъ молдавскаго вина

можно было заработать этимъ разсказомъ! Какую геройскую репутацию можно было составить себѣ!

— Ровно тысяча! повторилъ онъ.—Согласитесь, что я, бывшій столько лѣтъ командиромъ кавалерійскаго полка, способенъ оцѣнить численность подобнаго отряда. Что-же касается этого господина мстителя, то я, на основаніи собственнаго опыта, утверждаю, что для усмиренія его вполне достаточно энергической угрозы. Передъ человѣкомъ, способнымъ оказать ему энергичный отпоръ, онъ невольно робѣетъ. Я знаю это по собственному опыту. — „Гдѣ управляющій?“ накинулъ онъ на меня. — „Тарась, возразилъ я,—я дворянинъ и гость этого дома; отъ меня ты ничего не узнаешь! Это было сказано твердымъ, хладнокровнымъ тономъ... да впрочемъ, вѣдь мнѣ приходилось бывать и не въ такихъ передѣлахъ! Что-же онъ? Закусивъ губы отъ досады, онъ обращается къ своимъ товарищамъ и говоритъ: „Братцы, съ такимъ старымъ офицеромъ шутки плохи и...“

Но собранію видно не суждено было узнать, какими еще почетными отзывами удостоилъ оробѣвшій атаманъ храбраго Базанскаго. Со стороны рыночной площади послышались громкіе крики. Все общество бросилось къ окнамъ, и глазамъ его представилось слѣдующее неожиданное зрѣлище. Посреди многочисленной, шумящей и волнуемой толпы шагомъ ѣхала небольшая телѣжка, а въ ней возсѣдалъ похищенный Капронскій, котораго весь городъ считалъ погибшимъ. Онъ казался совершенно невредимымъ и даже веселымъ, такъ какъ весьма любезно улыбался толпившейся вокругъ него публикѣ и усердно отвѣчалъ на всѣ привѣтствія, хотя ограничивался при этомъ только выразительными движеніями руцъ; къ дорожной шапкѣ, которую онъ нахлобучилъ на голову, онъ даже не прикасался.

Волненіе, съ которымъ всѣ собравшіеся ожидали его появленія, было такъ велико, что они не обратили почти никакого вниманія на невѣжливость Капронскаго, не снявшаго шапки, когда онъ вошелъ въ залу засѣданія. Обстоятельство это было замѣчено только тогда, когда онъ самъ, послѣ низкаго поклона, сказалъ нѣсколько не увѣреннымъ тономъ: „Извините, высокоуважаемый господинъ уѣздный начальникъ

и всё присутствующіе, — извините, что я не снимаю шапки; у меня на головѣ... рана.

— Рана? воскликнулъ старый городской врачъ, подбѣгая къ нему и срывая съ него шапку. Зрѣлище, которое представлялъ своею персоною панъ Капронскій, было такъ трагикомично, что всё, не смотря на заботы и серьезные опасенія, невольно улыбнулись. — „Что это значитъ?“ воскликнулъ уѣздный начальникъ.

— Это — наказаніе, которому у гупуловъ подвергаютъ человѣка за безчестіе, пояснилъ секретарь съ коварною улыбкою.

Капронскій поблагодарилъ его ядовитымъ взглядомъ. — „Господинъ секретарь правъ, сказалъ онъ громко; — но та-же участь ожидаетъ и всѣхъ остальныхъ моихъ уважаемыхъ сослуживцевъ, если имъ случится попасть въ руки этого человѣка; онъ объявилъ меня безчестнымъ только за то, что я исполнилъ относительно него свою служебную обязанность“.

Слушатели уже не смѣялись. — „Разсказывайте!“ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Панъ Капронскій поклонился и прежде всего началъ съ разсказа о всѣхъ ужасахъ памятной для него ночной поѣздки а затѣмъ перешелъ къ описанію гайдамацкаго стана.

— Кстати, — сколько человѣкъ, приблизительно, въ его шайкѣ? прервалъ разсказчика ротмистръ, для котораго этотъ вопросъ былъ интереснѣе всѣхъ остальныхъ.

— Около тысячи, отвѣтилъ комиссаръ, не задумавшись ни на минуту.

— По видимому, это и въ самомъ дѣлѣ правда, пробормоталъ офицеръ въ смущеніи. — Плохо дѣло!

— Не подлежитъ никакому сомнѣнію, продолжалъ панъ Капронскій, что онъ велѣлъ привезти меня въ свой лагерь только для того, чтобы я могъ служить живымъ примѣромъ для другихъ; чтобъ всё видѣли, какая участь постигнетъ всякаго чиновника, осмѣлившагося начать противъ него судебное слѣдствіе; словомъ, онъ хотѣлъ повѣсить меня. Объ этомъ онъ мнѣ тотчасъ-же и заявилъ. Но я во время поѣздки успѣлъ все обдумать и приготовилъ отвѣтъ. „Хорошо, сказалъ я, — это въ твоей власти; васъ тысяча человѣкъ противъ меня одного. Но моя смерть будетъ искуплена смертью твоей жены и дѣтей“.

— Но вѣдь это противузаконно! воскликнулъ уѣздный начальникъ. — *Id est*—какой параграфъ уложенія о наказаніяхъ вы имѣли при этомъ въ виду?

Панъ Капронскій низко поклонился. Онъ ожидалъ этого возраженія и нарочно приготовилъ такое введеніе къ разсказу, чтобы въ возможно извинительномъ видѣ довести до свѣдѣнія начальства свою наглую ложь, за которую ему уже пришлось такъ дорого заплатить.

— Поступокъ мой былъ дѣйствительно противузаконенъ, отвѣтилъ онъ смиренно; — но я надѣюсь, тѣмъ не менѣе оправдать его.

Собраніе отвѣчало на эти слова одобрительнымъ ропотомъ; даже уѣздный начальникъ ограничился тѣмъ, что повачаль головой и тихо проворчалъ что-то. Комиссаръ продолжалъ свой разсказъ:

— Слова эти не замедлили произвести впечатлѣніе. Тарасъ задумался. — „Вздоръ!“ сказалъ онъ наконецъ съ приторнымъ смѣхомъ; „на это вы, слава Богу, не имѣете права; вѣдь вы-то обязаны придерживаться закона“. Тѣмъ не менѣе, онъ уже пересталъ говорить о моей казни, а объявилъ, что воспользуется мною, какъ посломъ. Вамъ, высокоуважаемый господинъ уѣздный начальникъ, онъ поручилъ передать слѣдующее: во-первыхъ, чтобы вы немедленно отозвали войско изъ Заблотова и Зулавцевъ и прекратили начатое противъ него судебное слѣдствіе; но пуще всего запрещаетъ онъ вамъ призывать противъ него новыя военныя силы.

— Неслыханная дерзость! воскликнулъ уѣздный начальникъ.

— Какое нахальство! хоромъ отозвались присутствующіе.

— Во-вторыхъ, вы обязаны въ теченіе двадцати четырехъ часовъ выдать управляющаго его посланнымъ у брода, ведущаго черезъ Прутъ, между Зулавцами и Дебеславцами. На остальныхъ лицъ, подлежащихъ его суду, онъ укажетъ вамъ впоследствии.

Всѣ члены собранія оцѣнили отъ негодованія. — „Ну, проговорилъ наконецъ съ трудомъ уѣздный начальникъ, — а если я этого не сдѣлаю?“

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ панъ Капронскій, еще разъ отвѣшивая низкій поклонъ, — въ такомъ случаѣ... мнѣ тяжело

передавать это, но нечего дѣлать, нужно рѣшиться; лучше всего—я повторю его собственныя слова: „Въ такомъ случаѣ я обреку городъ на пожаръ и разграбленіе. Всѣхъ писарей суда я велю повѣсить на деревьяхъ горнаго лѣса, а уѣзднаго начальника повѣшу на самое высокое. Всѣ они въ моихъ глазахъ безчестны, а безчестнаго человѣка, по нашимъ понятіямъ, всякій въ правѣ убить. Для того-же, чтобы остальные повѣрили твоимъ словамъ, я и съ тобою поступлю такъ, какъ поступаютъ съ безчестнымъ человѣкомъ“. Вотъ и все. Возлѣ Зулавцевъ онъ отпустилъ меня.

Общій крикъ негодованія и ужаса былъ отвѣтомъ на эти слова.

Ротмистръ первый овладѣлъ своимъ волненіемъ. „Господа, главное—не терять присутствія духа! Прежде всего намъ необходимо какъ можно скорѣе запасть новыми военными силами“.

— Разумѣется! съ жаромъ воскликнулъ бургомистръ.— Нужно безпощадно преслѣдовать этого разбойника! Но, прибавилъ онъ уже менѣе самоувѣренно,—надѣюсь, что того войска, которымъ мы располагаемъ въ настоящее время, достаточно для защиты города! Не правда-ли, господинъ ротмистръ, вѣдь вы отвѣчаете за нашу безопасность?

— Мы будемъ биться до послѣдней крайности, возразилъ ротмистръ,—но ручаться я ни за что не могу. Если у разбойника, какъ увѣряютъ, дѣйствительно около тысячи человѣкъ, то мой эскадронъ и полъ-роты пѣхотинцевъ не въ силахъ будутъ устоять противъ него.

Старикъ поблѣднѣлъ отъ страха и въ изнеможеніи опустился на свой стулъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ онъ,—въ такомъ случаѣ управляющій долженъ немедленно покинуть городъ. Въ случаѣ нужды, мы обязаны удалить его даже насильно и поскорѣе распространить это извѣстіе, даже отправить, если нужно, посла въ Тарасу, чтобы...

Начальникъ уѣзда наконецъ овладѣлъ собою. Онъ всталъ и протестующимъ жестомъ прервалъ бургомистра.

— Пока я живъ, этому не бывать! воскликнулъ онъ торжественно.—Судьба послала намъ тяжелое испытаніе! Но лучше умереть, чѣмъ самому дѣйствовать преступно, id est—противъ

права и закона. Венцель Гайекъ не сдѣлалъ ничего такого, чтобы могло заставить меня лишить его права пребыванія въ городѣ, а потому онъ останется здѣсь, пока ему это будетъ угодно. Если онъ самъ захочетъ удалиться, — *quod melius*; если же онъ этого не хочетъ, — горе тому, кто осмѣлится угрожать ему!

— Стало быть, вы берете на себя страшную отвѣтственность за всѣ послѣдствія? взволнованнымъ голосомъ спросилъ бургомистръ.

— Да, возразилъ уѣздный начальникъ, — передъ моимъ императоромъ и передъ Богомъ.

— Господа, прежде всего слѣдовало-бы поговорить съ самимъ Гайекомъ, воскликнулъ ротмистръ. — Я знаю этого человѣка; какъ скоро онъ услышитъ, что и мы-то всѣ не увѣрены въ безопасности своей жизни, онъ самъ поспѣшитъ поскорѣе убраться.

— Хорошо; но куда этотъ молодчикъ запропастился? проговорилъ уѣздный начальникъ.

— Онъ въ тюрьмѣ, отвѣтилъ адвокатъ Старковскій. — Я только что мимоходомъ узналъ объ этомъ отъ смотрителя. Гайекъ явился къ нему на разсвѣтѣ и, какъ милости, попросилъ, чтобы его заперли въ тюрьму, такъ какъ это единственный домъ, который всегда охраняется сильнымъ карауломъ. Говорятъ, онъ еле живъ отъ страха и почти совершенно обезумѣлъ.

— Объ этомъ, значитъ, потолкуемъ послѣ, сказалъ уѣздный начальникъ. — Прежде всего, какъ уже замѣтилъ господинъ ротмистръ, намъ слѣдуетъ позаботиться объ увеличеніи гарнизона. Въ виду исключительной важности даннаго случая, я, не позднѣе, какъ черезъ часъ, отправлю по письму, съ соотвѣтствующимъ запросомъ, къ двумъ ближайшимъ военнымъ командирамъ, въ Станиславовъ и въ Черновицы. вмѣстѣ съ тѣмъ, я не только приготовлю письменный докладъ въ губернскую управу, но даже пошлю туда одного изъ господъ комиссаровъ, который долженъ будетъ изложить положеніе дѣла устно.

Капронскій невольно вздрогнулъ отъ радости и выступилъ впередъ.

— Нечего вамъ высказывать, прикрикнулъ на него уѣздный начальникъ; — я и самъ вижу, что поневолѣ придется послать васъ, а то, вѣдь, вы съ своею ощипанною головою служили бы

въ городѣ живою визитною карточкою Тараса и нагнали бы на жителей еще больше страха. Притомъ, господамъ членамъ львовской губернской управы, быть можетъ, интересно будетъ взглянуть на эту карточку собственными глазами. Черезъ полчаса извольте быть готовымъ къ отъѣзду.

Панъ Капронскій низко поклонился. Радость его была безгранична. Онъ не только благополучно сумѣлъ признаться въ томъ роковомъ обманѣ, который онъ позволилъ себѣ по собственной инициативѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ своего доклада, отомстил Тарасу и своимъ дражайшимъ сослуживцамъ; отъ всей души радовался онъ, что заставилъ дрожать отъ страха всѣхъ этихъ господъ, которые привыкли третиловать его съ презрѣніемъ. Теперь же, когда послѣднее рѣшеніе уѣзднаго начальника окончательно успокоило въ немъ всѣ опасенія за безопасность собственной персоны, въ его низкой, лакейской душѣ, вдругъ возникла, поистинѣ, дьявольская мысль; онъ вспомнилъ про угрозы, которыя, дѣйствительно, вырвались у Тараса...— „Господинъ уѣздный начальникъ, началъ онъ неувѣреннымъ голосомъ, — я позволю себѣ... на основаніи собственного опыта... въ интересахъ дѣла...“

— Что вамъ угодно?

— Я только хотѣлъ бы высказать свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что этого разбойника очень быстро можно сдѣлать безвреднымъ, такъ что онъ бы самъ явился съ повинной головой и смиренно сталь-бы просить о пощадѣ. Я знаю, какъ легко подействовать на него твердостью и энергіей...

— Да, воскликнулъ бургомистръ, настороживъ уши, — повидимому, это справедливо; мы уже слышали объ этомъ.

— Но отъ кого? проворчалъ фонъ-Бауеръ и кинулъ презрительный взглядъ въ тотъ уголокъ, гдѣ, самодовольно улыбаясь, стоялъ Базанскій. — Что вы желаете этимъ сказать, господинъ комиссаръ?

— Не угодно ли вамъ, высокоуважаемый господинъ уѣздный начальникъ, вспомнить о томъ, какъ я спасъ свою жизнь. Не нашла-ли бы уѣздная управа возможнымъ, въ виду исключительной опасности и по праву самозащиты, дѣйствительно арестовать и держать подъ стражею жену и дѣтей разбойника?..

— Это было-бы спасеніемъ! съ жаромъ воскликнулъ бургомистръ.

— Молчите! громовымъ голосомъ крикнулъ на него уѣздный начальникъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва и вскакивая съ своего мѣста.—Срамъ и позоръ, что между комиссарами управы нашелся человекъ, который осмѣливается дѣлать подобное предложеніе!

Комиссаръ вздрогнулъ и отретировался къ самой стѣнѣ. — „Вѣдь это я въ виду общей пользы...“ пробормоталъ онъ; — „а въ Львовѣ я ничего... не скажу... про это“.

— Вы боитесь, чтобы я не замѣнилъ васъ кѣмъ-нибудь другимъ?

Старикъ началъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. — „Дѣйствительно, не мѣшало бы обдумать, на сколько такой человекъ...“ —Конецъ фразы онъ проворчалъ себѣ подъ носъ. Наконецъ, онъ остановился передъ Капронскимъ. — „Я все-таки пошлю васъ, сказалъ онъ,—съ тою только разницею, что письмо, которое вы повезете въ губернскую управу, теперь будетъ написано нѣсколько обстоятельнѣе. Приходите за нимъ черезъ часъ“.

Комиссаръ вздохнулъ свободнѣе и направился къ двери. Но, повидимому, душѣ его было суждено, въ теченіе этого часа, безпрестанно колебаться между раемъ и адомъ. — „Стойте!“ крикнулъ ему вслѣдъ уѣздный начальникъ. — „Если управляющій пожелаетъ ѣхать, то онъ, разумѣется, поѣдетъ съ вами“.

Капронскій остановился, оцѣпенѣвъ отъ ужаса. Если бы ему предложили въ спутники олицетворенную смерть, то онъ испугался бы менѣе, чѣмъ отъ этого предложенія. — „А если Тарасъ...“ пробормоталъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ и безъ того не миновать смерти! утѣшилъ его уѣздный начальникъ и затѣмъ обратился къ адвокату Старковскому. — „Любезный докторъ“, сказалъ онъ,— „не возьмете ли вы на себя переговорить съ Гайекомъ? Относительно васъ я вполне убѣжденъ, что вы будете дѣйствовать вполне законно, id est—ни о чемъ не умолчите и не станете его запугивать“.

Адвокатъ согласился и тотчасъ отправился въ уѣздную тюрьму. Войдя въ комнату тюремнаго смотрителя, онъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что порученіе, касавшееся того человека, который лежалъ здѣсь на диванѣ, въ лихорадочномъ возбужденіи, дико озираясь во всѣ стороны,—рѣшительно ни къ че-

му не приведетъ. И, дѣйствительно, больной, при первыхъ же его словахъ, въ такомъ волненіи вскочилъ съ своего ложа, что приставленный къ нему сторожъ съ трудомъ успѣлъ его опять успокоить.

Такимъ образомъ, панъ Капронскій имѣлъ возможность отправиться въ Станиславовъ безъ управляющаго и, притомъ, въ многочисленномъ обществѣ. Лишь только въ городѣ успѣла распространиться тревожная вѣсть о томъ, что ротмистръ не ручается за безопасность, какъ всѣ, кому только удалось найти какую нибудь повозку, стали собираться въ Станиславовъ. Кому нельзя было отлучиться самому, тотъ отправлялъ, по крайней мѣрѣ, жену, дѣтей и самую драгоценную часть имущества. Передъ каждымъ домомъ разыгрывались тѣ-же сцены ужаса, отчаянія и безграничнаго смятенія; послѣднее еще болѣе усиливалось, благодаря короткому сроку, въ теченіе котораго бѣглецамъ приходилось снаряжаться въ путь, если они желали присоединиться къ комиссару и къ посылаемому съ нимъ конвою. Къ полудню эта длинная, печальная процессія могла, наконецъ, покинуть городъ. По срединѣ двигалась телѣжка комиссара; по бокамъ ѣхало двадцать человѣкъ гусаръ; благодаря неотступнымъ просьбамъ гражданъ, уѣздный начальникъ согласился, наконецъ, усилить конвой.

Но за то, это была единственная уступка, которую могли отъ него добиться. Въ этотъ критическій моментъ старикъ доказалъ, что, не смотря на всѣ свои смѣшныя стороны, онъ человѣкъ съ безстрашнымъ, твердымъ характеромъ. Онъ собралъ всѣхъ гражданъ и предложилъ имъ организовать и вооружиться для защиты города. Но предложеніе его было отвергнуто съ негодованіемъ и даже съ насмѣшками. — „Мы не желаемъ идти на вѣрную гибель!“ кричали взволнованные горожане. — „Если Тарасъ явится, мы постараемся умилостивить его мольбами. Можетъ быть, онъ удовольствуется головами тѣхъ, отъ кого онъ терпѣлъ несправедливость“. — Отъ времени до времени слышались и другія, еще болѣе рѣшительныя рѣчи: „Мы не хотимъ погибать изъ-за одного мерзавца! Тотчасъ удалите управляющаго изъ города, или же мы сдѣлаемъ это сами, да такъ основательно, что Тарасу ничего уже не останется дѣлать“. — Уѣздный начальникъ былъ совершенно одинъ среди возбужденныхъ горожанъ, но, не смотря на то, отвѣтилъ имъ такую рѣчью,

которая могла считаться образцом краткости и невѣжливости. — „Глупцы и трусы! мужества я влить въ васъ не могу, навязать вамъ насильно оружіе тоже невозможно; но знайте, что всякій, кто хоть пальцемъ тронетъ управляющаго, будетъ немедленно разстрѣлянъ“! — Изумленіе, вызванное этими словами, было такъ велико, что, благодаря ему, онъ могъ удалиться изъ собранія, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ опомниться. Въ слѣдующій же часъ онъ доказалъ, какое серьезное значеніе придавалъ своимъ словамъ. Съ барабаннымъ боемъ и при торжественномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ, было провозглашено осадное положеніе въ городѣ Коломій и во всемъ уѣздѣ, а гражданамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, было объявлено, чтобы они спокойно сидѣли по домамъ, такъ какъ каждое скопленіе жителей будетъ считаться равносильнымъ мятежу, а всякое нападеніе на жизнь или собственность городского жителя будетъ наказано повѣшеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣ стороны были отправлены гонцы съ просьбами о подкрѣпленіи, не только къ начальникамъ стоявшихъ по сосѣдству войскъ, но и къ нѣсколькимъ большимъ крестьянскимъ общинамъ, изъ которыхъ мужики, восемь лѣтъ тому назадъ, когда польское возстаніе грозило отразиться и въ Галиціи, сами, по собственному побужденію, явились въ уѣздную управу и предоставили себя въ ея распоряженіе для защиты города. Когда наступилъ вечеръ, старикъ совершенно выбился изъ силъ, но за то могъ себѣ сказать, что все, что возможно, сдѣлано; если эта ночь пройдетъ спокойно, то городъ спасенъ.

Ночь, дѣйствительно, прошла совершенно спокойно, но на слѣдующее утро одна за другою стали приходиться неблагопріятныя вѣсти. Прежде всего вернулся гонецъ изъ равнины и привезъ отвѣтъ крестьянъ. „Мы не придемъ“, велѣли они сказать, — „потому-что не хотимъ биться противъ своего-же брата, мужика. Мы совѣтуемъ имсарямъ имсара заключить съ Тарасомъ миръ, потому-что онъ справедливый человѣкъ“. Въ такомъ-же смыслѣ отвѣчали крестьяне и въ другихъ деревняхъ. Но, повидимому, мужики не только собирались держать нейтралитетъ, но даже приготовлялись открыто стать на сторону мстителя. Одно за другимъ получались донесенія управляющихъ, помѣщиковъ и священниковъ изъ окрестныхъ деревень; всѣ они увѣряли, что послѣ удачныхъ подвиговъ Тараса броженіе умовъ достигло край-

нихъ предѣловъ и что если не явится немедленно помощь, то крестьяне неизбежно перейдутъ къ насилію. Наконецъ, для довершенія эффекта, въ полдень пришло извѣстіе о новой расправѣ „мстителя“ въ деревнѣ Задубровцы. Тарасъ явился туда въ полночь, освободилъ крестьянъ, которые содержались подъ арестомъ за неотбытіе панцины, и въ присутствіи всей громады, послѣ длиннаго допроса, велѣлъ остричь господскаго управляющаго, пригрозивъ ему разстрѣляніемъ, если онъ не перестанетъ притѣснять мужиковъ. „Крайне странно при этомъ“, прибавлялъ священникъ, писавшій докладъ вмѣсто управляющаго, — „что тѣмъ-же самымъ наказаніемъ онъ пригрозилъ и крестьянамъ, если-бы они осмѣлились приступить къ разграбленію помѣщичьяго дома“. Хотя это послѣднее извѣстіе и могло-бы нѣсколько успокоить напуганныхъ горожанъ, за то немалымъ поводомъ къ безпокойству послужило уже одно то обстоятельство, что Тарасъ рѣшился проникнуть такъ далеко; Задубровцы находились въ равнинѣ, по близости отъ буковинской границы. Никто не зналъ, какъ онъ добрался туда, никто не умѣлъ сказать, куда онъ оттуда направился. Даже появленіе въ городѣ эскадрона драгунъ, прибывшаго въ сумерки изъ Станиславова, не могло особенно способствовать успокоенію жителей, такъ-какъ командиръ его вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ отъ имени генерала, что дальнѣйшаго подкрѣпленія нельзя ожидать раньше, какъ черезъ недѣлю. Наконецъ, въ полночь совершенно неожиданно возвратилась рота, стоявшая въ Зулавцахъ. Капитанъ Станчукъ выступилъ оттуда утромъ, не дожидаясь распоряженій вышшаго начальства, потому что и до него дошелъ слухъ о предстоящемъ нападеніи гайдамаковъ на уѣздный городъ. Такъ-какъ и этотъ надежный человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ мѣстнаго населенія, считалъ движеніе крайне опаснымъ, то было единодушно рѣшено до поры, до времени сосредоточить всѣ наличныя военныя силы, — въ сложности около пятисотъ человѣкъ, — для обороны города и приступить къ восстановленію порядка въ равнинѣ лишь тогда, когда придетъ обѣщанное подкрѣпленіе.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до первыхъ чиселъ мая. На новую попытку проникнуть въ городъ, Тарасъ, вопреки всеобщему ожиданію, повидимому не рѣшался; стоявшій въ Косовицѣ гарнизонъ благополучно прибылъ въ Коломію, но

вмѣстѣ съ тѣмъ отрядъ гайдамаковъ, во время своихъ набѣговъ нѣсколько разъ доходилъ почти до самаго города, и всѣ получившіяся изъ деревень извѣстія доказывали, что Тарасъ дѣйствительно въ данную минуту былъ всевластнымъ повелителемъ надъ волею и силами всего крестьянства Покутья. И притомъ, какъ ни тяжело было городскимъ властямъ повѣрить этому, приходилось однако убѣдиться, что онъ, дѣйствительно, пользуется своимъ вліяніемъ нерѣдко для того, чтобы удержать крестьянъ отъ преступленій. Когда было получено первое донесеніе отъ священника изъ Задубровцевъ, уѣздный начальникъ съ злобною улыбкою присоединилъ его къ кипѣ документовъ „*contra Taras Bagabola et consortes*“; но съ тѣхъ поръ каждый день приходили новыя вѣсти, подтверждавшія, что Тарасъ всюду, подѣ страхомъ смерти, запрещаетъ мужикамъ грабежъ и какое-бы то ни было самоуправство; мало того, утверждали, что онъ, подѣ страхомъ того-же наказанія, обязываетъ ихъ отбывать всѣ требуемыя по закону повинности. И подобныя извѣстія распространялись отнюдь не приверженцами Тараса, а доставлялись въ уѣздную управу управляющими, помѣщиками и арендаторами, т. е. такими людьми, которые ненавидѣли „мстителя“, какъ своего смертельнаго врага, и отъ всей души желали ему висѣлицы, ибо этотъ непонятный человѣкъ далеко не ограничивался обузданіемъ крестьянскаго мятежа. Почти ежедневно до Коломіи доходила вѣсть о новомъ приговорѣ. Изъ числа управляющихъ нѣкоторые уже успѣли раздѣлить участь управляющаго въ Задубровцахъ; всѣхъ ихъ Тарасъ подвергъ наказанію, установленному за „безчестіе“, и заставилъ возратить крестьянамъ все то, что они присвоили себѣ противузаконно. Болѣе печальная судьба постигла двухъ помѣщиковъ, жившихъ въ сторонѣ Городенка. Тарасъ велѣлъ ихъ разстрѣлять, а дома ихъ сравнять съ землею. Тому человѣку, на котораго извѣстія эти должны бы произвести самое ужасное впечатлѣніе, не пришлось слышать ихъ; Венцель Гайекъ лежалъ въ городской больницѣ въ тифозной горячкѣ; безпамятство избавило его отъ извѣстій о расправахъ Тараса. Въ теченіе трехъ недѣль этотъ ужасный человѣкъ въ десяти мѣстахъ творилъ судъ и расправу надъ виновными. Процедура всюду была одна и та-же. Онъ являлся со своимъ отрядомъ, окружалъ домъ, арестовывалъ обвиненнаго, подвергалъ его допросу! если онъ не сознавался,—вызывалъ противъ него свидѣтелей,

произносилъ приговоръ и тотчасъ приводилъ его въ исполненіе. Замѣчательно при этомъ было то, что онъ казнилъ всегда разстрѣляніемъ и никогда не прибѣгалъ къ веревкѣ; отобранныя деньги всегда сполна передавались крестьянамъ.

Только въ маѣ, наконецъ, измѣнилось невыносимое положеніе, въ которомъ находились жители Коломін. Изъ Станиславова прибылъ батальонъ пѣхоты, изъ Буковины — батальонъ стрѣлковъ и эскадронъ гусарь. вмѣстѣ съ войсками прибылъ и генераль, который долженъ былъ припать надъ ними начальство. Прежде всего онъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ собраться для совѣщанія относительно самыхъ необходимыхъ мѣръ. На это собраніе, кромѣ того, были допущены съ совѣщательнымъ голосомъ, уѣздный начальникъ, бургомистръ и адвокатъ Старковскій.

Въ то время, какъ всѣ эти господа сидѣли вокругъ зеленаго стола управы, уѣздному начальнику принесли письмо, только что доставленное съ нарочнымъ изъ Ганковцевъ. — „Изъ Ганковцевъ?“ воскликнулъ онъ въ волненіи. — „Мой бѣдный другъ Зборовскій!.. Но нѣтъ“, — прибавилъ онъ, — „вѣдь это его почеркъ!“

Онъ распечаталъ письмо, прочиталъ его, перечиталъ еще разъ, затѣмъ побагровѣлъ, вскочилъ со стула, швырнулъ на столъ письмо и крикнулъ громовымъ голосомъ, ударяя по столу кулакомъ:

— Господа! я готовъ провалиться сквозь землю отъ изумленія! Потрудитесь прочитать это письмо и скажите, остается-ли мнѣ какой-нибудь исходъ!

Всѣ поспѣшили, разумѣется, познакомиться съ содержаніемъ письма. Оно было написано владѣльцемъ Ганковцевъ, барономъ Альфредомъ Зборовскимъ, однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ дворянъ уѣзда, и, притомъ, такимъ дрожащимъ, поспѣшнымъ почеркомъ, что адвокатъ съ трудомъ разбиралъ его. Вотъ что писалъ Зборовскій:

„Сегодня ночью мы спаслись отъ смерти, только благодаря чуду. Вы знаете, что я всегда хорошо обращался съ своими крестьянами и вплоть до послѣднихъ недѣль никогда съ ними не ссорился. Но со времени появленія Тараса они словно переродились: вдругъ перестали мнѣ кланяться, день и ночь сидятъ въ кабакѣ, не отбываютъ панципы и даже начинаютъ мнѣ угрожать. Я съ

своей стороны дѣлаю все, что только возможно, чтобы сохранить миръ и согласіе, уступаю, гдѣ можно,—все напрасно. Они ставятся все упорнѣе, все яснѣе начинаютъ угрожать мнѣ, а въ послѣднее воскресенье, наконецъ, является ко мнѣ депутація,—все хлопцы, вооруженные косами и пистолетами,—и требуютъ для села займа въ пятьдесятъ гульденовъ. Я отказываю. Тогда они въ сумерки снова возвращаются, человекъ уже до ста; въ томъ числѣ находятся и нѣсколько пожилыхъ крестьянъ; всѣ уже успѣли сильно подвыпить. Поневолѣ пришлось уступить; съ дюжиною вѣрныхъ наймитовъ я не въ состоянїи былъ защищаться противъ нихъ, да и не хотѣлось рисковать жизнью жены и дѣтей. Послѣ этого толпа съ торжествующими криками удаляется и пропиваетъ деньги въ кабакѣ. Третьяго дня они снова являются, въ томъ числѣ самые лучшіе изъ крестьянъ, и всѣ совершенно пьяные. „Дай намъ хоть сто гульденовъ изъ тѣхъ денегъ, которыя ты изъ насъ выжалъ“, говоритъ главный зачинщикъ, поденщикъ, по имени Юзефъ Жупанъ, „а не то мы позовемъ Тараса“. — „Зовите его, говорю я; „я его знаю, да и онъ меня знаетъ еще съ той поры, какъ служилъ у меня конюхомъ; ему извѣстно, что я не притѣсняю крестьянъ“. Они отвѣчаютъ ругательствами. „Впрочемъ, кричатъ они,—намъ не нужно Тараса; мы и сами съ тобой справимся. Давай сто гульденовъ, а не то—горе тебѣ!“ Я далъ деньги, и они удалились.

„Но намъ отъ этого стало не легче. Вѣдь мы знали, что ожидаетъ насъ впереди; крестьяне снова вернутся, потребуютъ у насъ все наше имущество или-же прямо примутся за грабежъ. Даже за жизнь приходилось серьезно опасаться, а помощи ждать неоткуда. Бѣжать? Но въ виду всеобщаго возстанія, охватившаго нашу мѣстность, объ этомъ нечего было и думать. Такъ сидѣли мы у себя дома, совершенно отчаявшись въ спасенїи. Вдругъ жена моя, лежавшая до тѣхъ поръ, словно ошеломленная страхомъ, на диванѣ, вскакиваетъ съ просвѣтлѣвшимъ, радостнымъ лицомъ, какъ-будто ей явилось откровеніе свыше. „Альфредъ, говоритъ она,—пошли самъ за Тарасомъ“. Я въ ужасѣ смотрю на нее, думаю, что она отъ страха лишилась разсудка. „Бѣдная жена моя, говорю я,—ты бредишь! Если я въ разговорѣ съ крестьянами выразилъ увѣренность въ справедливости Тараса, такъ вѣдь это была съ моей стороны вынужденная ложь. Развѣ Тарасъ посмотрѣлъ-бы на то, что я всегда хорошо обращался со своими

крестьянами? Развѣ ты не знаешь, что онъ сталъ разбойникомъ и всюду истребляетъ ненавистныхъ ему дворянъ? Если онъ придетъ—мы погибли!“ — «Нѣтъ! воскликнула она, — если онъ придетъ—мы спасены! Вспомни, вѣдь у насъ никогда еще не было въ услуженіи такого честнаго человѣка, какъ онъ; а однажды, когда онъ отвозилъ меня въ Коломію и я стала его спрашивать, отчего онъ такой печальный, онъ сказалъ, что тоскуетъ по любимой дѣвушкѣ. Знаешь, Альфредъ, въ томъ, что онъ сказалъ тогда, не было ничего особеннаго, но у человѣка, который способенъ такъ говорить о дѣвушкѣ, есть сердце, и это сердце смиляется надъ нами и надъ нашими дѣтьми“. Я попытался, было, разуверить ее, но такъ-какъ она твердо стояла на своемъ, то я пересталъ противорѣчить и опять принялся за исполненіе своихъ тяжелыхъ обязанностей. За Тарасомъ я, разумѣется, не послалъ; да впрочемъ, я-бы и не зналъ, гдѣ его отыскивать. Въмѣсто того, я велѣлъ запереть ворота, вооружилъ наймитовъ, отправилъ жену и дѣтей въ башню и, приготовившись такимъ образомъ, сталъ ожидать приближенія опасности.

„День прошелъ спокойно, но съ наступленіемъ сумерокъ, мы уже издали слышимъ приближеніе враговъ. Толпа мужиковъ и бабъ, всего человѣкъъ четырехста, появляется передъ замкомъ; въ томъ числѣ не мало крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. Они требуютъ, чтобы я отперъ ворота. „Мы хотимъ отобрать то, что ты съ насъ награбил!“ Вслѣдъ затѣмъ начинается приступъ. Ворота дрожатъ подъ ударами топоровъ, въ окна летятъ горящія, облитые смолою факелы; еще нѣсколько минутъ, и мы-бы погибли. Вдругъ вдали раздается конскій топотъ; отрядъ всадниковъ бѣшеннымъ галопомъ несется къ замку. „Гусары!“ восклицаетъ мой управляющій; но въ ту-же минуту мы слышимъ радостные крики крестьянъ: „Ура! это мститель!“ — Ну, думаю, теперь мы окончательно пропали! Вдругъ, слышу, за воротами все стихло, а затѣмъ раздается чей-то могучій голосъ: „Лжете, негодяи! Я знаю этого человѣка! Братцы, прибавилъ онъ,—окружите этихъ разбойниковъ, и чтобы ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ тронуться съ мѣста!“ Это голосъ Тараса; мои работники поднимаютъ радостный крикъ, а я стою, какъ ошеломленный. Кто-то стучится въ ворота. „Отвори, пане, я пріѣхалъ, чтобы спасти тебя!“ Наймиты мои отодвигаютъ запоры, и онъ подходитъ ко мнѣ.

„Если-бы я не зналъ напередъ, что это онъ, я едвали-бы его

узналъ; въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ постарѣлъ, по крайней мѣрѣ, на тридцать. „Бѣдный панъ, говоритъ онъ, схватывая мою руку,—сколько ты долженъ былъ вынести тревоги, да и пригожая пани твоя, и милыя дѣтки. Но теперь ничего не бойся, иди со мной, мы все опять приведемъ въ порядокъ“. Я иду за нимъ, не находя словъ отъ волненія „Подожди!“ говоритъ онъ съ кроткою улыбкой; „не лучше-ли сначала увѣдомить твою семью о томъ, что опасность миновала? Къ чему имъ мучиться хоть одну лишнюю минуту?“ Я подаю знакъ одному изъ наймитовъ, а потомъ,—повѣрите-ли,—заплакалъ, какъ дитя. „Успокойся, пане!“ говоритъ онъ мнѣ кротко, какъ ребенку, и выводитъ меня за ворота. Замѣчательное зрѣлище представилось здѣсь моимъ глазамъ. На лугу, передъ замкомъ, стоитъ толпа мужиковъ, сбившихся въ кучу, какъ стадо барановъ передъ грозою; вокругъ нихъ вооруженные всадники съ горящими факелами въ рукахъ; возлѣ самыхъ воротъ, правильно выстроившись, какъ эскадронъ, расположился другой отрядъ всадниковъ, во главѣ котораго стоитъ человѣкъ въ крестьянской одеждѣ, но съ типично-еврейскими чертами лица.— „Ну, говоритъ Тарась, подходя со мною къ крестьянамъ,—скажите, чѣмъ человѣкъ этотъ заслужилъ ту участь, которую вы ему готовили? Говорите коротко, и горе тому, кто солжетъ!“ Большинство крестьянъ падаетъ на колѣни и проситъ пощады; лишь очень немногіе продолжаютъ стоять, да и изъ нихъ только одинъ человѣкъ рѣшается говорить,—все тотъ-же Юзефъ Жупанъ.— „Мы не думали, говоритъ онъ,— что ты, нашъ мститель, станешь вступаться за поляка, за помѣщика,—развѣ это одно уже не достаточное съ его стороны преступленіе? Впрочемъ, кромѣ того, онъ насъ всегда притѣснялъ“. — „Ты плохой истецъ“, говоритъ Тарась;— „я знаю тебя еще изъ прежнихъ временъ; сердце твое—омуть; рѣчи твои лживы и коварны! Кого притѣснялъ вашъ помѣщикъ?“ — Юзефъ молчитъ, а остальные принимаютъ просить пощады.— „Это Юзефъ насъ смутилъ; прости насъ, смилуйся!“ — „А вы изъ-за нѣсколькихъ стакановъ водки готовы были сдѣлаться разбойниками и грабителями? Вы всѣ заслуживаете смерти! Вы воспользовались моею борьбой за правду для того, чтобы творить неправду. Но въ виду вашего раскаянія, я готовъ простить васъ, если вотъ этотъ человѣкъ не потребуетъ, чтобы вы были наказаны“. — „Я ихъ тоже прощаю!“ говорю я.— „Въ та-

комъ случаѣ, продолжалъ онъ, — мнѣ осталось выполнить еще три обязанности. Во-первыхъ, съ завтрашняго дня опять начинайте правильно отбывать законную панципу и обращайтесь съ своимъ паномъ хорошо, какъ онъ этого заслуживаетъ. Всякаго, кто подниметъ противъ него руку, всякаго, кто попытается украсть у него хоть горсть пшеницы или часть рабочаго времени, я велю разстрѣлять, — Богомъ клянусь!“ — „Все исполнимъ!“ кричатъ мужики. „Во-вторыхъ“, — съ этимъ словомъ онъ обращается ко мнѣ: „пѣтъ-ли за мужиками недоимокъ?“ — „Нѣтъ“. — „Но панципу они не отбывали? Сколько времени?“ — „Три недѣли.“ — „Стало-быть, восемнадцать рабочихъ дней. А сколько они у тебя перебрали денегъ?“ — „Полтораста гульденовъ; да я имъ прощаю эти деньги“. — „Не смѣешь ты этого сдѣлать, пане!“ говоритъ онъ мнѣ, грозно нахмуривъ брови, а затѣмъ снова обращается къ мужикамъ: „Судья, выходи впередъ!“ Но судьи въ толпѣ не было; только старшина, Григорій Борзокъ, оказался налицо и съ смущеннымъ видомъ приблизился. „Восемнадцать дней панципы, которые вы должны помѣщику, вы отработаете, по его благоусмотрѣнію, въ теченіе шести недѣль двойною работою. Что-же касается денегъ, то онѣ черезъ часъ должны быть выплачены здѣсь-же, на мѣстѣ. Раскошеливайся самъ и собери, что слѣдуетъ, съ остальныхъ виновныхъ; мой отрядъ проводить васъ въ деревню. и горе вамъ, если вы не вернетесь къ указанному сроку. А теперь осталось еще третье дѣло!“ прибавляетъ онъ и велитъ схватить Юзефа. „Прости его!“ умоляю я; но онъ отрицательно качаетъ головой и подаетъ знакъ двоимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Раздаются выстрѣлы, и Юзефъ, какъ снапъ, падаетъ на траву; остальные, сопровождаемые отрядомъ, въ ужасѣ спѣшатъ по направленію къ деревнѣ. — „Теперь все, что нужно, сдѣлано, пане“, говоритъ Тарасъ, обращаясь ко мнѣ. „Мнѣ нужно только дождаться пока они возвратятъ тебѣ то, что отняли“. Я стою и отъ волненія не въ силахъ выговорить ни одного слова. Страшная энергія и благородство этого человѣка совершенно ошеломили меня. А онъ продолжаетъ тихимъ, почти робкимъ голосомъ: „Хотѣлось-бы мнѣ взглянуть на твою добрую жену и на милыхъ дѣтокъ твоихъ, но не рѣшаюсь просить тебя объ этомъ“. — „Прости, что я самъ не подумалъ объ этомъ“, говорю я; — „пойдемъ, она будетъ рада видѣть тебя и выразить тебѣ свою благодарность; вѣдь она совѣтовала мнѣ призвать тебя на

помощь". — „Въ самомъ дѣлѣ?“ восклицаетъ онъ радостно, но все-таки нерѣшительно направляется вслѣдъ за мною къ воротамъ.

„Жена моя спѣшитъ къ нему на встрѣчу, обливаясь слезами на рукахъ у нея нашъ младшій ребенокъ. Она хочетъ броситься къ его ногамъ, но онъ, какъ будто испугавшись, не допускаетъ ее до этого, низко кланяется и цѣлуетъ край ея платья. — „Я слышалъ, пани, говоритъ онъ, — что ты сохранила обо мнѣ такую-же добрую память, какъ я объ васъ. Я зналъ объ угрожавшей вамъ опасности еще вчера, но не могъ явиться раньше, такъ-какъ долженъ былъ судить управляющаго въ Россовѣ.“ — „Бавинскаго!“ въ ужасѣ восклицаетъ моя жена; „о, бѣдная жена его!“ — „Я не могъ поступить иначе“, отвѣчалъ Тарасъ; „онъ этого заслуживалъ!“ — „Несчастный!“ рыдая говорила она, — сколько-же времени будутъ продолжаться эти убійства?“ — „До тѣхъ поръ, пока въ мірѣ будетъ твориться неправда и пока я буду въ силахъ мстить за нее“. Я стараюсь замять этотъ разговоръ, спрашиваю его про жену и дѣтей; моя жена, успѣвшая нѣсколько успокоиться, тоже приглашаетъ его войти въ комнату. Онъ нерѣшительно слѣдуетъ этому приглашенію, не хочетъ садиться и такимъ почтительнымъ тономъ спрашиваетъ насъ о нашихъ дѣлахъ, какъ будто мы попрежнему его господа, а онъ нашъ наймитъ. Но когда изъ деревни возвращается старшина съ деньгами и нѣсколькими головами скота, Тарасъ внезапно перерождается и снова превращается въ грознаго атамана. Когда я попытался, было, еще разъ отказаться отъ вознагражденія, представленнаго крестьянами, онъ даже прикрикнулъ на меня угрожающимъ тономъ: „Ты долженъ принять это, пане!“ Я повиновался. Затѣмъ онъ простился съ нами и ускакалъ съ своимъ отрядомъ... Я написалъ это письмо на разсвѣтѣ, не смотря на одолевавшую меня усталость; совѣсть моя требовала этого. Все, касающееся этихъ фактовъ, я всегда готовъ подтвердить подъ присягою. Вашъ другъ баронъ Альфредъ Заборовскій“.

Адвокатъ читалъ съ возрастающимъ волненіемъ и отдавъ письмо, не сдѣлавъ съ своей стороны никакого замѣчанія. Всѣ остальные тоже потупились и молчали. Только уѣздный начальникъ опять энергично стукнулъ кулакомъ по столу и воскликнулъ:

— Ну вотъ, вы всё выслушали письмо; скажите-же теперь сами: что мнѣ остается дѣлать, какъ не провалиться сквозь землю? Что прикажете дѣлать человѣку, который не въ состояніи уже отличить правой стороны отъ лѣвой, презрѣннаго разбойника отъ благороднаго избавителя? Если-бы не этотъ Тарасъ, мой другъ Заборовскій былъ-бы теперь на томъ свѣтѣ; если-бы не онъ, во всемъ уѣздѣ, ни въ одной помѣщичьей усадьбѣ не осталось-бы камня на камнѣ; если-бы не онъ, у насъ-бы теперь было кровавое возстаніе на тридцать миль въ окружности! Да, да! Это такъ. Провозглашенное мною осадное положеніе даже не могло еще быть вездѣ опубликовано, а то, которое провозгласилъ онъ, уже оказалось вполне дѣйствительнымъ... Впрочемъ, что это я за чепуху несу?! Вѣдь если-бы не онъ, такъ и вся каша-бы не заварилась; вѣдь онъ самъ проливаетъ кровь, какъ воду!.. Въ состояніи-ли кто нибудь изъ васъ понять этого Тараса? Мнѣ же, повторяю, остается только провалиться сквозь землю.

— Дѣйствительно, преоригинальный бандитъ! замѣтилъ генераль.

— А по моему, такъ ничего въ немъ даже и оригинальнаго нѣтъ! съ жаромъ воскликнулъ бургомистръ. — Это былъ первоначально честный человѣкъ, который наткнулся во время тяжбы, по крайней мѣрѣ, — по его понятіямъ, на вопіющую несправедливость. Вотъ онъ теперь и хочетъ самъ добиться своего права или выместить злобу за причиненную ему обиду. Онъ желаетъ уничтожить того человѣка, который, по его убѣжденію, совершилъ противъ него преступленіе, и наказать тѣхъ, которые постановили несправедливый приговоръ; другими словами, — онъ ищетъ пана Гайека и — извините за откровенность! — господъ членовъ уѣздной управы. Всѣ эти люди здѣсь на лицо, а потому необходимо защищать городъ, и только городъ.

— Но вѣдь онъ творитъ судъ и расправу и въ деревняхъ? попытался замѣтить генераль.

— Для препровожденія времени, если можно такъ выразиться, возразилъ бургомистръ. — Напасть еще разъ на городъ онъ не осмѣливался, такъ-какъ гарнизонъ нашъ слишкомъ силенъ, а оставаться празднымъ ему тоже не хотѣлось.

— Для препровожденія времени? злобно крикнулъ уѣздный начальникъ и сунулъ ему подъ носъ письмо. — Развѣ такой человѣкъ способенъ убивать для препровожденія времени?

— Прошу не горячиться, господа, улыбаясь посовѣтоваль генераль и затѣмъ обратился къ доктору Старковскому: — Вы, повидимому, хорошо знаете этого человѣка. Думаете-ли и вы, что городу грозитъ опасность?

— Конечно, пока Гайекъ находится между нами, отвѣчалъ адвокатъ. Но положеніе Коломиі въ этомъ отношеніи нисколько не отличается отъ положенія любого замка или крестьянскаго двора, въ которомъ находится другой человѣкъ, погрѣшившій противъ „правды“. Тарасъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ не личною обидою и не чувствомъ мести, какъ другіе появлявшіеся здѣсь нерѣдко гайдамаки; по чистотѣ своихъ побужденій онъ человѣкъ, которому я не знаю подобнаго. Гайекъ у него лично ничего не отнял и ничего ему не сдѣлалъ; процессъ, который онъ велъ съ такою почти непримѣнною настойчивостью, никогда не былъ борьбою за *его* право, а за право *другихъ* и, въ концѣ концовъ — за правду, за справедливость вообще, за „святое дѣло“, какъ онъ самъ выражался въ разговорѣ со мною. Мирная борьба оказалась тщетною, поэтому онъ продолжаетъ ее теперь съ оружіемъ въ рукахъ. Повторяю, — онъ борется за правду вообще и ради правды, противъ неправды. Поэтому онъ-бы не успокоился, если-бы вы сегодня-же выдали ему управляющаго. Вспомните, что онъ отвѣтилъ баронессѣ. Въ виду этого, я позволяю себя замѣтить, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ, конечно защитить городъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ энергично позаботиться и о томъ, чтобы парализовать его дѣятельность въ равнинѣ.

Послѣ того, какъ къ этому мнѣнію присоединился и капитанъ Станчукъ, было окончательно рѣшено начать военныя операціи противъ Тараса на слѣдующее утро. Для охраны города былъ оставленъ гарнизонъ, какъ въ обыкновенное время, а остальные войска должны были, въ видѣ летучихъ отрядовъ, постоянно поддерживающихъ между собою сношенія при помощи конницы, разсыпаться по равнинѣ.

Когда планъ ближайшихъ дѣйствій былъ окончательно обуженъ и члены собранія собирались уже встать со своихъ мѣстъ, уѣздный начальникъ попросилъ ихъ остаться еще на нѣсколько минутъ. — „Милостивые государи!“ началъ онъ, кладя на столъ какую-то бумагу, снабженную большою казенною печатью; — „къ сожалѣнію, мнѣ приходится попросить васъ выслушать еще нѣсколько словъ. Я говорю „къ сожалѣнію“, ибо при всемъ мо-

емъ уваженіи къ губернской управѣ... гмъ!... И такъ, дѣло вотъ въ чемъ! Въ этой, полученной мною вчера бумагѣ, губернская управа прежде всего предписываетъ мнѣ опѣнить голову Тараса въ пятьсотъ гульденовъ. Я считаю это за совершенно бесполезную мѣру, которая ни къ чему не поведетъ и только еще пуще озлобитъ мужиковъ. Что-же касается второго пункта... При этихъ словахъ старикъ побагровѣлъ и гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу.

— Въ чемъ-же состоитъ этотъ второй пунктъ? съ удивленіемъ спросилъ генералъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ когда нибудь въ другое время, возразилъ уѣздный начальникъ. — Теперь я пока подожду результатовъ того протеста, который я по этому поводу отправилъ въ управу; очень-бы хотѣлось мнѣ знать, найдется-ли, дѣйствительно, такой негодяй... Онъ остановился, употребивъ для этого видимое усиліе, и затѣмъ прибавилъ съ подавленной яростью въ голосъ и тонъ: — Добраго вечера, господа! Честь имѣю пожелать вамъ всякаго благополучія! Я-же съ своей стороны сегодня опять буду предаваться размышленіямъ относительно того, какъ пріятно быть уѣзднымъ начальникомъ въ Галиціи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОНЕЦЪ АНТИЧНАГО МІРА *).

„Въ исторіи нѣтъ безплодныхъ и неинтересныхъ дней“, говоритъ Ренанъ. Если это замѣчаніе справедливо по отношенію ко всѣмъ историческимъ „днямъ“ безъ исключенія, то съ тѣмъ большимъ правомъ оно можетъ быть отнесено къ эпохѣ, составляющей предметъ изслѣдованія, съ которымъ мы налѣгаемъ познакомить читателя въ настоящей статьѣ. Историческій моментъ, съ такою полнотою и рельефностью, такими яркими, блестящими красками изображенный въ новой книгѣ Ренана, представляется въ высокой степени интереснымъ и поучительнымъ. На первый взглядъ, II-й вѣкъ по Р. Х., остановившій на себѣ вниманіе ученаго изслѣдователя, кажется временемъ какого-то хаотическаго броженія. Вы видите только полнѣйшее разстройство и неурядицу во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, какимъ-то бурнымъ вихремъ взволнованной до самаго своего основанія. Передъ вашими взорами открывается странная картина какого-то лихорадочнаго, беспорядочнаго движенія, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ элементы тогдашняго общества, начиная съ послѣдняго нищаго и кончая императоромъ. Въ этомъ движеніи все до такой степени смутно и неопредѣленно, что предугадать результаты его, не зная исторіи дальнѣйшихъ событій, представлялось-бы дѣломъ крайне затруднительнымъ;—и чѣмъ ближе вы къ началу вѣка, тѣмъ эта смутность становится осязательнѣе, тѣмъ неопредѣленность выступаетъ рѣзче. Чувства и страсти разгорячены и напряжены; сталкиваются всевозможные интересы; возникаютъ, развиваются и борются между собою и со старыми идеями самыя противоположныя новыя идеи; распатываются и колеблются всѣ, освященные временемъ и тра-

*) „Marc Aurèle et la fin du monde antique“. Эрнеста Ренана.

дицію, основы и устои; религія, нравственность, семья, собственность—все затронуто движеніемъ, ничто не оставлено въ покоѣ... Цѣлямъ, стремленіямъ, принципамъ и отстаивающимъ ихъ партіямъ или группамъ нѣсть числа. Всѣ они ожесточенно борются между собою, причежъ вы видите, что нерѣдко между ними заключаются самые противестественные союзы, что рядомъ, рука объ руку, идутъ иногда защитники такихъ идей, которыя взаимно исключаютъ другъ друга... На всѣхъ пунктахъ кипитъ ожесточенная битва. Въ общей свалкѣ и сумятицѣ смѣшиваются, сливаются, заглушая другъ друга, крики торжества, побѣды, отчаянія, гимны любви и всепрощенія, нѣсны надежды и упованія, пламенные призывы фанатизма, спокойный голосъ безстрастной философіи.. Да, на первый взглядъ, тутъ все кажется безурядицею, хаосомъ.

Но присмотритесь поближе къ этому кажущемуся хаосу и вы не замедлите убѣдиться, что онъ полонъ жизни, полонъ задатковъ, **обѣщающихъ** распуститься роскошнымъ цвѣтомъ. Если вы дадите себѣ трудъ **выкинуть** въ смыслъ совершающейся передъ вами борьбы, то вы увидите, что борьба эта происходитъ главнѣйшимъ образомъ только между двумя принципами: греко-римскимъ, представляющимъ собою старый, античный міръ, и іудео-сирійскимъ, олицетворяющимъ въ себѣ міръ новый, нарождающійся, идущій на смѣну старому. Что-же касается до кажущейся сложности, запутанности и хаотичности борьбы, то она очень просто объясняется для васъ наличностью множества отдѣльных партизанскихъ отрядовъ съ той и другой стороны,—отрядовъ, недисциплинированныхъ, обособленныхъ отъ главныхъ враждебныхъ армій, дѣйствующихъ въ распынную, безъ общаго пароля, по собственному вдохновенію, а потому и кажущихся независимыми, нерѣдко даже враждебными одинъ другому-непріятельскими лагерями. Борьба между старымъ и новымъ принципами далеко еще не окончена, еще находится въ самомъ разгарѣ;—потребуется еще болѣе ста лѣтъ для окончательнаго торжества новаго, — но и теперь уже видно, что торжество это ему обезпечено, что старый не выдержитъ оказываемаго на него давленія и напора и рухнетъ... На исторической сценѣ II-го вѣка совершается великая социальная революція, волны которой перепутали всѣ отношенія, сдвинули съ мѣста всѣ общественныя основы; потому—и безурядица, и видимый хаосъ... На сценѣ этой идетъ дѣятельная работа разрушенія и созиданія. О первомъ вы заключаете по грудамъ обломковъ и развалинъ; на второе намекаютъ кучи всевозможныхъ строительныхъ матеріаловъ и множество неоконченныхъ попытокъ, такъ-сказать, отдѣльных эскизовъ будущаго зданія. Вашъ умственный взоръ на первыхъ

порахъ не видить здѣсь ничего, принявшаго рѣзкія очертанія, вылившагося въ опредѣленную форму. Безобразныя развалины, безформенныя груды, пробныя эскизы,—и только. Но возьмите на себя работу будущихъ вѣковъ, уберите отсюда обломки, сметите мусоръ, устраните неудачныя попытки строительства, отодвиньте въ сторону неутилизованныя еще матеріалы,—и тамъ, гдѣ, по-видимому, была прежде только „хаоса бытность довременна“, вы съ удивленіемъ увидите почти совсѣмъ законченное новое зданіе. Это — христіанская Церковь. Правда, зданіе это выведено только вчернѣ; на каждомъ шагѣ глазъ наталкивается на угловатости, неровности и несовершенства; много работы еще потребуетъ она для своего завершения, но это уже будетъ работа детальная, отдѣлочная, такъ-какъ все главное, все существенное уже выполнено. Короче, зданіе придется только достраивать, совершенствовать, но не передѣлывать радикально. Не смотря на многочисленныя поправки и измѣненія въ подробностяхъ, оно въ своемъ первоначальномъ видѣ переживетъ вѣка и даже до нашихъ дней сохранить тѣ основныя черты и линіи, которыя ему были приданы во II-мъ вѣкѣ.

Для мыслящаго человѣка едва-ли можетъ быть что-нибудь интереснѣе исторіи брѣвы между старымъ и новымъ укладами жизни, исторіи возникновенія новаго соціального строя на развалинахъ стараго. Борьба новыхъ жизненныхъ началъ со старыми, замѣна однихъ, утратившихъ жизненность, выдохшихся, вывѣтрившихся общественныхъ формъ другими, болѣе соответствующими духу времени и требованіямъ даннаго историческаго момента, совершались не только въ античномъ мірѣ, не только въ давно-минувшія времена, но въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, съ большею или меньшею интенсивностью, совершаются и въ современныхъ обществахъ. Тотъ эволюціонный процессъ, который сообщаетъ такой особенный характеръ II-му вѣку, близко знакомъ намъ и по новѣйшей и даже самоновѣйшей исторіи; хорошо извѣстно намъ также и то, до какой степени живо даетъ онъ себя чувствовать современникамъ, заставляя ихъ жить среди хаоса и путаницы понятій и отношеній, заставляя выносить тяжесть смутнаго, неопредѣленнаго положенія вещей, какъ это бываетъ во всякую переходную эпоху. Процессъ этотъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, въ сущности, совершенно одинаковъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; всегда и всюду обнаруживаются при немъ тѣ-же стремленія воплотить въ жизнь новыя, свѣжія идеи, тѣ-же попытки доставить этимъ идеямъ право гражданства, тѣ-же порыванія впередъ, къ лучшему будущему—со стороны новыхъ, полныхъ силъ и энергіи, общественныхъ элементовъ; та-же упорная, старческая

оппозиція этимъ элементамъ; та-же реакція противъ новыхъ вѣяній, противъ новаго теченія—со стороны представителей отживающаго, одряхлѣвшаго режима, не желающихъ разстаться со своимъ положеніемъ и уступить своего мѣста. Потому-то книга Ренана, представляющая собою мастерски выполненную картину борьбы христіанства съ античнымъ міромъ, полна для насъ жгучаго, захватывающаго интереса не только съ одной исторической точки зрѣнія. Читая ее, вы невольно переноситесь мыслію къ новѣйшимъ историческимъ „днямъ“ и при этомъ сравниваете, сопоставляете и волнуетесь, точно будто передъ вами проносятся событія вчерашняго или сегодняшняго дня. На примѣрѣ юнаго христіанства Ренанъ съ поразительною ясностію показываетъ, что историческаго хода развитія нельзя остановить никакими мѣрами, что не смотря ни на какую реакцію, ни на какія преслѣдованія и репрессіи, новый духъ, новыя вѣянія торжествуютъ, новыя общественныя потребности удовлетворяются, что неразумное противодѣйствіе этимъ вѣяніямъ и потребностямъ ведетъ только къ конвульсивнымъ потрясеніямъ, только ускоряетъ гибель того, что должно, по ходу исторіи, пасть и успокоиться въ могилѣ.

Животрепещущій интересъ темы, обиліе фактовъ, богатство содержанія, блестящія литературныя достоинства,—все это, выстѣ взятое, дѣлаетъ новое произведеніе Ренана весьма выдающимся явленіемъ въ литературѣ Запада. Не смотря на то, что, читая это произведеніе, не всегда можно согласиться съ положеніями и взглядами автора, несмотря на то, что этотъ послѣдній оказывается не вездѣ одинаково безпристрастнымъ и не всегда вѣрно освѣщаетъ факты и лица,—въ общемъ, книга читается съ такимъ глубокимъ, непрерывающимся интересомъ, и производитъ такое обаятельное впечатлѣніе, что положительно съ сожалѣніемъ расстаешься съ нею, дочитывая послѣднюю страницу.

1.

Обстоятельства, при которыхъ Маркъ Аврелій вступалъ на престолъ, были чрезвычайно тяжелы, и нужны были сильный умъ, выдающіяся дарованія, рѣшительный, энергичный характеръ, чтобы онъ могъ удержаться на высотѣ своего положенія и оправдать возлагавшіяся на него надежды. Процессъ разложенія античнаго міра, представляемаго римскою имперіею, былъ въ полномъ ходу. Всѣ общественныя устои и основы были расшатаны, подорваны и грозили неминуемымъ паденіемъ... Духъ жизни уже отлеталъ отъ

соціального организма, лишеннаго внутреннихъ силъ и пораженнаго старческою немощью. Громадная римская имперія со стороны еще могла казаться полною могущества, могла внушать страхъ и уваженіе врагамъ; но, въ сущности, она была уже ничто иное, какъ колоссъ съ глиняными ногами, представляла собою обширное зданіе, фундаментъ и стѣны котораго, окончательно вътрившіеся и источенные временемъ, готовы были рухнуть при малѣйшемъ толчкѣ, завалить міръ обломками и обнаружить всю пустоту и гниль, скрывавшуюся внутри. Для дряхлаго римскаго общества это былъ моментъ предсмертной агоніи. Во всѣхъ сферахъ его, нѣкогда бывшей ключемъ жизни, чувствовался теперь полнѣйшій упадокъ, полнѣйшее оскудѣніе. Боги успѣли къ тому времени потерять весь свой авторитетъ и обратиться въ героевъ разныхъ безнравственныхъ побасенокъ; вѣра въ нихъ совершенно изсякла въ народѣ, а философія, царившая въ высшихъ сферахъ, рѣшительно отрицала даже самое существованіе ихъ. Нерѣдко можно было видѣть, какъ какой-нибудь философъ, окруженный толпою народа, осыпалъ ѣдкими насмѣшками грознаго въ былое время царя боговъ, Юпитера, съ его многочисленной свитой, и какъ толпа рукоплескала при этомъ. Такимъ образомъ, религія, въ строгомъ смыслѣ слова, уже не существовало; ее замѣняли грубѣйшіе предразсудки и суевѣрія; отъ политеистическаго культа остались только однѣ формы, безъ всякаго внутренняго содержанія... Религіозность по временамъ какъ-будто возрождалась въ народѣ подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ бѣдствій, которыя разсматривались, какъ кары, посылаемыя богами за господствовавшее невѣріе и нечестіе... Тогда народъ валилъ въ храмы, калялся, приносилъ искупительныя жертвы. Но проходила бѣда, и вспыхнувшая, было, искра чего-то, похожего на вѣру, гасла,—религіозный индифферентизмъ опять обнаруживался во всей силѣ. Пала религія,—и представитель античнаго міра ощутилъ въ себѣ мучительное чувство душевной пустоты, которую не могла наполнить ни наука,—потому что она находилась тогда еще въ эмбриональномъ состояніи,—ни тогдашняя философія,—потому что она была не по плечу грубымъ-невѣжественнымъ массамъ и составляла удѣлъ только немногихъ избранныхъ личностей. Всѣ нравственные устои рушились, понятія добра и зла пережѣшались, спутались,—и человѣку рѣшительно не на что было опереться... Идеалы, высшія цѣли и стремленія исчезли; приходилось жить изо дня въ день, не видя ничего въ настоящемъ, не надѣясь ни на что въ будущемъ... Неизбѣжнымъ результатомъ всего этого былъ упадокъ всѣхъ духовныхъ силъ, ослабленіе энергіи, исчезновеніе всякаго творчества. Но человѣкъ

не можетъ долго выноситьъ душевной пустоты; ему во что-бы то ни стало, нужно хоть чѣмъ-нибудь наполнить ее, хоть чѣмъ-нибудь *жить*. И вотъ, античный человѣкъ, за неимѣніемъ лучшаго, сталъ жить ощущеніями. „Зрѣлищъ! зрѣлищъ!“—кричала масса,—и чѣмъ эти зрѣлища были ужаснѣе, чѣмъ больше волновали чувства, чѣмъ больше давали сильныхъ ощущеній, тѣмъ больше онѣ нравились тѣмъ большее доставляли удовлетвореніе. Никогда еще страсть къ человѣческимъ боянямъ, къ публичнымъ казнямъ, къ битвамъ гладиаторовъ въ амфитеатрахъ, къ травлѣ людей звѣрами въ циркахъ и т. д., не достигала такой сильной степени, какъ въ царствованіе Марка Аврелія...

Столь-же безотрадную картину представляли собою и другія стороны жизни римскаго общества той эпохи. Упадку духовному вполне соотвѣтствовалъ и упадокъ матеріальный, зависѣвшій, съ одной стороны отъ перваго, а съ другой, отъ продолжительной практики той системы общественно-политическаго неравенства, на которой покоилось все зданіе римской имперіи и несостоятельность которой становилась день ото дня все очевиднѣе. Такимъ образомъ, наслѣдіе вѣковъ давало себя чувствовать новому императору и съ этой стороны. Институтъ рабства губилъ социальный организмъ, деморализируя все общество, сверху до низу, и въ жорнѣ подкашивая его производительныя силы. Экономическое положеніе массъ было крайне печально;—народъ хронически голодалъ, причѣмъ все чаще и чаще голодъ проявлялся и въ острой формѣ, подъ влияніемъ неурожаевъ, сдѣлавшихся, напр. въ Италіи, самымъ обычнымъ явленіемъ. Къ этому присоединялись еще опустошительныя эпидеміи, наводненія и другія народныя бѣдствія, которыми царствованіе Марка Аврелія было особенно богато. Въ довершеніе всего, на обездоленномъ, бѣдствующемъ, эксплуатируемомъ народѣ тяжелымъ гнетомъ лежала администрація, насиліе, произволъ и всевозможныя злоупотребленія которой не знали границъ. Если ко всему сказанному мы прибавимъ еще, что со стороны презираемаго Рима въ Востока на античный міръ надвигался, въ образѣ юнаго христіанства, опасный врагъ, полный жизни, энергіи, нравственныхъ силъ, т. е. именно того, чѣмъ такъ бѣдно было дряхлое римское общество, — то для читателя станетъ очевидно, что дни этого общества были уже сочтены, что имперія быстрыми шагами шла къ окончательному банкротству, что моментъ социальной ликвидаціи былъ уже не за горами. Пора была, однимъ словомъ, критическая.

При такихъ-то условіяхъ принялъ въ свои руки власть Маркъ Аврелій, этотъ истый римлянинъ, — какъ его изображаетъ Ре-

нанъ, — этотъ горячій патріотъ, поставившій себѣ цѣлю поддерживать старыя римскія традиціи, которыя были для него догмою. Ему предстояло укрѣпить, обновить колебавшееся, разваливавшееся зданіе, вдохнуть новую жизнь въ обвѣтшалаый социальный организмъ, отразить внѣшнія враждебныя вліянія, угрожавшія самому существованію стараго общества... Какъ-же взялся онъ за эту тяжелую задачу?.. Какъ выполнилъ ее?.. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, намъ необходимо прежде всего, хотя въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ самою личностію Марка Аврелія, который, по словамъ автора, „резюмируетъ собою все хорошее, что только было въ античномъ мірѣ“ („*Marc Aurèle*“, préface, p. II), и „день смерти котораго можетъ считаться критическимъ моментомъ, когда гибель старой цивилизаціи была окончательно рѣшена“ („*Marc Aurèle*“, chap. XXVIII, p. 489). Въ его рукахъ сосредоточивалась громадная власть; онъ былъ распорядителемъ судебъ обширной имперіи, до извѣстной степени могъ управлять ходомъ событій; въ немъ, какъ въ фокусѣ, собирались всѣ душевныя силы, всѣ доблести, еще уцѣлѣвшія въ античномъ мірѣ, который выставилъ его, такъ сказать, своимъ защитникомъ и охранителемъ въ борьбѣ съ новыми вѣяніями. Въ виду всего этого, личность новаго императора представляетъ для насъ громадный интересъ. Мало того; такъ-какъ въ только-что упомянутой борьбѣ стараго съ новымъ для насъ и заключается весь внутренній смыслъ и историческое значеніе той эпохи, то личность Марка приковываетъ къ себѣ наше вниманіе еще и по другой причинѣ: новый императоръ былъ центромъ, связующимъ звеномъ того правительства или „царства философовъ“, о которомъ говорятъ историки и которое было любопытѣйшимъ явленіемъ своего времени. Маркъ Аврелій былъ не только императоромъ, но и лучшимъ представителемъ тогдашней философіи, съ которою христіанство враждебно столкнулось при самомъ своемъ появленіи на сцену исторіи. Столкновение это было неизбежно, такъ-какъ первая была проникнута раціонализмомъ и почти совершенно свободна отъ супранатурализма, между тѣмъ какъ второе было основано исключительно на вѣрѣ въ чудесное, сверхъестественное. Съ общей точки зрѣнія, новое ученіе, зародившееся въ глубинѣ невѣжественнаго Востока и ставшее лицомъ къ лицу съ законченною, прочно-обоснованною философскою системою Запада, было, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ ребячьимъ лепетомъ. А между тѣмъ, этотъ лепетъ заглушилъ голосъ возмужалой философіи, христіанство восторжествовало надъ тогдашнимъ міромъ. Чтобы объяснить этотъ чрезвычайно любопытный фактъ, необходимо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что такое

представляла собою античная философія, въ чемъ была ея сила, каковы были ея недостатки. И въ этомъ отношеніи для насъ весьма существенно остановиться на Маркѣ, въ лицѣ котораго воплощалась философія того времени и который, въ силу этого, являлся принципиальнымъ противникомъ прогрессировавшаго христіанства. Маркъ Аврелій представляется, такимъ образомъ, центральною фігурою, вокругъ которой группируются всѣ событія.

II.

Антонинъ умеръ въ мартѣ 161 года. Чувствуя, что дни его уже сочтены, онъ привелъ въ порядокъ свои частныя дѣла и приказалъ перенести въ комнату своего пріемнаго сына, Марка Аврелія, золотую статую Фортуны, которая, въ силу установившагося обычая, всегда должна была находиться въ помѣщеніи императора. Съ того момента, какъ приказаніе это было исполнено, Маркъ Аврелій *de jure* и *de facto* становился полновластнымъ властелиномъ могущественной имперіи и рѣшителемъ судебъ ея, поскольку эти судьбы могли зависѣть отъ воли одного человѣка. Императорство предназначалось для него еще съ дѣтства, и ему пришлось ждать его въ продолженіи цѣлыхъ двадцати двухъ лѣтъ. Когда-же, наконецъ, имперія была сдана ему на руки, онъ не ощутилъ въ себѣ ни малѣйшей радости, такъ-какъ власть не представляла для него ничего заманчиваго и привлекательнаго; величіе-же трона казалось ему, съ его философской точки зрѣнія, вещь, совершенно лишенною всякаго внутренняго содержанія.

По своимъ высокимъ личнымъ качествамъ, онъ явился вполне достойнымъ преемникомъ тѣхъ славныхъ императоровъ, которые, одинъ за другимъ восходили на тронъ не по наследственному праву, а по принципу усыновленія, введенному въ практику Нервою, и въ продолженіи почти ста лѣтъ обеспечивали роду человѣческому небывалое ни раньше, ни позже относительное благоденствіе. Нерва, Траянъ, Адрианъ и Антонинъ могли споконно спать въ своихъ мавзолеяхъ, имѣя своимъ наследникомъ и продолжателемъ такого человѣка и правителя, какъ Маркъ Аврелій, питавшаго непреодолимое отвращеніе къ „Цезарямъ“ (императоры до Нервы), которые были въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ великолѣпныхъ, развратныхъ и жестокихъ Сарданапаловъ. Онъ отличался крайнимъ уваженіемъ къ закону и гражданскимъ правамъ своихъ подданныхъ и ни въ чемъ не измѣнилъ того, совершенно республиканскаго, режима своихъ доблестныхъ предшественниковъ, при которомъ императоръ являлся не военнымъ вождемъ, не носителемъ и выразителемъ идеи

наслѣдственнаго или божественнаго права, а просто однимъ изъ членовъ великаго гражданскаго Совѣта, составленнаго изъ лучшихъ людей эпохи и менѣе всего походившаго на „дворъ“, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово.

Молодость его прошла тихо и спокойно, среди мирныхъ размеченій сельской жизни, занятій риторикою и философскихъ размышленій. Онъ очень рано пристрастился къ философіи, чему не мало содѣйствовалъ его любимый наставникъ, Юніусъ Рустикусъ, оставшійся и впоследствии ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ своего царственнаго ученика. Другіе его учителя и воспитатели были наиболѣе выдающимися людьми своего времени. Упомянемъ изъ нихъ перипатетика Клавдія Севера, — извѣстнаго стоика, потомка Плутарха; Секста Херонейскаго, Діогнета, привившаго своему питомцу духъ аскетизма; Александра Котійскаго и Герода Аттическаго, преподававшихъ греческій языкъ и греческую литературу. Благодаря стараніямъ и заботамъ цѣлой толпы ученыхъ и мыслителей, окружавшихъ его, Маркъ Аврелій вполне освоился со всѣми науками и искусствами своего времени; даже живопись не осталась ему чуждою. Греческимъ языкомъ онъ владѣлъ съ такимъ совершенствомъ, что даже думалъ на немъ, когда мысль его останавливалась на философскихъ предметахъ. Что-же касается нравственной стороны воспитанія, то тутъ самымъ лучшимъ учителемъ и наставникомъ его былъ Антонинъ, къ которому онъ относился съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и въ которомъ видѣлъ превосходный образецъ всевозможныхъ совершенствъ. Въ своихъ знаменитыхъ „Мысляхъ“, служащихъ полнымъ отраженіемъ его души и представляющихъ собою драгоценный матеріалъ для оцѣнки его нравственной личности, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

... „Поступай всегда такъ, какъ подобаешь ученику Антонина... Всегда помни его неуклонное слѣдованіе предписаніямъ разума, его постоянное спокойствіе и ровное расположеніе духа, его крайнюю мягкость въ обращеніи, его презрѣніе къ суетной славѣ, его старанія вникать въ сущность вещей... Не забывай, что онъ никогда не оставлялъ ни одного вопроса, не изслѣдовавъ его со всѣхъ сторонъ и не понявъ, какъ слѣдуетъ; что онъ безропотно переносилъ даже и несправедливыя упреки, никогда не дѣлалъ ничего съ легкомысленною поспѣшностію, не отравлялъ свою жизнь подозрѣніями, не слушалъ донощиковъ, допускалъ противорѣчить себѣ, съ радостію принималъ чужое мнѣніе, если оно оказывалось лучше его собственнаго, былъ трудолюбивъ, терпѣливъ, умѣренъ, довольствовался малымъ во всемъ, что касалось жилища, одежды, пищи, прислуги“... и т. д. („Marc Aurèle“, р. 12).

И онъ всегда помнилъ это и поступалъ такъ, подкрѣпляя себя примѣромъ своего пріемнаго отца и черпая силы въ философіи. Эта послѣдняя была въ то время своего рода религіею, предписывавшею умерщвленіе плоти и почти монастырскія правила. Уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста Маркъ носилъ „философскій плащъ“, спалъ на голыхъ доскахъ и подвергалъ себя суровому режиму стоическаго аскетизма. Все свое время онъ проводилъ въ неустанномъ трудѣ, что, вмѣстѣ со всяческими лишеніями, пагубно дѣйствовало на его, и безъ того уже слабое, здоровье. Стоическая философія, горячимъ адептомъ которой онъ сдѣлался, предписывала ему сосредоточивать все свое вниманіе на совершенствованіи духа, — и онъ забивалъ, игнорировалъ требованія плоти.

Можно было-бы ожидать, что такая суровая философія выработаетъ изъ него мрачнаго аскета, сообщить его характеру жесткость, нетерпимость. На дѣлѣ однакоже вышло не то: мягкая, гуманная натура одержала верхъ надъ вышними вліяніями и предохранила его отъ крайностей. Непреклонно строгимъ и суровымъ онъ былъ только по отношенію къ себѣ; къ другимъ-же онъ почти всегда оставался крайне снисходительнымъ и мягкимъ. Въ „Мысляхъ“ своихъ онъ чуть не на каждой страницѣ говоритъ о полнѣйшемъ всепрощеніи. — „Если можешь, исправляй ихъ (дурныхъ, развращенныхъ людей); въ противномъ-же случаѣ помни, что добрыя качества твоей души для того и даны тебѣ, чтобы ты упражнялъ ихъ. Сами боги благосклонны къ своимъ созданіямъ, — они помогаютъ имъ, даютъ здоровье, богатство, славу... И тебѣ дана возможность поступать по примѣру боговъ“... Наблюдая людскіе пороки и несовершенства, императоръ-стоикъ заноситъ на свои таблички слѣдующія замѣчанія. „Таковъ ужъ законъ природы: люди этого сорта по роковой необходимости должны поступать такимъ образомъ. Требовать отъ нихъ, чтобы они дѣйствовали иначе, значило-бы требовать, чтобы фиговое дерево производило не фиги, а что нибудь иное“... „Наилучшій способъ мстить за себя злымъ людямъ заключается въ томъ, что бы ни въ чемъ не походить на нихъ“... Слыша о злословіи и узнавая о клеветахъ, направленныхъ противъ него, онъ пишетъ: „Дѣлать добро и въ награду за это получать поношенія и брань — это всегдашняя участь царей“... Но совершенства нѣтъ на землѣ; случается грѣшить и самому лучшему, высоко-нравственному человѣку; грѣшилъ, совершалъ несправедливости и Маркъ Аврелій — и вотъ напр. въ какихъ выраженіяхъ упрекаетъ онъ однажды за это самъ себя: „Ты забылъ, какими узами святого родства связанъ съ родомъ человѣческимъ каждый представитель его, — родства не по крови или рожденію, а по обла-

данію однимъ и тѣмъ-же разумомъ... Ты забудь, что всякая разумная душа есть богъ, порожденіе Высшаго Существа“...

Однимъ изъ глубочайшихъ убѣжденій его было то, что злые люди—несчастливые люди, что они злы не по своей винѣ, а по невѣжеству, и что поэтому заслуживаютъ одного только сожалѣнія. Нужно при этомъ замѣтить, что хотя онъ и прекрасно понималъ людскіе пороки и несовершенства, но старался не замѣчать ихъ, закрывалъ на нихъ глаза и такимъ образомъ сознательно обманывалъ себя, какъ это сплошь и рядомъ дѣлаютъ слишкомъ добрые люди, обыкновенно представляющіе себѣ неправящуюся имъ среду въ томъ видѣ, въ какомъ имъ хотѣлось-бы ее видѣть. Это нерѣдко вело, конечно, къ промахамъ и ошибкамъ въ сужденіяхъ о людяхъ, а слѣдовательно, и въ поступкахъ. Если вѣрить Марку Аврелію, то пришлось-бы допустить, что всѣ люди, окружавшіе его, были высшей породы, что весь міръ, въ которомъ онъ вращался, былъ преисполненъ добродѣтели.

Чтобы дорисовать умственную фізіономію Марка Аврелія, мы прибавимъ здѣсь, что, не смотря на строго-философское направленіе своей мысли, онъ никогда не могъ совершенно эмансипироваться отъ вѣры въ сверхъестественное; какъ философъ, онъ сильно противорѣчилъ себѣ, серьезно говоря о вмѣшательствѣ боговъ въ земныя дѣла. Справедливость однакоже требуетъ замѣтить, что подобныя вѣрованія оказывали очень мало вліянія на его поступки. Дѣло въ томъ, что въ основаніи его добродѣтели лежалъ совсѣмъ не элементъ сверхъестественнаго. Онъ былъ очень религіозенъ, но религіозность эта была чисто внѣшняя и обусловливалась патріотическою привязанностію къ старымъ обычаямъ; въ поведеніи же своемъ онъ руководствовался исключительно разумомъ. „Онъ дѣлаетъ собою честь человѣческой природѣ вообще,—говоритъ о немъ Ренанъ,—а не какой нибудь опредѣленной религіи. Какія-бы революціи не совершились въ будущемъ въ области философіи и религіи, его величіе отъ этого ни мало не пострадаетъ, потому что оно всецѣло покоится на томъ, что будетъ имѣть всегда одинаковую цѣну, а именно на превосходныхъ качествахъ сердца“. („Marc Aurèle“, p. 17).

Его внутренняя политика, вообще говоря, была основана на чувствѣ уваженія къ людямъ; случаи, когда это чувство вытѣснялось противоположнымъ, были сравнительно рѣдки. Онъ прекрасно понималъ, что предписывать народу то, что необходимо для его счастья, благодѣтельствовать ему насильно, противъ его воли, нельзя, такъ какъ главнѣйшимъ условіемъ для благоденствія людей является свобода,—и онъ предоставлялъ эту свободу своимъ под-

даннымъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, насколько, впрочемъ, это не противорѣчило основнымъ принципамъ римскаго государства, покоившагося на рабствѣ. Онъ желалъ дѣйствительнаго совершенствованія и развитія гражданъ, а не одного только слѣпнаго повиновенія съ ихъ стороны закону. Всѣми силами стремясь ко благу народному, онъ совершенно справедливо полагалъ, что благо это недостижимо при политическомъ рабствѣ, которое, по его мнѣнью, представляетъ собою величайшее изъ золъ. Поэтому, его идеаль правительства былъ вполне республиканскій. Государь, говорилъ онъ, есть ничто иное, какъ рабъ закона и только временный распорядитель силами и средствами государства. Отсутствие бесполезной роскоши, строжайшая экономія, истинное, неистощимое милосердіе, легкость доступа, привѣтливая рѣчь, постоянное стремленіе къ общественному благу, а не къ апплодисментамъ и дешевой славѣ, — таковы черты, которыми, по его понятіямъ, должна опредѣляться личность правителя, дѣйствительно достойнаго этого имени. Въ виду того, что было сказано выше, излишне, я думаю, и прибавлять здѣсь, что указанныя черты вполне могутъ послужить и для характеристики его самого, какъ правителя.

Повинуясь влеченіямъ своего благороднаго сердца и исходя изъ той мысли, что людямъ привилегированныхъ классовъ и безъ его помощи не дурно живется на свѣтѣ, императоръ всѣ свои усилія направлялъ на облегченіе и улучшеніе участи безпомощныхъ, обездоленныхъ, обойденныхъ судьбою элементовъ общества. Всевозможныя учрежденія общественной благотворительности получили при немъ весьма широкое развитіе. На свои собственные средства онъ устроилъ большое число вспомогательныхъ кассъ для юношества обоаго пола, щедрою помощью поддерживалъ заведенія для призрѣнія сиротъ, больницы, богадѣльни. Было издано множество указовъ, проникнутыхъ духомъ справедливости и гуманности... Податныя тягости, лежавшія на куріяхъ, были значительно облегчены. На широкую ногу была организована помощь населенію на случай голода, весьма часто посѣщавшаго тогда Италію... Этими и тому подобными мѣрами далеко еще не исчерпывалась дѣятельность правительства, заботы котораго были сосредоточены главнымъ образомъ на реформахъ въ области юридической.

Самымъ жалкимъ, самымъ безпомощнымъ существомъ въ римской имперіи былъ рабъ; немудрено поэтому, что безнравственный, жестокій институтъ рабства прежде всего и обратилъ на себя вниманіе Марка Аврелія. Нѣкоторыя изъ наиболѣе вопіающихъ безобразій его были устранены или, по крайней мѣрѣ, значительно смягчены. Было постановлено, что впредь господинъ не имѣе

права совершати несправедливих (?) дѣяній по отношенію къ своему рабу. Тѣлесныя наказанія подверглись регламентаціи закона. Убійство раба было возведено на степень преступленія. Жестокое обращеніе съ рабомъ вмѣнялось въ серьезный проступокъ и обижало владѣльца немедленно-же продать свою жертву. Рабъ, такимъ образомъ, становится до извѣстной степени подъ защиту суда и закона, дѣлается личностію... Онъ теперь собственникъ своего имущества; у него есть семья, члены которой не могутъ продаваться отдѣльно. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, господинъ не имѣеть права продавать своихъ рабовъ въ амфітеатры для боя со звѣрями. Рабыня, проданная на условіи „*ne prostituatur*“, гарантирована отъ опасности быть помѣщенной въ публичный домъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ сомнѣнія относительно законности порабощенія того или другого лица, законъ рѣшаетъ эти сомнѣнія въ пользу раба. Переходу изъ несвободнаго состоянія въ свободное, законодательство покровительствуетъ всевозможными способами, и, обратно, возвратъ къ рабству такимъ-же образомъ затрудняется. До извѣстной степени законъ признаетъ даже право рабовъ на имущество господина; такъ, если пѣтъ наслѣдниковъ послѣ умершаго владѣльца, рабы этого послѣдняго получаютъ, вмѣстѣ со свободою, и право присвоить себѣ имущество бывшаго господина... И такъ далѣе въ томъ-же родѣ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что какъ самъ Маркъ Аврелій, такъ и всѣ тогдашніе юристы, проникнутые духомъ стоицизма, въ теоріи смотрѣли на рабство, какъ на нарушеніе естественныхъ правъ человѣка. „Всѣ люди предками своими имѣють боговъ“,—говорилъ еще Сенека, разсуждая о равенствѣ и равноправности людей. А теперь, въ эпоху Марка, та-же самая идея выливается уже въ такую категоричную формулу: „по естественному праву, всѣ люди рождаются одинаково свободными и равными“. Но какъ эта теорія была далека еще отъ практики!...

III.

Перейдемъ теперь къ другимъ покровительственнымъ и освободительнымъ мѣрамъ того времени. Въ такой-же степени, какъ и рабовладѣльческой институтъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, обращаетъ на себя вниманіе правительства Марка Аврелія и рабство въ нѣдрахъ семьи. Жена, дѣти, несовершеннолѣтніе, находившіяся до того времени въ безусловномъ и безконтрольномъ распоряженіи главы семейства, становятся предметомъ гуманнаго законодатель.

ства и получаютъ нѣкоторыя гарантіи и охрану своихъ интересовъ. Сынъ остается, по прежнему, въ полной зависимости отъ отца, но уже перестаетъ быть его вещью. Наибольше чудовищныя привилегіи отцовской власти были уничтожены или ослаблены. Жена становится, съ юридической точки зрѣнія, дѣйствительнымъ членомъ семьи, получаетъ право наследованія и завѣщанія своимъ дѣтямъ... Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что стремленіе къ справедливости и гуманности при Маркѣ Авреліѣ начинаетъ брать верхъ во всѣхъ сферахъ правительственной дѣятельности. Такъ, прекрасныя законоположенія относительно банковъ, доносчиковъ и клеветниковъ, продажи рабовъ и т. д.—имѣютъ въ виду положить конецъ цѣлой массѣ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій. Наибольше суровыя требованія безпощаднаго фиска ограничиваются, и при всякомъ сомнѣніи въ законности его претензій къ гражданамъ вопросъ рѣшается въ пользу послѣднихъ. Насильственный способъ взиманія налоговъ уничтожается. Продолжительность судебной процедуры сокращается, причемъ обвиняемый получаетъ весьма существенныя гарантіи. Не находя возможнымъ приступать къ радикальной перестройкѣ дѣйствовавшего тогда, крайне суроваго, уголовного кодекса, Маркъ Аврелій старается смягчить его на практикѣ и самымъ либеральнымъ образомъ пользуется своимъ великимъ и святымъ правомъ помилованія.

„Никогда до сихъ поръ еще не было видано,—говоритъ Ренанъ,—чтобы къ разрѣшенію задачи о счастіи человѣчества стремились съ такою энергіею и настойчивостью. Идеаль Платона былъ осуществленъ: міръ управлялся философами. Все то, что для великаго Сенеки было только прекрасною фразою, теперь стало живымъ фактомъ дѣйствительности“ . („Marc Aurèle“, p. 32). Уже при Антонинѣ философы начинали играть выдающуюся роль и занимать высокое, привилегированное положеніе въ государствѣ; теперь же значеніе ихъ еще болѣе усилилось. Маркъ Аврелій, въ буквальномъ смыслѣ слова, былъ окруженъ ими. Всѣ его прежніе учителя и наставники сдѣлались государственными людьми и заняли высшія должности. Геродъ Аттичскій, Фронтонъ, Клавдій Северъ, Прокулъ и т. д. становятся консулами или проконсулами. Важная должность префекта города Рима въ продолженіи многихъ лѣтъ предоставляется любимѣйшему другу Марка, Рустикусу, который кромѣ того два раза назначается и консуломъ.

По приглашенію императора, со всѣхъ концовъ тогдашняго міра въ Римъ стекались цѣлыми толпами всѣ тѣ, которые пользовались хоть какою-нибудь извѣстностію по части философіи. Весьма естественно, что въ этой массѣ всевозможныхъ „философовъ“ оказалось

не мало и жалкихъ посредственностей, шарлатановъ, личностей внолихъ ничтожныхъ, но кичившихся своимъ званіемъ, надменныхъ, наглыхъ, жадныхъ и тщеславныхъ. Попавши въ „случай“, какъ выражались въ былое время у насъ на Руси, всѣ эти проходимцы презрительно относились къ обыкновеннымъ смертнымъ и сплосъ и рядомъ позволяли себѣ дерзко оскорблять римскихъ гражданъ. Всѣ эти люди, заполонившіе собою общественныя площади, снабженные сумами и вооруженные посохами, выставившіе на показъ, въ знакъ полнѣйшаго презрѣнія къ вѣщности, свои грязныя ломотья, свои всклокоченныя длинныя бороды,—всѣ эти башмачники, ремесленники, промѣнявшіе трудовую жизнь на праздное существованіе нищенствующаго циника, — должны были, конечно, вызывать антипатію къ себѣ, производить отталкивающее впечатлѣніе на всѣхъ порядочныхъ людей, которые имѣли полное право упрекать Марка Аврелія за то, что онъ растрчиваетъ государственныя средства на содержаніе этихъ безчисленныхъ туеядцевъ. „Его борода, говорили граждане, указывая на какого-нибудь всклокоченнаго „философа“, даетъ ему десять тысячъ сестерцій! Слѣдовало-бы ужъ за одно положить такое же жалованье и всѣмъ козламъ“ ... Весьма естественно было при этомъ и то, что лучшіе граждане, сохранившіе въ себѣ истинно-римскій духъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣли на захватъ высшихъ должностныхъ мѣстъ въ государствѣ людьми безъ славныхъ предковъ, безъ военныхъ талантовъ и опытности, по происхожденію своему принадлежавшихъ по большей части къ восточнымъ расамъ, столь презираемымъ римлянами. Что-же касается до Марка Аврелія, то онъ, конечно, прекрасно видѣлъ и понималъ всѣ недостатки и смѣшныя стороны своихъ протеже, но терпѣливо переносилъ ихъ, не смѣшивая любезной ему философіи съ личностями философовъ, проповѣдавшихъ ее, и утѣшая себя тѣмъ, что въ мірѣ вообще рѣдко встрѣчаются люди, у которыхъ слово не расходилось-бы съ дѣломъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что, питая слабость къ философамъ вообще, какъ-бы ни были велики ихъ нравственные недостатки,—онъ обнаруживалъ рѣдкій талантъ въ выборѣ изъ нихъ людей, съ которыми онъ, такъ сказать, дѣлился своею властью. Почти всѣ его ближайшіе совѣтники представляли собою личности, чрезвычайно почтенныя и достойныя всякаго уваженія;—зато-же и императоръ относился къ нимъ, какъ къ братьямъ, совмѣстно съ которыми ему приходилось нести бремя правленія. — „Философы, какъ объ этомъ мечталъ Сенека, сдѣлались государственною властію, образовали изъ себя нѣчто въ родѣ конституціоннаго Совѣта, влія-

іе котораго на общественныя дѣла было чрезвычайно велико“ (Ів. р. 40).

Философія тогда все болѣе и болѣе принимала внѣшній характеръ религіи; она имѣла своихъ проповѣдниковъ, своихъ миссіонеровъ, своихъ духовниковъ и казуистовъ. Почти каждое знатное лицо того времени держало при себѣ своего домашняго философа, который былъ въ одно и то же время и интимнымъ другомъ и, такъ сказать, охранителемъ души. Философъ долженъ былъ просвѣщать людей, поддерживать и направлять ихъ. Къ нему обращались за утѣшеніемъ въ горѣ, съ нимъ совѣтовались обо всякомъ важномъ дѣлѣ, его-же приглашали и къ смертному одру, гдѣ онъ игралъ почти такую-же роль, какъ у насъ въ подобныхъ случаяхъ священникъ. Совершенно такое-же положеніе, какимъ философы пользовались въ домахъ частныхъ лицъ, они занимали и во дворцѣ государя. Такъ, при особѣ Августа мы видимъ философа Ареуса, которому императоръ открывалъ всѣ свои помыслы и который былъ своего рода его духовникомъ. Такую-же роль игралъ по временамъ и Сенека у Нерона. Діонъ Христомъ пишетъ для Траяна разсужденіе объ обязанностяхъ государя. Адріана мы видимъ окруженнаго софистами.

Остальное общество также получало систематическіе уроки философіи. Во всѣхъ главныхъ городахъ было организовано преподаваніе ея, съ публичными лекціями и конференціями. Всѣ представители старыхъ философскихъ школъ получали отъ правительства одинаковое жалованье и пользовались полнѣйшею свободою преподаванія, на единственномъ условіи — не уклоняться отъ принциповъ избранной для публичнаго изложенія философской системы, былали то система Платона, Пифагора, Діогена, Эпикура или Аристотеля. Такимъ образомъ, на ряду съ христіанскою проповѣдью шла во II-мъ вѣкѣ проповѣдь и философіи, которая во многихъ отношеніяхъ даже сходилась съ первою, такъ-какъ тоже возставала противъ грубаго политеистическаго культа.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собою слѣдующую любопытную и единственную въ своемъ родѣ картину: на тронѣ возсѣдаетъ философъ, ближайшими совѣтниками его являются философы, всѣ важнѣйшія мѣста въ администраціи заняты философами-же, законы пишутся подъ диктовку философіи, которая, ставши чѣмъ-то въ родѣ религіи, сдѣлалась предметомъ и официальнаго преподаванія. Какъ читатель видитъ, это было настоящее «царство философовъ».

Какое значеніе, съ соціально-психологической точки зрѣнія, этотъ философскій режимъ имѣлъ для античнаго міра, угрожаемаго христіанствомъ, — объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи;

здѣсь-же ограничимся только нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями по вопросу о томъ, насколько правительственная дѣятельность императора-философа и его сотрудниковъ соотвѣтствовала обстоятельствамъ и настоятельнымъ требованіямъ того времени. Кто, въ самомъ дѣлѣ, правъ: Ренанъ, до небесъ превозносящій Марка Аврелія, или тѣ историки, которые утверждаютъ, что послѣдній былъ весьма посредственнымъ правителемъ?..

Читая книгу Ренана, невольно приходишь къ заключенію, что авторъ писалъ не безпристрастную исторію, а панегирикъ Марку. На сторонѣ этого послѣдняго, очевидно, лежатъ всѣ симпатіи ученаго изслѣдователя, который подчеркиваетъ всѣ достоинства и доблести своего любимаго героя, смягчаетъ, скрапиваетъ, оправдываетъ, извиняетъ всѣ его недостатки, промахи, ошибки и увлеченія и даже результаты его дѣятельности старается представить несравненно болѣе удозлетворительными, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ. Но факты оказываются сильнѣе краснорѣчивыхъ восхваленій; добросовѣстность не позволила умолчать о нихъ автору, и вотъ, послѣдній запутывается въ противорѣчія, на каждомъ шагу опровергаетъ самъ себя и, въ концѣ концовъ, заставляетъ читателя задуматься надъ вопросомъ: не правъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, былъ Авидій Кассій, одинъ изъ лучшихъ современниковъ Марка Аврелія, называя этого послѣдняго «философомъ-бабою»?

Безъ всякаго сомнѣнія, Маркъ-Аврелій былъ лучшій изъ людей, когда либо занимавшихъ тронъ. Недаромъ-же имя *Антониновъ* стало священнымъ послѣ него; недаромъ-же вскорѣ послѣ его смерти возникло нѣчто въ родѣ культа въ его честь. Когда онъ умеръ, римляне считали оскорбленіемъ его памяти прибавлять къ его имени какой-бы то ни было титулъ; для нихъ онъ былъ не императоръ, а близкій, дорогой *человѣкъ*, и, вспоминая о немъ, они просто говорили: «Маркъ, отецъ мой», «Маркъ, братъ мой», «Маркъ, сынъ мой», смотря по возрасту говорившаго. Даже христіане, которыхъ онъ, за время своего царствованія, подвергалъ суровымъ преслѣдованіямъ, и тѣ отдавали полную справедливость его душевнымъ качествамъ и, какъ это ни странно, относились къ нему съ чувствомъ какого-то нѣжнаго умиленія. И дѣйствительно, какъ *человѣкъ*, онъ вполне заслуживалъ такого любовнаго отношенія къ нему со стороны своихъ подданныхъ. Почти вся его правительственная дѣятельность запечатлѣна характеромъ справедливости и гуманности, обнаруживаетъ искреннее стремленіе ко благу народному, показываетъ, что онъ былъ преисполненъ прекраснѣйшими памѣреніями. Но однихъ хорошихъ чувствъ, благихъ стремленій и прекрасныхъ памѣреній еще слишкомъ недостаточно, чтобы быть хорошимъ пра-

вителимъ, особенно въ такую критическую эпоху, въ какую пришлось жить и дѣйствовать Марку Аврелію. Состояніе общества при немъ было таково, что требовало самаго энергическаго леченія, самыхъ радикальныхъ реформъ и перестроекъ. Въ его рукахъ была громадная власть, и онъ могъ воспользоваться ею для дѣла реформы, для обновленія дряхлыхъ общественныхъ формъ. А между тѣмъ, что-же мы видимъ? Однѣ только попытки класть жалкія заплаты на ветхое, развалившееся рубище,—однѣ только полумѣры, которыя обыкновенно никогда не достигаютъ цѣли, одну только уступчивость злу и выжидательно-охранительную политику тамъ, гдѣ слѣдовало, безъ всякихъ колебаній, рѣшительно выступить на путь освобожденія массъ народа отъ вслческихъ путъ, мѣшавшихъ его матеріальному и духовному возрожденію. Немудрено поэтому, что и результаты получились довольно мизерные, о чемъ проговаривается даже и Ренанъ. Маркъ Аврелій подвизался на поприщѣ филантропіи, писалъ прекрасные, благожелательные указы, философствовалъ на тему о гуманности, справедливости, свободѣ, равноправности людей, и въ то-же время стремился поддерживать, во всей ихъ цѣлости, старыя традиціи, освящавшія самую вопіющія несправедливости и неравенства... Предъ нимъ стоялъ фактъ такой огромной важности, какъ рабство, которое даже возмущало его, какъ философа; но онъ, повидимому, не оцѣнилъ его по достоинству, не уразумѣлъ всего его общественнаго значенія, не понялъ того, что пока существуетъ этотъ фактъ, до тѣхъ поръ немислимъ никакой прогрессъ, никакое серьезное улучшеніе въ нравахъ, и ограничился только внесеніемъ незначительныхъ поправокъ въ то, что требовало безпощаднаго уничтоженія. Поправками этими онъ совсѣмъ не затрогивалъ, не колебалъ самаго принципа негодныхъ учреждений и, такимъ образомъ, оставлялъ открытыми одни изъ важнѣйшихъ вопросовъ своего времени. Медлить-же съ разрѣшеніемъ назрѣвшихъ соціальныхъ вопросовъ и оставлять неудовлетворенными гражданъ, заинтересованныхъ въ этомъ разрѣшеніи, какъ показываетъ исторія, всегда бываетъ очень опасно. «Когда государство отказывается заниматься соціальными задачами, то эти послѣднія разрѣшаются помимо его, при помощи разрушающихъ его ассоціацій» («Marc Aurèle», р. 587).—Когда неудовлетворенные граждане «обособляются отъ государства и перестаютъ принимать участіе въ общемъ дѣлѣ, то государству этому угрожаетъ гибель». (Ibid. р. 99). Справедливость этихъ замѣчаній Ренана какъ нельзя болѣе оправдывается на примѣрѣ занимающей насъ теперь эпохи римской исторіи...

Могъ-ли бы Маркъ Аврелій успѣть въ роли радикальнаго дѣя-

тели, социальнаго реформатора, — это, конечно, другой вопросъ. Замѣтимъ, однакоже, что почва для широкихъ освободительныхъ реформъ была уже въ его время достаточно подготовлена, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ крайне быстрое распространеніе и поразительный успѣхъ христіанства, несчаго массамъ даже одну только духовную свободу, одно только духовное равенство... Но Маркъ, не смотря на свою гуманитарную, прогрессивную философію, былъ слишкомъ римлянинъ, слишкомъ консерваторъ, слишкомъ „ветхій“, и слабый человѣкъ, чтобы рѣшительно порвать со старымъ, смѣло пойти на встрѣчу новому и отмѣтить собою начало новой эры въ лѣтописяхъ исторіи.

Короче, передъ нами вовсе не глубокой умъ, не сильный характеръ, не великій и образцовый монархъ, какимъ старается представить Марка Аврелія Ренанъ, а просто благодушный, довольно слабохарактерный правитель, въ то-же время представляющій собою типъ человѣка переходной эпохи, разрываемаго внутренними противорѣчїями. Философія тянула его въ одну сторону, ветхій традиціонный Римъ—въ другую, и вотъ, въ результатѣ получались противорѣчїя, разладъ слова съ дѣломъ, нравственная неудовлетворенность и душевныя мученія, практическое безсиліе... Наиболее ярко раздвоенность его натуры выразилась въ его отношеніяхъ къ христіанамъ. Преслѣдованіе послѣднихъ, къ которому мы теперь и переходимъ, является позорнѣйшимъ, несмыслаемымъ пятномъ на его царствованіи и совсѣмъ не вяжется съ утвержденіемъ Ренана, что Маркъ Аврелій представлялъ собою идеаль либеральнаго правителя (р. 18 и др.).

IV.

Философія, которая при Маркѣ Авреліѣ получила такое преобладающее значеніе въ общественно-политической жизни, была, благодаря своему рационалистическому характеру, весьма враждебна христіанству. Къ тому-же, и представители ея, въ особенности греческіе, пользовавшіеся особеннымъ расположеніемъ императора и, какъ говоритъ Ренанъ, «игравшіе въ Римѣ, можетъ быть, ужь черезчуръ большую роль»,—считали себя оскорбленными безграмотными проповѣдниками новаго ученія, тайно подрывавшими ихъ авторитетъ и восстанавливавшими противъ нихъ ихъ учениковъ. Они не останавливались ни передъ какими средствами, чтобы только опозорить, унизить, погубить христіанъ въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ Марка. По ихъ словамъ, евреи и христіане были

ничто иное, какъ „нечестивцы, безбожники, враги общества, нарушители семейнаго мира и спокойствія, старающіеся всюду вкрадываться, все привлекать къ себѣ, интриганы, сварливые, высокомерные, зложелательные крикуны...“ Подобные отзывы и мнѣнія, конечно, не проходили безслѣдно; мало-по-малу клевета дѣлала свое дѣло, и вотъ, на христіанъ стали смотрѣть, какъ на „гнусныхъ злодѣевъ“... Замѣтимъ здѣсь къ слову, что въ такомъ отношеніи къ христіанамъ того времени нѣтъ ничего удивительнаго и исключительнаго. Если читатель потрудится окинуть бѣглымъ взглядомъ всю исторію, съ древнѣйшихъ до самоновѣйшихъ ея временъ, то онъ увидитъ, что всегда и вездѣ представители новыхъ идей, новаго, враждебнаго старому, міросозерцанія, проповѣдники новаго общественнаго строя, идущаго на смѣну отживающаго, усердно награждались и награждаются сторонниками даннаго status quo всевозможными эпитетами, какіе только встрѣчаются въ ругательныхъ лексиконахъ цѣлаго міра. „Злодѣями“, „врагами общества“, „потрясателями основъ“, „безбожниками“, „развратниками“, „исчадіями ада“ и т. д., были въ свое время и въ свою очередь и христіане, и противники рабства, и республиканцы, и партизаны науки, и адепты свободной мысли и т. д., и т. д.... Такова ужъ участь всѣхъ соціальныхъ новаторовъ и пионеров...

Какъ мы уже замѣтили выше, старая римская традиція была для Марка Аврелія догмою, которую онъ считалъ необходимымъ поддержать во всей ея цѣлости и неприкосновенности. А вѣдь эта традиція освящала, между прочимъ, и господствовавшую политическую религію. Одною этого обстоятельства было исполнѣ достаточно для того, чтобы новое царствованіе стало неблагопріятнымъ для христіанства, къ которому императоръ относился отрицательно, какъ патріотъ-консерваторъ, какъ римлянинъ, питавшій врожденную неприязнь и презрѣніе къ восточнымъ расамъ, какъ ученикъ стоической философіи, враждебной супранатурализму и, между прочимъ, строго осуждавшей исканіе смерти, отличавшее христіанъ, и, наконецъ, какъ глава государства, которому казалось опаснымъ обнаруживаемое исповѣдниками новой вѣры презрѣніе къ карамъ и казнямъ и бравадованіе закона. Онъ, впрочемъ, ни въ чемъ не измѣнилъ прежнихъ законоположеній относительно христіанъ; преслѣдованіе послѣднихъ не было, въ сущности, актомъ личной воли Марка, а являлось естественнымъ слѣдствіемъ одного изъ основныхъ законовъ имперіи, запрещавашаго образованіе обществъ и ассоціацій, закона, подъ дѣйствіе котораго попадали и христіане. Онъ не только не усилилъ этого запретительнаго закона, но даже всѣми силами старался смягчить его. Вся его

ошибка въ данномъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ дѣйствовалъ не достаточно радикально, какъ и всегда, и не уничтожилъ вполне закона о «недозволенныхъ обществахъ» (*collegia illicita*), подававшего поводъ, особенно въ провинціяхъ, къ самымъ прискорбнымъ явленіямъ. „Ему въ данномъ случаѣ можно сдѣлать тотъ-же упрекъ, котораго вполне заслуживаютъ многіе правители, не рѣшающіеся однимъ почеркомъ пера отмѣнить всѣ законы, стѣсняющіе свободу собраний, ассоціацій и печати“, говоритъ Ренанъ («*Maig Aurèle*», р. 58).

Нетерпимость и всяческія ограниченія свободы всегда и вездѣ приносятъ очень горькіе плоды. Будь распорядители судьбами народными болѣе свободны отъ упрека, дѣлаемаго имъ Ренаномъ, и тогда, навѣрное, новыя идеи, проникающія въ міръ, не получали-бы того исключительнаго, односторонняго характера, какой онъ обыкновенно пріобрѣтаютъ подъ уродующимъ давленіемъ обстоятельствъ; развитіе обществъ, навѣрное, не сопровождалось бы тѣми конвульсивными потрясеніями, которыя бывають такъ часты, уносятъ обыкновенно такую массу жертвъ и такъ тяжело отзываются на жизни ихъ современниковъ; на страницы исторіи, навѣрное, было-бы занесено меньше прискорбныхъ событій, налагающихъ такой мрачный отпечатокъ на нѣкоторыя историческія эпохи. Нельзя, поэтому, не согласиться съ Ренаномъ, когда онъ говоритъ, что, „можетъ быть, христіанство, предоставленное самому себѣ, въ менѣе пагубной степени развило-бы присущій ему абсолютный, теократическій принципъ“, чѣмъ это вышло въ дѣйствительности (р. 58).

Мало того; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что если-бы христіане не подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ, то они не относились-бы къ языческому міру съ такою нетерпимостью и враждебностью, съ такимъ страстнымъ ожесточеніемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія. Немудрено, поэтому, что озлобленный христіанинъ не могъ пройти мимо языческаго храма или идола, не обнару живѣотвращенія, не отплюнувшись, какъ отъ чего нибудь нечистаго, не сотворивъ крестнаго знамени; не могъ не останавливаться передъ статуею Юпитера или Аполлона, не наносить этимъ языческимъ святынямъ ударовъ палкою и при этомъ не кричать во всеуслышаніе: „Видите, богъ вашъ не мститъ за себя!“ Все это было совершенно въ порядкѣ вещей... Но очевидно также и то, что такое поведеніе христіанъ должно было только подливать масла въ огонь, вызывать еще большую враждебность, еще сильнѣйшія репрессіи со стороны язычниковъ... Повторяемъ еще

разъ, преслѣдованія только усиливаютъ взаимное ожесточеніе, только плодятъ злобу, только придаютъ страстность враждѣ...

Мы уже говорили выше, что никогда еще бѣдствія народныя не случались такъ часто и не достигали такой силы и жестокости, какъ при Маркѣ Авреліѣ. Голода, наводненія, всевозможныя эпидеміи слѣдовали одни за другими. Народъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что это разгнѣванные боги наказываютъ его за упадокъ вѣры, и, чтобы умилостивить ихъ, удваивалъ свою набожность, бросался въ храмы для принесенія искупительныхъ жертвъ... Какъ же вели себя въ такихъ случаяхъ послѣдователи Христа? Они открыто выражали свою радость, что несчастія и бѣдствія поражаютъ ненавистный имъ языческій міръ... Чѣмъ хуже шли дѣла, тѣмъ, по ихъ мнѣнію, было лучше... При этомъ они не скупились на сарказмы и ѣдки насмѣшки надъ тѣми средствами и способами, которые употреблялись язычниками для отвращенія гнѣва ихъ боговъ, и раздражались грозными пророчествами относительно ближайшихъ судебъ имперіи, которой они сулили скорую и окончательную гибель, причемъ, конечно, ихъ не останавливало то обстоятельство, что гласное распространеніе подобныхъ пророчествъ составляло тяжкое преступленіе, предусмотрѣнное закономъ...

Античный міръ, конечно, мстилъ за все это христіанамъ, и мстилъ страшно, безпощадно. На ихъ счетъ распространялись самыя ужасныя клеветы, самыя кровавыя насмѣшки. Въ разсказахъ, передававшихся изъ устъ въ уста, въ карикатурахъ, ходившихъ по рукамъ и расклеивавшихся по стѣнамъ зданій, шла рѣчь и объ обожаніи христіанами осла, и объ оргіяхъ ихъ, и о развращеніи ими женщинъ и дѣтей и т. д., и т. д. А когда всего этого казалось мало, недостаточно, когда въ сердцахъ разгоралась жажда кровавой расправы съ богохульниками, за грѣхи которыхъ боги караютъ весь народъ, то происходили избиенія христіанъ на улицахъ, на площадяхъ, въ домахъ и раздавался грозный крикъ: «Львамъ христіанъ!» И христіане шли на растерзаніе...

„Такимъ образомъ, преслѣдованіе обострилось до такой степени, каковой оно еще никогда не достигало до сихъ поръ. Различіе между простымъ фактомъ принадлежности къ христіанскому культу и преступленіями, связываемыми съ именемъ христіанина, было совершенно забыто. Сказать: «Я христіанинъ» — значило сдѣлать признаніе, послѣдствіемъ котораго могъ быть смертный приговоръ. Терроръ сдѣлался обычнымъ состояніемъ христіанской жизни. Доносы сыпались со всѣхъ сторонъ, въ особенности отъ рабовъ, евреевъ, языческихъ мужей, жены которыхъ обращались въ христіанство... Полиція, зная мѣсто и дни христіанскихъ собраній,

неожиданно врывалась на послѣднія... Судъ надъ христіанами только давалъ случаямъ фанатизму ихъ проявляться во всей его силѣ. Моментъ появленія передъ судьями и публикою становился предметомъ особенныхъ заботъ обвиняемыхъ, къ нему подготавлились съ вожетствомъ своего рода... Акти судебного производства собирались вѣрными, какъ драгоценные документы, должныствовали свидѣтельствовать о торжествѣ вѣры; ими тщеславились, ихъ жадно читали, изъ нихъ сдѣлали родъ литературы... Чтеніе этихъ документовъ, по которымъ наилучшая роль всегда принадлежала обвиняемому, разжигало воображеніе, вызывало раздражителей, внушало жгучую ненависть къ гражданскому обществу и вообще ко всему существовавшему порядку вещей, при которомъ представителей истины и добра могли третировать такимъ образомъ... Страшныя кары римскаго права налагались на обвиненныхъ во всей ихъ суровости. Христіанинъ, какъ *humilior* (существо низшей породы), какъ человѣкъ подлый, гнусный, приговаривался къ самымъ позорнымъ казнямъ,—къ повѣшенію, къ распятію на крестѣ, къ растерзанію звѣрами, къ смерти на огнѣ, къ наказанію розгами... Смерть иногда замѣнялась каторжными работами въ рудникахъ или ссылкой въ Сардинію... Жестокое смягченіе!.. При разборѣ дѣлъ и при примѣненіи къ обвиненнымъ статей уголовного кодекса, судьи практиковали полнѣйшій произволъ и нерѣдко заходили при этомъ за предѣлы возможнаго... Это было угнетающее зрѣлище!..“ («Marc Aurèle», р. 66—67).

Что-же христіане?.. А они съ торжествующею улыбкою, съ радостнымъ взоромъ, шли на мучительныя казни, спѣша смертію запечатлѣть свою преданность преслѣдуемому ученію. Страданія и гибель доблестныхъ поборниковъ христіанской идеи зажигали энтузіазмомъ сердца уцѣлѣвшихъ, создавали ученію массу новыхъ прозелитовъ, и вотъ, передъ смущенною властью проходятъ все новыя и новыя, все болѣе многочисленныя толпы смѣлыхъ, торжествующихъ отрицателей существующаго порядка вещей... Могли античный міръ выдержать напоръ подобныхъ людей?!.. И онъ, какъ мы знаемъ, дѣйствительно не выдержалъ и рухнулъ... И рухнуть помогъ ему самъ-же Маркъ Аврелій, полумѣрами старавшійся поддержать разваливавшійся соціальныи строй и, въ видахъ охраненія „порядка“, воздвигавшій кровавыя преслѣдованія противъ христіанъ, какъ враговъ общества,—помогъ именно этими самыми гоненіями и преслѣдованіями... Фактъ въ высокой степени поучительный; надъ нимъ не мѣшаетъ задуматься всякому, кто хоть сколько нибудь интересуется историческими судьбами обществъ и народовъ...

„Если-бы Маркъ Аврелій, говоритъ Ренанъ, вмѣсто львовъ и раскаленныхъ желѣзныхъ троновъ, взялся за школу, постарался организовать въ широкихъ размѣрахъ рационалистическое обученіе народа, то этимъ онъ несравненно вѣрнѣ предохранилъ-бы міръ отъ увлеченія элементомъ сверхъестественнаго въ христіанствѣ... Но, къ сожалѣнію, онъ не пошелъ по вѣрной дорогѣ...“ („Marc Aurèle“, p. 345).

И. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЪТИ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Грязный, сырой вечеръ. Широкія окна магазиновъ льютъ потоки свѣта на скользкія плиты тротуара, и онѣ кажутся грязно-желтыми. Обгоняя одна другую, мягко ватятся кареты, блистая, въ темнотѣ улицы, своими фонарями. Извиваются извожичьи пролетки. Выплывая изъ сумрачной дали, какъ одноглазое чудовище, съ лязгомъ и шипомъ проѣзжаетъ вагонъ конножельззки... Темное, беззвѣздное небо уныло повисло надъ громадами домовъ... Вѣтеръ, налетая порывами, завертываетъ полы платья, колышетъ языки газа въ фонаряхъ...

Невскій доживаетъ послѣдніе часы своей шумной дневной жизни...

Сенька, приподнявъ плечи, разставивъ руки, смотритъ въ ярко освѣщенную булочную. Тамъ лежатъ грудями баранки, словно волны изъ тѣста, сдобные хлѣбы вкусно глядятъ подрумяненными спинками... Дальше,—пузатые пирожки, сахарное пирожное... Всѣ въ бѣломъ, румяные и сдобные, какъ ихъ булки, стоятъ за стойками продавцы, снуютъ изъ одной двери въ другую... И сколько народа! Съѣсть негдѣ — все позанято... А новые все приходятъ и стоятъ ужъ, оглядываясь по сторонамъ, не уйдетъ ли кто...

Сенькѣ холодно; носъ его посинѣлъ, нижняя челюсть подергивается. Онъ вобралъ руки въ рукава своей кофты и переминается съ ноги на ногу.—Чортъ возьми! А наvertѣлъ онъ, ва-

жется, порядкомъ на себя: поверхъ трепаннаго картуза онъ обвязалъ платокъ, закрывъ имъ уши; другимъ платкомъ — побольше — перекрестилъ грудь сверхъ сестриной ватной кофты (немного коротка—жаль!)... Ногамъ хуже всего: эти башмаченки совсѣмъ развалились, разбухли отъ сырости, — ноги въ нихъ зачоченѣли...

Сенька еще потоптался на мѣстѣ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и сисясь поглубже уйти головой въ воротникъ кофты. Потомъ онъ подскочилъ на одной ногѣ и, шлепая задницами своихъ башмаковъ, переваливаясь, пошелъ вдоль тротуара. Ему хочется ѣсть. Онъ остановился противъ извощика и смотритъ, какъ тотъ засовываетъ въ ротъ большой кусокъ ситнива. Онъ такъ вкусно жуетъ и чмокаетъ, что у Сеньки начинается сосать подъ ложечкой. Его разбираетъ зло на извощика. — „Ишь лопааетъ!“ думаетъ онъ и смотритъ, какъ, кусокъ за кускомъ, исчезаетъ ситнивъ въ мясистыхъ губахъ извощика, какъ оттопыриваются его щеки...

Извощикъ вдругъ бросается впередъ и заглядываетъ въ лицо проходящему:

— Давать?... Приважите, господинъ?... Эх-ма! хошь бы на стаканчикъ!...

Сенька взбѣшенъ.

— Н-но! не при-ста-ва-нивайся!...

И онъ растягиваетъ слова, какъ-то гнусавя, и злобно сдвигаетъ свои бѣлыя брови. Извощикъ оборачивается.

— Ахъ, ты...

Но Сенька уже отскочилъ и, въ припрыжку, зашлепалъ дальше.

— На ста-кан-чикъ!... Наѣлся, да на стаканчикъ... Ишь ты!...

Онъ подходитъ въ Пассажу. Тамъ должна стоять Анюта. Что-то у ней? У него до сихъ поръ нѣтъ ничего еще. А у ней есть, навѣрное. Только она не дастъ — нѣтъ ужъ!... Эта ни за что...

II.

Анюта, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ какъ разъ у Пассажа. Она побольше Сеньки, худенькая, востроносая. Блѣдное, зеле-

новатое лицо ея выглядываетъ изъ грязнаго, полинялага платка. Она жалобно смотритъ на проходящихъ и жалобнымъ, пискливымъ голоскомъ пристаётъ къ нимъ. Она продаётъ лубочные санки.

Съ Анюткой стоитъ еще какой-то мальчуганъ. Сенька его видитъ въ первый разъ, да и не разглядитъ хорошо лица сначала. Кто бы это?... Сенька подкрадывается и влѣпляетъ ему щелчка въ затылокъ. Мальчикъ, испуганный, вскрикнулъ и обернулся. Сенька, ожидая сдачи, отпрыгнулъ на шагъ и сталъ въ оборонительную позу. Но мальчикъ не хочетъ нападать. Онъ потрогиваетъ затылокъ и мигающими, покраснѣвшими глазами смотритъ на Сеньку. Дѣвочка тоже увидала Сеньку.

— Ну, чево ты все пристаешь?... Эхъ, ты!... Чево ты его ударилъ?... Смотри—вѣдь больной онъ...

Она укоризненно смотритъ на Сеньку. Сенька нѣсколько сконфуженъ. Теперь онъ самъ видитъ, что мальчикъ совсѣмъ худой: носъ и скулы обострились, глаза ввалились. Одѣтъ онъ еще хуже Сеньки, — ему, должно быть, еще холоднѣе. Пальтишко легонькое едва доходитъ до колѣнъ. Изъ сапогъ (сапоги! замѣчаетъ Сенька) торчатъ пальцы. На шеѣ нѣтъ ничего, никакого платка; она голая и длинная...

Сенькѣ становится жаль этого мальчика. Это ничего, что онъ выше ростомъ, чѣмъ Сенька, — Сенька, вается, гораздо сильнѣе его... Сенькѣ хочется загладить свой щелчекъ и онъ нѣсколько разъ похлопываетъ мальчика по плечу, вертясь на мѣстѣ, и все приговаривая: „Ну, что-жь... ну, братъ... эхъ, братъ!...“

— Эхъ, братъ!... Какъ тебя-то?...

— Николка...

Голосокъ у Николки слабенькій, дрожащій. Сенькѣ еще жальче его становится.

— Эхъ, братъ, Николка!... Ну, что-жь... Сколько-жь тебѣ лѣтъ-то?

— Десять...

— Вона! Мнѣ, братъ, восьмой... Да!... А я вонъ-онъ каковъ... а?

И Сенька самодовольно оглядываетъ себя, разставивъ ноги, и опять покровительственно треплетъ Николку по плечу. Тутъ вступается Анютка.

— Каковъ! передразниваетъ она своимъ тоненькимъ голос-

комъ, — хорошъ, оно и правда!... Цѣлый день шляешься, домой глазъ не кажешь. Отца-то нѣтъ, и ты изъ дома...

Сенькѣ не нравится это. Эта Анютка никогда не даетъ ему покоя. Положительно, онъ не можетъ подойти къ ней, чтобы она не начала его пилить. Всегда такъ выходитъ, что и перехватить у ней пятакъ черезъ это не удается. Заладить, заладить... Эхъ!...

Онъ нарочно принимаетъ суровый видъ и, опять гнусава, растягиваетъ слова:

— Н-ну... раз-го-ва-ри-вай...

Анютку этимъ не испугаешь.

— Чево — разговаривай!... Правду говорю... Правду всегда скажу... Ты гдѣ нынче ночеваль-то?...

„Неужто знаетъ?“ думаетъ Сенька.

— Гдѣ?

— Да?...

Анютка торжествующе на него поглядываетъ.

Николка тоже заинтересованъ.

— У части? тихо спрашиваетъ онъ Анютку. — Анютка обижается.

— Ну вотъ, — у части!... Его ни разу не забирали... У части!...

И она сердито поглядываетъ на Николку, словно онъ про нее самое подумалъ это.

— Гдѣ-же?

— У Вяземскаго, на бильярдѣ... Вотъ гдѣ!...

Лицо Сеньки расплзается въ улыбку. Онъ лукаво сощуриваетъ глаза и какъ-то странно, однимъ смѣшкомъ, смѣется.

— Х-ха!... Правда... Это правда!...

— Чево-жь ты зубы скалишь? возмущается Анютка; — хорошо это нешто?... Чево ты домой-то не покажешься?... Мать, можетъ, вчера день цѣлый не ѣвши, а ты — что собралъ, все по портернымъ?... Ухъ, ты!...

И она укоризненно трясетъ головой и сердито поправляетъ узелъ платка подъ подбородкомъ. Сенька глядитъ куда-то въ сторону и такъ только, чтобы не смолчать передъ Анюткой, гнусавить:

— Н-ну, раз-го-ва-ри-вай...

Ему что-то не по себѣ. Анютка не унимается:

— Вонъ, Ванятка, поди, цѣлковый насбиралъ,—домой побѣгъ, а ты... натрескался только...

Николка съ удивленіемъ посматриваетъ на Сеньку: такой маленькій—и натрескался...

— Натрескался?! переспрашиваетъ онъ.

— А какъ-же?... Видали его сколько разъ...

— Н-ну?... Гдѣ видали? опять любопытствуетъ Сенька.

— А на Владимірской?... Въ портерной?... Что?... Онъ и лобъ себѣ расквасилъ пьяный... У, пьяный!...

Анютка презрительно отворачивается. Сенька задумчиво почесывается и потомъ опять ослабляется:

— Х-ха... Ну, вышилъ... Н-ну?... И то на здоровье!...

И онъ подпрыгнулъ на одной ногѣ и ударилъ себя по бедрамъ.

— Ну, гдѣ же,—на здоровье?... Все худой какой...

Это Сеньку рѣшительно обижаетъ. Онъ сдвигаетъ пуще брови и сильно сопить носомъ.

— Ху-дой... Ишь!.. Худой... Вотъ я тебя тресну...

— Хорошенько ее!.. Ха-ха... Свистни!.. — гогочетъ, пробѣгая, мадъчишка со щетками подъ мышкой. Онъ останавливается на минуту и ждетъ—чѣмъ это кончится.

Анютка, сверкая глазами, оборачивается къ нему.

— А ты не подучай... Куда шель, туда иди своей дорогой...

И потомъ вызываетъ Сеньку

— Попробуй... Попробуй!.. Что-жь ты?..

— И свистну... Ху-дой!..

— Ну-ка—съ двухъ сторонъ... Ха-ха!... не унимается мадъчишка...

Но тутъ подходитъ къ Анюткѣ барыня. Она наклоняется къ санямъ и выбираетъ. Анютка напряженно смотритъ на нее; Сенька сердито сопить и косится на Анютку.

— Почему? спрашиваетъ барыня.

— Двугривенный...

Сенька срывается.

— Вретъ она, вретъ, — кричитъ онъ, — по пятаку въ лавку носить... Вретъ...

И онъ зло смотритъ на Анютку. Та вскидываетъ на него глаза, полные укора... Барыня покупаетъ сани... Анютка долго

не можеть успокоиться и нервно, нагнувшись, переставляетъ санки...

— Эхъ, ты!.. наконецъ обращается она къ Сенькѣ, сволочь!.. У кого хлѣбъ отымасшь... Эхъ ты!..

И она долго, въ упоръ, смотритъ на Сеньку, и слезы негодованія блестятъ въ ея голубыхъ глазахъ.

— А барыня все-жъ таки мнѣ гривенникъ дала... А у тебя много-ли?

— Много-ли... А вотъ...

Сенька строитъ плачевное лицо и жалобно, въ одну ноту прося, забѣгаетъ впередъ проходящимъ.

— Барыня, матушка, дай копейку... Барыня, матушка...

Никто не даетъ ничего.

Сенька возвращается нахмуренный.

— Паскуда! ругается онъ,

— И хорошо; пропьешь, все равно...

Сенька молчитъ. Молчитъ нѣкоторое время и Анютка.

— Эхъ, ты! — опять начинаетъ она, но уже болѣе мягко; — эхъ, Сенька!.. Домой-то ты ничего не носишь... Отецъ-то тебя бьетъ — бьетъ... То-то ты отца боишься — не ходишь... Эхъ Сенька!..

— Бьетъ... Тебя самое мать-то бьетъ...

Анютка не отвѣчаетъ.

— Что-жъ, что бьетъ? — тихо говоритъ она, наконецъ, смотря вдаль. — Меня рѣдко когда бьетъ... За дѣло... Я и знаю: бьетъ, такъ за дѣло... Ежели потеряю, такъ и скажу, — ну, прибьетъ... А ужъ ночевать куда попало не пойду... А тебя какъ не бить?.. Все-то ты изъ дому тащишь... Платки попропадали... Мать-то покупаетъ, а ты...

Сенька тревожно оглядывается и ощупываетъ пазуху. Онъ смущенъ видимо и опять растягиваетъ:

— Нн-ну... раз-го-ва-ри-вай!.. Сама-то... (Онъ молчитъ, подыскивая обвиненіе). — Сама мой пятакъ зажилила...

— Какой пятакъ?.. Нѣтъ, ты этого не смѣешь говорить... Вотъ за это я сейчасъ могу тебя... Гдѣ я зажилила?..

Анютка подступаетъ къ Сенькѣ.

— Почему сани? раздается подлѣ. — Анютка живо оборачивается. Сенька тоже любопытствуетъ — сколько дадутъ?

— Пятнадцать, — говорить Анюта и косится на Сеньку.
Тотъ молчитъ.

Торговаль господинъ въ бобрахъ. Онъ потыкалъ палькой
каждые сани, посмотрѣлъ ихъ въ рѣсе-пез и, пробурчавъ— „во-
семь“, пошелъ дальше. Онъ всегда давалъ только половину.

Анюта не разслышала. Она быстро нагнулась къ Сенькѣ.

— Что онъ сказалъ?..

— Восемь...

— Ну?!.. Скажи: пожалуйста...

Сенька бросается за господиномъ.

— Пожалуйста, — кричитъ онъ, протискиваясь сквозь тол-
пу, — пожалуйста!..

Анюта вытягиваетъ шею, слѣдя за Сенькой. Но господинъ
раздумалъ покупать.

— Не надо...

Сенька, печальный, возвращается.

— Не надо...

Анюта вдыхаетъ.

— Эхъ... Восемь, а потомъ— „не надо“... Господа!..

Сенька тоже вдыхаетъ. Онъ присѣлъ подлѣ Ниволки на
ступени Пассажа и подперъ рукой голову. Ему захотѣлось
спать... Домой пойти, или нѣтъ?.. Онъ посмотрѣлъ на Ниволку—
тотъ уже дремалъ.

Потухли огни магазиновъ. Порѣдѣли прохожіе. Одинокое ка-
тились запоздавшіе экипажи... Пошелъ мелкій, частый дождь,
словно сквозь сито... Сырость пронизывала насквозь. Вѣтеръ
ударялъ въ выѣски и словно силился сорвать ихъ долой...

Анюта стала считать санки: остается семь еще... Теперь
врядъ-ли кто купитъ. Теперь не гуляютъ—спѣшать домой. На
всякій случай, однако, она подождала еще и раза два проши-
щала:

— Купите для вечера, господинъ... Вотъ вашей милости...

Никто не купилъ. Тогда она запахнула шубенку, потуже
перетянула ее какимъ-то обрывкомъ и перекинула санки за
плечи.

— Ну, прощайте, ребятки... Пора мнѣ...!

И она поплелась, сѣменя ножками. Сенька молча смотрѣлъ
ей вслѣдъ...

Что-жь теперь дѣлать?.. Развѣ домой?.. Но у него нечего по-

нести... А мать-то, пожалуй, и вправду не ѣвши... И больна она; нынче, чѣмъ свѣтъ, когда онъ забѣгалъ, она лежала ничкомъ и совсѣмъ его не замѣтила....

Тутъ Сенька опять смутился и полѣзъ за пазуху. Онъ вытащилъ бѣлый платокъ, только что вымытый, и развернулъ его...

„Какъ-же ему вернуться?.. Узнаютъ... прибьютъ... Да,—стациональ... Что-жь? Ёсть нечего совсѣмъ... Сегодня, вотъ, во весь день ничего не насбиралъ... Хорошо, что хоть это есть... Нѣтъ, домой не пойдетъ...“

Сенька опять спряталъ платокъ...

— Холодно!..

Онъ вздрогнулъ и обернулся на Николку. Тотъ привалился головой къ стѣнѣ и спалъ. Отъ холода онъ сжался, какъ могъ плотнѣе.

— Николка... А Николка... Слышь!.. Тутъ, братъ, не велятъ,—будилъ Сенька. Николка проснулся и испуганно глядѣлъ на Сеньку.

— Нельзя, братъ, здѣсь... спать-то... — Ты куда-же пойдешь?.. Домой?..

Николка отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ... Не пойду...

Онъ живетъ у сапожника на выучкѣ. Трудно тамъ... Плохо ѣдятъ... Бьютъ... Сегодня вотъ избилъ хозяинъ — пропалъ мотокъ дратвы... А онъ не бралъ, хоть побойтаться... Билъ, билъ... Николка взялъ да ушелъ... Теперь не вернется...

— Гм... Куда-жь ты: домой, къ отцу?

— Нѣтъ здѣсь отца-то... Отецъ въ деревнѣ... Никого здѣсь нѣтъ...

Николка задумчиво поникаетъ головой. Сенька хлопываетъ его.

— Эхъ, горемыка!.. Ну, братъ, что-жь... Ничего!..

Тогда они стали выбирать мѣсто ночлега. Николкѣ совершенно некуда идти. Сенька домой не пойдетъ. Онъ предложилъ ночлежный домъ...

Николка колебался: онъ ни разу тамъ не бывалъ... Можетъ, побьютъ?—Сенька засмѣялся.

— Чудакъ ты!.. Эхъ, братъ, — право, чудакъ!.. Кому насъ бить надо?.. Мы сами по себѣ, — ни мы никого, ни насъ никто... Мы деньги заплотимъ...

У Николки нѣтъ денегъ. Сенька его успокоиваетъ.

— Заплотимъ, говорю...

И онъ подмигнулъ Николкѣ и шлепнулъ его по спинѣ. Николка больше не протестовалъ; въ концѣ концовъ, здѣсь очень холодно,—совсѣмъ нельзя спать...

Рѣшили идти въ ночлежный.

III.

Скользя по липкой грязи торцовъ, они перешли Невскій въ Большой Садовой.

Улица тонула во тьмѣ, и только фонари, какъ цѣпь звѣздъ, сіяли рядами, сливающимися впереди. Свѣтъ распластаннаго пламени ихъ отблескивался на мокрыхъ панеляхъ, словно навешенныхъ лакомъ, колебался, дрожа и прерываясь, по нижнимъ этажамъ домовъ, верхи которыхъ уходили въ темноту, сливаясь съ свинцовымъ фономъ неба...

Мальчики шли рядомъ.

Николка, забравъ руки, словно въ муфту, въ рукава пальто, устало перебиралъ ногами и уныло смотрѣлъ въ землю. По временамъ, дрожь пробѣгала вдоль его спины и поводила его всего. Съ картуза капала за шею вода, капала на лицо. Ноги совсѣмъ оледенѣли, но онъ все также старательно обходилъ большія лужи, то бочкомъ пробираясь у самой стѣны, то прыгая черезъ нихъ... Ему было тоскливо. Эта сивервая, пронизывающая ночь словно плакала въ его душѣ. Этотъ непривѣтный рядъ арокъ гостинаго двора, съ гнѣздящейся въ глубинѣ ихъ жуткой тьмою, словно насупился подъ стать ему, его житью-бытью... Мрачно глядѣли однообразные своды, словно тоскуя своимъ одиночествомъ, омоченные дождемъ, какъ слезами...

Сенька подпрыгивалъ, грѣя руки въ карманахъ кофты. Онъ не унывалъ. Положимъ, ему тоже было холодно, ему тоже хотѣлось ѣсть, но роль руководителя припала ему больно по сердцу. Онъ возвышался въ собственныхъ глазахъ... Этакій этотъ Николка чудной, ничего не знаетъ... Не ночевалъ въ ночлежномъ... Чудной!.. Тихій, — не дерется, не ругается...

— Мнѣ, братъ не впервой... Я, братъ, сколько разъ ужъ!.. Вотъ, посмотри—я все тамъ знаю, все извѣстно...

Онъ вскочился на тумбу и грузно спрыгнулъ съ нея прямо въ лужу. Вода далеко брызнула и попала на Николку. Тотъ отско- чилъ и оглянулъ штаны, словно ихъ можно было еще запачкать.

Сенька шлепалъ всей ступней по лужамъ... То онъ подбѣгалъ къ освѣщеннымъ подъѣздамъ домовъ, становился на носки и заглядывалъ въ полутемныя сѣни... Все въ нихъ обдавало дремотой: и слабое мерцанье одинокаго рожка газа, и сумракъ уходящей вверхъ лѣстницы, и откинувшійся къ спинѣ стула, неподвижный швейцарь...

— Дрыхнетъ! соображалъ Сенька;—наѣлся, напился и дрых- неть... И тепло ему: вонъ печь накалилась до-красна... Лодарь!..

И онъ размышлялъ, догоняя Николку: житье швейцарамъ. Сиди въ теплѣ, подавай шубы, отпирай двери—больше ничего... Онъ сколько разъ стоялъ и смотрѣлъ: ничего они не дѣлаютъ... Сыты, въ теплѣ...

И ему представился ихъ подвалъ: холодный, сырой, темный... Сырость отъ постоянной стирки... Въ воздухѣ паръ какой-то... Цѣлый день за работой мать—стираетъ, стираетъ... Иногда и по ночамъ, бывало... И едва-едва сыты были... А вотъ, заболѣла мать-то—все врозь... Одеждъ ничего не носить,—самъ тянетъ... Последнее тянетъ... Приходитъ когда пьяный, бьетъ, кричитъ за что ни попало... Убѣжишь, куда попада убѣжишь... А то вмѣстѣ съ матерью начать пить... Дерутся... ругаются...

— Эхъ, братъ!—вздыхаетъ мальчуганъ, похлопывая Николку и подпрыгивая подлѣ него,—не горюй!.. Не горюй, говорю!.. Люди!.. Малина!.. Житье!..

И онъ выпалилъ надтреснутымъ голоскомъ, отчеканивая концы:

М-м-мадамъ Анго гу-ля-ла—
И съ мальчиномъ своимъ!!!...

И въ концѣ выкинулъ антраша... Потомъ то-же самое началъ насвистывать, все продолжая подскакивать въ тактъ...

Они подошли къ Сѣнной и повернули по Обуховскому.

— Мать-то есть у тебя? вдругъ спрашиваетъ Сенька.

Николка вздрогнулъ, словно проснулся.

— Мать?.. Нѣтъ, матери нѣтъ...

И онъ вздохнулъ. Сенька тоже.

— Н-нѣтъ... Это, братъ, худо... Коли матери нѣтъ—это ужъ худо...

И Сенька задумчиво поводитъ головой и шуритъ вдаль глаза.
— Что-жь, мать-то — была тебя? спрашиваетъ онъ, не глядя на Николку.

— Нѣтъ... не была... Хорошая мать была.

И Николка глубоко вздохнулъ. Сенька замолчалъ. Онъ заложилъ теперь руки назадъ и сошѣлъ, переваливаясь на ходу.

Наконецъ, подошли къ воротамъ. Они смотрѣли темной, разверзстой пастью, бездной, съ невѣдомымъ міромъ ея... Облѣзлый фонарь съ номеромъ одинъ бросалъ скудные лучи на ихъ обсыпанную штукатурку, полинявшую обраску.

Николка остановился, не рѣшаясь войти, и, бокомъ изъ-за стѣны, заглядывалъ въ таинственную темь. Оттуда несло сыростью и вонью...

Сенька храбро вошелъ первымъ.

— Вали! крикнулъ онъ и подождать Николку.

Бояться нечего. Онъ, Сенька, всё ходы тутъ знаетъ... Ему не впервой, говорилъ, вѣдь. Сколько разъ ужъ доводилось—ничего... Да тутъ тьма тьмуцая ночуетъ вотъ такихъ-же, какъ они съ Николкой... Кому какое дѣло?

Во дворѣ шли цѣлые корридоры межъ длинныхъ, темныхъ зданій... Всюду темь, кой-гдѣ разгоняемая одинокимъ фонаремъ... Ноги скользили въ таломъ снѣгѣ, въ накопившейся въ выбоинахъ слякоти...

Повернувъ нѣсколько разъ, Сенька остановился передъ дверью. Погребомъ и гнилью пахнуло на нихъ, когда они поднимались по лѣстницѣ. Они хватались за стѣны, — стѣны липли отъ плѣсени и грязи.

Вотъ пошли какимъ-то корридоромъ. Доски ходятъ подъ ногами, и та-же грязь, какъ на улицѣ, расплзается изъ-подъ ногъ.

— Куда-жь это? робко спрашиваетъ Николка.

Сенька ужъ знаетъ. Онъ проведетъ. Сказалъ проведетъ — и проведетъ. Соснуть знатно. Можно-бы на бильярдѣ, да тамъ рѣдко спать дають, народу больно много... Теперь они могутъ заплатить и соснуть, какъ люди...

Тутъ Сенька толкнулся въ дверь. Дверь со скрипомъ подалась.

IV.

Ихъ охватилъ воздухъ спертый, удушливый. Запахъ какой-то кислоты, ѣдкой до тошноты, билъ въ носъ. Отъ дыханія болѣе двадцати ночлежниковъ паръ стоялъ въ комнатѣ, разъѣдалъ глаза.

Николка покачнулся и инстинктивно ухватился за Сеньку. Въ темнотѣ, едва разгоняемой слабымъ свѣтомъ изъ-за парусинной, почернѣвшей отъ пыли и сырости, перегородки, они съ трудомъ различали лежавшихъ на полу, съ трудомъ обходили ихъ.

За перегородкой послышалось ворчанье; край ея приподнялся, и злое старушечье лицо выглянуло оттуда.

— Еще кто тамъ?

Сенька отеликнулся.

— Это я, Амалія Иванна... Съ нимъ вотъ—съ Николкой...

И пробрался за перегородку. Амалія Ивановна все еще вглядывалась въ него. Наконецъ, узнала и протянула:

— А-а... ты.

И потомъ стала разглядывать Николку. Тотъ робко стоялъ за Сенькой и въ смущеніи мямлѣ картузь. Онъ успѣлъ ужъ нѣсколько разъ отвѣсить поклонъ Амаліи Ивановнѣ. Она казалась ему страшной. Ея сѣдая голова была не покрыта, и волосы, точно змѣи, отдѣлившись отъ жидкой косы, висли по лбу, налѣзали на блестящіе глаза, горбатый носъ съ широкими, черными ноздрями, на сердито выпяченную нижнюю челюсть... Засаленный халатъ висѣлъ на ней, какъ на вѣшалкѣ.

— Вѣдьма, подумалъ Николка.

Амалія Ивановна подбавила свѣта въ маленькой жестяной лампочкѣ, стоявшей на окнѣ. Изъ мрака выплыла кровать, занимавшая всю стѣну отъ окна до перегородки, столикъ съ зеркальцемъ, нѣсколько стульевъ. Разный хламъ безъ всякаго порядка былъ сваленъ по угламъ. На окнахъ толпились баночки и пузырьки. Было два горшка съ жалкимъ подобіемъ зелени.

— Поздно приходишь... Поздно приходишь,—начала Амалія Ивановна крикливо и скоро,—если ночевать, можно и мѣста не быть... Поздно приходишь... Для чего поздно?

И, не дожидаясь отвѣта, спросила, понизивъ голосъ:

— Есть что?

Сенька кивнулъ головой и оглянулся. Потомъ полѣзъ за пазуху и вытащилъ оттуда два платка. Амалія Ивановна встрянула ихъ, расправила на свѣтъ и потерла между пальцами.

— Все платки... Все платки... Для чего все платки?

Сенька пыхтѣлъ и моргалъ глазами, косясь на Николку.

— Ночевать? спросила Амалія Ивановна, закивая платки подъ подушки.

— Ночевать, Амалія Иванна... ему, вотъ, тоже...

— Хорошо... Ложитесь...

Но Сенька, переминаясь, не уходилъ. Амалія Ивановна, отвернувшись къ постели, словно не замѣчала его...

— Что-жь, Амалія Иванна, — заикнулся Сенька, — по уговору...

— А?—не разслыхала Амалія Ивановна.

— По уговору-бы, говорю...

Сенька кашлянулъ.

Амалія Ивановна заворчала. Этакой мальчишка и привыкаетъ пить. Это ни на что не похоже. Она и то очень добра, пуская его...

Однако, полѣзла подъ кровать и, вытащивъ штофъ, налила Сенькѣ стаканъ почти до краевъ — „по уговору“. Сенька повеселѣлъ. Онъ прильнулъ къ стакану и, какъ воду, мелкими глотками, безъ перерыва, выпилъ его весь... Только подъ конецъ глаза его заслезались, — онъ продолжительно крякнулъ и рукавомъ кофты вытеръ губы. Николка удивленно смотрѣлъ на него.

— Ну, пойдѣмъ, братъ...

И они опять перебрались въ комнату ночлежниковъ.

V.

Вдоль стѣнъ шли нары. На нихъ и прямо на полу, на брошенныхъ, набитыхъ соломой, тюфякахъ, лежали ночлежники — мужчины и женщины, — грязные, какъ самыя нары, какъ весь этотъ ужасный домъ.

Большинство спало. Сенька осмотрѣлся и увидалъ въ углу тюфякъ, занятый только однимъ. Онъ толкнулъ Николку.

— Во-здѣсь и ляжемъ... Помѣстимся... Ложись, братъ...

И пропустилъ въ середину Николку. Самъ легъ съ краю.

— Сапоги-то сними... Подъ голову положишь... Видишь: всё...

Николка послушался. Онъ усталъ, промыкавшись цѣлый день, усталъ до того, что, забывъ голодь и довалившись до какой ни на есть постели—все-же тепло, все не подъ этимъ пронизывающимъ вѣтромъ—заснулъ моментально...

Сенькѣ не спалось. Водка шумѣла въ головѣ, прогоняла остатки сна. Жажда была сильная,—хотѣлось и ѣсть. Онъ такъ и не поѣлъ съ утра ничего... У этой Амалии не разживешься,—хоть не проси...

И передъ глазами его носились поджаренныя спинки саяекъ, засушенные баранки...

Онъ оглядѣлся.

Въ другомъ углу, сидя на тюфякѣ, горько всхлипывала мастеровой. Онъ размазывала ладонью слезы по всему лицу и все качала головой. До Сеньки долетали его причитанія, тихія, заглушаемыя слезами:

— Эхъ, дурень, дурень!.. Н-некому учить тебя!.. Н-нѣтъ отца съ матерью... Эхъ, дурень, дурень!.. Отецъ съ матерью не учать—люди научать!.. Эхъ, Г-господи!..

И потомъ болѣе весело заключилъ:

— П-потѣха на свѣтѣ!.. Всякъ по своему съ ума сходить...

Сбоку, на нарахъ, лежали два оборвыша, лицомъ другъ къ другу. Въ послѣдней уже стадіи бодрствованія, одинъ менторскимъ тономъ наставлялъ другого:

— А ты еетабакомъ... Сейчасъ это возьми табаку четвертку... Нюхательнаго... Да съ водой и вымой... Голову-то... Я всегда такъ... Бывало, вымоешь—сейчасъ она и кончится...

— И шабашъ? мычить слушатель.

— И шабашъ... Опосля гребнемъ чесать... Чешешь—чешешь... Страсти, сколько начешешь ее... Раза два вымоешь—и шабашъ...

— Мм... Тоже—табаку... Его купить надо...

Нѣкоторое время оба молчатъ. Потомъ начинаетъ тянуть опять первый:

— А то, вотъ, тоже ежели на языкѣ она...

— На яззыкѣ?..

— Да... вѣдь она всюду, братъ, залазитъ... Эту солью...

Отвѣта уже нѣтъ.

Сенька забывается. Только не надолго. Голодь будить его. Во рту пересохло. Голова тяжелая... Онъ садится на тюфякъ.

Лампочка погасла. Кругомъ тишина, прерываемая только храпомъ спящихъ... Весь этотъ нищій, оборванный людъ спалъ тяжелымъ сномъ, и въ этой ужасной, затхой, ядовитой атмосферѣ, быть можетъ, видѣлъ розовые сны...

Дождь пересталъ бить въ окна, и теперь смотрѣлась въ нихъ полная луна и лила въ комнату серебристые лучи...

— Ёсть хочется,—думаетъ Сенька. Входя, онъ видѣлъ—у самой двери изъ-подъ чьей-то головы торчалъ край ситника. Сенька хорошо замѣтилъ мѣсто.

— Стащить?.. А вдругъ—услышитъ?..

Онъ все-таки осторожно встаетъ и пробирается къ двери. Тамъ, на крайнихъ нарахъ, разметавшись, лежала старушонка, и краюха ея теперь была совсѣмъ свободна.

Затаивъ дыханіе, посматривая то на старуху, то кругомъ— на спящихъ, Сенька высвободилъ краюху и тутъ-же, отломивъ кусокъ, сталъ его жевать... Однако, это чавканье показалось ему опаснымъ: могутъ услышать. Тогда изобьютъ—это вѣрно. Здѣсь изобьютъ—не помилуютъ. Здѣсь не воруй. Гдѣ хочешь—не здѣсь.—Сенька зналъ это.

— Лучше удрать...

И онъ осторожно налегъ на дверь, все смотря на старуху, все боясь, что вотъ она проснется... Дверь визгнула, но слабо. Сенька вздрогнулъ и осмотрѣлся. Сердце его колотилось... Никто не шевельнулся.

Тогда, пятась задомъ и все смотря на старуху, прижимая къ груди добычу, онъ проскользнулъ въ едва отворенную дверь и также осторожно, тихо затворилъ ее...

За ней онъ вздохнулъ облегченно.

VI.

Онъ зашлепалъ по корридору, закивая въ ротъ куски ситника, сладко жуя ихъ. Онъ вышелъ опять на дворъ.

У самыхъ дверей мохнатая, черная собаченка съ радостнымъ визгомъ бросилась ему подъ ноги. Она падала на переднія лапы, усердно виляла хвостомъ и умилно поглядывала на Сеньку ласковыми глазами.

— Валетка!.. Братъ!..

И Сенька, въ порывѣ восторга, обхватилъ собаку. Валетка лизнула ему щеку, какъ разъ у глаза.

— Ну, братъ, ну... полно... Пойдемъ вотъ... пойдемъ-ко...

И переваливаясь, и похлопывая Валетку, онъ зашлепалъ по грязи. Валетка бѣжалъ, подпрыгивая, заглядывая Сенькѣ въ глаза.

За угломъ, у стѣны, лежалъ большой камень—плита. Сенька сѣлъ на него.

— Ну-ко, братъ,—поѣшь...

И онъ отломилъ кусокъ ситника Валеткѣ. Валетка не отказался.

— Тоже, чай, голодень... Да, братъ,—это дѣло плохое, когда ѣсть хочется... И ежели негдѣ достать?.. Что-жь,—и возмешь... Что-жь подѣлаешь?.. Да?.. Коли ѣсть хочется?..

Валетка сочувственно вилялъ хвостомъ. Такъ чередуясь—кусокъ Сенька, кусокъ Валетка—они сѣли всю булку. Тогда Сенька подобралъ крошки, какія остались у него на колѣняхъ, сѣлъ и ихъ—и вздохнулъ: больше не оставалось ничего... Сенька обхватилъ Валетку за шею и задумался...

Синее небо смотрѣло на него мигающими звѣздами; ложилась рѣзкія тѣни; отливали серебромъ лужи...

— Да, братъ,—и возмешь,—философствовалъ Сенька.—Гдѣ попало возмешь... Коли ѣсть-то нечего?.. Дома-то тоже нечего... Наконецъ Сенька засыпаетъ и видится ему родной уголь — убогій, какъ сама бѣдность, и румяныя сайки, и дородные булочки...

А ночь такъ-же молчаливо покоится надъ городомъ, такъ-же холодно блеститъ по лужамъ луна, и такъ-же мечтательно въ бездонномъ небѣ горятъ алмазныя звѣзды...

Владиміръ Вѣлосорозъ.

КАНУНЪ СВАДЬБЫ.

РАЗСКАЗЪ Р. САККЕТИ.

(Пер. съ итальянскаго)

Во время политическихъ процессовъ, бывшихъ въ Генуѣ въ тридцать третьемъ году, всплыло имя нѣкоего Сиро Ксирега, бизаньинца. Хотя онъ и причислялся прокуратурой къ числу наиболѣе опасныхъ предводителей заговора, однако былъ совершенно неизвѣстенъ всѣмъ своимъ мнимымъ соучастникамъ. Такииъ образомъ, смерть деревенскаго фельдшера Сиро даже въ настоящее время, сорокъ шесть лѣтъ спустя послѣ этого страннаго событія, осталась загадкою для его земляковъ.

Множество легендъ составилось на его счетъ. Въ Бизанью наименѣе любопытнымъ оказался соборный сторожъ, двоюродный братъ Сиро. Когда, пять лѣтъ спустя, отъ имени неизвѣстной особы, въ память о покойникѣ, сторожу было предложено на выборъ: либо хорошее мѣсто въ Лондонѣ, либо десять тысячъ лиръ одновременно, онъ съ негодованіемъ отвергъ первое предложеніе, замѣтивъ, что и братецъ, царство ему небесное, только о томъ и думалъ, какъ-бы услатъ его подальше. Что-же касается десяти тысячъ лиръ, то онъ ихъ охотно принялъ, разсудивъ совершенно основательно, что разъ ему ихъ предлагаютъ, значить, онѣ принадлежать ему по праву.

Но никто не могъ отгадать, что могло быть причиной смерти фельдшера.

Жизнь Сиро Ксиреги, свѣтлая и безоблачная, походила на одинъ изъ тѣхъ ясныхъ лѣтнихъ дней—немножко монотонныхъ,

это правда — когда даже тѣни пронизаны зноемъ отраженныхъ солнечныхъ лучей.

Во всемъ его прошломъ не было ни сильныхъ привязанностей, ни крупныхъ несчастій, ни даже серьезныхъ огорченій. Еще ребенкомъ онъ лишился отца и матери. Но, какъ онъ выражался, Богъ отнял ихъ у него рано, чтобы ему не пришлось слишкомъ долго оплакивать ихъ потомъ. Никто не замѣнилъ сиротѣ родителей. Правда, ему назначили опекуна, и благотворительное общество выдавало на него ежегодно небольшую сумму. Но опека была почти-что номинальная: семья, его пріютившая, имѣла столько своихъ заботъ, что ей было не до него. Мужъ, рыбакъ по профессіи, жилъ больше на водѣ, чѣмъ на сушѣ. Жена по цѣлымъ днямъ мыла, чистила, потрошила, сортировала, солила рыбу и въ добавокъ должна была носить ее на базаръ въ Геную.

Маленькій Сиро былъ совершенно предоставленъ самому себѣ и если что удерживало его отъ всякихъ проказъ, то развѣ только природная скромность. Онъ бродилъ, какъ жеребенокъ, пущенный на подножный кормъ, отъ Бельвіо до Санта Цитта, отъ С. Пьетро до Рубальдо, по берегу рѣки, по Кафъ, по полямъ. Онъ обѣдалъ коркой хлѣба въ сосѣднемъ лѣсу и ночевалъ, гдѣ Богъ пошлетъ. Почти всѣ двери были ему открыты, потому что всѣ были рады ему, какъ птицѣ, приносящей съ собою счастье. И мальчикъ щebetалъ такъ-же весело, охотно и невинно, какъ ласточка. Ни къ кому не выказывалъ онъ особенной привязанности, но и никого не бранилъ—даже своего опекуна.

Когда ему случалось проходить мимо своего дома, онъ заходилъ, если дверь была отперта. Дворовая собака подвигалась немножко въ сторону, чтобы дать ему мѣсто рядомъ съ собою на кучѣ сѣтей, лежавшихъ въ углу между кадвой и воротами. Рыбная торговка, смотря по времени, совала ему въ руки либо миску съ ухой, либо кусокъ хлѣба. Иногда, когда дѣлать было нечего, она штопала ему платье или кое-что шила—для спасенія души. Такимъ образомъ, добрыя отношенія никогда не нарушались.

Всѣ его принимали, но никто его не задерживалъ. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, вольной птицей.

Въ свою очередь, Сиро старался отблагодарить каждаго, чѣмъ только могъ. Когда онъ подросъ, то научился тремъ или четы-

ремъ ремесламъ и занимался, смотря по обстоятельствамъ, то тѣмъ, то другимъ, такъ-какъ всѣ они были ему одинаково безразличны. У аптекаря онъ толочъ въ ступкѣ разныя снадобья; у твача наматывалъ утокъ; у вузнецъ раздувалъ мѣха. Всего чаще онъ портняжилъ и это ремесло такъ за нимъ и осталось.

Приходскій священникъ научилъ его читать и писать, школьный учитель выучилъ играть на скрипкѣ и пѣть романсы. Докторъ, встрѣтивъ его однажды на улицѣ, позвалъ его помочь ему при операци, которую нужно было сдѣлать бѣднягѣ каменотесу, и Сиро оказался до такой степени твердымъ и ловкимъ, что докторъ предложилъ обучить его фельдшерству.

Сиро тотчасъ-же согласился: почему-бы, въ самомъ дѣлѣ, не заняться ему и фельдшерствомъ?

Дѣло было очень выгодное для обоихъ: мальчикъ приобрѣлъ приличное общественное положеніе; докторъ избавился отъ трехъ четвертей своихъ заботъ. Когда приходили звать его— онъ посылалъ сначала Сиро съ ланцетами. Мало-по-малу всѣ къ этому до такой степени привыкли, что всегда звали прежде фельдшера, и тотъ уже самъ звалъ въ случаѣ нужды доктора.

Въ Бизанью не было никого кто-бы могъ замѣнить Сиро Ксирегу. Онъ увеселялъ своихъ земляковъ на вечеринкахъ, когда они были здоровы; когда они заболѣвали, онъ пускалъ имъ кровь и ставилъ банки; когда умирали — пѣлъ по нимъ панихиду. Самъ онъ рѣшительно ни въ комъ не нуждался, и въ теченіи долгаго времени это составляло предметъ его гордости. вмѣстѣ съ достаткомъ появились отсюда-то и родственники; но онъ по прежнему жилъ одинъ.

Что касается женитьбы, то очень долго онъ говаривалъ: „домикъ у меня маленькій, но тихій; если-же я женюсь, то, можетъ быть, покажется тѣснымъ и невыносимымъ. День свадьбы всегда хорошъ, ну а потомъ—бабка надвое сказала. Да и къ тому-же, дѣло терпитъ“.

Такимъ образомъ, онъ не связывалъ себя даже обѣщаніемъ оставаться всегда холостякомъ. „Дѣло терпитъ!“ Иногда онъ говаривалъ шутя, что въ бракъ вступаютъ только *званые*, онъ-же до сихъ поръ не слышалъ никакого призыва. „Попробуйте, позовите меня погромче“, подмигивалъ онъ дѣвушкамъ, своимъ однолѣткамъ.

Но дѣло въ томъ, что изъ проказницъ, которымъ онъ столько

разъ носилъ орѣхи, яблоки, а когда они подросли — цвѣты, ни одна не подумала „позвать“ его.

Играя на вечеринкахъ на своей скрипкѣ или распѣвая антифоны на хорахъ, онъ могъ, шагъ за шагомъ, слѣдить за романомъ каждой изъ нихъ. Кромѣ того, онъ былъ непремѣннымъ гостемъ на всѣхъ свадебныхъ пирушкахъ, слѣдовавшихъ одна за другой. Когда вышла замужъ послѣдняя изъ его сверстницъ, дѣвушка двадцати-семи лѣтъ, и послѣ вѣнца онъ подошелъ поздравить ее, ему показалось, что онъ прощается съ собственной молодостью.

Въ этотъ день, вернувшись домой, онъ посмотрѣлся въ зеркало и остался очень недоволенъ своей фizioноміей: носъ покривился, щеки ввалились, ротъ, какъ будто, раздался въ стороны.

Но онъ скоро успокоился и сталъ, по прежнему, веселъ, беззаботенъ и доволенъ собой.

Печальныя мысли не навѣщали его до дня, когда вышла замужъ дочка одной изъ его однолѣтокъ. Новое поколѣніе, дерзкое и непокорное, являлось на смѣну старому. Невѣста оказалась до такой степени капризной, что объявила, на отрѣзъ, что ни за что не хочетъ танцевать стариннаго *контраданса*, и Сиро, волей-неволей, пришлось пикировать для нея польку.

Предостереженіе было очень серьезно.

Сиро нашелъ, что носъ у него еще больше покривился, ротъ сдѣлался еще шире; на лбу оказалось нѣсколько лишнихъ морщинъ; волосы замѣтно порѣдѣли.

Ему было почти сорокъ лѣтъ. Ну, да что за бѣда! Онъ купилъ новую скрипку и сталъ разучивать польки, кадрили, мазурки и вальсы.

Но если дѣвушки не обращали на него вниманія, за то на него сильно начали засматриваться наиболѣе дальновидныя изъ маменекъ.

Сиро былъ уже не молодъ (впрочемъ, онъ и не былъ никогда молодымъ), но онъ сталъ прекрасной *partie*, лучшей во всемъ околodкѣ; благодаря иголкѣ, ланцету, а въ особенности бережливости, онъ скопилъ себѣ порядочный капиталецъ, и объ этомъ уже поговаривали всѣ кумушки. Сначала толковали, что у фельдшера тугонько набить „чулокъ“, потомъ стали шушукать про „котелокъ“, наконецъ, одна изъ кумушекъ произнесла: „боче-

нокъ“. Такъ на томъ и порѣшили, потому что развѣ можно быть богачемъ безъ „боченка?“

Ну, а съ „боченкомъ“ нѣтъ возможности оставаться холостякомъ.

У всѣхъ равнодушныхъ дочекъ были неумолимые маменьки.

Если-бы Сиро сталъ сопротивляться, то осада продолжалась-бы, пожалуй, полстолѣтiя; но онъ сдался при первомъ-же нападении. Ну, да и то сказать: устоять было мудрено, потому что Ирена была прелестнѣйшая изъ всѣхъ визаньинскихъ дѣвушекъ, а Тонина хитрѣйшая изъ маменекъ.

А въ роковое утро онъ явились обѣ...

Онѣ жили у городской стѣны, на западной сторонѣ города, въ предмѣстьѣ Крестonosцевъ, откуда была родомъ мать Сиро. Съ высоты Гербинскаго бастиона ихъ огородикъ обрисовывался на сѣромъ фонѣ песчанника, точно платокъ, расписанный зелеными и бѣлыми квадратиками съ красными разводами.

Огородницы перешли по камнямъ черезъ ручеекъ. Онѣ были одѣты по праздничному, хотя день былъ будний; башмачки съ серебрянными пряжками, шелковые платочки и яркія юбки съ по-зументами—все это такъ и сверкало на солнцѣ.

Фельдшеръ сидѣлъ на крыльчкѣ, когда къ нему подошли огородницы. Солнечные лучи не были такъ жгучи, какъ взгляды Ирены, а улыбки Тонины были слаще патоки.

Онѣ походили на двухъ перепелокъ, тихонько подкрадывающихся къ птичкѣ, выставленной для приманки; съ тою только разницею, что на этотъ разъ перепелки пришли, чтобы поймать въ силки бѣдную птичку.

Поздоровавшись съ фельдшеромъ, онѣ поднесли ему на блюдѣ большой пирогъ и букетъ гвоздики, потому-что сегодня въдь день святого Сиро Блаженнаго—пусть пошлетъ онъ ему жизни сто лѣтъ, счастья цѣлый возъ, веселья цѣлый обозъ.

Когда-же добрякъ сталъ разыпаться въ благодарностяхъ и захотѣлъ узнать, какъ все это случилось и почему, Тонина шепнула ему на ушко, что все это придумала сама Ирена; съ тѣхъ поръ, какъ господинъ фельдшеръ выправилъ ей вывихъ щиколотки, она отмѣтила въ календарѣ булавкой день его именинъ, чтобы отблагодарить Сиро.

Подарокъ вспрыснули бутылкой добраго вина. Женщины перешарили весь домъ и нашли его прекраснымъ, просторнымъ,

богатымъ, одно слово, полная чаша. — Новсе-таки это была „церковъ безъ святыхъ“.

— Безъ Мадонны, поправиль Сиро, улыбаясь.

Тонина, покачивая головой, указывала на паутину въ углахъ и рисовала пальцемъ фигуры на пыльныхъ столахъ. — „Какая жалость, какая жалость! Тутъ-бы только умѣлую руку!“

Спустились въ огородъ. „Господи Иисусе! настоящее столпотвореніе. Баклажаны жарились на пыльной дорожкѣ, салатъ весь избѣденъ червями; плафей завялъ; а сколько сорной травы въ циборіѣ! Нѣтъ, нѣтъ, нужно зайти какъ-нибудь въ воскресенье привести все это въ порядокъ, а то это ни на что не похоже!“

— Зайдите, зайдите!

Тонина показала ему рукой на фасадъ; куда красивѣе повѣсить на окна занавѣски, да поставить нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, а было-бы всего лучше, если-бы оттуда выглядывало не-терпѣливое молодое личико, когда Сиро возвращается домой. Не правда-ли?

Ирена осталась на верху и какъ разъ въ эту минуту подошла къ окну и, улыбаясь, смотрѣла на нихъ.

Сиро задумался.

— Я не къ тому веду рѣчь, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла, а такъ, по дружбѣ; неужели вы не думаете обзавестись хозяйюшкой?

По старой привычкѣ фельдшеръ покачалъ головою, но потомъ вдругъ остановился.

На этотъ разъ онъ не могъ, по совѣсти, сказать: „нѣтъ“. Онъ объ этомъ подумывалъ, нечего грѣха таить, подумывалъ и не разъ...

— Что ни говори, а все лучше; человѣкъ дѣлается солиднѣе, обѣдаетъ дома, не ходитъ по вечерамъ по росѣ, не грѣховодничаетъ и катается себѣ, какъ сыръ въ маслѣ, особливо коли домъ полная чаша.

Сиро на половинѣ лѣстни цы схватилъ Тонину за руку.

— Но кто-же за меня пойдетъ?

— Вотъ выдумаль! Вотъ выдумаль!

— Вѣдь мнѣ, знаете, сорокъ лѣтъ...

— Что-жь—самая пора.

— Вы говорите взаправду?

— Еще-бы.

Полчаса спус я, огоро дницы ушли въ Бизанью, держась за

руки. Глаза Ирены исврились; улыбки Тонины были еще слаще чѣмъ прежде; башмачки блестяли; позументы весело свергали на солнцѣ.

Сиро смотрѣлъ имъ въ слѣдъ изъ окна.

Перепелки уходили изъ садка, но они подцѣлили приманку и уносили ее съ собою.

Съ этого дня сердце Сиро уже не принадлежало ему.

Онъ увидѣлъ Ирену только двѣ недѣли спустя, совершенно случайно, и попросилъ ее зайти взять блюдо изъ подъ пирога.

Когда она вошла, онъ заперъ за ней двери и, взявъ ее за обѣ руки, рѣшительно, въ нѣсколькихъ словахъ, не переводя духу, спросилъ: согласна-ли она выйти за него замужъ.

Дѣвушка не смутилась ни крошечки. Она посмотрѣла ему прямо въ лицо, потомъ откинула голову назадъ и расхохоталась.

На ней не было сегодня позументовъ, но въ своемъ будничномъ нарядѣ она казалась еще красивѣе. Красный платочекъ, изъ подъ котораго виднѣлась бѣлая рубашка, чуть прикрывалъ ее плечи и грудь. Корсетъ и воротенькая юбка прекрасно обрисовывали ея стройную фигурку.

Сиро все держалъ ее за обѣ руки, точно собирался плясать *тресконе*. Онъ весь дрожалъ, повторяя:

— Говори, согласна?

И высовывалъ впередъ въ видѣ вопросительнаго знака свой кривой носъ.

Ирена вдругъ стала серьезной и смѣло, даже дерзко проговорила:

— Ну, конечно, согласна.

Бѣдняга чуть не лишился чувствъ отъ полноты счастья.

Онъ почтительно отнялъ руки и, сложивъ ихъ, какъ передъ иконою Мадонны, смотрѣлъ на этого шестнадцатилѣтняго ангела, согласившагося подарить свою цвѣтущую молодость, свою блистательную весну ему, бѣдному Сиро, отброску двухъ поколѣній.

Такая щедрость подавляла его: чѣмъ можетъ онъ отблагодарить за это?

Ирена снова обошла весь домъ—на этотъ разъ съ видомъ хозяйки, осматривающей собственныя владѣнія. Она переворачивала, приподнимала, передвигала всякую вещь.

Сиро шелъ за ней слѣдомъ, робко, смиренно слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, трепеща, чтобы она

какъ-нибудь не наша, что выходить за него за мужъ — не рука. Малѣйшее одобреніе приводило его въ восторгъ.

— Да, съ вашей стороны большое снисхожденіе удовольствоваться такими пустяками! скромно повторялъ онъ.

Онъ давалъ согласіе, зажмуривъ глаза, на всѣ ея предложенія, одобрялъ всѣ проэеты.

— Ужь это какъ вамъ будетъ угодно...—Ужь какъ вы скажете...

Опись была очень скоро окончена. Тогда Сиро подошелъ къ сундучку, старому сундучку, подаренному докторомъ, и отперъ его.

Посрединѣ маленькаго святилища свояла аптечная чашка, наполненная до верху золотыми монетами: дублонами, наполеонами, крестовиками—въ перемежку.

Дѣвушка всплеснула руками въ какомъ-то дѣтскомъ восторгѣ. Потомъ она засунула обѣ руки въ это маленькое сокровище и стала шевелить пальцами, чтобы чувствовать прикосновеніе золота. Она вся отдалась новому, никогда до сихъ поръ не испытанному, блаженству.

Сиро перечислялъ ей прекрасныя вещи, которыя можно купить на эти деньги, гордясь, что можетъ такимъ образомъ возвыситься въ ея глазахъ.

Ирена полными горстями пересыпала золотыя монеты и, закрывъ глаза, слушала ихъ звонъ въ какомъ-то алчномъ экстазѣ.

Затѣмъ Сиро взялъ одинъ изъ новенькихъ савойскихъ крестовиковъ, пробилъ его гвоздемъ и, продѣвъ въ дырочку шелковый спурокъ, надѣлъ на шею Иренѣ, въ видѣ обручальнаго подарка.

Она ушла, прижимая къ груди эту странную амулетку.

Дѣло было живо улажено. Свадьбу назначили въ первыхъ числахъ сентября, черезъ мѣсяць. Все это время Сиро былъ занятъ приготовленіями къ великому торжеству. Домикъ перечистили, перемыли, обновили сверху до низу. Крышу, стѣны, ставни перекрасили въ пѣжные цвѣта: свѣтло-зеленый, розовый, голубой. Двери отдѣлали подъ орѣхъ. Огородецъ былъ превращенъ въ садикъ. Старую мебель покрыли лакомъ, перемѣнили, передѣлали подъ масть. По ночамъ Сиро и Тонина не спали, строя новые проэеты и чуть свѣтъ бѣжали сообщать ихъ другъ другу; они толковали, спорили, рѣшали, перерѣшали снова.

Ирена смѣялась, пѣла и вздыхала по ослѣпительной кучкѣ золота.

Наконецъ, гнѣздышко было готово: чистенькое, новенькое, мягкое, и ждало только голубки такой-же чистой, свѣжей и непорочной.

Тонина, моргая, говорила зятю:

— Ну что, не бойсь, не жалко, что меня послушались?

Онъ, весь сіяя, трясъ ея руку.

— Не жалко, милая маменька, не жалко!

II.

Наканунъ великаго дня, послѣ обѣда, Сиро зашелъ въ курію взять пужныя бумаги. Потомъ онъ повончилъ кое-какія дѣла въ городѣ.

Проходя мимо лавки золотыхъ дѣлъ мастера на углу площади, онъ увидѣлъ въ витринѣ прелестное золотое ожерелье: все изъ крупныхъ пластровъ, связанныхъ между собою тончайшими филиграновыми цѣпочками, съ крестикомъ и сердцемъ посерединѣ.

Онъ уже поднесъ невѣстѣ обычные подарки, но ему ужасно захотѣлось сдѣлать ей сюрпризъ и онъ купилъ ожерелье съ тѣмъ, чтобы накинуть его на шею Иренѣ вмѣсто всякаго привѣтствія завтра утромъ, когда придетъ за ней, чтобы вести ее въ церковь.

Но потомъ ему пришла въ голову мысль: не отнести-ли это ожерелье сейчасъ-же?

Правда, разставаясь съ огородницами, онъ сказалъ, что не зайдетъ больше сегодня, и женщины, въ виду множества хлопотъ, похвалили его за такое рѣшеніе. Ему было немножко стыдно показываться имъ на глаза. Но золотое ожерелье такой прекрасный предлогъ..

Онъ вышелъ въ поле Пилійской заставой и, волнуемый противуположными чувствами, машинально направился по дорогѣ къ Бизанью.

Желаніе повидать невѣсту взяло, наконецъ, верхъ; завтра, среди столькихъ волненій, подарокъ его не произведетъ никакого впечатлѣнія. Ирена навѣрное будетъ благодарна ему за вниманіе и они проведутъ вмѣстѣ нѣсколько часовъ, которые теперь

тянутся для него такъ безконечно. Все равно онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать весь этотъ вечеръ.

Подойдя къ Бевіо, онъ спустился къ ручью и пошелъ прямыми, такъ-какъ солнце уже приближалось къ заводу. Онъ прыгалъ по утесамъ каменистаго берега съ проворствомъ пятнадцатилѣтняго мальчика.

Двѣ сирены—надежда и фантазія — напѣвали въ его душѣ свои чудныя мелодіи.

Кто сказалъ, что на землѣ нѣтъ счастья? Нѣтъ, это неправда. Оно есть и онъ нашель его даже безъ всякихъ усилій, почти нечаянно; онъ просто наткнулся на него, идя себѣ своей дорогой, гладкой и ровной, какъ скатерть, безъ ухабовъ, безъ пропастей, и развѣ что съ чуточкой пыли, съ чуточкой скуки.

Теперь это безмятежное существованіе достигло своего полудня. Завтра приходится Покровъ Божьей Матери. Небо и земля заливуютъ вмѣстѣ съ Сиро.

Онъ поведетъ свою Ирену, одѣтую въ бѣломъ, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на головѣ, въ церковь, убранную для такого торжества, точно къ Свѣтлomu празднику. На полу ковры, по стѣнамъ гирлянды изъ цвѣтовъ, алтарь весь въ золотѣ, а впереди бѣлый балдахинъ съ серебряными кистями. Они повѣнчаются при звонѣ всѣхъ колоколовъ, у ногъ статуи Мадонны, одѣтой въ подвѣнчное платье его родной бабушки. Потомъ они выйдутъ изъ церкви при пальбѣ мортирокъ, замѣняющихъ для крестьянъ этой провинціи фейерверки, подъ звуки „Ave maria stella“ и пойдутъ по дорогѣ, усыпанной цвѣтами, въ Санта Цитта, гдѣ начнется роскошный, небывалый пиръ. Вся деревня была добра къ нему, вся деревня будетъ завтра на праздникѣ, чтобы выпить за здоровье новобрачныхъ. За почетнымъ столомъ будутъ сидѣть старикъ докторъ, его благодѣтель; дряхлый, сѣдой, какъ лунь, сельскій учитель; кузнецъ, которому онъ когда-то раздувалъ мѣхи; ткачъ, которому наматывалъ утокъ. Аптекарь умеръ, но вмѣсто него будетъ сынъ; все его прошлое явится свидѣтелемъ его счастья. Потомъ заиграетъ музыка, начнутся танцы; на этотъ разъ его ужъ не будетъ въ оркестрѣ. Ну, что-жъ—всякому свой чередъ. А потомъ... счастье, счастье безъ конца.

Сиро закрывалъ глаза и простиралъ объятія, точно желая

прижать къ своей груди весь міръ. Ему было и страшно, и жутко, и хотѣлось пѣть ликующія пѣсни и гимны.

Обернувшись, онъ взглянулъ на родную деревню. Его чистенькій домикъ блестѣлъ, озаренный послѣдними лучами заходящаго солнца, скрывшагося до половины за Кариньянскими высотами. Залитая багровымъ заревомъ облака, виднѣвшіяся позади домика, походили на золотое сіяніе, служившее какъ-бы предзнаменованіемъ его счастливаго будущаго.

Онъ бѣгомъ побѣжалъ впередъ. Мелкій булыжникъ съ веселымъ трескомъ скатывался внизъ изъ-подъ его ногъ. Плескъ воды слушалъ имъ отвѣтомъ. Потомъ вдругъ со всѣхъ сторонъ зазвонили въ колокола: и въ Сталіено, и въ Бизаньо, и въ высокихъ горныхъ деревушкахъ, и въ далекой невидимой Генуѣ. Колокольня Санъ Піетро—что на Косѣ—посылала свои серебряные звуки по гладкому зеркальному морю кораблямъ, чуть покачивавшимся на дальнемъ горизонтѣ, точно приглашая и ихъ къ завтрашнему празднику, къ великому празднику Сиро.

Вечерѣло. Тѣнь отъ Кариньянскихъ высотъ покрывала бизанскую долину, захватывая почти всю ея восточную покатость. Глубуна ея была совершенно темна.

Фельдшеръ шелъ прямо къ маленькой избушкѣ, прятанной у подножья бастіона.

Ворота были съ противоположной стороны. Чтобы попасть туда со стороны ручья, нужно было обойти весь садъ. Сиро пробирался вдоль густой изгороди изъ бузины, ступая тихо и осторожно, чтобы не оступиться на крутизнѣ, такъ-какъ подъ ногами ничего нельзя было разглядѣть.

Не разъ вѣтки хлестали ему въ лицо. Нужно было отводить ихъ одну за другою и смотрѣть то вверхъ, то въ землю. Всѣ эти маленькія препятствія доставляли ему какое-то особенное наслажденіе. Ему казалось, что онъ любовникъ, пробирающійся на тайное свиданіе. Это дѣлало еще пикантнѣе его счастье, законное, одобренное, заштемцелованное всѣми свѣтскими и духовными властями. Увы, бѣдный Сиро въ первый разъ въ жизни испытывалъ это удовольствіе, да и то—по аналогіи.

На углу, бузина, становясь всего гуще, образовывала нѣчто въ родѣ тѣнистаго навѣса, гдѣ огородницы поставили скамеечку, чтобы отдыхать въ полуденный зной. Снаружи вѣтви свисали надъ обрывомъ.

Сиро нагнулся, чтобы пройти подъ ними, но вдругъ остано-
вился.

Онъ услышалъ голосъ Ирены по ту сторону изгороди, въ
двухъ шагахъ отъ себя; если обѣ женщины въ саду, то онъ сдѣ-
лаетъ имъ большой сюрпризъ. Онъ притаилъ дыханіе и сталъ
слушать.

Но сюрпризъ выпалъ на его долю. Ирена разговаривала не
съ матерью, а съ какимъ-то мужчиной.

— Не будь мальчикомъ, говорила она;—успокойся. Если-бъ
ты зналъ, чего мнѣ стоило вырваться на минуту къ тебѣ! Ну,
слушай-же: на нѣсколько времени намъ нельзя будетъ видаться.
Но что-бы ты ни услышалъ обо мнѣ, знай, что все мое счастье
въ тебѣ, что я твоя, всегда, на вѣки твоя...

Она повторяла страстнымъ шепотомъ: „Твоя, твоя на вѣкъ“,
но слова разобрать было трудно, точно губы ея не были сво-
бодны.

Наступила пауза.

Бѣдный Сиро, какъ пришибленный, подумалъ:

— Она—его!.. А какъ-же я?

Ирена продолжала:

— Я дамъ знать, когда можно придти — знаешь, всегдаш-
нимъ способомъ... А теперь, мать можетъ хватиться... Прощай!..

Раздался поцѣлуй...

— И не забывай того, что я тебѣ сказала... Прощай!..

Снова по ту стороны изгороди слышались торопливые,
страстные поцѣлуи... Листья бузины задрожали, точно на нихъ
пахнуло вѣтромъ, и Сиро почувствовалъ на лицѣ ихъ холодное
прикосновеніе. Казалось, они перенесли ему бурныя ласки съ
той стороны.

— Addio!

Это было единственное слово, произнесенное незнакомцемъ.

Зашуршали вѣтки въ изгороди, посыпались камешки по об-
рыву, слышался шорохъ легкихъ шаговъ въ саду.

И больше ничего.

III.

Сиро тоже вышелъ на дорожку.

Между тѣмъ, наступила ночь. Съ трудомъ можно было раз-

глядѣть во мракѣ удалявшуюся тѣнь: тѣнь незнакомца, любовника Ирены.

Она сказала ему: „я твоя, твоя на вѣкъ“ — значить, онъ уносить съ собою все его богатство, всю его жизнь. И Сиро шель за нимъ слѣдомъ, какъ ребенокъ идетъ за человѣкомъ, отнявшимъ у него драгоценную игрушку. Онъ шель изнеможенный, ошеломленный, безъ мысли въ головѣ, самъ не зная зачѣмъ. Въ умѣ у него былъ какой-то хаосъ; сердце болѣзненно ныло. Онъ чувствовалъ ужасную усталость, ноги его подкашивались; онъ шатался, но все-таки шель.

Онъ шель, испуская отъ времени до времени слабые стоны, самъ того не замѣчая; такъ стонуть больные въ бреду.

Родная деревня виднѣлась на противоположной сторонѣ долины. Въ нѣсколькихъ овнахъ зажглись уже огни. Домикъ фельдшера, жалкій, грязно-бѣлаго цвѣта, обрисовывался на горизонтѣ. Лучезарное сіяніе, окружавшее его часъ тому назадъ, замѣнилось темнымъ, мрачнымъ облакомъ гигантскихъ размѣровъ, которое, казалось, давило его своей тяжестью. Внизу бѣлые утесы ручья имѣли видъ скелетовъ, сваленныхъ въ огромную могильную яму. Въ глубинѣ, у Санъ-Франческо, свѣтился рядъ фонарей, походившихъ на погребальные фавелы.

Сиро прошелъ мимо Пилійской заставы.

Незнакомецъ направился къ Рубадо, но потомъ круто повернулъ налѣво, перешель мостомъ Санта Цитта на ту сторону ручья и, затѣмъ, пошелъ къ Косѣ, мимо дровянаго двора и зданія таможни.

Сиро былъ знакомъ съ начальникомъ таможенной стражи. Когда-то онъ часто захаживалъ къ нему по вечерамъ поиграть въ шахматы, при чемъ оба они въ запуски бранили женщинъ, семейную жизнь, бракъ. Онъ едва удержался, чтобы не свернуть въ знакомую дверь.

Но онъ увидѣлъ *его* и забылъ все на свѣтѣ.

Они прошли предмѣстье Косы.

Ночь тѣмъ временемъ сдѣлалась еще темнѣе.

Сквозь открытыя двери виднѣлись мирныя сцены домашняго ужина. Наиболѣе бѣдные изъ рыбаковъ ужинали, сидя на порогѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, узнавъ фельдшера, здоровались съ нимъ и смотрѣли, къ кому это онъ идетъ въ такой поздній часъ.

Они вышли въ поле.

Незнакомецъ шелъ очень скоро, и Сиро все отставалъ отъ него. Наконецъ, онъ совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Тогда ему показалось, что онъ заблудился.

Точно черная туча заволокла передъ нимъ все,—туча, полная смутныхъ видѣній, страха, непонятныхъ угрозъ, образовъ, которыхъ онъ не могъ уловить, голосовъ, которыхъ онъ не могъ разобрать. Подобное чувство онъ испытывалъ только будучи мальчикомъ.

Онъ шелъ-бы за знакомцемъ безъ конца; этотъ человѣкъ былъ для него путеводителемъ, какимъ-то магнитомъ. Не потому, чтобы онъ думалъ о мести — нѣтъ! Если-бы незнакомецъ обернулся и спросилъ его: „чего тебѣ нужно?“ онъ, можетъ быть, рыдая, упалъ-бы къ его ногамъ...

Но теперь этотъ человѣкъ исчезъ, какъ привидѣнне, и Сиро казалось, что судьба жестоко, безжалостно подшутила надъ нимъ.

Онъ остался одинъ, потерянный, подавленный невыразимой, безпредѣльной тоской.

IV.

Онъ съ ужасомъ осмотрѣлся кругомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него было море. Широкія, черныя, тяжелыя волны разбивались о песокъ. По небу неслись клочки тучъ, точно устремляясь на невидимаго непріятеля. Глухой ревъ раздавался изъ глубины пучины.

При блескѣ зарницы, на волнахъ видѣлись темные профили, которые то поднимались на пѣнистые хребты валовъ, то ныряли въ безднѣ.

Рѣзкій крикъ альціона три раза раздался въ воздухѣ.

Черныя фигуры, похожія на огромныя чудовища, бросились впередъ и, скользя по волнамъ, быстро и беззвучно приставали къ берегу. Какія-то тѣни выскочили на песокъ; казалось, что это духи, собравшіеся на ночную тризну. Они шли прямо на него.

Сиро, охваченный паническимъ страхомъ, повернулся и бросился бѣжать. Но онъ споткнулся обо что-то и упалъ. Потомъ ползкомъ онъ подобрался къ чему-то черному. Это оказалась низенькая каменная стѣна. Перескочивъ черезъ нее, онъ очутился въ какой-то ямѣ и въ испугѣ забился въ уголь. Тутъ онъ ус-

покоился и догадался, что попалъ въ полуразвалившуюся часовню, стоявшую испоконъ вѣка на берегу косы. Онъ вспомнилъ, что въ дни своего счастливаго дѣтства, бродя по взморью, онъ зашелъ однажды отдохнуть въ эту самую часовню и заснулъ такъ крѣпко, что проснулся поздней ночью.

Его охватилъ тотъ-же суевѣрный страхъ, какъ и тогда.

Онъ всегда чувствовалъ глубокое отвращеніе къ морю, съ его мощнымъ горизонтомъ, къ темнотѣ, къ неопредѣленному, ко всему, что не могло вмѣститься въ рамки его тѣснаго кругозора. Какъ натура чувствительная и робкая, онъ любилъ солнце, деревню, повседневную жизнь, рутину привычки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ покорныхъ, слабыхъ характеровъ, ничтожныхъ въ одиночку, но которыхъ дисциплина можетъ подвинуть даже на героизмъ.

Будучи брошенъ сиротою въ водоворотъ жизни, подверженный всѣмъ искушеніямъ порока, онъ остался чистъ, благодаря своему характеру. Онъ любилъ порядокъ, спокойствіе и изъ бродяги превратился въ трудолюбиваго работника. Онъ боролся неустанно, всѣми силами противъ неизвѣстности во всѣхъ ея формахъ; благодаря упорному труду, онъ сколотилъ себѣ маленькій капиталецъ, выстроилъ собственный домикъ, прочный и удобный, хранилище его скромныхъ идеаловъ, его тихихъ радостей. Ему слѣдовало держать ихъ тамъ за крѣпкими замками и засовами, но онъ впустилъ туда на минуту одну великую надежду, одну иллюзію, — единственную въ своей жизни, и вотъ она похитила у него все! Да, все!

Теперь онъ оплакивалъ не столько погибшія мечты немногихъ дней, сколько спокойствіе всей своей прошлой жизни.

Выбитый изъ обычной колеи, онъ не зналъ, удастся-ли ему снова попасть въ нее; это-то и приводило его въ отчаяніе. Онъ видѣлъ предъ собою неодолимые препятствія; комичность своего положенія прежде всего.

Завтра, черезъ нѣсколько часовъ, его будутъ ждать къ вѣнцу. Невѣста, священникъ, свидѣтели, поѣзжане, вся деревня — все это будетъ поднято на ноги изъ-за него. Ну, а ему то какъ-же быть? Какъ поступить?

Онъ подумалъ, бѣдняга, что всего лучше было-бы провалиться съ свозъ землю, исчезнуть, скрыться отъ людей и самаго себя,

чтобы только избавиться отъ пытки, причиняемой сознаниемъ, что ему нужно-же принять какое нибудь рѣшеніе.

Онъ мучился, плакалъ, ломалъ себѣ руки. Но море только смѣялось надъ нимъ. Потомъ имъ овладѣла усталость; онъ снова погрузился въ какое-то оцѣпенѣніе, полное горечи и смутнаго безпокойства.

Онъ закрылъ глаза, но какой-то порошокъ заставилъ его встрепенуться. Лучъ красноватаго свѣта пронизывалъ пространство, играя на противоположной стѣнѣ.

Сиро обернулся и замѣтилъ за спиною свѣтящуюся щель. Онъ приложилъ къ ней глазъ и увидѣлъ странную сцену.

Щель открывала внутренность рыбацѣй хижины, прислоненной къ полуразрушенной часовнѣ. Всѣ три бревенчатая стѣны были увѣшаны сѣтями и веревками. Въ углу стояли багры и весла. На полу, на ведрахъ, на бадьяхъ, сидѣло вкругомъ человекъ двѣнадцать всѣхъ возрастовъ и всѣхъ сословій. Тутъ были и горожане въ сюртукахъ, и моряки въ фланелевыхъ рубашкахъ, и горцы въ курткахъ.

Посрединѣ, передъ скамейкой, стоялъ на колѣняхъ человекъ среднихъ лѣтъ и что-то читалъ, при слабомъ свѣтѣ ручнаго фонаря. Тутъ-же на скамейкѣ лежалъ пистолеть.

Отъ времени до времени чтець останавливался и поднималъ голову. Тогда въ лачугѣ раздавался сдержанный гулъ голосовъ.

Сиро могъ разобрать лишь немногіе отрывки изъ читаннаго. Это было вѣчто въ родѣ перечня неудавшихся коммерческихъ предприятий.

Ему пришло въ голову, что передъ нимъ сборище контрабандистовъ.

„Палермскіе финики перегнили... приступить къ производству неаполитанскихъ макаронъ... Флорентійская солома подмочена... Пьемонтская рожь задержана противнымъ вѣтромъ... Рассчитывается поправить торговлю къ концу сезона... Товары придутъ сухимъ путемъ...“

Одна фраза поразила фельдшера.

„Прекратите присылку кокса изъ [Марсели... отложите распродажу“.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Сиро, по порученію доктора, своего благодѣтеля, отправился въ Сантердарену спросить у капитана одного изъ работажныхъ судовъ насчетъ какой-то тор-

говой операціи и капитанъ отвѣтилъ ему точь въ точь такими-же словами. Послѣ этого докторъ отправилъ его въ обходъ по разнымъ горнымъ деревнямъ къ различнымъ господамъ съ приказаніемъ повторить имъ ту-же самую фразу. При этомъ онъ наказывалъ ему принимать такія предосторожности, что Сиро заподозрилъ, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь политическомъ секретѣ.

Не разъ ему приходилось исполнять порученія подобнаго рода. Разъ, прійдя въ Геную за тюкомъ сахара, онъ получилъ тючекъ книгъ. Докторъ (Сиро отлично зналъ это) не занимался торговлею; какъ тогда выражались въ Пьемонтѣ, это былъ чловѣкъ, зараженный зловредными ученіями. Ни во что не посвящая Сиро, онъ часто говорилъ ему о древней генуэзской республикѣ и ея минувшей славѣ, объ Италіи и о героическихъ усиліяхъ патріотовъ возродить ее. Когда, бывало, Сиро заговаривалъ о своей благодарности за все, что онъ для него сдѣлалъ, старикъ зажималъ ему ротъ словами: „Погоди благодарить. Придетъ день, когда я самъ потребую у тебя благодарности, да только не на словахъ, а на дѣлѣ“. — Въ іюнѣ прошлаго года, когда пришло извѣстіе о смерти несчастнаго Руфини, который, думая, что онъ преданъ своимъ-же товарищами, съ отчаянія перепилилъ себѣ горло — старый докторъ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что не могъ удержаться, чтобы не заговорить съ Сиро о таинственной мести, о близкомъ возстаніи. —

Чтець ежеминутно повторялъ: „отложите распродажу, отложена распродажа“ и при этихъ словахъ головы присутствующихъ печально опускались.

Прочитавъ послѣдніе изъ тоненькихъ листковъ, бывшихъ у него въ рукѣ, чтець спросилъ:

— Больше ничего?

— Ничего! отвѣчалъ какой-то старичекъ; всѣ поняли, надѣюсь?

Присутствующіе молча кивнули головою.

Тогда чтець открылъ фонарь и, поднеся листики къ огню, зажегъ ихъ и держалъ пока ему не стало обжигать пальцевъ. Потомъ онъ бросилъ ихъ на скамейку и переворачивалъ до тѣхъ поръ, пока не догорѣлъ послѣдній клочекъ бумаги.

Всѣ встали и столпились вокругъ сѣдого старичка, имѣвшаго видъ предводителя, и о чемъ-то спрашивали его. Онъ отвѣчалъ

твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ. Всѣ почтительно выслушивали.

Затѣмъ онъ позвалъ:

— Либеріо!

Молодой человѣкъ, одѣтый горцемъ, высокій, стройный и чрезвычайно красивый, выступилъ впередъ.

— Вы слышали, строго спросилъ его старикъ. Ваша неосторожность можетъ намъ дорого стоить. Кто вамъ велѣлъ приступить къ распродаютъ?

— Я думалъ... смущенно отвѣчалъ тотъ.

— Нечего было думать. Нужно было узнать, спросить и исполнить то, что вамъ прикажутъ.

Наступила пауза.

— Какова была ваша цѣль? снова спросилъ старикъ.

— Я думалъ предупредить такимъ образомъ дѣйствіе вѣтра.

— А между тѣмъ, сдѣлали то, что вѣтеръ захватилъ насъ въ открытомъ морѣ и волны грозятъ захлестнуть насъ всѣхъ.

Произошло безпокойное движеніе.

— Вы за все отвѣчаете. Когда назначена распродажа?

— Завтра ночью.

— Нужно отмѣнить ее завтра-же до полудня. Не посылайте прикащиковъ. Обойдите всѣхъ сами. Когда кончите, передайте мѣшокъ проволочнику Санта Цитта и тотчасъ-же поѣдете въ Марсель. Тамъ получите векселя. Поняли? Дайте руку для знака.

Молодой человѣкъ, склонивъ гордую голову, стоялъ передъ этимъ маленькимъ старичкомъ. Онъ протянулъ правую руку.

Старикъ приложилъ къ ней свою и провелъ по ладони среднимъ пальцемъ нѣсколько невидимыхъ знаковъ.

— Ступайте, прибавилъ онъ.

Затѣмъ, когда горецъ вышелъ, старикъ собралъ вокругъ себя остальныхъ.

— Авзоній, необходимо предупредить проволочника Санта Цитта.

Сиро слушалъ съ величайшимъ волненіемъ; этимъ именемъ звали доктора Вакареццу.

— Ступайте-же къ нему и скажите...

Крикъ сокола прервалъ его рѣчь.

— Слушайте! два, три, четыре... съ суши!

Короткій, рѣзкій крикъ альціона, который фельдшеръ уже слышалъ раньше, былъ отвѣтомъ соколу.

— Море свободно. Тушите огонь.

Послышался шумъ шаговъ въ темнотѣ—потомъ все смолкло.

Сиро, самъ не зная какъ, тоже очутился на взморьѣ. Быстрыми шагами онъ шелъ впередъ. Все имъ видѣнное казалось ему тяжелымъ кошмаромъ, и онъ протиралъ себѣ глаза, чтобы проснуться.

Дуль сильный вѣтеръ со взморья; небо было покрыто черными тучами; море бупевало. Сиро шелъ куда глаза глядятъ, безъ цѣли, безъ мысли.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что сзади кто-то схватилъ его за шиворотъ. Въ ухахъ его раздавалось: — „второй!“

Сиро обернулся и увидѣлъ здороваго дѣтину въ треуголѣ.

Не выпуская изъ рукъ своей добычи, онъ открылъ потайной фонарь, который держалъ въ рукѣ, и направилъ свѣтъ въ лицо Сиро.

— А ну, дай-ка взглянуть на твою яеобинскую рожу!

Потомъ онъ вдругъ выпустилъ изъ рукъ его воротъ, отступилъ шагъ назадъ и съ удивленіемъ воскликнулъ:

— Да вѣдь это фельдшеръ!

И громко захохоталъ. Это былъ начальникъ таможенной стражи, его другъ, пріятель.

— Извините, продолжалъ онъ. Мы приняли васъ за одного изъ бунтовщиковъ.

И онъ захохоталъ еще громче прежняго.

— У васъ вѣрно больные на Косѣ?

Взявъ Сиро подъ руку, онъ повелъ его къ таможнѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они встрѣтили двухъ стражниковъ. Бригадиръ отошелъ на минуту съ ними въ сторону и отдалъ въ полъ голоса нѣсколько приказаній. Стражники быстро удалились, торопливо спускаясь къ берегу.

Тогда бригадиръ снова взялъ фельдшера подъ руку.

— Такъ вотъ какъ, дружище, я васъ принялъ за карбонара! Но какъ—никакъ, а я радъ, что подцѣпилъ васъ. Вы у меня въ долгу. Шутка-ли, вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ, какъ вы къ намъ глазъ не кажете. Цѣлый мѣсяцъ, вѣдь,—не правда-ли?

— Правда, разсѣянно отвѣчалъ Сиро.

— И потомъ—за вами партія.

Они подошли къ таможднѣ.

— Зайдемте, сказалъ бригадиръ; встаети, вы, можете быть, намъ понадобитесь.

И прежде чѣмъ Сиро успѣлъ что-нибудь отвѣтить, бригадиръ уже втащилъ его въ большую комнату, служившую и кордегардіей, и канцеляріей, какъ это показывали стойки для ружей, расположенныя въ одномъ углу, и столъ съ письменными принадлежностями въ другомъ.

Карабинеръ и таможенный стражникъ стояли на часахъ.

Бригадиръ, обращаясь къ послѣднему, спросилъ:

— А гдѣ сержантъ?

— Ушелъ со взводомъ.

— А что арестантъ? Раненъ?

— Да, онъ наткнулся въ свалкѣ на мой штыкъ. Рубашка у него въ крови, но онъ не показываетъ раны и ничего не хочет слушать.

— Э, чортъ! точно я-то о немъ хлопочу! воскликнулъ бригадиръ, пожимая плечами.—Сиро, ваши ланцеты при васъ?

По его знаку стражникъ взялъ фонарь, снялъ со стѣны большой ключъ и отперъ угловую дверь.

Они вошли въ такую-же просторную комнату, какъ и первая. Это была кладовая для склада контрабандныхъ товаровъ, превращенная на время въ тюрьму.

Взглянувъ на плѣнника, Сиро оторопѣлъ; онъ тотчасъ-же узналъ въ немъ Либерію,—того самаго юношу, котораго старикъ отправилъ съ какимъ-то таинственнымъ порученіемъ.

Онъ лежалъ на сѣнникѣ, брошенномъ въ уголь, подпирая рукою голову.

— Эй, покажите фельдшеру вашу рану! сказалъ бригадиръ.

Плѣнникъ не пошевелился, не промолвилъ слова и только бросилъ на вошедшихъ презрительный взглядъ.

— Эй, ну-же! крикнулъ бригадиръ, начиная терять терпѣніе.

Сиро вмѣшался въ дѣло, заявивъ, что онъ и такъ можетъ осмотрѣть рану. Онъ нагнулся къ молодому человѣку, разстегнулъ ему куртку, разрѣзалъ хирургическими ножницами рубашку. Рана оказалась простой царапиной.

Онъ наскоро промылъ ее, приложилъ пластырь и перевя-

залъ. Плѣнникъ не сопротивлялся и не шевелился, точно это не къ нему относилось.

Благородные черты безбородаго лица, бѣлая нѣжная кожа и тонкое бѣлье выдавали его происхожденіе, не смотря на его грубый крестьянскій костюмъ.

Бригадиръ увелъ фельдшера въ свой кабинетъ, примыкавшій къ кордегардіи.

— Надѣюсь вы не уйдете въ такую погоду.

Дождь лилъ какъ изъ ведра.

Онъ усадилъ его за письменный столъ, обитый старой клееной. Темные кружочки, которыми она была покрыта, наводили на мысль, что на этомъ столѣ гораздо чаще ставятся стаканы, чѣмъ чернильница.

— Чортъ возьми, мнѣ-же приходится быть и тюремнымъ смотрителемъ! вскричалъ бригадиръ. Этакая напасть. Ну, да погодите, я достану сейчасъ бутылочку. Вдвоемъ, авось, не такъ скучно будетъ.

— Что онъ сдѣлалъ? спросилъ Сиро.

— Кто? А, этотъ мальчишка? Да кто его знаетъ! Якобинство... карбонарство... всякая чепуха, однимъ словомъ... Все это проходимцы, что у французовъ мозгъ на прокатъ берутъ. Не хотятъ плясать по ихъ дудкѣ, ну, они и бунтуютъ... дурачье!

— Какъ-же онъ въ вамъ попалъ?

— Патруль встрѣтилъ его у дровяного двора и узналъ по примѣтамъ.

— Ну, а что-жь ему будетъ?

— Гм... извѣстно что. Мѣшокъ на голову, веревка на шею, подпорка подъ скамейку—и дѣло въ шляпѣ... Ну, да что объ этомъ толковать! Вы мнѣ лучше вотъ что скажите: говорятъ, будто вы женитесь. Неужто это правда?

Сиро вздрогнулъ, потомъ отрицательно покачалъ головою.

— Ну то-то-же... смотрите въ оба, другъ любезный, а не то будете каяться всю жизнь, какъ и я—проговорилъ бригадиръ, дружески грозя ему пальцемъ;—перестанете кататься какъ сыръ въ маслѣ.

Потомъ, покручивая свои нафабранные усы, онъ прибавилъ, подмигивая:

— Женитьба дѣло хорошее, но только для холостяковъ... ха, ха, ха!

Сиро тоже кое-какъ искривилъ губы въ улыбку и обвелъ комнату растеряннымъ взглядомъ. Потомъ онъ низко опустилъ голову.

Бригадирь, попавъ на своего конька, продолжалъ развивать обычную тему, пересыпая свои сентенціи анекдотами, которые столько разъ повторялъ, что, наконецъ, самъ сталъ имъ вѣрить.

Сиро снова прервалъ его.

— А когда его уведутъ?

— Кого? Ахъ, опять его-же! Часа черезъ два. Можетъ быть, скорѣе,—какъ только вернется сержантъ, съ обхода,—но только знаете, скажу вамъ прямо, сегодня вы ужасно надоѣдливы...

Бригадира на этотъ разъ задѣло за живое невниманіе и видимая разсѣянность Сиро.

— Начинаю вѣрить, что вы взаправду женитесь, прибавилъ онъ.

Бригадирь замолчалъ и выпилъ до послѣдней капельки вино изъ стакана, чтобы утишить какъ-нибудь свое негодованіе. Потомъ онъ откинулся на спинку стула и черезъ десять минутъ уже началъ клевать носомъ. Наконецъ, это ему надоѣло. Онъ всталъ, чтобы найти мѣсто, гдѣ-бы улечься поспокойнѣе.

— Я останусь перевязать арестанту рану передъ отводомъ, сказалъ Сиро.

— Ладно, пробормоталъ бригадирь, растягиваясь на кожаномъ диванѣ.

Сиро вышелъ въ кордегардію. Стражникъ спалъ ничкомъ на скамейкѣ. Карабинеръ, обнявъ ружье и надвинувъ на глаза треуголку, стоялъ опершись о косякъ окошка въ такой осторожной и сдержанной позѣ, что не было никакой возможности опредѣлить: находится-ли онъ въ глубокой задумчивости, или-же попросту дремлетъ. Жирный бѣлый котъ мурлыкалъ, свернувшись клубкомъ на табуреткѣ.

Догоравшая въ фонарѣ свѣча то вспыхивала, то потухала.

Безсознательно, какъ лунатикъ, Сиро прошелъ кордегардію, взялъ со скамейки фонарь, снялъ со стѣны ключъ, подошелъ ровнымъ шагомъ къ двери, отперъ, вошелъ въ кладовую и заперъ ее за собою.

Карабинеръ встрепенулся, равнодушно взглянулъ на фельдшера и принялся ходить взадъ и впередъ по кордегардіи. Котъ

перестала мурлыкать и съ серьезнымъ видомъ стала облизывать себя усы. Только стражникъ не пошевелинулся.

V.

Сиро остановился на порогѣ.

За дверью слышались шаги карабинера, но, подобно ударамъ маятника незаведенныхъ часовъ, они раздавались все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ смолкли. Котъ снова замурлыкалъ.

Фельдшеръ подошелъ къ сѣннику.

Плѣнникъ не спалъ и пронизывалъ его взглядомъ, полнымъ отчаянія, не требующаго утѣшеній.

Сиро поставилъ фонарь на землю и, наклонившись къ молодому человѣку, сказалъ въ полголоса:

— Синьоръ, вы меня не знаете, но, можетъ быть, я могу быть вамъ полезенъ. Если вы имѣете передать какимъ нибудь особомъ что-нибудь важное, я согласенъ взять на себя это порученіе.

Онъ тщетно ждалъ отвѣта.

Слышны были только удары дождя о черепицу крыши и плескъ воды, стекавшей по трубамъ.

— Я знаю, продолжалъ Сиро, — что участь многихъ людей въ вашихъ рукахъ. На васъ возложена важная миссія, и если вы пожелаете довѣриться мнѣ, я исполню ее добросовѣстно, сообразно вашимъ приказаніямъ.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на него съ выраженіемъ безпредѣльнаго презрѣнія.

— Вы не считаете меня способнымъ исполнить вапе порученіе? Ну, такъ скажу вамъ, что докторъ Ваккарецца изъ Санта Цитта—вы его знаете—не разъ давалъ мнѣ подобныя порученія и я всегда исполнялъ ихъ какъ слѣдуетъ. Онъ вамъ-бы это самъ сказалъ. Или, если хотите, напишите ему черезъ меня два слова; онъ ужъ самъ предупредить остальныхъ. Ну, что-жь, хотите?

Молодой человѣкъ по прежнему молчалъ.

Сиро печально покачалъ головою.

— Вы не хотите принять моихъ услугъ? А видитъ Богъ, я

предлагаю ихъ вамъ отъ чистаго сердца. Почему вы отказываетесь? Ваше молчаніе можетъ стоить жизни столькимъ хорошимъ людямъ... Я-бы могъ спасти ихъ... и сдѣлалъ-бы это такъ охотно!

Въ голосѣ его звучала мольба.

— По крайней мѣрѣ, прибавилъ онъ,—скажите мнѣ, какая опасность грозитъ доктору Джуліо? Онъ былъ мнѣ отцомъ; я ему всѣмъ, всѣмъ обязанъ... Я не могу оставить его погибнуть... Дайте мнѣ возможность спасти его... у него такое большое семейство...

Онъ плакалъ и ломалъ себѣ руки въ отчаяніи.

Молодой человѣкъ не мѣшалъ ему метаться и плакать и не спускалъ съ него холоднаго, равнодушнаго взгляда; наконецъ, проговорилъ:

— Любезный, вы выглядите почти порядочнымъ человѣкомъ, но ваше ремесло отъ того не менѣе гнусно...

И губы его искривились улыбкой глубокаго омерзения.

Сиро не понималъ.

Молодой человѣкъ, возвысивъ голосъ, прибавилъ:

— Вы прекрасно разыграли вашу роль, и я отъ души поздравляю васъ. У васъ несомнѣнные таланты и вы пойдете далеко. Вы обладаете гибкостью настоящаго пресмыкающагося и навѣрное пролѣзете сквозь всякую щель и составите карьеру.— Но, увѣряю васъ, со мной вы только напрасно теряете время. Ваши повелители, которые, конечно, слушаютъ вотъ за этой дверью, убѣдились уже, что вы прекрасно исполнили свою обязанность ревностнаго и тонкаго шпиона... Чего-же вамъ нужно еще? Не раздражайте-же меня больше своимъ гнуснымъ присутствіемъ! Уходите и оставьте меня въ покоѣ.

— Потихе, ради Бога, говорите потихе, синьоръ Либерио, съ ужасомъ умолялъ Сиро.

При этомъ имени презрительная улыбка скользнула по губамъ юноши.

— Какъ вы много знаете! И послѣ этого вы еще станете увѣрять меня, что не вамъ я обязанъ своимъ арестомъ?

Онъ нервно захохоталъ и повернулся къ нему спиной.

Сиро продолжалъ бормотать, умолять. Теперь онъ понималъ подозрѣнія Либерио, но, весь поглощенный своими опасеніями, не подумалъ даже обижаться. Ему сдѣлалось только невыразимо грустно.

Онъ искалъ новыхъ доводовъ, болѣе убѣдительныхъ, но не находилъ и, какъ потерянный, осматривался кругомъ.

На дворѣ бушевала непогода. На башнѣ пробило два часа утра.

Сиро подошелъ ближе и всталъ на колѣни передъ сѣнникомомъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, — время уходитъ. Каждую минуту могутъ придти за вами. Неужели вы хотите взять на свою совѣсть несчастіе столькихъ людей? Доктора Джуліо?

Потомъ онъ безпомощно сѣлъ на землю, опустилъ руки и проговорилъ безнадежнымъ тономъ:

— Ваша правда... вы меня не знаете, не можете довѣриться... но подвергните меня какому хотите испытанію, найдите какойнибудь другой способъ...

Никакого отвѣта.

Въ кордегардіи послышался шумъ: стражники ворочался во снѣ и вздыхалъ.

Сиро положилъ руку на плечо молодого человѣка.

— Послушайте, я нашелъ средство. Вы не хотите довѣрить мнѣ вашей миссіи, ну, хорошо, — такъ исполните ее сами: одѣньтесь въ мое платье, васъ не узнаютъ и пропустятъ. Я останусь на вашемъ мѣстѣ. Пожалуй, такъ даже лучше. И какъ только это мнѣ не пришло въ голову раньше!

Про себя онъ пробормоталъ:

— Почему знать, можетъ быть, черезъ часъ я сойду съ ума!

Либерио быстро обернулся и взглянулъ на блѣдное, измученное лицо фельдшера.

— Скорѣй, скорѣй, время уходитъ! прибавилъ Сиро.

— Вы говорите серьезно? спросилъ молодой человѣкъ, вставая. Вы хотите пожертвовать для меня своей жизнью?

— Жизнью! мрачно проговорилъ Сиро. — Когда-то она была хороша, спокойна, мила и дорога мнѣ... А теперь!.. Я поставилъ все на одну карту... Я все вложилъ въ одну особу... она должна была дать мнѣ рай земной, но, вмѣсто того, разбила мою душу; мое несчастіе отъ женщины, — дѣвушки... О, если-бъ вы ее видѣли! Прелестна, какъ Мадонна... Я уже не молодъ, но я ей повѣрилъ... Жизнь мою, если она вамъ нужна, берите... Завтра я все равно не буду знать, что съ ней дѣлать.

— Хорошо, сказалъ молодой человѣкъ, — ради нашего святого дѣла, я принимаю вашу жертву.

Сиро сталъ торопливо сниматьъ съ себя платье, бросая его Либеріо.

Но вдругъ молодой человѣкъ задумался, мучимый какими-то новыми подозрѣніями.

— Чего вы стоите? Скорѣй, скорѣй! Нельзя терять ни минуты, шепталь Сиро.— О, Боже, вы все еще сомнѣваетесь?

Либеріо крѣпко стиснулъ ему руку и, смотря на него въ упоръ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— И вы увѣрены, что никто не будетъ слѣдить за мной, когда я стану дѣлать свой обходъ?

— Богу извѣстно, печально проговорилъ Сиро, насколько несправедливы ваши подозрѣнія. Пусть Онъ просвѣтитъ васъ. Я-же ничего не могу сказать вамъ больше...

Онъ замолчалъ. Буря бушевала съ удвоенной яростью. Въ воздухѣ раздавались свистъ, трескъ, вой, походившіе на стоны и крики.

Либеріо смотрѣлъ сквозь узкое окошко на небо, разсѣкаемое молніями. Спокойствіе измѣнило ему; его било какъ въ лихорадкѣ.

На башнѣ снова пробили часы.

Сиро вздрогнулъ.

— Либеріо, послушайте, сдѣлайте вотъ что: возьмите вотъ это...

Онъ вынулъ изъ футляра одинъ изъ своихъ ножей, открылъ его и, подавая молодому человѣку, прибавилъ:

— Убейте меня; тогда по крайней мѣрѣ вы будете спокойны; мнѣ-же окажете благодѣяніе...

Юноша былъ побѣжденъ.

— Я вѣрю, вѣрю вамъ! Вы благородный человѣкъ! воскликнулъ онъ, отталкивая оружіе.

— Такъ скорѣй-же, скорѣй, одѣвайтесь.

— Да, да!

Сиро помогъ ему надѣть свои короткіе панталоны, свой сюртукъ, свою черную епанчу и круглую касторовую шляпу. Потомъ онъ подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ въ замочную скважину и, вернувшись къ Либеріо, сказалъ:

— Ступайте; всюду почти темно; идите смѣло. Дверь на улицу на право; она только притворена. Не оборачивайтесь; откройте ее смѣло, васъ никто не остановитъ... Подумаютъ, что это я... Идите же съ Богомъ...

Онъ толкалъ его къ двери.

Либеріо обернулся и снова подошелъ къ нему.

— Не дадите-ли мнѣ какихъ-нибудь порученій?

— Нѣтъ...

— Не передать-ли кому отъ васъ поклонъ? Доктору?

— О да, да!

— И никому другому?

— Другому?... Нѣтъ, никому! Я отдалъ всю душу той... Но что ей до меня!..

Онъ потряхнулъ головою. Слезы душили его.

— Уходите... уходите... проговорилъ онъ съ усиленіемъ.

Либеріо обнялъ его и нѣсколько мгновеніи два благородныя сердца бились другъ противъ друга.

Потомъ молодой человѣкъ подошелъ къ двери и, отворяя ее, произнесъ съ глубокой нѣжностью:

— Addio!..

Сиро схватился за голову, зашатался, какъ пьяный, и упалъ на землю.

— Онъ! вырвалось у него изъ груди.

Онъ слышалъ уже разъ это слово и узналъ этотъ голосъ.

Внутри его что-то перевернулось. Онъ доползъ до сѣнника и уткнулся въ него лицомъ, чтобы задушить болѣзненный стонъ.

Потомъ онъ проговорилъ:

— Ну, такъ что-жь?

Буря утихла.

Мягкій свѣтъ утра проникалъ сквозь узкую оконную щель.

Веселый трезвонъ доносился изъ Сталіены, изъ далекихъ горныхъ деревень. Только серебряный звонъ Санъ-Піетро на Косѣ звучалъ жалобно и заунывно, какъ-будто желая сказать, что среди этого ликованія неба и земли кто-то страдаетъ.

VI.

Въ предмѣстьи Крестоносцевъ съ самой зари всѣ были въ хлопотахъ изъ-за свадьбы. Вѣнчаніе должно было совершиться рано утромъ, передъ обѣдней. Въ церкви и въ домѣ Товины все было уже готово. Приѣхали и поѣзжане изъ Санта-Цитты.

Не доставало только жениха.

Музыканты зашли, было, за нимъ, чтобы провести его съ триумфомъ къ невѣстѣ, но домъ оказался запертымъ.

Теперь всѣ ждали его на берегу ручья.

Между тѣмъ, время шло. Вѣтеръ, дувшій съ горъ, угналъ въ море тучи, и солнце ярко свѣтило на чистомъ, безоблачномъ небѣ.

Отсутствіе жениха становилось непонятнымъ.

Наконецъ, среди огородовъ, на тропинкѣ со стороны, противуположной Бизаньо, показалась знакомая касторовая шляпа и еще болѣе знакомая черная епанча фельдшера.

Нѣкоторые изъ дѣвушекъ обратили вниманіе, что этотъ скряга даже не одѣлся по праздничному.

Ирена замѣтила, что фельдшеръ шель что-то слишкомъ быстро и держался черезчуръ прямо: точно помолодѣлъ на двадцать лѣтъ.

Когда онъ приблизился на разстояніе ружейнаго выстрѣла, музыканты заиграли въ трубы, забили въ бубны, дѣвушки захлопали въ ладоши и стали кричать „eviva“ жениху.

Тотъ остановился, точно смущенный и пораженный такой встрѣчей.

— Смотрите, смотрите: бѣжить! крикнулъ кто-то.

Черная епанча и касторовая шляпа снова исчезли въ кустахъ.

Толпа захохотала, потому что всѣ подумали, что это шутка Ирена поблѣднѣла. Женихъ такъ и не показывался.

Полчаса спустя, одинъ изъ поѣзжанъ пошелъ за нимъ снова. Проходя тропинкой, онъ увидѣлъ въ кустахъ измятое и испачканное платье фельдшера. Кое-гдѣ были видны слѣды крови. Въ одномъ изъ кармановъ сюртука лежали еще бумаги, взятая наканунѣ изъ куріи.

Черезъ часъ огромная толпа народа окружала зданіе таможни.

Какой-то карбонарь, арестованный прошлой ночью, вскрылъ себѣ жилы хирургическимъ ланцетомъ и истекъ кровью. Но всего удивительнѣе было то, что, по слухамъ, покойникъ былъ никто иной, какъ фельдшеръ Санта-Цитты.

Изъ Генуи пріѣхалъ прокуроръ съ судебнымъ слѣдователемъ. По составленіи протокола, покойника вынесли на крыль-

цо и положили на столъ, въ ожиданіи могильщиковъ. Никто уже не могъ сомнѣваться.

Удивительное извѣстіе въ тотъ-же день разнеслось по всему околотку. Толкамъ и предположеніямъ не было конца. На другой день о фельдшерѣ пошли настоящія легенды, мрачныя и страшныя.

Когда въ предмѣстьѣ Крестonosцевъ узнали, что Сиро былъ арестованъ еще наканунѣ ночью, то рѣшили, что утромъ являлся въ его образѣ никто иной, какъ самъ сатана, и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ парней не рѣшался посвататься за Ирену, боясь адской силы, съигравшей уже съ ней однажды такую свершую штуку.

Но болѣе всѣхъ былъ пораженъ, конечно, бригадиръ. Онъ, разумѣется, не обмолвился ни однимъ словечкомъ насчетъ странной перемены лицъ, чтобы не потерять мѣста за свою оплошность. Но въ душѣ онъ былъ твердо убѣжденъ, что „разбойникъ яacobинецъ зарѣзалъ Сиро собственными руками“.

Однако, судебный слѣдователь и прокуроръ, не смотря на неясность уликъ, освятили своимъ приговоромъ смутныя предположенія толпы и окружили скромное имя Сиро ореоломъ мученичества.

И, конечно, подвигъ его, каковы-бы ни были его мотивы, былъ не менѣе великъ.

* * *

Когда бушуетъ океанъ,
Въ побережьѣ птицы хоронятся:
Имъ страшень злобный ураганъ,
Онѣ съ грозой не породнятся.
Одинъ орелъ средь грозныхъ тучъ,
Очей предъ молніей не жмура,
Летить, отваженъ и могучъ...
Стихія сильныхъ—громъ и буря!..

Въ годину общей слѣпоты,
Когда разбиты всѣ кумиры,
Жрецы любви и красоты
Не трогаютъ смущенной лиры;
Но только свѣтлые умы,
Согрѣты гевіемъ поэта,
Въ слѣпое царство злобной тьмы
Несутъ лучи тепла и свѣта...

Д.

СТЕПАНЪ ОГОНЬКОВЪ.

(Окончаніе).

VII.

Прекрасны въ деревнѣхъ лѣтніе дни. Кто не переживалъ ихъ, тотъ—значить—не прочелъ въ книгѣ жизни одну очень хорошую, очень поэтическую страницу, которая навѣваетъ хотя мимолетныя, но чудесныя видѣнія... Ясное небо, золото солнечныхъ лучей—по цвѣтамъ и по травѣ, западь весь, словно, плавающий въ огнѣ, сумерки, полупрозрачныя, ночныя тѣни и звѣзды въ вышинѣ, розовый румянецъ утренней зари и капли росы на лепесткахъ цвѣтца—вотъ какія видѣнія мерещатся въ тѣхъ ясные, яркіе дни... Огоньковъ переживалъ эти свѣтлые дни, какъ благодатные сны на яву.

Почти послѣ каждого урока, когда Коля, словно съ цѣпи сорвавшись, уносился вдругъ неизвѣстно куда, Огоньковъ съ Женичкой ходили по саду или сидѣли гдѣ-нибудь въ тѣни подъ деревьями. Иногда они читали, иногда вели тихіе разговоры. Огоньковъ съ жаромъ говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ жить, что будетъ дѣлать... А дѣвушка рассказывала ему про Петербургъ, куда онъ уже улеталъ мыслью.—Огоньковъ не уставалъ слушать ее...

Однажды они сидѣли на скамейкѣ подъ деревьями, и Женичка говорила:

— Приходите-же къ намъ, когда пріѣдете въ Петербургъ... непременно приходите! Чаше мы бываемъ дома въ воскресенье вечеромъ... Вотъ и приходите такъ, въ сумерки,—ото-

объдаемъ вмѣстѣ, потому я васъ чаемъ напою... Потолкуемъ...

Огоньковъ только вздохнулъ, молча.

— Да вы прѣзжайте скорѣе... продолжала дѣвушка очень убѣдительнымъ тономъ.

— Конечно, мнѣ и самому хотѣлось-бы поскорѣе... да еще не знаю: какъ удастся... отозвался Огоньковъ: о денежныхъ дѣлахъ своихъ онъ не распространялся ни съ кѣмъ, какъ-бы находя не деликатнымъ утруждать другихъ подобными мелочами, касавшимися его маленькой особы.

Иногда у нихъ разговоры заходили на темы, болѣе общія— о вопросахъ міровыхъ, о нравственности, о счастьи... Степанъ Огоньковъ, по обыменовенію, высказывался откровенно, напрямки.

— Другъ подъ дружку подкапываются, ни за какой подлостью не постоятъ, только-бы насолить, кому нужно... съ видимой душевной болью, съ тяжелой грустью говорилъ онъ, во все не подозрѣвая того, что высказанное имъ положеніе чутли не возведено въ науку.—Развѣ-же такъ легко жить? И развѣ это пріятно... Никому, я думаю, не пріятно, а всѣ тянуть лямку...

— Такъ какъ-же иначе быть? возражала дѣвушка.—Свѣтъ такъ устроенъ...

— „Устроенъ!“ съ улыбкой сожалѣнія повторялъ Огоньковъ.—Да... но худо, видно, устроенъ... Знаете: я думаю иногда... Вотъ, говорятъ, что мужики — народъ темный, невѣжественный и поэтому не могутъ сдѣлать для себя ничего хорошаго... Ну, положимъ, что они, дѣйствительно, народъ темный... А мы, люди мало-мальски образованные!.. Вѣдь много есть людей и очень образованныхъ между нами... Такъ вотъ я и думаю иногда про себя: отчего-же мы-то ничего не можемъ сдѣлать путнаго ни для себя, ни для другихъ... Только вотъ такія маленькія, личныя дѣлишки и умѣемъ обдѣлывать! Можемъ, на примѣръ, устроить себѣ привольную жизнь, всякія удобства и комфорта и прочее... И для того, чтобы устроить эти маленькія дѣлишки—вѣдь замѣтите—тратится громадная масса силъ... Если-бы половину этихъ силъ, половину нашей ловкости и энергіи мы, положимъ, употребили на какое-нибудь доброе дѣло, вѣдь тогда-бы, пожалуй, дѣло пошло... А то теперь—всякое общественное дѣло, какъ тотъ сказочный

возь... лебедь—туда, щука—сюда, ракъ пятится назадъ... А въ концѣ-концовъ всѣ, рѣшительно всѣ, въ проигрышѣ... Все это ужасно обидно, за человѣка обидно... Вотъ какъ въ одномъ стихотвореніи говорится: „А счастье было такъ близко, такъ возможно“... И возможно! Это—сухая правда... А то вотъ другое стихотвореніе... я наизусть его знаю...

— Скажите! промолвила дѣвушка, замѣтивъ, что Огоньковъ какъ будто колебался.

— Видите, продолжалъ онъ:—авторъ обращается къ людямъ и говоритъ:

„...Зачѣмъ борьбой суровой
Другъ другу жизнь вамъ отравлять?
Зачѣмъ вражды вѣнокъ терновый
Вамъ другъ на друга надѣвать?
Ужели мѣръ земной вамъ гѣсенъ?
Ужель нельзя вамъ въ мѣръ жить
И, старой жизни сбросивъ плѣсенъ,
Какъ брата—близняго любить?...“

— Мнѣ очень нравится это стихотвореніе... очень! тихимъ, взволнованнымъ голосомъ промолвилъ Огоньковъ.

Напрасно онъ говорилъ: это было видно и безъ его словъ... Ему не часто удавалось произносить такіе длинные монологи, какъ теперь сказанный имъ. Онъ говорилъ прерывающимся голосомъ, страшно волнуясь. Когда онъ декламировалъ стихотвореніе, въ его неумѣломъ чтеніи связывалось столько страсти, столько искренняго увлеченія, столько горячей вѣры, сколько рѣдко приходится слышать ихъ въ чтеніяхъ на литературныхъ вечерахъ. Все то, что онъ высказалъ, очевидно, мучило его, не давало ему покоя... Прочитавъ стихи, онъ замолчалъ. Видимъ, онъ былъ глубоко потрясенъ. Онъ коснулся своего самага больного мѣста...

Степанъ Огоньковъ сидѣлъ, слегка отвернувшись отъ своей собесѣдницы. Лицо его горѣло, на глазахъ блестя слезы... Добрая душа! Очевидно, высказанное имъ было для него не пустой фразой, не одними хорошими словами, какими полонъ мѣръ. Современный человѣкъ начиненъ громкими фразами, но смыслъ этихъ фразъ для него—совершенно отвлеченный! Для Огонькова, напротивъ, ихъ смыслъ являлся живымъ, облеченнымъ плотью и кровью. Онъ страдалъ, болѣлъ отъ сознанья своего безсилія... Голова его такъ-же горѣла, какъ лицо; ду-

мамъ и чувствамъ, волновавшимъ его, казалось, было тѣсно въ его маленькомъ, тщедушномъ тѣлѣ.

Женичка съ удивленіемъ смотрѣла на юношу. Красивая, блестящая барышня, уже выдавшая свѣтъ и людей, чувствовала теперь, что этотъ маленький, невзрачный человѣчекъ, сидѣвшій передъ нею, весь съезжившись и сторбившись, открывалъ ей далекіе и совершенно новые горизонты. И его тщедушная, невзрачная фигура выростала въ ея мнѣніи до весьма почтенныхъ размѣровъ. Въ его дрожащемъ голосѣ, въ его манерахъ, неловкихъ и сдержанныхъ, сказывалась сила... Дѣйствительно, барышня странно было видѣть человѣка, искренно думающаго о благѣ людей и совершенно позабывающаго о себѣ...

Иногда находилъ тихій часъ, — и молодые люди сидѣли молча. Огоньковъ, какъ бы погрузившись въ глубокую думу, упирался локтями въ колѣна, опускалъ голову на руки и такъ поцолгу сидѣлъ, понутившись. Глядя на него, можно было подумать, что онъ въ эти минуты былъ далеко-далеко отъ барскаго сада и вообще отъ всей этой мирной веси. А дѣвушка, также задумавшись, машинально чертила вонтикомъ по землѣ, изрѣдка взглядывая на понурую фигуру своего молчаливаго собесѣдника. Станный былъ этотъ собесѣдникъ! То онъ начиналъ говорить, и говорилъ много, съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, словно желая наговориться за долгіе годы молчанія; то вдругъ онъ дѣлался молчаливъ и пѣмъ, какъ рыба. Эти переходы, иногда очень рѣзкіе, смущали дѣвушку, даже нѣсколько пугали ее. Она догадывалась, что Огоньковъ — натура очень нѣжная, впечатлительная, что для него, какъ сказалъ поэтъ, было „слышно травъ прозябанье“. Женичка, какъ сама немного музыкантша, очень хорошо знала, какъ легко порвать слишкомъ туго натянутыя струны. Да! именно, она сравнивала Огонькова съ такимъ чувствительнымъ струннымъ инструментомъ, съ которымъ слѣдовало обращаться очень, очень осторожно... „А кто съ нимъ, съ бѣдняжкой, станетъ такъ обращаться! Кто будетъ съ нимъ церемониться“... Конечно, жизнь — такая бѣшеная толкучка, что ежеминутно можно было ожидать: вотъ-вотъ тяжелый кулакъ опустится на туго-натянутыя, чутко-дрожащія струны и порветъ ихъ, и разобьетъ въдребезги этотъ нѣжный инструментъ...

Не рѣдко молодые люди стояли у плетня, отдѣлявшаго садъ отъ береговой кручи. Отсюда подолгу смотрѣли они на всю окрестную сторону. Это было самымъ любимымъ мѣстомъ Женички... Отсюда открывался далекій видъ на рѣку, на противоположный берегъ, на рощи, на сѣрья, убогія деревушки, пріютившіяся тамъ и сямъ, на поля и перелѣски.

Такъ шли дни за днями. Огоньковъ все болѣе привязывался къ своему молодому другу. Эта довольно странная дружба выражалась въ сотнѣ разныхъ незамѣтныхъ мелочей и придавала отношеніямъ Огонькова къ барышнѣ какой-то особенный, очаровательный колоритъ. Онъ иногда приносилъ ей тѣхъ ягодъ, какія не росли у нихъ въ саду: земляники, полянки, лѣсной малины... Дѣвушка, въ свою очередь, не пропускала случая сдѣлать ему удовольствіе. Зная, что Огоньковъ очень любитъ чай, она послѣ урока каждый разъ сама угощала его чаемъ. Она распорядилась купить въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ самыхъ лучшихъ папирозъ, какія только могли найтись въ убогихъ уѣздныхъ магазинахъ. Ей купили какую-то дрянъ, подъ названіемъ „Бафра“, въ рубль сотню... Этими папирозами Огоньковъ постоянно пользовался, бывая въ Нагорномъ и, послѣ своего „горлодера“, находилъ, разумѣется, папирозы Женички превосходными...

А толстая татап той порой, повидимому, то и дѣло отбивавшаяся отъ мухъ или дремавшая въ креслѣ гдѣ-нибудь въ тѣни, все-таки какъ-то замѣтила продолжительныя прогулки дочери съ „господиномъ Огоньковымъ“ и, со свойственнымъ ей материнскимъ ципизмомъ, сказала однажды Женичкѣ, оставшись съ ней наединѣ:

— Ужь ты, та сѣге, не влюбилась ли въ этого михрютку?

— Съ чего вы это взяли? слегка вспыхнувъ и сердито нахмуривъ брови, возразила дѣвушка.

— Богъ мой!.. Какъ ты строго... съ кислой усмѣшкой проговорила мать, зѣвая во весь ротъ.

— Да съ чего вы это взяли? настойчиво повторила Женичва, съ видимой досадой перебирая бѣлыя бусы, украшавшія ея малороссійскій нарядъ.

— Ахъ! Да очень просто... лѣниво отвѣтила татап.— Вы съ нимъ такъ подолгу гуляете... И потомъ-же, на безлюдьи...

Впрочемъ, конечно, все это—вздоръ... онъ ужь слишкомъ не презентабеленъ! Не правда-ли?

Надежда Павловна, прищурившись, съ усмѣшкой посмотрѣла на молодую дѣвушку.

— Я только знаю, что онъ—вовсе не пошлякъ... Не такой человѣкъ, чтобы... рѣзко заговорила Женичка.

— Да я-же, милая, и не говорю, что онъ—пошлякъ или какой-нибудь гадкйй человѣкъ! перебила ее мать.

— Если-бы вы его знали, вы не говорили-бы мнѣ...

— Я только знаю, что твой monsieur Stéphan, можетъ быть, очень хорошии учитель и превосходный молодой человѣкъ... продолжала Надежда Павловна.—Но онъ, милая, сжученъ до крайности... и потомъ, эти его скрипучіе сапоги—ужасны! Такъ раздражаютъ они нервы... Ну, да оставимъ это! Бросимъ... Я надѣюсь, что ты не увлечешься первымъ встрѣчнымъ. Что хорошо въ романахъ, издали, то—знаешь!—вблизи очень-очень иногда шокируетъ и... не пріятно вообще...

Дочь усмѣхнулась, и тѣмъ кончился разговоръ.

Прогулки по саду продолжались, и бесѣды съ „михрюткой“ длились иногда у Женички по цѣлымъ часамъ. О любви и увлеченіяхъ не было и помину. Смотри на него (послѣ разговора съ маман), дѣвушка подумала, что кромѣ дружбы она ничего не могла-бы дать Степану Огонькову. Какъ мужчипа, онъ ей не нравился и ни мало не будилъ ея чувственность... Если-бы она жила съ нимъ въ пустынѣ, то, кажется, и тогда она оставалась-бы съ нимъ въ совершенной безопасности...

Конечно, она видѣла въ Огоньковѣ случайнаго знакомаго,—сегодня она съ нимъ встрѣтилась, завтра—разстанется. Хотя онъ и говорить, что пріѣдетъ въ Петербургъ, но мало-ли что можетъ случиться... Они, можетъ быть, и не увидятся болѣе. Но теперь, пока, эта дружеская связь правилась дѣвушкѣ своєю повизной, необычайностью. До сего времени она не могла сблизиться съ мужчиной безъ того, чтобы не услышать отъ него какихъ-нибудь пошлыхъ комплиментовъ, разсужденій о любви или, просто, о какихъ-нибудь пустякахъ. Ея связь—если можно такъ выразиться—съ Огоньковымъ была ея первая серьезная, чисто дружеская связь съ мужчиной. Ей пріятно было сдѣлаться повѣренной этого молодаго человѣка...

Степанъ Огоньковъ также со своей стороны приближался въ

ней безъ всякихъ чувственныхъ побужденій, и если иногда онъ смотрѣлъ на нее съ нескрываемымъ восторгомъ, то это была, просто, невольная дань уваженія къ человѣческой красотѣ... Но съ нѣкотораго времени въ душѣ его стали подниматься какія-то смутныя чувства — скорбе нѣчто въ родѣ предчувствія, чувства туманныя, неясныя, какъ передразвѣтныя тѣни. Онъ самъ не давалъ себѣ отчета въ этихъ чувствахъ.... Было жутко и отрадно...

Коротко сѣверное лѣто. Оно пролетаетъ быстро, какъ чудесный сонъ. Въ концѣ августа листъ желтѣетъ и опадаетъ, туманы стелются по полямъ... Но Надежда Павловна не дождалась тумановъ: Колѣ слѣдовало явиться въ гимназію не позже 16-го августа, да и самой m-me Гречулевой страшно надоѣло кормить деревенскихъ мухъ своимъ бѣлымъ тѣломъ. Отъѣздъ былъ назначенъ на 8-е число. Степанъ Огоньковъ замѣтно приунылъ, и на послѣднихъ урокахъ онъ былъ такъ разсѣянъ, что трудно было сказать: кто разсѣяннѣе—учитель или ученикъ.

Вообще, въ поведеніи Огонькова за послѣднее время стала замѣчаться какая-то странная перемѣна. Въ его обыкновенно кроткомъ, спокойномъ характерѣ стала проявляться неровность, какая-то шероховатость, вовсе не свойственная ему. То онъ ходилъ угрюмый, молчаливый, не обращалъ ни на что вниманія, какъ-будто былъ недоволенъ чѣмъ-то... Въ такое время мать говорила про него, что онъ „бѣлены объѣлся“. То онъ оживлялся, дѣлался говорливъ чрезъ мѣру, игралъ и возился съ дѣтьми, а мать комментировала это поведеніе, говоря, что его „бѣсы тѣшатъ“.

Но Степанъ Огоньковъ ни бѣлены не объѣлся, ни бѣсамъ потѣхой не служилъ. Въ дѣйствительности, дѣло было гораздо проще. Онъ полюбилъ... Молодость взяла свое. Но Огоньковъ и самъ не зналъ, что онъ любилъ... по крайней мѣрѣ, онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ волновавшемъ его чувствѣ. Когда, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ образомъ такъ незамѣтно завралась въ него любовь—онъ самъ не могъ-бы сказать ни за что въ мірѣ. До послѣдняго времени онъ, повидимому, зналъ только одну дружбу къ этой красивой дѣвушкѣ, которая была къ нему всегда такъ равно добра и снисходительна... Что-жъ это такое сдѣлалось съ нимъ?

Когда оказалось, что Гречулевы скоро уѣзжаютъ,—Огоньковъ вдругъ сдѣлался разсѣянъ и тревоженъ. Свою тревогу онъ объяснялъ очень просто... Разлука съ „другомъ“, предстоявшее

ему одиночество и, наконецъ, неизвѣстность и полнѣйшая неуверенность въ будущемъ—вотъ что, по его мнѣнію, нагоняло на него тоску и такъ тяжело, до боли сжимало ему грудь. Отчасти въ такихъ объясненіяхъ была доля правды. Мысль о предстоящемъ одиночествѣ, дѣйствительно, приводила его въ уныніе. Отецъ Алексѣй, конечно, хорошій человекъ, но старъ, слишкомъ спокойно, эпически-спокойно настроенъ. Не понять ему Огонькова, да и Огоньковъ не найдетъ наслажденія въ томъ, въ чемъ находитъ его отецъ Алексѣй, то есть въ спокойствіи и тишинѣ. Не можетъ онъ постоянно сидѣть на крыльцѣ съ отцомъ Алексѣемъ и безмятежно любоваться на мирную картину солнечнаго заката и толковать о мелочахъ дня... Но, кромѣ мысли объ одиночествѣ, было еще и другое, что нагоняло на Огонькова темную тѣнь. Это *другое* еще представлялось ему смутно, неясно; онъ, словно, боялся заглянуть подальше...

5-го августа Огоньковъ давалъ послѣдній урокъ,—онъ хорошо запомнилъ это число. Надежда Павловна, расплачиваясь за уроки, въ видѣ „благодарности“ прибавила, было, учителю сверхъ платы еще 10 рублей, но Огоньковъ отъ прибавки отказался и взялъ лишь слѣдующее... Барыня на него серьезно обидѣлась. Да, какъ-же, помилуйте! „Всякая дрянь еще безкорыстіе показываетъ! Тоже съ гоноромъ!“... Непростительно!

По окончаніи расчета, Огоньковъ отправился въ садъ и тамъ въ аллеѣ встрѣтилъ Женичку. Барышня сразу-же замѣтила, что Огоньковъ чѣмъ-то взволнованъ. Онъ выглядѣлъ блѣднѣе обыкновеннаго и углы губъ его слегка подергивались, какъ у ребенка, когда тотъ собирается заплакать.

— Что съ вами? Здоровы-ли вы? спросила она.

— Ваша мамаша... я не знаю, право, съ чего это... смущенно проговорилъ онъ. Она хотѣла мнѣ подарить денегъ... Я не взялъ... съ чего-жъ я возьму!.. Но я, кажется, этимъ обидѣлъ ее... Только я, право, ничего не сказалъ ей такого... такого обиднаго...

— Вотъ еще стоитъ волноваться изъ-за всякихъ пустяковъ... Мамаша сама иногда не знаетъ, что дѣлаетъ... съ ободряющей улыбкой промолвила дѣвушка. Значить, намъ проститься надо...

Они прошли еще нѣсколько разъ по саду. Огоньковъ хмурился и молчалъ... И день выдался какой-то сѣрый и мгlistый. Женичка долго стояла на своемъ любимомъ мѣстѣ у плетня...

Еще въ первый разъ въ бесѣдѣ съ Огоньковымъ чувствовалось для нея какое-то стѣсненіе...

— Хорошо здѣсь было лѣтомъ! сказала она, задумчиво оглядываясь на садъ.

Огоньковъ все молчалъ. Очевидно, слова не шли у него съ языка... Онъ былъ такъ разсѣянъ, противъ всякаго обыкновенія, что даже не слышалъ многого изъ того, что говорила ему барышня. Онъ самъ многое собирался высказать, но все это теперь или забылось, или какъ-то не шло съ языка.

— Зимой здѣсь будетъ худо... вдругъ проговорилъ онъ совершенно некстати, очевидно, продолжая думать вслухъ.

— Разумѣется, скучно... мужики, да волки только и остаются! отозвалась Женичка, посмотрѣвъ на него.

— Нѣтъ, не то... задумчиво пробормоталъ Огоньковъ. И съ волками жить можно... а съ людьми и подавно... Только что-же безъ толку-то жить съ ними... Ихъ-же объѣдать!.. Вотъ я про что, а вовсе не про скуку...

Въ тонѣ его звучали раздраженіе и досада. Это было въ немъ такъ ново, такъ удивительно, что Женичка пристально взглянула на него.

— Какой-же вамъ еще нужно толкъ, если вы будете учителемъ, возразила она.—На сколько можете, будете просвѣщать, станете приносить пользу...

— Просвѣщать! съ какою-то жалостной усмѣшкой промолвилъ Огоньковъ. А вы знаете, что здѣсь зимой всего нужнѣе будетъ ржаной хлѣбъ!

— Хлѣбъ, повторила барышня.—Ахъ, да-а... вѣдь нынѣ—неурожай! Да! Конечно, это—вопросъ...

— Для меня—не вопросъ... тихо проговорилъ Огоньковъ, какъ-бы про себя.

Еще немного помолчали, еще немного поговорили... Огоньковъ говорилъ невпопадъ, все какъ будто-бы не то, о чемъ хотѣлось сказать... Наконецъ, пришла пора проститься...

— Пріѣзжайте-же! сказала ему Женичка на прощанье.

Огоньковъ крѣпко пожалъ ей руку и съ минутой, молча и грустно, смотрѣлъ на нее. Прекрасная, здоровая, свѣжая—стояла она передъ нимъ. Также, какъ и въ первое ихъ свиданье за чайнымъ столомъ, на щекахъ ея игралъ розовый, нѣжный румянецъ, взглядъ ея былъ свѣтелъ и ясенъ и легкая улыбка играла

на ея губахъ. „Понятно! Что-жь ей скучать! подумаль Огоньковъ. „Она теперь ѣдетъ въ Петербургъ, къ своимъ знакомымъ, въ уютное гнѣздышко, на все готовое... У нея тамъ свои интересы, друзья, все... Добрая она, а все-же, наше горе—не ея горе... И мы для нея—*чужіе!*“. Степанъ Огоньковъ почувствовалъ, какъ при этомъ его больно кольнуло въ сердце, и ему стало тяжело при сознаниіи своей отчужденности отъ этой дѣвушки. Онъ тяжело вздохнулъ...

— Прощайте! тихо проговорилъ онъ, еще разъ пожалъ ей руку и вышелъ изъ калитки.

Спустившись съ кручи, онъ берегомъ прямо отправился домой, не заходя въ усадьбу.

Тутъ бросился ему въ глаза большой сѣрый камень, поднимавшійся изъ воды, камень, на которомъ онъ свелъ свое первое знакомство съ Колей, и это знакомство привело его въ Нагорное... Послѣ того дня, когда онъ ловилъ рыбу на этомъ камнѣ, прошло уже около двухъ мѣсяцевъ. Быстро пролетѣло это время... Огоньковъ невольнo еще разъ оглянулся на барскій садъ. Молодая дѣвушка все еще стояла у плетня, облитая яркимъ свѣтомъ заходящаго солнца. Ея бѣлая рубаха блестя на солнцѣ... Дѣвушка, какъ будто, кивнула ему головой, — или, можетъ быть, Огонькову это померещилось... Онъ также махнулъ ей шапкой, въ видѣ прощальнаго привѣта. Вдругъ страшная тоска налегла ему на сердце. Теперь онъ почувствовалъ, что эта дѣвушка изъ „другого міра“ дорога для него, гораздо *дороже*, чѣмъ онъ думалъ до послѣдней минуты. Теперь, когда онъ издали и, можетъ быть, ужъ въ послѣдній разъ смотрѣлъ на Женичку — на него, точно сошло какое-то прозрѣніе... Такъ иногда въ ночи, неожиданно, сверкнетъ молнія и на мгновенье озаритъ далеко всю окрестность своимъ полыхающимъ, сипеватымъ свѣтомъ.

„Воротиться назадъ!“ ... Вотъ каково было первое, непосредственное побужденіе послѣ открытія, сдѣланнаго Огоньковымъ. Съ замираньемъ и тревогой, тяжело дыша, смотрѣлъ онъ на сѣрый, полусгнившій плетень, нависшій надъ берегомъ, на бѣлую фигуру, прислонившуюся къ нему, и на густыя, могучія липы, раскидывавшія надъ плетнемъ свои зеленыя вѣтви. „Зачѣмъ-же ты воротись?“ говорилъ разсудокъ. „Тебя спросятъ: вы не позабыли-ли что нибудь? Ты что-же скажешь на это? Скажешь: да! Я забылъ... забылъ сказать, что мнѣ очень тоскливо, что я не хо-

чу разставаться съ вами, что я хочу быть съ вами вмѣстѣ... Вздоръ! Нелѣпость! Иди, иди скорѣе домой, пока не сочли тебя за полумумнаго!“... И Огоньковъ медленно шелъ берегомъ. Ноги его, казалось, отяжелѣли и съ трудомъ несли его маленькое, худенькое тѣло. А блѣдныя губы его въ то-же время что-то беззвучно шептали...

Такъ въ первый разъ Степанъ Огоньковъ полюбилъ женщину, да и то какъ-то странно, „заднимъ числомъ“, когда уже разстался съ этой женщиной и послѣ того уже болѣе не видалъ ее... Но что вышло-бы, если-бы дѣла оставались въ прежнемъ положеніи, то есть, если-бы Огоньковъ продолжалъ встрѣчаться съ барышней? Едва-ли его робость и смиреніе допустили-бы его когда-нибудь объяснить ей свои чувства, открыть свою великую тайну. Это могло-бы случиться лишь тогда, если-бы сама дѣвушка дала ему поводъ думать, что его „люблю“ будетъ встрѣчено хорошо. Но не смотря на всю свою младенческую неопытность, Огоньковъ чувствовалъ, что невозможно было ожидать для его „люблю“ благосклоннаго приѣма... И потомъ-же, кромѣ робости и смиренія, не допустило-бы его до любовныхъ объясненій еще другое обстоятельство. Онъ сознавалъ, что эта дѣвушка, какъ онъ уже не разъ говорилъ себѣ,—существо „другого міра“, и общей, крѣпкой связи между ними не существовало. Пришлось-бы, значить, или ломаться ей, или ему гнуться. Кто-бы изъ нихъ перетянулъ— неизвѣстно. А она ужъ, конечно, стала-бы тянуть Огонькова изъ той среды, гдѣ живутъ только „мужики да воли“... А вѣдь чортъ—силенъ, говорятъ, горами качаетъ. Не качнулъ-ли бы онъ и Огоньковымъ?.. Огоньковъ, разумѣется, постарался-бы утащить любимую женщину за собой... но статочное-ли дѣло затащить Женичку въ деревню? Чтобы убѣдиться въ томъ, что это дѣло вовсе нестаточное, дѣло нелѣпое, фантастическое—для того стояло только посмотрѣть на эту изящную, нарядную дѣвушку, нѣжную и выхоленную, какъ дорогой цвѣтокъ... При воспоминаніи объ этомъ блестящемъ образѣ, всѣ мечты Огонькова должны были разлетаться въ прахъ. Ту-же мысль мать его выразила-бы проще, сказавъ, что „барышня ему—не пара“... „Не пара!“ вотъ—настоящее слово.

Все это, конечно, такъ, все это—сухая правда, но отъ этой правды не было легче Огонькову, когда онъ шелъ домой берегомъ Которани. съ тоской, уныло посматривая на ивы, склоняв-

шіяся въ водѣ. Онъ долженъ любить втайнѣ, украдкой. Это было очень тяжело... Но вѣдь также точно втайнѣ, украдкой любилъ-бы онъ и тогда, если-бы по прежнему остался въ обществѣ Женички.

Такова была первая и послѣдняя любовь Степана Огонькова. Не принесла она ему радости и свѣта...

VIII.

Если до сего времени Огоньковъ всѣми силами души стремился къ Петербургу, то теперь этотъ далекій, „большой“ городъ облекся для него еще новымъ очарованіемъ,—теперь, когда барскій домъ въ Нагорномъ опустѣлъ. И умъ, и чувство, и личная привязанность—все толкало его туда, въ даль отъ ремневскаго погоста. Но выбраться изъ Ремнева не представлялось возможности, и Огонькову приходилось пить горькую чашу. Финансы его были въ очень плохомъ состояніи. Онъ надѣялся на деньги съ уроровъ, но эти деньги—30 рублей съ чѣмъ-то—уплыли у него, какъ вода, между пальцами. Матери надо было заплатить долгъ рублей 8, Васѣ надо было шапку купить, Ольѣ—шубку, валенки, потомъ пришлось хлѣба покупать и т. д.. Огоньковъ положительно не могъ отказывать въ деньгахъ, когда деньги у него были въ рукахъ. И деньги разошлись, осталось рублей 5—6, да вѣдь съ ними далеко не уѣдешь.

Отецъ Алексѣй обнадеживалъ его, что мѣсто учителя во вновь открывающейся школѣ останется за нимъ. Оставалось ждать, „копить деньги“ и затѣмъ весной, или будущею осенью—въ Питеръ! И Огоньковъ съ глубокимъ вздохомъ, скрѣпя сердце, соглашался ждать...

— Что, Степанушка, не весель, что головушку повѣсилъ? говорилъ отецъ дьяконъ Огонькову, когда тотъ уныло бродилъ вокругъ своей хаты.

— Случно что-то, отецъ дьяконъ! отвѣчала Огоньковъ.

— Сходилъ-бы хоть на Трошкино,—порагулялся малость! продолжалъ дьяконъ. — Чего тебѣ виснуть-то у насъ на Ремневѣ? У насъ, братъ, взять нечего...

— Нѣтъ, не то... Безъ дѣла-то, говорю, неловко! возражалъ молодой человѣкъ.

— Извѣстно: какія у насъ дѣла... соглашался и отецъ дяконъ.

Трошкино—была большая деревня, въ трехъ верстахъ отъ Ремнева. На Трошкинѣ—почтовая станція и при ней почтовое отдѣленіе, двѣ лавки съ разнымъ товаромъ, кабакъ, волостное правленіе, въ центрѣ деревни—среди улицы—старенькая, но подновленная и на диво раскрашенная часовня и, кромѣ того, здѣсь-же, на Трошкинѣ, жилъ старшина. Мѣсто, дѣйствительно, было бойкое, проѣзжее; по воскресеньямъ сюда сходилъ народъ со всей волости и кучками распозался по всей деревнѣ. На почтовой станціи или, вѣрнѣе, передъ станціей, на помостѣ, на ступеняхъ крылечка и вокругъ полосатаго, почтоваго столба люди толковали о новостяхъ дня; около часовни шла торговля; въ кабакѣ пили, въ правленьи били и т. д..

Степанъ Огоньковъ уже познакомился кое съ кѣмъ на Трошкинѣ. Такъ, напримѣръ, по совѣту матери, онъ былъ раза два у волостного старшины. Старшина, какъ водится, мѣстный кулакъ и пройдоха, былъ человѣкъ ловкій и пользовался вліяніемъ. Онъ не могъ дѣлать много добра, но могъ пакостить много. Потомъ, Огоньковъ познакомился съ писаремъ, съ лавочниками, съ фельдшеромъ, но рѣдко бывалъ на Трошкинѣ: тамошняя компанія была ему не по нутру. Особенно не нравился ему волостной писарь, который всѣмъ хвастался, что у него запасено розогъ „на круглый годъ“...

Незамѣтно подкралась осень. Перевалило за половину сентября...

Сѣрныя облака висятъ надъ землею; съ утра до ночи моросить дождь. Грязь на улицѣ—по ступицу... Поля опустошены; послѣдній суслоу давно уже свезенъ съ поля, — и невесело торчитъ колючая жнива... Гряды въ огородахъ разрыты, валяется кое-гдѣ забытая луковица, картофель, и тамъ и сямъ разбросаны увядшіе листья разныхъ овощей. Деревья уныло скрипятъ своими оголенными вѣтвями. Въ полуночной тьмѣ вѣтеръ стонетъ, завываетъ надъ этой раззоренной стороною... Деревенскія хаты, потемнѣвшія отъ дождя, кажутся невзрачнѣе обыкновеннаго, и слезливѣе обыкновеннаго выглядятъ ихъ подслѣповатыя оконца. Точно какой-нибудь Мамай прошелъ по этой унылой, печальной сторонѣ и раззорилъ ее въ раззорѣ.

Степанъ Огоньковъ чувствовалъ себя несчастнымъ. И дома, и въ людяхъ тоска грызла его... Только съ дѣтми отводилъ онъ душеньку. Бывало, усадить онъ ихъ около себя и рассказываетъ имъ всякія исторіи, или возьметъ Васю къ себѣ на колѣни, гладитъ его по волосамъ, бѣлокурнымъ и мягкимъ, какъ расчесанный ленъ, и тихо бесѣдуетъ съ нимъ. И понятенъ былъ его незлобивой душѣ этотъ дѣтскій лепетъ, понятны ему были взгляды свѣтлыхъ, голубыхъ глазенокъ, такъ довѣрчиво, съ такою любовью заглядывавшихъ въ его грустное лицо. И для „малыхъ сихъ“ также были внятны рассказы и ласки дяди, смиреннаго дяди. Одна и та-же жесткая рука судьбы пришла и „старого“, и „малыхъ“. Они невольно прижимались другъ къ другу, какъ путники, выброшенные послѣ кораблекрушенія на необитаемый островъ... Дядичиха ворчала на нихъ, и дѣти и Огоньковъ цббаивались ея. Она не могла шлепать его, какъ шлепала иногда ребятъ, но за то изрѣдка до-нимала его правоученіями на ту тему, что съ повлона спина не переломится, голова не свалится и вообще не причинится никакихъ увѣчий...

Иногда Огоньковъ захаживалъ къ отцу Алексѣю, но эти захаживанья не веселили его. Гостья, Марья Аристарховна, давно уже убралась восвосяи, да еслибы и не убралась, такъ радостей отъ нея было-бы мало: у нея одинъ только любимый разговоръ — о городскихъ сплетняхъ. Попадья разсуждала съ успѣхомъ лишь о своемъ хозяйствѣ, а дальше того — пасъ... Съ дочкой ея, Сашинькой, Огоньковъ никакъ не могъ сблизиться... Толковалъ онъ съ отцомъ Алексѣемъ, но разговоры со старикомъ не удовлетворяли его...

— Скучно, отецъ Алексѣй! говорилъ Огоньковъ.

— Что это? вопросительно отзывался старикъ, какъ-бы въ недоумѣннн насчетъ того: съ чего выдумалъ скучать Степанъ Огоньковъ.— Полно, полно, дитятко! Пустое! Брось все это... Живи-ка лучше съ нами—добро!.. Устроимъ мы тебя учителемъ, жалованьемъ обижать не будемъ — все, какъ слѣдуетъ, честь честью! А ты живи себѣ у насъ... Этакъ-то, братъ, здоровѣе будетъ, чѣмъ по свѣту шляться — незнамо гдѣ... Помнишь Крыловскую басню „Два голубя“?.. Такъ-то вотъ! Того гляди, еще крылья обломаютъ, калѣвой переходимъ сдѣлаешься... А безъ своего то угла натерпншься всего, дитятко! Жизнь-

то иной разъ долга, охъ! долга... ее перейти не то, что поле! А здѣсь-то, у родной своей, у знакомыхъ людей, въ родномъ уголку изжилъ-бы ты свой вѣкъ важно, въ покоѣ, въ мирѣ, да въ тихой радости. Вѣрно тебѣ говорю...

О. Алексѣй напрасно тратилъ свое краснорѣчіе; втунѣ пропадали его заманчивыя рѣчи, не попадая въ цѣль. Человѣкъ рвется на просторъ, а ему говорятъ о какомъ-то „уголеѣ“; человекъ рвется къ жизни, какъ на бой, а ему, въ видѣ приманки, добрые люди развертываютъ перспективу спокойнаго, мирнаго житья въ какомъ-то затишьи. Странны и дики казались Огонькову рѣчи отца Алексѣя; на него отъ этихъ рѣчей вѣяло холодомъ, какъ изъ сырого и затхлаго, нежилого зданія.

— Хорошо вамъ говорить, отецъ Алексѣй, когда вы уже пожили достаточно на своемъ вѣку... возражалъ молодой человекъ. — Конечно, вамъ теперь милы миръ и тишина... Это я понимаю! И я, можетъ быть, въ ваши годы также захочу спокойствія... А теперь мнѣ покоя не надо! Что мнѣ дѣлать съ вашимъ покоемъ? Я хочу жить... и вовсе не думаю избѣгать ни тревогъ, ни борьбы, ни житейскаго шума...

Собесѣдники представляли собой явный контрастъ. Огоньковъ волновался; лицо его горѣло, глаза блестѣли. Онъ говорилъ быстро, и въ тонѣ голоса его слышалось нетерпѣнье... А старикъ поглаживалъ свою длинную, сѣдую бороду и говорилъ спокойнымъ, задушевымъ тономъ. Собесѣдники говорили на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга. Одинъ уже давно былъ въ пристани и смотрѣлъ на мѣръ, какъ на суету суетъ, а другой норовилъ выйти въ открытое море, помѣряться съ бурей, ибо за моремъ, въ туманѣ, ему мерещился чудесный край, миражъ или дѣйствительность, — рѣшить было еще невозможно. Но эта даль, терявшаяся въ туманѣ, манила его къ себѣ...

— Я, братъ, съ молодыхъ лѣтъ поселился здѣсь... возражалъ старикъ. — Не жилъ я никогда въ большихъ городахъ... никогда я не жилъ „въ борьбѣ“, какъ ты говоришь! Вотъ ужъ четвертый десятокъ лѣтъ живу я противъ этой колокольни...

О. Алексѣй махнулъ рукой по направленію къ оену, изъ котораго видна была колокольня, бѣлѣвшая въ синеватомъ, вечернемъ сумрачѣ... Въ комнатѣ огонь еще не былъ зажженъ: старикъ любилъ посидѣть впотемкахъ въ передвечернее время. Это онъ называлъ „сумерничать“. Его семьяне большею частью

жили внизу, а онъ одинъ или съ гостями уходилъ иногда наверхъ. Поэтому, внизу слышались цорой голоса и стукъ дверей, а вверху было совсѣмъ тихо. Когда собесѣдники замолкали, въ комнатѣ явственно слышалось только мѣрное тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ.

— Обживешься, привыкнешь... продолжалъ старикъ.— Вотъ ужъ мы тебя женимъ, пойдутъ ребятишки и проживешь ты вѣкъ свой, какъ у Христа за пазухой. А на Петербургъ ты плюнь! Право! Ну, чего ты позабылъ тамъ? Чего тамъ хорошаго? Шумъ, гвалтъ, другъ дружку давать... даже голова закружится, какъ поскажутъ про тамошнія дѣла...

— Меня *зоветъ* отсюда... *зоветъ!* тихо, какъ-бы въ задумчивости, промолвилъ Степанъ Огоньковъ.

— Полно, полно! перебилъ его старикъ.— Все это только мысли тебя смущаютъ... буйство духа! Пустое...

Старикъ спокойно разглаживалъ на волѣняхъ свой вѣтчатый носовой платокъ. А Степанъ Огоньковъ, съ пылающимъ лицомъ и тяжело дыша, отвернулся къ окну и смотрѣлъ въ вечерній сумракъ, уже окутывавшій непроницаемой дымкой ремневскій погостъ. Только церковь, да высокая колокольня, какъ призрачныя видѣнія, бѣлѣли во мглѣ. Сильно билось сердце у Степана Огонькова, когда онъ смотрѣлъ въ эту темь...

Ему предлагаютъ жениться, обзавестись семьей, хотять приковать его здѣсь, какъ собаку на цѣпь, и за то сулятъ ему спокойствіе и миръ... Да развѣ-же онъ думаетъ о *себѣ*? Зачѣмъ ему *свой* уголь?.. Онъ будетъ бороться. Онъ будетъ раздѣлять горе и радости, надежды и тревоги своихъ бѣдныхъ братьевъ. Онъ будетъ несказанно радъ, онъ будетъ счастливъ, если ему удастся пронести хотя маленькій свѣтъ въ темное царство. Онъ понимаетъ, что Прометей страшно мучился, пригвожденный къ скалѣ, но вѣдь его муки навѣрное облегчались тѣмъ сознаниемъ, что огонь, принесенный имъ на землю, не будетъ уже отнять у людей—никѣмъ и никогда... И вдругъ среди мрака Огонькову является свѣтлая точка...

Яркій, цвѣтушій, блестящій всѣми красками молодости и здоровья, мерещится ему образъ милой, любимой дѣвушки. Зеленый малинникъ, разметавшійся во всѣ стороны и покрытый спѣлыми ягодами, зелень, цвѣты и ясное небо надъ головою, цвѣтушій

липы и бузина и влажныя, пахучія испаренья—все припомнилось Огонькову. Передъ глазами его словно пронеслась прелестная, яркая картина, только-что написанная, краски которой еще не успѣли засохнуть... Свѣтлое видѣнье мгновенно пропало, какъ мгновенно явилось. И сквозь вечерній сумракъ Огоньковъ видитъ опять передъ собой однѣ безмолвныя могилы. Неужели здѣсь, вотъ на этомъ самомъ погостѣ, суждено ему лечь раньше, чѣмъ онъ извѣдаетъ счастья и бурь? Заснуть утромъ, когда день, можетъ стать, обѣщаетъ быть прекраснымъ! Это было-бы очень тяжело...

— Пойдемъ-ка внизъ! Ужь пора чай пить! говорилъ въ заключеніе отецъ Алексѣй.

Холодомъ всегда вѣяло на Огонькова отъ этихъ „сумеречныхъ“ разговоровъ, и тоска больно щемила ему сердце...

Наконецъ, въ половинѣ октября открылась школа. По ходатайству о. Алексѣя, Степану Огонькову было разрѣшено временно исправлять должность учителя въ ремневской школѣ. Старшина также со своей стороны посодѣйствовалъ и далъ удовлетворительный отзывъ относительно политической благонамѣренности Степана Огонькова. Но общій надзоръ за школой былъ порученъ все-таки отцу Алексѣю, и даже самъ учитель былъ какъ-бы отданъ ему на поруки.

— Ну, смотри-же, парень! Не подведи меня... говорилъ ему старикъ въ день открытія школы.

Огоньковъ, молча, грустно, почти уныло посмотрѣлъ на старика.

Ну, и стали собираться въ школу ученики. И что это были за ученики, Боже ты мой! Иной пришелъ въ мамкиномъ пугаѣ съ длиннѣйшими рукавами, иной въ дырявомъ полушубкѣ, иной просто въ холодномъ зипуншкѣ, и все больше худенькіе, заморенные, съ покраснѣвшими отъ холода лицами. У нѣкоторыхъ изъ-за пазухи или изъ кармана торчали куски чернаго хлѣба; они собирали его Христа ради, идя въ школу. Дѣвочекъ было не много...

Огоньковъ, любившій дѣтей, разумѣется, занимался съ ними усердно, съ терпѣніемъ. Онъ чувствовалъ глубокую жалость и участіе къ своимъ холоднымъ и голоднымъ ученикамъ. Иногда, оставаясь одинъ, Огоньковъ вспоминалъ ихъ маленькія, худыя лица, и на глазахъ его невольно навертывались слезы... Этимъ русымъ и

бѣлокурымъ головкамъ, нечесаннымъ и немытымъ, онъ желалъ отъ всей души лучшей доли, желалъ имъ всякаго счастья. И въ то-же время онъ сознавалъ свое безсиліе сдѣлать что-нибудь въ настоящее время для того, чтобы приблизить къ своимъ нищимъ ученикамъ желаемое лучшее будущее. Это-то горькое сознаніе и выжимало на глаза его слезы...

Какъ ни усердно занимался съ дѣтьми Огоньковъ, свободнаго времени все-таки оставалось у него много. Книги были всѣ прочтены. Почтовый смотритель давалъ ему иногда читать кое-какія газеты, но вѣдь газетнымъ хламомъ жизни не наполнишь... Тоска не покидала Степана Огонькова.

Молоченье кончили, риги замолкли. Земля подмерзала и снѣгъ, порой, кружился въ воздухѣ.

— Бѣлыя мухи летать! кричали ребятишки, лова себѣ на руки снѣжные хлопья, мелькавшіе въ воздухѣ.

Первый снѣгъ выпалъ наканунѣ Михайлова дня. За ночь земля забѣлѣлась, и бѣлые пушистые клочья повисли на голыхъ вѣтвяхъ деревь... Степанъ Огоньковъ обрадовался снѣгу и послѣ обѣдни отправился берегомъ Кѣторани по направленію къ Нагорному. Берега запорошило снѣгомъ, и тихо катившіяся воды рѣки казались темнѣе обыкновеннаго. Въ воздухѣ—тихо, безмолвны окрестности, покрытыя снѣгомъ. Вотъ и Нагорное! Вотъ большой сѣрый камень поднимается изъ воды, направо береговая круча, а тамъ, высоко,—покривившійся плетень, за плетнемъ—садъ, теперь безмолвный и пустынный. Огоньковъ бродилъ по аллеямъ, заглянулъ на сѣрый домъ, прошелъ мимо малинника и присѣлъ на одну изъ скамеекъ, на которыхъ онъ часто сживалъ лѣтомъ съ Женичкой. Сухой, поломанный вѣтромъ малинникъ сѣрымъ, невзрачнымъ кустомъ торчалъ передъ нимъ. Холодно, пусто... И вспоминалось Огонькову жаркое лѣто, голубыя небеса—и такъ не давно пріятно прожитые дни. Теперь хмурия, снѣжныя облака заволакивали небо изъ края въ край. Также хмуро и сѣро было на душѣ Огонькова. Въ виду знакомыхъ мѣстъ, гдѣ Огоньковъ привыкъ видѣть ее, тоска еще больнѣе сжала ему сердце... Женичка говорила: „Приходите-же къ намъ, когда пріѣдете въ Петербургъ... Чаше мы бываемъ дома въ воскресенье вечеромъ. Приходите въ сумерки, отобѣдаемъ вмѣстѣ, потомъ я васъ чаемъ напою. Потолкуемъ“... Эти слова, точно огнемъ написанныя, теперь стоятъ передъ нимъ

Когда-то наступить для него тѣ сумерки, когда онъ пойдетъ къ ней?

Огоньковъ выкуривъ одну папиросу, другую, третью... Время было уже за полдень. А онъ все еще сидѣлъ на скамеечкѣ, сгорбившись и низко понуривъ голову. Если-бы въ эту минуту его спросили: что онъ чувствуетъ? онъ, вѣроятно, отвѣтилъ-бы: „Мнѣ тяжело!“ И этимъ онъ сказалъ-бы все... Разлука съ любимой женщиной, сознаніе одиночества, оторванности отъ близкихъ людей, неувѣренность въ будущемъ, смутныя опасенія за настоящее, грустная и убогая дѣйствительность, со всѣхъ сторонъ обступавшая его, все это, какъ тяжелымъ камнемъ, пригнетало его.

„Я больше не пойду сюда!“ говорилъ про себя Огоньковъ, уходя изъ барскаго сада. Уже вечеромъ возвратился онъ домой, голодный и усталый...

IX.

Наступила зима. Начался сборъ податей и недоимокъ. Въ деревняхъ вокругъ Ремнева стонъ стоялъ. Днемъ мужики ревѣли подъ розгами, ночью были голодные волки... Годъ выдался плохой, хлѣба едва хватило до половины Филипповокъ, а земство да исправникъ, какъ на грѣхъ, усердствовали не въ мѣру. И старшина въ ту-же дудку тянулъ...

Сѣро и тоскливо проходила для Огонькова зима. Иной разъ Огонькова брала такая одурь, что онъ отправлялся на Трошкино—къ волостному писарю въ гости.

Писарь, Афанасій Ивановичъ Трубицынъ, былъ вдовецъ, лѣтъ подъ 40, человекъ разгульнаго поведенія и такового-же образа мыслей. Онъ представлялъ изъ себя довольно дюжую фигуру съ краснымъ лицомъ и съ подслѣповатыми глазками, помутившимися отъ пьянства и разврата. Поговаривали въ деревняхъ, что онъ былъ въ „нехорошей“ болѣзни... Жилъ онъ, какъ водится, при волостномъ правленіи, и иногда по зимнимъ вечерамъ собиралась у него вся трошкинская аристократія, то-есть—старшина, почтовый смотритель, фельдшеръ, лавочники, каменщикъ-подрядчикъ, содержатель постоялаго двора—онъ-же и ка-

батчигъ, писмоводитель непремѣннаго члена, жившаго въ своей усадьбѣ, въ двухъ верстахъ отъ Трошкина, и иногда кое-кто изъ городскихъ...

Старшина, Игнатій Ермолаевъ, былъ настоящей „умственный“ мужичекъ (въ худшемъ смыслѣ слова), то-есть, ловкачъ и пройдоха, какихъ не мало стала плодить въ наше время деревня. Онъ совершенно напоминалъ собой любого петербургскаго старшаго дворника: толстый, жирный, съ самодовольной миной на лоснящемся лицѣ, съ хитрыми, лукавыми глазами, съ „галантерейнымъ“ обращеніемъ, съ тяжелымъ, увѣсистымъ кулакомъ и съ высокимъ мнѣніемъ о себѣ, какъ о нѣкоемъ спасителѣ... Фельдшеръ, Герасимъ Васильичъ Филенкинъ, среднихъ лѣтъ, средняго роста человѣчекъ, худенькій, мозглявый, съ какимъ-со сѣрымъ, невзрачнымъ лицомъ, съ сухими и нечесанными, рыжеватыми волосами, въ затасканномъ сюртугѣ, съ вѣчно прорванными локтями—изображалъ изъ себя очень жалкую, забитую, спившуюся личность. Лавочникъ, Иванъ Федоровъ—по прозванью Гладкій—былъ мѣстный франтъ и Донъ-Жуанъ; его темные волосы всегда подстрижены въ скобку и иногда даже напомажены, а усы закручены самымъ убійственнымъ образомъ; онъ ходитъ въ щегольскомъ казакинѣ и перетягиваетъ талію блестящимъ наборнымъ поясомъ, носитъ также и крахмаленныя рубахи...

Остальные обычные собесѣдники Афанасія Иваныча составляютъ лишь сѣрый фонъ для картины.

Иногда почтовый смотритель приносилъ съ собой завалышія газеты, почему-нибудь еще не взятая съ почты, тогда писарь вслухъ читалъ газеты, а затѣмъ компанія обсуждала различные вопросы. Впрочемъ, нѣкоторымъ не нравилось такое времяпрепровожденіе, и лавочникъ не разъ замѣчалъ чтецу:

— Брось, Афанасій Иванычъ! Ну, ихъ, къ лѣшему... Иной разъ, знаешь, такую газету пошлютъ, что и съ ней пропадомъ-пропадешь! Наплюй, братъ, лучше... Здоровье будетъ!

Писарь ничего не имѣлъ противъ этого. Поэтому, чаще всего передъ собесѣдниками на столѣ являлась болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ стеклянная посуда съ водкой и закуски, приличная случаю. Тутъ обсуждались разные дѣловые вопросы, рассказывались мало вѣроятныя исторіи, говорилось

много пошлостей и вздору, нестройно, нескладно запѣвались пѣсни. На этихъ вечеринкахъ присутствовала иногда Глафирка, про которую на Трошкинѣ говорили, что она „шла по рукамъ“. Это была мѣстная куртизанка, дѣвушка лѣтъ 25, сирота, выросшая въ чужихъ людяхъ, въ проголодь и въ проголодь. Высокая, довольно стройная, темноволосая, темноглазая, съ смазливимъ личикомъ, она производила на трошкинцевъ сильное впечатлѣніе. При томъ-же, одѣвалась она въ городское платье и не брезгала пунцовымъ цвѣтомъ, наряжалась со вкусомъ и умѣла нравиться. Мѣстнымъ властямъ она служила безданнымъ безпошлинно, какъ-бы отбывая своего рода натуральную повинность... Вообще-же Глафирка была женщина недалекаго ума.

Когда пирушка разгоралась, собесѣдники начинали или обниматься, или ссориться, смотря по ходу дѣлъ и по личному настроенію каждаго. Глафирку иногда безцеремонно ласкали, а иногда также безцеремонно и били, хлестали ее, чѣмъ попало. Слышались то смѣхъ, то плачь, то пѣсни, то жалобное завыванье...

Конечно, это было плохое общество, очень плохое, хуже всякой мужицкой гулянки, но все-таки это было людское общество, и Степанъ Огоньковъ не разъ бывалъ у писаря. Онъ пилъ мало и никогда не досиживалъ до конца, когда уже начинались объятія и поцѣлуи съ акомпаниментомъ ругательствъ и побоевъ... Нечего и говорить о томъ, что Огоньковъ охотнѣе сталь-бы ходить къ крестьянамъ и къ своимъ ученикамъ, чѣмъ къ писарю, но деревня была отгорожена отъ него, какъ-бы китайской стѣной. Отецъ Алексѣй, предоставляя ему мѣсто школьнаго учителя, поставилъ для него непремѣннымъ условіемъ: не ходить по деревнямъ.

— Знаю, братъ, Степа, что ты человѣкъ хорошій! говорилъ старикъ.—Знаю, что ты худого не занесешь нигуда... Оттого-то я и хлопоталъ о тебѣ! Неужто ты думаешь, что я сталь-бы хлопотать этакъ, ежели-бы былъ въ сомнѣніи насчетъ тебя! Нѣтъ, другъ... Только все-таки-же говорю тебѣ: по деревнямъ не шляйся! Семинарская исторія тебѣ повредила,—это разъ. Ну и потому, самъ знаешь, время такое... На всякаго восо смотреть, кто въ деревню ходитъ. Что будешь дѣлать... Ужь ты не выдай меня! Я, Степа, на тебя надѣюсь...

— Да вѣдь къ ученикамъ-же я могу ходить! замѣтилъ Огоньковъ.

— Только не учащай! Вотъ я про что говорю... пояснилъ о. Алексѣй.

Не таковъ былъ Степанъ Огоньковъ, чтобы измѣнить чьей-нибудь довѣренности. Онъ не могъ учинить вѣроломства въ отношеніи того, кто ему довѣрился,—кто-бы онъ ни былъ, другъ или недругъ... А вѣдь о. Алексѣй все-таки былъ для него чело-вѣкомъ доброжелательнымъ... Онъ считалъ себя нравственно „на порувахъ“ у о. Алексѣя, и поэтому долженъ былъ принять его условія и выполнить ихъ. Но такое положеніе было въ высшей степени тяжело. Постоянная борьба—борьба жестокая происходила въ Огоньковѣ. Совѣсть его говорила надвое: она настоятельно усовѣщевала не измѣнять довѣрію почтеннаго старика и въ то-же время столь-же настоятельно—нѣтъ! еще настоятельнѣе, еще громче совѣсть требовала отъ него не однихъ хорошихъ намѣреній и словъ, но и дѣла,—*настоящаго* дѣла на пользу ближняго...

Прежняя склонность къ раздумыванью надъ самимъ собой—надъ каждымъ своимъ побужденіемъ, надъ каждымъ мимолетнымъ чувствованіемъ—порою снова возвращалась къ Огонькову. И въ длинныя, зимнія ночи—въ часы тяжелой безсонницы—онъ мучился надъ неразрѣшимыми вопросами, мучился до боли, до слезъ, какъ мучились многіе другіе и до него, и послѣ него и, вѣроятно, еще будутъ мучиться долго,—однимъ словомъ, пока не переведутся на свѣтъ „загадочныя природы“...

Если Степанъ Огоньковъ обманетъ старика, онъ будетъ чело-вѣкъ безчестный. Каждый будетъ въ правѣ въ лицо назвать его безчестнымъ... Но какую-же дорогой цѣной онъ купить—въ такомъ случаѣ—хорошее мнѣніе о себѣ! Хорошее людское мнѣніе не только не излѣчитъ его болящихъ, душевныхъ ранъ, но будетъ только пуще растравлять ихъ. И Огоньковъ будетъ страдать тяжко... Онъ сохранить о себѣ добрую славу въ кружкѣ, напимѣръ, отца Алексѣя и подобныхъ ему божьихъ коровоѣ, а между тѣмъ, будетъ идти противъ себя, противъ совѣсти, противъ убѣжденій... вмѣсто хлѣба онъ будетъ подавать камень. Ему уважутъ на черное и спросятъ: „Это черное?“ А онъ отвѣтитъ: „Нѣтъ, бѣлое!“, или-же—въ лучшемъ случаѣ—промолчить. Развѣ это не подлость? Развѣ не имѣютъ права назвать его за

это человѣкомъ сугубо безчестнымъ, сугубо подлымъ?.. Отецъ Алексѣй не пускаетъ его „шляться“, можетъ быть, потому, что, дѣйствительно, самъ убѣжденъ искренно въ правотѣ своей. А онъ, Степанъ Огоньковъ, развѣ можетъ сказать про себя то-же? Нѣтъ! Онъ хуже всѣхъ ихъ—хуже писаря, хуже лавочника, хуже Глафирки! Они безсознательно или, по крайней мѣрѣ, полусознательно подаютъ людямъ камень, вмѣсто хлѣба, а Огоньковъ въ полномъ разумѣ, совершенно сознательно дѣлаетъ то-же... Это—гадко, безнравственно, низко... Не будетъ-ли онъ правъ передъ лицомъ высшей нравственности, если пожертвуетъ своимъ добрымъ именемъ и, поступая по совѣсти, пойдетъ туда, куда надо, и станетъ говорить то, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ говорить?

Человѣку съ хорошей душой и съ благими намѣреніями, но съ слабой волей, безъ характера, трудно быть прямолинейнымъ и дѣлать выборъ. Такой человѣкъ, измучившись душевными тревогами и сомнѣніями, всего чаще начинаетъ лавировать самымъ неумѣлымъ образомъ между Сциллой и Харибдой... Степанъ Огоньковъ немного измѣнялъ довѣрію отца Алексѣя и, съ другой стороны, дѣлалъ половину дѣла... И онъ мучился, сердце его обливалось кровью, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ той и передъ другой стороной,—особенно глубоко виноватымъ чувствовалъ онъ себя за недосказанное слово, за недоуѣланное дѣло... Онъ ставилъ маленькія—очень маленькія точки, какъ будто въ томъ предположеніи, что ихъ не сочтутъ за точки... Жаль было Степана Огонькова, но многое ему должно проститься, ибо онъ *много* любилъ...

Гдѣ-жъ ему было взять твердой воли и желѣзнаго упорства которыхъ не дала ему жизнь?

Также не мало смущали его и его дѣтская застѣнчивость, неувѣренность въ своихъ силахъ, въ знаніяхъ... Не даромъ-же онъ все порывался пробраться въ Петербургъ, повидаться съ людьми знающими и пополнить свои пробѣлы.

И финансовый вопросъ, къ тому-же, повергалъ его въ отчаяніе. Его учительское жалованье уплывало почти все сполна на всякія домашнія надобности. Онъ не могъ отказывать въ деньгахъ, когда онѣ были въ его кошельѣ. Онъ давалъ деньги матери, и отцу дьякону, и мужикамъ, голодавшимъ зиму со своими семьями, давалъ, конечно, понемногу—по двугривен-

ному, по полтиннику, но, все-таки, его жалованье все расходилось по рукамъ, лишь едва оставалось ему на табакъ, да и тотъ иной разъ онъ бралъ у лавочника въ долгъ. Разумѣется, Огоньковъ очень хорошо зналъ, что онъ своимъ маленькимъ учительскимъ жалованьемъ не въ состоянїи затенуть и сотой доли голодныхъ ртовъ, разбавшихся вокругъ него со всѣхъ сторонъ. Велики-ли деньги 15 рублей съ копѣйками!.. Но дѣло въ томъ, что онъ не могъ, физически не могъ отказать въ деньгахъ, когда глаза умоляюще смотрѣли на него, а губы шептали: „Голубчикъ, Степанъ Петровичъ... Ради-то Христа!“ И онъ умомъ сознавалъ и сердцемъ чувствовалъ—чувствовалъ ясно и живо до боли, что въ тѣ минуты не всуе упоминалось имя Христа. И въ ту пору онъ отдавалъ все, что у него было... Онъ, кажется, отдалъ-бы послѣднюю одежду, если-бы попросили у него.

Когда-же у Степана Огонькова кошелекъ былъ окончательно пустъ, когда онъ не могъ уже ничѣмъ подѣлиться съ просящимъ у него, тогда онъ переживалъ истинно невыразимыя муки. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, какъ виноватый, смотря на просящаго у него. У него самого въ ту минуту на глазахъ выступали слезы, и онъ стоялъ, отвернувшись въ сторону отъ просящаго, или низко понутивъ голову. Ему невыносимо тяжело было смотрѣть на своего несчастнаго брата, которому онъ не могъ ничѣмъ помочь...

Иногда ему думалось, что напрасно онъ раздаетъ направо и налѣво свои гроши. Онъ читалъ о бесплодности филантропіи и думалъ, что было-бы гораздо лучше и полезнѣе, если бы онъ, скопивъ деньги, отправился въ Петербургъ и, запасшись необходимыми знаніями, опять возвратился въ деревню. Тогда онъ могъ-бы больше сдѣлать добра людямъ, чѣмъ теперь, — своими грошевыми подачками. Но какимъ образомъ скопить деньги? Легко разсуждать о бесплодности филантропическихъ затѣй, легко критиковать ихъ въ теорїи, но трудно отрицать ихъ на практикѣ... По крайней мѣрѣ, для Степана Огонькова было-бы очень тяжело отказать просящему въ какомъ-нибудь рублѣ, только единственно потому, что онъ, Огоньковъ, признаетъ безсиліе филантропіи. Разсуждая въ теорїи, онъ имѣлъ дѣло съ отвлеченными предметами, съ мертвыми, математическими формулами, а тутъ, въ дѣйствительности, пе-

редъ нимъ болѣло, стонало и плакало живое существо,—тутъ онъ могъ дотронуться до этого существа, могъ провести рукой по его лицу, и на рукѣ его остались-бы капли слезъ... Огоньковъ не могъ пройти съ философскимъ равнодушіемъ мимо того горя, которое онъ въ силахъ былъ облегчить. Поэтому-то, отрицая въ теоріи пользу филантропіи, въ дѣйствительной жизни онъ былъ, можно сказать, идеальнымъ филантропомъ, ибо отдавалъ послѣднее нуждающимся.

У Степана Огонькова съ матерью изъ-за этого „мотовства“ выходили непріятныя столкновенія: Анна Михайловна находила, что деньгамъ вовсе не слѣдовало „уходить изъ дока“.

— Что у тебя за манера такая! съ сердцемъ ворчала она.—Кого ты удивить хочешь своей благостней? Не удивишь! Надъ тобой-же, поди, смѣются... Вотъ, молю, еще дурачекъ нашелся,—въ долгъ, безъ отдачи, даетъ!... Хм!...

— Ну, что-жь! Кому охота—и пусть смѣется! нехотя отбивался Огоньковъ.

— Вишь ты — какой богачъ выискался, подумаешь! продолжала пронизывать дьячиха. Роздаетъ, роздаетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, ровно у него гдѣ-нибудь неразмѣнный рубль лежитъ... А самому не на что сапогъ купить!

— Будетъ время—куплю! кратко отзывался сынъ.

— Куплю! съ усмѣшкой передразнивала его Анна Михайловна.—Купишь... Какъ-же! Дождидайся!... Не купить и во вѣки вѣковъ!... Съ такими порядками по-міру находишься... И что это за напасть этакая! Вѣдь, ровно, вздурѣлъ... продолжала дьячиха, уже жалобнымъ тономъ. Точно, шальной кавой, прости Господи... Напустилъ на себя дурь, да самъ-же и радуется... Думаетъ, очень хорошо! Весь вѣкъ такимъ дуракомъ прожить...

— Аминь! съ улыбкой, въ полголоса произносилъ Огоньковъ.

Но всего пуще его мучило то обстоятельство, что онъ постоянно долженъ былъ не договаривать, вынужденъ былъ ломать, коверкать свою мысль и, такъ сказать, своими собственными руками душить чувство, равшееся на волю. Огоньковъ доходилъ иногда до истинно ужаснаго состоянія, до изступ-

ленія, до галлюцинацій, до отчаянія... Въ часы бессонницы особенно онъ чувствовалъ себя несчастнымъ человѣкомъ...

Мѣсячная, звѣздная, зимняя ночь смотритъ въ окно и мерцающимъ, призрачнымъ сіяніемъ наполняетъ хату, погруженную въ безмолвіе и въ сумракъ. Голубыя полосы свѣта ложатся на полъ и озаряютъ край закоптѣлой печки. Дьячиха спала на печи, ребята—на полатахъ... Степанъ Огоньковъ лежалъ на лавкѣ, не зная ни сна, ни покоя. Вынужденное молчаніе и повсюдное безмолвіе воеругъ него его мучили, сводили съ ума. Болѣзненные желанія поднимались въ немъ... Сказать-бы когда-нибудь въ церкви проповѣдь... И, вотъ, раздвигаются передъ нимъ закоптѣлыя стѣны... Онъ стоитъ въ какой-то церкви, на амвонѣ, передъ множествомъ народа. Горятъ вездѣ свѣчи, и ихъ желтовато - красныя огоньки тихо дрожатъ и колеблются въ воздухѣ. Яркое солнце свѣтитъ въ окна... Синеватый дымъ ладана стоитъ въ воздухѣ и широкими полосами тянется отъ оконъ внутрь храма... Въ церкви—тихо... Только слышенъ одинъ голосъ, явственно, отчетливо раздающійся надъ толпой. Это онъ, Огоньковъ, говорить проповѣдь,—и что за проповѣдь! Господи Боже!... Онъ изливаетъ въ этой проповѣди всю свою наболѣвшую душу и чувствовалъ, какъ его проповѣдь—однимъ добрымъ побужденіемъ, однимъ свѣтлымъ, добрымъ чувствомъ жгла сердца всѣхъ предстоявшихъ... Огоньковъ чувствовалъ себя невыразимо легко, какое-то, неиспытанное дотолѣ, блаженство сходило на него... Мгновенье—и народъ, и храмъ, со всѣмъ его свѣтомъ и блескомъ,—пропадали, и передъ Огоньковымъ опять были только закоптѣлыя стѣны его родной хатки, погруженной въ ночныя сумраки. Только брезжущій, голубой полусвѣтъ падалъ черезъ окно на щелеватый полъ.

„Тоска, тоска!“ шепталъ про себя Огоньковъ, и медленно проходила для него зимняя ночь...

Наступили святки.

Однажды Степанъ Огоньковъ отправился на Трошкино. Наступалъ уже вечеръ, сырой и мглистый, обѣщавшій оттепель. Огоньковъ чувствовалъ себя въ крайне возбужденномъ состояніи. Сырая, тяжелая погода еще пуще угнетала его. Ему хотѣлось „вырваться на волю“ — хотя-бы на нѣсколько минутъ, хотѣлось-бы крикнуть „свое слово“... Но кому крик-

нешь его здѣсь? Пустыя, безмолвные поля, покрытыя снѣгомъ, разстилались кругомъ него... Правда, вонъ въ деревнѣ видны огоньки, тамъ живутъ люди. Да!... Но выслушаютъ-ли его эти люди?...

Такъ раздумывалъ Огоньковъ, волнуясь и колеблясь между страхомъ и надеждой, между застѣнчивостью и отвагой, все болѣе и болѣе поддаваясь очарованію своей мечты и своихъ ночныхъ видѣній. Онъ сознавалъ, какъ его думы и чувства, придавливаемые имъ самимъ въ угоду другимъ, выпрямлялись, оживали, получали силу, мощь... Съ какой-то странной, лихорадочной послѣдностью подходилъ онъ къ деревнѣ. Сердце его сильно билось. Неровная поступь, блестящіе глаза и разговоръ съ самимъ собой, веденный почти вслухъ, придавали ему сходство съ пьянымъ человѣкомъ.

На деревнѣ въ окнахъ мерцали красные огоньки. Изъ переулка доносилась пьяная, невеселая пѣсня. Слышно было, какъ ругались въ кабацѣ...

Огоньковъ зашелъ въ писарю и засталъ тамъ всю почтенную компанію. Керосиновая лампа, безъ колпака и безъ абажура, тускло свѣтила въ облакахъ ѣдкаго табачнаго дыма и неясно озаряла бѣлыя бревенчатыя стѣны довольно большой писарской комнаты. На столѣ передъ собесѣдниками стояли бутылки съ водкой и съ различными, разноцвѣтными наливками, кое-какая закуска и даже на тарелочкѣ—орѣхи и мятные пряники, до которыхъ старшина былъ большой охотникъ. Между рюмками валялись грязныя, засаленныя карты... Тутъ же у стола, на низенькой скамейкѣ, стоялъ уже давно потухшій самоваръ, весь въ какихъ-то темнозеленыхъ пятнахъ и подтекахъ... Хозяинъ и старшина выглядѣли наряднѣе обыкновеннаго; писмоводитель непремѣннаго члена щеголялъ въ новой визиткѣ и въ голубомъ галстукѣ; лавочникъ былъ въ ярко-пестромъ, плюшевомъ жилетѣ, а содержатель постоялаго двора — рыжій мужчина, съ необыкновенно краснымъ лицомъ и въ красной кумачной рубахѣ, — казался огненнымъ среди окружавшаго его табачнаго дыма; двѣ длинныя часовыя цѣпочки изъ „новаго золота“ болтались у него на груди. Только одинъ фельдшеръ, Герасимъ Васильчъ, былъ, попрежнему, въ своемъ затасканномъ скруткѣ, по прежнему не мытый, не причесанный... Глафирка, съ блестящей, стеклярусной сѣткой

на головѣ и въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, съ грязнымъ, розовымъ бантомъ на груди, сидѣла у печки въ углу, лихо закинувъ ногу на ногу и показывая, чуть не до колѣнъ, свои сѣрые шерстяные чулки. Она сидѣла съ закрытыми глазами, закинувъ голову на спинку стула, и щелкала орѣхи. Румянецъ красными пятнами выступалъ на ея молодомъ, но изможденномъ лицѣ...

Попойка началась уже давно. Когда подошелъ Огоньковъ, пирушка была уже въ самомъ разгарѣ. Раскраснѣвшія лица, пьяные возгласы, шумъ и нестройное гадѣнье,—вотъ что встрѣтилъ здѣсь Огоньковъ. Почтовая компанія привѣтствовала его дружелюбно; пьяные почему-то всегда бываютъ рады лишнему питуху; да, кромѣ того, этой компаніи уже давно хотѣлось подпоить учителя, но все какъ-то не удавалось.

— Ну, братъ, Степанъ Петровичъ, теперь ужъ не уйдешь отъ насъ... встрѣтилъ его писарь. Не уйдешь... Нѣтъ!... Зашель къ волкамъ, такъ ужъ по волчьи и вой! Да!

— Да что-жь, въ самомъ дѣлѣ, милый человѣкъ, никогда ты съ нами не выпьешь, а? проговорилъ Герасимъ Васильичъ, не то обнимая Огонькова, не то хватаясь за него, чтобы не упасть. Выпьемъ—по душѣ! А? Будь другъ... Чего-жь тутъ... Живи—живи, да и не ухни!

— Брезгуешь нами, что-ли? возгласила красная рубаха.— Али окромѣ молока ничего не потребляешь? А? Какой-же ты, послѣ этого, есть учитель? Вонъ сегодня и Глафирка полштофа высадила...

— Да! А вверхъ ногамъ еще не валяется... подтвердилъ лавочникъ.

— Ну, что вы, господа, на него навалились-то! вступился старшина.—Дайте ему опомниться-то... Человѣкъ не успѣлъ войти, а они ужъ и налетѣли на него... Герасимъ Васильичъ! Да полно-же трести-то его... Чего ты, пьяная морда, лѣзешь?...

— А зачѣмъ онъ не пьетъ съ нами? Зачѣмъ онъ брезгуетъ нашей компаніей... заплетаясь и путаясь, возражалъ Герасимъ Васильичъ.—Онъ учитель, такъ значить... значить, и надо учить его...

— Я, господа, нисколько не брезгую... заговорилъ Огоньковъ, улучивъ удобную минуту, чтобы сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Сегодня, для правдника, я выпить не прочь...

— Ну, вотъ такъ-то лучше! Выпьемъ-ка! подхватилъ Игнатій Ермолаевъ, самъ подавая ему стаканчикъ и чюбаясь.

Огоньковъ, самымъ неумѣльнымъ образомъ, опорожнилъ стаканчикъ и завашлялся.

— Хе, хе! подсмѣивался писарь и потрепалъ его по плечу.—Первый стаканчикъ ребромъ, второй—соколомъ, а третій—мелкой пташкой... Ничего, обойдется!

— Обойдется! поддакнула красная рубаха.

Огоньковъ былъ положительно оглушенъ встрѣтившими его возгласами и гамомъ. Водка, выпитая имъ съ непривычки, еще пуще ошеломила его. Ему чудилось, что вся внутренность его въ огнѣ, и голова его заходила ходенемъ... Но его не оставляли въ покоѣ. Едва лишь онъ началъ приходить въ себя, какъ писарь опять заставилъ его „выпить съ нимъ за компанію“. Потомъ присталъ къ нему письмоводитель: выпей, да выпей! — и третій стаканчикъ выпилъ Огоньковъ. Хмѣль пшкбо разбиралъ его... Шумъ и крики пировавшей компаніи уже доносились до него словно издалека. При свѣтѣ мерцающей лампы, въ облакахъ сѣраго табачнаго дыма, онъ неясно различалъ разкрасѣвшіяся лица, растрепанные волосы, красную рубаху и зеленое глафиркино платье съ розовымъ бантомъ... Съ полчаса Огоньковъ просидѣлъ въ какомъ-то полузабытѣ, не то засыпая порой, не то бодрствуя. Собесѣдники совсѣмъ, было, ужъ позабыли объ его присутствіи... Но тутъ, неожиданно для Огонькова, — обуяла имъ отчаянная храбрость. Вдругъ онъ поднялся съ мѣста и, пошатываясь, но рѣшительно, подошелъ къ столу.

— Господа! Я хочу сказать рѣчь! крикнулъ онъ, съ силой опираясь на столъ обѣими руками.

Глаза его горѣли, лице было блѣдно и бѣлокурныя пряди волосъ сбились на лобъ.

— Чего— „рѣчь“... Ну, тебя въ лѣшему... забушевала красная рубаха. Надо-бы дѣвокъ позвать...

— Нѣтъ, лучше-бы въ стуюлку перекинуть... предложилъ лавочникъ.

Но нѣкоторые изъ собесѣдниковъ заинтересовались тѣмъ, что скажетъ захмѣлѣвшій учитель. Въ числѣ заинтересовавшихся былъ и старшина.

— Валай, братъ! крикнулъ онъ Огонькову, махнувъ ру-

кой, и выразительно толенуль писаря локтемъ: „дескать, малый-то совсѣмъ готовъ“.—Валяй... А мы послушаемъ! повторилъ онъ, съ самодовольствомъ откидываясь на спинку стула и приготовляясь слушать.

Глафирка подняла голову и, пригорюнившись, смотрѣла на Огонькова своими пьяными, посоловѣвшими глазами. Герасимъ Васильичъ, разставивъ ноги и заложивъ руки за спину, въ выжидающей позѣ стоялъ позади оратора. Лавочникъ сидѣлъ, обнявшись съ красной рубахой. Письмоводитель склонилъ на столъ отяжелѣвшую голову и сопѣлъ себѣ подъ носъ. Писарь грузно облокотился на столъ... Всѣ ожидали „рѣчи“, какъ точно какого-нибудь представленія.

Огоньковъ началъ неувѣренно, сбивчиво, но скоро поборолъ свою застѣнчивость и, очертя голову, ухватился за самую *суть*. Каждое слово его дышало глубокимъ чувствомъ, самою задушевною искренностью.

— Я хотѣлъ-бы, господа, чтобы каждое мое слово запало вамъ въ душу... дрожащимъ голосомъ заговорилъ Степанъ Огоньковъ, еще сильнѣе упираясь руками въ столъ и оглядывая своихъ слушателей.—Да! Непремѣнно... именно, чтобы запало... Иные говорятъ, что вы—свины. Но это—неправда! Вы—люди... но вы темные, жалкіе люди. Вы иногда ужасно похожи на скотовъ, это—такъ... но вы все-таки-же—не скотина. Это—вѣрно... (Нѣкоторые изъ слушателей съ улыбкой переглянулись). Многие изъ васъ сами не знаютъ, что дѣлаютъ... Да! Не знаютъ... Ну, вотъ хоть теперь... вы думаете, что пьете малинную наливку? Нѣтъ! (Огоньковъ указалъ на недопитыя рюмки). Это—не наливка, это—кровь... кровь человѣческую вы пьете... Вотъ я вамъ сейчасъ скажу. . Вы сами увидите! Начну хоть съ тебя, старшина... со старшаго! Ты что дѣлаешь? Ну-ка, посмотри намъ въ глаза... (Писарь локтемъ толкнулъ старшину: „Вотъ, моль, комедія!“ Старшина провапшлялся и съ усмѣшкой мелко посмотрѣлъ на оратора). Не чисты твои руки! Всѣ мы знаемъ, что къ твоимъ рукамъ пристаеетъ не мало трудовыхъ крестьянскихъ денежекъ. Мужичей потъ, и слезы, и капли крови остаются на твоихъ рукахъ... Вотъ недавно еще эта исторія съ Марфушкой Пашуновской. Ну, за что ты проморилъ три дня въ „холодной“ эту бабѣ? За что? Что она тебѣ сдѣлала? Помѣшала она тебѣ?.. Она только не сдавалась — не хотѣла идти на

грѣхъ съ тобой. Покайся, старшина! (Писарь заворчалъ: „Что-жь это за рѣчь такая!“ Старшину передернуло, но онъ не подавъ виду, что обидѣлся—и тихо засмѣялся, махнувъ рукой: „Потѣха, моль“!) А ты, писарь, не ворчи! Ты тоже грѣшенъ — не меньше насъ... Ты радъ всячески притѣснить мужика. За трешницу ты всякій законъ перевернешь по своему... У тебя съ Алексахой старые счеты были, такъ ты его подъ розги подведь... А за что ты въ прошлый разъ — у почтоваго смотрителя на вечеринкѣ — Глафирку отхлесталъ? За что ты срамишь ее? Ты сильнѣе ея, а она — бѣдная дѣвка, совершенно беззащитная... Ты знаешь, что за нее на всемъ свѣтѣ ни одна собака не вступится. Вотъ ты и куражишься надъ ней... Да! Ты ужъ не одну дѣвку испортилъ... (Писарь побагровѣлъ и съ ожесточеніемъ плюнулъ въ сторону). А ты, фельдшеръ, человѣкъ — не злой, и притѣснять тебѣ некого... Это такъ! обратился Огоньковъ къ Герасиму Васильчу, выглядывавшему изъ-за его плеча. Но и у тебя есть грѣхи... Дѣтки дома сидятъ голодныя, жена больная, плачетъ, мается съ ними, а ты пьянствуешь, послѣднія копейки пропиваешь... („Правда! Чистая правда!“ со вздохомъ пролепеталъ Герасимъ Васильчъ, опустилсѣ на стулъ и понурился, словно удрученный угрызениями совѣсти). А ты, писмоводитель, тоже—пьяница, да еще взяточникъ! Отъ тебя тоже плачетъ народъ. Ты мать родную прогналъ! Самъ живешь въ барскомъ домѣ, какъ баринъ, франтишь, паряжаешься, а мать-старуха по міру ходитъ... (Писмоводитель, вмѣсто улыбки, скорчилъ какую-то гримасу и поправилъ свой голубенькій галстухъ). Ты, красная рубаха, народъ православный спаиваешь... безсовѣстнымъ образомъ спаиваешь! (Кабатчикъ потянулся и зѣвнулъ съ видомъ скучающаго человѣка). А ты, лавочникъ, обираешь живаго и мертваго, насчитываешь на безграмотнаго человѣка, радъ послѣднюю рубаху содрать съ бѣднаго человѣка! (Лавочникъ не шелохнулся, точно не про него и рѣчь шла). Осенью, о праздникѣ, я слышалъ, какъ ты, Глафира, ругалась... Срамъ! Какъ у тебя языкъ поворачивался на такія слова... точно, у тебя матери не было! Ты что дѣлаешь? Ты—дѣвка еще молодая, здоровая, могла-бы работать за двоихъ, а ты, вмѣсто того, занимаешься распутствомъ... (Глафирка затаила дыханіе и не подавала признака жизни. Думали, что она—спитъ...) А я... при этихъ словахъ Огоньковъ выпрямился. Я—не лучше васъ, а

еще, можетъ быть, похуже буду... Я всю жизнь живу на чужой счетъ, а добра еще никому и на столько не сдѣлалъ! (Ораторъ указалъ на кончикъ мизинца). Покаемся, братья! Всѣ мы грѣшны, всѣ... Теперъ мы пьемъ, да кантуемъ, а каково мужику? Годъ нынче былъ плохой. Еще до Рождества послѣдній хлѣбъ доѣли... Люди плачутся. А мы пѣсни поемъ... Тамъ ужъ послѣднюю овцу со двора свели, а у насъ пиры, да пляски. Мы еще думаемъ: нельзя-ли какъ-нибудь ухитриться—нищаго обокрасть... Страшное дѣло!.. Братья! (Голосъ оратора при этомъ замѣтно дрогнулъ). Братья! Возлюбимъ ближняго, какъ любимъ самихъ себя! Послушайте! Это не я выдумалъ... Это сказано въ Евангеліи, въ той книгѣ, которую въ церкви каждое воскресенье дьяконъ читаетъ на амвонѣ... Какъ будто не про насъ читаетъ! Бросимъ грошъ сторожу на блюдо, потрясемъ водосъями-то передъ образами, да и думаемъ: шабашъ! сдѣлали свое дѣло... Какъ-же!.. Мы себя, да другихъ только обманываемъ. Ровдавать грошники, да куски черстваго хлѣба нищимъ,— это еще не значить любить ближнихъ, совсѣмъ не значить... Наше сердце кровью не обливается, намъ и горя мало, что ближніе стонутъ вкругомъ насъ. Мы только помышляемъ о себѣ и думаемъ, что мы счастливы. Какое это счастье! Не веселы наши пѣсни... Только и смотри, чтобы на тебя кто-нибудь бѣды не навлекалъ. Нѣтъ, братья! Во истину возлюбимъ другъ друга... *справду* возлюбимъ, не на словахъ, на дѣлѣ! Не станемъ обижать слабыхъ, не станемъ подкапываться другъ подъ друга, станемъ дѣлиться съ бѣдными всѣмъ, всѣмъ, что у насъ есть — и заживемъ мы, какъ дѣти одной матери, какъ родные братья... И начнемъ мы такую жизнь теперь же, — вотъ сей-часъ, сію минуту. Послушайте!.. Вы не вѣрите..

— Полно молоть-то! Будетъ тебѣ... кривуль писарь, съ шумомъ поднимаясь съ мѣста.

Влѣднѣй, какъ полотно, съ блестящими глазами, стоялъ Огоньковъ, упираясь одной рукой въ столъ, а другою вдохновенно указывая куда-то вдаль, гдѣ, словно, онъ уже видѣлъ великое множество людей, *справду* любящихъ другъ друга. Онъ былъ въ какомъ-то упоеніи, и бревенчатыя стѣны, и пьяные собесѣдники, и все близко окружавшее его, казалось, на мгновеніе исчезло у него изъ глазъ. Восклицаніе писаря подѣй-

ствовало на него такъ-же, какъ дѣйствуетъ крикъ на лунатика. Онъ какъ-бы пришелъ въ себя и вдругъ почувствовалъ страшную усталость. Возбужденіе пропало, наступила реакція... Онъ чувствовалъ себя сброшеннымъ съ высоты — прямо въ грязь, и сознание, что его какая-то невѣдомая сила тянетъ книзу, съ болью пробѣжало въ его отуманенной головѣ и обдало такимъ холодомъ, какого Огоньковъ еще никогда не испытывалъ въ самые лютые морозы. Онъ не сѣлъ, а словно свалился на стулъ точно подкошенный. Онъ въ безсиліи опустилъ голову на столъ; голова стукнулась.

— Малый-то захмѣлѣлъ... съ непривычки! спокойно проговорилъ старшина.

— Надоѣлъ до смерти... заворчала красная рубаха.—Экая забава, подумаешь!

— Ровно, съ цѣпи сорвался! замѣтилъ лавочникъ, громко расхохотавшись. Вотъ-то лѣшегонъ, прости Господи... И чего онъ тутъ нагородилъ! Ровно, какую проповѣдь отчиталь... Ахъ, чтобъ его!

И лавочникъ долго не могъ унять себя отъ хохоту.

Фельдшеръ подошелъ къ Огонькову и навалился на него, попріятельски хлопая его по плечу.

— Нѣтъ, Степанъ Петровичъ! безсвязно бормоталъ онъ. Это ты вѣрно... Всѣ мы — свиньи! Подлмя свиньи... Не такъ бы еще насъ надо... а принять-бы насъ хорошенько въ два кнута... Вотъ!

— Ты еще не вздумай рѣчи говорить! строго замѣтилъ ему писарь.—Смотри! Живо на улицу вытряхну... Побаловались—и довольно!

Глафирка, сгорбившись и понуривъ голову, попрежнему сидѣла въ уголку, закрывъ лицо руками. Она тихо плакала. Слезы катились у нея между пальцами и падали на ея зеленое платье и на смятый розовый бантъ...

— Не перекинуть-ли въ стуюлку? предложилъ лавочникъ,— и предложеніе его было принято.

Мѣдяки и серебро зазвенѣли по столу, запуршали ассигнаціи. Игроки горячились, спорили; порой гомерическій хохотъ раздавался по комнатѣ, порой вырывалось крѣпкое ругательное слово. Лавочникъ осипшимъ голосомъ нескладно, неладно затанулъ пѣсню:

„Отшабили портной шубу,
Вышелъ разгуляться;
Онъ чугунный мостъ прошелъ,
Повернулъ налѣво.
Обернулся онъ назадъ:
Видитъ, идетъ двѣа“...

Кабатчикъ стоялъ среди комнаты, подбоченившись, и тоненькимъ, визгливымъ голосомъ подхватилъ:

„Вижу, вижу въ чемъ одѣта,
Во черномъ кашотѣ —
По своей охотѣ“!..

Лавочникъ отъ полноты восторга даже какъ-то заржалъ... Писарь приказывалъ Глафирѣ въ плясать, та отказывалась. Бѣлила и румяны, размыты слезами, затѣйливыми узорами покрыли ея лицо. Ея заплаканные глаза были красны, брови нахмурились. Писарь предлагалъ „поучить“ ее, но старшина махнулъ рукой: „брось, молъ!..“

Всѣ эти разговоры, пѣсни и крики смутно, точно изъ другого міра, доходили до Огонькова. Долго онъ не могъ опомниться: гдѣ онъ? что съ нимъ? кто вокругъ него?..

Поздно ночью тащился онъ домой, спотыкаясь и пошатываясь. Опять пустыя, безмолвныя, снѣгомъ занесенныя поля раскидывались кругомъ него. Огонькову припомнилось стихотвореніе о проповѣдникѣ „Бедѣ-Слѣпомъ“... Когда Беда кончилъ свою проповѣдь въ пустынѣ, то тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть «Аминь!» ему грянули камни въ отвѣтъ... А онъ, Степанъ Огоньковъ? Онъ осмѣянъ, поруганъ... Онъ, оказывается, „молоть“ все вздоръ... Вздоръ! Неужели это—такъ?... Огоньковъ судорожно схватился за голову. Въ немъ было слишкомъ много доброты и кротости, слишкомъ много любви—для того, чтобы вмѣстѣ съ ожесточившимся поэтомъ бросить въ лицо людямъ фразу: „Такъ, грызите, плотоядные, до одинаго, какъ псы!“ Но, все-таки, горькое, очень горькое чувство щемило ему сердце...

Огоньковъ уже подходилъ къ Ремневу. Въ это время старый Трофимычъ, съ просонокъ, билъ двѣнадцать часовъ, хотя было гораздо позже. И звуки надтреснутаго колокола глухо и уныло разносились по окрестности. Огоньковъ вздрогнулъ... Бѣлая колокольня, какъ призракъ, поднималась надъ погостомъ. Неужели здѣсь—вотъ на этомъ самомъ погостѣ—суж-

дено ему сложить, вмѣстѣ со своей горячей головой, и всѣ свои надежды и упования? Неужели онъ весь вѣкъ проживеть, ничего не сдѣлавъ, и умереть „никчemuшнымъ“ человекомъ?.. И съ той минуты темная тѣнь глубоко залегла ему на душу.

Х.

Зима для Огонькова проходила тоскливо. Усердно занимался онъ въ школѣ, сидѣлъ дома, забавляя ребятешекъ. Когда-же его, положительно, брала одурь, онъ бродилъ по сосѣднимъ деревнямъ, вопреки увѣщаніямъ отца Алексѣя, заходилъ на Трошкино къ писарю, по цѣлымъ часамъ болталъ съ лавочникомъ или съ его женой, нѣсколько разъ напивался до пьяна, но никакихъ „рѣчей“ уже не произносилъ, рта не раскрывалъ, но молча пилъ, пилъ, а ночью, возвратившись домой подъ хмѣлькомъ, горько плакалъ, уткнувшись въ подушку... Опъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Жалованье получалось, хотя иногда и съ небольшими задержками, и расходилось все до копѣйки за-долго до конца мѣсяца. Степану Огонькову не предвидѣлось возможности вырваться изъ Ремнева. А между тѣмъ, не трудно было-бы скопить деньги на дорогу: лишь стоило ихъ крѣпче зажать въ кулакъ... Для того надо было немного силы, но этой жестокой силы не хватало у Степана Огонькова... Молва о его добротѣ и незлобіи уже прошла въ околodeѣ.

— Мухи не обидитъ, говорили про него въ деревняхъ.

Трошкинская аристократія, послѣ знаменитой святочной „рѣчи“, считала его чудакомъ, чѣмъ-то въ родѣ дурачка, нѣсмысли. Мать прямо звала его Акимшей-простотой. Даже инымъ изъ крестьянъ, знавшимъ его, онъ казался чуднымъ...

Темная, зимняя пора прошла. Пришла весна и рассыпала надъ землей свой блескъ и свѣтъ. Ручьи текли по полямъ, зеленѣла травка и въ ней цвѣты пестрѣли. По утрамъ жаворонокъ запѣлъ въ голубомъ небѣ... И свѣтлой вереницей поплыли надъ землей ясные, сіяющіе дни, и тихіе вечера съ розовыми зорями, и благодатныя ночи.

Огоньковъ былъ молодъ, выносливъ. Вмѣстѣ съ зимнимъ мракомъ, вмѣстѣ съ длинными, темными ночами, казалось,

слетѣли и съ его души всѣ зловѣщія тѣни. Онъ ожилъ—заодно съ травой и цвѣтами—подъ дуновеніемъ теплаго, весенняго вѣтерка. Онъ опять надѣялся и, выходя порой въ поле, бодрѣе, веселѣе смотрѣлъ въ сіяющую даль... Всѣ эти безобразныя, ночныя пирушки, въ чаду табачнаго дыма, съ водкой и картами, исчезли, прошли безслѣдно вмѣстѣ съ зимнимъ мракомъ.. Безслѣдно-ли? Нѣтъ! Бываютъ минуты, когда Огоньковъ—посреди цвѣтущаго, великолѣпнаго праздника природы—чувствуетъ живѣйшее безпокойство... Темные призраки унынія и сомнѣній преслѣдуютъ его и теперь, подѣ лучами яркаго солнца, подѣ ярко блещущими небесами.

Вдругъ до него дошли слухи, что госпожа Гречулева пріѣхала въ свое Нагорное, но пріѣхала на этотъ разъ безъ Женички,—„съ однимъ барченкомъ“, какъ говорила старуха, общавшая эту новость. Женичка, можетъ быть, пріѣдетъ позже,—раздумывалъ себѣ въ утѣшеніе Огоньковъ. Дня черезъ три онъ отправился въ Нагорное, гдѣ мелькомъ видѣлъ своего бывшаго ученика и имѣлъ разговоръ съ *m-me* Гречулевой. Разговоръ, конечно, не вязался, валился черезъ пень—черезъ володу, и Огоньковъ былъ уже самъ не радъ, что разлетѣлся сюда. Надежда Павловна за это время еще пуще растолѣла... Отмахиваясь отъ мухъ, вздыхая и охая, отрывочно и кое-какъ рассказала она Огонькову, что Женичка нынѣшнее лѣто гостить въ Крыму, у своей замужней подруги, что сама, Надежда Павловна, пріѣхала въ деревню не на долго, недѣли на двѣ—на три, и тоже отправляется на югъ. Огонькову было невыносимо грустно и тяжело видѣть эти знакомыя комнаты, эту столовую, гдѣ Женичка въ первый разъ поила его чаемъ, а онъ робѣлъ и конфузился. И страстно желалъ онъ, чтобы несбыточное осуществилось... И чудилось ему: отворится дверь и явится *она*—красивая, здоровая, съ румянцемъ на щекахъ, въ своемъ прелестномъ малороссійскомъ костюмѣ, въ какомъ она запомнилась ему. *Она* подойдетъ къ нему, взглянетъ, подастъ руку и ласково заговорить съ нимъ... Все такъ-же, все то-же вокругъ Огонькова, только *ея* не достаетъ. Такое-же голубое небо раскидывается надъ зеленѣющимъ садомъ; такъ-же цвѣтутъ въ саду акаціи, и липы, и бузина...

Точно съ похоронъ возвратился Огоньковъ изъ Нагорнаго. Ни разу болѣе не ходилъ онъ въ *m-me* Гречулевой...

И опять лѣто прошло, опять наступила осень... Опять у Степана Огонькова нѣтъ въ карманѣ денегъ. Тотъ просить на сѣмена, тотъ—на хлѣбъ, а мать-старуха ворчитъ, что Степанъ ей мало удѣляетъ, а все раздаетъ деньги направо и налево. Анна Михайловна говорила неправду: по крайней мѣрѣ, половина сыновняго жалованья перепадала ей въ руки...

Сентябрь былъ уже на дворѣ. Небо нахмурилось, нахмурился и Степанъ Огоньковъ... Значить, ему не вырваться изъ Ремнева во вѣки вѣковъ? Опять наступятъ длинные, зимніе вечера... Опять—попойки у писаря, карточная игра и всякое дебоширство, а дома—смертельная тоска. Огоньковъ приунылъ... Занятія въ школѣ еще не начинались. Его любимой привычкой сдѣлалось съ нѣкотораго времени ходить на берегъ Кѣторани, садиться тамъ на бугоръ и смотрѣть на дорогу, уходящую въ лѣсъ. Эта дорога вела въ городъ и далѣе—въ Петербургъ, гдѣ были люди, нужные Огонькову. По этой дорожкѣ, годъ тому назадъ, съ надеждами, бодро подходилъ онъ къ Ремневу... Огоньковъ ходилъ, какъ въ воду опущенный. Порой ему казалось, что въ самомъ скоромъ времени должно было неминуемо совершиться *что-то* особенное, *что-то* необыкновенное или въ его личной жизни, или вообще... Словно камень висѣлъ надъ его головой, поминутно угрожая сорваться и придавить его. Такое угнетенное состояніе духа заставляло сильно страдать Степана Огонькова. И прежде не разъ нападала на него тоска, но никогда еще душа его не блуждала въ такомъ безысходномъ, безпросвѣтномъ мракѣ...

Повидимому, характеръ его начиналъ портиться. Огоньковъ дѣлался нетерпѣливъ, раздражителенъ и старательно уединялся отъ общества.

Около половины сентября старая дьячиха отправилась на богомолье въ женскій монастырь. Степанъ Огоньковъ остался одинъ съ ребятами... Онъ давно уже пересталъ разсказывать Олѣ сказки и не игралъ съ Васей. Хмуро, не весело посматривалъ онъ на ребятъ. „Кто удержитъ меня въ Ремневѣ?“ спрашивалъ онъ себя.—„Мать не удержитъ меня... Она и безъ меня проживетъ. Ей уже общали мѣсто просвирни... Деревенскій людъ не вымогаетъ у меня денегъ насильно; могу дать и не дать ему... Но, ребята... Ребята—вотъ кто меня держитъ здѣсь! Они меня путаютъ. Какъ ихъ бросишь!...“

За все это время онъ кормилъ, поилъ и одѣвалъ ихъ. Огоньковъ, конечно, не жалѣеть объ этомъ. Онъ вѣдь любить этихъ ребятъ... Но, все-таки, какъ-же ему быть со своими дальнѣйшими планами? Нельзя всю жизнь быть нянькой—и только нянькой... Онъ долженъ отказаться отъ личныхъ привязанностей, долженъ уйти отсюда и возвратиться съ знаніемъ, съ силой. Не головнымъ, не рассудочнымъ, холоднымъ тономъ говорилъ онъ, что ему надо уйти отсюда. Нѣтъ! Въ этомъ желаніи сказывалось его живое и горячее, страстное чувство. Въ немъ все пуще заговаривало жгучее желаніе—порвать пути, удерживавшія его въ Ремневѣ, порвать пути и уйти, убѣжать отсюда...

Тяжелый, туманный день склонялся къ вечеру. Сѣрня облака тихо ползли надъ погостомъ. Деревья полуобнаженныхъ, кое-гдѣ покрытыхъ пожелтѣлымъ листомъ, неподвижно стояли, опустивъ уныло свои вѣтви. Сѣровато-свинцовый оттѣнокъ лежалъ на всемъ—на небѣ и на землѣ. Начиналъ накрапывать дождь, но пересталъ. Въ воздухѣ стояло затишье...

Была суббота. Старый Трофимычъ на погостѣ копалъ для кого-то могилу. Степанъ Огоньковъ, сидя у окна, слѣдилъ за тѣмъ, какъ Трофимычъ лѣниво выбрасывалъ засгупомъ комья сырой глинистой земли. „Жилище готовить для кого-то!“ думалъ Огоньковъ и потеръ себѣ лобъ. Съ утра онъ чувствовалъ себя не хорошо; словно, какая-то непонятная тяжесть давила и давила его. Онъ разсѣянно смотрѣлъ въ окно и вздыхалъ...

Ребята сидѣли въ избѣ и о чемъ-то болтали между собой, но Огоньковъ ихъ не слушалъ.

— Дядя! У дьякона сегодня баню топили... заговорила дѣвочка, подходя къ нему.—Ты не пойдешь?

Огоньковъ перевелъ глаза на ребятъ, повидимому, не безъ труда, и задумчиво, молча, посмотрѣлъ на нихъ.

— Ну, что-жь! Не пойдешь? переспросила Оля.

— Нѣтъ! Не пойду... пробормоталъ Огоньковъ, продолжая все задумчиво посматривать на ребятъ.

— Отчего, дядя? А? приступала Оля, теребя его за руку.

— Не пойду! повторялъ тотъ, какъ будто не слыша, что говорить ему дѣвочка.

Его красноватые, мутные глаза неподвижно уставились

на ребята. Губы сжались, какъ-бы подъ впечатлѣніемъ сильной физической боли; на лбу явственно обозначилась морщина...

— Ну, какой!.. съ неудовольствіемъ промолвила Оля и пошла отъ Огонькова.

А онъ съ какою-то внезапною, дикою ненавистью смотрѣлъ на нее и на ея маленькаго братишку. Въ нихъ онъ видѣлъ теперь пути, привязывавшія его къ Ремневу. Вырваться, вырваться, во что-бы то ни стало... Уничтожить пути! Да, непремѣнно... Вдругъ Огоньковъ заломилъ руки на голову и съ силой потянулся. Потомъ онъ такъ крѣпко сжалъ руки, что даже пальцы хрустнули. Потомъ онъ тихо засмѣялся, какъ-бы въ отвѣтъ на какую-то мысль, явившуюся въ его умѣ, и вдругъ тяжело, тяжело вздохнулъ... Дѣти примолели, и въ избѣ было тихо—такъ-же, какъ на улицѣ.

Тутъ произошло что-то невѣроятное, необычайное, нѣчто такое, что скорѣе походило на ужасную фантазмагорію, чѣмъ на дѣйствительность. Впослѣдствіи Степанъ Огоньковъ говорилъ, что онъ совершенно не помнитъ, что онъ думалъ и чувствовалъ въ тѣ минуты, какъ будто эти минуты были окончательно выхвачены изъ его жизни... Онъ всталъ съ лавки, взялъ Васю подъ мышки, какъ часто, играя, нашивалъ его, схватилъ дѣвочку за руку и торопливо потащилъ ихъ изъ избы.

— Дядя! А, дядя? Ты куда? приставала Оля.

— Молчи! Молчите! шопотомъ пробормоталъ онъ такъ, что дѣвочка едва его разслышала.

Потомъ она рассказывала, что ее очень испугало молчаніе дяди, его крѣпко сжатія губы и его поблѣднѣвшее, совсѣмъ бѣлое лицо,— „точно оно мѣломъ было намазано“. Дѣвочку еще поразило то обстоятельство, что дядя въ эти минуты не смотрѣлъ на нихъ, а „воззрился“ какъ будто куда-то въ даль. За руку ее дядя держалъ крѣпко и шелъ такъ скоро, что ноги ея чуть не волочились по землѣ. Она никогда прежде не думала, что у дяди столько силы...

— Дядинька! Мнѣ больно! испуганно проговорила дѣвочка.

Тутъ и Вася, было, захныкалъ, глядя на сестру: онъ тоже не понималъ, куда его тащатъ—и испугался...

— Молчи! Молчи! безсвязно шепталъ Огоньковъ, сбѣжалъ съ крыльца и, очутившись на улицѣ, на минуту остановился, какъ вкопанный, все прямо смотря впередъ—передъ собой.

А прямо передъ нимъ былъ колодецъ, съ ветхимъ, позеленѣвшимъ срубомъ. Огоньковъ—къ нему... Колодецъ, словно, вывелъ его изъ недоумѣнія и указалъ—что ему дѣлать. И Степанъ Огоньковъ—этотъ кроткій, незлобивый человѣкъ, едва-ли когда-нибудь умышленно обидѣвшій своего ближняго, человѣкъ, по общему признанію, мухи не убившій, не колеблясь, словно въ бреду, шелъ на страшное дѣло... И шелъ онъ на это дѣло съ такою рѣшимостью, какой еще никогда прежде не замѣчалось въ его поступкахъ... Подойдя къ краю колодца, одною рукою онъ подхватилъ мальчугана и бросилъ его въ темное, зіявшее отверстіе, словно этотъ мальчуганъ былъ какая-нибудь кувла, а не Вася, не живое существо, нѣжно любимое имъ. Дѣвочка потомъ говорила, что „у Васи только головка мельгнула“ и что въ ту пору въ лицѣ „дядиньки ни одна жилва не дрогнула... Онъ преспокойно бросилъ Васю, какъ будто и дѣло сдѣлалъ“.

Изъ колодца послышался жалобный, дрожащій голосъ.

Тогда Степанъ Огоньковъ, все не выпуская Олю изъ рукъ схватилъ ее и приподнялъ ее надъ срубомъ. Дѣвочка закричала стала защищаться, упираясь ногами въ ослизлыя бревна колодезнаго сруба: тогда онъ началъ, по словамъ Оли, „ломать“ ее и „поворачивалъ ее, ровно медвѣдь“... Въ это время работница отца Алексѣя шла за водой, издали еще увидала сцену, происшедшую у колодца, и закричала благимъ матомъ. Къ колодцу прибѣжали отецъ дьяконъ съ сыномъ, церковный сторожъ и какой-то изъ сосѣдней деревни мужичекъ, случившійся въ эту пору у церкви. Дѣвочку вырвали безъ всякаго труда изъ рукъ Огонькова, да онъ, впрочемъ, и не думалъ бороться, а его самого оттолкнули отъ колодца. Дьяконъ обмоталъ веревкой своего сына—мальчика лѣтъ 15-и опустилъ его въ колодецъ за Васей... А Степанъ Огоньковъ, понурившись, неровною, колеблющеюся походкой отправился въ хату, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вася отдѣлался еще довольно счастливо: онъ попалъ на выдвинутыя бревна и уцѣпился за нихъ рученками, такимъ образомъ, онъ только по поясъ опустился въ студеную воду. Разумѣется, ребенокъ не могъ-бы долго продержаться въ такомъ по-

лувисячемъ положеніи, почти на однѣхъ рукахъ, и навѣрное сорвался-бы въ воду и утонулъ, если-бы не подали ему скоро помощь. Падая, онъ только сильно расшибъ себѣ голову о срубъ... Когда его вытащили, голова его была въ крови.

Сторожъ побѣжалъ въ банку къ о. Алексѣю и сообщил о случившемся. Старикъ былъ ошеломленъ...

— Да что это онъ! Съ ума сошелъ, что-ли? бормоталъ о. Алексѣй, торопливо натягивая на себя подрясникъ и дрожащими руками застегивая воротъ у рубахи. — Вотъ грѣхъ... Господи Боже! Сегодня вѣдь я видѣлъ его, говорилъ еще съ нимъ...

Отецъ Алексѣй по своему любилъ Степана Огонькова—этого кроткаго, доброжелательнаго юношу. Да кто-жь его не любилъ! Послѣдняя деревенская собака любила его... Священникъ сильно волновался, идя къ дьячихиной хатѣ, куда укрылся преступникъ послѣ покушенія; старикъ, просто, ума не могъ приложить: что такое произошло съ Огоньковымъ. Отъ кого другого—отъ него-то ужъ нельзя было ожидать ничего подобнаго... Такой смиренный, кроткій, любящій человѣкъ, всегда особенно нѣжный къ дѣтямъ—и вдругъ бросаетъ ребятъ въ колодець, какъ котятъ. Въ этомъ было что-то такое чудовищное, что вовсе казалось неправдоподобнымъ, невѣроятнымъ. А между тѣмъ, свидѣтели—на лицо... „Этакой исторіи нарочно не выдумаетъ, думай хоть сто лѣтъ!“ рѣшилъ про себя отецъ Алексѣй, совершенно запутавшись въ явныхъ для него противорѣчійхъ.

Когда онъ, въ сопровожденіи сторожа, вошелъ въ хату, Степанъ Огоньковъ одинъ сидѣлъ у окна, низко понуривъ свою взъерошенную голову, весь какъ-то опустившись и въ безсиліи сложивъ руки на колѣняхъ. Глядя на такую позу, можно было подумать, что на человѣка навалилась какая-то чрезмѣрная, страшная тяжесть, не дававшая ему возможности выпрямиться и посмотреть вверхъ. Огоньковъ былъ блѣденъ и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Его дыханіе было тяжело и прерывисто. Его опущенные глаза, полузакрытые дрожащими рѣсницами, упорно смотрѣли въ полъ. Онъ, повидимому, не замѣтилъ прихода постороннихъ въ избу. Отецъ Алексѣй присѣлъ къ нему на лавку и знаками указалъ сторожу выйти за дверь.

— Степанъ Петровичъ! Степа! А, Степа? тихо, осторожно позвалъ Огонькова старикъ такимъ тономъ, какъ точно будилъ спящаго.

Огоньковъ сидѣлъ, не шелохнувшись, словно ничего не слыша.

— Степа! Послушай! продолжалъ священникъ, слегка дотрогиваясь до его дрожащей руки.

Рука была холодна, какъ ледъ, и покрыта легкимъ пѣтомъ.

— Ну-у! едва-едва слышно пролепеталъ Огоньковъ, не поднимая головы и не измѣняя позы.

— Что съ тобой, голубчикъ? Неможешь? А? ласково и съ глубокимъ сожалѣниемъ спрашивалъ о. Алексѣй.

— Да! Немогу... также чуть слышно какимъ-то подавленнымъ, не своимъ голосомъ промолвилъ Огоньковъ.

— Что-же у тебя болитъ? Скажи-ка мнѣ... допытывался священникъ, наклоняясь къ нему и стараясь заглянуть ему въ лицо. Гдѣ болитъ? А?

— Вотъ тутъ... прошепталъ Огоньковъ и, повидимому, съ большимъ трудомъ поднялъ руку и на минуту приложилъ ее къ головѣ.

Вообще онъ производилъ такое впечатлѣнiе, какъ-будто находился въ бреду или подъ влiянiемъ лунатизма... О. Алексѣй также приложилъ руку къ его лбу. Голова пылала...

— А еще гдѣ болитъ? уже посмѣлѣе спросилъ старикъ.

— Вездѣ... все... всѣ кости болятъ... цопрежнему чуть слышно произнесъ Огоньковъ. Руки... ноги ломить...

— Что же это съ тобой сдѣлалось вдругъ? продолжалъ о. Алексѣй, дружески положивъ свою руку ему на руку.

— Не знаю... не помню... отрывисто отвѣтилъ тотъ, потирая себѣ лобъ.

— Тебѣ, можетъ быть, и говорить-то трудно?

— Да... тихо пролепеталъ Огоньковъ.

Священникъ хотя и не смыслилъ ничего въ медицинѣ, но понималъ, что передъ нимъ—не преступникъ, но больной, несчастный человѣкъ... Дрожь понемногу уменьшалась, но за то, очевидно, слабость одолѣвала Огонькова. Онъ еще пуще сгорбился и пристально смотрѣлъ теперь себѣ на руки—на пальцы, которыми чуть замѣтно перебиралъ.

Начинало смеркаться. Въ избѣ становилось сумрачно. Огоньковъ цопрежнему сидѣлъ неподвижно, а старикъ, глядя на него, тяжело вздыхалъ и время отъ времени гладилъ его по плечу, какъ ребенка, и успокаивалъ, какъ могъ...

Тутъ сторожь привелъ въ избу ребятъ.

— Не бойся: Чего ты... тихо уговаривала Оля своего маленькаго братишку, упиравшагося и не хотѣвшаго отходить отъ двери.

Голова Васи была обмотана сырою, бѣлою тряпичей. Лицо его все еще было блѣдно и испуганно.

Огоньковъ, повидимому, узналъ голосъ дѣвочки и немного приподнял голову. Молча, рукой поманилъ онъ къ себѣ ребятъ. Оля нерѣшительно подошла къ нему и встала около него. Вася стоялъ, широко раскрывъ глаза, и не трогался съ мѣста. Онъ боялся подходить къ дядѣ...

— Чего-жь ты не идешь! ободряющимъ тономъ сказалъ ему сторожь.

Вася все еще нехотя и пугливо подошелъ къ Огонькову. Тотъ съ усиленіемъ посадилъ его къ себѣ на колѣни, прижалъ его къ груди, наклонился надъ нимъ и тихо заплакалъ. Онъ цѣловалъ Васю и плакалъ, и теплыя слезы его тихо кропили бѣлокурые волосы, еще покрытые пятнами крови...

Все Ремнево въ тотъ вечеръ было въ сильномъ волненіи. Оно и понятно... „Дьячихинъ сынъ хотѣлъ утопить ребятъ, парнишку ужъ бросилъ въ колодець, туда-же собирался отправить и дѣвчонку, да Богъ спасъ—сбѣжался народъ... Насилу отбили дѣвчонку-то!“ и т. д.. Женщины заглядывали въ окно дьячихиной хаты и перебѣгали съ новостями изъ избы въ избу. Много было толковъ и восклицаній — болѣе или менѣе глупыхъ. „Кто-бы могъ подумать... этакой тихоня! Ахъ, злодѣй! Ахъ, каторжннй! На экое дѣло пустился... И что ему ребята сдѣлали! Вотъ ужъ подлинно: въ тихомъ омутѣ черти водятся... Вотъ народъ-то нонче какой! Поди-косъ, раскуси его...“ и т. д.. Поздно вечеромъ, наконецъ, разнесся слухъ, что Степанъ Огоньковъ застрѣлился, хотя выстрѣла никто не слышалъ, а—напротивъ—всѣмъ было очень хорошо извѣстно, что на Ремневѣ ни у кого не было никакого огнестрѣльнаго оружія... Дьяковица и просвирня не утерпѣли—подбѣжали къ окошку взглянуть на самоубійцу.

Въ избѣ было тихо. Ребята уже спали на полатахъ. Огоньковъ съ закрытыми глазами лежалъ на лавкѣ. Лице его попрежнему было блѣдно, измучено; волосы растрепались, и его жи-

денькая, рыжеватая борода торчала кверху. Огоньковъ тяжело дышалъ, и замѣтно было, какъ при дыханіи высоко поднималась его грудь... Церковный сторожъ, старикъ Трофимычъ, сгорбившись и подремывая, сидѣлъ въ ногахъ у Огонькова. Оплывшій огарокъ сальной свѣчи мерцающимъ, фантастическимъ свѣтомъ озарялъ закоптѣлую внутренность хаты...

Въ ту-же ночь съ Огоньковымъ сдѣлался жаръ и бредъ. Онъ опасно заболѣлъ. (Дѣло, разумѣется, было замято.) Всѣ думали, что онъ умретъ... Но Огоньковъ выздоровѣлъ, то есть—вѣрнѣе сказать—остался живъ. Здоровье-же въ немъ уже не возвращалось... Жизнь была разбита... Память совершенно измѣнила ему: учительскія занятія, да и вообще всякія занятія, требовавшія хотя-бы малѣйшаго напряженія памяти, сдѣлались для него невозможны... Только, повидимому, смутныя воспоминанія о тягостныхъ впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ передъ болѣзнью, тревожили и мучили Огонькова. Ремнево, погостъ и все, окружавшее его, иногда наводило на него какою-то ужасъ. Ему думалось, что ему стало-бы легче, если-бы онъ ушелъ куда-нибудь изъ Ремнева, если-бы онъ не видалъ передъ собой этихъ знакомыхъ предметовъ, съ которыми связывалось представленіе о *чемъ-то* темномъ и мрачномъ. Безпросвѣтная, безысходная тоска заѣдала Степана Огонькова, когда онъ смотрѣлъ на высокую колокольню, на грачей, съ крикомъ летавшихъ вокругъ нея, на могилы, на пустую улицу и на колодець съ позеленѣвшимъ, ослизлымъ срубомъ... Во всемъ этомъ, какъ будто, скрывалось *что-то* зловѣщее и роковое для его жизни.

Наконецъ, онъ написалъ госпожѣ Гречулевой письмо съ просьбой: позволить ему жить въ Нагорномъ, хотя-бы въ качествѣ какаго-нибудь прикащика или рабочаго. Гречулева—вѣроятно, по настоянію дочери—отвѣтила Огонькову, что онъ можетъ переселиться въ Нагорное и жить въ конторѣ, что у управляющаго будетъ для него работа...

Дьячиха въ тому времени получила мѣсто просвири и могла—сравнительно—жить пригѣваючи. Огоньковъ немедленно перебрался въ Нагорное.

Трудно было найти для него работу. Управляющій поручилъ ему садъ... Огоньковъ чистилъ дорожки, обрубалъ сушнякъ, поливалъ цвѣты, подвязывалъ кусты малины и смородины, поправлялъ плетень. Онъ еще могъ кое-какъ справлять эту работу, да

и то надъ всякимъ пустякомъ вопался Богъ вѣсть сколько времени... Иной разъ возьметъ онъ колышекъ, но вмѣсто того, чтобы вбить его въ землю—вдругъ обопрется на него и начинаетъ безцѣльно, бездумно всматриваться въ зеленѣющую даль. А то подойдетъ къ малиннику, къ тому мѣсту, гдѣ онъ не однажды сиживалъ съ Женичкой, облокотится на жердь и смотритъ на ягоды, ярко красующіяся на солнцѣ, а на блѣдныхъ губахъ его въ тѣ минуты появляется какая-то болѣзненная, блуждающая улыбка... Иногда-же онъ принимался работать и работалъ съ величайшимъ усердіемъ такъ, что потъ градомъ катился съ него.

Огоньковъ поминутно забывалъ, что ему говорили и указывали сдѣлать. Но управляющій былъ чедовѣкъ не злой и давалъ Огонькову работу лишь для его успокоенія...

Огоньковъ все вѣчно перешутывалъ. Онъ, напримѣръ, узналъ что старая барыня умерла, а потомъ до него дошли слухи, что барышня вышла замужъ... Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже совершенно убѣжденъ и съ тѣмъ убѣжденіемъ и остался, что старая барыня снова вышла замужъ, а барышня, ея Женичка, умерла...

Еще смиреннѣе, еще молчаливѣе и тише сдѣлался Огоньковъ послѣ болѣзни. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ у окна, глубоко задумавшись и, повидимому, совершенно отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра. Съ недоумѣніемъ, недоувѣрчиво посматривалъ онъ на своихъ рѣдкихъ посѣтителей. Самый обыкновенный разговоръ, сотканный изъ общихъ фразъ о погодѣ, о здоровьѣ и тому подобномъ—поддерживать для него было тяжело.

Управляющій иногда—изъ сожалѣнія—старался вызвать его на разговоръ.

— Что, Степанъ Петровичъ, скажете хорошенькаго? спросить онъ, бывало, Огонькова.

— Хорошенькое! промолвить тотъ, заберетъ въ ротъ кончикъ своей рѣденькой бородки, задумается и молчать.

Въ лѣтніе жары, въ засуху, также передъ грозой Степанъ Огоньковъ приходилъ въ страшно возбужденное состояніе, — особенно поздно вечеромъ и ночью. Тогда жалко было смотрѣть на него... Онъ, какъ безумный, метался по комнатѣ изъ угла въ уголъ, не находя себѣ мѣста. Цѣлые часы ходилъ онъ взадъ и впередъ, ходилъ до изнеможенія, снѣдаемый тоской и отчаяніемъ...

Однажды управляющій случайно, черезъ полурастворенную дверь, видѣлъ его въ такомъ положеніи, — и самъ пришелъ въ ужасъ. Въ блѣдномъ, разстроенномъ лицѣ Степана Огонькова въ тѣ минуты выразалось сильное душевное страданіе. Усталый, измученный, неровною поступью бродилъ онъ по комнатѣ и, тяжело вздыхалъ.

Тутъ управляющій вошелъ въ комнату и мягко-ласково замѣтилъ ему:

— Вы опять хандрите, Степанъ Петровичъ! Полно вамъ — будетъ ужъ мучить-то себя...

Огоньковъ вздрогнулъ при его словахъ и тутъ-же только замѣтилъ его появленіе.

— Да я — ничего-съ... Я не хандрю... проговорилъ Огоньковъ, какъ-бы извиняющимся тономъ...

Однажды знакомый крестьянинъ съ Трошкина — также причинилъ ему большое беспокойство. Дѣло было осенью... Огоньковъ сидѣлъ на крыльцѣ, по обыкновенію, погружившись въ свою не-исходную думу. Крестьянинъ шелъ, было, къ управляющему и пріостановился у крыльца.

— На солнышкѣ грѣешься, Петровичъ? промолвилъ крестьянинъ.

— На солнышкѣ грѣюсь! машинально, какъ эхо, отозвался Степанъ Огоньковъ.

— Та-акъ! Доброе дѣло! протянулъ крестьянинъ, глядя на больного. — А совѣмъ нынче ты хворый сталъ, какъ я погляжу на тебя... Вишь, какъ исхудалъ!

— Нѣтъ! Я здоровъ... Что ты! Съ чего ты это взялъ? вдругъ, какъ-то весь оживившись, возразилъ Огоньковъ.

— Ну, и врешь! замѣтилъ крестьянинъ. Развѣ здоровые такіе бываютъ...

Въ тотъ-же день Огоньковъ говорилъ управляющему:

— Что это значить, что онъ такъ пытливо, такъ недовѣрчиво посматрѣлъ на меня, да и говорить: врешь! Значить, *они* не вѣрятъ мнѣ? Развѣ-же я обманывалъ, когда говорилъ имъ?... Зачѣмъ онъ такъ пристально смотрѣлъ на меня?... Развѣ я сказалъ чтонибудь лишнее? Что такое я сказалъ ему, не помню...

И онъ усиленно, съ мучительной тревогой теръ себѣ лобъ. Управляющій весь вечеръ успокоивалъ его, какъ могъ...

Иногда Огонькова чрезвычайно тревожили сны — очень тя-

желые и мрачные. Онъ разсказывалъ ихъ управляющему и просилъ объясненій...

— Къ чему видѣть во снѣ солнце? говорилъ онъ однажды. Я видѣлъ: надъ землей всходило большое - большое, красное солнце. Земля, будто-бы—сѣрая, трава почернѣла, и цвѣты тоже почернѣли. Вокругъ, будто-бы — какія-то каменистыя горы сѣропепельнаго цвѣта. Мѣстность дикая, скалы, да овраги... Черные ручьи текутъ... А на небѣ и на землѣ лежитъ, будто-бы, темно-багровый отгѣнокъ... вотъ точно такой, если-бы посмотрѣть на свѣтъ черезъ толстое, темно-красное стекло! Вы смотрѣли когда нибудь черезъ такое стекло на землю и на небо? Нѣтъ? Ахъ, посмотрите когда нибудь... Это очень интересно... очень! Я смотрѣлъ... Страшно!.. Вотъ точно такой-же свѣтъ я видѣлъ во снѣ. Духъ захватывало, такъ было *это* ужасно...

Огоньковъ слегка вздрогнулъ и поѣжился, какъ-бы снова испробывая пережитый имъ ужасъ.

— Мало-ли снится всякой чепухи! говорилъ ему управляющій.

— Да, да! Чепуха... это все—чепуха! Конечно... словно самъ себя успокоивая, задумчиво-тихо шепталъ Огоньковъ.

Видалъ Огоньковъ и другого рода сны и также не мало волновался... Вообще-же онъ мало жилъ жизнью дѣйствительной... Онъ сиднемъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ вѣчную думу. Зимой, бывало, выйдетъ онъ на крыльце, посмотреть по сторонамъ и уходитъ назадъ, повторяя про себя: «Снѣгъ и холодъ!».. Въ лѣтнюю пору иногда ходилъ онъ въ садъ, подолгу стоялъ тамъ, опершись на плетень, и смотрѣлъ на рѣку, на разстилавшіяся за нею луга, на рощи и деревни, выступавшія тамъ и сямъ сѣрыми пятнами. Порой на глаза его набѣгали слезы, онъ смахивалъ ихъ — и грустный, унылый, понурившись, тащился, опять домой, еле волоча ноги, тащился посреди сочной зелени и яркихъ цвѣтовъ, облитыхъ яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, — тащился, какъ жалкая, блѣдная тѣнь, и, повидимому, какъ-бы вовсе не замѣчалъ вокругъ себя торжествующей *жизни* — блеска и сіянія великолѣпнаго лѣтнаго дня...

II. Засодимскій.

СЧАСТІЕ.

(Философско-психологическій этюдъ).

I.

Въ тяжелыя эпохи общественныхъ бѣдствій, когда социальная атмосфера ступается въ черныя, гнетущія тучи, когда злоба, невѣжество и лицемеріе надменно выползають изъ своихъ норъ на свѣтъ божій и неистово набрасываются на все, что не преклоняется раболѣпно передъ ними, что жаждетъ болѣе широкой, свободной, человѣчной жизни,—въ такія эпохи, невольно, тяжелыя сомнѣнія закрадываются въ душу и съ неотразимою силою поднимаются въ ней мучительные вопросы.

Уже долгій путь историческаго развитія оставило за собою человечество, въ лицѣ своихъ народовъ-представителей; гордо говорить оно о своей культурѣ, о своей цивилизаціи; много великихъ людей, великихъ учителей вышло изъ его рядовъ; люди эти учили другихъ любви, братству, свободѣ; своимъ трудомъ, своею кровію, своими великими жертвами доказали они свою собственную любовь, и мы съ гордостью указываемъ на нихъ, съ благоговѣніемъ произносимъ ихъ имя, называемъ ихъ своими учителями. Но гдѣ же, въ жизни, плоды ихъ ученія? Гдѣ эта любовь, это братство, эта свобода? Неужели все это пустые звуки, несбыточныя мечты, которыя никогда неловѣчество не въ силахъ будетъ «въ кровь и плоть претворить»?

Тяжелое настоящее можно было-бы переносить, если-бы впереди, хотя-бы на самомъ далекомъ горизонтѣ, мерцалъ свѣтъ лучшаго будущаго. Такова ужъ натура человѣка, что, безъ надежды, безъ вѣры, онъ не можетъ жить, не можетъ развиваться. Отчая-

ніе и безнадежность—плохая атмосфера, въ которой гложуть и вьнуть всѣ лучшія стороны человѣка, которымъ необходимы, для ихъ развитія, свѣтъ и свободный просторъ; за то апатія, злоба, узкій эгоизмъ и животные инстинкты, какъ змѣи, кишать и размножаются въ этомъ болотѣ, въ конецъ отравляя воздухъ своимъ ядовитымъ, тлетворнымъ дыханіемъ.

Въ такіе періоды, повторяемъ, невольно тѣснятся въ груди мучительные вопросы и сомнѣнія. Заставляетъ страдать настоящее, боишься за будущее. Жизнь начинаетъ казаться «пустой и глупою шуткой»; болото засасываетъ и душитъ. Нужна какая-нибудь опора, нужна поддержка; гдѣ найдти ихъ?

Наука говоритъ намъ о прогрессѣ, объ эволюціи. Но что такое прогрессъ? Какъ долженъ отразиться онъ на субъективной жизни человѣка, на его самосознаніи, самочувствіи? Ведеть-ли онъ насъ къ счастью, къ свободѣ, къ могучей, неугнетенной и широкой жизни мысли и чувства?

Философы-пессимисты говорятъ намъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ, по пути развитія, человѣчество дѣлаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, шагъ впередъ и по пути страданія, что будущее наше безотраднo и безнадежно, и Эд. Гартманъ выставляетъ намъ, какъ идеаль, всечеловѣческое самоубійство, благодаря которому весь міръ погрузится и успокоится въ угрюмой ночи Безсознательнаго.

Но не холодной ночи Безсознательнаго жаждетъ человѣчество, и не таковъ идеаль, который можетъ вдохновить и поддержать его. Жизнь и счастье неодолимо и всегда влекутъ къ себѣ человѣка, и только когда жизнь эта окончательно надломлена, счастье разбито, только тогда бросается человѣкъ, въ отчаяніи и обезсиленный, въ холодныя объятія смерти, только тогда метафизическая концепція нирваны можетъ казаться ему успокоительною и привлекательною. Торжество искренняго пессимизма всегда вырастаетъ на почвѣ реального страданія и несчастія и служитъ, поэтому, до известной степени, барометромъ для измѣренія эвдемоническаго уровня (уровня счастья) данной эпохи, данной соціальной среды. Но если, такимъ образомъ, распространеніе пессимизма находитъ себѣ объясненіе въ дѣйствительныхъ страданіяхъ и несчастіи людей, то это еще вовсе не значить, чтобы и пессимизмъ находилъ въ нихъ свое научное оправданіе, какъ философская система.

Въ прямомъ контрастѣ съ метафизикой пессимистовъ стоитъ ученіе философовъ-утилитаристовъ, твердо вѣрящихъ вообще въ возможность для людей счастья и признающихъ «наибольшее счастье наибольшаго числа» конечною цѣлью и критеріумомъ нравственности. «Работая надъ этимъ сочиненіемъ, говоритъ Бэнтамъ,

мы имѣемъ въ виду счастье человѣчества, твое счастье, читатель, и счастье всѣхъ людей». «То, что мы предлагаемъ, говоритъ онъ дальше,—это распространеніе области счастья повсюду, гдѣ только дышетъ существо, способное наслаждаться имъ». Эти прекрасныя, въ своей наивной простотѣ, слова гораздо глубже проникаютъ въ наше сердце, гораздо больше говорятъ здоровому, неизвращенному чувству, чѣмъ идеалы пессимистовъ, не смотря на то, что нравственная теорія Бентама, во многихъ отношеніяхъ, не выдерживаетъ критики. Много глубоко-прочувствованныхъ и прекрасныхъ, по глубинѣ мысли, страницъ посвящено идеалу счастья такими выдающимися мыслителями-утилитаристами, каковы Ст. Милль и Спенсеръ, и оба они твердо убѣждены въ томъ, что для человѣчества наступитъ лучшее, счастливое будущее, что это высокій и вполне законный идеалъ, за который стоитъ бороться, къ которому должно стремиться, потому что онъ вполне осуществимъ, потому что онъ даже необходимо долженъ осуществиться.

На чьей-же сторонѣ истина и на чьей заблужденіе? Это—вопросъ коренной и въ высокой степени важный. Особенно настойчивымъ и мучительнымъ дѣлается онъ, можетъ быть, въ настоящее время, когда жизнь такимъ тяжелымъ бременемъ ложится на плечахъ, когда такъ много особыхъ условій, отравляющихъ наше и безъ того невеселое существованіе.

Но какъ ни естественно теперь угнетенное настроеніе лучшей части нашей интеллигенціи, тѣмъ не менѣе, непосредственное чувство—плохой руководитель для разума: оно слишкомъ легко поддается впечатлѣніямъ минуты, въ слишкомъ субъективные цвѣта окрашиваетъ и прошедшее и настоящее и будущее.

Какъ ни тяжела, повидимому, была прошлая жизнь человѣчества, какъ ни безотраднo кажется его настоящее и въ какихъ мрачныхъ краскахъ ни рисуется, можетъ быть, нашему воображенію его ближайшее будущее, но, во всякомъ случаѣ, непреодолимое стремленіе къ счастью слишкомъ глубоко заложено въ природѣ людей, чтобы они могли отказаться отъ него, чтобы они могли примириться съ пессимизмомъ. Лучшіе представители человѣческаго генія и нравственной мощи вдохновлялись идеаломъ общаго счастья, идеаломъ братской и свободной жизни, которая для всѣхъ сдѣлала-бы существованіе субъективно-дорогимъ и полнымъ чарующей прелести; они находили въ этомъ идеалѣ, въ надеждѣ содѣйствовать его осуществленію, свою нравственную опору; онъ поддерживалъ ихъ энергію, дѣлалъ для нихъ нестрашными гоненія. Сознательно, они, конечно, не искали лично для себя счастья, но кто знаетъ?—можетъ быть, находили его въ этой борьбѣ за счастье другихъ, въ

этомъ безкорыстномъ служеніи благу другихъ, и вслѣдствіе этого, можетъ быть, только и не истощались ихъ энергія и настойчивость? Не даромъ Ст. Милль говоритъ, что „каждый человѣкъ, достаточно развитой, чтобы принимать какое-нибудь участіе въ борьбѣ противъ бѣдствій человѣческой жизни, какъ-бы ни было это участіе мало и незначительно, въ самой этой борьбѣ можетъ найдти столь великое наслажденіе, что никогда не промѣняетъ его ни на какіе соблазны эгоизма“. (Утилитаріанизмъ, стр. 36—37).

Человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ, всѣми своими инстинктами стремится къ счастію, стремится къ нему, можно сказать, съ первой минуты своего существованія, съ первыхъ проблесковъ своего совнанія до самой смерти своей, до того момента, когда сознаніе его, дѣйствительно, потухнетъ въ мрачной ночи Безсознательнаго. И неужели-же это стремленіе, эта жажда всегда и необходимо остаются неудовлетворенными, всегда и необходимо должны остаться, по самой сущности своей, неудовлетворенными? Зажечь въ сердцѣ человѣка неугасимый порывъ къ счастію и заставить его, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно обманываться, вѣчно разочаровываться въ своихъ надеждахъ, — какая злобая и бессмысленная насмѣшка природы! Но вѣдь и человѣкъ — часть природы, вѣдь и онъ дитя этой-же самой природы, и влагая въ него неосуществимыя стремленія и надежды, она смѣется, слѣдовательно, надъ самой собой. Но это, въ такомъ случаѣ, уже не насмѣшка, это какая-то непонятная и нелѣпая раздвоенность, внутреннее противорѣчіе, съ которымъ трудно примириться не только нашему чувству, но и нашему разуму.

И передъ нами снова встаетъ, со всею своею силою, вопросъ; возможно-ли счастіе для человѣка? или оно только призракъ, какъ бы нарочно созданный для того, чтобы сдѣлать насъ несчастными?

Но, вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ, передъ нами тотчасъ-же возникаютъ и другіе, относящіеся уже собственно къ области нравственной философіи.

Прежде всего, дѣйствительно-ли универсально и всеобще стремленіе къ счастію, какъ мы предполагали это выше и какъ это вообще предполагаетъ утилитарная школа? Идеалисты отрицаютъ это. Напримѣръ, выдающійся французскій философъ-моралистъ Гюйо говоритъ: „Вся англійская психологія старается показать, что подъ кажушимся стремленіемъ къ дѣламъ инымъ, чѣмъ счастіе, скрывается, въ дѣйствительности, стремленіе къ тому-же счастію. Но что можетъ доказать здѣсь индуктивный методъ? Просто *возможность* желать счастія, думая, что желаешь чего-то иного, возможность быть эгоистомъ, въ то время какъ самъ считаешь себя без-

корыстнымъ или кажешься таковымъ. Но отсюда еще далеко до того, чтобы сказать, что, въ дѣйствительности, эгоизмъ универсаленъ и что желаніе своего собственнаго счастья есть единственный двигатель человѣческихъ дѣйствій“ (*La morale anglaise contemporaine*, p. 199).

Далѣе. Если эгоизмъ, если желаніе своего счастья дѣйствительно универсальны, то еще вопросъ, „желательно-ли“ счастье, въ нравственномъ смыслѣ слова, *должно-ли* его желать? Вѣдь мало-ли какихъ предметовъ желаютъ люди; они желаютъ обыкновенно богатства, власти и т. д., но этимъ еще вовсе не доказывается, чтобы, напр., богатства *должно* было желать, что оно есть моральное благо. Мы знаемъ изъ фактовъ дѣйствительной жизни, что погоня за счастьемъ нерѣдко дѣлаетъ поведеніе людей не только далекимъ отъ всякой истинной нравственности, но и прямо преступнымъ, порочнымъ. „Если что было самымъ сильнымъ и постояннымъ источникомъ недовѣрія къ утилитаризму,—говоритъ г. Мальцевъ,—то это та неотвязчивая идея, которая говоритъ человѣку, что, слѣдуя этому принципу, онъ всегда и вездѣ будетъ заботиться только о *своемъ собственномъ* счастьи и лишь весьма слабо и неохотно о счастьи *другого*. Всѣ попытки утилитаристовъ доказать, что мое личное счастье всегда находится въ счастьи другого, тѣсно и неразрывно связано съ послѣднимъ, что чрезъ преслѣдованіе общаго счастья достигается мое собственное, остаются безсильными передъ свидѣтельствомъ психологическихъ наблюденій и фактовъ“ (*Нравственная философія утилитаризма*, стр. 197—198).

Итакъ: возможно-ли счастье? Универсально-ли стремленіе къ нему? Оправдывается-ли, съ нравственной точки зрѣнія, идеалъ наибольшаго счастья? Съ перваго уже взгляда легко видѣть, что для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, прежде всего необходимо выработать вполнѣ точное и опредѣленное понятіе о самой сущности счастья, о томъ, что такое счастье. Понятіе счастья принадлежитъ еще, къ сожалѣнію, къ числу далеко не разработанныхъ и не выясненныхъ понятій. Одинъ понимаетъ подъ счастьемъ одно, другой—другое, хотя, безъ сомнѣнія, *чувствуютъ* счастье всѣ одинаково. Между тѣмъ лишь зная, что такое счастье, можемъ мы не голословно рѣшать вопросъ, возможно-ли оно; лишь зная, что такое счастье, можемъ мы рѣшить, универсально-ли стремленіе къ нему или нѣтъ, и, наконецъ, лишь зная, что такое счастье, можемъ мы вполнѣ сознательно выработать и твердо обосновать идеалъ дѣйствительно наибольшаго человѣческаго счастья, идеалъ, который не зависѣлъ бы уже отъ случайностей индивидуальныхъ особенностей, а имѣлъ-бы, такъ сказать, объективно-всеобщее для людей значе-

ніе, и только волюнѣ уяснивъ себѣ этотъ идеалъ, въ состояніи будемъ мы рѣшить, каково должно быть, съ нравственной точки зрѣнія, внутренне-необходимое вліяніе его на людей.

„Однако, воскликнетъ, можетъ быть, читатель, — какимъ теоретическимъ и отвлеченнымъ вопросамъ посвящена эта статья!“ Мы вполне сознаемъ этотъ недостатокъ ея. Когда практическая злоба дня слишкомъ велика и тяжела, тогда только непосредственные практическіе вопросы кажутся обыкновенно наиболѣе достойными вниманія. Но, тѣмъ не менѣе, общій вопросъ о счастьи и о нравственности слишкомъ близко, все-же, касается человѣка, чтобы можно было потерять къ нему всякій интересъ. Кромѣ того, если практика, реальная жизнь, всегда лежитъ въ основѣ теорій, то, съ другой стороны, и теорія, безъ сомнѣнія, не остается безъ вліянія на практику. Выясненіе общихъ принциповъ жизни и поведенія, выясненіе природы того субъективнаго состоянія или настроенія, которое мы называемъ „счастьемъ“, никакъ не можетъ считаться безразличнымъ и неважнымъ даже и съ чисто практической точки зрѣнія. Поэтому, мы и рѣшаемся предложить читателямъ настоящую статью, позаботившись только о томъ, чтобы она была, по возможности, кратка и касалась лишь самыхъ существенныхъ, для уясненія вопроса, пунктовъ.

II.

Представимъ себѣ въ воображеніи безконечно разнообразную драму человѣческой жизни и попытаемся проникнуть въ нее глубже ея вѣшней, формальной стороны. Вѣшность и форма всегда разнообразны, но нельзя-ли открыть подъ этимъ разнообразіемъ внутренняго, глубокаго единства, которое объяснило-бы намъ разнообразіе, примирило и сдѣлало-бы понятными всѣ противорѣчія, свело-бы ихъ къ единому общему принципу?

Чѣмъ на низшей ступени душевнаго развитія стоитъ человѣкъ, тѣмъ непосредственнѣе бываетъ его жизнь, тѣмъ болѣе опредѣляется она, изъ минуты въ минуту, непосредственными инстинктивными побужденіями или потребностями. И наоборотъ: чѣмъ выше развитіе человѣка, тѣмъ осмысленнѣе его жизнь, тѣмъ болѣе опредѣляется она высшими разсудочными представленіями или идеалами. Но возьмемъ-ли мы самую низкую ступень психической жизни или самую высокую ея ступень, — мы вездѣ найдемъ, что поведеніе личности, ближайшимъ образомъ, опредѣляется ея потребностями. И самый высокій идеалъ, — если только онъ не остается пустою фра-

зою, а дѣйствительно воплощается личностью въ ея жизни и поведеніи,—долженъ предварительно сдѣлаться ея нравственною потребностью, неудовлетвореніе которой причиняетъ страданіе. Съ этой точки зрѣнія мы должны сказать, что субъективный идеаль жизни личности всегда опредѣляется количествомъ и качествомъ ея потребностей. Для насъ здѣсь совершенно безразлично, будетъ-ли этотъ идеаль вполне ясно сознаанъ, критически выработанъ личностью, или-же онъ вытекаетъ изъ неосмысленныхъ, непроанализированныхъ инстинктивныхъ потребностей ея природы и всегда остается на этой ступени смутнаго, инстинктивнаго стремленія. Во всякомъ случаѣ, на какой-бы низкой ступени развитія ни стоялъ человѣкъ, онъ все-же можетъ рѣшить, какъ ему хотѣлось-бы жить, и эта желательная жизнь всегда опредѣляется для него его существенными, понятными для него и сознанными имъ потребностями.

Согласно съ предыдущимъ, мы должны представить общій типъ или направленіе сознательно-активной человѣческой жизни (какъ и жизни всякаго другого животнаго) такимъ образомъ: чувство потребностей, дѣятельности, направленныя къ ихъ удовлетворенію и чувство ихъ удовлетворенія (или неудовлетворенія). Если человѣкомъ сознаются одновременно нѣсколько потребностей (желаній), взаимно исключаящихъ другъ друга, такъ что ему приходится дѣлать выборъ между ними, то, естественно, побѣду одерживаютъ болѣе сильныя. Очень возможно, конечно, и въ жизни это встрѣчается теперь почти на каждомъ шагу, что человѣкъ, въ такихъ случаяхъ, можетъ ошибиться, подчиняясь побужденіямъ, хотя, въ данную минуту, и болѣе сильнымъ, но въ общемъ—болѣе слабымъ, чѣмъ потребности, пренебреженныя имъ вслѣдствіе того, что временно онъ были отодвинуты на задній планъ овладѣвшею имъ страстью. Отсюда происходятъ позднѣйшее раскаяніе, угрызения совѣсти и т. п. Но эти случаи ничего не измѣняютъ въ общемъ правилъ: если человѣкъ подавляетъ какую-нибудь потребность, какое-нибудь желаніе, то всегда во имя другой, болѣе сильной потребности, во имя другого, болѣе дорогого ему желанія. Правильно или нѣтъ субъективно оцѣниваетъ онъ при этомъ свои желанія и потребности—это уже побочный вопросъ, въ болѣе подробный анализъ котораго мы не можемъ здѣсь вдаваться.

Итакъ, въ основѣ сознательно-активной жизни человѣка лежатъ его потребности. Потребность, сама по себѣ, сознается человѣкомъ лишь въ формѣ неопредѣленнаго чувствованія, болѣе или менѣе тягостнаго и непріятнаго, если оно достигаетъ извѣстной степени напряженности. Но, благодаря субъективному опыту, эти неопредѣленныя чувствованія становятся все болѣе и болѣе опредѣленными, нераз-

ривно ассоціируясь въ нашемъ представленіи съ другими чувствованіями, въ которыхъ они находили себѣ удовлетвореніе. «Такъ, напр., намъ кажда, что желаніе ѣсть, голодъ, мы сознаемъ непосредственно, но, всматриваясь внимательнѣе, мы легко можемъ замѣтить, что непосредственно мы сознаемъ только одно непріятное чувство и ничего болѣе. Толкованіе, которое мы даемъ этому чувству, основывается на предшествующемъ опытѣ, въ чемъ вполне можно убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что новорожденный ребенокъ испытываетъ точно такое-же чувство, не созная, однако-же, что въ основѣ его лежитъ хотѣніе, и именно—хотѣніе ѣсть, голодъ». (Лесевичъ. Письма о научной философіи, стр. 155). Какъ потребности, такъ и ихъ удовлетвореніе или неудовлетвореніе всегда сознаются нами въ формѣ чувства, потому что въ этой только формѣ сознаемъ мы вообще наше субъективное состояніе или состояніе нашего внутренняго я. Когда наше самочувствіе не удовлетворяетъ насъ, то у насъ возникаетъ желаніе устранить изъ него тѣ элементы, которые дѣлаютъ его непріятнымъ или тягостнымъ и ввести въ сознаніе тѣ чувствованія, которыя могутъ удовлетворить его. Такъ, напр., чувствуя голодъ, мы желаемъ, съ одной стороны, освободиться отъ этого тягостнаго чувствованія, а съ другой—получить то удовольствіе, которое можетъ доставить насыщеніе. Въ этихъ случаяхъ мы говоримъ, что человекъ хочетъ ѣсть, хочетъ хлѣба, мяса и т. д.; но, очевидно, пища имѣетъ здѣсь значеніе не какъ самостоятельный объектъ, а лишь какъ средство для устраненія одного тягостнаго, субъективнаго состоянія или чувствованія, и для осуществленія другого пріятнаго. Когда человекъ жаждетъ богатства, власти и т. д. то, въ концѣ концовъ, дѣло опять таки сводится на желаніе тѣхъ чувствованій, которыя, по его мнѣнію, могутъ осуществиться въ немъ при помощи богатства, власти. Словомъ, конечною субъективною цѣлью для насъ (какъ и для всякаго другого животнаго) всегда является извѣстное самочувствіе, которое могло-бы удовлетворить наше сознаніе, а потому и всѣ субъективныя стремленія и желанія мы можемъ опредѣлить, какъ потребности въ такихъ, удовлетворяющихъ сознаніе, чувствованіяхъ.

III.

Остановимся теперь надъ вопросомъ, имѣющимъ самое существенное значеніе для теоріи счастія. Какимъ образомъ можемъ мы объяснить себѣ появленіе у человека различныхъ потребностей

или желаній, чѣмъ оно обусловливается? Находятся-ли потребности человѣка въ какойнибудь зависимости отъ способностей или нѣтъ?

„Недостаточность упражненія нервныхъ аппаратовъ, замѣчаетъ г. Сѣченовъ въ своихъ „Психологическихъ этюдахъ“,—по необъясненной еще особенноти самой организаціи ихъ, всегда выражается тоскливыми ощущеніями, томленіемъ и т. п.“ т. е. именно тѣми болѣе или менѣе неопредѣленными чувствованіями, въ которыхъ субъективно проявляются для насъ наши потребности. „Желанія, говоритъ Спенсеръ, — суть идеальныя („зачаточныя“) чувствованія, возникающія тогда, когда реальныя чувствованія, которыми они соотвѣтствуютъ, не были испытываемы въ теченіе нѣкотораго времени“ (Основанія психологіи, т. IV, стр. 334; Основанія науки о нравственности, стр. 196). Основываясь на этихъ положеніяхъ, мы могли-бы заключить, что потребности и желанія должны вообще считаться субъективнымъ проявленіемъ внутреннихъ, органически обусловленныхъ силъ (по физиологической терминологіи—нервныхъ центровъ), находящихся въ напряженномъ состояніи вслѣдствіе „недостаточности упражненія“ и требующихъ для себя дѣятельности, которая для субъекта и выражается въ соотвѣтственныхъ, удовлетворяющихъ сознаніе, чувствованіяхъ. Слѣдовательно, эти внутреннія силы или способности человѣка должны быть для него источникомъ соотвѣтствующихъ потребностей, и обратно—каждая потребность должна находить себѣ удовлетвореніе въ дѣятельности соотвѣтствующей, находящейся на лицо, способности. Общія соображенія могутъ только подтвердить справедливость этихъ заключеній. Дѣйствительно, такъ-какъ всякія субъективныя желанія сводятся на потребности въ нѣкоторыхъ чувствованіяхъ, то эти послѣднія должны быть уже заранѣе извѣстны сколько-нибудь субъекту, должны быть даны въ его внутреннемъ опытѣ, потому что иначе онъ не можетъ имѣть о нихъ никакого представленія, а слѣдовательно, у него не можетъ и возникнуть опредѣленной потребности въ нихъ. Но всякія чувствованія даются дѣятельностью соотвѣтственныхъ способностей, и отсюда уже ясно, что въ основѣ потребностей необходимо должны лежать эти способности. „У кого не достаетъ одного изъ высшихъ органовъ чувствъ, у того необходимо не достаетъ идей, чувствованій, желаній и воли, которыя происходятъ изъ воспріятій этого органа. Слепой не знаетъ разнообразія и красоты цвѣтовъ въ природѣ и не можетъ имѣть желаній относительно тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которыя открываются только посредствомъ зрѣнія“ (Маудсли. Физиологія и Патологія души, стр. 172). Субъективная потребность въ знаніи можетъ появиться лишь тогда, когда интеллектуальное

развитіе челоуѣка подвинулось уже очень далеко впередъ и интеллектуальныя его силы, дѣйствительно, въ состояніи доставить ему удовлетвореніе, т. е. повести по пути сознательнаго знанія. Чувства голода и жажды возможны лишь при существованіи пищеварительныхъ органовъ, и т. д.

Но не смотря на такую ясность и доказательность доводовъ въ пользу соотвѣтствія потребностей и способностей, факты жизни, повидимому, отрицаютъ существованіе такого соотвѣтствія. „Ничто не мѣшаетъ мнѣ, говоритъ г. Михайловскій въ своей статьѣ: „Что такое счастье?“—обладать извѣстною способностью, не имѣя въ то же время, соотвѣтственныхъ желаній... Съ другой стороны, весьма легко представить себѣ сильныя желанія безъ соотвѣтственныхъ способностей. Это то, что называется „охота смертная, да участь горькая“—нѣчто, составляющее глубокое несчастье, если только неспособность выступаетъ съ достаточною очевидностью.

Въ виду такого противорѣчія, мы должны нѣсколько обстоятельнѣе изслѣдовать вопросъ.

Какъ мы видѣли, всякая потребность, съ психологической точки зрѣнія, является, въ конечномъ анализѣ, потребностью въ извѣстныхъ чувствованіяхъ, которыя получаютъ какъ результатъ дѣятельности соотвѣтственныхъ способностей. Если способности эти не находились нѣкоторое время въ дѣятельности, не имѣли соотвѣтствующаго упражненія, то у челоуѣка и появляется потребность *) въ этой дѣятельности, т. е. желаніе тѣхъ чувствованій, которыми она субъективно проявляется. Такимъ образомъ, субъективныя потребности въ извѣстныхъ чувствованіяхъ вытекаютъ всегда изъ самой природы челоуѣка, изъ его силъ и способностей, и онѣ могутъ быть названы коренными, первичными, самоцѣнными. Но въ то же время, на основаніи предъидущаго, мы должны сказать, что это и *единственныя потребности*,—если принимать слово „потребность“ въ строгомъ, психическомъ смыслѣ,—къ которымъ способенъ челоуѣкъ, какъ субъектъ, и отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ его благосостояніе. Итакъ, если разладъ, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ, то онъ обуславливается, собственно, не присутствіемъ соотвѣтствующихъ способностей, а лишь невозможностью для нихъ,

*) Мы вездѣ говоримъ лишь о „положительныхъ“ потребностяхъ, оставляя въ сторонѣ потребности „отрицательныя“, являющіяся результатомъ чрезмѣрной дѣятельности и истощенія органовъ и резюмирующіяся въ желаніи отдыха, покоя. По существу занимающаго насъ здѣсь вопроса, отрицательныя потребности могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ ничего измѣнить въ нашихъ заключительныхъ выводахъ.

при данныхъ условіяхъ, проявиться въ дѣятельности, благопріятной, по своему характеру, для развитія и благосостоянія субъекта. При этой невозможности, силы и слабости человѣка обращаются, такъ-сказать, противъ него самого, такъ-какъ вытекающія изъ нихъ, не находящія себѣ удовлетворенія, потребности выражаются для него въ формѣ субъективнаго страданія. Измѣнить эти условія, сдѣлать ихъ благопріятными—вотъ задачи, встающія въ такомъ случаѣ передъ человѣкомъ, и разрѣшить которыя для него положительно необходимо, потому что иначе коренныя потребности его останутся безъ удовлетворенія; а для разрѣшенія этихъ задачъ необходимо опять-таки цѣлый рядъ благопріятныхъ для человѣка субъективно-объективныхъ условій, которыя, пожалуй, также могутъ быть названы его потребностями, но уже потребностями *вторичными, производными*, т. е. вытекающими не непосредственно и необходимо изъ самой природы человѣка, изъ его истинныхъ, коренныхъ потребностей. Это различіе между коренными и производными потребностями въ высшей степени важно для пониманія истинной природы субъекта, и потому его не слѣдуетъ упускать изъ виду; между тѣмъ, обыкновенно, его не только не сознаютъ въ достаточной степени, но даже совершенно игнорируютъ, и отсюда происходитъ крайняя путаница понятій, сильно затрудняющая правильное рѣшеніе вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ потребностей и способностей. Коренныя потребности—*субъективны*, т. е. не отдѣлимы отъ субъекта, представляютъ необходимую составную часть его природы; производныя-же,—будутъ-ли это извѣстныя внѣшнія условія или-же извѣстныя способности къ дѣйствию,—*объективны*, чужды, собственно, природѣ субъекта, не представляютъ для него самобытной цѣнности и важны только какъ средство или орудіе, при помощи котораго онъ можетъ удовлетворить свои истинныя, субъективныя потребности. Когда всѣ эти посредствующія условія находятся на лицѣ и благопріятствуютъ субъекту, то онъ достигаетъ своей цѣли; когда нѣтъ—его коренная, субъективная потребность остается безъ удовлетворенія, результатомъ чего для него неизбежно будетъ страданіе и угнетеніе духа. Но это страданіе и угнетеніе всегда обусловливаются лишь неудовлетвореніемъ коренной потребности, вторичныя-же потребности, сами по себѣ, не могутъ ни увеличить, ни уменьшить ихъ. При неблагопріятныхъ субъективно-объективныхъ условіяхъ, человѣку часто приходится, для удовлетворенія своихъ коренныхъ потребностей, браться за совершенно чуждыя ему, не соответствующія его способностямъ и склонностямъ, дѣятельности, которыхъ, можетъ быть, онъ и не въ состояніи будетъ выполнить. Но вѣдь онъ борется здѣсь за такія

дѣятельности вовсе не ради ихъ самихъ и, сами по себѣ, онѣ нисколько не составляютъ для него потребности; слѣдовательно, тутъ нѣтъ, собственно говоря, никакого разлада. А между тѣмъ, подобные-то случаи и даютъ, главнымъ образомъ, поводъ утверждать, что могутъ быть потребности безъ способностей, хотя утверждение это, очевидно, является лишь вслѣдствіе смѣшиванія двухъ, какъ мы только что видѣли, совершенно различныхъ понятій—понятія субъективной потребности и потребности объективной, что, въ данномъ случаѣ, равносильно смѣшиванію цѣли со средствомъ. Чтобы лучше выяснитъ дѣло, возьмемъ слѣдующій гипотетическій примѣръ. Предположимъ, что, по законамъ какой-нибудь страны, печатныя сочиненія дозволяется издавать только въ стихотворной формѣ и что, поэтому, каждый, желающій дѣйствовать на общество путемъ печатнаго слова, долженъ прибѣгать именно къ этой формѣ. Если въ такомъ жалкомъ обществѣ существуетъ человекъ, желающій блага своимъ согражданамъ и, въ то-же время, почему-нибудь убѣжденный, что только при помощи печатнаго слова можно, въ данный моментъ, содѣйствовать ихъ развитію и благостоянію, то ему необходимо будетъ сдѣлаться стихотворцемъ, чтобы получить возможность удовлетворенія своихъ коренныхъ, въ данномъ случаѣ—нравственныхъ, потребностей. Но, положимъ, онъ неспособенъ писать стиховъ; вслѣдствіе этого, онъ долженъ отказаться отъ такой дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и его нравственныя стремленія останутся неудовлетворенными, потому что онъ оказывается неспособнымъ работать на пользу своего общества. Но развѣ онъ будетъ здѣсь страдать собственно потому, что не можетъ писать стиховъ? Совсе нѣтъ, конечно: писаніе стиховъ, само по себѣ, ни малѣйшимъ образомъ не было его потребностью, а было ему необходимо лишь какъ средство. Другое дѣло, еслибы у него была большая способность къ стихотворству,—тогда послѣднее, вѣроятно, и сдѣлалось-бы для него субъективною потребностью.

Итакъ, на основаніи предъидущаго мы можемъ сказать, что если у человека нѣтъ способности къ какой-нибудь дѣятельности, то у него не можетъ быть и субъективной потребности въ послѣдней; а разъ у него существуетъ дѣйствительная, субъективная потребность, то она *всегда* вытекаетъ изъ соотвѣтственныхъ способностей, въ положительной дѣятельности которыхъ (т. е., если всѣ другія условія благоприятны) человекъ и находитъ себѣ удовлетвореніе. Поэтому, разладъ между потребностями и способностями, такъ часто встрѣчающійся въ современной жизни людей, вовсе не представляетъ собою явленія, неязвѣжно вытекающаго изъ самой сущности субъективной природы; онъ не указываетъ на внутрен-

нюю раздвоенность и дисгармонію субъекта, которыя, если-бы онѣ существовали, роковымъ образомъ и всегда должны были-бы приводить послѣдняго къ невозможности удовлетворенія, къ абсолютной недоступности счастія. Изслѣдуя внимательное вопросъ, мы находимъ совершенно противоположное. Въ каждомъ субъектѣ заранее осуществлена уже возможность удовлетворенія всякихъ потребностей, такъ-какъ источникомъ послѣднихъ служатъ тѣ самыя способности, дѣятельность которыхъ необходима для этого удовлетворенія. Невозможность удовлетворенія происходитъ, какъ мы видѣли, уже вторичнымъ, косвеннымъ путемъ и никогда не представляетъ характера истиннаго разлада между потребностью и способностью: человекъ оказывается неспособенъ лишь къ тому, въ чемъ онъ, собственно, и не чувствуетъ субъективной потребности.

Размѣры статьи не позволяютъ намъ входить въ болѣе подробно изслѣдованіе, такъ-называемаго, разлада между потребностями и способностями; поэтому, обратимся теперь къ разладу между способностями и потребностями. Справедливость утвержденія, что у человека могутъ существовать извѣстныя способности, не вызывая соотвѣтственнымъ потребностей, конечно, невозможно отрицать; но оно все-же недоказываетъ того, что имъ желали-бы доказать, т. е. отсутствія зависимости потребностей отъ способностей. Мы получимъ правильный взглядъ на дѣло, если обратимъ вниманіе на различіе между чисто-потенціальными и дѣятельными способностями. Способности, осуществленныя лишь потенциально въ организаціи субъекта, но не бывшія еще въ дѣйствіи,—такія способности, конечно, не могутъ быть даже и извѣстны субъекту. Въ основѣ всякого его знанія, т. е. субъективнаго и объективнаго, лежитъ опытъ; гдѣ не было этого опыта, тамъ не можетъ быть и никакого знанія. Субъективный опытъ относительно способностей или, съ другой точки зрѣнія, относительно возможныхъ направленій нервно-мускульной дѣятельности, заключается въ тѣхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ, которыми проявляется для субъекта дѣятельность этихъ способностей, и совершенно понятно, что человекъ тогда только можетъ почувствовать опредѣленную потребность (желаніе) въ извѣстныхъ чувствованіяхъ, когда они имѣли уже мѣсто въ его жизни и стали ему хорошо извѣстны изъ предъидущихъ субъективныхъ опытовъ. Слѣдовательно, потребности человека могутъ находиться въ зависимости не отъ всѣхъ его способностей, а только отъ способностей дѣятельныхъ. Всѣ силы и способности человека, непосредственно обуславливающія для него возможность индивидуальной и видовой жизни, по самой сущности своего значенія для организма, необходимо должны быть дѣятельны или, лучше ска-

зять, мотивы для ихъ дѣятельности съ самаго начала уже заключены внутри субъекта. Разъ соотвѣтствующіе органы этой категоріи достигаютъ извѣстной степени развитія, дѣлающей ихъ способными къ ихъ специфическимъ отправленіямъ, то они уже и начинаютъ требовать для себя этихъ отправленій, т. е. вызываютъ соотвѣтствующій рядъ желаній и потребностей. Такъ-какъ нормальная функція этихъ органовъ необходима для поддержанія животной жизни организма, то при недостаточной дѣятельности ихъ, въ послѣднемъ неизбѣжно происходятъ болѣе или менѣе сильныя расстройства, тяжело отзывающіяся на его благосостояніи и субъективно выражающіяся въ формѣ страданія, неудовольствія, которыя и являются, такимъ образомъ, внутренне-необходимымъ мотивомъ къ дѣятельности. „Желаніе можетъ быть направлено какъ къ достиженію будущаго удовольствія, такъ и къ уничтоженію настоящаго неудовольствія. Къ удовольствію мы можемъ стремиться только тогда, когда въ нашемъ сознаніи рисуется хоть приближительный образъ его. А для того, чтобы возникло побужденіе къ уничтоженію неудовольствія, необходимо только существованіе неудовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ первоначальныя желанія, въ которыхъ нельзя предполагать воспроизведенія предшествующихъ представленій, суть исключительно такія побужденія къ уничтоженію неудовольствія „(Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ, т. II, стр. 408). Но что касается способностей, обуславливающихъ для человѣка не возможность жизни вообще, а возможность, такъ-сказать, собственно „человѣческой“ жизни, то онѣ лишь потенциально заложены въ его природѣ и становятся дѣятельными лишь тогда, когда предварительно были вызваны къ дѣйствію какими-нибудь условіями среды. Положимъ, что этотъ человѣкъ способенъ къ широкому проявленію познавательной дѣятельности, способенъ къ высокому умственному развитію, но внѣшнія условія его жизни были таковы, что крайне не благоприятствовали дѣятельности этихъ его силъ, и онъ оставался совершенно неразвитымъ, невѣжественнымъ. Можетъ-ли у него, при такихъ условіяхъ, отчетливо проявиться потребность въ знаніи, въ развитіи? По всей вѣроятности—нѣтъ, такъ-какъ онъ даже не имѣетъ никакого представленія о субъективномъ значеніи, знанія и развитія. Но разъ соотвѣтственные дѣятельности, въ сколько-нибудь значительной степени, имѣли уже мѣсто, такъ-что субъекту стали хорошо извѣстны сопровождающія ихъ чувствованія, то для него субъективная потребность въ знаніи и развитіи можетъ стать одною изъ самыхъ настоятельныхъ, потому что, при помощи ихъ, горизонтъ его субъективной жизни

въ высшей степени расширяется и вся субъективная жизнь становится несравненно выше и богаче.

IV.

На основаніи предъидущаго, мы можемъ представить себѣ сознательно активную жизнь человѣка въ слѣдующей общей формѣ. Его дѣятельныя способности служатъ для него источникомъ соотвѣтственныхъ потребностей или желаній, при помощи которыхъ онъ регулируетъ свою жизнь и дѣятельность такимъ образомъ, чтобы достигъ, по возможности, наиболѣе благоприятныхъ для себя результатовъ, т. е. обезпечить для каждой изъ своихъ способностей, сознанныхъ имъ, возможность свободной, нормальной дѣятельности. Такая дѣятельность способностей субъективно выражается въ чувствованіяхъ, удовлетворяющихъ его сознаніе; при противоположныхъ же условіяхъ возникаютъ чувствованія угнетающія, тягостныя. Но чувствованіе, какъ мы замѣтили уже выше, есть та форма внутренней, субъективной жизни, въ которой мы сознаемъ наше субъективное состояніе, т. е. нашу субъективную жизнь, а дѣятельностью нашихъ способностей, очевидно, исчерпывается вся наша субъективная жизнь. Поэтому, когда наше самочувствіе удовлетворяетъ сознаніе, то это значить, что состояніе нашей субъективной жизни удовлетворяетъ насъ. Изъ этихъ положеній мы можемъ теперь сдѣлать очень важныя выводы. Во-первыхъ, конечное удовлетвореніе всегда выражается въ формѣ чувства или, лучше сказать, въ формѣ соотвѣтственнаго самочувствія; а такъ-какъ чувство есть такой субъективный феноменъ, въ которомъ мы сознаемъ именно *нашу* собственную жизнь, а не жизнь другихъ субъектовъ *), и такъ-какъ человѣкъ, сознательно или инстинктивно, но всегда стремится къ такому самочувствію, которое удовлетворяло-бы его, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что конечная субъективная цѣль человѣка, будетъ-ли, опять таки, она вполнѣ сознана или нѣтъ,—всегда заключается въ немъ самомъ, въ его собственной жизни. Человѣкъ можетъ отдаваться совершенно без-

*) Явленіе симпатіи, конечно, не противорѣчаютъ этому. Мы сочувствуемъ горю и радости другихъ лишь тогда и по столько, когда и по сколько они передаются, такъ сказать, и намъ, становятся нашимъ горемъ, нашею радостью; и чужія горе и радость именно по столько могутъ опредѣлять наше поведеніе, по сколько они воплощаются въ нашемъ собственномъ самочувствіи, становятся, черезъ симпатію, фактами нашей собственной жизни.

корыстной дѣятельности на пользу другихъ, можетъ совершенно безкорыстно служить какому нибудь высокому идеалу, но онъ можетъ дѣлать это только потому и тогда, когда такая дѣятельность, такое служеніе непосредственно удовлетворяютъ его внутреннее самочувствіе и когда противоположные поступки угнетаютъ его. Такимъ образомъ и самая безкорыстная въ сознательной своей формѣ дѣятельность, въ психологической основѣ своей должна быть признана инстинктивно-эгоистическою и не можетъ быть иною. Другой выводъ заключается въ слѣдующемъ. Всякая способность требуетъ себѣ соответствующей дѣятельности, въ которой и находитъ удовлетвореніе самочувствіе чловѣка; а дѣятельностью способностей исчерпывается вся наша субъективная жизнь, такъ что чѣмъ полнѣе и свободнѣе эта дѣятельность, тѣмъ полнѣе и свободнѣе и наша внутренняя жизнь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли выше, тѣмъ болѣе оказывается удовлетвореннымъ и наше самочувствіе. Слѣдовательно, мы можемъ выставить такое положеніе: чѣмъ полнѣе и выше наша внутренняя субъективная жизнь, тѣмъ болѣе удовлетвореннымъ оказывается наше субъективное сознаніе (самочувствіе), и стремленіе осуществить для себя такую жизнь есть общее стремленіе всѣхъ людей (и всѣхъ животныхъ). Это положеніе составляетъ основной принципъ нашей теоріи счастья, и мы должны остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

У.

Кромѣ отдѣльныхъ, спеціальныхъ чувствованій, наполняющихъ наше сознаніе и удовлетворяющихъ или неудовлетворяющихъ его, мы непосредственно сознаемъ, также въ формѣ чувства, и общее состояніе нашего я, являющееся результатомъ всей суммы нашихъ возбужденій и чувствованій, имѣющихъ мѣсто въ данный моментъ. Это сложное чувство, концентрирующее и, такъ сказать, сливающее въ себѣ всѣ отдѣльные моменты нашей субъективной психической жизни, мы можемъ назвать общимъ чувствомъ жизни. Обыкновенно, оно бываетъ болѣе или менѣе смутно, отступаетъ какъ бы на задній планъ и составляетъ, по выраженію Вундта, „слабо освѣщенный фонъ къ явленіямъ психической жизни“, причемъ впереди стоятъ болѣе частныя и опредѣленныя чувствованія, преимущественно наполняющія наше сознаніе въ данный моментъ и главнымъ образомъ опредѣляющія общій характеръ нашей субъективной жизни этого момента. Но если бы мы отсюда слѣ-

„Дѣло“, № 5, 1882 г. I.

дали заключеніе, что общее чувство жизни, вслѣдствіе своей неотчетливости, должно имѣть для насъ второстепенное значеніе, то мы впали-бы въ грубую ошибку. Дѣйствительно, хотя каждое частное чувствованіе, выражая собою отдѣльный моментъ нашей субъективной жизни, имѣетъ для насъ свою непосредственную цѣну, тѣмъ не менѣе, лишь общее чувство, выражающее собою ни что иное, какъ общее состояніе нашего субъективнаго сознанія, должно опредѣлять, на сколько это состояніе субъективно удовлетворительно или неудовлетворительно, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, субъективная цѣнность всѣхъ частныхъ чувствованій опредѣляется, въ конечномъ анализѣ, именно тѣмъ, какъ дѣйствуютъ они на общее наше чувство жизни. Для полноты и наибольшей высоты этого общаго чувства необходимо, чтобы всѣ психическіе процессы могли развиваться свободно, во всей своей силѣ и разнообразіи. Но это достигается лишь тогда, когда потребности субъекта находятъ себѣ удовлетвореніе, и въ этихъ случаяхъ жизнь достигаетъ наибольшей высоты и энергій, она свободно и могуче льется широкою, многоводною рѣкою, и сознаніе субъекта оказывается наиболѣе удовлетвореннымъ. Если, напротивъ, субъектъ не можетъ почему нибудь достигъ этого, то онъ страдаетъ, у него является угнетеніе духа, всѣ функціи послѣдняго понижаются, а поэтому, конечно, понижается и общее чувство жизни. И слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это *общее угнетеніе духа для насъ важнѣе и тяжелѣ всякаго частнаго страданія* *). Человѣкъ, отличающійся энергіею внутренней жизни, сравнительно легко переноситъ несчастіе, такъ-какъ онъ не впадаетъ въ уныніе, не предается отчаянію, а всегда почти находитъ или, по крайней мѣрѣ, надѣется найти какой нибудь выходъ изъ своего тяжелаго положенія; вслѣдствіе этого, тутъ не такъ сильно общее угнетеніе духа, нѣтъ крайняго упадка чувства внутренней жизни, и потому страданіе теряетъ уже свою сокрушающую силу. Въ жизни людей возможны даже случаи страданій, которыя, въ силу особыхъ условій, не понижаютъ, а напротивъ, повышаютъ общій уровень внутренней жизни, не угнетаютъ, а дѣлаютъ болѣе высокимъ и могучимъ внутренній строй чувствованій и настроеній.

*) „Хотя удовольствія и страданія, говоритъ Спенсеръ, — состоятъ изъ мѣстныхъ и очевидныхъ элементовъ чувствованія, возбужденныхъ прямо специальными стимулами, однако, въ то-же самое время, они состоятъ изъ очень обширной мѣрѣ, если не главнымъ образомъ, изъ вторичныхъ элементовъ чувствованія, возбуждаемыхъ не прямымъ образомъ, а именно путемъ общаго возбужденія всей нервной системы“. (Осн. псих., т. IV, стр. 341).

Такія страданія служать, въ конечномъ выводѣ, скорѣе источникомъ счастья, а не несчастія, и человекъ съ радостью встрѣчаетъ и переноситъ ихъ, а не избѣгаетъ, какъ онъ избѣгаетъ всякаго истиннаго несчастія. Вспомнимъ, какъ охотно шли многіе изъ древнихъ христіанъ на муки за свою вѣру, за страстную любовь свою къ Богу, и какъ они были счастливы во время самыхъ страданій своихъ. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сознаніе высоты подвига такъ повышаетъ внутреннюю жизнь человека, удовлетворяя самымъ дорогимъ субъективнымъ потребностямъ его, что, вмѣсто угнетенія духа, является настроеніе какъ разъ противоположное, и это-то повышение внутренней жизни дѣлаетъ не страшными муки и смерть. Краткій періодъ такой необычайно могучей и высокой жизни, такого подъема чувства жизни, человеку дороже цѣлыхъ годовъ блѣднаго и безцвѣтнаго существованія. Точно также возможны и, вообще говоря, даже очень нерѣдки въ жизни людей противоположные случаи, подтверждающіе ту-же самую истину. При особыхъ условіяхъ, наслажденіе, непосредственно испытываемое нами, можетъ, косвеннымъ путемъ, путемъ вторичныхъ идей и чувствъ, обусловливаемыхъ и вызываемыхъ ими, дѣйствовать понижающимъ, угнетающимъ образомъ на общій уровень нашего субъективнаго настроенія или чувства жизни, и тогда самое это наслажденіе теряетъ уже для насъ всякую субъективную цѣнность. Разъ удовольствіе наше «отравлено» примѣсью этихъ, угнетающихъ душу, идей и эмоцій — оно перестаетъ уже быть для насъ удовольствіемъ. Характерно здѣсь самое слово «отравлено», обыкновенно употребляемое нами въ подобныхъ случаяхъ. Нормальное, здоровое наслажденіе или удовольствіе должно дѣйствовать повышающимъ и укрѣпляющимъ образомъ на наше внутреннее настроеніе, какъ здоровая пища укрѣпляетъ и возвышаетъ энергію тѣла. Но удовольствіе, понижающее нашу внутреннюю жизнь, является для насъ чѣмъ-то прямо противоположнымъ сущности нашихъ субъективныхъ стремленій, какъ отравленная пища находится въ прямомъ противорѣчій съ потребностью тѣла въ здоровомъ, укрѣпляющемъ питаніи.

Такимъ образомъ на основаніи предъидущаго мы должны заключить, что въ стремленіи удовлетворить свои потребности, у субъектовъ проявляется, въ сущности, болѣе общая и могучая потребность — потребность повысить свою жизнь, и субъективная цѣнность, положительная или отрицательная, всякаго чувствованія, въ концѣ концовъ, основывается преимущественно на томъ вліяніи, какое оно оказываетъ на высоту жизни вообще, на общее чувство жизни. Но если вся дѣятельность, всѣ сознательныя уси-

лія субъекта направлены на то, чтобы повысить по возможности свою внутреннюю жизнь, то отсюда мы вправе вывести, что жизнь составляет для него высшее благо. Дѣйствительно, такъ-какъ психическая жизнь составляет все содержаніе субъекта или, лучше сказать, всего субъекта, то гдѣ-же и можетъ заключаться для него это высшее благо, какъ не въ немъ самомъ, не въ его жизни? Чѣмъ выше наша жизнь, чѣмъ она полнѣе, чѣмъ свободнѣе и неугнетеннѣе течетъ она, тѣмъ чувствуемъ мы себя счастливѣе, и чѣмъ болѣе она угнетена какими нибудь обстоятельствами, тѣмъ мы несчастнѣе. Это законъ, не представляющій исключеній во всемъ мірѣ субъектовъ, потому что онъ обуславливается самою сущностью ихъ природы. И съ этой точки зрѣнія мы можемъ понять любовь къ жизни не только какъ бессознательное хотѣніе, инстинктъ самосохраненія, но и какъ вполне сознательное, основанное на внутреннемъ опытѣ, рѣшеніе и чувство.

Выше мы сказали, что желаніе жить возможно-полною и свободно-могучею жизнью составляетъ законъ, не представляющій исключеній въ мірѣ субъектовъ. Но намъ могутъ указать на нѣкоторые случаи повидимому противорѣчаціе такому закону, могутъ, напр., указать на отшельниковъ и аскетовъ, которые главною ближайшею цѣлью себѣ ставятъ самоистязаніе и умерщвленіе всякихъ естественныхъ влеченій и потребностей, что, конечно, равняется сознательному стремленію понизить общій уровень своей жизни; могутъ указать, наконецъ, на факты самоубійства. Поэтому, въ виду особаго значенія и интереса такихъ явленій, мы не можемъ оставить ихъ здѣсь безъ вниманія.

Характерною чертою аскетической жизни, если мы взглянемъ на нее поверхностно, дѣйствительно является то обстоятельство, что аскетъ всѣми силами своей души стремится къ крайней односторонности и бѣдности существованія, подавляя, путемъ страстной борьбы съ самимъ собою многія, совершенно естественныя и нормальныя влеченія и нужды своей природы. Но если мы внимательнѣе всмотримся въ это явленіе, то увидимъ, что и оно легко можетъ быть объяснено, на основаніи общаго принципа стремленія къ жизни. При невысокомъ уровнѣ развитія субъективно-объективныхъ условій существованія, потребности человѣка часто оказываются во взаимномъ противорѣчій, такъ что для удовлетворенія однихъ, человѣкъ необходимо долженъ жертвовать другими, и овъ, въ такихъ случаяхъ, всегда жертвуетъ менѣе сильными, или менѣе дорогими для него субъективно потребностями, ради удовлетворенія болѣе сильныхъ, потому что, только поступая такимъ образомъ, онъ можетъ все-же осуществить возможно-высокую для

себя жизнь. Конечно,—как мы уже и упоминали выше,—иногда человекъ ошибается при этомъ выборѣ, и отъ подобныхъ ошибокъ, болѣе или менѣе, предохраняетъ только сравнительно высокій уровень душевнаго развитія, которое, съ одной стороны, облегчаетъ правильную оцѣнку истиннаго субъективнаго значенія различныхъ желаній, съ точки зрѣнія вліянія ихъ на общій уровень жизни, а съ другой—увеличиваетъ способность человека сознательно управлять своими поступками, не отдаваясь слѣпо инстинктивнымъ побужденіямъ, всегда имѣющимъ въ виду лишь непосредственное и ближайшее, а не общее и идеальное. Но и въ тѣхъ ошибкахъ, которыя человекъ слишкомъ часто дѣлаетъ теперь на практикѣ, и которыя нерѣдко отрицаютъ всякую возможность для него дѣйствительно полной жизни, онъ дѣйствуетъ, тѣмъ не менѣе, единственно лишь во имя желанія (сознательнаго или инстинктивнаго) такой жизни, насколько онъ можетъ понять ее. Дальше, впрочемъ, намъ еще придется коснуться этого факта, а теперь лишь замѣтимъ, что, при особыхъ условіяхъ, нѣкоторыя потребности достигаютъ такой необычайной силы, что волю и безраздѣльно подчиняютъ себѣ умъ и сердце человека, и тогда, дѣйствительно, удовлетворить, во что-бы то ни стало, такія могучія потребности—значитъ для него осуществить самую полную, какаю только ему доступна, высоту и напряженность жизни, оставить-же ихъ безъ удовлетворенія—значитъ сдѣлать свое существованіе невыносимо тяжелымъ и печальнымъ. Вотъ, съ этой-то точки зрѣнія, мы и можемъ правильно понять жизнь и подвижничество аскета. Послѣдній всегда представляетъ собою цѣльную личность, съ сильною волею, съ способностью къ страстнымъ, въ высшей степени интенсивнымъ чувствамъ и эмоціямъ. Если умомъ и сердцемъ такого человека овладѣваетъ какая-нибудь идея, — онъ дѣлается самымъ фанатическимъ ея послѣдователемъ, не останавливающимся ни передъ какими препятствіями для ея воплощенія въ своей жизни и для пропаганды ея среди другихъ людей. Религіозный аскетъ характеризуется тѣмъ, что, подъ вліяніемъ различныхъ условій, вся духовная жизнь его сосредоточивается на религіозныхъ представленіяхъ, всѣ мысли его, всѣ желанія направлены въ эту сторону, и сообразно съ этимъ опредѣляются его главные потребности, въ этой сферѣ зарождаются и живутъ его самыя дорогія ему волненія. Но если характеръ человека, его мысли и чувства принимаютъ такое направленіе, то и общій идеалъ самой высокой и полной жизни вырабатывается имъ подъ вліяніемъ тѣхъ-же субъективныхъ данныхъ. Предаваясь своему подвижничеству, аскетъ лишь удовлетворяетъ самыя глубокія и сильныя потребно-

сти своей души и испытываетъ при этомъ именно тѣ чувствованія, которыя ему кажутся наиболѣе цѣнными, которыя наиболѣе способны наполнять и удовлетворить его сознаніе. Всякая иная жизнь показалась-бы ему блѣдною и слабою сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ живетъ теперь. Противорѣча, кажуцямся образомъ, всеобщему въ субъективномъ мірѣ стремленію жить, отрекаясь, повидимому, отъ жизни, онъ, на самомъ дѣлѣ, живетъ настолько полно и интенсивно, насколько это, вообще, доступно ему. Чѣмъ мучительнѣе его страданія, чѣмъ тяжелѣе его добровольное подвижничество, тѣмъ живѣе и сильнѣе за то въ немъ самыя дорогія ему чувства, тѣмъ напряженнѣе и глубже его жизнь. „Въ христіанскомъ аскетѣ,—говоритъ г. Гусевъ,—влеченіе и чувство не только не убито, но напряжено, и только сконцентрировано на одномъ трансцендентномъ предметѣ, на представленіи безконечнаго, высочайшаго существа“ (Гусевъ. Изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауера, стр. 164). Аскетическій идеалъ жизни, съ извѣстной точки зрѣнія, конечно, бѣденъ, жизнь при немъ односторонняя и узка, но самъ подвижникъ не замѣчаетъ этого потому, что онъ не знаетъ и не признаетъ иной, болѣе высокой, жизни. Притомъ, если жизнь его и односторонняя, за то она отличается страшною интенсивностью, потому что чувствованія, наполняющія его сознаніе, волнуютъ его до полного самозабвенія, овладѣваютъ имъ до того, что онъ не чувствуетъ своихъ страданій, своихъ лишеній, своего одиночества. „Яко-же человѣкъ,—говоритъ Исаакъ Сиронъ,—пія вино въ денѣ плача и упиваяся, всяку печаль болѣзней своихъ забываетъ: тако и упивыйся любовію Бога въ мірѣ семъ, иже есть домъ плача, болѣзни и печали, своя вся забываетъ и бываетъ не чувственъ отъ всѣхъ страстей грѣха, упоенія ради своего“. Кромѣ этой силы чувства, переживаемыя подвижникомъ, отличаются также и своею качественною высотой, такъ-какъ вся его подвижническая дѣятельность проникнута идеальнымъ характеромъ, совершается во имя самаго высокаго идеала, какой только понятенъ ему. Въ этомъ отношеніи мы должны здѣсь замѣтить вообще, что сознаніе своей силы всегда непосредственно бываетъ субъективно дорого и пріятно человѣку, а сознаніе слабости, угнетая человѣка и понижая, поэтому, общее чувство его жизни всегда бываетъ ему тягостно и непріятно. Точно также непосредственное сознаніе или лучше сказать чувство своей нравственной силы и высоты подвига, равно какъ и стремленіе еще болѣе повысить то и другое, должны необходимо сообщить жизни аскета особую субъективную цѣнность, должны поддержать его въ его тяжелой борьбѣ, усилить его эн-

тузіазмъ и страстное стремленіе къ идеалу. Конечно, аскетическую жизнь способны жить только исключительно сильныя натуры, потому что аскетическая борьба съ собою дается не легко, и лишь очень немногіе въ силахъ послѣдовательно выдерживать и довести ее донца, потому что лишь у очень немногихъ самочувствіе можетъ, при такой борьбѣ, быть повышено, а не угнетено.

Теперь намъ слѣдуетъ, хотя кратко, остановиться еще на одномъ фактѣ, который, повидимому, трудно примирить съ стремленіемъ субъектовъ къ жизни, трудно примирить съ тѣмъ, что послѣдняя есть для нихъ высшее благо. Фактъ этотъ—самоубійства, которыя, съ каждымъ годомъ, становятся, кажется, все чаще и чаще, такъ что сдѣлались, наконецъ, чуть не обычнымъ для насъ явленіемъ. Какъ понять это, до извѣстной степени, добровольное отрипаніе своей жизни? Въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ обычному и нормальному стремленію жить?

Кромѣ частныхъ чувствованій, мы сознаемъ, какъ было упомянуто выше, и общій результатъ ихъ, общее чувство жизни. Это чувство, конечно, не можетъ быть совершенно одинаково у различныхъ субъектовъ и у одного и того-же субъекта въ различные моменты его жизни; но, тѣмъ не менѣе, для cadaго человѣка существуетъ какъ-бы нейтральный, до извѣстной степени, неизмѣнный уровень его, который обыкновенно не сопровождается никакими особыми и ясно выраженными чувствами страданія или удовольствія. Если этотъ нейтральный уровень чувства жизни повышается, то жизнь становится для человѣка объективно болѣе цѣнною и привлекательною; если-же, напротивъ, онъ, въ силу какихъ-нибудь условій, понижается, то человѣкъ чувствуетъ общее угнетеніе духа, страдаетъ и печалится и жизнь для него, болѣе или менѣе, обезцѣнивается. Всякое неудовлетвореніе существенныхъ потребностей, всякое горе,—принимаетъ-ли оно острую форму жгучаго страданія, или тупую, хроническую форму вѣчнаго томленія, апатія,—всегда, въ концѣ концовъ, дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на чувство жизни и, такъ сказать, организуется въ этой пониженной жизни, если человѣкъ окажется не въ силахъ ни устранить причинъ, отравляющихъ его существованіе, ни примириться съ своимъ положеніемъ. Но пониженіе общаго уровня жизни равняется для субъекта относительной смерти, и если пониженіе это чрезмѣрно велико и продолжительно, то существованіе дѣлается для человѣка только тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ. Въ такихъ случаяхъ, человѣкъ, можно сказать, воплощаетъ въ себѣ лишь одну форму жизни, въ то время, какъ внутри его погибла вся истинная жизнь, состоящая въ свободной и широкой смѣнѣ душев

ныхъ волненій, и осталась живая противоположность ея, — живая потому, что она все-же не есть полная, абсолютная смерть, а только страшный упадокъ, страшное пониженіе этой жизни. Но въ чемъ-же, собственно, тутъ заключаются сущность явленія? Въ разладѣ между субъективнымъ идеаломъ жизни, т. е. инстинктивно-желанною полнотою ея, и дѣйствительною, осуществившеюся жизнью. Коренная потребность субъекта въ полной жизни тутъ остается неудовлетворенною, и насколько великъ этотъ разладъ, настолько-же велико, необходимо и страданіе. Абсолютная смерть, въ такихъ случаяхъ, можетъ представиться субъекту лишь освобожденіемъ отъ этого тяжкаго, безъисходнаго страданія, и какъ ни страшно, само по себѣ, это освобожденіе, но и оно можетъ сдѣлаться желательнымъ.

Такимъ образомъ, намъ становится, болѣе или менѣе, понятна возможность самоубійства, и оно вовсе не находится въ непримиримомъ противорѣчій съ тѣмъ, что самая полная жизнь всегда является конечною цѣлью для субъектовъ. Напротивъ, такъ-какъ сущность причинъ самоубійства, — по скольку послѣднее не есть явленіе чисто патологическое, — заключается именно въ томъ, что дѣйствительная, осуществившаяся жизнь настолько угнетена, что совершенно не удовлетворяетъ глубокой, инстинктивной потребности человѣка въ жизни и разбиваетъ всѣ надежды его на сколько-нибудь полную жизнь, то мы даже и въ самоубійствѣ находимъ, скорѣе, подтвержденіе нашего общаго взгляда на значеніе для субъекта его жизни.

VI.

Теперь мы приобретаемъ твердую почву для постановки и рѣшенія вопроса о счастіи. Всеобщая цѣль субъективныхъ стремленій, какъ показало намъ предъидущее изслѣдованіе, есть жизнь или, лучше, возможное повышеніе ея, возможное повышеніе чувства жизни, и это основное единство содержанія легко открывается, при помощи анализа, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ всего меньше можно было-бы, повидимому, ожидать этого. И, притомъ, не только въ людяхъ, но и въ животныхъ, мы находимъ лишь субъектовъ, полныхъ одного только страстнаго желанія — жизни, возможно-высокой и полной. Но если для всѣхъ субъектовъ жизнь всегда есть конечная цѣль стремленій и высшее благо, то не вправдѣ-ли мы были-бы уже аргіогі заключить отсюда, что и счастіе для нихъ можетъ быть только одно—это жизнь, самая высо-

кая и полная, какую только данный субъектъ можетъ представить себѣ, сообразно со своей природой и развитіемъ? Дѣйствительно, мы уже видѣли раньше, что сущность счастливаго настроенія всегда состоитъ именно въ подъемѣ внутренней жизни, въ повышеніи чувства жизни, въ возвышеніи энергіи жизни. Всякій разъ, какъ возвышается наша внутренняя, субъективная жизнь, когда свободнѣе и энергичнѣе текутъ ея феномены, ничѣмъ не подавленные, ничѣмъ не угнетенные, — всякій разъ мы чувствуемъ себя счастливѣе, и субъективное сознание наше оказывается наиболѣе удовлетвореннымъ; чѣмъ, напротивъ, сильнѣе подавлена и угнетена наша жизнь, тѣмъ мы несчастнѣе. Слѣдовательно, жизнь свободная, не угнетенная, энергичная, словомъ, самая высокая и полная субъективная жизнь, какую только мы можемъ себѣ представить, — вотъ общій нашъ идеаль счастія, въ его сущности. Но, съ этой точки зрѣнія, всеобщее и естественно-необходимое стремленіе всѣхъ субъектовъ къ наибольшему повышенію своей жизни явится для насъ ничѣмъ инымъ, какъ инстинктивнымъ стремленіемъ повысить свою жизнь именно до той степени, чтобы она составила для даннаго субъекта *счастіе*, чтобы она была для него этимъ счастіемъ. Человѣкъ, по справедливому замѣчанію Милля, можетъ жить и безъ счастія, если только угнетеніе его жизни не переходитъ извѣстной, крайней степени, — но, тѣмъ не менѣе, онъ всегда стремится и не можетъ не стремиться къ тому, чтобы по возможности, повысить свою жизнь, т. е., по возможности, приблизиться къ своему счастію. Эти два явленія или, лучше сказать, два закона, управляющіе субъективною жизнью, — стремленіе къ счастію и стремленіе къ полной жизни, — нераздѣльны другъ съ другомъ, сливаются между собою и, въ дѣйствительности, должны быть приняты за единый законъ, разсматриваемый только съ различныхъ точекъ зрѣнія — субъективной и объективной. Субъективно человѣкъ стремится къ жизни именно потому, что она есть для него высшее благо и счастіе.

Такимъ образомъ, на основаніи предъидущаго, мы должны признать, что утилитаристы въ сущности совершенно правы, считая счастіе единственною конечною субъективною цѣлью человѣка. Кромѣ того, мы должны оправдать и ту сторону ученія утилитаристовъ, — столь ненавистную ихъ противникамъ, — которая утверждаетъ, что въ основѣ всѣхъ стремленій человѣка лежитъ эгоизмъ, потому что, дѣйствительно, всякій инстинктивно стремится, въ сущности, только къ тому, чтобы *его* жизнь была возможно высока и полна, всякій желаетъ, слѣдовательно, своего счастія. Впослѣдствіи мы въ состоявіи будемъ правильнѣе понять все зна-

ченіе этого основнаго факта, правильнѣе оцѣнить тѣ послѣдствія, которыя логически необходимо должны быть выведены изъ него, а пока остановимся, хотя не надолго, надъ разнообразіемъ формъ проявленія этого всеобщаго стремленія къ жизни, къ счастью. Разнообразіе это, дѣйствительно, велико, такъ велико, что, на первый взглядъ, его, кажется, невозможно свести къ какому-нибудь единству, тѣмъ болѣе, что тутъ насъ поражаютъ факты, кажущіеся, по самой сущности, противорѣчивыми и непримиримыми другъ съ другомъ. Но, на самомъ дѣлѣ, указанное внутреннее единство существуетъ, и раскрыть его намъ теперъ очень легко.

Такъ-какъ въ жизни и дѣятельности людей мы находимъ вообще воплощеніе стремленія къ тому, что человекъ считаетъ наилучшею, возможною для себя жизнью, то формальное разнообразіе стремленій и желаній, наблюдаемое нами среди людей, должно необходимо зависѣть отъ различія въ ихъ основныхъ воззрѣніяхъ на жизнь и счастье, отъ различія въ ихъ соотвѣтственныхъ идеалахъ. Но идеалами этими, какъ мы упоминали уже выше, для человека всегда служитъ такое состояніе или положеніе, при которомъ онъ падѣется наилучшимъ и самымъ полнымъ образомъ удовлетворить всѣмъ своимъ, сколько-нибудь важнымъ для него, потребностямъ, т. е., другими словами, падѣется на возможную и понятную для него высоту и полноту жизни; потребности-же человека находятся въ прямой зависимости отъ того, какія силы или способности были вызваны у него къ дѣятельности условіями жизни. Такимъ образомъ, въ общее понятіе личности о жизни войдетъ лишь то, что она знаетъ по своему собственному внутреннему опыту, лишь тѣ чувствованія, которыя она сама переживала болѣе или менѣе часто и напряженно и которыя, слѣдовательно, ей хорошо извѣстны. При этомъ, конечно, тѣ чувства, которыя играли наиболѣе значительную роль въ ея субъективномъ опытѣ, займутъ первое мѣсто и въ ея общемъ понятіи или идеалѣ жизни, и ими, главнымъ образомъ, опредѣлится ея идеалъ счастья. Для уясненія вопроса, возьмемъ здѣсь лишь два крайніе случая въ развитіи субъектовъ. Личность съ развитою мыслью и высокимъ нравственнымъ развитіемъ переживаетъ чувства, испытываетъ настроенія совершенно недоступныя и неизвѣстныя другимъ, ниже стоящимъ, въ которыхъ не могли развиваться эти высшія способности и весь внутренній міръ которыхъ опредѣляется игрою животной природы или узко-эгоистическихъ страстей и склонностей. Вслѣдствіе этого, жизнь въ глазахъ первой будетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ въ глазахъ вторыхъ, и требованія ея отъ жизни будутъ иныя, и жить она хочетъ иначе. Ея развитая мысль и высокое нравственное чув-

ство вызывають въ ней соотвѣтственныя потребности и поэтому воплощаются ею въ дѣятельности, направленной къ ея собственному развитію и къ благу другихъ людей. Самыя дорогія для нея чувства живутъ въ этой сферѣ, и ничто не можетъ заставить ее отказаться отъ своихъ идеаловъ и отъ соотвѣтственной дѣятельности. Кто испыталъ болѣе высокія наслажденія, болѣе широкую и могучую жизнь, того уже не удовлетворитъ бѣдный міръ чувствованій, доступныхъ, въ сущности, и всякому животному, и такая жизнь показалась-бы ему хуже смерти, потому что она оставила-бы безъ удовлетворенія именно тѣ субъективныя потребности, которыя наиболѣе расширяли и повышали его жизнь, наиболѣе возвышали, поэтому, субъективную цѣнность послѣдней. Даже въ случаѣ невозможности удовлетворить свои человѣчныя, нравственныя потребности, человѣкъ, — пока онъ останется, по крайней мѣрѣ, на высотѣ своего развитія, пока не заглохнуть въ немъ, не будутъ подавлены безнравственною средою его высшія способности и чувства, — не можетъ и не захочетъ промѣнять своего страданія на довольство животное-людей. Сознаніе широты и качественной высоты своей внутренней жизни такъ дорого ему, самыя страданія его такъ человѣчно-высоки, что мелкая узко-эгоистическая жизнь другихъ людей возбуждаетъ въ немъ лишь сожалѣніе и презрѣніе — такъ она кажется ему бѣдна и низка. Если-же, напротивъ, личность не имѣетъ никакого представленія объ этихъ высокихъ человѣчныхъ чувствахъ, потому, что никогда ей не довелось испытать ихъ, то они не могутъ и войти въ ея понятіе о жизни, и послѣдняя наиболѣе полно осуществляется для нея въ эффектахъ животныхъ инстинктовъ и грубыхъ узко-эгоистическихъ чувствованій, составляющихъ почти все содержаніе ея субъективности. Если такая личность натолкнется въ жизни на поступки другого человѣка, вытекающіе изъ глубоко-гуманныхъ, нравственныхъ мотивовъ, то она, въ большинствѣ случаевъ, не въ силахъ даже будетъ сколько-нибудь правильно понять ихъ, а, скорѣе всего, объяснить какими-нибудь скрытыми узко-эгоистическими разсчетами, или-же они покажутся ей несомнѣннымъ доказательствомъ только одного — непростительной глупости совершившаго ихъ человѣка. Очевидно, стремленія и дѣятельность людей въ этихъ двухъ случаяхъ будутъ, по своему эмпирическому характеру и направленію, совершенно противоположны между собою, какъ противоположны и лежащія въ основѣ ихъ субъективныя характеры; но, тѣмъ не менѣе, въ обоихъ ихъ воплощается, въ сущности, одно и то-же субъективное стремленіе къ жизни, и каждый человѣкъ желаетъ лишь довести свою жизнь до той полноты и высоты, какою только онъ можетъ

понять и представить себя, какая могла-бы, по его мнѣнію, удовлетворить его, могла-бы, слѣдовательно, быть для него счастьемъ. Въ этомъ отношеніи, душевное развитіе можетъ только расширить и повысить идеалы человѣка, можетъ сдѣлать его болѣе способнымъ къ осуществленію этихъ, дѣйствительно высокихъ и лучше сознанныхъ идеаловъ, но оно, во всякомъ случаѣ, не мѣняетъ и не можетъ измѣнить типа субъективной жизни, въ основѣ которой всегда лежитъ инстинктивное побужденіе къ собственному расширенію и повышенію.

Какія-же слѣдствія можемъ мы извлечь изъ указаннаго обобщенія понятій жизни и счастья?

Если жизнь есть для человѣка, какъ и для всякаго другого субъекта, единое и высшее благо, то, съ объективной точки зрѣнія, повышение этой жизни съ субъективной—будетъ повышениемъ этого блага; и если, въ то-же время, наиболѣе полная жизнь есть для человѣка наивысшее счастье и доступная для него степень счастья опредѣляется, поэтому, доступною для него степенью субъективной жизни, то всякое новое повышение этой жизни есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и повышение возможнаго для него счастья. Такимъ образомъ, при сравненіи всѣхъ возможныхъ идеаловъ жизни, мы должны будемъ, по самой сущности счастья, поставить выше всѣхъ идеалъ, *дѣйствительно* выражающей собою самую полную и высокую человеческую жизнь, т. е. такую жизнь, какая только вообще осуществима *для человека*, по кореннымъ свойствамъ его природы. Этотъ наивысшій идеалъ жизни и счастья долженъ быть признанъ, такъ сказать, объективно-всеобщимъ для людей идеаломъ, потому что онъ чуждъ всякой произвольности, соответствуетъ глубочайшимъ инстинктивнымъ и непреодолимымъ побужденіямъ субъективной природы человѣка и, въ то-же время, какъ мы лучше увидимъ дальше, и по сущности своей, и по необходимымъ слѣдствіямъ своимъ, есть дѣйствительно нравственный идеалъ. Конечно, личность, стоящая на низкой ступени развитія, можетъ считать себя, по причинѣ бѣдности своего идеала, счастливою, пользуясь, въ дѣйствительности, очень слабою и узкою жизнью; но для насъ совершенно очевидно, что такая жизнь кажется ей удовлетворительною именно лишь вслѣдствіе бѣдности ея силъ и потребностей, такъ-какъ она, на самомъ дѣлѣ, не переживаетъ, можетъ быть, и десятой доли той жизни, которая потенциально доступна человѣку. Полная и человѣчно-высокая жизнь достигается лишь путемъ гармоническаго развитія и свободной дѣятельности всѣхъ силъ и способностей (и специфически тѣхъ, которыя характеризуютъ собственно человеческую природу) въ наивыс-

шей степени. И таковъ, дѣйствительно, идеаль личности и идеаль счастья, который имѣеть право и должна выставить утилитарная доктрина, оставаясь вполне послѣдовательною по отношенію къ своему исходному принципу *).

Такъ какъ найвысшее счастье есть возможно высокая и полная жизнь, то отсюда слѣдуетъ, что способность къ энергичному повышенію жизни, способность къ сильнымъ и глубокимъ чувствамъ лежитъ въ основѣ способности быть истинно счастливымъ. „Страсти, — говоритъ Дюрингъ, — считаются обыкновенно разрушающими счастье нашей жизни“. И такой взглядъ совершенно правиленъ, если подъ страстью разумѣть самыя крайнія степени аффектовъ. Но если не говорить о чрезмѣрномъ и болѣзненномъ напряженіи послѣднихъ, то именно тѣ душевныя движенія, которыя выражаются въ страстяхъ, представляются намъ необходимыми формами бытія, достойнаго того, чтобы его переживать. Степень живости существованія зависитъ отъ свободной или подавленной игры аффектовъ. Жизнь, которая протекла-бы въ равномѣрномъ непрерывномъ покоѣ, едва-ли уже можно было-бы назвать жизнью; она граничила-бы съ духовною смертью... Отнимите у насъ нашу любовь и нашу ненависть, и вы превратите наше существованіе въ пустыню. Вычеркните изъ плана жизни возможность повышения аффектовъ до уничтоженія и жертвоприношенія ихъ носителя и, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, вы найдете, что и рѣчи не должно быть, болѣе объ энергіи жизни (Duhring. Der Werth des Lebens. 2. Aufl. S. 66—67). А безъ „энергіи жизни“ не можетъ быть, конечно, и рѣчи объ истинномъ счастьи. Справедливость этого положенія легко доказывается уже простымъ наблюденіемъ фактовъ реальной жизни, представляющихся намъ почти на каждомъ шагу. Въ жизни встрѣчается не

*) Чтобы правильно судить о сущности утилитаризма, какъ нравственной системы, необходимо строго различать его *исходный* принципъ, устанавливаемый имъ просто *какъ индуктивный фактъ*,—принципъ универсальности эгоизма, универсальности стремленія людей къ счастью,—отъ *собственно-нравственнаго* принципа или идеала наибольшаго счастья, устанавливаемаго имъ *какъ желательное и должное*. Только личность, создавшая этотъ идеаль и стремящаяся осуществить его, будетъ истиннымъ послѣдователемъ утилитаризма, *какъ нравственной системы*: только дѣйствія, согласныя съ этимъ идеаломъ, найдутъ себѣ *оправданіе* въ утилитаризмѣ, какъ въ *такой* системѣ. Табъ-какъ идеаль наибольшаго счастья можетъ быть осуществленъ только при самомъ высокомъ гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ и способностей, то свободно-гармоническое *развитіе* личности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо (какъ мы лучше увидимъ это дальше), содѣйствіе развитію другихъ людей, всего общества—вотъ основныя нравственныя требованія, которыя ставятъ утилитаризмъ своимъ послѣдователямъ.

мало людей, чувства и стремленія которыхъ до такой степени вялы и блѣдны, вообще субъективныя процессы, душевныя волненія до того слабы, маложизненны, что имъ почти „все—все равно“. Такие люди приближаются къ состоянію полного душевнаго безразличія, индифферентизма; они скорѣе прозябаютъ, подобно растенію, а не живутъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова. И чѣмъ болѣе приближается субъектъ, по своимъ свойствамъ, къ этой страшной, мертвящей апатіи, къ этой полной индифферентности, тѣмъ безцвѣтнѣе его существованіе, тѣмъ дальше отстоитъ онъ отъ всякой возможности истиннаго счастья, т. е. человѣчно-полной и высокой жизни. Субъективная цѣнность жизни при такихъ условіяхъ понижается почти до 0, и если-бы у человѣка была возможность удовлетворять всякія свои потребности, то и это не возвысило-бы въ его глазахъ прелести жизни, разъ его душевныя движенія до такой степени вялы, чувства до такой степени притуплены, внутренняя сила жизни до такой степени истощена. Болѣе жалкаго, печальнаго и безплоднаго существованія, кажется, нельзя себѣ представить. И если мы взглянемъ внимательнѣе именно въ нашу общественную жизнь, прислушаемся къ этимъ вѣчнымъ жалобамъ на нашу апатію и бездѣятельность, къ жалобамъ на то, что мы „къ добру и злу постыдно равнодушны“, то, можетъ быть, должны будемъ согласиться, что наша русская жизнь, особенно съ точки зрѣнія высшихъ, человѣческихъ интересовъ, едва-ли не болѣе жизни всякаго другого изъ европейскихъ обществъ, отличается этимъ печальнымъ характеромъ апатіи, индифферентизма, смерти. У насъ нѣтъ нравственной силы, нѣтъ истинно-человѣчной жизни, и потому-то мы такъ беззащитны, такъ робки и такъ жалко-несчастливы. Пробудить эту жизнь, дать возможность свободно развиваться нашимъ душевнымъ силамъ—вотъ въ чемъ одна изъ главныхъ задачъ и нравственныхъ обязанностей всѣхъ, кто можетъ такъ или иначе способствовать этому.

VI.

Счастьѣ есть наиболѣе полная и свободная (неугнетенная) жизнь—таковъ главный результатъ, къ которому привело насъ предыдущее изслѣдованіе. Благодаря такому опредѣленію счастья, мы легко можемъ видѣть, что весь вопросъ о немъ, съ субъективной точки зрѣнія, сводится, въ сущности, на то, чтобы субъективная жизнь была расширена и повышена въ возможно большей степени. Но, съ другой стороны, это субъективно-всестороннее повышение

жизни, путемъ гармоническаго развитія всѣхъ силъ и способностей, а вслѣдствіе этого и всѣхъ соотвѣтствующихъ потребностей,—представляетъ собою не только необходимое условіе осуществленія дѣйствительно высокаго полнаго счастья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое благоприятное субъективное условіе возможности счастья вообще. Субъективная жизнь, не поднявшаяся на эту высоту субъективности, не можетъ быть счастьемъ уже потому, что она, обыкновенно, или не находитъ себѣ удовлетворенія, но причинѣ односторонности своего развитія, если потребности живы и сильны, или-же, при бѣдности и слабости душевныхъ волненій, особенно волненій, специфически характеризующихъ собственно человѣческую природу,—самое удовлетвореніе можетъ дать лишь какое-то апатичное или чисто-животное довольство, далеко не заслуживающее того, чтобы его назвать человѣческимъ счастьемъ. Довольныхъ людей, какъ и довольныхъ животныхъ, можно не мало встрѣтить и въ настоящее время, но вторыя стоятъ тутъ на высотѣ своей животной субъективности, чего вовсе нельзя сказать о первыхъ, съ точки зрѣнія ихъ человѣческой природы. Разберемъ нѣсколько подробнѣе эти положенія.

Конечная цѣль всѣхъ субъективныхъ стремленій—повышеніе чувства жизни—можетъ достигаться вообще двумя путями: повышеніемъ напряженности какого-нибудь существующаго уже, пріятнаго, по основному своему характеру, чувствованія и смѣною впечатлѣній. И первый, и второй случай играютъ болѣе или менѣе значительную роль въ жизни всякаго человѣка, но ихъ относительное значеніе можетъ колебаться въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Какъ бы ни была одностороння и узка жизнь человѣка, все-таки трудно себѣ представить, чтобы она не заключала въ себѣ многихъ душевныхъ волненій, кромѣ какой-нибудь исключительно-господствующей узкой страсти съ соотвѣтственными ей чувствованіями; но, во всякомъ случаѣ, эти волненія тутъ бываютъ, сравнительно съ болѣе богатою и широкою жизнью, очень бѣдны и играютъ въ общемъ лишь незначительную роль, такъ что почти вовсе не способствуютъ повышенію жизни. Такимъ образомъ, всѣ шансы на повышеніе ея тутъ зависятъ отъ возможности удовлетворенія немногихъ и узкихъ, по своей сущности, но чрезмѣрно сильныхъ потребностей, которыя овладѣваютъ всею душою человѣка. При такихъ условіяхъ, однако, удовлетвореніе это невозможно, и жизнь не можетъ быть на столько высока и полна, чтобы составить счастье человѣка. Дѣло въ томъ, что чѣмъ одностороннѣе потребности, чѣмъ уже ихъ сфера, тѣмъ труднѣе и съ субъективной, и съ объективной точки зрѣнія, ихъ удовлетвореніе, тѣмъ менѣе для

субъекта шансовъ на высокую, неугнетенную жизнь. Причину этого мы можемъ открыть и въ фзіологическихъ свойствахъ нервной системы. Извѣстно, что чѣмъ болѣе истощенъ нервъ предыдущимъ раздраженіемъ и дѣятельностью, тѣмъ менѣе дѣлается онъ чувствителенъ къ новымъ раздраженіямъ, такъ-что раздраженія, дѣйствующія на свѣжій нервъ сильно и очевидно, оказываются недостаточны въ примѣненіи къ нерву утомленному. Отъ этого происходятъ характерныя особенности и въ сферѣ нашей психической жизни, особенности, роковымъ образомъ обуславливающія субъективную невозможность удовлетворенія потребностей, если послѣднія узко-односторонни (каковы вообще всѣ узко-эгоистическія потребности) и отличаются живымъ характеромъ страсти и силы. При такихъ условіяхъ, человѣку дороги лишь немногія, одностороннія чувствованія, въ которыхъ заключается для него вся прелесть существованія, и потому всѣ силы и способности его направлены на эту сторону жизни. Вслѣдствіе постоянного, односторонняго раздраженія и напряженія и вслѣдствіе притупленія соотвѣтствующей сферы ощущеній и чувствъ, тотъ успѣхъ, который раньше дѣлалъ его счастливымъ, скоро совершенно перестаетъ удовлетворять его; ему дѣлается все труднѣе и труднѣе достигать своей истинной цѣли—повышенія чувства жизни, и, вмѣсто счастья, онъ встрѣчаетъ лишь разочарованія и страданія, которыя въ конецъ подрываютъ и отравляютъ его жизнь. Природа человѣка извращается, всѣ другія силы и способности его, кромѣ тѣхъ, которыя содѣйствуютъ удовлетворенію господствующей страсти, глоснуть и замираютъ, и если эта страсть передается потомству, то оно вырождается въ идиотовъ или помѣшанныхъ. Въ современномъ обществѣ часто встрѣчается подобное узко-одностороннее направленіе способностей и потребностей, такъ-какъ, въ связи съ общимъ строемъ соціально-политической жизни, у человѣка чаще всего биваютъ теперь подавлены самыя высокія стороны человѣческой природы, а первую роль играютъ потребности чисто-животныя или узко-эгоистическія. Такимъ характеромъ отличается, напр., исключительная страсть къ наживѣ, которая нерѣдко господствуетъ съ неодолимою силою надъ жизнью человѣка и часто низводитъ его на ступень какого-то безсердечнаго животнаго. Если такому человѣку и посчастливится первоначально въ жизненной борьбѣ, то, вслѣдствіе накопленія богатства и притупленія соотвѣтствующей сферы чувствъ, ему все труднѣе становится достигать той степени повышенія своей внутренней жизни, которая могла-бы хотя временно удовлетворить его сознание. Между тѣмъ, вся остальная жизнь его вымерла, ничто, кромѣ денегъ, не интересуется и не

влечать его къ себѣ, и онъ падаетъ жертвой своей алчности и слабости.—Что подобное ненормальное состояніе ведетъ не только къ невозможности удовлетворенія исключительной страсти, но и къ положительному вырожденію, умиранію другихъ силъ и способностей личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и къ общему пониженію жизни,—это совершенно понятно. Всѣ стороны человѣческой субъективности взаимно связаны другъ съ другомъ въ своемъ развитіи и проявленіяхъ и должны гложуть при недостаткѣ сооѣтствующаго упражненія въ жизни и дѣятельности человѣка. Поэтому, когда многія изъ этихъ сторонъ, даже большая часть, подавлены, то это тяжело отзывается на общемъ состояніи нервной системы и всего организма. Въ своей «Физиологии и Патологии души», Маудсли выражаетъ положительное убѣжденіе, что сосредоточеніе всѣхъ желаній главнымъ образомъ на одномъ—на жадѣ наживы—роковымъ образомъ ведетъ, въ концѣ концовъ, къ нравственной и умственной слабости, идиотизму, помѣшательству и къ полному вырожденію и прекращенію родовъ, охваченныхъ этою страстью. Изъ нашихъ ученыхъ, напр., Щаповъ также приводитъ нѣсколько фактовъ, гдѣ, въ какія-нибудь два-три поколѣнія, нѣкоторыя семьи дошли, подъ вліяніемъ той-же причины, до полного вырожденія въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ. (Щаповъ. О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. От. Зап. 72 г. X).

Но чѣмъ печальнѣе, такимъ образомъ, оказывается положеніе человѣка, въ случаѣ господства надъ нимъ какой-нибудь узкой страсти, тѣмъ необходимѣе ему сдѣлать доступнымъ для себя другое средство къ повышенію жизни. Это средство заключается, какъ мы говорили, въ смѣнѣ впечатлѣній, въ богатствѣ и широтѣ внутренней жизни. Если субъективность человѣка достаточно высока, то внутренній міръ его чувствъ, его душевныхъ волненій, будетъ отличаться не только глубиною жизни, но также и богатствомъ содержанія. Силы и способности тутъ многочисленны и дѣятельны а потому и потребности широки и разнообразны. Благодаря такимъ свойствамъ, у человѣка не призывается къ дѣйствию постоянно одна и та-же сфера чувствованія, нервная система не подвергается одностороннему, чрезмѣрному истощенію. Потребности, не развиваясь односторонне, не достигаютъ болѣзненной напряженности, превышающей всякую объективную возможность удовлетворенія. Такъ-какъ, въ каждый данный моментъ, мы сознаемъ собственно одну какую-либо потребность, то, при лежащемъ въ основаніи богатствѣ силъ, сознаніе необходимо будетъ переходить, по мѣрѣ удовлетворенія, отъ однихъ потребностей къ другимъ, смотря по степени напряженности сооѣтствующихъ силъ. А напряженность

послѣднихъ увеличивается, при обыкновенныхъ условіяхъ, пропорціонально продолжительности ихъ покоя. Такимъ образомъ, человѣкъ проявляетъ послѣдовательно свои силы и способности въ соответствующихъ дѣятельностяхъ, и, благодаря этой послѣдовательности и смѣнѣ ихъ, организмъ его сохраняетъ всю свою жизнённость, всю отзывчивость на впечатлѣнія. При такихъ субъективныхъ условіяхъ, общее чувство жизни, опредѣленное свѣжестью силъ и богатствомъ душевныхъ движеній, можетъ постоянно удовлетворять свою высоту сознание человѣка, если только вѣшнія условія жизни будутъ сколько-нибудь благопріятны, а не встанутъ стѣсняющею преградю для развитія и дѣятельности личности, для ея счастья. Относительно смѣны впечатлѣній слѣдуетъ еще сказать, что она и сама по себѣ, т. е. независимо отъ сохранения воспримчивости и свѣжести чувствованія, составляетъ необходимый элементъ сознанія жизни. Переходъ отъ одного впечатлѣнія къ другому дѣлаетъ это сознаніе или чувство жизни болѣе яснымъ и полнымъ и, поэтому, повышаетъ также счастье человѣка.

Итакъ, для полноты счастья и даже для простой возможности его необходимо, чтобы жизнь, была не только интенсивна, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы она была и широка, богата разнообразными чувствами и волненіями, дорогими для личности. Отсюда-то и вытекаетъ для насъ идеалъ послѣдней, какъ гармонически развившей всѣ свои силы и способности. Гармонія эта или извѣстное соотвѣтствіе въ развитіи способностей, а слѣдовательно и потребностей, должна быть осуществлена съ точки зрѣнія наибольшаго счастья людей, т. е. возможнаго повышенія ихъ субъективной жизни. Способности и силы человѣка составляютъ единственное субъективное основаніе его счастья, но при неразумномъ и безнравственномъ пользованіи ими, обуславливаемомъ неполнотою и одностороннею развитія, онѣ могутъ, точно также, послужить и источникомъ несчастья, какъ для самаго человѣка, такъ и для всѣхъ, участь которыхъ находится въ зависимости отъ него. Чѣмъ одностороннѣе развитіе человѣка и чѣмъ болѣе въ немъ получаетъ перевѣсъ животная сторона и потребности принимаютъ узко-эгонистическій характеръ, т. е., другими словами, чѣмъ на низшей ступени субъективной жизни стоитъ онъ, тѣмъ въ болѣе враждебное отношеніе онъ становится необходимо къ большинству людей и, по кореннымъ свойствамъ своего характера и направленія, онъ не можетъ не дѣйствовать понижающимъ образомъ на общій уровень жизни. При гармоническомъ-же развитіи своихъ силъ, а слѣдовательно, и при высокомъ развитіи своей умственно-нравственной или собственно-человѣчной стороны, человѣкъ необходимо дѣйствуетъ повышаю-

щимъ образомъ на средній уровень общественной жизни. Чтобы понять относительное значеніе, какъ для счастья личности, такъ и для развитія всего общества животной, узко-эгоистической и собственно-человѣчной стороны индивидуума, мы должны оцѣнить обѣ эти стогоны именно съ точки зрѣнія ихъ вліянія на общій уровень жизни. Такъ-какъ первая отличается узко-эгоистическимъ характеромъ, то міръ ея чувствованій, доступный, въ бѣльшей его части и другимъ животнымъ, сравнительно бѣденъ и качественно-низокъ; по этому, она и не можетъ возвысить счастья личности до счастья «человѣческаго». Во всемъ-же своемъ величій, во всемъ богатствѣ, собственно-человѣческая природа проявляется въ силахъ интеллектуально-нравственныхъ, которыя безгранично расширяютъ субъективный міръ, субъективную жизнь личности. Благодаря интеллектуальному развитію, послѣдняя охватываетъ весь объективный міръ своимъ умственнымъ взоромъ, своимъ знаніемъ; благодаря нравственному чувству, она охватываетъ весь міръ субъектовъ, понимаетъ его, сочувствуетъ ему, переживаетъ, такъ сказать, всю жизнь его въ своей душѣ. Такимъ образомъ, личность безпредѣльно расширяетъ этимъ путемъ свою жизнь, дѣлаетъ ее изъ узко-индивидуальной, бѣдной психическими волненіями—мировою, безграничною, какъ міръ и богатою, какъ онъ. Но вѣдь жизнь есть для субъекта высшее благо и счастье, и чѣмъ богаче, выше, полнѣе эта жизнь, тѣмъ выше это благо и счастье; по этому, такая мировая жизнь должна быть признана наивысшимъ благомъ и счастьемъ; стремленіе къ ней, какъ къ такому счастью, должно быть признано, съ утилитарной, или эвдемонической точки зрѣнія, единственно-разумнымъ и нравственнымъ, единственно соответствующимъ природѣ „человѣка“ и достойнымъ его. А. человекъ дѣйствительно способенъ жить „мировой“ жизнью, и она вовсе не должна казаться намъ какою-то несбыточною, праздною мечтою; напротивъ, она есть необходимый результатъ развитія въ человекѣ его „человѣческой“ природы и прямо и непосредственно вытекаетъ изъ этой послѣдней. По самой сущности своего основнаго стремленія къ счастью или къ повышенію жизни, человекъ долженъ подняться на эту ступень специфически-человѣческаго существованія. Слѣдовательно, вся задача состоитъ въ томъ, чтобы человекъ дѣйствительно сталъ «человѣкомъ», въ полномъ смыслѣ этого слова, и это, собственно, все, что нужно для его счастья. Намъ остается, въ сущности, только два выбора: или предположить, что люди останутся въ своемъ развитіи и никогда не встанутъ на высоту своего призванія, своей природы, искусственно заглушивъ лучшія, самыя высокія стороны ея; или-же они осуществятъ для себя, рано или поздно, эту ми-

ровую жизнь. Последнее должно признаться болѣе вѣроятнымъ, потому что оно согласуется съ естественнымъ прогрессомъ человечества, съ естественною потребностью его въ развитіи и жизни. Въ этомъ утилитаризмъ находитъ достаточное субъективное основаніе для своей «философіи надежды».

Мы видѣли, что всякій субъектъ въ сущности желаетъ только одного — жизни, возможно полной и богатой, такъ-какъ такая жизнь—его счастье, его основная, общая потребность. Но этотъ идеаль жизни для человека осуществляется вполне только тогда, когда онъ свое индивидуальное существованіе расширяетъ до мірового. Поэтому, жизнь одного человека, по основному характеру „человѣческой“ природы, не противорѣчитъ жизни другого, не съуживаетъ ее. Напротивъ того, благодаря великимъ умственно-нравственнымъ задаткамъ, которые должно развить во всей ихъ силѣ и полнотѣ, человекъ способенъ, въ своемъ субъективномъ жизненномъ процессѣ, охватить жизнь всѣхъ людей, волнуясь ихъ волненіями, радуясь ихъ счастью, страдая, когда они страдаютъ. Для „человѣка“ единственно-разумный и вѣрный путь къ возможно-полному счастью заключается въ этомъ широкомъ пониманіи и сочувствіи, а потому и въ содѣйствіи благу и счастью другихъ людей. Слѣдовательно, утилитарный принципъ: „наивысшее счастье личности“ необходимо заключаетъ въ себѣ принципъ: „наибольшее счастье наибольшаго числа“. Лишь съ точки зрѣнія наиболѣе полного и широкаго повышенія жизни, долженъ осмыслить человекъ свои отношенія къ природѣ, къ самому себѣ и къ другимъ людямъ, если онъ способенъ къ критической мысли, если правильно понимаетъ самого себя, свои истинные интересы. Лишь работа ради расширенія человѣческой жизни вообще, не выдѣляя себя изъ среды человечества, не ставя своихъ интересовъ въ узко-эгоистическое противорѣчіе съ интересами другихъ, можно повысить и свою собственную жизнь, сдѣлать для себя бытіе въ полномъ смыслѣ „достойнымъ того, чтобы его переживать“.

Но если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на современную жизнь людей, то поймемъ, какъ низко еще стоитъ она въ своемъ развитіи, и поймемъ, какъ неизбежны въ ней страданія и несчастья. Люди оказываются еще неспособными возвыситься до истинной человѣчности, они не понимаютъ глубоко интересовъ своихъ и чужихъ и потому слѣпо, безумно понижаютъ общій уровень жизни и путаются въ потьмахъ, полныхъ деспотизма и ненависти, роскоши и нищеты, горя и страданій. На дѣлѣ и теперь оправдывается древнее изрѣченіе, что всего труднѣе человекъ познать самого себя. Богатые и способные къ развитію зародыши

высокой мысли и широкаго нравственнаго чувства, т. е. дѣльный міръ, и самый лучший міръ субъективной жизни, безжалостно оставляются въ пренебреженіи, безсознательно, а иногда и сознательно топчутся и попираются ногами, потому что они еще слабы и не могутъ обуздать тѣхъ животныхъ потребностей, которыя знаютъ только самихъ себя и больше ничего не хотятъ признавать. Человѣкъ все еще гораздо болѣе животное, чѣмъ человѣкъ, и жизнь его бѣдна и узка. Но поступая такимъ образомъ, люди сами дѣлаютъ себя несчастными, сами противорѣчатъ въ основѣ осуществленію того кореннаго стремленія, которое выражается словомъ <жить>. Думая достигъ рая, они идутъ по прямой дорогѣ къ аду и осуществляютъ на дѣлѣ не жизнь свою, а смерть. Когда-же мы поймемъ свою ошибку и заживемъ полною, человѣчною, братскою жизнью? и поймемъ-ли когда-нибудь? Все зависитъ, повторяемъ, отъ того, что одержитъ въ насъ побѣду: человѣкъ или животное. Утѣшеніемъ можетъ служить та мысль, что люди, по природѣ своей, способны къ высокому, всеобъемлющему развитію, способны и къ счастію. Утилитаризмъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ наиболѣе высоко стоящихъ своихъ представителей, вполне сознаетъ эту способность людей и, разъясняя истинную природу человѣческаго счастія, стремится только къ тому, чтобы помочь имъ сознательно направить свои усилія къ достиженію наиболѣе высокой и полной жизни.

И. И.

ЗОЛОТОЙ ФОНТАНЪ.

Романъ Бенито Переса Гальдоса.

(Перев. съ испанскаго).

ГЛАВА I.

Улица Санъ-Херонимо въ 1821 году.

Въ теченіе шести незабвенныхъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за 1814 годомъ, городъ Мадридъ былъ свидѣтелемъ множества официальныхъ празднествъ, даваемыхъ по поводу различныхъ событій. Въ такіе дни на улицахъ строились триумфальныя арки, увѣшанныя гирляндами; монахи всевозможныхъ ордеповъ и цвѣтовъ съ хоругвями и иконами впереди совершали крестные ходы. На всѣхъ перекресткахъ ставились деревянныя щиты, на которыхъ были напечатаны крупными буквами приличные случаю жалкіе стихи придворнаго поэта Аріаца. Въ этихъ празднествахъ народъ являлся лишь въ качествѣ фигуранта, приглашеннаго въ придачу къ разнымъ алькадамъ, чиновникамъ, грандамъ, епископамъ и генераламъ. Исполнивъ роль, предписанную ему придворнымъ ритуаломъ, онъ мирно расходился по домамъ, исчезая за кулисы, какъ актеръ, сказавшій свою реплику.

Но въ періодъ отъ 20 до 23 года, къ которому и относится нашъ рассказъ, дѣла шли совершенно иначе. Всякій ритуаль исчезъ. Народъ высыпалъ каждый день на улицы, вовсе не дожидаясь, чтобы это было предписано ему *Газетою*, и весь городъ приходилъ въ движеніе, хотя нигдѣ не видно было ни хоругвей, ни знаменъ, ни щитовъ. Площади превратились въ

огромныя арены, гдѣ, предоставленный самому себѣ, народъ предавался неистово радости и неистовому сумасбродству, смущая своимъ львинымъ рычаньемъ покой министровъ. Всего чаще народная толпа съ глухимъ ропотомъ собиралась у воротъ дворца, у городской ратуши или и собора св. Маріи Арагонской, гдѣ Кортесы съ не меньшей шумливостью выполняли свою многотрудную роль.

Тяжелые это были времена для реакціи. Городъ принялъ видъ грозный и мрачный. Побѣда заставила народъ до такой степени поднять голову, что теперь управиться съ нимъ не было никакой возможности. Площадь неохотно склоняла голову даже передъ св. Маріей Арагонской, потому что молодые трибуны, составлявшіе цвѣтъ испанской націи, съ блистательнымъ краснорѣчіемъ преподавали толпѣ теорію ея правъ.

Только статуя Маріи Бланки, что у Солнечныхъ Воротъ, равнодушно и неподвижно стояла на своемъ массивномъ пьедесталѣ и скептически смотрѣла своими пустыми глазами на буйную толпу республиканцевъ и либераловъ, неизмѣнно собиравшуюся у ея ногъ при всѣхъ своихъ демонстраціяхъ. Казалось, она она припоминала свирѣпыя сцены возмущенія Оронезы и Эсквिलाхе, происходившія здѣсь-же, на этой самой площади.

Но солнце уже приближалось къ заводу, и любимая народная площадь начинала пустѣть. Если-бы читатель могъ перенестись на ступеньки Санъ-Фелипо или къ подножію Маріи Бланки, то онъ замѣтилъ-бы, что большая часть публики направляется по улицѣ Санъ-Херонимо и по прилегающимъ къ ней переулкамъ. Это и не удивительно: здѣсь расположены всѣ патріотическіе клубы и кафе: „Золотой Фонтанъ“, „Велкій Магистръ“, „Галиція“, „Мальтійскій крестъ“. Среди этихъ группъ бросаются въ глаза нѣкоторыя особы, которыя, если судить по величественной осанкѣ и покровительственнымъ взглядамъ, бросаемымъ направо и налево, пользуются большимъ почетомъ среди своихъ товарищей. Каждый ихъ жестъ носитъ печать сценической торжественности, какъ бываетъ у людей, чувствующихъ, что на нихъ устремлены тысячи глазъ, каждое слово произносится медленно и отчетливо—точно изъ спиходительной любезности къ тѣмъ, которые спѣшатъ занести его въ свои записныя книжки.

Большинство этихъ группъ направляется къ *Золотому Фонтану*—знаменитому кафе, гдѣ собирается самый популярный, вліятельный и буйный изъ всѣхъ патріотическихъ клубовъ.

Войдемъ и мы туда. Но прежде окинемъ взглядомъ улицу Санъ-Херонимо, представляющую не мало интереснаго для современнаго читателя. Трудно узнать одну изъ самыхъ веселыхъ и оживленныхъ артерій Мадрида, съ ея блестящими магазинами, и ея роскошью, въ этой печальной щели, почти сплошь занятой монастырями. Трудно представить, какую мрачность придавали ей высокія, голыя стѣны монастыря Викторіи, поднимавшіяся слѣва, и грязный, полусгнившій частоколь Благовѣщенія справа! За Благовѣщеніемъ тянулся женскій монастырь Пинто, надъ стѣнами котораго возвышались меланхолическіе куполы кипарисовъ—деревьевъ смерти, единственныхъ допускаемыхъ въ этихъ мрачныхъ обителяхъ. Насупротивъ Пинто виднѣлись башни монастыря Италіанцевъ, столь-же безобразныя тогда, какъ и теперь; а пониже, на косогорѣ, возвышался монастырь Святого Духа, куда впослѣдствіи было перенесено засѣданіе Кортесовъ. Выстроенныя по всѣмъ правиламъ замысловатаго строительнаго искусства, составлявшаго издревле славу Мадрида, всѣ эти стѣны представляли собою агломерацию камешковъ, которые отъ времени обнажались, сырѣли и покрывались сѣрой плесенью, что придавало всему зданію видъ грязнаго, вшиваго монаха.

Монастыри смѣнялись домами грандовъ. У самаго спуска виднѣлся широкій фасадъ Мединацелли съ его массивнымъ гербомъ на фронтонѣ, его безчисленными балкончиками и садомъ сбоку. Напротивъ тянулись сѣрой вереницей дома Вальмедіано, Пиньятелисъ, Гонцага, а рядомъ стоялъ длинный, низенькій „дворецъ“ Гихаровъ, на воротахъ котораго до послѣдняго времени красовалась толстая позолоченная цѣпь, традиціональный знакъ королевскаго посѣщенія.

Остальная треть улицы была занята магазинами, кафе, частными домами. На ней мы должны остановиться, такъ-какъ она-то и представляетъ великую арену, на которой имѣютъ разыграться главнѣйшія событія нашего разсказа.

Тотчасъ-же за „дворцомъ“ Гихаровъ возвышался старинный домъ, принадлежавшій когда-то одному изъ первыхъ гран-

довъ Испаніи, какъ о томъ свидѣтельствовали гербы, высѣченныя подъ каждымъ изъ балконовъ. Но потомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, домъ попалъ къ какому-то португальцу, отдававшему его въ наймы дюжинѣ бѣдныхъ семействъ. Подъ сводами огромныхъ воротъ, куда свободно могъ вѣхаться ковчегъ патріарха Ноя или, что почти одно и то же, парадная карета его бывшаго владѣльца, — помѣщалась конторка общественнаго писца, строчившаго за одинъ солди письма, а за два — прошенія всѣмъ, имѣвшимъ въ томъ надобность. На противоположной сторонѣ свода стоялъ лотокъ брата писца, пріѣхавшаго изъ Оканьи, съ съ намѣреніемъ „выйти въ люди“, и избравшаго для этой благой цѣли торговлю. Лавочка его состояла изъ трехъ маленькихъ швачулочекъ съ пачкой гребешковъ, ящичкомъ настилы, нѣсколькими дѣтскими игрушками и толстымъ пучкомъ четокъ съ оловянными крестиками и медальонами.

У лѣваго угла дома, какъ разъ у самыхъ воротъ, стояла каменная тумба, обладавшая какой-то специфической притягательной силой: рѣдкій прохожій проходилъ мимо, не остановившись. По ночамъ-же скопленіе жидкостей достигало такихъ размѣровъ, что писецъ и братъ его нѣсколько разъ грозились перебраться въ другое мѣсто. Напрасно на стѣнахъ налѣплялись самыя грозныя и категорическія запрещенія. Публика не обращала на нихъ никакого вниманія и продолжала пользоваться тѣмъ, что считала, по выраженію одного изъ старожилловъ, своимъ естественнымъ правомъ.

Противъ этихъ воротъ виднѣлась маленькая дверь, выкрашенная сѣрой краской. По двумъ, сверкавшимъ на солнцѣ щитамъ Мамбринна, прибитымъ по обѣ стороны ея, можно было догадаться, что это цирюльня. Не мало замѣчательнаго представляла и наружность этого заведенія съ его зелеными панелями, бѣлыми занавѣсками, банками съ пъявками и вывѣской, украшенной достойными кисти Маэеллы виньетками, изображавшими по одну сторону — мужчину, которому брѣютъ бороду, по другую — даму, которой пускаютъ кровь изъ поги. Но внутренность цирюльни была еще замѣчательнѣе. Трое молодцовъ, подъ предводительствомъ самаго хозяина Кальехи, брили и стригли тамъ еженедѣльно добрую сотню либераловъ изъ самыхъ красныхъ и непримиримыхъ. Тутъ никогда не умолкали споры о кортесахъ, о веронскомъ конгрессѣ, о королѣ и о Священномъ союзѣ. Но ве-

личайшей достопримѣчательностью знаменитой цирюльни былъ самъ хозяинъ ея Гаспаръ Кальеха (отбросившій послѣ 1820 года титулъ „дона“), герой революціи и одинъ изъ безпощаднѣйшихъ враговъ правительства за всѣ послѣдніе шесть лѣтъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ самъ.

Немного подальше находилась лавка суровскихъ товаровъ какого-то ирландца, основавшагося здѣсь еще съ прошлаго столѣтія. Тутъ, вмѣстѣ съ атласомъ и фламандскими кружевами, продавалась дерюга для мѣшковъ и четырехцвѣтные галстуки, бывшіе тогда въ большой модѣ. Хозяинъ, толстый и грязный ирландецъ съ мѣдно-краснымъ лицомъ, круглымъ и лоснящимся, какъ голландскій сыръ, пользовался репутаціей отчаяннаго сервиллиста. Но если это обвиненіе было справедливо, то въ виду горячаго патриотизма улицы Скнь-Херонимо, онъ тщательно скрывалъ свои чувства и никогда не отказывался отъ самыхъ радикальныхъ „pronunciamento“, когда того отъ него требовали.

Рядомъ съ дверью ирландца виднѣлась вывѣска книжнаго магазина, въ скромной витринѣ котораго было выставлено нѣсколько книгъ, раскрытыхъ, по тогдашнему обыкновенію, на первой страницѣ. Тутъ была *Исторія Испаніи* Дюпена, романы Вольтера, *Ночи Юнга* и *Сантиментальное путешествіе* Стерна, а также романъ—*Артуръ и Арабелла*, чрезвычайно популярный въ ту эпоху. Нѣсколько брошюръ Монтиано, Порцелли, Феіохо, трактатъ о *Языкѣ цвѣтовъ* и *Руководство къ акушерству* дополняли жалкую коллекцію.

Какъ будто въ насмѣшку надъ храмомъ мудрости, напротивъ была лавка парфюмерныхъ и косметическихъ товаровъ, обдававшая прохожихъ запахомъ помады и душистаго мыла.

Немного подальше красовались шелки, бумага, сукна, нитки, пояса доньи Амбрози (до 1820 года извѣстной подъ именемъ тетки Амбрози), женщины въ высшей степени почтенной, лѣтъ двадцать торговавшей все въ той-же улицѣ и въ томъ-же домѣ. Магазины ея сильно напоминали кладовую деревенскаго театра: у входной двери покачивался, въ видѣ знамени, кусокъ краснаго сукна; рядомъ, на гвоздикѣ висѣлъ чешуйчатый мѣдный поясъ; на потолокѣ болтались камзолы, кафтаны, нѣсколько дѣтскихъ маскарадныхъ костюмовъ, уланскій киверъ, турецкая чалма. Большая черная доска, прибитая къ задней стѣнѣ и выло-

женная кусками матеріи, замѣняла теперешнюю витрину. Въ самомъ центрѣ магазина стояла конторка, а надъ конторкой возвышался гигантскій бюстъ доньи Амброзіи, особы чрезвычайно солидной корпуленціи, заставлявшей трещать доски пола, когда она вставала, чтобы показать посѣтителемъ свои товары. Это была дама лѣтъ подъ пятьдесятъ, родомъ изъ той-же провинціи, откуда вышелъ знаменитый рыцарь Печальнаго Образа, на котораго донья Амброзія походила благородствомъ чувствъ, хотя рѣшительно отличалась отъ него своимъ тонкимъ практическимъ чутьемъ. Что касается ея политическихъ убѣжденій—вопросъ первостепенной важности въ эту эпоху—достаточно сказать, что послѣ горячихъ диспутовъ, волновавшихъ всю улицу, было рѣшено, что она сервилетка, и притомъ—изъ самыхъ закоснѣлыхъ.

Всѣ эти лавки съ ихъ разнообразными товарами, и столь-же разнообразными хозяевами, составляли украшеніе улицы Сантъ-Херонимо. Но было еще другое, подвижное украшеніе, живописное и разнообразное, состоявшее въ той публикѣ, которая тогда, какъ и теперь, непрерывно сновала взадъ и впередъ по этой артеріи города.

Костюмы того времени были далеко не чета нынѣшнимъ. Гдѣ увидишь теперь длинныя остроконечныя фалдочки фраковъ, такъ живописно болтавшіяся при малѣйшемъ движеніи? А куда дѣвались черныя байковыя шляпы съ заломленнымъ бортомъ и острой, какъ сахарная голова верхушкой? А часы, величиною въ блюдечко, отбивавшіе своимъ чирканьемъ тактъ шагамъ своего владѣльца? А сапоги съ раструбами, которые были-бы верхомъ безсмыслицы и комизма, если-бы ихъ не перещеголяли куафюры, дѣлавшія головы чистобровныхъ кастильцовъ похожими на головы негровъ Гуакамато?

Экипажи того времени, давно уже погрузившіеся въ пучину небытія, не уступали костюмамъ своей оригинальностью. Разъ двадцать въ день по улицѣ проѣзжали кареты грандовъ, представлявшія собою нѣчто вродѣ линейнаго корабля, поставленнаго на желѣзныя дроги. Эти дроги покоились на четырехъ громадныхъ колесахъ, двигавшихся всегда съ умѣренной быстротой, достаточной лишь для того, чтобы подобрать грязь съ земли и бросить ея въ прохожихъ. Что касается самаго кузова, то онъ представлялъ собой огромный продолговатый ящикъ, который у на-

и болѣе богатыхъ обивался изнутри черепаховыми дощечками, у менѣе достаточныхъ отдѣлывался полированнымъ орѣхомъ или абажу съ тончайшими насѣчками изъ слоновой кости или серебра. На темномъ фонѣ этого массивнаго ящика виднѣлся высокоблагородный профиль какого-нибудь гранда въ мундирѣ, блиставшемъ шитьемъ и орденами, или же какой-нибудь высокоблагородной старухи, блиставшей своимъ безобразіемъ. На кормѣ, держась за тяжелыя наручники, стояли два величественныхъ лакея въ огромныхъ треугольныхъ шляпахъ и расшитой ливреѣ, неподвижные, бездушные, безжизненные, какъ символъ этикета. На носу возвышался кучеръ, котораго, по толстотѣ и неповоротливости, можно было сравнить развѣ что съ его мулами, хотя обыкновенно онъ превосходилъ послѣднихъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи.

Отъ времени до времени проѣзжалъ похожій на тартаку или галеру дилижансъ, который тащили, еле передвигая ноги, восемь тощихъ клячъ, запряженныхъ въ четыре уноса. Ломовикъ со своей повозкой, комиссіонеръ съ тачкой, водовозъ съ бочкой дополняли уличное движеніе. Изрѣдка воздухъ оглашался кривомъ бродячаго шляпочника съ цѣлой горой плетенокъ за спиною и столбомъ изъ семи или восьми шляпъ на головѣ, или заунывной пѣсней слѣпцаго нищаго съ гитарой въ рукѣ.

Пока мы разсматриваемъ улицу, группы гражданъ доходятъ до середины улицы Санъ-Херонимо и исчезаютъ одна за другою въ узкихъ дверяхъ, которыя ведутъ, очевидно, въ обширное помѣщеніе, если судить по количеству вмѣщающагося въ немъ народа. Это-то и есть знаменитый *Золотой фонтанъ, кафе-ресторанъ и гостиница*, какъ гласитъ красующаяся надъ дверьми вывѣска,—сборный пунктъ страстныхъ и нетерпѣливыхъ людей, жаждавшихъ свободы для народа, а для себя — его рукоплесканій. Клубъ, основанный этой молодежью въ *Золотомъ фонтанѣ*, былъ безспорно самый вліятельный въ Мадридѣ и въ Испаніи. Многіе изъ его экзальтированныхъ ораторовъ впоследствии сдѣлались видными политическими дѣятелями. Нѣкоторые изъ нихъ живы до сихъ поръ, исповѣдая убѣжденія, далеко не столь крайнія, какъ въ тѣ времена...

Но мы вовсе не намѣрены распространяться о томъ, чѣмъ сдѣлались эти юноши впоследствии. Нашъ рассказъ не переходитъ за 1823 годъ, когда молодая демократія клала основаніе

тому политическому идеалу, который выработывался въ послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ. Много заблужденій и неразумныхъ увлеченій сопровождали благородныя усилія этой молодежи создать и воспитать общественное мнѣніе, дотолѣ не существовавшее вовсе. Но отмѣчая заблужденія этой молодежи, не слѣдуетъ забывать и препятствій, стоявшихъ ей на пути.

Дряхлое, разлагающееся общество, сохранявшее, однако, цѣпкую живучесть, свойственную нѣкоторымъ старикамъ, вступило въ отчаянную борьбу съ обществомъ молодымъ и здоровымъ, полнымъ силъ и будущности, но неискушеннымъ въ мелочной жизненной борьбѣ. Противная партія не брезгала никакими путями, никакими средствами, ни даже подкупомъ и предательствомъ. Разбитая въ открытомъ бою, она, какъ змѣя, съумѣла подползти тайкомъ къ своему противнику и, улучивъ минуту, задушила его въ своихъ кольцахъ, потому что эти юноши были слишкомъ смѣлы и искренни, слишкомъ довѣрчивы и великодушны, чтобы бороться съ такимъ противникомъ. Они либо не замѣчали лживости своихъ мнимыхъ друзей, либо вѣрили въ возможность побѣдить ихъ благороднымъ оружіемъ убѣжденія и пропаганды.

Въ этомъ разсказѣ мы представимъ нѣкоторыя перипетіи этой борьбы.

А пока, вернемся на улицу Санъ-Херонимо.

Вечерѣло. Толпа любопытныхъ собиралась у крыльца *Золотого фонтана*. Хозяева показывались въ дверяхъ своихъ лавокъ. Цирюльникъ Кальеха, требовавшій, чтобы его звали не иначе какъ *гражданиномъ Кальеха*, тоже вышелъ на улицу и, правя на ремнѣ бритву, посматривалъ на клубъ, расположенный наискосокъ.

Вскорѣ вокругъ цирюльника собралась небольшая кучка, очевидно, его почитателей. Къ нимъ подошелъ какой-то очень юркій человѣчекъ и, обращаясь къ Кальехѣ, многозначительно спросилъ:

— Ну что, готовится что нибудь?

Прежде, чѣмъ сообщить читателю, что отвѣтилъ цирюльникъ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ юркомъ человѣчкѣ, такъ какъ ему придется играть не послѣднюю роль въ нашемъ разсказѣ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей неопредѣленнаго возраста, которые кажутся то старыми, то молодыми, смотря по силѣ освѣщенія или по выраженію, придаваемому имъ своей фізіономіи. Онъ

былъ небольшого роста, и его голова такъ плотно сидѣла на туловищѣ, что онъ походилъ на горбуна. Маленькіе, всегда прищуренные, глазки отличались чрезвычайной живостью и подвижностью. Но всего замѣчательнѣе въ этой фізіономіи были губы, толстыя, эластическія, которыя въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи онъ вытягивалъ впередъ въ видѣ акустической трубы, что придавало необыкновенную силу его голосу. Не смотря на свѣтскій костюмъ, въ немъ было что-то монашеское. Круглая голова, казалось, была создана для тонзуры. Широкой плащъ, окутывавшій его тѣло, походилъ на рясу. Онъ говорилъ рѣзкимъ, неприятнымъ фальцетомъ, но жесты его отличались большой выразительностью и страстностью.

Чтобы не оставлять читателя въ неизвѣстности, скажемъ, что этого человѣка звали Гиль Караскоза. Воспитанный августинскими монахами Мостолесской обители, онъ собирался уже принять постриженіе, какъ вдругъ, въ великому недоумѣнію почтенныхъ отцевъ, бросилъ монастырь. Однако, очень скоро онъ соскучился по привольномъ монастырскомъ житѣ, и въ 1812 году мы снова видимъ его въ монашеской рясѣ, и на этотъ разъ, благодаря покровительству кого-то изъ придворныхъ, ему удалось получить жирную пребенду. Но вскорѣ онъ лишился ея и навсегда сбросилъ клобукъ. До сихъ поръ онъ былъ ярымъ абсолютистомъ, готовымъ идти въ огонь и воду за короля Фердинанда.

Но 1820 годъ произвелъ въ немъ удивительную перемѣну: бывший сервилистъ вдругъ сдѣлался самымъ яримъ демагогомъ и даже записался въ общество *коммунистовъ*. Когда будемъ имѣть случай познакомиться поближе съ домашней жизнью Караскозы, мы узнаемъ кое-что относительно одного курьезнаго случая съ нѣкою старушкой, жившей на улицѣ Горгуэра, а также относительно злой шутки, которую сыгралъ съ эксъ-аббатомъ молодой студентикъ, авторъ классической драмы „Гракхи“, до сихъ поръ остающейся неоцѣненной потомствомъ.

— Какъ-же, какъ-же! отвѣчалъ Кальеха.—Сегодня въ *Фонтанъ* будетъ экстренное засѣданіе по поводу петиціи о назначеніи новаго министра, такъ-какъ теперешній намъ совсѣмъ не по душѣ. Будетъ говорить Алкала Галиано.

— Этотъ толстоносый андалузецъ?..

— Онъ самый. Помните, какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ скалъ: „*пощада врагамъ свободы—измѣна отечеству!*“

— О да, этотъ съумѣеть за себя постоять... Какой талантъ, какая логика!

— Что до меня, сказала Кальеха,—то при всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію такого компетентнаго судьи, какъ вы, синьоръ Караскоза, не могу не замѣтить...

Онъ кашлянулъ два раза въ видѣ предисловія и продолжалъ:

— Не могу не замѣтить, что отдавая полную справедливость Алкала Галиано, я предпочитаю, однако, Ромеро Алпуэнте. Онъ энергичнѣе, сильнѣе, ну, однимъ словомъ, забористѣе. Помните, напримѣръ, его: *„здь нужно желъзо — давайте желъзо!“* Ну да, что тутъ толковать... Это таковой ораторъ, что я вамъ скажу...

— Нѣтъ, какъ хотите, возразилъ Караскоза,—хотя я совершенно согласенъ съ вами, что Ромеро Алпуэнте прекрасный ораторъ, но я предпочитаю Алкала Галиано, потому что онъ точнѣе, глубокомысленнѣе.

— Ну ужъ, извините, другъ Караскоза. Какое-же сравненіе между вашимъ и моимъ... Во всей Испаніи нѣтъ оратора, который годился-бы въ подметки Ромеро Алпуэнте. Ну, возьмите хоть-бы, напримѣръ, его: *„долой!“* Помните: *„долой привилегіи, долой мотовство!“* Ну, скажите по совѣсти, есть-ли у кого другого что нибудь подобное?

Кальеха былъ одаренъ таковой счастливой памятью, что запоминалъ наполовину всѣ рѣчи, произносимыя въ его присутствіи, и очень любилъ дѣлать беспорядочныя цитаты изъ этого хаотическаго ораторскаго арсенала, въ которомъ перемѣшалось все имъ слышанное въ разные случаи. Голосъ и фигура еще болѣе увеличивали комичность этихъ ораторскихъ упражненій цирюльника. Мы не сказали еще, что гражданинъ Кальеха былъ человѣкъ очень высокій и тучный. Но хотя природа создала его, какъ будто съ нарочитой цѣлью показать, до какой степени человѣкъ можетъ быть иногда похожъ на быка, однако, она, вѣроятно, для шутки, надѣлила его такимъ тонкимъ фальцетомъ, что онъ возбуждалъ всеобщій смѣхъ, когда принимался декламировать отрывки рѣчей своихъ любимыхъ ораторовъ.

— Вотъ нашли чѣмъ хвастать! съ апломбомъ возразилъ Караскоза. — То-ли дѣло Алкала: этотъ когда скажетъ „идемъ!“ такъ у тебя ноги сами отъ земли отрываются.

— Ваша правда, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ присут-

ствующихъ, въ которомъ, по костюму и по косичкѣ, болтавшейся на затылкѣ, можно было узнать тореро. — Ваша правда. Когда Алкала принимается задавать взбучку министрамъ и начинаетъ входить въ азартъ — просто заслушаешься. Особенно когда онъ, знаете, начинаетъ тихо — тихо, говоркомъ, а потомъ все громче, громче... Просто музыка. Ну, да что и говорить. — Онъ матадоръ между ораторами.

— А я вамъ повторяю, вскричалъ Кальеха, начиная горячиться, — что всѣ ваши ораторы въ подметки не годятся Ромеро Алпуэнте. Какъ онъ отдѣлалъ монаховъ третьяго дня! „Гробы убѣленные!“ говоритъ. Да, такъ-таки и сказалъ; гробы, моля, вы убѣленные! Ну что? Найдите-ка мнѣ что-нибудь подобное у вашего Алкалы. Мѣсяць ищите — не найдете, готовъ хоть пари держать.

— Нѣтъ, лучше ужъ не держите, неровель часть и проиграете! пронически замѣтилъ Караскоза.

— Ну да, что вы мнѣ говорите? воскликнулъ цирюльникъ. Точно я не умѣю различить зерно отъ мякины. Мнѣ стоитъ только услышать, какъ кто изъ ораторовъ скажетъ: „Граждане и гражданки!“ и ужъ я вижу, какимъ онъ муромъ мазанъ.

— Мнѣ кажется, синьоръ донъ-Гаспаръ, что вы жестоко ошибаетесь, и рѣшительно не понимаю, почему вы считаете себя настолько компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, — съ важностью проговорилъ Караскоза.

— Кто-же послѣ этого компетентенъ? Я ни одного засѣданія не пропускаю и никогда не ухожу, не дослушавъ послѣдняго изъ ораторовъ: кому-же знать толкъ въ нихъ, какъ не мнѣ? Вамъ, что-ли?

— Умѣйте уважать, сеньоръ Кальеха, людей стоящихъ выше васъ по образованію! внушительно проговорилъ Караскоза. Не въ обиду вамъ будь сказано, я удостоенъ званіемъ магистра теологій, и по всей вѣроятности — не даромъ.

— Теологій! Вотъ удивилъ... Вы, можетъ быть въ теологій, собаку съѣли, да въ политикѣ-то ничего не смыслите, и вамъ-бы лучше не браться не за свое дѣло.

— Ну ужъ, не вамъ-бы это говорить, почтеннѣйшій, не мнѣ-бы слушать! вскричалъ Караскоза, не будучи въ состояніи сдерживаться долѣе. Нечего сказать, цирюльня — прекрасная школа для политическаго дѣятеля. Право, вы гораздо лучше-бы сдѣлали,

если-бъ въ свободное отъ бритья бородъ время присматривали по лучше за домоуъ.

— Послушайте, какъ васъ тамъ... каноникъ, аббатъ или еще что... Шли-бы вы лучше въ вашъ Мостольскій монастырь картофель чистить; право, тамъ вамъ больше мѣсто, чѣмъ здѣсь.

— Сеньоръ! проговорилъ Караскоза угрожающимъ тономъ, осматриваясь при этомъ по сторонамъ, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь союзника. Онъ очень хорошо зналъ, что цирюльникъ настоящая мокрая курица, но все-таки не хотѣлъ-бы помѣряться одинъ на одинъ съ этимъ саженымъ верзилой.

— Да, кстати, я еще вспомнилъ, презрительно прибавилъ цирюльникъ, что вы до сихъ поръ не заплатили мнѣ за пивки, что брали для сеньора, что живетъ на Горгуэрской улицѣ, сестры тамбурмажора королевской гвардіи.

— Вотъ какъ! А вы-бы лучше припомнили, какъ вы взяли въ займы девятнадцать реаловъ у моего двоюроднаго брата, что держитъ курятникъ на старомъ рынкѣ. Не бось, вотъ ужъ сколько времени прошло, а вы ихъ платить не думаете.

— А провались ты вмѣстѣ съ твоимъ племянникомъ-бурятникомъ!

— Да припомните еще, какъ вы украли гитару у Перико Сардины въ день храмоваго праздника...

— Я укралъ гитару? Я, Гаспаръ Кальеха!.. Нѣтъ, это тебѣ нужно было воровствомъ промыслять, когда ты съ тарелкой ходилъ собирать на Святаго Антона и тебѣ за твою плюгавую рожу никто ломанаго гроша не хотѣлъ бросить. Помнишь? Забылъ, не бойсь? Ты все забылъ... даже то, что бѣгалъ, какъ собаченка, за Остолацоу, чтобы выклячить мѣсто полотера въ какомъ-нибудь правленіи. А я хоть и цирюльникъ, а всегда былъ либераломъ. Я не ползалъ у ногъ царедворцевъ, я всегда былъ честнымъ патриотомъ. А ты что? Былъ роялистомъ, лизоблюдомъ, доносчикомъ, а теперь кричишь: „долгой короля!“

— Сеньоръ Кальеха, вы нахаль!

— Сервилисть!

Это было самое обидное изъ ругательствъ въ ту эпоху, и послѣ него неминуемо надлежало приступать къ рукопашному бою.

Уже замысловатое орудіе, придуманное людьми для приданія гладкости подбородкамъ и щекамъ половины человѣческаго ро-

да, свергнуло въ руцѣ выпльчиваго цирюльнича; уже острое лезвее готово было опуститься на беззащитную голову бывшаго аббата. Но въ эту минуту другая могучая рука остановила жестокий ударъ, грозившій неминуемой гибелью столь драгоценному для отечества человѣку. Эта рука, посланная самимъ провидѣниемъ, принадлежала достопочтенной супругѣ Кальсхи, доньѣ Терезѣ Бургильосъ, которая, сидя въ углу цирюльни, равнодушно слушала обычный въ ту горячую эпоху диспутъ своего супруга. Но когда она увидѣла его грозный жестъ, то въ одно мгновеніе швырнула на полъ работу, бросила на стулъ ребенка, кормившагося у одной изъ ея монументальныхъ грудей и опрометью выбѣжала на крыльцо, поправивъ кое-какъ безпорядокъ своего костюма, и попала какъ разъ въ время, чтобы спасти бѣднаго Караскозу отъ вѣрной смерти.

Нѣсколько мгновеній эти три фигуры представляли собою живописную группу: Кальсха съ поднятой рукой и пылающимъ лицомъ, донья Тереза, не уступавшая ему по атлетичности тѣлосложенія, тоже съ поднятыми руками и строгимъ взглядомъ, устремленнымъ на супруга. А рядомъ бѣдный Гиль, опѣпенѣлый, полумертвый отъ страха.

Донья Тереза не отличалась красотою. Но въ эту минуту въ крупныхъ чертахъ ея немножко лошадинаго лица и во всей ея осанкѣ было что-то, напоминавшее Минерву въ ту минуту, когда она удерживаетъ руку Акилласа, собирающагося извлечь свой грозный мечъ противъ царя Авлиды. Но только самъ Агамемнонь, должно сознаться, имѣлъ видъ не совѣтъ классическій.

— Гражданинъ Кальсха, сказала донья Тереза самымъ спокойнымъ тономъ, — не употребляй своего оружія противъ этой гнилуши, которая и безъ тебя сгниетъ: сохрани его для лучшаго дѣла,

Кальсха сложилъ бритву.

Донъ Гиль былъ уведень друзьями, желавшими предупредить катастрофу. Мало-по-малу разбрелись и прочіе граждане, собравшіеся у крыльца цирюльни.

Амазонка захлопнула дверь, продолжая съ глазу на глазъ начатую рѣчь. Не станемъ передавать всѣхъ прекрасныхъ мыслей и наставленій, высказываемыхъ ею супругу, тѣмъ временемъ какъ ребенокъ снова овладѣвалъ грудью, отъ которой былъ

тавъ неожиданно оторванъ. Достаточно сказать, что рѣчь ея произвела на Кальеку самое благоприятное дѣйствіе. Вообще донья Тереза пользовалась большимъ вліяніемъ на мужа, относившагося къ ней съ глубокимъ уваженіемъ. Она умѣла читать, хотя и не безъ труда, рисуя нарѣдко понятъ прочитанное совершенно навыворотъ. Однако она не была лишена природнаго здраваго смысла и вполне прониклась либеральными идеями Кальека. Подобно ему, она обожала Ріего и Квиругу, хотя не скрывала, что предпочитаетъ *людямъ мечу—людей слова*, что было особенно лестно ея супругу, такъ-какъ и себя онъ причислялъ къ послѣдней категоріи. Любимымъ героемъ доньи Терезы былъ Мартинецъ де-Ла Роза или попросту *Пако*, какъ она его фамиліарно называла. Что-же касается горячности ея либерализма, то достаточно сказать, что она не разъ выражала желаніе выцарапать глаза злодѣю Винуэсъ — что ей несомнѣнно удалось-бы исполнить, если-бы послѣдній рѣшился помѣряться съ нею силами одинъ на одинъ.

ГЛАВА II.

ПАТРИОТИЧЕСКІЙ КЛУБЪ.

„Золотой фонтанъ“ раздѣлялся на двѣ части: одну, соответствующую самому кафе, другую—предназначенную исключительно для политики. Въ первой, примыкавшей непосредственно къ входу, стояло нѣсколько стѣлиновъ, занятыхъ немногими индифферентными посѣтителями. Засѣданія-же клуба происходили въ глубинѣ залы, немного подъ угломъ. Въ первое время, ораторы по-просту влѣзали на столъ. Но потомъ хозяинъ нащелъ нужнымъ выстроить трибуну. Наплывъ публики былъ такъ великъ, что пришлось поставить нѣсколько рядовъ скамеекъ для слушателей. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ горячихъ несогласій, возникшихъ между этимъ клубомъ и „*Великимъ Министромъ*“, въ нѣдрахъ самого «Золотого Фонтана» произошло болѣе тщательное раздѣленіе партій. Крайніе, озаващіяся въ большинствѣ, утвердились въ *Фонтанѣ*, изгнавъ болѣе умѣренныхъ. Вскорѣ затѣмъ было принято рѣшеніе сдѣлать засѣданія клуба не публичными, вслѣдствіе чего они были пере-

несены въ верхній этажъ. Посѣтители нижняго этажа, сидѣвшіе за столиками, прихлебывая кофе или шоколадъ, въ минуты особенно горячихъ дебатовъ слышали надъ головою ужасный шумъ и гвалтъ, иногда топанье нѣсколькихъ сотъ ногъ. Опасаясь, какъ-бы въ одинъ прекрасный день потолокъ не обрушился на нихъ вмѣстѣ со всѣми патріотами и не раздавилъ ихъ подъ своими обломками, какъ это случилось во время оно съ филистимлянами, многіе изъ обычныхъ посѣтителей кафе рѣшились обратиться по добру, по здорову. Желая сохранить остатокъ своихъ кліентовъ, хозяинъ, главная забота котораго состояла въ томъ, чтобы помирить политику съ коммерціей, обратился къ членамъ клуба съ просьбою не шумѣть. Но это было принято какъ первый признакъ сервиллизма, и, разумѣется, шумъ удвоился, вслѣдствіе чего нижній этажъ мало-по-малу совершенно опустѣлъ.

Впрочемъ, въ эпоху, къ которой относится начало нашего разсказа, засѣданія происходили еще въ нижнемъ этажѣ. Это были самые счастливые дни для Золотого Фонтана, потому что каждый изъ посѣтителей былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слушателемъ, и слава клуба привлекала въ кафе массу публики.

Помѣщеніе *Золотого Фонтана* страдало многими недостатками. Но въ числу ихъ никакъ нельзя было причислить излишней обширности. Напротивъ, зала, гдѣ толпилось столько народа, была тѣсна, неправильна и до такой степени низка, что походила скорѣе на подземелье. [Съ перваго же взгляда легко было замѣтить, что домовладѣлецъ, желая придать залѣ ея теперешніе размѣры, долженъ былъ разрушить нѣсколько сосѣднихъ простѣнковъ. Вмѣсто нихъ, для поддержанія потолка пришлось поставить толстыя деревянныя колонны, торчавшія безъ всякой симметріи въ разныхъ концахъ залы.

Когда, по окончаніи всѣхъ нужныхъ перестроекъ, хозяинъ призвалъ лучшихъ живописцевъ города, чтобы посоветоваться съ ними относительно того, какъ отдѣлать залу, артисты, окинувъ орлинымъ взоромъ ея узкія стѣны, тяжелый потолокъ и массивныя колонны, единогласно рѣшили, что самое лучшее — украсить колонны капителю. Они импровизировали нѣсколько эволютъ, принявъ, повидимому, за образецъ завитушки сосисокъ, прибили ихъ къ верхушкамъ колоннъ и выкрасили желтой краской. Затѣмъ, кто-то предложилъ украсить стѣны барельефами.

Но такъ-какъ между присутствующими артистами не оказалось ни одного искусника въ этомъ дѣлѣ, а чудеса папьемаше не были еще извѣстны, то рѣшено было купить десятка два сажень разрисованной бумаги въ магазинѣ одного марсельца, недавно отерывшаго торговлю обоями и картинами на улицѣ Махадеритосъ; совѣтъ этотъ былъ исполненъ, и на другой день, при помощи гарсоновъ, стѣны залы были облѣплены удивительнымъ произведеніемъ французскаго искусства. Альфрески представляли собою головы козловъ, на рогахъ которыхъ висѣли длинныя гирлянды цвѣтовъ, переплетавшіяся симметрически съ пучками различныхъ фруктовъ. Козлы выглядѣли такъ печально и даже злобѣще, что всѣ эти анакреонтически-погребальныя альфрески производили самое унылое впечатлѣніе. Колонны были выкрашены бѣлой масляной краской съ зелеными и розовыми переливами, выдавая несбыточную надежду увѣрить публику, будто они сдѣланы изъ яшмы. Въ простѣвнѣ, прилегавшемъ къ входной двери, висѣло большое зеркало, состоявшее изъ двухъ кусковъ, соединенныхъ оловянной пластинкою. Впрочемъ, оно было всегда завѣшено зеленымъ кисейнымъ чохломъ, такъ-какъ не было иного способа помѣшать мухамъ всего околodka пользоваться на немъ правомъ убѣжища и ночега, которое они себѣ упорно присвоивали. По обоемъ бокамъ зеркала, на подставкахъ такого-же анакреонтически-погребальнаго стиля, какъ и альфрески, стояли два ночника. Каждый день онѣ получали изъ резервуара, вдѣланнаго въ стѣну, опредѣленную порцію масла и до двѣнадцати часовъ ночи кое-какъ горѣли слабымъ, печальнымъ и вонючимъ пламенемъ. Но по истеченіи этого срока, они начинали безнадежно пыхтѣть, вонять пуще прежняго и, наконецъ, точно утомленные непосильнымъ бременемъ своего существованія, совсѣмъ потухали, предоставляя апостоламъ свободы спасать отечество во мракѣ.

Дымъ этихъ ночниковъ, дымъ сигаръ, паръ отъ столѣвыхъ тысячъ чашекъ кофе, заставили сильно потускнѣть и золоченую рамку зеркала, и охру капителей, и претенціозную яшму колоннъ, и классическіе альфрески стѣнъ.

Что касается мебели, то она была болѣе чѣмъ скромна и сводилась къ нѣсколькимъ сосновымъ столамъ, выкрашеннымъ подъ мраморъ, и нѣсколькимъ деревяннымъ скамейкамъ съ

клеенчатыми подушками, изъ многочисленныхъ прорѣхъ которыхъ толстыми пучками висовывался конскій волосъ, очевидно обрадовавшись случаю вырваться изъ своей тюрьмы.

Канторка, расположенная въ самомъ видномъ углу залы, была единственнымъ монументальнымъ предметомъ, бросающимся въ глаза всякому, переступившему порогъ кафе. Она стояла на помостѣ, куда нужно было подниматься по ступенямъ. На широкомъ фронтонѣ ея красовался большой щитъ съ хитросплетеннымъ вензелемъ хозяина, безстрастная физиономія котораго возвышалась надъ этимъ катафалкомъ. За канторкой стоялъ многоэтажный буфетъ съ безчисленнымъ множествомъ бутылокъ и бутылочекъ всевозможныхъ цвѣтовъ и видовъ, выстроенныхъ въ шеренги, какъ солдаты на смотру. Сквозь горлышки этихъ бутылокъ виднѣлись пачки шоколаду, сдобныя булочки, япельсины, хранившіеся въ глубинѣ буфета. По буфету, по бутылкамъ, по плечамъ ховнина прогуливался, помахивая кончикомъ хвоста, огромный жирный котъ, никогда не покидавшій залы. Онъ проводилъ большую часть дня, свернувшись клубкомъ либо на колѣняхъ ховнина, либо гдѣ-нибудь на табуреткѣ, которую онъ всю занималъ своей пышной фигурой. Это былъ умный и благовоспитанный котъ, никогда не позволявшій себѣ ни прервать какимъ-нибудь неприличнымъ поступкомъ диспута, ни съѣсть хотя бы самый лакомый кусокъ, не отчужденный въ его пользу своимъ законнымъ владѣльцемъ.

Этого кота звали Робеспьеромъ. Когда по вечерамъ начинались пренія клуба, Робеспьеръ, любившій очевидно звукъ человеческого голоса, обыкновенно усаживался на заднія лапы и, прищуривъ глаза, слушалъ.

Засѣданіе открывалось въ восемь часовъ, по ужѣ съ семи кафе наполнялся молодежью, приходившей спозаранку, чтобы приготовиться и переговорить съ товарищами и единомышленниками передъ началомъ дебатовъ. Это сдѣлалось особенно необходимымъ въ послѣднее время, когда клубъ принялъ направленіе, совершенно отличное отъ его первоначальныхъ цѣлей и когда даже самые наивные изъ его членовъ не могли не чувствовать, какою сѣтью интригъ они опутаны со всѣхъ сторонъ.

Когда клубъ пересталъ быть лишь орудіемъ свободной критики и пожелалъ непосредственно вмѣшаться въ управление странюю, требуя смѣны того или другаго министра, назначе-

нія того или другого сановника, — различныя политическія партіи тотчасъ-же стали употреблять всё усилія, чтобы обратить его вліяніе въ свою исключительную пользу. Министры, недовольные дворомъ, старались поощрять всё крайности демагогической партіи, въ надеждѣ устрашить Фердинанда. Дворъ, въ свою очередь, въ тайнѣ поддерживалъ и подстрекалъ *фонтанистовъ*, будучи увѣренъ, что своими кровожадными теоріями они запугаютъ мирную часть общества и возбуждаютъ въ немъ отвращеніе къ конституціонному порядку. Узнавъ объ этой хитрости, министры выдумали совсѣмъ закрыть клубъ. Эти слухи возбуждали, разумѣется, сильнѣйшее негодованіе среди фонтанистовъ, вызвавъ новыя complicаціи, новыя раздѣленія на партіи въ его нѣдрахъ.

Но, кромѣ предательства, былъ еще другой элементъ, служившій въ разложенію клуба: это невѣжество. Тутъ одна изъ главныхъ ролей принадлежала нашему знакомцу, цирюльнику Кальехѣ. Этотъ патріотъ предводительствовалъ цѣлой толпой такихъ-же искреннихъ и ограниченныхъ политикановъ, которые по его знаку поднимали таковой невообразимый шумъ, что ораторъ, приходившійся имъ не по сердцу, положительно не могъ выговорить ни слова.

Въ описываемый нами вечеръ, доблестный мужъ изъ всѣхъ силъ хлопалъ своими здоровенными руками, стараясь заглушить какого-то злополучнаго оратора, тщетно надрывавшаго грудь на трибунѣ. Прочіе сторонники цирюльника стучали ногами и пальцами. Напрасно болѣе разсудительная часть собранія, считавшаго въ числѣ своихъ членовъ многихъ депутатовъ, извѣстныхъ своимъ краснорѣчіемъ, и военныхъ высшихъ чиновъ, силилась восстановить спокойствіе. Буяны не унимались до тѣхъ поръ, пока на трибуну не взмошелъ Алкала Галиано.

Это былъ молодой человекъ, некрасивый, но необыкновенно стройный и граціозный. Большая, покрытая густой гривой, голова держалась высоко и гордо. Крупныя и даже грубыя черты лица, въ особенности-же черныя блестящіе глаза, дышали энергіей.

Онъ началъ свою рѣчь краткимъ резюме предъидущаго засѣданія, съ цѣлью выяснитъ нѣкоторыя разногласія между членами крайней партіи, къ которой онъ принадлежалъ, и фракціей болѣе умѣренной. Затѣмъ, поднявъ брошенную противниками перчатку, онъ нарисовалъ съ большимъ искусствомъ картину истин-

наго положенія страны и правительства. Но лишь только, возвысивъ голосъ и одушевившись, онъ приступилъ къ развитію своихъ взглядовъ относительно мѣръ, которыя, въ виду условій минуты, должны принять друзья свободы, случилось одно неожиданное обстоятельство, заставившее его прервать свою рѣчь на самомъ интересномъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что съ улицы доносился характерный шумъ, производимый многолюдною толпою, находящеюся въ сильномъ возбужденіи. Глухой въ началѣ, какъ плескъ дальняго моря, этотъ шумъ все возрасталъ и возрасталъ по мѣрѣ того, какъ толпа подходила ближе. Большинство слушателей встало съ своихъ мѣстъ и вышло на улицу, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Зала мало-по-малу до такой степени опустѣла, что оратору ничего не оставалось, какъ замолчать.

Нахмуренный и злой, сошелъ андалузецъ съ трибуны, между тѣмъ, какъ снаружи шумъ и гамъ все увеличивались. Въ кафе оставалось теперь всего пять или шесть человѣкъ, которые тоже наконецъ вышли въ сопровожденіи самаго Галіано *).

Зала совершенно опустѣла. Тѣмъ временемъ, шумъ началъ ослабѣвать, такъ-какъ народная волна, его вызвавшая, быстро удалялась. Все заставляло предполагать, что начинается одно изъ народныхъ волненій, столь обыкновенныхъ въ эту смутную эпоху.

Было уже поздно. Пламя ночниковъ достигло третьяго періода своего жалкаго существованія, когда дымомъ и вонью оно давало знать о близости своей кончины. Одинъ изъ гарсоновъ пошелъ уже спать; другой спалъ на скамейкѣ, положивъ голову на столъ; третій ушелъ за толпою, вмѣстѣ съ прочими посѣтителями. Отъ времени до времени съ улицы доносились зловѣщіе звуки—предвѣстники волненія, начинавшаго охватывать весь городъ.

Хозяинъ по прежнему неподвижно возсѣдалъ на своемъ высокомъ табуретѣ. Позади его свѣтились двѣ зеленныя точки—то были глаза Робеспьера, который вскарабкался ему на плечи и, мурлыкая, толкалъ его головою то въ шею, то въ ухо, какъ-будто ласково укоряя въ невниманіи къ нему. Потомъ коть прыгнулъ на конторку, и хозяинъ сталъ гладить его рукою.

*) Самъ Алкала Галіано рассказываетъ объ этомъ случаѣ въ своей „Исторіи Испаніи“.

Робеспьеръ весь выгибался, тихонько помахая хвостомъ и еще громче мурлыкая.

Въ это время изъ мрака, окутывавшаго всю залу, выдѣлилась фигура человѣка, который до сихъ поръ оставался совершенно незамѣтнымъ. Когда онъ вышелъ изъ тѣни и, медленно приближаясь къ конторѣ, вступилъ въ полосу слабого свѣта, бросаемаго догоравшими ночниками, можно было рассмотреть черты лица этого молчаливаго и загадочнаго субъекта.

Это былъ старикъ. Однако, въ немъ совершенно незамѣтно было никакихъ признаковъ дряхлости, свойственной его возрасту. Напротивъ, все лицо его и фигура носили печать упрямства, энергіи и силы. Его костлявое, неправильное лицо поражало крайне непропорціональнымъ развитіемъ верхней половины, сравнительно съ нижней. Широкій и обширный лобъ сильно выдавался впередъ, между тѣмъ какъ губы и щеки глубоко ввалились въ беззубый ротъ и казались точно приставленными отъ другого лица къ этому массивному лбу. Его сухая шея походила на анатомическій препаратъ, до такой степени легко было замѣтить самое легкое движеніе каждой мышцы и каждаго сухожилия подъ желтой, покрытой волосами кожей. Большіе черные глаза когда-то были, вѣроятно, чрезвычайно красивы. По какой-то странной игрѣ природы, густыя и щетинистыя брови сохраняли цвѣтъ молодости, между тѣмъ какъ на головѣ волосы совершенно побѣлѣли. Тонкій, горбатый носъ тоже, вѣроятно, былъ когда-то очень красивъ, но годы заставили его изогнуться еще больше, такъ что теперь онъ напоминалъ клювъ хищной птицы. Вокругъ рта, представлявшаго собою простую щель, и на сухихъ, какъ у обтянутаго кожей скелета, щекахъ, виднѣлись блестящія и твердыя, какъ серебряная проволока, бѣлыя щетины бороды и усовъ, которые брились всего разъ въ недѣлю. Весьма странное впечатлѣніе производили огромныя оттопыренныя уши, нѣжныя и эластичныя раковины которыхъ свидѣтельствовали о чрезвычайно тонкомъ слухѣ ихъ обладателя. Во взглядѣ старика было что-то, напоминавшее ночную птицу. Эти пристальные, блестящія глаза съ расширенными зрачками, которымъ черныя нависшія брови придавали что-то зловѣщее, казалось, освѣщали предметы собственнымъ свѣтомъ и могли видѣть въ темнотѣ. Ихъ взглядъ обнаруживалъ интенсивную жизнь духа, которую не могли ослабить ни годы, ни физическія немощи, терзавшія это

хилос, маленькое, сгорбленное тѣло. Тонкія, какъ плетки, руки оканчивались кривыми, угловатыми и, повидимому, чрезвычайно цѣпкими пальцами. Морщинистая и желтая, какъ старый пергаментъ, кожа, обтягивавшая лобъ старика, обладала странной способностью шевелиться, такъ что брови его то опускались, то поднимались къ самому чубу, что еще болѣе увеличивало его сходство съ совою. Онъ былъ одѣтъ весь въ черное и носилъ на головѣ бархатную шапочку.

Лишь только старикъ приблизился къ конторкѣ, хозяинъ тихонько всталъ, подошелъ къ выходной двери и долго и внимательно прислушивался. Потомъ онъ выглянулъ въ другую дверь, выходящую на дворъ, тоже прислушался, повторилъ ту-же операцію относительно третьей, сообщавшейся съ внутренними покоемъ. Изъ трехъ гарсоновъ одинъ только оставался въ залѣ, храпя во всю ивановскую на скамейкѣ. Хозяинъ разбудилъ его и велѣлъ идти спать. Затѣмъ онъ плотно заперъ всѣ двери, вернулся къ конторкѣ и, усѣвшись снова на свою табуретку, сказалъ:

— Опять заварилась наша! Слышали, какъ орали? Говорятъ, что собираются ударить въ барабаны... Вы должны объ этомъ знать, донъ Эліасъ.

— Не беспокойтея, не беспокойтея, другъ, и это будетъ въ свое время! отвѣчалъ старикъ сильнымъ груднымъ голосомъ.

Съ этими словами донъ Эліасъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ маленькій свертокъ, издавшій характерный звонъ, когда онъ опустилъ его на конторку. Хозяинъ съ нѣжностью смотрѣлъ и на свертокъ, и на пальцы старика, пока тотъ считалъ золотыя монеты.

При звукѣ денегъ, Робеспьеръ встрепенулся и открылъ глаза, но убѣдившись, что дѣло его не касается, снова зажмурился ихъ и погрузился въ безмятежный сонъ. Старикъ отсчиталъ десять полуимперіаловъ и подалъ ихъ хозяину.

— Послушайте, сеньоръ донъ Эліасъ, ну что мнѣ сдѣлать съ пятью червонцами? проговорилъ хозяинъ недовольнымъ тономъ.

— За пять червонцевъ можно купить даже богиню свободы—отвѣчалъ старикъ, глядя въ сторону.

— Богиню можетъ быть и можно, возразилъ хозяинъ,—но

здѣсь собираются патриоты, которые не крикнуть „да здравствуетъ король“ за всѣ сокровища Новаго свѣта.

— Да, да, конечно. Здѣсь не Катони и Грахчи! иронически замѣтилъ Элиась.

— А ну-ка, попробуйте подкупить Алкала Галиано или Морено Гуерра..

— Эти къ вамъ не относятся. Они бунтуютъ въ Кортесахъ. Ваше дѣло—фонтанисты.

— Да увѣрю-же васъ, безцѣнный мой донъ Элиась, что съ такими деньгами мнѣ не подступиться въ лакею самаго послѣдняго изъ ораторовъ клуба.

— Говорю вамъ, что этого хватить.

— Ахъ, да какими же скрягами стали слуги короля. Лопни мои глаза, если при такой скаредности вамъ удастся опрокинуть конституцію.

— Потерпите, потерпите, со вздохомъ проговорилъ старикъ,—все уладится и вы наверстаете свое съ лихвой.

Съ этими словами Элиась такъ крѣпко стиснулъ беззубыя челюсти, что нижняя совсѣмъ, казалось, утонула въ верхней.

— А все-таки я ничего не могу сдѣлать съ этими пятью червонцами, со вздохомъ сказалъ хозяинъ.—А ужъ я-ли не стараюсь! Кстати, какъ вамъ понравился сержантъ, что говорилъ сегодня вечеромъ? Я слышалъ, что онъ ужасный негодай, ну, да намъ что за дѣло; его слушаютъ и это намъ на руку. А тотъ мясникъ, что съ Кальекой всегда рядомъ садится... Онъ третьяго дня произносилъ рѣчь. Говорилъ, что всѣмъ умѣреннымъ, усыпителямъ народа, нужно отрубить головы. И знаете—ему хлопали... Когда кончилось засѣданіе, я сталъ расхваливать его рѣчь и угостилъ его на свой счетъ. Проклятый—жреть, какъ быкъ. Цѣлыхъ три порціи мяса съѣлъ и выпилъ два графина вина. Общаль, что на дняхъ скажетъ другую рѣчь, еще почище. Ужъ, кажется, меня нельзя упрекнуть въ недостаткѣ усердія. А вы такъ скаредничаете! На одно угощеніе у меня больше уходитъ, чѣмъ отъ васъ получаю. Сегодняшняя рѣчь кадиескаго студентика обошлась мнѣ въ три бутылки лисабонскаго... Ахъ, если бы всѣ эти штуки узнали Алкала Галиано и Флорець Эстрада—воображаю, какъ бы рты разинули... Хе-хе-хе!

— Вотъ „усыпителя“, которымъ нужно голову отрубить,

сказалъ старикъ подмигивая, и дѣлая ладонью характерное движеніе сверху внизъ.

— Ахъ, какъ было-бы жалко, потому что они, вѣдь, премильные ребята. Скажу вамъ по совѣсти, хотя въ душѣ я такой-же ревностный абсолютистъ, какъ и вы, сеньоръ донъ Эліасъ, но слушая этихъ парней, въ особенности Алкала Галиано, когда изъ его толстыхъ губъ начинаютъ сыпаться сначала цвѣты, а потомъ виперы, — признаюсь откровенно, меня такъ разбираетъ, что хочется его расцѣловать.

— Пускай себѣ горланятъ: этого какъ разъ и нужно. Вѣдь сегодняшніе беспорядки — дѣло ихъ рукъ. Если такъ пойдетъ дальше, струна скоро оборвется. Дайте срокъ: увидите, что они перегрызутъ другъ друга.

— Такъ-то такъ, а пока, что-же мнѣ дѣлать съ этими пятью червонцами? снова повторилъ хозяинъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что мы не хотимъ сорить деньгами. Да и много-ли нужно, чтобы заставить плясать по нашей дудѣ такой народъ, какъ ваши влюбисты?

— Много-ли! съ раздраженіемъ воскликнулъ хозяинъ. — Вы бы лучше меня объ этомъ спросили. Знаете-ли, что тотъ разстрига, что написалъ: „Долой министровъ“ уже съѣлъ всѣ три червонца, что вы мнѣ принесли на прошлой недѣлѣ! А тотъ офицеръ, что третьяго дня произнесъ такую забористую рѣчь, гдѣ все повторяетъ *Calenda Cartago*...

— Вы, вѣроятно, хотѣли сказать: *Delenda Cartago*?

— Ну да, конечно. Впрочемъ, не все-ли равно: *Delenda* или *Calenda*. Ну, такъ вотъ у этого-то офицера такая, я вамъ скажу, глотка, настоящая водосточная труба, что ни лей, все войдетъ. Сколько я на него денегъ извель, просто не перечестъ. Кромѣ того, мнѣ-же изъ своего кармана пришлось заплатить всѣ долги Андресильо Корхи за то, что онъ въ прошлое воскресенье пошелъ кричать по улицамъ: „смерть министрамъ“, какъ вы навазывали. Одной квартирной хозяйкѣ онъ задолжалъ за четыре мѣсяца. А сколько еще по мелочамъ я роздалъ! Ужь я не говорю, что не грѣхъ-бы и дать человѣку что-нибудь заработать на такомъ опасномъ дѣлѣ. Подумайте, донъ Эліасъ, вѣдь пронохаютъ только либералы, что я тутъ дѣлаю, отъ меня восточки не остаются...

— Будьте осторожны, очень осторожны, внушительно прого-

ворилъ Эліась. — Главное, чтобъ никакихъ компрометирующихъ бумагъ, ни одной строчки, написанной вашей рукою.

— А скажите, продолжалъ хозяинъ понижая голосъ, точно изъ страха, чтобы его не подслушалъ Робеспьеръ: — скажите, когда взбунтуются войска?

— Не знаю, отвѣчалъ Эліась, пожимая плечами.

— А правда-ли, что „Священный союзъ“ написалъ двору ободрительное письмо?

— Не знаю, повторилъ донъ Эліась, принадлежавшій, очевидно, къ людямъ очень осторожнымъ.

Въ это время вдали послышался тотъ-же шумъ, который такъ неожиданно прервалъ засѣданіе клуба.

— Кажется, собираются разрушить домъ Тореньо.

— Очень хорошо! сказалъ старикъ съ злобщей улыбкой. — Вижу, что предсказаніе мое сбывается и они начинаютъ пожирать другъ друга. Впрочемъ, иначе и не могло быть... Я усумнился-бы въ Провидѣніи, еслибы могъ думать, что Испанія можетъ долго оставаться въ рукахъ у этой сволочи. Испанія безъ короля—это то-же, что человѣкъ безъ глазъ. Была у насъ развѣ конституція, когда испанцы были первымъ народомъ въ мірѣ? А теперь нѣсколько безмозглыхъ говоруновъ вздумали перевернуть все вверхъ ногами и надѣются, что государство можетъ долго простоять внизъ головою! Слыханое-ли дѣло, чтобы законы писали тѣ, кому самимъ Богомъ опредѣлено повиноваться? Что было-бы, еслибы у насъ въ домѣ стали хозяйничать наши лакеи? Не вѣрять во власть, значитъ, не вѣрять и въ Бога. Но только все это скоро кончится! Клянусь тебѣ, что скоро кончится!

При этихъ словахъ старикъ свернулъ глазами, какъ раздраженный волкъ и крѣпко сжималъ кулаки. Хозяинъ не могъ устоять противъ обаянія такого краснорѣчія, въ особенности противъ заключительной фразы, обѣщавшей ему столько благъ впереди, и стремительно обнялъ своего собесѣдника. Въ своемъ энтузіазмѣ онъ не замѣтилъ, какъ опрокинулъ стоявшую на конторѣ пустую бутылку, упавшую прямо на Робеспьера, который, пробужденный такъ неожиданно отъ сладкаго сна, испуганно замяукалъ и бросился на верхнія полки буфета искать болѣе спокойнаго убѣжища.

Эліась вынулъ изъ бокового кармана маленькій черный платочекъ, служившій ему кашнѣ и, завернувъ себѣ шею, напра-

вился къ выходу. Хозяинъ побѣждалъ отворять ему дверь, Старый роялистъ выпшелъ изъ нафе, забывъ попрощаться со своимъ пріятелемъ и направился къ себѣ домой. Уже занималась заря.

ГЛАВА III.

Столеповеніе съ патриотами и его послѣдствіе.

Идя по улицѣ Санъ-Херонимо, донъ-Элиасъ увидѣлъ кучку людей, шедшихъ ему на встрѣчу съ громкимъ смѣхомъ и шумными viva конституціи и Ріего. Желая избѣжать встрѣчи, онъ перешелъ на другую сторону улицы, но они тоже перешли туда-же, и одинъ изъ нихъ остановилъ его.

Ихъ было пятеро, всѣ были на веселѣ; трое сильно показывались. Ими предводительствовалъ нашъ знакомецъ Кальехъ. Кромѣ цирюльника, здѣсь былъ купецъ изъ Пеньюельскаго предмѣстья, селитряный контрабандистъ, дворянинъ, извѣстный во всемъ Мадритѣ своимъ шулерствомъ и, наконецъ, длинный, тощій молодецъ, похожій на цыгана, пользовавшійся репутаціей великаго гверильера. О его необыкновенныхъ подвигахъ свидѣтельствовалъ широкій шрамъ, пересекавшій ему все лицо отъ виска до подбородка, вадѣвъ одну ноздрю.

Всѣ пятеро загородили дорогу старику.

— Убьемъ его! сказалъ контрабандистъ убѣжденнымъ тономъ, обращаясь къ Кальеху.

— Оставь, Перико, — ну что тебѣ за охота сныиваться съ этимъ старымъ крычэмъ.

— Да вѣдь это Загорючка, самъ Загорючка, вскричалъ Перико. — Я его знаю. Онъ другъ Винуеса и ходитъ по клубамъ, чтобы все подслушивать, подсматривать и донести потомъ двору.

— Ха-ха-ха! засмѣялась пьянымъ смѣхомъ вся компанія. — Тамъ вотъ что ты за птица.

— Дадимте ему встряску!

— Пезета, покажи-ка ему, гдѣ раки зимуютъ.

Пезета, такъ звали купца, схватилъ старика за бедра и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ мигнуть глазомъ, перевернулъ вверхъ

ногами тацъ, что тонкія икры его только мелькнули въ воздухѣ, а голова ударилась объ землю.

Варывъ хохота встрѣтилъ эту ловкую штуку.

Старика снова поставили на ноги, держа его за обѣ руки.

— Смотрите, что за уши, точно летучая мышь! замѣтилъ гверильеръ, и щелчкомъ заставилъ задрожать правое ухо Эліаса, въ неопisanному удовольствію компаніи.

Роялистъ побѣднѣлъ отъ бѣшенства. Онъ нервно стискивалъ вулаки, которые крѣпко держали, точно въ тискахъ, двое изъ его противниковъ. Въ глазахъ его сверкали слезы бесидной злобы.

Тѣмъ временемъ Кальеха, пользовавшійся, очевидно, большимъ авторитетомъ въ этой компаніи, схватилъ роялиста за руку и съ глупымъ хохотомъ пьяницы закричалъ:

— Пойдемъ, пойдемъ брать съ нами! Граждане, обратился онъ къ остальнымъ, — вотъ Загорючка, самъ великій Загорючка! Будемте друзьями... Онъ сейчасъ представитъ насъ ко двору и насъ произведутъ...

— Въ министры! крикнулъ контрабандистъ.

— Граждане, да здравствуетъ абсолютизмъ, да здравствуетъ Загорючка!

— А давайте-ка, посвятимъ его въ рыцари ордена святого Голоштапника! предложилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Давайте, давайте!

Контрабандистъ изъ всей силы ударилъ роялиста по головѣ тростью.

— Ну, теперь пусть попляшетъ на радости.

— Прыгай!

— Да прыгай-же, старый хрычъ!

Пезета схватилъ Эліаса подъ руку, какъ-будто желая заставить его прыгнуть, но вмѣсто того ловкимъ движеніемъ ударилъ его объ землю.

— Ловко! крикнулъ Кальеха. — Ну, теперь кричи: да здравствуетъ конституція!

Старикъ молчалъ.

— Ну, такъ значить, его нельзя выбрать и нужно вычеркнуть изъ списковъ, серьезно заявилъ гверильеръ, вынимая изъ ноженъ толедскій кинжалъ.

— Синьоры, это другъ Винуэсы, сказалъ гверильеръ.

— Это Загорючка, самъ Загорючка! торжественно провозгласилъ Кальеха.

— Онъ донесъ на нашихъ въ Малагѣ, сказалъ контрабандистъ.

Веселость компаніи быстро смѣнилась безпощадной свирѣпостью.

Гверильеръ схватилъ Эліаса за горло и однимъ сильнымъ ударомъ повалилъ на землю.

— Держи его, Чалеко, чтобъ онъ не шевелился, сказалъ онъ, обращаясь къ контрабандисту.

Чалеко наступилъ колѣнами на обѣ руки роялиста, который лежалъ такимъ образомъ, точно пригвожденный къ землѣ. Гверильеръ взялъ его за волосы и откинулъ ему голову назадъ, чтобы больше освободить шею...

— Постой, дай-ка сюда ножъ! крикнулъ Пезета. — Я ему распорю брюхо. Мнѣ хочется посмотрѣть, что бываетъ внутри у роялистовъ.

Гверильеръ со смѣхомъ передалъ ножъ Пезетѣ.

Донъ-Эліасъ мысленно уже поручалъ свою душу Богу, когда неожиданное появленіе новаго дѣйствующаго лица остановило кровавую расправу и спасло стараго роялиста отъ вѣрной смерти.

Это былъ молодой офицеръ высокаго роста, пріятной наружности, очевидно, благороднаго происхожденія, потому что, несмотря на свои годы, былъ уже въ довольно высокихъ чинахъ, какъ это свидѣтельствовали звѣздочки на его петличкахъ. Онъ былъ одѣтъ въ длинный голубой плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлась широкая старинная сабля.

— Послушайте, господа, сказалъ онъ примирительнымъ тономъ, — зачѣмъ вы обижаете этого бѣднаго старика, который ничего вамъ не сдѣлалъ?

Пьяная компанія въ первую минуту опѣшила и невольно выпустила изъ рукъ роялиста.

— Но вѣдь это Загорючка, самъ Загорючка, пояснялъ Кальеха.

— Но васъ пятеро противъ одного беззащитнаго старика.

— Ну вотъ, я и самъ то-же говорилъ! неожиданно воскликнулъ Кальеха, заливаясь пьянымъ смѣхомъ.

— Мы ему ничего не сдѣлаемъ, пусть только скажетъ: „да здравствуетъ конституція“, помирился Пезета.

— Онъ это скажетъ, какъ только вы его выпустите. Я ручаюсь вамъ, что это добрый либераль и прекрасный человекъ.

— Это сервилить! вскричалъ Чалеко.

— Что-жь вы хотите съ нимъ сдѣлать? спросилъ офицеръ.

— Что сдѣлать? Извѣстно что: отправить на тотъ свѣтъ.

— Полно, ступайте себѣ своей дорогой, твердо сказалъ офицеръ, — я не позволю вамъ тронуть этого старика.

— Вы?

— Да, я. Ступайте себѣ! Я за него отвѣчаю.

— Такъ пусть-же онъ прежде скажетъ: „да здравствуетъ...

— Говори: „да здравствуетъ конституція!“ воскликнули въ одинъ голосъ всѣ, кромѣ Кальехи, который стоялъ въ сторонѣ и смѣялся неизвѣстно чему, какъ дурачекъ.

— Ну что-жь, скажите: „да здравствуетъ конституція“, обратился офицеръ въ Эліасу, — это не трудно, и къ тому-же, теперь всякій добрый испанецъ долженъ повторить это.

— Пусть-же скажетъ!

— Да поскорѣй!

Офицеръ снова принялся уговаривать старика произнести эти слова, такъ-какъ это было единственное средство получить свободу. Но Эліасъ по прежнему молчалъ.

— Эй, старина, поторапливайся! крикнулъ контрабандистъ.

— Нѣтъ! воскликнулъ Эліасъ голосомъ, дрожавшимъ отъ бѣшенства.

Въ ту-же минуту Пезета вамахнулся на него палкой и всѣ прочіе бросились на него съ поднятыми кулаками. Офицеръ долженъ былъ употребить самыя энергическія средства, чтобы защитить старика, взятаго имъ подъ свое покровительство.

— Ну скажите-же, прошу васъ: „да здравствуетъ конституція“, снова обратился онъ къ нему.

— Нѣтъ! повторилъ Эліасъ, и въ припадкѣ фанатическаго одушевленія, крикнулъ: „Да погибнетъ!“

Какъ дикіе звѣри всѣ четверо бросились на него снова. Но офицеръ рѣшился, повидимому, защищать старика до послѣдней крайности.

— Не трогайте, не трогайте! кричалъ онъ. — Вѣдь онъ сумасшедшій! Развѣ вы не видите, что онъ сумасшедшій?

— Пусть возьметъ назадъ свои слова! вмѣшался Кальеха, который и въ пьяномъ видѣ не могъ забыть парламентскихъ формулъ. Затѣмъ онъ опять чему-то захихикалъ.

— Что-жъ, берешь ты назадъ или нѣтъ? приставалъ Пезета.

— Да чего вы отъ него хотите, прервалъ его офицеръ, опасаясь новой выходки своего протеже, — вѣдь онъ сумасшедшій, а если не сумасшедшій, то навѣрное пьяный.

— Правда, правда, онъ на... навѣрно... пьянъ... согласился Пезета.

— Пьянъ, какъ са... какъ са...пожникъ! подтвердилъ Кальеха, хватаясь за свою добычу, чтобы не грохнуться на мостовую.

Нѣкоторые изъ обитателей ближайшихъ домовъ высовывались изъ оконъ, разбуженные необыкновеннымъ шумомъ. Прохожіе, привлеченные бурной сценой, останавливались, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и заговаривали съ достопочтенными патриотами. Потому-ли, что пьяные вообще легко развлекаются, или потому, что присутствіе трезвой публики и твердое поведеніе офицера заставили слишкомъ горячихъ патриотовъ немного успокоиться, они оставили въ покоѣ злополучнаго Эліаса, который, поддерживаемый своимъ покровителемъ, кое-какъ поднялся на ноги и надѣлъ бархатную шапочку, испачканную и совершенно утратившую свою форму подъ ногами Чалеко. Отражая нападеніе гверильера, офицеръ слегка поранилъ себѣ лѣвую руку объ острую ручку его винжала и съ нея капала теперь кровь. Обернувъ ее платкомъ, онъ обхватилъ правою рукою старика, который былъ до такой степени измученъ, что едва передвигалъ ноги и каждую минуту готовъ былъ упасть.

Отойдя нѣсколько шаговъ отъ рокового мѣста, офицеръ спросилъ Эліаса, куда вести его. Старикъ, не произнося ни слова, знаками указывалъ ему дорогу. Они прошли улицу Алкала, Барилью и направились, наконецъ, въ переулокъ Помилуй-мя-Боже, гдѣ и жилъ старый роаялистъ.

Молодой офицеръ, очевидно, терпѣть не могъ молчанія и обладавалъ самымъ веселымъ и общительнымъ характеромъ, потому что во всю длинную дорогу онъ, не переставая, болталъ, и даже упорное безмолвіе спутника, казалось, только подзадоривало его необыкновенную словоохотливость.

Мы не въ состояніи, разумѣется, передать всего, что говорилъ

этотъ прекрасный молодой человѣкъ, котораго мы теперь-же имѣемъ честь представить читателю, какъ нашего друга, но зная очень хорошо его характеръ, мы можемъ завѣрить, что онъ долженъ былъ испустить глубокой вздохъ и затѣмъ сказать:

— Да, другъ, нельзя не пожалѣть о несовершенствѣ человѣческой природы! Самыя лучшія вещи и самыя благородныя стремленія въ жизни такъ жестоко извращаются людьми, что становятся неузнаваемы. Но что будешь дѣлать: все въ мірѣ имѣетъ свои темныя стороны; такъ-же точно, какъ въ природѣ, свѣтъ всегда сопровождается тѣнью. Самыя справедливыя учрежденія, созданныя для того, чтобы облагодѣтельствовать человѣчество, на первыхъ порахъ вызываютъ явленія, способныя возбудить въ слабыхъ умахъ горькія сомнѣнія въ самой ихъ благодѣтельности. Но вѣдъ и изобрѣтатели новыхъ машинъ часто калѣчатъ себѣ руки при ихъ первомъ примѣненіи. Свобода — идеалъ, къ которому стремятся всѣ народы. Благодаря усиліямъ благородныхъ патріотовъ, Испаніи удалось завоевать ее. Но какъ трудны первые шаги ея на этой почвѣ вѣковаго деспотизма! Сколько увѣчій производитъ эта новая машина!—Но не нужно терять терпѣнія. Въ политикѣ это непростительно. Будемъ ждать, пока свобода принесетъ свои плоды. Развѣ не безумецъ тотъ, кто, посадивъ у себя въ саду масличный черенокъ, вырветъ его прочь, потому что онъ не пустилъ корней, не зацвѣлъ и не принесъ плодовъ на другой-же день?

Очень можетъ быть, что молодой офицеръ употреблялъ много другихъ, не менѣе краснорѣчивыхъ сравненій, которыя мы имѣли несчастье опустить. Несомнѣнно, однако, что, въ заключеніи своей тирады, онъ на минуту остановился, чтобы перевести духъ и взглянуть, достаточно-ли подѣйствовали такіе убѣдительные доводы на старика. Но послѣдній, очевидно, весь погрузился въ размышленія не менѣе отвлеченныя и глубокомысленныя и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на слова своего спутника.

— Нельзя не пожалѣть, продолжалъ офицеръ, сопровождая свои слова легкой жестикуляціей, что многіе граждане такъ дурно пользуются своими правами. Умѣнье пользоваться свободой пріобрѣтается только долгой практикой, которой, къ сожалѣнію, у нашего народа до сихъ поръ не было. Не станемъ-же терять надежды. Вы, безъ сомнѣнія, доб-

рый либераль, и я увѣренъ, что съумѣете стоять на высотѣ положенія. Не будемъ проклипать солнца, если оно рѣжетъ намъ глаза, когда, только что пробудившись отъ глубокаго сна, мы вышли изъ темной комнаты.

Молодой теловѣкъ снова остановился, чтобы взглянуть на старика. Но лицо послѣдняго не выражало ничего, кромѣ разсѣянности и меланхоли.

— Буяны, которые васъ остановили продолжалъ офицеръ, — не либералы. Это либо тайные агенты реакціи, либо грубые, невѣжественные пьяницы, потерявшіе во хмѣлю разсудокъ и совѣсть. Основательно-ли лишать всѣхъ свободы до тѣхъ поръ, пока всѣ, подобные этимъ буянамъ, не разовьются до пониманія своихъ гражданскихъ обязанностей? Или, можетъ быть, нужно предоставить свободу однимъ и отнять ее у другихъ? Нѣтъ, это невозможно, потому что либо будутъ свободны всѣ, либо никто. Да и разумно-ли отказываться отъ благодѣяній цѣлой системы въ виду немногихъ злоупотребленій, неразлучныхъ съ нею? Нѣтъ, лучше предоставить свободу девяносто девяти, ее не понимающимъ, чѣмъ отнять ее у одного человѣка, способнаго оцѣнить ее значеніе. Зло, которое могутъ причинить девяносто девять невѣждъ, несравненно меньше того огромнаго добра, которое можетъ сдѣлать этотъ одинъ образованный и просвѣщенный человѣкъ.

Офицеръ въ третій разъ остановился, и при томъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что ему нечего было больше сказать, во-вторыхъ, потому, что, подойдя къ одной изъ дверей, Эліасъ сказалъ: „Здѣсь!“ Путешествіе кончилось, и молодому человѣку оставалось только распрощаться со своимъ новымъ другомъ. Но старикъ до такой степени ослабѣлъ отъ долгаго пути, что безъ посторонней помощи не могъ подняться на лѣстницу. Поэтому, словоохотливый и рыцарственный его защитникъ рѣшился войти къ нему въ квартиру, тѣмъ болѣе, что ему хотѣлось успокоить домашнихъ.

Домъ, у воротъ котораго они стояли, былъ расположенъ въ концѣ длиннаго переулка Помилуй-мя-Боже и, по сравненію съ сосѣдними лачугами, казался громаднѣмъ дворцомъ. Однако, это не мѣшало ему имѣть всего два этажа, изъ коихъ верхній и былъ достоинъ чести служить жилищемъ Эліасу.

Фасадъ, жалкій и некрасивый, совершенно почернѣлъ отъ времени. Нижній этажъ былъ весь занятъ кузнечной и слесар-

ной мастерской, снабжавшей всѣ окрестности кострюлями, вертелами, лопатами, топорами и всевозможными желѣзными издѣльями. Днем оглушительный стужъ молотковъ мѣшалъ раз- слышать, что говорилось въ двухъ шагахъ. Широкіе балконы бельэтажа представляли слабое подобіе висячихъ садовъ Семи- рамиды, такъ-какъ на нихъ видѣлись не только выщербленные горшки съ цвѣтами, но и цѣлые кустарники, собирающіеся пре- вратиться въ деревья. Двѣ вѣтки съ попугаями и канарейками, по цѣлымъ днямъ щебетавшими безъ умолку, не обращая ника- кого вниманія на звонъ кузнечныхъ молотовъ, дополняли это сходство. На фронтонахъ, среди гирляндъ плюща и цвѣтовъ кра- совалась вывѣска, гласившая: „Суда подъ залогъ“.

Наружная дверь отерывалась въ длинный, темный корри- доръ, въ глубинѣ котораго находилась лѣстница. Однако, до- браться до нея было дѣло далеко не безопасное, въ особенности въ темнотѣ. Неровная, какъ сорное поле, почва представляла собою множество наполненныхъ нечистотами ямъ, переме- жавшихся съ острыми камнями, торчавшими на четверть аршина надъ землею. Узкая каменная лѣстница, не бѣленая, по край- ней мѣрѣ, со временъ Филиппа V, къ девятнадцатому столѣ- тію покрылась почтеннымъ слоемъ грязи и плесени. Только широкая полоса стѣны, гдѣ терлись локти жильцовъ, отлича- лась необыкновенной гладкостью и блескомъ. На одной изъ площадокъ, въ маленькомъ углубленіи, сдѣланномъ въ стѣнѣ, можно было видѣть не почникъ, а мѣсто, гдѣ онъ когда-то стоялъ, какъ о томъ свидѣтельствовали темные маслянные под- теки внизу и черная копотъ въ верхней части ниши.

Поднявшись на второй этажъ, офицеръ постучался. Оче- видно, кто-то съ нетерпѣніемъ ждалъ прихода Эліаса, потому- что въ ту-же минуту зазвенѣлъ засовъ и дверь отворилась. На порогъ показалась дѣвушка лѣтъ восемнадцати, которая, уви- дѣвъ растрепанный костюмъ старика, а также незнакомца, его сопровождавшаго, всеризнула отъ удивленія и испуга.

— Что съ вами? что случилось? съ безповойствомъ спра- шивала она, когда они вошли въ прихожую.

— Ничего, ничего! слѣшилъ успокоить ее офицеръ.

Дѣвушка отворила дверь въ залу, куда всѣ трое вошли. Старикъ, не произнеся ни слова, бросился въ кресло.

— Что съ вами? вы нездоровы? спросила еще разъ дѣвушка, нѣжно наклоняясь къ старику и беря его за руку.

— Ничего, ничего, повторилъ офицеръ,—не безпокойтесь! Онъ шелъ по улицѣ и имѣлъ несчастье повстрѣчаться съ кучкой нахаловъ, которые хотѣли заставить его что-то запѣть. А такъ-какъ сеньору было не до пѣсенъ, то онъ отказался исполнить ихъ требованіе.

Дѣвушка вытаращила глаза и, казалось, рѣшительно ничего не могла понять.

— Нѣсколько пьяныхъ хотѣли его обидѣть, пояснялъ офицеръ,—но къ счастью я проходилъ мимо... Не безпокойтесь, ничего серьезнаго нѣтъ.

Эліасъ тѣмъ временемъ немного отдохнулъ, и лицо его нѣсколько прояснилось.

— Что-жь это были за люди? спросила дѣвушка.

— Бездѣльники и буяны, думающіе только о томъ, чтобы производить безпорядки въ городѣ, отвѣчалъ офицеръ.

— Ахъ, какъ мнѣ было страшно, сказала дѣвушка,—чего только я не передумала. Мимо нашихъ оконъ тоже проходила толпа бунтовщиковъ. Мы съ Паскуалой забились въ уголъ и все время дрожали. Какой они подняли крикъ! Потомъ начали стучать въ дверь, и мы разслышали только, что они хотятъ кого-то убить. Паскуала чуть не умерла отъ страха, но я старалась ее ободрить, и мы обѣ бросились на колѣни передъ Мадонной, что стоитъ въ томъ углу. Когда толпа ушла, на улицѣ кто-то началъ стонать. Просто, страшно вспомнить!

Офицеръ внимательно слушалъ этотъ наивный разговоръ, что не мѣшало ему разсматривать, какъ комнату, въ которой она находились, такъ и свою интересную собесѣдницу.

Убранство гостиной было довольно скромно, хотя не обнаруживало никакихъ признаковъ бѣдности. Если-бы офицеръ захотѣлъ попристальнѣе взглянуть въ эстампы, висѣвшіе по стѣнамъ, и статуэтки, стоявшія на этажеркѣ, то замѣтилъ-бы, что они представляютъ даже весьма цѣнныя археологическія рѣдкости. Но молодой человѣкъ мало обращалъ вниманія на убранство комнаты, потому что все вниманіе его было сосредоточено на стоявшей передъ нимъ дѣвушкѣ.

Клара (ее звали Кларой) была средняго, скорѣе даже маленькаго роста, но ея стройная фигура, изящныя руки, бюстъ,

шея казались точно изваянными. Особенно хороша была шея, какъ это тотчасъ-же замѣтилъ офицеръ, бывшій, скажемъ мимоходомъ, большимъ цѣнителемъ и знаткомъ женской красоты. Не ускользнуло также отъ его опытнаго взгляда и выраженіе грусти, не покидавшее ея большихъ черныхъ глазъ. По мраморной блѣдности ея лица, ничего не имѣющей общаго съ жгучей и страстной блѣдностью андалузовъ, онъ тотчасъ-же догадался, что она должна быть дочерью одной изъ Кастилій. По одного взгляда на ея костюмъ и, въ особенности, на прическу достаточно было, чтобы сообразить, что она не можетъ быть уроженкой столицы. Роскошныя косы Клары были зачесаны въ мелкія, собранныя на затылкѣ, косички, по старинной модѣ, сохранившейся только въ самыхъ глухихъ провинціяхъ. Итаетъ, онъ не сомнѣвался, что она родомъ изъ Сеговіи или Алвалы и, въ тому-же, недавно пріѣхала изъ своей провинціи, потому что иначе не носила-бы ни этой странной прически, ни этого старомоднаго платья, съ крупными, какъ на обояхъ, цвѣтами. Всѣ эти соображенія промелькнули въ головѣ молодого офицера несравненно быстрѣе, чѣмъ намъ приходится разсказывать.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царилъ молчаніе, неожиданно прерванное старикомъ, который, точно продолжая внутреннюю рѣчь, вскричалъ бѣшенымъ голосомъ:

— Подлая собака! Хотѣлось-бы мнѣ имѣть въ эту минуту въ рукахъ ножъ; я-бы далъ себя знать всѣмъ этимъ негодямъ... А еще больше хотѣлось-бы добраться до тѣхъ, которые всему виною: до мудрецовъ, до декламаторовъ, до шарлатановъ, подстрекающихъ безмозглыхъ дураковъ, развращающихъ народъ, позорящихъ Испанію своими богохульными рѣчами въ Кортесахъ; о, Боже великій! неужели я не доживу до дня возмездія!

Офицеръ оторопѣлъ и немного обидѣлся. Ему казалось, что это косвенный отвѣтъ на всѣ прекрасные доводы, которые онъ разсыпалъ во время пути. Онъ собрался, было, возражать, но лицо Эліаса выражало столько свирѣпаго упорства, что онъ предпочелъ отказаться отъ своего намѣренія. Что-же касается Клары, то съ равнодушіемъ, порождаемымъ привычкой, она слушала свирѣпую діатрибу роялиста и только из-

рѣдва бросала сконфуженный взглядъ на офицера, какъ будто прося его о снисхожденіи къ старику.

Молодой человѣкъ тоже рѣшилъ не обращать вниманія на злобныя выходки своего страннаго хозяина, но тѣмъ сильнѣе заинтересовала его бѣдная дѣвушка, вынужденная жить подъ одной кровлей съ этимъ маниакомъ. О, она навѣрное несчастна; это онъ видѣлъ по ея глазамъ, и ему почему-то такъ хотѣлось утѣшить ее...

Но, увы! на это у него рѣшительно не было времени, потому что наступила минута, когда ему необходимо было уходить. Эліасъ въ полголоса продолжалъ свой монологъ, совершенно забывъ о его существованіи. Положеніе становилось неловкимъ. Нужно было уходить. Уходить-же, не удовлетворивъ своему любопытству и не поговоривъ немного съ дѣвушкой, ему не хотѣлось. Онъ подошелъ къ старику. Но тотъ, попрежнему, не обращалъ на него никакого вниманія и, очевидно, не думалъ даже ни о благодарности, ни о гостепріимствѣ, ни о вѣжливости. Все это, казалось, были понятія, совершенно чуждыя этому оригиналу.

Видя такую разсѣянность хозяина, молодой человѣкъ обратился къ дѣвушкѣ и не могъ найти ничего лучшаго, какъ снова начать успокаивать ее.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ вполголоса, отходя къ окну;—онъ не раненъ. Онъ разстроенъ гнѣвомъ и неожиданностью нападенія. Но это пройдетъ и онъ успокоится.

— Да, успокоится... немного.

— И будетъ попрежнему веселъ и доволенъ...

— Ну, это едва-ли...

— Разъ вы будете за нимъ ухаживать, онъ не можетъ остаться печальнымъ.

Если это была попытка сказать комплиментъ, то она не произвела на Клару ни малѣйшаго впечатлѣнія. Она взглянула на Эліаса, который, сидя все въ той-же позѣ, продолжалъ что-то бормотать, изрѣдва жестикуюлируя. Отъ времени до времени можно было разобрать его любимое восклицаніе: „подлыя собаки!“

— Скажите, онъ всегда такой? спросилъ офицеръ еще тише.

— Да, почти всегда, отвѣчала дѣвушка со вздохомъ.—Онъ очень страдаетъ, и мнѣ просто жалко на него смотрѣть. Вѣчно грустенъ, а иногда мнѣ кажется, что онъ вотъ-вотъ умретъ въ

припадкѣ бѣшенства. По ночамъ онъ читаетъ книги, что-то пишетъ и очень часто разговариваетъ самъ съ собою, какъ вотъ теперь. А то встанетъ и начнетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Я просто вся дрожу отъ страха.

Офицеръ чувствовалъ, что симпатія, внушенная ему съ самаго начала Кларию, еще болѣе усилилась. Онъ не могъ болѣе сомнѣваться, что эта дѣвушка несчастная жертва, отданная во власть сумасшедшаго человѣка.

— Ну, а скажите, прибавилъ онъ задумчивымъ тономъ, — вамъ никогда не приходится терпѣть отъ его вспышекъ? Онъ никогда васъ не обижаетъ?

— Меня? о, нѣтъ, отвѣчала Клара. — Онъ меня очень любитъ и всегда со мной ласковъ.

Можетъ показаться страннымъ, что Клара дѣлала такія признанія человѣку, котораго она видѣла въ первый разъ. Но то, что было-бы непонятно въ другой дѣвушкѣ, въ ней было совершенно естественно. Клара провела все свое дѣтство съ глазу на глазъ съ этимъ старикомъ. Она была сирота, не имѣла ни родныхъ, ни подругъ, ни даже просто знакомыхъ и жила въ четырехъ стѣнахъ этого печальнаго дома, точно на необитаемомъ островѣ. Правда, у нея были когда-то свѣтлые дни, но то было давно, когда она жила въ деревнѣ, и отъ этого времени у нея остались только воспоминанія, которыя она перебирала въ долгіе часы своего одиночества. Она была проста и довѣрчива, какъ дикарка, и, случайно столкнувшись съ человѣкомъ симпатичнымъ и благороднымъ, оказавшимъ такую услугу Элиасу, она отвѣчала на всѣ его разспросы съ наивной откровенностью ребенка.

Однако, продолжать дальнѣйшіе разспросы становилось неловко. Скрѣпя сердце, молодой офицеръ собирался уже уходить, какъ вдругъ Клара замѣтила его окровавленную руку.

— Ахъ, Боже мой, что это у васъ! воскликнула она съ испугомъ.

— О, это пустяки: царапина.

— Но у васъ весь платокъ въ крови!..

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь... Вотъ, развѣ, если-бы промыть водой?..

— Подождите, я сейчасъ принесу.

Клара убѣжала въ сосѣднюю комнату и черезъ минуту вер-

нула съ рукомойникомъ и умывальной чашвой, которую поставила на маленькій столикъ, стоявшій въ углу.

— А есть у него родные, семья? спросилъ офицеръ, пробуя пальцемъ воду.

— Родные? простодушно отвѣчала Клара;—нѣтъ. Я у него одна. Онъ меня любитъ, и я его тоже. Мнѣ такъ-бы хотѣлось, чтобы онъ выбросилъ изъ головы всѣ эти фантазіи... Ахъ, прежде онъ былъ совсѣмъ не такой... Но то было давно, когда я была еще маленькой.

— Онъ былъ совсѣмъ не такой? Отчего-же онъ перемѣнился?

— Да какъ-бы вамъ сказать... разные событія, мысли...

— А съ какого времени съ нимъ произошла эта перемѣна?

— Да съ тѣхъ поръ, какъ начались разные волненія... Вотъ, съ этого времени онъ и перемѣнился. А до того онъ былъ всегда такой веселый, ласковый... Мы каждое воскресенье ходили гулять.

— А теперь вы развѣ не гуляете?

— Нѣтъ, я никогда не выхожу изъ дому, отвѣчала Клара совершенно спокойно.

Офицеръ съ каждой минутой все болѣе и болѣе заинтересовывался молодой дѣвушкой.

— Какъ, вы никогда не выходите изъ этихъ мрачныхъ стѣнъ! вскричалъ онъ.

— Зачѣмъ? Мнѣ еще тоскливѣе, когда я одна въ толпѣ, гдѣ всѣ мнѣ чужіе.

— Неужели-же у васъ нѣтъ никого, съ кѣмъ-бы слово перемолвить?

— Что вы! А Паскуала? Мы съ ней очень дружны.

— Это ваша пріятельница?

— Нѣтъ — моя горничная.

— Да? И никого, кромѣ нея, у васъ нѣтъ? Онъ васъ никуда не пускаетъ, не позволяетъ никого принимать?

— О, совсѣмъ нѣтъ. Онъ въ это совсѣмъ не вмѣшивается. Онъ и дома почти никогда не бываетъ, потому что уходитъ съ самаго утра и возвращается только пообѣдать, а потомъ опять пропадаетъ до поздней ночи. Если хотите, можете заходить. Я-же не выхожу никогда просто потому, что мнѣ не къ кому идти.

Офицеръ совершенно терялся въ догадкахъ. Какія отношенія существуютъ между этимъ маниакомъ и этой дѣвушкой? Отецъ-ли

онъ ей? Можетъ быть мужъ?.. Но онъ тотчасъ-же съ негодова-
ніемъ отвергнулъ послѣднее предположеніе, до такой степени
оно показалось ему чудовищнымъ.

— Извините мою нескромность, сказалъ онъ, — и не припишите
ее чему-нибудь иному, кромѣ моего искреннаго участія къ
вамъ: неужели и его никто никогда не навѣщаетъ?

— Онъ очень друженъ съ тремя сеньорами Пореньо. Онъ
очень высокаго происхожденія и когда-то были чрезвычайно бо-
гаты.

— И что-же, онъ бываютъ у васъ?

— Да, хотя очень рѣдко. Онъ, кажется, его любятъ.

— Ну, а васъ?

— Меня? Разъ онъ мнѣ сказали, что я славная дѣвушка.

— И больше ничего?

— Что имъ до меня? Но онъ добрыя, очень добрыя. Одна изъ
нихъ даже, говорятъ, святая.

Клара произнесла послѣднюю фразу съ такой наивной вѣ-
рой, что офицеръ улыбнулся.

— Ну, а бываете-ли вы хотя-бы у этихъ святыхъ? спро-
силъ онъ.

— Ни разу, отвѣчала дѣвушка съ прежней простотой.

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу.

— Но это ужасно! вскричалъ молодой человѣкъ, совершенно
забывая о присутствіи старика. — Это возмутительно! Въ ваши
годы, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ сердцемъ, вести такой
образъ жизни! Подумайте, сколько свѣта и счастья внесли-бы
вы въ общество своимъ присутствіемъ. Вы не имѣете права
отнимать у него его лучшее украшеніе. Вы не думаете объ этомъ?
Подумайте.

Клара, вазалось, была совершенно нечувствительна къ ком-
плиментамъ, потому что ни одинъ мускулъ на ея лицѣ не по-
шевелился. Она смотрѣла въ уголъ и думала, — но вѣроятно,
не „объ этомъ“.

Офицеръ нетерпѣливо ждалъ отвѣта. Но вмѣсто него онъ
услышалъ голосъ старика, который очнулся, наконецъ, отъ сво-
его оцѣпенѣнія и звалъ:

— Клара, Клара!

Офицеръ быстро направился къ нему, стараясь скрыть свое
смущеніе.

— Сеньоръ, проговорилъ онъ, я не хотѣлъ уйти, не убѣдившись, что вы окончательно оправились. Теперь я удаляюсь, но если только въ чемъ-нибудь могу быть вамъ полезенъ, то можете всегда располагать мною.

— Благодарю васъ, сухо проговорилъ Эліасъ. — Клара, проводи сеньора.

Нужно было уходить, такъ-какъ долѣе у него не было ни малѣйшаго предлога оставаться. Рука его была прекрасно перевязана, и его протеже самъ указалъ ему дверь. Впечатлительный молодой человѣкъ не зналъ, въ чему придаться, чтобы остаться еще немножко. Онъ взглянулъ на Клару, чтобы удостовѣриться, не выражается-ли въ ея глазахъ желанія, чтобы онъ не уходилъ. Но кромѣ полного равнодушія, онъ не могъ прочесть въ нихъ ничего. Дѣвушка подошла даже въ двери и начала отодвигать засовъ.

Нужно было уходить. Молодой человѣкъ протянулъ руку роялисту, который подаль ему два костлявыхъ и холодныхъ пальца, и вышелъ изъ залы. Но въ прихожей онъ остановился.

— Не забывайте-же того, что я вамъ сказалъ, проговорилъ онъ шепотомъ, держась за ручку двери. — Такъ жить нельзя. Вы должны...

— Клара! Клара! раздался снова голосъ старика.

Клара захлопнула дверь, и офицеръ очутился одинъ на темной лѣстницѣ и сталъ медленно спускаться по истертымъ ступенькамъ. — Какая тайна скрывается въ этихъ стѣнахъ? думалъ онъ, и чувство жалости къ хорошенькой дѣвушкѣ проснулось съ новою силою. — Кто она старику? Дочь-ли, жена-ли, или, можетъ быть, дальняя родственница или пріемышь? Какъ не пожелать проникнуть въ тайну этого интереснаго дома? Какъ отказаться услышать эти тайны изъ устъ самой Клары, которая такъ наивно все рассказывала?

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЧАРЛЬЗЪ РОБЕРТЪ ДАРВИНЪ.

7 (19) апрѣля умеръ Дарвинъ... «Не только въ Англiи, гдѣ многіе имѣли возможность лично испытать обаятельное вліяніе этого могучаго ума, которому не было равнаго, этого характера, который казался еще выше великихъ его способностей, — но во всѣхъ концахъ цивилизованнаго міра тѣ, чье назначеніе чувствовать біеніе пульса націй и отмѣчать всякое событіе, интересующее людей, были твердо увѣрены, что тысячи изъ ихъ читателей сочтутъ смерть Дарвина незамѣнимою потерею для человѣчества и съ живымъ интересомъ встрѣтятъ всякое свѣдѣніе, касающееся его исторiи»... Такъ начинается Гэксли, одинъ изъ близкихъ друзей и горячихъ поклонниковъ великаго натуралиста, небольшую біографическую замѣтку, написанную имъ спустя нѣсколько дней послѣ смерти Дарвина, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ печальнаго событія.—Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти до сихъ поръ еще крайне скудны. Вся жизнь этого гениальнаго работника въ области мысли прошла въ непрерывномъ трудѣ, блестящемъ и разнообразномъ по своимъ результатамъ, но не дающемъ почти никакихъ матеріаловъ біографу. Трудно написать біографію человѣка, въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ почти не покидавшаго своего рабочаго кабинета. Внутренняя, интимная жизнь его, въ психологическомъ отношеніи, конечно, очень интересна, но эта сторона жизни Дарвина извѣстна пока только немногимъ близкимъ друзьямъ его, а потому біографіа его, въ широкомъ смыслѣ этого слова, есть дѣло будущаго. Пусть-же не ожидаетъ читатель встрѣтить въ нашемъ очеркѣ сколько нибудь полнаго жизнеописанія Дарвина. При всемъ желаніи, мы не могли этого сдѣлать. Всесторонняя оцѣнка каждаго изъ его трудовъ и ихъ значенія также далеко не можетъ быть исчерпана въ короткой журнальной статьѣ и, кромѣ того, требуетъ такихъ громаднхъ зна-

нѣй, какими мы не обладаемъ. Мы желали только очертить въ нѣсколькихъ общихъ штрихахъ эту гигантскую личность, насколько она отражается въ своей научной дѣятельности, отмѣтить самыя выдающіеся изъ трудовъ его, указать на отношеніе къ нимъ современниковъ и въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить о томъ великомъ значеніи, которое имѣютъ новыя идеи, внесенныя въ науку и въ жизнь величайшимъ, гениальнѣйшимъ представителемъ нашего вѣка. Признаемся, что даже къ этой задачѣ мы приступаемъ не безъ робости: оцѣнить дѣятельность такого человѣка, какъ Дарвинъ, даже въ общихъ чертахъ, — дѣло не легкое. Да простить-же намъ читатель неполноту и недостатки этого очерка и да искупить ихъ въ его глазахъ то чувство безграничнаго уваженія къ великимъ заслугамъ натуралиста, которое руководило нами, когда мы писали эти страницы.

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ родился 12 февраля (31 января) 1809 года. Принципъ наслѣдственности, который играетъ такую роль въ его знаменитой теоріи, повидимому, подтвердился на его собственной личности. Дѣдъ его, Эразмъ Дарвинъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, извѣстный, какъ врачъ, натуралистъ, поэтъ, философъ и даже механикъ. Многіе изъ гениальныхъ мыслей, высказанныхъ и разработанныхъ впоследствии Чарльзомъ Дарвиномъ, по его собственному свидѣтельству, впервые зародились въ головѣ его дѣда. Такъ, напримѣръ, въ знаменитомъ когда-то сочиненіи своемъ «Зоомія» онъ первый высказалъ, хотя, правда, въ смутной, неясной формѣ, идеи борьбы за существованіе и естественнаго подбора. «Даже человѣкъ», говоритъ онъ, который въ своемъ тщеславіи считаетъ себя предметомъ specialнаго творчества и подобіемъ Бога на землѣ, произошелъ, подобно другимъ существамъ, изъ первобытнаго *волокна*.» Слѣдимъ, однако, замѣтить, что между этими блестящими отрывочными мыслями гениа-неудачника, который брался за все, всюду былъ оригиналенъ и выше посредственности, но никогда не имѣлъ терпѣнія ничего ни провѣрить, ни доказать, на половинѣ дороги бросалъ начатое, чтобы схватиться за новый предметъ, за новую задачу, — и тѣмъ, что сдѣлалъ внукъ его, разница неизмѣримая. Правда, и время было другое; «нелѣпыя», по тогдашнимъ понятіямъ, идеи Эраза Дарвина были встрѣчены съ негодованіемъ, и въ ученыхъ сферахъ Дарвинъ считался чуть-ли не сумасшедшимъ человѣкомъ. Имя его сдѣлалось даже источникомъ особеннаго выраженія, которое въ то время было въ большомъ ходу: «онъ *дарвинизируетъ*» значило — «онъ несетъ невообразимый вздоръ». Пропитанная до мозга костей богословіемъ, Англія въ то время не могла иначе отнестись къ подобнымъ идеямъ;

да и наука не была еще въ состояннн воспользоваться ими и разработать ихъ. Но дѣло, конечно, заключалось не только въ различнн времени, условнн и среды, а главнымъ образомъ въ томъ, что внукъ унаслѣдовалъ геніальныя способности дѣда въ значительно усовершенствованномъ видѣ; природа въ данномъ случаѣ сдѣлала очень замѣтный скачекъ. Отецъ Чарльза Дарвина, Робертъ Уэрингъ Дарвинъ, также былъ даровитымъ человѣкомъ и знающимъ врачомъ; но, отдавшисъ вполнѣ своей професснн, онъ не заявилъ себя ничѣмъ особеннымъ. Въ 1825 г. Чарльзъ Дарвинъ поступилъ въ Единбургскнй университетъ и пробылъ здѣсь въ теченн двухъ семестровъ. Въ концѣ 1826 г., когда, слѣдовательно, ему не было еще 16 лѣтъ, онъ уже читалъ въ Plinian Society двѣ небольшня, вѣроятно, первыя свои работы естественно-научнаго содержанн. Изъ Единбурга Дарвинъ перешелъ въ Кэмбриджъ и здѣсь окончилъ свое научное образованн. Въ 1831 году онъ получилъ уже степень бакалавра естественныхъ наукъ, а въ концѣ того-же года имѣлъ возможность воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ приложить свои знанн на практикѣ и обогатить новыми обширными изслѣдованнми, каковой представляется далеко не всякому натуралисту. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году снаряжалась кругосвѣтная экспедицн подъ начальствомъ капитана Фицроя, который предложилъ къ услугамъ натуралиста, пожелавшаго-бы сопровождать его въ этомъ плаванн, свою собственную каюту. Дарвинъ успѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеннмъ, отказался отъ всякаго вознагражденн и только выговорилъ себѣ право распоряжаться во время путешествн коллекцнми по собственному усмотрѣнн. Въ декабрѣ 1831 г. корабль «Бигль» *) покинулъ Англн, въ теченн пятилѣтняго плаванн посѣтилъ Бразилн, Магеллановъ проливъ, западное побережье южной Америки и нѣкоторые острова Тихаго океана и вернулся въ октябрѣ 1836 года.

Путешествн это имѣло огромное значенн для всей будущности Дарвина. Въ это время собралъ онъ неисчерпаемый запасъ новыхъ фактовъ, въ этотъ пернодъ выработалась въ немъ та изумительная наблюдательность, то умѣнн пользоваться обширнымъ и безконечно-разнообразнымъ матеріаломъ, которыя поражаютъ читателя во всѣхъ его работахъ. Собранныя въ теченн этихъ пяти лѣтъ наблюденн, масса зародившихся въ немъ за это время новыхъ идей представляли собою сокровищницу, изъ которой Дарвинъ не переставалъ черпать въ теченн всей своей жизни, неумоимо продолжая попол-

*) Характеристично самое имя корабля, на которомъ Дарвинъ совершилъ свое путешествн: Beagle значитъ—ищейка.

нять ее новыми матеріалами. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ путешествія, онъ женился (1839 г.) и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно прожилъ въ Доунѣ, въ графствѣ Кентъ. Громадныя коллекціи, которыя онъ привезъ изъ этого путешествія были переданы имъ Зоологическому обществу, а въ 1845 году появился обширный отчетъ съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ этихъ коллекцій, отчетъ, составленный Дарвиномъ вмѣстѣ съ Оуеномъ, Уатергаузомъ, Гульдомъ, Белемъ и др.. Этотъ капитальный трудъ, которымъ наука главнымъ образомъ обязана Дарвину, всегда составлялъ предметъ особенной его гордости. Но уже ранѣе, въ 1838 году, появилось его «Путешествіе натуралиста», путевыя записки, въ которыхъ онъ, между прочимъ, коротко и въ популярной формѣ сообщаетъ и о своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Не можемъ не посвятить здѣсь нѣсколько словъ этому сочиненію: помимо несомнѣннаго интереса, который оно представляетъ по своему содержанію, по живости изложенія, по разнообразію заключающихся въ немъ наблюденій, оно интересно, кромѣ того, еще и потому, что въ немъ, какъ нельзя лучше отражается самая личность автора, которому въ то время было съ небольшимъ двадцать лѣтъ.

«Человѣкъ, настолько изучившій музыку, что способенъ слышать каждую отдѣльную ноту, говорить Дарвинъ, — лучше схватываетъ и понимаетъ общую гармонію; точно такъ-же наблюдатель, имѣющій возможность оцѣнить всѣ частности красиваго пейзажа, болѣе другаго способенъ воспринять общее его впечатлѣніе». И, дѣйствительно, отъ этого натуралиста-путешественника не ускользало ничто. Подъѣзжая къ какому-нибудь новому мѣсту, онъ смотритъ на него глазами художника, геолога, ботаника и антрополога; живописная мѣстность, особенности ея въ геологическомъ отношеніи, ея фауна и флора, жизнь и привычки животныхъ, этнографическія особенности населенія, условія его жизни, — все одинаково интересовало и привлекало его. Природа была для него не только объектомъ научнаго изслѣдованія; за интересомъ къ деталямъ, за кропотливыми наблюденіями никогда не исчезало въ немъ художественное чутье; замѣчая малѣйшія детали ландшафта, онъ, дѣйствительно, не только не забывалъ о красотѣ его, но въ самомъ дѣлѣ, благодаря этому, какъ будто способенъ былъ оцѣнить его еще лучше. Величавое спокойствіе дѣвственнаго лѣса, чудный видъ, открывающійся на море, вызываютъ въ немъ неподдѣльный восторгъ; но художественное чувство неизмѣнно идетъ у него рука объ руку съ пытливою любознательностью; какъ-бы для того, чтобы лучше оцѣнить всѣ прелести природы, онъ жадно принимается изслѣдовать ихъ въ малѣйшихъ деталяхъ. «Я вступилъ въ велико-

лѣпный лѣсъ, говорить Дарвинъ, — и съ высоты пяти или шести сотъ футовъ передо мною открылась одна изъ тѣхъ великихъ панорамъ, которыя такъ обыкновенны въ окрестностяхъ Рио. На этой высотѣ пейзажъ принимаетъ самыя яркія краски, и каждая отдѣльная форма, каждый оттѣнокъ до такой степени превосходить все, что европейцу когда-либо удастся видѣть на своей родинѣ, что онъ рѣшительно не находитъ словъ для выраженія своихъ чувствъ...» Но уже тремя строками ниже вы читаете: «Никогда не возвращался я съ этихъ прогулокъ съ пустыми руками; на этотъ разъ мнѣ попался экземпляръ замѣчательнаго гриба, называемаго *Huteporphollus*...» и т. д., и т. д.: затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько страницъ, посвященныхъ разсказу о различныхъ находкахъ и наблюденіяхъ. Подобныя мѣста мы могли-бы цитировать изъ каждой главы. Вѣчно поглощенный своими научными изслѣдованіями, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ живымъ интересомъ приглядывается къ явленіямъ общественной жизни въ разныхъ странахъ; это не сухой коллекціонеръ, для котораго новая бабочка, новый видъ жука дороже самыхъ высочайшихъ интересовъ человѣчества; картины рабства возмущаютъ его до глубины души. «Я не люблю этой страны, восклицаетъ онъ, говоря о Бразиліи,—потому что здѣсь царствуетъ рабство...» «Кровь моя закипаетъ при мысли, что мы, англичане, и наши соплеменники американцы, что всѣ мы, гордящіеся своею свободою, запятнали себя подобными-же жестокостями...»

Первою работою, которую Дарвинъ обнародовалъ послѣ возвращенія изъ путешествія, были его наблюденія надъ южно-американскимъ страусомъ, прочитанные на засѣданіи Зоологическаго общества въ мартѣ 1839 года. Гульдъ, описывая новый видъ страуса, который онъ, въ честь открывшаго его ученаго, назвалъ *Rhea Darwinii*, уже тогда говорилъ о важныхъ приобрѣтеніяхъ, которыми наука обязана Дарвину, и прославлялъ его за щедрость, съ которою онъ предоставилъ Обществу свои коллекціи. Въ то время Гульду, вѣроятно, и не снилось еще, какое неизмѣримое значеніе должно было получить въ будущемъ путешествіе Дарвина для прогресса знанія. Начиная съ 1837 г., Дарвинъ разрабатываетъ громадныя матеріалы, собранныя имъ во время путешествія, и печатаетъ нѣсколько работъ по геологіи въ отчетахъ Геологическаго общества. Большинство изъ нихъ вошло въ его «Геологическія изслѣдованія южной Америки» и въ сочиненіе «О вулканическихъ островахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ». Знаменитая работа его «О строеніи и распредѣленіи коралловыхъ рифовъ», которая одна могла-бы доставить ему славную репутацію, какъ геологу, была напечатана въ 1842 году. Въ 1844 г. онъ печатаетъ, въ «Дѣло», № 5, 1882 г. II.

роятно, также изъ матеріаловъ, собранныхъ во время путешествія, двѣ работы по сравнительной анатоміи («On the landplanarian worms of South-America» и «Sagitta and its development»), а отъ 1851 до 1854 г. издаетъ четыре обширныя монографіи («Pedunculated and sessil Cirripedia», «Fossil Cirripedia», «Fossil Lepadidae», «Fossil Balanidae and Verrucidae»), которыя, по отзывамъ лучшихъ зоологовъ, составляютъ плодъ очень серьезнаго труда и пополнили ошутительный пробѣлъ въ наукѣ.

Но всѣ эти работы, которыхъ было-бы достаточно, чтобы наполнить цѣлую жизнь другаго ученаго и доставить ему почетное положеніе въ наукѣ, въ дѣятельности Дарвина занимаютъ лишь второстепенное мѣсто. Начиная съ самаго момента возвращенія изъ путешествія, въ кабинетѣ его зрѣла другая, великая работа, которой суждено было доставить ея автору всемірную извѣстность и однимъ ударомъ выдвинуть его въ первый рядъ великихъ людей нашего столѣтія. Это было его знаменитое сочиненіе «О происхожденіи видовъ». «Во время моего кругосвѣтнаго путешествія въ качествѣ натуралиста, на кораблѣ Е. К. В. «Бигль», говоритъ Дарвинъ въ предисловіи къ этому сочиненію, — я былъ сильно пораженъ нѣкоторыми особенностями въ распредѣленіи животныхъ и растений по южной Африкѣ и въ геологической связи угасшихъ флоръ и фаунъ этого материка съ флорами и фаунами настоящаго времени. Эти особенности, какъ мнѣ казалось, проливали нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, — эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ изъ нашихъ величайшихъ философовъ». Двадцать лѣтъ посвятилъ Дарвинъ на разработку этой зародившейся въ немъ идеи, собирая новые факты и доказательства; идея все болѣе и болѣе выяснялась, и обширная работа почти совершенно уже созрѣла, какъ вдругъ онъ получаетъ съ Зондскихъ острововъ, отъ другаго англійскаго натуралиста, рукопись, съ просьбою прочесть ее и затѣмъ передать Чарльзу Ляйелю, съ тѣмъ, чтобы послѣдній напечаталъ ее въ журналѣ Линнеевскаго общества. Дарвинъ раскрываетъ рукопись и уже по заглавію и съ первыхъ страницъ убѣждается, что имѣетъ дѣло съ соперникомъ. Имя этого соперника было Альфредъ Россель-Уоллесъ; трудъ свой онъ назвалъ «Запиской о стремленіи разнородностей непрерывно удаляться отъ первоначальнаго типа». Оказывалось, что Дарвинъ и Уоллесъ, одинъ въ Европѣ, а другой въ Океаніи, шли однимъ и тѣмъ-же путемъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и, независимо другъ отъ друга, пришли къ тому-же результату, то-есть, къ открытію естественнаго подбора и образованія новыхъ органическихъ видовъ. Судьба соперника была въ рукахъ Дарвина; его собственное обширное сочиненіе, въ томъ

видѣ, въ которомъ онъ думалъ выпустить его лѣтъ черезъ пять, было еще не готово, а Уоллесъ уже приготовилъ къ печати свой мемуаръ. Не колеблясь ни одной минуты, Дарвинъ несетъ рукопись къ Лайелю и передаетъ ему порученіе Уоллеса; къ счастью, Лайель принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которымъ были извѣстны изслѣдованія Дарвина; онъ убѣждаетъ его не откладывать долѣе публикаціи своего труда, и только благодаря его настоянію, въ той самой книжкѣ журнала Линнеевскаго общества, въ которой была напечатана записка Уоллеса, вмѣстѣ съ тѣмъ появилась и глава изъ сочиненія Дарвина. Это было въ 1858 году. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вышло въ свѣтъ и самое сочиненіе. Вотъ почему Дарвинъ въ своемъ введеніи къ этой книгѣ такъ извиняется за его неполноту, предупреждая, что это лишь извлеченіе изъ обширнаго труда, который онъ думалъ выпустить въ свѣтъ позднѣе. Эпизодъ этотъ крайне характеристиченъ и прекрасно обрисовываетъ личность Дарвина. Проработавъ двадцать лѣтъ надъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго поставилъ цѣлью всей своей жизни, онъ безъ колебанія готовъ уступить честь первенства другому. Ему дорога не слава, а торжество истины. Что за бѣда, если люди будутъ думать, хотя и ошибочно, что другой опередилъ его въ главныхъ выводахъ; его трудъ не пропадетъ даромъ и будетъ точно также содѣйствовать уясненію истины, какъ еслибы явился раньше работы Уоллеса! На такое безкорыстное служеніе идеѣ способны немногіе.

Передавать на этихъ немногихъ страницахъ содержаніе великой работы Дарвина мы, конечно, не станемъ; напомнимъ только въ немногихъ словахъ основныя идеи ея, которыя, впрочемъ, сдѣлались до такой степени популярными, что такое повтореніе даже врядъ-ли необходимо.—Наблюденія надъ домашними животными и искусственно разводимыми растениями, вмѣстѣ съ массою другихъ фактовъ, собранныхъ въ области органическаго міра, привели Дарвина къ тому заключенію, что всѣ животныя и растительныя виды, какъ современные, такъ и погибшіе, произошли путемъ послѣдовательныхъ трансформаций отъ нѣсколькихъ первоначальныхъ простыхъ типовъ или, вѣроятно, даже отъ одного общаго корня, послужившаго точкою отправленія для эволюціи, создавшей всѣ безконечно-разнообразныя органическія формы, населяющія земной шаръ. Эволюція эта совершалась и продолжаетъ совершаться путемъ естественнаго подбора, который, въ свою очередь, является непосредственнымъ результатомъ борьбы за существованіе. Въ этой борьбѣ, которая ведется не только между отдѣльными особами вида, но между каждою изъ нихъ и всею окружающею враждебною природою, выживаютъ и наиболѣе размножаются только тѣ изъ

особей, которыя въ наибольшей степени обладаютъ способностью устоять въ этой борьбѣ, которыя въ организаци своей представляютъ извѣстныя особенности, позволяющія имъ лучше и легче приспособляться къ окружающей средѣ. Слабѣе-же особи или погибаютъ, не оставивъ потомства, или принуждены приспособляться къ новымъ условіямъ, къ новой пищѣ, къ новому образу жизни, при которыхъ имъ уже нечего опасаться конкуренціи своихъ сильныхъ единоплеменниковъ. Въ обѣихъ этихъ группахъ, если онѣ обѣ выживаютъ, продолжается, въ свою очередь, тотъ-же процессъ подбора: особенности каждой особи, оказавшіяся для нея наиболѣе полезными въ борьбѣ за существованіе, въ силу наследственной передачи ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, становятся постояннымъ признакомъ вида и, фиксируясь, накопляясь все болѣе и болѣе въ каждой изъ двухъ группъ, на которыя распался видъ, дѣлаютъ созданныя такимъ путемъ разновидности все менѣе и менѣе похожими другъ на друга. Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ естественный подборъ будетъ, такимъ образомъ, безпрерывно продолжаться; выживать и размножаться будутъ, по прежнему, только тѣ особи, которыя въ наибольшей мѣрѣ окажутся способными приспособлять свой организмъ къ окружающей средѣ, и оба вида, замѣнившіе первоначальный общій видъ, все болѣе совершенствуясь, каждый въ своемъ направленіи, будутъ постепенно удаляться отъ типа своихъ общихъ предковъ; затѣмъ, въ каждой группѣ будетъ повторяться тотъ-же процессъ дифференцировки, и въ теченіи тысячелѣтій, въ силу подбора и наследственности, явится, наконецъ, цѣлый рядъ новыхъ формъ, новыхъ видовъ, далеко уже не похожихъ на своихъ прародителей; пройдутъ сотни тысячъ лѣтъ, и такимъ путемъ будутъ созданы не только новые виды, но цѣлые роды, семейства, порядки, классы, которыхъ общіе предки давно уже исчезли съ лица земли.—Исходя изъ принципа естественнаго подбора и принимая во вниманіе способность примѣняться къ новымъ жизненнымъ условіямъ, говоритъ Дарвинъ, —легко прійти къ нелишнему вѣроятности выводу, что животныя и растения произошли отъ одной какой-нибудь низшей промежуточной формы. Если мы допустимъ эту исходную точку, то необходимо допустить также, что всѣ организованныя существа, когда-либо появившіяся на землѣ, могутъ происходить отъ одной общей первоначальной формы». Вотъ этотъ конечный выводъ, къ которому приводитъ теорія Дарвина.

Но, какъ органическій міръ, какъ человѣкъ, такъ и самая теорія Дарвина не явилась на свѣтъ внезапно, во всеоружіи своей неопровержимой аргументаціи, а слѣдовала тому-же эволюціонному процессу, который она отстаиваетъ и доказываетъ. Самъ Дарвинъ начи-

наеть свою книгу съ исторической замѣтки, въ которой, со свойственными ему скромностью и правдивостью, доказываетъ, что многое въ той идеѣ, которую онъ представилъ въ законченной формѣ, принадлежитъ не ему и давно уже высказывалось другими изслѣдователями. Дѣйствительно, идея трансформизма, мысль о возможности происхожденія видовъ, путемъ непрерывныхъ трансформаций, отъ нѣсколькихъ простѣйшихъ прототиповъ, въ смутной и нерѣшительной формѣ высказывалась гораздо раньше, чѣмъ появилась работа Дарвина. «Если-бы вѣра не учила насъ, говорить уже Дидро,—что животныя вышли изъ рукъ Творца такими, какими мы ихъ видимъ, философъ имѣлъ-бы возможность предположить, что частицы, изъ которыхъ состоитъ тѣло животнаго, вѣчно существовали въ разрозненномъ состояніи въ общей массѣ мировой матеріи, что частицы эти соединились, когда на это явилась возможность, что зародышъ, образовавшійся изъ этихъ элементовъ, прошелъ черезъ безконечный рядъ организацій и развитій и послѣдовательно былъ одаренъ движеніемъ, ощущеніемъ, мышленіемъ, сознаніемъ, чувствами, страстями, знаками, жестами, членораздѣльными звуками, рѣчью, законами, науками и искусствами». Бюффонъ тоже очень близко подходитъ къ идеямъ трансформизма. «Если мы допустимъ, говорить онъ,—что осель принадлежитъ къ одному семейству съ лошадыю и что онъ различается отъ нея только благодаря вырожденію, то съ такимъ-же правомъ можно-бы было сказать, что человекъ и обезьяна происходятъ отъ общаго предка, что каждое семейство, какъ животныхъ, такъ и растений, произошло отъ одного корня и, наконецъ даже, что всѣ животныя ведутъ свое происхожденіе отъ одного общаго прародителя...» Въ заключеніе, онъ даже прямо признаетъ возможность того, что всѣ двѣсти описанныхъ имъ видовъ произошли отъ небольшого числа семействъ. Въ несравненно болѣе ясной и рѣшительной формѣ идеи трансформизма изложены были другимъ предшественникомъ Дарвина—Ламаркомъ. Онъ уже положительно утверждаетъ, что виды не были созданы въ окончательной и неизмѣнной формѣ, что органическая природа вѣчно трансформируется и что всѣ разнообразныя, современныя формы произошли отъ простѣйшихъ прототиповъ. Но за то система аргументаціи, на которой Ламаркъ строитъ этотъ выводъ, произвольна и совершенно не выдерживаетъ критики. Всѣ, безъ исключенія, трансформации онъ объясняетъ единственно вліяніемъ вѣдшихъ условій и зависящимъ отъ этого измѣненіемъ привычекъ, въ силу чего одинъ органъ можетъ, будто-бы, развиваться, а другой—атрофироваться и т. д. Между другими предшественниками Дарвина, съ большею или меньшею ясностью высказывавшими идеи трансфор-

тизма, выдающееся мѣсто занимаютъ Жоффруа-Сентъ-Илэръ, Гербертъи др..

Но какая разница между этими робкими, неувѣренными попытками и стройною системою Дарвина. Идея трансформизма, сама по себѣ, такъ проста, такъ рано должна была невольно навязываться уму человѣка, внимательно относившагося къ явленіямъ природы, что моментъ перваго ея появленія трудно даже уловить; сравнительно очень ясныя трансформистскія идеи встрѣчаемъ мы даже у древнихъ писателей, напримѣръ, у поэта Лукреція. Главная заслуга Дарвина состоитъ не въ томъ, что онъ съ наибольшею ясностью и положительностью высказалъ эту идею, а въ тѣхъ оригинальныхъ теоріяхъ, посредствомъ которыхъ онъ доказалъ ея справедливость и логичность, — въ теоріи естественнаго подбора, которая цѣликомъ составляетъ его твореніе, въ той колоссальной работѣ, которую онъ посвятилъ этому вопросу и безъ которой никакая теорія не была-бы доказательна. Масса труда, котораго стоитъ этотъ небольшой томъ, безчисленное множество разнообразныхъ фактовъ, собранныхъ Дарвиномъ для подтвержденія своей теоріи изъ всѣхъ отраслей естествознанія и составляющихъ въ значительной долѣ результатъ его собственныхъ изслѣдованій, — поистинѣ, изумительна. А, между тѣмъ, въ предисловіи къ своей книгѣ онъ еще извиняется и заявляетъ, что недостатокъ времени и желаніе поскорѣе выпустить въ свѣтъ свое сочиненіе, заставляють его на первый разъ ограничиться *извлеченіемъ*, въ надеждѣ посвятить впослѣдствіи по специальной работѣ нѣкоторымъ изъ отдѣловъ его. И, дѣйствительно, за «Происхожденіемъ видовъ» послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ капитальныхъ работъ, изъ которыхъ каждая развивается и дополняетъ тѣ идеи, которыя легли въ основаніе его ученія. Въ обширномъ сочиненіи «О видоизмѣненіи животныхъ и растений подъ вліяніемъ прирученія и воздѣлыванія» онъ подробно разрабатываетъ вопросъ о результатахъ наслѣдственности подъ вліяніемъ вѣшательства человѣка, то-есть, ту главу «происхожденія видовъ», которая послужила одною изъ самыхъ существенныхъ опоръ всей системы. Чтобы получить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ аботалъ Дарвинъ, какого труда, какихъ жертвъ часто стоили ему нѣсколько десятковъ страницъ, достаточно прочитатъ, напримѣръ, хоть двѣ главы этого сочиненія, посвященныя голубямъ. Сколькихъ трудовъ стоили ему эти главы! Въ теченіе десяти лѣтъ собиралъ онъ матеріалы, изучилъ 150 видовъ голубей, приобрѣлъ образцы всѣхъ этихъ видовъ, отпрепарировалъ ихъ скелеты, записывался въ общества любителей голубиной охоты, бесѣдовалъ съ охотниками, самъ производилъ многочисленныя скрещиванія и т. д..

Другія сочиненія его, какъ, напримѣръ, «Объ опыленіи орхидей помощью насѣкомыхъ», «О результатахъ скрещиванія и самооплодотворенія въ растительномъ царствѣ», «О насѣкомоядныхъ растеніяхъ» и, наконецъ, знаменитая книга его «О происхожденіи человѣка», составляютъ рядъ новыхъ вкладовъ въ разработку общаго вопроса о происхожденіи видовъ. Появленіе книги «О происхожденіи человѣка», представляющей собою лишь частное приложеніе эволюціонной теоріи къ человѣку, тѣмъ не менѣе, надѣлало несравненно болѣе шума и навлекло на Дарвина болѣе нападокъ и обвиненій, чѣмъ даже «Происхожденіе видовъ». Мысль о томъ, что человѣкъ, царь созданія, можетъ вести свое происхожденіе отъ обезьяны, или, вѣрнѣе, что и человѣкъ и обезьяна происходятъ отъ одной и той-же предшествовавшей имъ формы, показала узкимъ филистерамъ науки и блюстителямъ извѣстныхъ традицій такую возмутительную ересь, за которую, если-бы это отъ нихъ зависѣло и дѣло происходило лѣтъ двѣсти тому назадъ, Дарвинъ сгорѣлъ-бы на кострѣ. — Какимъ прекраснымъ отвѣтомъ на всѣ эти глумленія, насмѣшки и ужасы могли бы служить слова самого Дарвина, которыми онъ заканчиваетъ свою книгу. — «Что касается меня, говорить онъ,—то я предпочелъ-бы быть потомкомъ той героической маленькой обезьяны, которая бросилась на опаснѣйшаго своего врага, чтобы спасти своего сторожа, или отъ стараго павіана, который, спускаясь съ горы, торжественно уносилъ съ собою молодого товарища, спасеннаго имъ отъ стаи изумленныхъ этою смѣлостью собакъ,—чѣмъ отъ дикаря, который съ наслажденіемъ истязаетъ своихъ враговъ, приносить кровавыя жертвы, безъ всякаго угрызенія совѣсти совершаетъ дѣтоубійство, не имѣетъ понятія о скромности и преданъ самымъ грубымъ суевѣріямъ». — «Мнѣ пріятнѣе считать себя за усовершенствованную обезьяну, чѣмъ за выродившагося Адама», еще лаконичнѣе и сильнѣе выразилса женеvскій натуралистъ Клапаредъ.

Позднѣйшія работы Дарвина, — «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ», «О движеніяхъ ползучихъ растеній», «Объ общей способности растеній къ движенію», также представляютъ собою лишь дальнѣйшее специальное развитіе основныхъ идей его ученія въ приложеніи къ частнымъ условіямъ. Въ каждомъ изъ этихъ сочиненій не знаешь, чему больше всего удивляться, — обширнымъ ли знаніямъ автора, неутомимому трудолюбію, ясности мысли, силѣ анализа въ связи съ крайнею простотою и безпретенціозностью, которыми отличаются всѣ работы Дарвина. Последняя книга его «Объ участіи дождевыхъ червей въ процессѣ образованія чернозема», можетъ служить прекраснымъ образцомъ той удивительной систематичности, съ которою работалъ Дарвинъ. Онъ на-

чалъ заниматься этимъ вопросомъ почти за пятьдесятъ лѣтъ до появленія специально посвященнаго ему сочиненія; нѣкоторыя изъ наблюденій собраны были еще во время кругосвѣтнаго путешествія. Въ 1837 году Дарвинъ прочиталъ въ лондонскомъ Геологическомъ обществѣ небольшое изслѣдованіе объ образованіи черноземной почвы, въ которомъ указывалъ на тотъ фактъ, что толченый жженный мергель, зола и другія вещества, которыми посыпаютъ поверхность луговъ съ цѣлью удобрения, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ уже оказываются подъ землею, на глубинѣ нѣсколькихъ дюймовъ и, притомъ, въ видѣ непрерывнаго слоя. Подобный фактъ уже тогда заставилъ его предположить, что дождевые черви выносятъ изъ глубины почвы, съ своими испражнениями, мелкую землю, которая накопляясь на поверхности луговъ, пашень и лѣсовъ, покрываетъ ее все болѣе и болѣе толстымъ слоемъ чернозема. Со времени появленія этой первой работы Дарвина по вопросу объ образованіи чернозема прошло болѣе сорока лѣтъ, въ теченіи которыхъ онъ, при содѣйствіи своихъ сыновей, производилъ многочисленныя опыты и изслѣдованія, вполне подтвердившіе его первоначальное предположеніе. Въ послѣдней книгѣ своей онъ доказываетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ и рисуетъ во всѣхъ ея подробностяхъ ту удивительную роль, которую дождевые черви играютъ въ процессѣ образованія растительной почвы. Чтобы дать понятіе о томъ, сколько терпѣливой настойчивости нерѣдко посвящалъ Дарвинъ провѣркѣ какаго нибудь на первый взглядъ ничтожнаго факта, приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ опытовъ, которые онъ производилъ въ области этого вопроса. Желая опредѣлить быстроту образованія чернозема при посредствѣ дождевыхъ червей, онъ въ 1842 году посыпалъ толченою известью участокъ поля по близости отъ своего дома, имѣя въ виду измѣрить впоследствии толщину образовавшагося поверхъ извести черноземнаго слоя. Такимъ образомъ, *опытъ* начался въ 1842 году, а кончился—29 лѣтъ спустя, то есть, въ 1871! Ни время, ни новыя, болѣе важныя работы не заставили его забыть объ немъ; терпѣливо прождавъ двадцать девять лѣтъ, онъ, наконецъ, полюбопытствовалъ взглянуть на результатъ опыта и нашелъ, что слой чернозема имѣлъ семь дюймовъ толщины. Да, поработалъ этотъ человекъ на своемъ вѣку и работалъ такъ, какъ не многіе умѣютъ работать! А сколько драгоценнаго матеріала кроется еще въ его посмертныхъ бумагахъ, а сколько свѣтлыхъ мыслей, сколько неповѣданныхъ міру знаній унесъ онъ съ собою въ могилу!

Но великое значеніе трудовъ Дарвина далеко еще не исчерпывается тою массою новыхъ фактовъ и блестящихъ обобщеній, кото-

рыми обязаны ему почти всё отрасли естествознанія. Это былъ не только замѣчательный ученый, не только неутомимый работникъ, сдѣлавшій въ своей жизни болѣе, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ. Слѣдъ, оставленный дѣятельностью Дарвина въ исторіи человѣческой мысли, несравненно шире и глубже. Онъ былъ великимъ, гениальнымъ новаторомъ, появленіе котораго будетъ считаться эрою, отрицавшею начало новаго плодотворнаго направленія во всѣхъ отрасляхъ науки. Бюхнеръ справедливо сравниваетъ теорію Дарвина съ великимъ открытіемъ Ньютона; она дѣйствительно произвела въ области біологіи такую-же коренную революцію, какую въ астрономіи произвело открытіе закона тяготѣнія. То противорѣчіе, которое еще такъ недавно существовало между теоріею естественнаго образованія земнаго шара, впервые установленною Ляйелемъ въ 1830 году, и теоріей созданія органическаго міра, пало навсегда послѣ великой работы Дарвина «О происхожденіи видовъ», и теперь для насъ совершенно ясно, что зарожденіе и трансформация живыхъ существъ, населяющихъ нашу землю, совершились и совершаются въ силу тѣхъ-же законовъ механической эволюціи, которые управляли образованіемъ самаго земнаго шара и всей системы міра. Эволюціонная теорія освѣтила ту таинственную связь, которая существуетъ между безчисленными формами органическаго міра; сходство ихъ становится яснымъ, какъ естественное слѣдствіе ихъ происхожденія отъ одного общаго первоначальнаго типа, а различія объясняются приспособленіемъ каждой отдѣльной группы къ условіямъ среды. Только съ появленіемъ этой теоріи сдѣлалось понятнымъ значеніе ненужныхъ, зачаточныхъ органовъ, глазъ, которые не видятъ, крыльевъ, которыя не летаютъ, мускуловъ, которые не сокращаются, всѣхъ этихъ ненужныхъ частей животнаго организма, которыя еще такъ недавно смущали зоологовъ и физиологовъ, признававшихъ предначертанный планъ творенія и цѣлесообразность во всѣхъ проявленіяхъ силы природы.

Чѣмъ смѣлѣе новая теорія, чѣмъ ближе она подходитъ къ истинѣ, а главное, чѣмъ проще она, тѣмъ больше она встрѣчаетъ сомнѣній и недовѣрія, въ особенности въ средѣ представителей господствующаго направленія науки. Не удивительно, поэтому, что теорія Дарвина вызвала при появленіи своемъ такую ожесточенную критику. Она однимъ ударомъ разрушила всю построенную на пескѣ систему генеалогіи органическаго міра, признававшую безчисленное количество неизмѣняемыхъ видовъ, созданныхъ когда-то съ тѣми самыми признаками, которые каждый изъ нихъ представляетъ понинѣ; она разрушила самое понятіе о видѣ, какъ о неподвижной, постоянной формѣ, доказавъ, что это не болѣе, какъ

моментъ въ безконечномъ процессѣ эволюціи. Мудрено-ли, повторяемъ, что противъ теоріи, грѣшившей такою простотою и ясностью, поднялась ожесточенная, но далеко не всегда серьезная, критика. «Теорія Дарвина не основана на точныхъ, экспериментальныхъ доказательствахъ», говорили, между прочимъ, защитники прежней теоріи, которая менѣе всего могла похвастаться точностью и въ основаніи которой лежало совершенно произвольное представление о чудодѣйственныхъ способностяхъ творческой силы. Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе это до нѣкоторой степени справедливо. Дѣйствительно, эволюціонная теорія не можетъ претендовать да и не претендуетъ на названіе точной теоріи. Но вѣдь, далеко не всѣ естественныя науки основаны на точномъ, экспериментальномъ методѣ; этимъ преимуществомъ пользуются только науки математическія, астрономія, механика, большая часть физики и химіи и часть физиологіи; въ наукахъ біологическихъ значительную роль играетъ методъ историческій и историко-философскій. До тѣхъ поръ, пока естественныя науки имѣли чисто описательный характеръ, онѣ, конечно, могли претендовать на точность, но точность эта была равносильна неподвижности и бесплодности. Возьмемъ въ примѣръ эмбриологію. «Самые великіе наши эмбриологи, Вольфъ, Беръ, Ромакъ, Шлейденъ и вся созданная ими школа, говоритъ Геккель, всегда имѣли въ виду только индивидуальную эмбриологію. Въ совершенно иномъ свѣтѣ представляются намъ таинственные феномены эмбриологіи въ настоящее время. Это уже не непонятныя загадки; мы понимаемъ ихъ глубокое значеніе. Въ силу закона наслѣдственности, тѣ послѣдовательныя стадіи, черезъ которыя проходитъ передъ нашими глазами зародышъ въ короткій промежутокъ времени, суть нечто иное какъ сокращенное повтореніе соответствующихъ видоизмѣненій, которымъ подвергались предки даннаго организма въ теченіи многихъ тысячелѣтій». Таково коренное различіе между современнымъ понятіемъ о «развитіи» и тѣмъ узкимъ смысломъ, которое придавали этому слову прежде. Само собою понятно, до какой степени новый методъ шире и плодотворнѣе; но точно также понятно, что, не смотря на всю вѣроятность и даже очевидность ея въ силу законовъ логики, экспериментальная провѣрка эволюціонной теоріи невозможна. Процессъ развитія чловѣка изъ оплодотвореннаго яичка можно прослѣдить и провѣрить, но тотъ безконечно-длинный эволюціонный процессъ, который въ невообразимо-далекомъ прошломъ начался съ образованія комочка протоплазмы и высшимъ продуктомъ котораго явился чловѣкъ, можно прослѣдить только мысленно; доказать, провѣрить его опытомъ—нельзя. Періодъ времени, требуемый для образованія новаго вида въ нормальныхъ, естествен-

ныхъ условіяхъ такъ великъ, что процессъ этотъ совершенно ускользаетъ отъ провѣрки; тѣмъ не менѣе, онъ становится до очевидности вѣроятнымъ на основаніи всѣхъ данныхъ палеонтологіи и главнымъ образомъ, въ силу тѣхъ результатовъ, которыхъ достигаетъ человѣкъ путемъ *искусственного подбора* относительно домашнихъ животныхъ и растений. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ назвать неточными и выводы современной геологіи, въ которыхъ, однако, никто уже не сомнѣвается; въ этомъ смыслѣ неточны и картины прошлаго, созданныя историкомъ и археологомъ на основаніи древнихъ архивовъ, документовъ, біографій, раскопокъ. Какая же иная теорія, задавшись цѣлью прослѣдить исторію развитія органическаго міра за сотни тысячъ, за милліоны лѣтъ, могла бы претендовать на точность въ полномъ смыслѣ этого слова? Но хотя эволюціонная теорія, въ силу самой задачи своей, и не можетъ считаться абсолютно точною, она, конечно, въ тысячу разъ точнѣе всѣхъ предшествующихъ теорій; въ ней все логично, все просто, все основано на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ, въ ней нѣтъ ничего произвольнаго, ничего, что-бы противорѣчило здравому смыслу и общимъ естественнымъ законамъ. И вѣстѣ съ тѣмъ, только съ появленіемъ этой теоріи біологія стала дѣйствительно *исторіей* природы; сухая систематика превратилась въ живую, интересную, полную глубокаго смысла генеалогію органическаго міра. Когда явилась возможность указать на длинную цѣль органическихъ типовъ, нисходя отъ человѣка и другихъ млекопитающихъ къ птицамъ, пресмыкающимся, амфибіямъ, рыбамъ, вплоть до простѣйшей формы позвоночныхъ; когда явилась возможность прослѣдить эту цѣпь далѣе, до первичной клѣточки, составляющей соединительное звѣно между животнымъ и растеніемъ; когда, наконецъ, разложеніе протоплазмы на атомы, соединенные силою химическаго сродства, привело насъ къ самой точкѣ соприкосновенія органической природы съ неорганическою,—вся концепція мірозданія стала удивительно ясною, простою и логичною.

Немного лѣтъ прошло со времени появленія книги Дарвина «О происхожденіи видовъ», а теорія его, благодаря дальнѣйшимъ его работамъ и содѣйствію лучшихъ ученыхъ нашего времени, съ гордостью называющихъ себя дарвинистами, разрослась въ прочное, обширное зданіе. Число противниковъ Дарвина съ каждымъ годомъ уменьшается, самые серьезные изъ нихъ со многими изъ его выводовъ уже согласились. «Всѣ, кто слѣдилъ за прогрессомъ науки въ послѣдніа десять лѣтъ, писалъ Гексли два года тому назадъ,—согласятся со мной, что нѣтъ той области біологическаго изслѣдованія, въ которой не сказывалось-бы вліяніа «Происхожде-

нія видовъ»; всѣ передовые люди науки во всѣхъ странахъ являются или горячими послѣдователями этого ученія, или, по меньшей мѣрѣ, не идутъ противъ него; цѣлыя толпы молодыхъ и пылкихъ изслѣдователей находятъ въ великомъ твореніи Дарвина вдохновеніе и руководство». Теорія Дарвина не претендуетъ на совершенство, на безупречность; прогрессъ человѣческаго знанія, быть можетъ, многое измѣнить и дополнить въ ней, но это не уменьшаетъ ея значенія. «Наибольшее значеніе Дарвина, говорить Уоллесъ,—заключается не въ томъ, что онъ непогрѣшимъ, но въ томъ, что онъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и замѣчательною критикою создалъ новую систему изслѣдованія, основанную на нѣсколькихъ общихъ законахъ, настолько-же простыхъ, какъ законъ тяготѣнія, и имѣющихъ настолько-же широкое значеніе. И если со временемъ окажется, что существуютъ другія основныя положенія и что нѣкоторыя изъ положеній Дарвина совершенно или отчасти невѣрны, то и это доказать возможно, только слѣдуя за Дарвиномъ, пользуясь указаннымъ имъ методомъ и разработывая собранный имъ богатый матеріалъ».

Но вліяніе идей Дарвина не ограничивается даже областью естественныхъ наукъ. Новый методъ, внесенный имъ въ научное изслѣдованіе, не можетъ не отразиться и уже отразился на другихъ наукахъ. Разъ доказано, что къ изученію человѣка вполне приложимъ тотъ методъ, который является единственно-раціональнымъ при изученіи всей остальной органической природы, методъ этотъ необходимо долженъ отразиться и на тѣхъ отдѣльныхъ знаніяхъ, объектомъ которыхъ является человѣкъ, т. е., на исторіи и социологіи. Лингвистика уже нашла въ немъ могучее орудіе, которое привело ее къ поразительнымъ результатамъ. Изъ области науки вліяніе Дарвина проникнетъ и въ жизнь и, прежде всего, отразится на школѣ, лишь только она окончательно освободится отъ гнета старыхъ рутинныхъ пріемовъ. Преподаваніе естественныхъ наукъ въ видѣ исторіи развитія органическаго и неорганическаго міра будетъ во стократъ интереснѣе и полезнѣе набора сухихъ свѣдѣній, которыя не приводятъ ни къ какому общему выводу, за которыми и ученикъ и учитель встрѣчали до сихъ поръ непроницаемую завѣсу съ надписью: «оставь надежду навсегда», — оставь надежду отыскать смыслъ въ явленіяхъ природы, понять ихъ взаимную связь, объять безконечное прошлое, постигнуть путь будущаго. Завѣса эта исчезнетъ, и изученіе естественныхъ наукъ, вмѣстѣ съ полезными для практической жизни знаніями, дастъ ученику вѣру въ безконечный прогрессъ физическаго и умственнаго развитія человѣчества.

Одинъ изъ излюбленныхъ упрековъ, которые дѣлали теоріи Дарвина многіе изъ тѣхъ, кто считаетъ своимъ долгомъ ополчаться противъ нея, состоитъ въ томъ, что она, будто-бы, вноситъ въ жизнь, а слѣдовательно, и въ человѣческія отношенія, противуправственный, эгоистическій принципъ борьбы изъ-за куска хлѣба, принципъ вражды, права сильнаго передъ слабымъ. А тѣ, кому подобныя принципы на руку, наоборотъ, возликовали и ухватились за авторитетъ Дарвина, видя въ его исторіи, знакомой имъ по наслышкѣ, оправданіе своихъ хищническихъ инстинктовъ. Но и тѣ и другіе глубоко неправы. Развѣ свѣтъ и истина могутъ быть источникомъ зла? Только непозволительно-поверхностное знакомство съ ученіемъ Дарвина или намѣренная подтасовка фактовъ могутъ привести къ подобному выводу. Напротивъ, внимательное изученіе самой борьбы за существованіе доказываетъ, что существенною основою прогресса, какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ, является принципъ ассоціаціи, солидарности, взаимной помощи. Изученіе соціальной жизни муравьевъ или пчелъ, факты удивительнаго проявленія любви и самопожертвованія у многихъ высшихъ животныхъ, могутъ имѣть на человѣка, знакомящагося съ жизнью природы, только въ высокой степени морализующее вліяніе. Нравственный принципъ взаимной помощи распространенъ, въ видѣ болѣе или менѣе сознательнаго инстинкта, во всемъ животномъ царствѣ и, конечно, долженъ былъ существовать задолго до появленія человѣка на землѣ. Точно также и между людьми альтруистическія чувства и нравственныя начала, сдѣлавшія возможнымъ общежитіе, безъ сомнѣнія, выработались гораздо раньше того уровня человѣческой цивилизаціи, при которомъ начала эти были вполнѣ сознаны людьми и выразились въ формѣ опредѣленнаго договора между членами извѣстной коллективности. Принципы эти развивались и совершенствовались во всемъ животномъ мірѣ, такъ-какъ они, можно сказать, принадлежатъ къ числу тѣхъ видовыхъ признаковъ, которые закрѣпляются за видомъ и прогрессивно развиваются путемъ естественнаго подбора. Общественныя животныя, широко примѣнившія въ своей средѣ начала взаимной помощи, выходятъ побѣдителями изъ борьбы съ такими видами, которые усвоили ихъ въ меньшей степени. Хищники, олицетворяющіе собою эгоистическій, противуправственный принципъ, напротивъ, побѣждаются и гибнутъ въ борьбѣ за существованіе, не смотря на то, что каждая отдѣльная особь обладаетъ несравненно болѣе сильными орудіями борьбы, чѣмъ любой изъ членовъ мирной, но солидарной коллективности. Подобныя факты врядъ-ли способны подрывать въ людяхъ принципы нрав-

ственности, а напротивъ, должны поселять въ нихъ увѣренность въ ихъ необходимости и прочности, вѣру въ болѣе широкое и полное примѣненіе ихъ по мѣрѣ прогрессивнаго развитія человѣчества, вѣру въ лучшее, болѣе справедливое будущее въ области человѣческаго общежитія.

Не мало также обвиняли теорію Дарвина за ея антирелигіозность; англиканское и католическое духовенство готово было предать его анафемѣ, какъ еретика. По поводу этого обвиненія приведемъ слова переводчицы французскаго изданія его „Происхожденія видовъ“. — „Теорія Дарвина такая-же ересь, какъ теорія Ляйеля, разбившая многія преданія, какъ законъ тяготѣнія Ньютона и система Коперника, не позволяющіе звѣздамъ уклоняться отъ своего нормальнаго теченія, чтобы указывать путь волхвамъ, и отрицающіе власть І. Навина—останавливать движеніе земли или солнца“. Вспомните Галлея передъ судомъ, вспомните Лейбница, который обвинялъ Ньютона въ томъ, что онъ вноситъ въ науку *таинственныя начала и чудеса* и проповѣдуетъ законъ тяготѣнія, прямо враждебный религіи.

Ни одинъ ученый девятнадцатаго столѣтія не вызывалъ своею научною дѣятельностію такой бури свирѣпыхъ нападеній, какъ Дарвинъ. Когда появилась его книга «О происхожденіи видовъ», трусливое недомысліе, видящее во всякой новой, смѣлой идеѣ разрушеніе «основъ», встрѣтило ее общимъ крикомъ негодованія. Англійскіе священники загремѣли противъ Дарвина съ высоты своихъ приходскихъ кафедръ, чопорное провинціальное gentry затворило двери передъ ужаснымъ сосѣдомъ своимъ, мирно работавшимъ въ своемъ кабинетѣ, въ Доунѣ. Въ то время, какъ весь цивилизованный міръ жадно ловилъ каждое новое слово гениальнаго натуралиста, приходскій священникъ считалъ своею обязанностію воспретить ему доступъ въ собранія сельской конгрегаціи. Много шума надѣлалъ въ свое время знаменитый «скандалъ», случившійся въ 1860 году на митингѣ Британской ассоціаціи, въ Оксфордѣ. На общемъ собраніи оксфордскій епископъ Уильберфорсъ посвятилъ ученію Дарвина длинную блестящую рѣчь, въ которой, конечно, осуждалъ его доктрину и издѣвался, главнымъ образомъ, надъ мыслію о возможности происхожденія человѣка отъ обезьяны. Но у Дарвина нашелся горячій защитникъ. «Милордъ,—съ негодованіемъ воскликнулъ Гэксли, отвѣчая прелату,—если-бы мнѣ пришлось выбирать себѣ предка между обезьяною и человѣкомъ, способнымъ употреблять свою ученость и краснорѣчіе для того, чтобы издѣваться надъ людьми, которые посвящаютъ свою жизнь прогрессу истины, то я предпочелъ-бы

Но нигдѣ гоненія противъ новой теоріи и ея автора не принимали такихъ размѣровъ, не доходили до такого абсурда, какъ во Франціи съ ея спѣсивою Академіею наукъ, давно уже прославившеюся своею узкою нетерпимостью ко всему, что носитъ на себѣ печать независимой мысли, что осмѣливается противорѣчить авторитету тѣхъ, кто причисленъ Академіею къ лику святыхъ. Дарвинъ опровергнулъ систему Кювье; этого было достаточно, чтобы не только не соглашаться съ нимъ, но даже отвернуться отъ него съ презрѣніемъ. Не можемъ не упомянуть здѣсь объ одномъ комическомъ эпизодѣ изъ исторіи гоненій противъ Дарвина во Франціи. Какой-то рыяный прокуроръ вздумалъ произнести противъ Дарвина и его превратныхъ ученій публичную обвинительную рѣчь. Не имѣя, конечно, ни малѣйшаго понятія ни о личности автора, ни о его сочиненіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, твердо увѣренный въ ихъ зловредности, прокуроръ прибѣгнулъ къ біографическому словарю. Какъ на грѣхъ, Чарльзъ Дарвинъ въ то время еще не удостоился счастья фигурировать въ немъ, и прокуроръ, найдя статью объ Эразмѣ Дарвинѣ, принялъ дѣда за внука и старательно списалъ заглавія его сочиненій и отзывы о заключающихся въ нихъ тлетворныхъ идеяхъ. Можете себѣ представить эффектъ обвинительной рѣчи, въ которой прокуроръ гремѣлъ противъ автора «Зоономіи», указывалъ на слѣды его зловреднаго вліянія во французскомъ обществѣ, объяснялъ этимъ вліяніемъ увеличеніе числа преступленій и т. д., и т. д..

Но что простительно прокурору, то непростительно ученой корпораціи. Французская Академія наукъ своимъ отношеніемъ къ Дарвину покрыла себя несмыслаемымъ позоромъ.—Въ 1870 году поднятъ былъ вопросъ объ избраніи Дарвина въ должность заграничнаго корреспондента зоологической секціи Академіи. Въ засѣданіи, на которомъ обсуждался этотъ вопросъ, поднялись ожесточенныя пренія. Профессоръ зоологіи Бланшаръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой доказывалъ, что Дарвинъ не заслуживаетъ названія «истиннаго натуралиста», что онъ не болѣе, какъ «любитель», и что Академія, открывъ ему свои двери, совершила-бы преступленіе противъ науки. Другой ораторъ возвѣстилъ, что сочиненія Дарвина— не ученые труды, а волшебныя сказки; третій снисходительно соглашался, что работы англійскаго натуралиста не лишены достоинствъ, но прибавлялъ, что онѣ заражены опасными и ни на чемъ не основанными идеями; четвертый соглашался на избраніе Дарвина только въ такомъ случаѣ, «если онъ откажется отъ своихъ идей»... Болѣе всего пугала почтенныхъ зоологовъ дерзкая, будто-бы высказанная Дарвиномъ, мысль, что чело-

вѣкъ (а слѣдовательно и членъ Академіи наукъ!) происходитъ отъ обезьяны; Катрфажъ, отстаивая заслуги Дарвина, принужденъ былъ обратить особенное вниманіе на это ужасное обвиненіе и доказывалъ, что Дарвинъ и не думалъ этого говорить, что по его теоріи человѣкъ и обезьяна оказываются только потомками одного общаго прародителя... Въ концѣ концовъ, Дарвинъ былъ забаллотированъ; такъ-же безуспѣшна была и вторая попытка облечь его почетнымъ званіемъ корреспондента Академіи, и только гораздо позднѣе, въ 1878 году, онъ, наконецъ, удостоился этого титула, да и то не въ зоологической, а въ ботанической секціи.

Заканчивая нашъ бѣглый очеркъ, мы, къ сожалѣнію, можемъ присоединить лишь очень небольшое относительно характеристики личности Дарвина. Появившіяся о немъ біографическія свѣдѣнія, повторяемъ, болѣе чѣмъ скудны и болѣею частью ограничиваются перечисленіемъ его сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ. Всесторонняя оцѣнка этой личности принадлежитъ будущему. Говорятъ, онъ оставилъ послѣ себя автобіографію. Будемъ надѣяться, что наслѣдники поспѣшатъ напечатать ее. Такіе люди, какъ Дарвинъ, всецѣло принадлежатъ человѣчеству; біографіи ихъ имѣютъ не только историческій интересъ, но и серьезное воспитательное значеніе; такіе свѣтлые примѣры вызываютъ удивленіе современниковъ и отдаленнаго потомства и пробуждаютъ любовь къ истинѣ, любовь къ труду на пользу человѣчества.—Вотъ какъ характеризуетъ Дарвина Гэксли, словами котораго мы начали нашъ очеркъ:

«Мы не станемъ говорить о томъ священномъ горѣ, которое царитъ теперь въ домѣ покойника, въ Доунѣ; но всякому извѣстно, что и внѣ этой домашней группы есть много людей, для которыхъ смерть Дарвина составляетъ незамѣнимую потерю. И это объясняется не только его гениальною, простою и великодушною натурою, его веселыми, оживленными бесѣдами и безконечнымъ разнообразіемъ и точностію его свѣдѣній, но и тѣмъ, что человѣкъ этотъ съ каждымъ новымъ днемъ знакомства все болѣе и болѣе казался олицетвореннымъ идеаломъ ученаго. Не могучій умъ, не обширность знаній, не удивительная настойчивость въ трудѣ при такихъ неблагоприятныхъ физическихъ условіяхъ, при которыхъ девять человѣкъ изъ десяти превратились-бы въ немощныхъ инвалидовъ,—не эти качества, несмотря на великое значеніе ихъ, болѣе всего поражали человѣка, имѣвшаго счастье близко знать его, и вызывали въ немъ чувство невольнаго благоговѣнія, но какая-то необыкновенная искренность, которая, какъ центральный огонь, освѣщала и согрѣвала всѣ его мысли и поступки.

«Это-то рѣдкое и великое качество и удерживало въ должныхъ

границахъ его живое воображеніе и замѣчательныя спекулятивныя способности; оно-же побуждало его предпринимать тѣ изумительныя работы, на которыхъ основаны его напечатанныя сочиненія; оно заставляло его принимать всякую критику, всякое замѣчаніе не только безъ нетерпѣнія, но съ выраженіемъ благодарности, часто казавшейся даже комичною по своей преувеличенности; оно не позволяло ему обольщать ни себя самого, ни другихъ фразами и заставляло не жалѣть ни времени, ни трудовъ, чтобы добитая ясныхъ, опредѣленныхъ понятій относительно каждаго занимавшаго его предмета.

«Человѣкъ, бесѣдовавшій съ Дарвиномъ, невольно вспоминалъ о Сократѣ: то же самое желаніе найти человѣка болѣе умнаго чѣмъ онъ самъ; та-же вѣра въ высокое значеніе человѣческаго ума; тотъ же ровный, благодушный характеръ; то же сочувствіе, тотъ-же интересъ ко всему, что касается человѣка»...

«Хотя со времени его памятнаго путешествія, здоровье Дарвина всегда было болѣе или менѣе непрочно, говоритъ авторъ другой біографической замѣтки,—онъ всегда былъ въ хорошемъ, ровномъ расположеніи духа, пользовался жизнью и ея удовольствіями, принималъ живой интересъ во всемъ окружающемъ и съ восторгомъ встрѣчалъ всякій новый фактъ, всякое новое доказательство, касавшіеся интересовавшаго его вопроса. Почти универсальныя свѣдѣнія, которыя онъ обнаруживалъ въ своихъ бесѣдахъ, были настолько же поразительны, какъ и громадная память, удерживавшая малѣйшія детали; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ такъ скромнень, что во время разговора всегда казалось, какъ будто онъ не поучаетъ своего собесѣдника, а наоборотъ, самъ воспринимаетъ отъ него ученія».

14-го (26-го) апрѣля скоронили Дарвина. Не будемъ описывать блестящей процессіи, сопровождавшей его гробъ; не будемъ перечислять всѣхъ герцоговъ, графовъ и посланниковъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ почестяхъ, которыя нація отдавала своему великому гражданину. Вся эта пышная обстановка мало гармонировала съ скромною жизнью покойнаго и съ простымъ дубовымъ гробомъ его, единственнѣмъ украшеніемъ котораго была небольшая металлическая дощечка съ надписью: «Charles Robert Darwin. Born February 12, 1809. Died April 19, 1882.—Похоронили его рядомъ съ могилою Джона Гершеля и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Ньютона.

А. Мескальтъ.

ОТЖИВАЮЩІЯ ТРАДИЦІИ.

Еще Вольтеръ, кажется, говорилъ, что высказать какую нибудь вѣрную мысль недостаточна для того, чтобы она проникла въ общее воззнаніе: для этого необходимо постоянно повторять, съ разныхъ сторонъ освѣщать, но разнымъ переводамъ напоминать, словомъ, всячески долбить и вдавливать эту мысль. Ничего не можеть быть справедливѣе и, въ то же время, конечно, печальнѣе этого замѣчанія. Мало идей, которыя настолько широки, что напоминають о себѣ даже въ мелочахъ будничной жизни и еще меньше людей, которые-бы особенно интересовались идеями. Оттого-то и ничто не валя подъ луною; оттого-то, какъ кто-то замѣтилъ, новое есть ничто иное, какъ хорошо забытое старое и оттого-то люди, которыхъ умъ даетъ имъ возможность взглянуть на человѣческій муравейникъ съ высоты птичьяго полета, утверждаютъ иногда, подобно Гёте, что человечество движется впередъ или по круговой, или по спиральной линіи.

Нигдѣ, разумѣется, эту забывчивость на идеи не удобно такъ наблюдать, какъ въ сферѣ литературы. По пословицѣ, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и литературные архивы, не въ примѣръ другимъ архивамъ, открыты каждому желающему. Въ этихъ архивахъ, если-бы специально заняться этимъ (адва-ли, впрочемъ, нужнымъ и очень скучнымъ) дѣломъ, мы нашли-бы документы, свидѣтельствующіе, что не только средній читатель, съ котораго и взыскивать нечего, потому что у него и собственнаго дѣла много, но и такъ называемые «служители алтаря», для которыхъ умственный трудъ служить ремесломъ, является личнымъ дѣломъ, даже очень опособны таскать съ погоста мертвецовъ, иногда тѣхъ самыхъ, при отпѣваніи и торжественныхъ похоронахъ которыхъ они принимали близкое участіе.

Недавно, даже можно сказать—на дняхъ, въ журналистикѣ нашей было выражено мнѣніе, представляющее собою яркій образчикъ нашей забывчивости. Въ данномъ случаѣ замѣчательно то, что въ выраженіи того мнѣнія, о которомъ идетъ рѣчь, сошлись представители двухъ литературныхъ поколѣній, литературныхъ «отцовъ» и «дѣтей» нашихъ. Авторы, намъ сейчасъ увидить читатель, подходятъ къ дѣлу съ разныхъ сторонъ, но заключенія ихъ, въ сущности, тождественны, по крайней мѣрѣ, тѣсно между собою связаны логически.

За «отцевъ» высказался г. Щедринъ («Отеч. Зап.», мартъ) къ сожалѣнію, высказался съ тою неопредѣленностью, которая свойственна всѣмъ вообще теоретическимъ разсужденіямъ этого писателя. Г. Щедринъ находитъ, что

«литературное творчество въ умаленіи. И едва-ли я ошибусь, сказавъ, что тайна ея исчезновенія заключается не въ собственномъ его безсиліи, а въ отсутствіи почвы, которую оно могло-бы эксплуатировать. Творчество не можетъ сблѣять шага, чтобы не встрѣтиться съ «вопросомъ», а стадо быть—и съ невозможностью. Присутствуетъ-ли оно въ жизни такъ называемаго культурнаго общества,—половина этой жизни представляетъ заповѣдную тайну, и именно та половина которая ея жизни даетъ материалъ. Спущается-ли оно въ глубины бытовой жизни, и тамъ его подстерегаетъ цѣлая масса вопросовъ: вопросъ аграрный, вопросъ общественный, вопросъ о народившемся «кулакѣ» и т. д. И всѣ эти вопросы—тоже заповѣдная тайна, хотъ въ нихъ и только въ нихъ однихъ лежитъ разъясненіе всѣхъ невзгодъ, удручающихъ бытовую жизнь».

Это «умаленіе» литературнаго творчества г. Щедринъ объясняетъ далѣе уже другою причиною, не тѣмъ, что большинство насущныхъ предметовъ для творчества составляетъ «заповѣдную тайну», а тѣмъ, что въ литературу вторглась «улица». «Попробуйте», говоритъ онъ, «въ настоящую минуту заняться, напримеръ, произведеніемъ «хвастуновъ», «лжецовъ», «лицомѣровъ» и т. д.,—вѣдь та же самая улица въ одинъ голосъ завопятъ: объ чемъ ты намъ говоришь? Оставь старья негудки и отвѣть на тѣ вопросы, которые затрогиваютъ насъ по существу: кто мы таковы? и отчего мы нравственно и матеріально околѣли? Ибо никогда не была психологія въ фаворѣ у улицы, а нынче она удовлетворяется ею меньше, нежели когда-нибудь. Помилуйте! до психологіи-ли тутъ, когда въ дѣломъ организми вѣтъ мѣста, которое-бы не шемило и не болѣло». Что-же касается до нравственныхъ и умственныхъ свойствъ «улицы», то г. Щедринъ находитъ, что «требованія ея (улицы) низменны, отравленные пункты души и прозавальны, а идеалы равносильны идеаламъ Управы Благочинія».

Съ другой стороны, анонимный авторъ небольшой, но замѣчательной по теплотѣ и искренности статьи («Усгонъ», февраль), при-

надлежащій, по всё́мъ видимостямъ, къ молодому поколѣнію, свидѣтельствуеть, что

„душа русской молодежи, въ послѣднее время въ конецъ истосковалась, истомилась и, какъ манна небесной, жаждеть обобщающаго слова. Идеалы шестидесятихъ годовъ омазались узками, идеалы семидесятихъ годовъ—трудно исполнимыми, и вотъ молодежь, съ горькимъ и тяжелымъ опытомъ двухъ поколѣній на душѣ, въ мучительномъ раздумьи стала на распутьи и ждеть новаго слова, и ищетъ новыхъ путей. Для молодежи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для всего нашего развитія настала критическій моментъ, имѣющій глубокое значеніе. Моментъ этотъ только-что начинается—и мы отмѣчаемъ явленіе еще формирующагося. Не то что русскій чело́вѣкъ избѣрился въ прежнихъ идеалахъ, но онъ избѣрился въ ихъ узко-практической постановкѣ, дѣлающей ихъ на дѣлѣ глубоко-непрактичными, и жаждеть новаго ихъ освѣщенія.“

Итакъ, съ одной стороны намъ говорятъ, что «творчество въ умаленіи» и что идеалы «улицы», завладѣвшей литературою, «равносильны идеаламъ Управы Благочинія», съ другой стороны мы слышимъ, что «душа русской молодежи въ конецъ истосковалась». И, конечно, еще-бы не истосковаться этой душѣ, если прежніе источники «живой воды», съ легкой руки г. Цитовича, окончательно завалены всякимъ мусоромъ, а «улица» ничего кромѣ павозной жижи для удовлетворенія жаждущихъ правды предложить не можетъ.

Къ счастью, дѣло не такъ безнадежно, и правъ былъ поэтъ, говоря:

Эта пѣсня давно уже слышится,
Но не служить она ни къ чему—
Если намъ такъ писалось и пишется
Значить, есть и причина тому.

Всѣ мы помнимъ жалобы, которыя, говоря относительно, еще недавно раздавались и въ печати, и въ обществѣ по поводу безцвѣтности и безжизненности нашей литературы. Сомнѣваться въ справедливости, по крайней мѣрѣ, въ законности этихъ жалобъ въ то время было трудно, въ виду ихъ единодушія. Жаловались и скорбѣли всѣ, и мы помнимъ только одинъ случай, когда эти жалобы встрѣтили нѣкоторый протестъ: именно Достоевскій въ своемъ „Дневникѣ“ доказывалъ что, напротивъ, все въ литературѣ нашей обстоитъ благополучно, что, имѣя въ рядахъ литературныхъ дѣятелей такихъ атлетовъ, какъ гр. Толстой, Некрасовъ, Щедринъ, Гончаровъ, Писемскій, Тургеневъ и самъ Достоевскій — странно и смѣшно говорить о какомъ-то оскудѣніи литературы. И Достоевскій формально былъ совершенно правъ. Если статистическія данныя и исчисленія могутъ служить критическою мѣркою. нашей литературѣ оставалось бы только радоваться, сравнивая себя съ ли-

тературами Запада, котрымъ она по количеству и качеству крупныхъ художественныхъ талантовъ не уступала ни на волосъ. Но дѣло все въ томъ, что жизненность, серьезность, такъ сказать, насущность литературы опредѣляются не степенью ея художественности, не числомъ и размѣромъ дѣйствующихъ въ ней талантовъ, а исключительно свойствомъ и содержаніемъ ея идеаловъ. Давно уже стало общимъ мѣсто то положеніе, что «литература есть отраженіе жизни», и эту мысль пора-бы усвоить именно какъ мысль, богатую логическими выводами, а не какъ формальное опредѣленіе только, ничего, какъ и всѣ такіа опредѣленія, не уясняющее. Если жизнь останавливается въ своемъ развитіи—явленіе и вообще, а для насъ, русскихъ, въ особенности нисколько не удивительное, если въ обществѣ почему нибудь ослабѣвають альтруистическіе инстинкты, тускнѣетъ сознаніе общихъ задачъ и цѣлей, исчезаютъ идеалы—литературѣ съ этимъ ничего не подѣлать, и даже болѣе того: ей не уберечь и себя отъ общей деградаціи и деморализаціи, и въ этой бѣдѣ не помогутъ ей никакіе Шекспіры. «Творчество», «художество», «искусство» могутъ процвѣтать въ ней и въ такіа эпохи, но тѣснаго общенія съ жизнью, практическихъ стремленій и указаній было-бы отъ нея напрасно ожидать. «Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства, но кипитъ въ тебѣ живая кровь», говорил Некрасовъ, про свой «суровый, неуклюжій стихъ» и, вывернувши эту формулу наизнанку, мы получимъ характеристику литературы въ періоды общественного застоя: сколько угодно (при условіи литературной даровитости націи) «творящаго искусства» и ни капли или именно только одна капля живой, горячей, человѣческой крови.

Мы, русскіе, очень литературный народъ — это фактъ положительно доказанный. Мы прекрасно пишемъ, а когда придетъ время, нѣтъ сомнѣнія, будемъ и говорить отлично. Въ нашей литературѣ есть такіе образцы художественнаго совершенства, критической тонкости анализа, публицистической широты и смѣлости мысли, которые-бы могли явиться украшеніемъ какой угодно литературы. За всѣмъ тѣмъ, не въ обиду будь сказано нашимъ самобытникамъ, мы все-таки остаемся школьниками передъ Западомъ, даже въ дѣлѣ литературы. Литература—не художество, не стилистическая забава, не праздная барская затѣя, а дѣло насущное, какъ хлѣбъ, какъ вода и воздухъ. Она—именно выраженіе и показатель общественной жизни, и если этой жизни въ наличности не имѣется, литература фатально будетъ походить на тепличное растеніе, очень красивое, доставляющее, быть можетъ, много удовольствія немногимъ садовникамъ и посѣтителямъ теплицы, но, въ концѣ концовъ, далеко не окупающее стоимости своего содержанія. Именно такимъ теплич-

нимъ растеніемъ и была долгое время наша литература, и именно потому; съ точки зрѣнія не эстетики, а простаго утилитаризма, она и представляется безцвѣтною, безсильною, ничтожною въ сравненіи съ литературами Запада. Люди жизни, а не отвлеченной мысли, люди «улицы», а не тюрьмы и не теплицы, «живой крови», а не «творящаго искусства», люди подобные, напр., Бѣлинскому, положеніемъ своимъ удовлетвориться бѣли не въ состояніи. «Какой, къ чорту, я литературный критикъ! восклицалъ въ кругу своихъ друзей Бѣлинскій. Я рожденъ былъ памфлетистомъ». И не потому Бѣлинскій не былъ памфлетистомъ или былъ имъ только въ своей чисто литературной полемикѣ съ Булгаринными, Полевыми и Аксаковыми, что вопросы другихъ категорій составляли «заповѣдную тайну»; но просто потому, что эти вопросы еще не сдѣлались въ то время достояніемъ «улицы», а жили исключительно въ сознаніи кружковъ. Роль литературы есть роль чисто служебная, и только тотъ хорошо пишетъ, кто пишетъ подъ диктовку уничтожаемой г. Щедринымъ «улицы».

Безъ «улицы» нѣтъ и Олимповъ, безъ «топы» нѣтъ и избранниковъ. Все получается изъ этого людскаго океана и все въ него возвращается—наши идеи и идеалы, наши стремленія и дѣятельность. Съ высшей точки зрѣнія не трудно оправдать «толпу» даже въ ея, повидимому, вопіющихъ уклоненіяхъ, возмущающихъ наше нравственное чувство — оправдать не только въ смыслѣ законосообразности — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ цѣлесообразности. Кто-то сказалъ, что недостаточно родиться великимъ человекомъ: нужно еще родиться во-время, и тоже самое можно сказать и объ идеяхъ, объ идеалахъ. Идея постепенности прогресса вѣдь только потому сдѣлалась столь антипатичною намъ, что подъ ея флагомъ удобно могли скрываться и, дѣйствительно, скрывались самыя антиобщественныя, реакціонерныя инстинкты, въ сущности-же эта идея—простое констатированіе огромнаго историческаго факта. И вотъ почему толпа права даже тогда, когда своему Искупителю предпочитаетъ Варавву—виновна передъ истиною, передъ разумомъ, но права передъ прогрессомъ, передъ человечествомъ. «Понять, значить, простить»,—этого мало сказать. «Толпа» и не нуждается въ вашемъ прощеніи, потому что вся правда и все право на ея сторонѣ. Вѣдь безотносительной правды не существуетъ. «Правда» то, что служитъ толпѣ, что способствуетъ ея счастью, не тому, что избранники считаютъ за счастье—нѣтъ, тому, можетъ быть, грубому, но желанному счастью, которое призываетъ себя толпа и которое какъ разъ въ пору и по плечу ей. «Великій инквизиторъ» Достоевскаго былъ правъ, обрекая себя

на служеніе конкретнымъ интересамъ толпы, не уважая въ то-же время ни мало этикъ самыхъ интересовъ; онъ ошибался лишь въ томъ, что считалъ эти интересы вѣковыми, неподвижными, неизмѣнными, какъ будто не въ природѣ человѣка вѣчно желать и идти, какъ будто жизнь не есть вѣчное движеніе и, какъ будто, наконецъ, самое участие не есть только неутомимое стремленіе къ счастью!

Весь вопросъ, такимъ образомъ, сводится исключительно къ тому, чтобы расширить возможности «толпы» — не одной ея части, а всей толпы, выразить свои потребности и желанія. Уразумѣть эти потребности — въ этомъ первая задача всякаго общественнаго дѣятеля; служить этимъ, именно этимъ потребностямъ, а не фикціямъ и построениямъ собственнаго разума — въ этомъ его нравственный долгъ. Г. Шедрицъ, приравнявъ идеалы толпы къ идеаламъ Управы Благочинія, снискомъ пообщилъ обобщеніемъ. Почему онъ знаетъ «толпу?» И кто теперь у насъ знаетъ ее? Мы видимъ на улицѣ общественной жизни какихъ-то литературныхъ и иныхъ спандалеровъ и канканеровъ, забудыгъ и бунновъ, но настоящая «толпа» видѣть пока дома и думаетъ свою «ярвину думу — безъ шуму». Достоверно одно: люди самыхъ разнообразныхъ направленій свидѣтельствуютъ, что эта «ярвинная дума» — фактъ, что она дѣлаетъ славное и великое дѣло, и намъ, еще не уловившимъ, не уловившимъ себя ея процесса и развитія, смилостиво рисканно судить о результатахъ.

Намъ могутъ быть неприятны эти результаты. Волею того: она могутъ быть неприятны не только для насъ, какъ дѣйствующаго покаянный русскаго общества, но и для всего цивилизованнаго міра; для насъ друзей науки и мысли, которыхъ они, эти результаты, быть можетъ, явятся отрицаніемъ. Надо признать эту возможность, хотя-бы только въ отвлеченій, въ математическомъ, а не въ обвинительномъ житейскомъ смыслѣ. Ну, и что-же дальнѣе? За насъ теоретическая истина, за нами тысячелѣтняя выстрадавшая, но частная и по кусочкамъ отъ природы и людскаго неразумья отвоиненная культура, за насъ разумъ, а за ней, за «толпой», ея неисчислимыя страданія, ея безправіе, ея невѣжество, ея горькая доля служить вѣчной наковальней для насъ, молотовъ, — кто, спрашивается, правъ въ этомъ, воистину, «неравномъ спорѣ»? Противостоителенъ и нелѣпъ этотъ споръ, но вѣдь, собственно говоря, именно онъ и составляетъ содержаніе нашей нелѣпой и противостоителенной истории. Мы вѣками оставляли цѣлыя массы людей въ сторонѣ отъ облагораживающаго вліянія идей — нечего удивляться, что эти массы не уважаютъ никакихъ, а въ томъ числѣ, и нашихъ идей;

наши техническія изобрѣтенія, наши научныя приобрѣтенія скрасили меньшинству жизнь—нѣтъ ничего страннаго, что для большинства, у котораго только по усамъ тепло, всѣ эти наши завоеванія не имѣютъ никакой цѣнности. Но не въ этомъ, главнымъ образомъ, оправданіе «толпы», не въ доказательствахъ *закононости* ея стремленій, а въ ихъ правдѣ, если не объективной, то субъективной:

Идеалы толпы, говорите вы, идеалы Управы Благочинія? Да здравствуетъ-же Управа Благочинія! Подождите негодовать, а лучше разсудите дѣло хладнокровно. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка, не то истинно, что объективно истинно, а только то, что такъ или иначе служить человѣку, устрояетъ его счастье, даетъ миръ его душѣ. Земля шарообразна и свободно виситъ въ мировомъ пространствѣ — вы знаете это, и еслибы цѣлый міръ, все человѣчество потребовало отъ васъ, чтобы вы отказались отъ этого своего убѣжденія—всѣ были-бы виноваты, а правъ только вы одинъ. Но вы должны уважать и съ осторожностью обходить и признать всѣ права на существованіе и за знаменитыми тремя китами, *если* эти киты, дѣйствительно, составляютъ завѣтное вѣрованіе людей, безъ котораго мрачна, холодна и пуста ихъ жизнь. За васъ отвлеченная истина, но не въ ней дѣло. За васъ наука, но наука меньше жизни. Нельзя ломать человѣческое существованіе во имя какой-бы то ни было, хотя-бы миллионъ разъ справедливой идеи, нельзя никому навязывать свои благодѣянія. И вотъ почему я, къ ужасу читателя, повторяю: Да здравствуетъ Управа Благочинія! Съ этимъ восклицаніемъ, подобнымъ предсмертному крику: «morituri te salutant», мы удалимся со сцены жизни, разбитые, но по крайней мѣрѣ, не въ конецъ опозоренные. Люди призываютъ Управу Благочинія—честь и мѣсто Управѣ Благочинія: ей принадлежитъ историческая роль, ей предстоитъ «рости», а намъ «малиться»—до поры, до времени, конечно, до момента просвѣтленія умственного зрѣнія массъ. Неправда нашей цивилизаціи такъ велика и вопіюща, что, въ сравненіи съ настоящимъ, не страшно почти никакое будущее. И ужъ во всякомъ случаѣ лучше орда по своему свободныхъ и по своему счастливыхъ вандаловъ, нежели изыщная республика съ Платонами, Цицеронами и муренами.

«Отправные пункты «улицы», говоритъ Щедринъ,—дики и произвольны». Дики—можетъ быть, и почти навѣрное; произвольны—ни въ какомъ случаѣ. Гусь, стоя со связанными за спиной руками, въ шутовскомъ костюмѣ и дурацкомъ колпакѣ, на готовомъ всплунуть кострѣ, исполнялъ свою миссію, рѣшалъ извѣстную историческую задачу. Но свою историческую роль исполняла и та старуха, та «святая простота», которая благочестиво приволокла и

свою вязанку дрову къ костру и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія смотрѣла, какъ жарился «еретикъ». Безъ этой старухи—Гусь явленіе бессмысленное, ненужное и даже невозможное. Эта вязанка дровъ, если угодно, «дика», но, конечно, не «произвольна».

Но намъ и незачѣмъ возвышаться до столь общихъ точекъ зрѣнія, и не къ чему представлять вопросъ въ такомъ обостренномъ его видѣ; незачѣмъ и не къ чему, потому что дѣйствительность далеко не такъ страшна. Дѣло въ томъ, что г. Щедринъ, смѣемъ думать, смѣнялъ очень разнородныя вещи — конкретныя, текущіе факты съ общими отвлеченными, типическими понятіями. Онъ потому уничтожаетъ «улицу» вообще, что въ настоящую минуту видитъ изъ своего окна только одну Сѣвную площадь; онъ потому приравниваетъ идеалы «улицы» къ идеаламъ Управы Благочинія, что считаетъ выразителемъ этихъ идеаловъ «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время».

Но этотъ пессимизмъ совершенно напрасенъ. Если «улица» не хочетъ знать «старыхъ погудокъ» и требуетъ отъ литературныхъ дѣятелей, чтобы они отвѣтили на вопросъ: «кто мы таковы? и отчего мы нравственно и матерьяльно оголѣли?»—это именно и доказываетъ присутствіе въ «улицѣ» здороваго нравственнаго чувства, прекраснаго стремленія къ самосовершенствованію, къ прогрессу. Старая—престарая это исторія, къ несчастію, какъ оказывается, позабытая,—исторія пушкинской «черни» и пушкинскаго «поэта», исторія, достаточно уже разъясненная. Упадокъ литературнаго творчества, «какъ вѣтеръ свободнаго» и если не совершенно «какъ вѣтеръ безплоднаго» то, право, около того—этотъ упадокъ свидѣтельствуетъ не о чемъ другомъ, какъ о возникновеніи въ жизни реальныхъ и жгучихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, не оставляющихъ ни времени, ни мѣста творческому «безпечальному созерцанію». Г. Щедринъ бранитъ «улицу», но думаетъ заодно съ ней: «помилуйте! до психологій-ли тутъ, когда въ цѣломъ организмѣ нѣтъ мѣста, которое-бы не щемило и не болѣло». Святая, конечно, истина. Но вѣдь это чувство боли испытывается не одними гг. художниками, а и всею «улицею», и если правы художники, говоря: «до психологій ли тутъ!» то почему-же неправы «улица», говоря буквально то-же самое?

Повторяю, г. Щедринъ смѣшалъ «улицу» съ Сѣвной площадью и Охотнымъ рядомъ и литературу съ «Новымъ Временемъ». На «улицѣ», однакожь, не одни только мясные ряды, а и училища, и университеты, и бібліотеки и, наконецъ, храмы божіи. «Улица», «толпа»,—явленіе сложное, которое поэтому нельзя ни огуломъ восхвалять, ни огуломъ порицать. Не идеалы «улицы» страшны,

страшно отсутствіе у ней какихъ-бы то ни было идеаловъ, страшень мракъ; окружающій «улицу»; это вялое, безмысленное и бессмысленное житье пустяками. *Какое-бы ни было* направленіе пробудившейся мысли «улицы», этотъ фактъ пробужденія во всякомъ случаѣ является фактомъ прогресса, а не регресса. Г. Щедринъ и самъ знаетъ это: «все это иначе и не можетъ быть,—говоритъ онъ. Это особаго рода фатальный законъ, въ силу котораго первая стадія развитія всегда принимаетъ формы ненормальныя и даже уродливыя». Есть ли нѣтъ такой законъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что «ненормальность и даже уродливость» заблужденій необкрѣпшей и непросвѣтленной мысли «улицы» не должны внушать намъ особеннаго безпокойства: перемелется—мука будетъ.

Но дѣло въ томъ, что такого «фатальнаго закона», въ силѣ котораго люди, задумавшіеся, наконецъ, надъ своимъ положеніемъ, получившіе вкусъ къ общественнымъ интересамъ, должны непремѣнно потянуться за умомъ-разумомъ въ Управу Благочинія—такого социальнаго закона нѣтъ и не бывало никогда. Оставимъ господамъ Кочневымъ доказывать, что «толпа» или еще шире, — народъ, въ которомъ пробудилась работа критической мысли, уподобляется звѣрю, спущенному съ цѣпи. Немножко побольше любви къ людямъ, немножко побольше вѣры въ человѣческое достоинство, въ человѣчскій разумъ и чувство, и фантомы Управы Благочинія исчезнутъ какъ дымъ. На сторонѣ г. Щедрина, если говорить только о нашей текущей дѣйствительности, много бесспорныхъ фактовъ: охотнорядцы засучиваютъ рукава, г. Суворинъ собирается издавать другое «Новое Время», всякаго рода «натрѣбты своего отечества» и «мерзавцы своей жизни», празднуютъ иянины своего сердца и пр. и пр. Жить тяжело, дышать трудно. Но развѣ только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ? Развѣ всѣ мы, измученные этой дѣйствительностью, создавшейся не благодаря, а вопреки нашимъ идеаламъ — развѣ мы не «толпа» и не имѣемъ своего мѣста на «улицѣ»? Не фантастическій «фатальный законъ» г. Щедрина, а факторы очень опредѣленные и ничего фатальнаго въ себѣ не заключающіе сдѣлали-то, что наша жизнь походитъ на Управу Благочинія. Да, фактически, и на эту только минуту, г. Щедринъ сто разъ правъ и тысячу разъ неправъ принципиально.

«Улица» имѣетъ всѣ права на наше уваженіе, и «гласъ» ея недаромъ зовется «гласомъ божіимъ». Я не знаю другой, болѣе антипатичной по своей высокомерной аристократичности идеи, какъ идея дѣленія человѣчества на двѣ страшно неравныя части, изъ которыхъ одна, меньшая, пользуется, говоря языкомъ адеитовъ этой идеи, всѣми благами «научнаго» мышленія, а другая, большая,

осуждена погрязать въ тинѣ «обыденнаго мышленія». «Уличные» люди, безъ сомнѣнія, въ методологическомъ, процессуальномъ смыслѣ думаютъ не такъ, какъ кабинетные люди, но думаютъ они тоже самое. «Мужикъ съръ, да умъ у него не чортъ съѣлъ». Всѣмъ людямъ нуженъ воздухъ, солнце, земля и вода, свободное пользование своими физическими и духовными силами, у всѣхъ, въ концѣ концовъ, одно и то-же дѣло, одна великая и общая забота, и всѣ созданы по образу и подобию божію. Только упрямое доктринерство, ученое филистерство можетъ презирать «улицу» — нужно запомнить это разъ навсегда, во избѣжаніе печальныхъ недоразумѣній, подобныхъ тому, въ какое впалъ г. Щедрипъ. Г. Щедрипъ — и это нашъ лучший, сильнѣйшій аргументъ за «улицу» — одинъ изъ наиболѣе «уличныхъ», т. е. живыхъ, писателей нашихъ. Онъ «творилъ», углублялся не хуже другихъ въ пучины индивидуальной психологій, рисовалъ намъ «Иудушекъ», пока «улица» безмолвовала и стояла пустая. Но, говоря поэтическимъ выраженіемъ, божественный глаголь коснулся чуткаго слуха и душа писателя встрепенулась, и онъ отдался весь злобѣ текущаго дня, т. е., посвятилъ себя служенію «улицѣ», нисколько не мирволя при этомъ Управѣ Благочинія. Иначе и быть не можетъ. Предложить намъ теперь какую-нибудь ювелирную вещицу, въ родѣ «Пѣснй торжествующей любви», значить съѣтъ лебединую пѣсню самому себѣ и, кромѣ того, въ конецъ уронить въ нашихъ глазахъ пресловутое «святое искусство».

Другими словами, и съ иной точки зрѣнія, но не менѣе рѣшительно осуждаетъ «улицу» и молодой публицистъ «Устоевъ», заявляя, что наша молодежь «стала на распутьи», «ждетъ новаго слова», «ищетъ новыхъ путей», «жаждетъ новаго освѣщенія идеаловъ», «жаждетъ, какъ манны небесной, обобщающаго слова» и пр. Я не знаю, о какой собственно молодежи идетъ рѣчь и даже не знаю кого слѣдуетъ вообще разумѣть подъ неопредѣленнымъ терминомъ «молодежи» (развѣ Щедрипъ старикъ? развѣ графъ Толстой не моложе безчисленнаго множества молодыхъ, по метрику, людей?), но не будемъ спорить о словахъ и повѣримъ свидѣтельству автора. Какое-же это печальное свидѣтельство! Это требованіе отъ литературы, т. е., въ частности, отъ публицистики и литературной критики «новаго, обобщающаго слова», совершенно тождественно съ требованіемъ отъ современнаго искусства «творчества». Это требованіе — опять таки одно изъ проявленій «отживающихъ традицій» нашихъ, замирающее эхо того «барскаго» періода нашей литературы, когда «улица» была лишена всѣхъ правъ состоянія, когда надъ ней верховодничали и мудрили всѣ, не исключая и литературы. Литература, и въ особенности литературная кри-

тика, являлись тогда, даже въ лицѣ своихъ наиболѣе чуткихъ къ «божественному глаголу» представителей, не простыми выразителями общаго сознанія, а властными воспитателями и наставниками въ наукѣ жизни. Цѣль создавалась, идеалы придумывались, стремленія сочинялись,—все было произвольно и индивидуально, и отъ того самаго случайно и эфемерно. Въ широкой и быстрой рѣкѣ даже искусный пловецъ будетъ увлеченъ общимъ теченіемъ, но въ стоячей водѣ безразлично, въ какую сторону ни плыть, и все здѣсь предоставлено усмотрѣнію и вкусамъ самого пловца. Въ силу этихъ оригинальныхъ условій жизни, развитіе нашего и предшествующихъ поколѣній совершалось особеннымъ и, по совѣсти говоря, удивительно безобразнымъ путемъ. Вступая въ жизнь, или даже только въ сферу теоретической мысли, едва начавши серьезно размышлять, мы сразу чувствовали свое полное одиночество и совершенную безпомощность. Окружающіе люди «образа звѣринаго и печати его» не внушали намъ ни малѣйшаго уваженія, наука жить не учитъ, сердцу не говоритъ и содержанія нравственнаго не даетъ, и мы естественно обращали взоры къ литературѣ, которая, однако-же, находилась въ одинакомъ съ нами положеніи, т. е., вращалась въ какомъ-то безвоздушномъ пространствѣ. И вотъ, являлись особенно даровитые публицисты или критики, которые предлагали намъ со всѣмъ пыломъ горячаго, но ровно ничѣмъ, кромѣ этого пыла, не гарантированнаго убѣжденія, свою систему, свое міросозерцаніе, почерпнутое... откуда? Не изъ жизни, не изъ ея дѣйствительныхъ потребностей, а изъ глубины собственнаго «творческаго» духа. И мы, съ позволенія сказать, какъ телята подъ ножъ, безропотно подставляли свои головы подъ источники этой фантастической мудрости и, вслѣдъ за нашими учителями, переходили отъ системы къ системѣ, и вѣдь пресерьезно, пренскренно воображали, что въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаемъ! Оно, если хотите, и было дѣломъ, но дѣломъ именно кабинета, а не улицы, школьной подготовкой, важной не по результатамъ, а исключительно только по процессу.

Вѣлинскій, какъ извѣстно, рѣзко мѣнялъ свои убѣжденія, потому что въ его эпоху рѣшительно не было такого критерія, который-бы допускалъ возможность самопроѣрки. Болѣе счастливый Добролюбовъ, дѣятельность котораго совпала съ нашимъ пробужденіемъ, когда «улица» на мгновенье поняла, что у ней есть не только руки, чтобъ работать, ротъ, чтобъ ѣсть, и глаза, чтобъ плакать, но и мозгъ, чтобъ мыслить,—Добролюбовъ остановился на разъясненіи элементарныхъ политическихъ идей, и въ этомъ—смыслъ его дѣятельности, точно также, какъ въ этомъ заключался и смыслъ его времени. Но это время быстро, какъ извѣстно, прошло, «ули-

ца», благодаря усиліямъ г. Каткова, снова превратилась въ задній дворъ, и Писаревъ могъ съ величайшимъ удобствомъ фантазировать «о Шиллерѣ, о славі, о любви», ничѣмъ со стороны «улицы» не регулируемый и не контролируемый. А мы продолжали ходить въ хвостѣ своихъ пророковъ и считали себя обладателями всевозможныхъ «последнихъ словъ» и чуть не съ ненавистью относились къ «отцамъ», которые «воспитались» на Бѣлинскомъ, тогда какъ мы прошли курсъ въ школѣ Писарева.

Нужно-ли, позволительно-ли желать возвращенія къ этимъ древнимъ порядкамъ, къ этимъ школьнымъ, ученическимъ отношеніямъ общества къ литературѣ? Возвращеніе къ прошлому, давно пережитому, никогда нежелательно, а въ настоящемъ случаѣ въ особенности. Въ томъ-то и состоитъ все значеніе и весь смыслъ переживаемаго нами историческаго момента, что общество и самъ народъ заявляютъ свою самостоятельность, отказываются отъ какихъ-бы то ни было литературныхъ помочей а, наоборотъ, властительно налагаютъ на литературу обязанность говорить объ ихъ нуждахъ и формулировать ихъ мысли. Печально слышать,—если только свидѣтельство публициста «Устоевъ» фактически вѣрно,— что наша молодежь является исключеніемъ въ этомъ случаѣ, что она, съ недостойнымъ и постыднымъ раболѣпиемъ, «какъ манны небесной» ждетъ отъ литературы какого-то «новаго слова», какого-то «освѣщенія идеаловъ», ждетъ кого-то, кто водворилъ-бы порядокъ въ ея сбитыхъ понятіяхъ. «Тоска», о которой говоритъ публицистъ «Устоевъ», свидѣлствуетъ не только о непониманіи даннаго момента, но о неуваженіи молодежи къ самой себѣ, о недобвѣрїи ея къ своимъ собственнымъ силамъ. «Новое слово»! Оно состоитъ въ томъ, что инициатива такого слова находится нынѣ въ рукахъ общества, какъ прежде она находилась въ рукахъ литературы. «Новые пути»! Да гдѣ-же глаза у нашей молодежи? Развѣ эти пути неизвѣстны, не проложены, не указаны? Въ былое время достаточно было для молодежи горячаго и искренняго слова, чтобы увлечь молодежь почти въ какую угодно сторону; для современной молодежи оказываются недостаточными гораздо болѣе дѣйствительныя средства. Еще-ли это не печально? И что-же такое это ожиданіе умственной «манны небесной», которая должна точно съ неба упасть; что это такое, какъ не доказательство поразительной лѣности и вялости, какой-то рахитичности мысли, непремѣнно нуждающейся въ толчкахъ и понуканіяхъ, чтобы сдвинуться съ мѣста? А жизнь, между тѣмъ, кипитъ и бьетъ горячимъ ключемъ. Не высиженные, не изъ головы вытасканные, а сами собою выдвинувшіеся вопросы окружаютъ насъ сплошною стѣною, и въ это-то время удивительная «молодежь», о

которой говорить публицистъ «Устойевъ», рѣшительно не знаетъ къ чему приложить свои свѣжія силы,

Не привыкли мы, какъ видно, къ самостоятельности, не можемъ шагу ступить безъ руководителей и слишкомъ рѣзко для насъ свѣжій воздухъ «улицы». Хотя-бы вспомнила наша «молодежь» — ужь если недостаточны для нея другія соображенія — тотъ звѣтъ независимаго уваженія къ авторитетамъ, который оставили ей ея учителя. Есть только одинъ настоящий авторитетъ — авторитетъ общества, одинъ надежный путь — путь всѣхъ. Мыслить, не живя, ничѣмъ не лучше, нежели жить, не смыслия. Это напрасное ожиданіе кагоро-то «обобщающаго слова», въ ожиданіи котораго молодежь, какъ въ простомъ переводѣ выходитъ, въ разговорахъ время проводитъ, можетъ дать только тотъ результатъ что жизнь ухулапается на пустяки, на ни кому не нужныя сомнѣнія, на плѣнной мысли раздраженія, и повторяется исторія нашихъ несчастныхъ отцовъ, пораженныхъ безиліемъ рефлексіи. Но у тѣхъ было оправданіе: «божественный глаголъ» жизни не вразумлялъ, безмогствовало, и ведеи-невалеи приходилось путаться въ тенетахъ собственныхъ хитроисчетовъ. А теперь? Пусть задачи, поставленныя современною дѣйствительностью, — задачи частныя и, съ высшей точки зрѣнія (на которую, впрочемъ, и нѣтъ надобности забираться), даже узкія. Но эти задачи — реальны, вотъ что имѣетъ неопредѣлимую важность. Въ ихъ рѣшеніи не только заключается все содержаніе настоящего, но и возможность лучшаго будущаго, потому что именно онѣ, эти нерѣшенныя пока задачи, лежатъ бранномъ на нашемъ пути и висятъ гирями на нашихъ рукахъ,

Посмотрите на современную литературу нашу: при всемъ разнообразіи дѣйствующихъ въ ней направленій, характера ея, въ общемъ, одинъ и тотъ-же. Это характеръ какой-то дихотомичности, орывчатости, бѣглости и при всемъ этомъ — страстности. Полное отсутствіе «творящаго искусства» и «обобщающихъ словъ» и постоянное присутствіе «живой крови», живой мысли, выразительнаго чувства. Люди, очевидно, ищутъ торжества, но очевидно также, что эта торжественность — не отъ небрежности, не отъ лаваніи къ приѣнному ремеслу, а отъ того, что дѣсь рубятъ и шепелятятся, что некогда да и не къ чему охорашиваться и приглаживаться, что, право, все равно — къ грязной или чистой, рваной или крѣпкой блузѣ вышли вы на работу. Прошло время богатства и предосторожій; но прайной мѣрѣ, наше время, не такое время и «обрый цѣльный цѣтъ равенства», надъ которымъ такъ сѣмалоя ея аристократическая свѣтлость, г. Гайне, — нмій господствующій цѣтъ. Посмотрите на нашу реакціонную журналистику, поте-

рой нельзя отказать въ чуткости къ вѣяніямъ минуты. Въ былое время, время разныхъ «властителей думъ» и литературныхъ Еруслановъ, всѣ удары, т. е., ябеды и ругательства этой журналистики, обращались обыкновенно на двѣ, на три особенно выдающіяся, руководящія личности. Нынѣ она вооружается противъ «интеллигенціи» вообще, хорошо понимая, что дѣло не въ какихъ-нибудь отдѣльныхъ струйкахъ, а въ общемъ потокѣ и направленіи его теченія.

Намъ хотѣлось-бы думать, что публицистъ «Устоевъ» впалъ въ ошибку, что стремленія изолированныхъ и, нѣтъ сомнѣнія, изуродованныхъ кружковъ, отъ торопливо обобщилъ, и выдалъ ихъ за стремленія большинства мыслящей молодежи нашей. Молодежь наша, къ ея чести, до сихъ поръ постоянно шла вмѣстѣ съ обществомъ, а иногда даже и впереди его, и странно думать, неестественно предположить, что именно теперь, въ минуту единенія всѣхъ живыхъ силъ общества, молодежь сидитъ подгорюнившись на рѣбкахъ Вавилонскихъ и плачетъ о тѣхъ временахъ, когда ее, какъ малолѣтнюю, водили на помочахъ. Мы знаемъ, что есть «молодежь», которая ждетъ «новаго слова» даже отъ г. Соловьева (на поводу лекцій котораго и написана статья публициста «Устоевъ») ходила за утѣшеніемъ къ Достоевскому и готова, пожалуй, видѣть нѣкоего пророка даже въ г. Аверкиевѣ. Но мы не думали и не думаемъ, чтобы этотъ медургъ собачьей старости былъ обидимъ удѣломъ всего современнаго молодаго поколѣнія нашего. На задачі личнаго самосовершенствованія, которому научаютъ Достоевскіе и котораго никому, кромѣ самосовершенствующаго субъекта не нужно, а вопросы политическаго (въ широкомъ смыслѣ этого слова) свайства занимаютъ теперь всѣ мало-мальски живые умы. Чураться этого движенія — стыдно.

И. Протопоповъ.

ФАБРИКА и ШКОЛА.

I.

При первомъ приступѣ къ изученію русскаго капитализма чувствуется сильный недостатокъ въ фактическихъ данныхъ. Самая крупная и полная форма выраженія капитализма — фабрика есть настоящая *terra incognita* въ своихъ дѣйствительныхъ, существующихъ отношеніяхъ. Фабрика въ ея нынѣшней, традиціонной формѣ, справедливо признается однимъ изъ самыхъ сомнительныхъ и невыгодныхъ источниковъ народнаго труда, неблагопріятно вліяющимъ на экономическое положеніе населенія и подрывающимъ основы его будущаго благосостоянія. Но въ чемъ именно заключается это неблагопріятное вліяніе, какихъ сторонъ народной жизни оно касается, велики ли его размѣры и сила, объ этомъ можно судить только гадательно, и развѣ въ самое послѣднее время является кой-какая возможность, благодаря нѣкоторымъ изслѣдователямъ, встать при рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ на болѣе или менѣе твердую почву. По инициативѣ московскаго земства, собранъ гг. Эрисманомъ и Погожевымъ довольно обширный матеріалъ, который, хотя и относится собственно къ санитарному положенію московскихъ фабрикъ, но включаетъ также и нѣкоторыя фактическія указанія относительно другихъ, социальныхъ и экономическихъ, сторонъ нашего фабричнаго производства. Несмотря на односторонній характеръ этого матеріала, — за что отнюдь нельзя упрекать авторовъ, такъ-какъ у нихъ была своя цѣль, — все-таки необходимо признать, что, по точности, это единственныя фактическія данныя, на которыя можно положиться при обслѣдованіи нашей фабрики въ социальномъ-экономическомъ отношеніи.

Настоящій этюдъ имѣетъ цѣлью показать, что русская фабрика,

кроме ея общепризнаннаго, хотя и не выясненнаго фактически, неблагоприятнаго вліянія на экономическій бытъ народа, представляет еще одну весьма важную сторону, на которую давно пора обратить серьезное вниманіе. Мы разумѣемъ отношеніе фабрики къ народному образованію. Подлежащая нашему опредѣленію взаимная зависимость между фабрикой и школой имѣетъ не одинъ только интересъ научной новизны, но чрезвычайно важна и въ практическомъ отношеніи, какъ легко понять изъ самаго поверхностнаго взгляда на этотъ предметъ.

Школа, какъ распространительница грамотности и образованія въ народѣ, оказываетъ несомнѣнныя услуги нашей фабрикѣ. Среди населенія, уходящаго періодически на фабричныя работы, есть, какъ увидимъ, немалое число грамотныхъ, которые почти не существуютъ для той мѣстности, гдѣ они получили образованіе на общія средства всего ея населенія. Эта часть грамотныхъ отдаетъ фабрикѣ какъ свои физическія, такъ и свои умственныя силы, между тѣмъ какъ фабрика, съ своей стороны, кроме рабочей платы, идущей на поддержаніе эксплуатируемыхъ ею физическихъ силъ рабочихъ, не дѣлаетъ никакихъ особыхъ затратъ на народныя школы, если только не принимать въ расчетъ ничтожное до смѣшнаго число существующихъ фабричныхъ школъ. Такое безучастное отношеніе нашихъ фабрикъ къ народному образованію является само по себѣ странной и незаконной аномаліей. Но что сказать о роли нашихъ фабрикъ по отношенію къ народному образованію, если, какъ оказывается, онѣ не только не содѣйствуютъ его успѣхамъ, но, напротивъ, тормозятъ его и въ извѣстномъ смыслѣ служатъ расадниками народнаго невѣжества. Ниже мы будемъ подробно говорить объ этомъ пагубномъ вліяніи фабрикъ на нашу и безъ того медленно прогрессирующую народную грамотность. Теперь же, въ поясненіе этого, достаточно замѣтить, что наши фабрики пользуются въ весьма значительной мѣрѣ дѣтскимъ трудомъ. вмѣстѣ съ населеніемъ взрослымъ, на фабрики уходятъ и дѣти школьнаго возраста (отъ 8 до 14 лѣтъ), которыя не могутъ учиться у себя на мѣстѣ, и не учатся во время фабричныхъ работъ, потому что при нашихъ фабрикахъ, за ничтожными исключениями, нѣтъ школъ. Понятно, что дѣти лишены возможности учиться въ той мѣстности, откуда они идутъ на фабричныя заработки, потому что обыкновенно они возвращаются домой на два, на три лѣтнихъ мѣсяца, въ страдную пору, когда не работаютъ грудные младенцы, совсѣмъ малые ребята и дряхлые старики и старухи, и когда и ученіе въ школахъ прекращается. Очевидно, слѣдовательно, что такія дѣти, благодаря фабрикамъ, на всю жизнь должны остаться безграмотными.

Отсюда уже видно, въ чемъ заключается практическая важность затрогиваемаго нами вопроса объ отношеніи фабрикъ къ народному образованію. Въ настоящее время вырабатывается, какъ извѣстно, новый фабричный уставъ, имѣющій регулировать положеніе рабочихъ въ экономическомъ и санитарномъ отношеніяхъ, но справедливо ли будетъ забыть о духовныхъ интересахъ народа? Объ этомъ всего удобнѣе, впрочемъ, поговорить въ заключеніе этой статьи.

II.

На фабрикахъ московской губерніи, осмотрѣнныхъ гг. Эрисманомъ и Погожевымъ, дѣти составляютъ немаловажную, въ количественномъ отношеніи, рабочую силу, притягиваемую изъ уѣздовъ той-же и другихъ губерній. На нѣкоторыхъ фабрикахъ русскаго уѣзда работаютъ почти исключительно дѣти школьнаго возраста; таковы льнопрядильныя фабрики. На бумагопрядильныхъ и суконныхъ мануфактурахъ, на шерсто-и-шелко-теацкихъ фабрикахъ, въ рогожныхъ заведеніяхъ и на страшныхъ для самаго крѣпкаго организма спичечныхъ фабрикахъ дѣтскій трудъ издавна находитъ себѣ широкое примѣненіе. Работать дѣти начинаютъ съ самаго нѣжнаго возраста, съ 6, 7, 8 лѣтъ, и разъ попавъ на фабрику, они навсегда обрекаются въ жертву невѣжеству. Очень жаль, что гг. Эрисманъ и Погожевъ собрали на этотъ счетъ весьма неполныя данныя, а тѣ, которыя имѣются у нихъ, вовсе не обработаны и требуютъ, для приведенія ихъ въ порядокъ, большого труда. На тѣхъ немногихъ фабрикахъ, которыя хорошо обследованы ими въ отношеніи дѣтскаго труда, нѣтъ дѣтей *моложе шести лѣтъ*, но такъ ли это на всѣхъ фабрикахъ московскаго района, не говоря о-петербургскомъ и другихъ, менѣе значительныхъ центрахъ фабричнаго производства? Наконецъ, если такихъ дѣтей не оказалось на осмотрѣнныхъ фабрикахъ въ годъ изслѣдованія, то и отсюда ничего еще нельзя заключать. Въ прежніе годы на тѣхъ-же фабрикахъ, которыя осматривались нынѣ гг. Эрисманомъ и Погожевымъ, попадались курьезные экземпляры *пяти и даже четырехлѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ!* Впрочемъ, въ кустарныхъ мастерскихъ и теперь дѣти такихъ возрастовъ участвуютъ въ работахъ.

На фабрикахъ московскаго уѣзда дѣтей моложе 10 лѣтъ, по счету г. Эрисмана, оказалось 77, и отсюда онъ заключаетъ, что проектированный г. Андреевымъ (въ его докладѣ Обществу содѣйствія русской промышленности и торговлѣ) законъ о запрещеніи

такимъ дѣтямъ работать на фабрикахъ имѣлъ бы слишкомъ ничтожное значеніе (Санит. изслѣд. фабричн. завед. моск. у., ч. I, 82, 198). Но слѣдуетъ замѣтить, что и эта цифра малолѣтнихъ дѣтей вовсе не такъ ничтожна, какъ полагаетъ г. Эрисманъ. Онъ подвергъ изслѣдованію не всѣхъ рабочихъ московскаго уѣзда, а только 20,942 чел., тогда какъ общее число рабочихъ на фабрикахъ этого уѣзда надо принять въ 26,118 чел., такъ что, пропорціонально, дѣтей моложе 10 лѣтъ будетъ около ста (96). Но остаются еще фабрики клинскаго, русскаго, верейскаго, звенигородскаго, подольскаго и другихъ уѣздовъ московской губерніи. Затѣмъ, на фабрикахъ петербургскаго района найдется, вѣроятно, такихъ дѣтей не много менѣе, чѣмъ на всѣхъ фабрикахъ московской губерніи. Наконецъ, нельзя не принять въ расчетъ фабрики владимірской губерніи, отчасти нижегородской. Если принять, что минимумъ всѣхъ дѣтей моложе 10 лѣтъ, работающихъ на всѣхъ русскихъ фабрикахъ, ограничивается 300—350, то и это количество далеко не ничтожно. Вѣдь значительная часть этихъ дѣтей ежегодно исторгается фабрикой изъ среды населенія.

Но спѣшимъ замѣтить, что мы отнюдь не защищаемъ закона, проектированнаго г. Андреевымъ, и, во всякомъ случаѣ, если ужъ плодить фабричные законы, декреты и предписанія, то имъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дать совсѣмъ иное направленіе. Пока, мы желаемъ только выяснить, по мѣрѣ возможности, дѣйствительные размѣры фабричнаго дѣтскаго труда въ Россіи. Для нашихъ цѣлей важны не одни дѣти моложе 10 лѣтъ, но вообще дѣти школьнаго возраста, слѣдовательно, дѣти, имѣющія до 12—14 лѣтъ.

На фабрикахъ московскаго уѣзда дѣти до 14 лѣтъ составляютъ 7,08 проц. (относительно всего числа фабричныхъ рабочихъ). (Санит. изслѣд. Эрисмана, ч. I, стр. 198). Между тѣмъ, на верейскихъ фабрикахъ этихъ дѣтей 12,15 проц., на русскихъ 15,92 проц. (Сборн. стат. свѣд. по моск. губ., т. III, вып. III, А. Погожева, 82, стр. 41, и ч. II, стр. 14), и на клинскихъ 11,45 проц. (Сборн. стат. свѣд. по моск. губ. т. III, вып. I, Эрисмана, 81, стр. 67). Средній процентъ дѣтей, работающихъ на московскихъ фабрикахъ, есть 11,65 проц.. Въ отдѣльныхъ случаяхъ процентъ этотъ значительно повышается; напр., на воскресенской бумагопрядильной мануфактурѣ (верейскаго уѣзда), дѣти составляютъ 18,6 проц., на бумагопрядильной фабрикѣ Балдина и Макарова (клинскаго уѣзда) процентъ ихъ доходитъ до 24, на самоткацко-бумажной фабрикѣ Кашаева (въ томъ-же уѣздѣ) до 20, на спичечной фабрикѣ Захарова и Штрома (одни мальчижи) до 35, на стеклянномъ заводѣ кн. Меншикова до 30 и т. д., Вообще, рѣдкое фабричное заведеніе об-

ходится безъ дѣтей, которыя и родителями „сбываются“ на работу въ огромномъ числѣ, и фабриками принимаются охотно, съ распростертыми объятіями. Но примемъ средній процентъ дѣтей на всѣхъ фабрикахъ Россіи въ 11,65 и попробуемъ опредѣлить численность всѣхъ фабричныхъ дѣтей школьнаго возраста. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, на всѣхъ фабрикахъ европейской Россіи (безъ Финляндіи и Царства польскаго), за исключеніемъ винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ, рабочихъ считается 711,097 (Указат. фабр. и зав., состав. по офиц. свѣдѣн. департам. торговли и мануф. П. А. Орловъ, 81, стр. 695); но эта цифра должна быть значительно увеличена, и мы даже полагаемъ возможнымъ довести ее до 1 милліона. Но если мы ограничимся и 800,000 рабочими, то между ними окажется 93,000 дѣтей учебнаго возраста, или почти 100,000.

Конечно, изъ этого числа дѣтей, ежегодно работающихъ на фабрикахъ, далеко не всѣ безграмотны. Особенно высокъ процентъ грамотныхъ между фабричными дѣтьми въ московскомъ уѣздѣ; здѣсь онъ равняется 30 (Санит. изслѣд. фабричн. завед., Эрисмана, ч. I, стр. 215). Фабрики другихъ уѣздовъ изслѣдованы въ этомъ отношеніи мало. На воскресенской бумагопрядильной мануфактурѣ (въ верейскомъ уѣздѣ) грамотные составляютъ (относительно всѣхъ

*) Содержащаяся въ этомъ изданіи указанія относительно суммы производства и числа рабочихъ, какъ объяснено самимъ составителемъ, доставлены главнымъ образомъ фабрикантами и не провѣрялись, да и, конечно, не могли быть въ точности провѣрены департаментомъ торг. и мануф.. Между тѣмъ, фабриканты, частью по невѣжеству и непониманію предложенныхъ имъ вопросовъ, а всего чаще изъ боязливаго прозрѣнія въ нихъ мнимыхъ фискальныхъ цѣлей, давали отвѣты ложные и, въ большинствѣ случаевъ, уменьшали и сумму производства, и число рабочихъ. Чтобы показать, что это не гипотеза, возьмемъ вышеупомянутую нами воскресенскую бумагопрядильную мануфактуру въ верейскомъ уѣздѣ. По свѣдѣніямъ г. Погожева, собраннмъ на мѣстѣ, путемъ личнаго осмотра, на этой фабрикѣ всѣхъ рабочихъ въ 1881 г. было 2123, а по свѣдѣніямъ вишецитированнаго „Указат. фабр. и зав.“, два года тому назадъ (въ 1879 г.), тамъ было всего 924 рабочихъ, т. е. слишкомъ вдвое меньше. Въ два года, конечно, не могло произойти такой громадной убыли, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, съ 1878 года и почти до нашихъ дней число рабочихъ на всѣхъ фабрикахъ сокращалось и потому можно было-бы ожидать уменьшенія числа рабочихъ въ 81 году сравнительно съ 79 годомъ. Затѣмъ, на шерстопрядильной и сукноткацкой фабрикѣ, по г. Эрисману (80 и 81 г.), рабочихъ 650 чел., а по „Указат.“ всего 107; на роговой фабрикѣ Толкачева г. Эрисманъ считаетъ 500 рабочихъ, а по „Указат.“ ихъ 100; на бумагопрядильной фабрикѣ Крестовниковыхъ, по г. Эрисману, 750 рабочихъ, а по „Указат.“ 470; на даніловской мануфактурѣ въ первомъ случаѣ показано 2000 раб., а во второмъ—1287. Такихъ примѣровъ, вѣроятно, найдется не мало. Независимо отъ этого, мы замѣтили въ „Указат.“ пропускъ многихъ значительныхъ фабрикъ.

дѣтей) 19 проц.; на суконной мауринской мануфактурѣ (верейск. у.) 33 проц.; на бумаго- и - шерстопрядильной фабрикѣ Богомолова (рузскій уѣздъ) 16 проц.; на спичечной фабрикѣ Гессе (рузскій у.), переполненной дѣвочками, грамотныя дѣти составляютъ 6 проц.. Если взять 30 проц. грамотныхъ и исключить ихъ изъ общаго числа дѣтей, то останется около 70 тысячъ дѣтей безграмотныхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти 70 тысячъ малолѣтнихъ труженниковъ навсегда погрязнутъ въ невѣжествѣ. У себя дома, они не могутъ посѣщать школъ, а на фабрикахъ ихъ нѣтъ или почти нѣтъ. Легко, однако, понять, что этимъ не могутъ ограничиваться размѣры невѣжества, поддерживаемаго фабрикой. 70 тысячъ дѣтей сами останутся безграмотными—это несомнѣнно, но, кромѣ того, фабрика затрудняетъ посѣщеніе школъ и дѣтямъ, остающимся на мѣстѣ. Если изъ семьи нѣсколько членовъ уйдетъ на фабрику, то остальные, въ томъ числѣ и дѣти, постоянно бываютъ завалены работой по хозяйству; такимъ дѣтямъ нѣкогда думать о школѣ.

Вотъ важнѣйшая причина, по которой фабрика у насъ играетъ роль антагониста школы и является злѣйшимъ врагомъ народнаго образованія. Задерживая и искажая физическое развитіе организма дѣтей, фабрика вмѣстѣ съ тѣмъ подавляетъ и ихъ духовный, умственный ростъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что она наноситъ существенный вредъ народному образованію еще и въ другомъ отношеніи.

III.

Что дѣлаетъ фабрика для образованія 70 тысячъ безграмотныхъ дѣтей, отдающихъ ей всѣ свои физическія силы и свое здоровье? Ничего, если не считать нѣсколькихъ фабричныхъ школъ, изъ которыхъ однѣ представляютъ педагогическій курьезъ, а всѣ онѣ скорѣе еще болѣе свидѣтельствуютъ о равнодушіи фабрикантовъ къ народному образованію.

Въ московскомъ уѣздѣ, гдѣ сосредоточены богатѣйшія фабрики и заводы, всего-на-всего имѣется шесть фабричныхъ школъ, въ которыхъ, однако, обучаются преимущественно дѣти стороннія, не работающія на фабрикахъ. Въ этихъ шести школахъ учится 383. дѣтей обоюго пола, но между ними только 60 ч. дѣтей работаютъ на фабрикѣ (Санит. изслѣд. г. Эрисмана, стр. 145). Вообще, на фабрикахъ московскаго уѣзда работаетъ 1486 ч. дѣтей, изъ нихъ грамотныхъ 455, слѣдовательно, безграмотныхъ 1031. Изъ этого-то числа безграмотныхъ учится только 60 ч. дѣтей, т. е. около 5%. Но какъ

и чему они учатся? Въ двухъ фабричныхъ школахъ ученіе длится по 2 часа, въ одной школѣ по 1 часу, въ двухъ дѣти учатся по 2 или по 3 часа въ день *черезъ недѣлю* (II) и, наконецъ, въ послѣдней фабричной дѣти вовсе не учатся. Въ таблицѣ г. Эрисмана, подъ рубрикой, показывающей сколько учится въ той или въ другой школѣ собственно фабричныхъ дѣтей, стоятъ два вопросительныхъ знака для двухъ школъ и для одной: нуль. Не значить ли это, что фабричныя дѣти вовсе не учатся не въ одной, а въ трехъ школахъ? Но и въ томъ видѣ, въ какомъ приведены эти факты, они, кажется, достаточно краснорѣчивы.

Въ другихъ уѣздахъ московской губерніи фабричныхъ школъ, повидимому, вовсе не существуетъ. Такое заключеніе мы вывели изъ внимательнаго чтенія описаній отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ. Описывая фабрики клинскаго уѣзда, г. Эрисманъ постоянно дѣлалъ отмѣтки относительно школъ; всѣ эти отмѣтки сводятся къ одному: «школы нѣтъ», «школы при фабрикѣ не имѣется», «ни лавки, ни школы, ни больницы нѣтъ», «школы при фабрикѣ нѣтъ, существовавшая прежде школа закрыта съ 1-го марта 1878 г.» (Сборн. статист. свѣд. т. III, вып. I.). Между тѣмъ, на всѣхъ этихъ фабрикахъ, блестящихъ отсутствіемъ школъ, работаетъ значительное число дѣтей учебнаго возраста. На бумагопрядильной фабрикѣ Валина и Макарова, къ которой относится послѣдняя приписка, въ моментъ осмотра работало 62 малолѣтнихъ, а всего 432 человѣка. На другой фабрикѣ, не имѣющей школы (самоткацкая-бумажная фабрика братьевъ Коуленъ, Красногорова и Капустина) работаетъ 776 человѣкъ и въ томъ числѣ малолѣтнихъ 73. На третьей фабрикѣ (самоткацкая-бумажная Кашаева) малолѣтнихъ рабочихъ 43, но школы нѣтъ. Бываютъ случаи, что хотя рядомъ съ селеніемъ, гдѣ находится фабрика, имѣется земская школа, но фабричныя дѣти не посѣщаютъ ее, и, какъ кажется, главная причина здѣсь—давленіе фабрикантовъ, которые вообще весьма высоко ставятъ дѣтскій трудъ и неохотно расстаются съ нимъ даже на часъ въ день. Это, конечно, вполне справедливо относительно фабрикантовъ московскаго уѣзда, не исключая и тѣхъ, которые завели школы, замѣчательныя, главнымъ образомъ, отсутствіемъ въ нихъ фабричныхъ дѣтей и курьезной системой обученія *черезъ недѣлю*. Навѣрное, ни одному педагогу не приходила въ голову возможность такой самобытной, истинно московской диковинки. Учиться черезъ недѣлю по 2 часа!

При фабрикахъ верейскаго и ружскаго уѣздовъ мы также не встрѣчаемъ школъ, а въ тѣхъ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, когда онѣ попадаются, фабричныя дѣти въ нихъ не учатся. Такъ, воскре-

сенская мануфактура, пользующаяся трудомъ 243 малолѣтнихъ дѣтей, завела таки школу, и относительно порядочную, если судить по описанію г. Погожева. Но дѣло въ томъ, однако, что, по словамъ г-на Погожева, «въ школѣ учатся *только* дѣти, не работающія на фабрикѣ, и, кромѣ того, дѣти нѣкоторыхъ ближнихъ крестьянъ» («Сборн. статист. свѣд. т. III, вып. III, стр. 72). На мѣдно-маникадильномъ заведеніи Шевяхова дѣти не отпускаются въ школу, устроенную земствомъ въ той-же деревнѣ, гдѣ находится и заведеніе Шевяхова, такъ что въ этой школѣ учатся всѣ, кромѣ фабричныхъ дѣтей. На этомъ одномъ примѣрѣ, подобныхъ которому найдется многое множество въ фабричныхъ районахъ Россіи, можно видѣть ясно тормозящее вліяніе фабрики на развитіе грамотности въ народѣ. Стоитъ только въ какомъ нибудь селеніи устроить болѣе или менѣе значительную фабрику или заводъ, и число учащихся необходимо должно понизиться въ этомъ селеніи и въ окрестности его. Крестьянинъ, имѣющій сына, не долго будетъ выбирать между школой и фабрикой; сынъ для него лишній ротъ и пустой желудокъ прежде всего, и уже потомъ темная, требующая образованія голова. Обыкновенно въ фабричномъ районѣ на небольшомъ пространствѣ, часто въ предѣлахъ селенія, не одна, а нѣсколько фабрикъ, и каждая изъ нихъ, обращая свое дѣйствіе на школы, вліяетъ подобно разрѣжающему насосу, оттягивая отъ школы дѣтей и уменьшая и безъ того ограниченную среду грамотныхъ. Такое губительное вліяніе фабрики далеко переходитъ за предѣлы уѣзда и даже губерніи, въ которыхъ она находится. Фабрики московскаго уѣзда гасятъ просвѣщеніе не только въ одномъ этомъ уѣздѣ, но и въ губерніяхъ владимірской, тверской, тульской, рязанской, смоленской и калужской. На эти-же губерніи съ другого бока дѣйствуютъ фабричные насосы разныхъ иныхъ уѣздовъ московской губерніи и, еще кромѣ того, такой обширной вмѣстимости насосъ, какъ Петербургъ. По этимъ причинамъ, какъ въ самыхъ фабричныхъ районахъ, такъ и въ мѣстностяхъ, откуда выходитъ населеніе на фабричные заработки, процентъ грамотныхъ всегда долженъ быть ниже, чѣмъ какимъ онъ могъ-бы быть при отсутствіи фабрикъ или при существованіи достаточнаго количества фабричныхъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что пока фабрики будутъ играть такую печальную роль гасителей народнаго образованія, земствамъ тѣхъ губерній, откуда народъ идетъ на фабричные заработки, нѣтъ причинъ особенно усердствовать по части умноженія школъ, и если-бы имъ захотѣлось оправдать бездѣйствіе, проявляемое ими въ настоящее время въ отношеніи народнаго об-

разованія, то едва-ли они могли-бы сослаться на болѣе благовидный и вѣсскій предлогъ, какъ уходъ населенія на фабрики.

Наша безалаберная статистика народнаго образованія положительно не даетъ въ настоящее время никакой возможности выдѣлать отчетливо изъ ряда причинъ, тормозящихъ успѣхи грамотности, указываемое нами вліяніе фабрики. Это можно сдѣлать только до нѣкоторой степени, отбросивъ всякія притязанія на безошибочность выводовъ, имѣя предъ собою рядъ указаній на положеніе грамотности въ разныхъ мѣстностяхъ. Мы можемъ, какъ намъ кажется, относить иногда разницу въ степени образованія на счетъ причины, о которой теперь идетъ рѣчь. Единственныя данныя относительно грамотности, обнимающія всѣ губерніи, заключаются въ «Статистическомъ Временникѣ» (серія II, вып. 16», 1879), гдѣ приведены цифры учащихся за 1872, 73 и 74 года. Если взять процентныя отношенія (относительно всего населенія) учащихся въ однихъ только народныхъ школахъ за 72 годъ, то мы найдемъ напр., что въ олонецкой губерніи процентъ учащихся есть 1,55%, а въ московской, земство которой и богаче, и усерднѣе печется о народномъ образованіи, этотъ процентъ 1,04. Во владимірской губерніи, гдѣ и своихъ фабрикъ много и откуда населеніе значительными массами уходитъ на московскія фабрики, процентъ грамотныхъ понижается до 0,77, не смотря на сравнительно добросовѣстное отношеніе земства къ народному образованію, чего, наприимѣръ, нельзя сказать о той-же напр., олонецкой губерніи или екатеринославской, гдѣ процентъ грамотныхъ равняется 1,12%. Въ тульской губерніи, гдѣ земство весьма небрежно относится къ народному образованію, процентъ учащихся доходитъ до 1,38, а въ тверской, гдѣ для умноженія народныхъ школъ дѣлается несравненно больше, но откуда много народу идетъ на московскія и петербургскія фабрики, учащіяся составляютъ 1,14%. Въ симбирской губерніи народное образованіе гораздо хуже поставлено, чѣмъ въ московской или, положимъ, въ петербургской, а между тѣмъ, процентъ учащихся въ первой губерніи равняется 1,31, во-второй 1,04, въ третьей тоже 1,04. Во всѣхъ этихъ случаяхъ можно съ большою вѣроятностью предполагать вліяніе фабрикъ.

Если взять иное, болѣе вѣрное мѣрило грамотности и данныя новѣйшія, то мы придемъ почти къ тѣмъ же выводамъ. Въ «Матер. по вопросу о введ. обязат. обуч. въ Россіи, т. I, 1880, стр. 1—26», мы находимъ указанія на процентныя отношенія числа учащихся ко всему числу дѣтей школьнаго возраста во многихъ губерніяхъ. Во владимірской губерніи процентъ этотъ 25, въ олонецкой—21,3, въ московской — 15, въ казанской—36,1, въ туль-

ской, высылающей на фабрики гораздо больше дѣтей, чѣмъ казанская, но меньше, чѣмъ московская, процентъ этотъ 20. Подобныя сближенія, конечно, не могутъ имѣть большого значенія, и приводимъ ихъ больше для того, чтобы показать, что иногда, при сравненіи разныхъ степеней грамотности въ разныхъ мѣстностяхъ, бесполезно вспомнить и о вліяніи фабрикъ, которое обыкновенно игнорируется или, лучше сказать, вовсе не подозрѣвается.

IV.

Зло, о которомъ мы говоримъ здѣсь, не теряетъ, конечно, своей важности оттого, что до сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, оно вовсе не обращало на себя вниманіе изслѣдователей. Это, разумѣется, только одна изъ сторонъ нашего фабричнаго дѣла, одинъ изъ подарковъ фабрики народу за его самоотверженный, кровавый трудъ на пользу. Нѣтъ нужды преувеличивать это зло, даже самымъ ея яркимъ недругамъ фабрики въ ея настоящемъ видѣ, потому что за ней, хотя она у насъ и считается еще нераспустившимся цвѣткомъ, есть множество другихъ, болѣе тяжкихъ грѣховъ; но легкомысленно было бы и не придавать никакого значенія этому злу, этому, въ своемъ родѣ, духовному дѣтоубійству, которое практикуется фабрикой наряду съ дѣтоубійствомъ физическимъ. Зло это далеко не маловажно, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и потому что оно вовсе не случайно, но коренится довольно глубоко въ экономическихъ условіяхъ фабричнаго труда, и едва ли оно скоро уступить натиску тѣхъ или другихъ законодательныхъ мѣръ.

Всего проще, конечно, воспретить закономъ участіе въ фабричномъ трудѣ дѣтей моложе 12 лѣтъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, или даже моложе 14 лѣтъ, какъ установлено въ Швейцаріи. Но гораздо легче законодателю сочинить и написать этотъ законъ, чѣмъ народу перенести всѣ его послѣдствія, особенно тяжкія на первое время *). Фабричный трудъ дѣтей моложе 14 лѣтъ есть, безспорно, безобразнѣйшее явленіе нашего экономического строя, но онъ одинъ, независимо отъ другихъ безобразій, не можетъ быть устраненъ по произволу, безъ серьезныхъ потрясеній въ матеріальномъ быту народа. Въ настоящее время населеніе уходитъ цѣлыми семьями на фабрики, и для многихъ мѣстностей этотъ трудъ служить не-

*) Послѣдствія эти будутъ невыгодны для тѣхъ семей, откуда дѣти въ настоящее время идутъ на фабрики, но трудъ дѣтей замѣнится трудомъ взрослыхъ изъ другихъ семей, для которыхъ и откроется такимъ образомъ новый заработокъ,

обходимымъ подспорьемъ. Если на фабричный заработокъ уходитъ отецъ съ малолѣтнимъ сыномъ, то, разумѣется, семьѣ этой нуженъ и заработокъ отца, и заработокъ сына, такихъ, по крайней мѣрѣ, размѣровъ, чтобы прокормленіе его ничего не стоило. Но оттого, что сынъ этотъ перестанетъ ходить на фабрику, семьѣ не будетъ легче. На фабрикѣ нѣсколько дѣтскихъ силъ замѣнится силой одного взрослого, но этотъ взрослый будетъ уже взятъ изъ другой семьи. Остается нѣкоторая надежда на то, что отъ усиленнаго спроса на трудъ взрослыхъ возрастетъ ихъ рабочая плата, но это, какъ говорится, еще вилами на водѣ писано. Объединеніе народа у насъ быстро подвигается впередъ, и ищущихъ заработковъ въ массѣ населенія гораздо больше, чѣмъ спроса на трудъ.

Другой, болѣе цѣлесообразный, по нашему мнѣнію, законодательный палліативъ могъ-бы быть направленъ къ устройству школъ на счетъ тѣхъ фабрикъ, которыя пользуются трудомъ не менѣе 20—25 дѣтей школьнаго возраста. вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ могъ-бы обязать фабрикантовъ предоставлять малолѣтнимъ дѣтямъ нѣсколько свободныхъ часовъ ежедневно для посѣщенія школы, уже устроенной земствомъ, на примѣръ, въ селеніи, гдѣ находится фабрика. Все это нельзя считать чрезмѣрнымъ отягощеніемъ фабрикантовъ. Если на фабрикѣ работаетъ 20—25 дѣтей, то общее число ея рабочихъ равно 200—300, а годовое производство ея должно простираться приблизительно до 75—100 тысячъ рублей. Конечно, для такой фабрики ежегодная затрата въ 1—1½ тыс. рублей на школу (независимо отъ одновременнаго расхода на ея устройство) не можетъ считаться непосильнымъ бременемъ. Разумѣется, для фабрикантовъ всякіе расходы будутъ нежелательны, но если бы имъ предоставить на выборъ: или перестать пользоваться трудомъ малолѣтнихъ, или завести школу, то они, не колеблясь, выбрали бы послѣднее.

Для такого фабричнаго закона найдется не мало вѣсскихъ мотивовъ. Если вполнѣ справедливо требованіе, чтобы при фабрикахъ, съ рабочимъ населеніемъ извѣстной густоты, были устроены хорошія жилища помѣщенія для рабочихъ, имѣлись-бы бани и больницы, то вполнѣ рационально присоединить ко всему этому и школу, которая самой фабрикѣ будетъ давать болѣе умѣлыхъ и способныхъ рабочихъ. Намъ кажется, что въ данномъ центрѣ фабричнаго производства забота объ образованіи находящагося въ этомъ центрѣ рабочаго населенія должна падать, по всей справедливости, на фабрикантовъ преимущественно, а не на земство, заботы котораго могутъ простираться лишь на мѣстное населеніе. Если, на примѣръ, въ какомъ нибудь селеніи откроется фабрика съ 300

рабочихъ, то, конечно, скорѣе фабрикантъ обязанъ устроить школу, чѣмъ мѣстное земство, ибо на этой фабрикѣ, какъ и на всякихъ фабрикахъ, необходимо явится пришлый элементъ, о которомъ мѣстное земство не имѣетъ возможности заботиться, будучи поглощено попеченіями о нуждахъ собственнаго населенія. И если бы въ такомъ селеніи уже существовала земская школа до открытія фабрики, то содержаніе школы должно-бы быть передано фабрикѣ. Принимая во вниманіе, что земство, располагающее опредѣленными денежными средствами, вообще не можетъ быть обязываемо къ открытію школъ, мы необходимо придемъ къ заключенію, что если еще и фабрики будутъ освобождены отъ этой обязанности, то въ предѣлахъ фабричнаго района масса пришлаго (изъ другихъ уѣздовъ и губерній) люда и часть мѣстнаго неизбѣжно останется безграмотной на всю жизнь. Для всей Россіи эта масса безграмотныхъ, и притомъ только дѣтей до 14 лѣтъ, какъ мы видѣли, выражается весьма почтенной цифрой въ 70 тысячъ. Съ развитіемъ фабричной промышленности должно возрастать и это число безграмотныхъ.

Въ настоящее время у насъ часто слышатся толки о необходимости распространенія среди народа профессиональнаго, практически-ремесленнаго образованія. Но, по большей части, тѣ, кто требуетъ такого образованія, не представляютъ себѣ ясно громадности затратъ, требуемыхъ самыми простыми профессиональными школами. Такія затраты не по карману земству; онѣ могутъ быть по силамъ только фабрикамъ, выигрывающимъ къ тому же отъ профессиональныхъ школъ больше, чѣмъ выигрываетъ отъ нихъ народъ или та часть его, которая занимается самостоятельнымъ кустарнымъ производствомъ.

Но не загадывая о дорогихъ профессиональныхъ школахъ, мы думаемъ, что и то хорошо, если у насъ явится, благодаря фабричному закону, о которомъ идетъ рѣчь, нѣсколько сотъ хорошо устроенныхъ простыхъ начальныхъ училищъ. Основываясь на данныхъ „Указат. фабр. и зав.“, мы полагаемъ, что число этихъ новыхъ училищъ будетъ простираться отъ 400 до 500, если брать въ расчетъ только производства, постоянно пользующіяся дѣтскимъ трудомъ, и фабрики, имѣющія не менѣе 700 рабочихъ.

400 или 500 новыхъ школъ, конечно, лучше, чѣмъ ничего. Помимо этого, законъ можетъ обязать фабрики, на которыхъ работаетъ менѣе 20—25 дѣтей, посылать своихъ малолѣтнихъ рабочихъ въ школу земскую, если она есть въ селеніи, гдѣ находится фабрика. Но, за всѣмъ тѣмъ, все-же останется еще не малая часть фабричныхъ дѣтей, которыя не будутъ имѣть возможности учиться.

Это именно дѣти, работающія на мелкихъ фабричныхъ заведеніяхъ, расположенныхъ въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ школъ. Такихъ дѣтей, какъ кажется, наберется до 2—3 десятковъ тысячъ, если не болѣе. Образование ихъ будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ дѣятельности земства.

V.

Изъ всего, что было сказано о вліяніи фабрикъ на пониженіе уровня народнаго образованія, можно сдѣлать, между прочимъ, такой выводъ, что, при равной заботливости земствъ объ образованіи преимущественно земледѣльческаго и преимущественно фабричнаго населенія, грамотность среди перваго должна быть выше. Въ дѣйствительности такъ и должно быть, хотя и нельзя, по жалкому состоянію нашей статистики, привести точныя подтвержденія такого вывода. Но здѣсь мы хотимъ разъяснить, что съ этимъ выводомъ ни какомъ случаѣ не стоитъ въ противорѣчій извѣстное мнѣніе, — мы-бы сказали даже, фактъ, — что фабричное населеніе вообще развитѣе, смышленѣе и, пожалуй, образованнѣе земледѣльской массы. Прежде всего, въ этомъ мнѣніи есть *нѣкоторая* доля преувеличенія, а затѣмъ, собственно смышленость и бойкость фабричныхъ рабочихъ пріобрѣтаются ими годами городской жизни или, вообще, особой фабричной муштровки. Но и помимо этого, грамотные, дѣйствительно, чаще встрѣчаются на фабрикахъ, и это обстоятельство не только не опровергаетъ вреднаго вліянія фабрикъ на народное образованіе, но, напротивъ, можетъ раскрыть еще новую сторону въ этомъ вліяніи.

Весьма естественно, что грамотная часть населенія охотнѣе и скорѣе неграмотной рѣшается искать заработковъ на сторонѣ. До сихъ поръ нашъ народъ относится съ чрезвычайнымъ, почти суевѣрнымъ уваженіемъ къ грамотному, видя въ немъ силу, которой легко бороться со всякими жизненными препятствіями. „Онъ грамотный, онъ не пропадетъ“, убѣжденно говоритъ народъ. И если въ семьѣ заведется грамотный, онъ преимущественно передъ другими членами высылается на заработки, въ ту или другую столицу или въ какой либо извѣстный центръ фабричной и промышленной дѣятельности. И самъ грамотный далеко не такъ робѣетъ передъ перспективой житья „на чужой сторонѣ“, какъ неграмотный. Понятно, такимъ образомъ, что на фабрикахъ, среди пришлаго населенія будутъ скопляться грамотные, и оттого *процентъ* ихъ будетъ выше здѣсь, чѣмъ въ томъ случаѣ, если-бы они остались дома.

Зависѣть это будетъ отъ того, что между уходящими рабочими процентъ грамотныхъ выше, чѣмъ между всѣми рабочими, до ухода ихъ. Но было бы ошибочно заключать по проценту грамотныхъ среди пришлаго фабричнаго населенія о грамотности въ той мѣстности, откуда это населеніе ушло *). Въ большинствѣ случаевъ процентъ этотъ всегда будетъ выше, чѣмъ процентъ грамотныхъ на родинѣ этого пришлаго населенія.

Ислѣдованіями гг. Эрисмана и Погожева не вполне выясняются вопросы, связанные съ грамотностью фабричныхъ рабочихъ, но мы далеки отъ всякаго намѣренія ставить имъ это въ упрекъ. Вопросы эти, во-первыхъ, не относятся прямо къ ихъ задачѣ и, во-вторыхъ, требуютъ слишкомъ большихъ усилій для правильного ихъ рѣшенія. Особенно важно рѣшить, дѣйствительно-ли грамотные идутъ на фабрики въ большей пропорціи, чѣмъ въ какой они имѣются, до ухода, въ общей массѣ населенія, и если это такъ, то какая именно разница между первой и второй пропорціей. Выше мы высказались въ томъ смыслѣ, что грамотные, и именно муж-

*) Ошибку эту дѣлаетъ г. Эрисманъ въ своемъ „Санитарн. ислѣдов. фабричн. завед. московск. уѣзда“. Онъ, между прочимъ, пытается опредѣлить успѣхи грамотности въ московскомъ уѣздѣ за время съ 1869 по 1881 годы. Грамотныхъ въ 1869 году, г. Эрисманъ опредѣляетъ отношеніемъ числа ихъ ко всему населенію уѣзда, что совершенно рационально; ихъ оказывается 19,21%. Но грамотные въ 1881 году, опредѣляются г. Эрисманомъ отношеніемъ грамотныхъ среди фабричныхъ рабочихъ московскаго уѣзда къ общему числу тѣхъ-же рабочихъ того же уѣзда, что совершенно неправильно; вычисленный такимъ способомъ процентъ грамотныхъ выражаетъ степень грамотности не среди всего населенія московскаго уѣзда, а лишь среди избранной части этого населенія, ушедшей на фабрики, и потому процентъ этотъ нельзя сравнивать съ процентомъ грамотныхъ въ 1869 г. Но г. Эрисманъ сравнилъ, и вывелъ заключеніе. Въ 1869 году грамотныхъ было 19,21%, въ 1881 г.—35,06%; въ этомъ г. Эрисманъ видитъ „весьма отрадное явленіе значительнаго распространенія грамотности въ уѣздѣ со времени переписи (1869 года)“, и черезъ двѣ строчки продолжаетъ: „Безъ сомнѣнія, здѣсь мы имѣемъ передъ собой результатъ полезной дѣятельности земства, обращающаго, какъ показываютъ отчеты уѣздной управы, усиленное вниманіе на распространеніе школъ въ уѣздѣ“ (стр. 214—15). Можетъ быть, московское земство и дѣйствительно поклось объ образованіи, которое могло идти успѣшно, но ни мы, ни г. Эрисманъ, не имѣемъ на этотъ счетъ никакихъ фактическихъ доказательствъ. Справедливо, что въ 1869 г. грамотныхъ въ московскомъ уѣздѣ было 19,21%, но сколько ихъ было въ 1881 году, это неизвѣстно; можетъ быть, столько же, сколько и въ 1869 году, а можетъ быть, и меньше. Вычисленный г. Эрисманомъ процентъ — 35,06 вовсе не рѣшаетъ этого вопроса, показывая только, сколько грамотныхъ было между ушедшими на фабрику рабочими. Между ними могли бы быть всѣ грамотны, т. е. ушли-бы одни грамотные, а неграмотные остались-бы дома. Тутъ отраднаго ничего нѣтъ, и, во всякомъ случаѣ, земство здѣсь рѣшительно не причемъ.

чины, преимущественно передъ неграмотными, пускаются на фабричные промыслы, но мы не имѣемъ положительныхъ фактовъ въ пользу этого предположенія. Съ достовѣрностью можно сказать лишь то, что пропорція грамотныхъ на фабрикахъ и пропорція ихъ на мѣстѣ ихъ родины не могутъ быть одинаковы уже потому, что возрастной составъ на фабрикахъ и на мѣстѣ родины различенъ, а грамотность, какъ извѣстно, тѣсно связана съ возрастнымъ составомъ. Какія перемѣны происходятъ въ возрастномъ составѣ мѣстнаго населенія отъ ухода части его на фабрику — это предметъ, хотя очень любопытный, по крайне сложный, который заставилъ бы насъ слишкомъ далеко уклониться въ сторону.

По даннымъ г. Эрисмана, рабочіе уходятъ на фабрики московскаго уѣзда преимущественно изъ восьми губерній: владимірской, московской, тверской, тульской, рязанской, смоленской и калужской. Наибольшій процентъ грамотныхъ рабочихъ даетъ владимірская губернія—37,79% (относительно всѣхъ владимірскихъ рабочихъ московскаго уѣзда), за ней московская — 25,76%, потомъ тверская—24,37%, тульская—21,84%, рязанская—21,78%, смоленская—18,86%, и калужская—16,58%. Общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ цифръ таково, что между ними нѣтъ большой, рѣзкой разницы, что собственно и должно быть, если повсюду грамотные, преимущественно передъ неграмотными, уходятъ на заработки. Кромѣ того, всѣ эти цифры, повидимому, слишкомъ высоки для того, чтобы судить по нимъ о состояніи грамотности во всѣхъ этихъ губерніяхъ. Напр., владимірская губернія высылаетъ 31,31% грамотныхъ, а по числу учащихъ она, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, занимала и, вѣроятно, занимает и теперь, среди этихъ губерній чуть не послѣднее мѣсто. Откуда, спрашивается, въ ней могутъ браться грамотные, если она имѣетъ такое ничтожное число учащихъ? Безъ сомнѣнія, *на мѣстѣ*, во владимірской губерніи, окажется такъ же мало грамотныхъ, какъ мало въ ней и учащихъ. Но на фабрики она, конечно, можетъ выслать всѣхъ или почти всѣхъ своихъ грамотныхъ, и въ такомъ случаѣ и процентъ ихъ на фабрикахъ окажется громаднымъ, хотя-бы на мѣстѣ ихъ было очень мало. То-же самое можно сказать и относительно другихъ губерній.

Вообще, если нѣтъ прямыхъ доказательствъ въ пользу предположенія, что на фабрики уходятъ преимущественно грамотные, то нѣтъ и фактическихъ опроверженій его; напротивъ, имѣются нѣкоторые косвенныя подтвержденія, не говоря объ обычныхъ наблюденіяхъ, указывающихъ на преимущественную склонность грамотныхъ уходить на поиски за сторонними заработками.

Изъ цифръ г. Эрисмана во всякомъ случаѣ видно, что фабрики *въ полной мѣрѣ* пользуются грамотностью народа. Можно смѣло поручиться, что вообще среди населенія, часть котораго уходитъ на фабричныя заработки, грамотность никакъ не выше, чѣмъ между этой фабричною частью; напротивъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что она ниже на мѣстѣ, такъ что фабрики являются въ этомъ отношеніи истинными пѣнокоснимательницами. Ничего *не производя* въ сферѣ народнаго образованія, насаждая даже, какъ мы видѣли, невѣжество, фабрики, однако, *потребляютъ* въ значительной степени грамотныя силы народа, и въ этомъ заключается не послѣдніе изъ мотивовъ въ пользу понужденія фабрикъ къ устройству школъ.

VI.

Если-бы фабрики только пользовались грамотностью народа — еще куда-бы ни шло. Но существуютъ основанія думать, что онѣ не только потребляютъ, но истребляютъ хищническимъ образомъ грамотныя силы населенія.

Вопросъ въ томъ, возвращаются ли рабочіе съ фабрикъ домой въ томъ-же числѣ, въ томъ-же физическомъ состояніи, въ томъ же здоровьѣ, въ какомъ они ушли на фабрику? Статистика наша и тутъ нѣма настолько, что вопрошать ее бесполезно. Известно, однако, очень хорошо и безъ статистики, что фабрики наши разрушительно дѣйствуютъ на организмъ рабочихъ, калечатъ и увѣчатъ ихъ, доводятъ непомѣрнымъ количествомъ рабочихъ часовъ до крайняго истощенія физическія силы и заставляютъ жить при отвратительныхъ санитарныхъ условіяхъ. Кажется, этого вполне достаточно для усиленія между фабричными рабочими смертности и сокращенія продолжительности ихъ жизни. Но исследователи московской губерніи высказываются на этотъ счетъ съ чрезвычайной сдержанностью. Г. Эрисманъ, вмѣстѣ съ г. Осиповымъ, сомнѣвается въ существованіи *усиленной* смертности въ районахъ фабричнаго производства, но, однако, сомнѣніе это имѣетъ за себя весьма сомнительные факты, какъ отчасти сознается и самъ г. Эрисманъ.

Дѣйствительно, почти невозможно изучать статистически смертность въ крупныхъ фабричныхъ центрахъ. По словамъ г. Эрисмана, на всѣхъ крупныхъ фабрикахъ, не имѣющихъ своихъ больницъ, — а такихъ фабрикъ весьма много, — серьезно заболѣвшіе больные немедленно „разсчитываются“ и увольняются на всѣ четыре сто-

роны. Даже и на такихъ фабрикахъ, гдѣ организована кой-какая медицинская помощь, рѣдкій фабричный больной воспользуется ею; обыкновенно, рабочіе, заболѣвъ, или уходятъ на родину, или попадаютъ въ ближайшія городскія больницы. Поэтому-то, весьма понятно, что въ фабричныхъ районахъ, благодаря гуманной предусмотрительности фабричной администраціи, старающейся „рассчитать“ рабочаго до смерти, всегда все обстоитъ благополучно, никогда не видно серьезныхъ больныхъ, и самая смерть, какъ въ какой нибудь благодатнѣйшей странѣ, является весьма рѣдкой гостьей. Статистиковъ это радуетъ, и они простодушно заключаютъ отсюда, что, значить, какъ ни худо на фабрикѣ, а дома въ деревнѣ,—еще хуже. Разумѣется, дома не сладко крестьянину, который рѣшается искать заработка на сторонѣ. Но дѣло въ томъ, что преимущества фабрики-то весьма сомнительны. Мужикъ голодаетъ дома, голодаетъ и на фабрикѣ, гдѣ, кромѣ того, силы его и весь организмъ изнашиваются гораздо быстрее. Зарботки фабричныхъ крестьянъ вполнѣ фиктивны. Всякій разъ крестьянинъ, предъ уходомъ на фабрику, „собирается“ заработать на фабрикѣ столько-то, и всякій разъ возвращается домой ни съ чѣмъ, часто не имѣя средствъ добраться до дому. И это вполнѣ понятно, при знакомствѣ со всей обстановкой фабричной жизни: фабричная администрація съ своими штрафами и лавка съ ея непомѣрными начетами и архи-жидовскимъ кредитомъ ни въ какомъ случаѣ не дадутъ рабочему принести домой какіе-либо остатки отъ зарботковъ. Слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, все преимущество фабрики сводится развѣ только къ возможности для крестьянина кормиться нѣсколько лучше, хотя и это сомнительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла. Но зато, какой трудъ и днемъ и ночью, какая убійственная гигиеническая обстановка! Не завидны гигиеническія условія въ деревенской избѣ, но все-же это не то, что фабрика, напр. спичечная, табачная или рогожная. Стоитъ посѣтить хоть на 10 минутъ табачную фабрику, нужно видѣть рабочихъ спичечной фабрики съ прогнившими челюстями и постоянно одурманенной головой, чтобы стать втупикъ передъ сомнѣніями гг. статистиковъ насчетъ усиленной смертности рабочихъ, если не на всѣхъ, то на нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, фабрикахъ. Читая описанія отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ, мы постоянно встрѣчаемъ указанія на губительныя условія жизни рабочихъ, на ихъ крайне изнуренный видъ и болѣзненность. Даже на фабрикахъ съ относительно невиннымъ родомъ производства рабочіе представляются заживо погребенными. Напр., при описаніи клинскій бумагопрядильной фабрики Балина и Макарова, г. Эрисманъ говоритъ

о рабочихъ: „Они плохо упитаны, лишены свѣжаго цвѣта лица, съ отпечаткомъ какъ-бы вѣчной усталости, *рано старятся*... Особенно жалкій и положительно внушающій состраданіе видъ представляютъ, почти безъ исключенія, малолѣтніе: даже имѣя сравнительно легкую работу, не требующую значительнаго физическаго напряженія, они крайне изнурены, съ блѣдными лицами и впалыми щеками; многіе изъ нихъ являются истинными страдальцами“ (Сборн. стат. свѣд. по моск. губ. т. III, вып. I, стр. 87). Или вотъ описаніе рабочихъ воскресенской бумагопрядильной мануфактуры: „Большинство рабочихъ.... производило, за немногими исключеніями, крайне тяжелое впечатлѣніе; всѣ рабочіе, въ особенности малолѣтніе, плохо упитаны; мускулатура лишь не у многихъ развита въ достаточной степени; лица поражаютъ мертвеннымъ видомъ и выраженіемъ давнишней истомы и какъ-бы постоянной усталости и апатіи; мужчины и, въ особенности, женщины, часто обнаруживаютъ рѣзкіе признаки малокровія и *преждевременнаго старчества*. Въ отдѣльныхъ случаяхъ... землистый цвѣтъ лица, впалыя щеки, тусклый, апатичный и сонливый взоръ, полусклоненная голова и т. д.“ (Сборн. стат. свѣд., т. III, вып. II, А. Погожева, стр. 81). Бумагопрядильное производство привлекаетъ большинство рабочихъ, но если это большинство подходитъ подъ вышеприведенныя описанія, то, кажется, трудно сомнѣваться въ усиленной смертности среди фабричнаго населенія.

Кстати, не мѣшаетъ обратить вниманіе, что въ описаніяхъ отдѣльныхъ фабрикъ часто попадаются какъ-бы мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, которыя удовлетворительно разъясняютъ, отчего въ московской губерніи не получалось рѣзкихъ указаній на усиленную смертность фабричныхъ рабочихъ. Напр., у г. Эрисмана мы читаемъ: „Относительно заболѣваній между рабочими свѣдѣній никакихъ не имѣется; заболѣвшіе рабочіе никуда не обращаются за медицинской помощью, а *уходятъ на родину*“. Или: „При серьезномъ заболѣваніи они (рабочіе) уходятъ домой“... „Рабочіе, въ случаѣ заболѣванія, уходятъ домой“... „Заболѣвшіе рабочіе обыкновенно уходятъ на родину“... „По заявленію приказчика, заболѣвшіе рабочіе за медицинской помощью никуда не обращаются, а просто уходятъ съ мельницы домой“... „Въ случаѣ заболѣванія, рабочіе отправляются домой“ и т. д. (Сборн. стат. свѣд. по моск. губ. т. III, вып. I). Кажется, понятно, что, при такихъ условіяхъ, никакая статистика не обнаружитъ *усиленной смертности* между фабричными рабочими.

Помимо этого, а также и независимо отъ вышеупомянутой гуманности фабричной администраціи, изгоняющей тѣхъ рабочихъ,

которымъ грозитъ смерть, мы еще должны принять въ расчетъ и ограниченность территории, выбрапной статистиками для изслѣдованія смертности. Въ самомъ дѣлѣ, надо рѣшить: гдѣ сильнѣе смертность, тамъ-ли, гдѣ существуетъ скопленіе фабрикъ или въ мѣстности, преимущественно земледѣльческой? Господа статистики выбрали для изслѣдованія одну московскую губернію, часть которой шла у нихъ за земледѣльческую область, а часть за фабричную. Но почти вся московская губернія наполнена фабриками, и тамъ, гдѣ нѣтъ или мало фабрикъ, найдется множество кустарныхъ мастерскихъ. Разумѣется, въ московской губерніи не повсюду въ одинаковой степени развита фабричная и кустарная промышленность, но все-же, для отчетливости выводовъ, очевидно, необходимо было взять всю московскую губернію, какъ фабричную, и сравнить ее съ другой губерніей, какъ земледѣльческой. Тогда результаты, конечно, должны получиться несравненно болѣе рѣзкіе и явственные. И изъ такого сравненія оказывается, что смертность въ фабричныхъ районахъ вообще выше смертности въ другихъ мѣстностяхъ. Изъ „Указ. фабр. и зав.“ мы видимъ, напр., что по суммѣ производства и числу рабочихъ особенно выдаются губерніи: петербургская, московская, владимірская, а по „Сравнит. стат.“ г. Янсона (т. I, стр. 220), эти-то губерніи имѣютъ наибольшій процентъ смертности. Дальнѣйшія сравненія съ достаточной строгостью подтверждаютъ то-же самое, т. е. зависимость усиленной смертности отъ большаго развитія фабричной промышленности. Такъ, за вышеупомянутыми губерніями, по количеству фабричнаго населенія и размѣрамъ производства, слѣдуютъ губерніи: орловская, тверская, костромская, симбирская, и всѣ эти губерніи выдаются по своей высокой смертности среди остальныхъ губерній съ меньшимъ фабричнымъ производствомъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ необходимо, какъ намъ кажется, согласиться съ тѣмъ, что фабрики въ большей или меньшей мѣрѣ способствуютъ усиленію смертности среди рабочаго населенія, отдающаго имъ свои силы.

VII.

Теперь возвратимся къ нашему предмету. Есть, какъ мы видѣли, основанія, которыя заставляютъ думать, что рабочіе, уходя на фабрику, заключаютъ въ своей средѣ болѣшую пропорцію грамотныхъ, чѣмъ въ какой они встрѣчаются въ общей массѣ рабочихъ, до ихъ ухода. Съ другой стороны, умираютъ-ли рабочіе на фабри-

какъ или-же умираютъ дома, возвратившись съ фабрикъ, но мы можемъ сказать, что фабричная жизнь порождаетъ усиленную смертность между рабочими, что относительно нѣкоторыхъ производствъ это безусловно справедливо и что преждевременная старость, которая въ крестьянскомъ быту едва-ли не хуже смерти, а также сокращеніе жизни и всякаго рода увѣчья, дѣлающія неспособными въ труду, представляются общественнымъ зломъ фабричной жизни.

Отъ совмѣстнаго вліянія этихъ двухъ обстоятельствъ — ухода грамотныхъ въ относительно ббльшей пропорціи и усиленной смертности отъ фабричной жизни — грамотности неизбѣжно наносится ущербъ. Вслѣдствіе дѣйствія этихъ двухъ причинъ уменьшается не только абсолютное число грамотныхъ, но и процентное отношеніе ихъ (ко всему населенію). Для того, чтобы не вдаваться въ пространныя разъясненія, возьмемъ простой примѣръ.

Представимъ себѣ какое-либо селеніе, въ которомъ считается 200 рабочихъ. Пусть грамотные составляютъ здѣсь 45 проц., а обычная смертность не превышаетъ 3 проц.

Изъ этого селенія, положимъ, 150 человекъ уходятъ на фабрики; грамотные-же между этими рабочими пусть составляютъ не 45 проц., а 60 проц., и смертность на фабрикахъ пусть будетъ не 3, а 5 проц..

Въ такомъ случаѣ, въ концѣ года, по возвращеніи рабочихъ домой на нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ селеніи среди всѣхъ рабочихъ грамотные будутъ составлять уже не 45, а 44,7%. Такимъ образомъ, % грамотныхъ понизится на 20,3 въ первый годъ, въ слѣдующій годъ опять на такую же или на большую величину и т. д..

Въ этомъ и заключается другая сторона вреднаго вліянія фабрикъ на народное образованіе. Въ какой степени фабрика понижаетъ процентъ грамотныхъ, это зависитъ главнымъ образомъ отъ разницы въ смертности на фабрикѣ и на мѣстѣ и отъ разницы въ пропорціи грамотныхъ среди уходящихъ рабочихъ и общаго числа ихъ, до ухода.

Отъ одной только разницы въ смертности не произойдетъ пониженія проц. грамотныхъ, если эти грамотные находятся среди уходящихъ рабочихъ въ такой-же пропорціи, въ какой они находятся въ общей массѣ населенія, до ухода на фабрику; равнымъ образомъ, процентъ грамотныхъ не понизится и отъ одной разницы въ пропорціи ихъ среди уходящихъ рабочихъ и общаго числа ихъ, до ухода, если смертность на фабрикѣ и на мѣстѣ одинакова.

Только отъ совмѣстнаго вліянія двухъ указываемыхъ нами обстоятельствъ процентъ грамотныхъ понизится.

Эта послѣдняя сторона вліянія фабрикъ—пониженіе процента грамотныхъ—требуетъ, конечно, большаго фактическаго обоснованія, чѣмъ это намъ удалось сдѣлать. Факты должны быть представлены преимущественно относительно того, дѣйствительно-ли пропорція грамотныхъ среди уходящихъ рабочихъ выше, чѣмъ въ общей массѣ рабочихъ, до ихъ ухода. Въ настоящее же время нельзя и подступиться къ этой задачѣ, по совершенному отсутствію достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ.

Но, во всякомъ случаѣ, остается вполне доказаннымъ то главное вліяніе фабрикъ на пониженіе грамотности, о которомъ мы говорили въ первыхъ главахъ. Вообще, высказанное нами о фабрикахъ, резюмируется въ двухъ положеніяхъ.

Во-первыхъ, фабрика, привлекая къ себѣ дѣтей учебнаго возраста, оттягивая ихъ отъ мѣстныхъ школъ и не давая имъ съ своей стороны никакого образованія, тѣмъ самымъ тормозитъ успѣхи грамотности.

Во-вторыхъ, фабрика, вслѣдствіе господствующей на ней усиленной смертности и преимущественно *) ухода грамотныхъ, понижаетъ процентъ ихъ на мѣстѣ.

VIII.

Въ заключеніе этой статьи скажемъ нѣсколько словъ о проектируемомъ у насъ новомъ фабричномъ уставѣ.

Какое бы ни былъ этотъ уставъ, онъ, безъ сомнѣнія, можетъ имѣть лишь крайне ограниченное, палліативное значеніе. Не уставами создается благосостояніе, и не уставами предотвращается обѣдненіе и нищета народа. На западѣ Европы, напр., въ Англии, образцовые въ своемъ родѣ фабричныя законы нисколько не мѣшаютъ прогрессивному обнищанію рабочихъ массъ, и самыя лучшія санитарныя мѣропріятія не спасаютъ рабочаго отъ преждевременной смерти вслѣдствіе голода, чрезмѣрнаго напряженія силъ и разнаго рода лишеній, обусловленныхъ скуднымъ заработкомъ. Совершеннѣйшій фабричный законъ силою вещей обрекается на неизбѣжную непослѣдовательность: ему придется, напр., хлопотать о доставленіи рабочему чистаго воздуха и совершенно игнорировать

*) Мы уже достаточно пояснили выше смыслъ этого слова; преимущественно, т. е. въ большей пропорціи.

его пустой желудок; онъ будетъ энергически слѣдить за ретирадными мѣстами при фабрикахъ, но ему нѣтъ дѣла до постояннаго жилища рабочаго, если оно не при фабрикѣ, жилища, которое въ большинствѣ случаевъ стоитъ ретирадика по своей грязи, по нечистотѣ отъ чрезмѣрной скученности въ немъ людей. Законъ въ этомъ случаѣ поставленъ въ положеніе врача, старающагося, для очистки совѣсти, продлить хоть на нѣсколько часовъ жизнь больного, мучительную, однако, для него...

Фабричные законы могутъ у насъ, въ Россіи, принести пользу только при томъ условіи, если одновременно съ ними будетъ облегчаться для населенія приложеніе труда *на мѣстѣ* посредствомъ широкихъ экономическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ уменьшенію податныхъ тягостей, къ увеличенію производительности кустарныхъ промысловъ и особенно земледѣлія. Только когда такимъ возвышеніемъ доходности *самостоятельнаго труда на мѣстѣ* подпята будетъ доходность *наемнаго труда на фабрикахъ*, получать смыслъ законодательныя мѣры насчетъ чистоты воздуха, устройства при фабрикахъ больницъ, бань, дѣтскихъ колыбелей и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличеніе фабричнаго заработка можетъ ограничить, скорѣе всего, примѣненіе дѣтскаго труда на фабрикахъ, а это и будетъ наилучшей охраной дѣтей учебнаго возраста отъ невѣжества, разумѣется, при томъ условіи, если и земства не будутъ дремать. Выше мы замѣтили, что законъ, который обязалъ-бы фабрики устраивать школы, все-таки не могъ бы имѣть силы для значительной части фабричныхъ дѣтей. Кромѣ того, ученіе въ фабричныхъ школахъ не предохраняло-бы дѣтей отъ чрезмѣрнаго и преждевременнаго напряженія силъ, не соотвѣтствующаго ихъ возрасту, и это пагубное дѣйствіе фабрики на дѣтей не можетъ окупиться никакими заботами ея объ ихъ образованіи. Совмѣщая интересы образованія съ интересами физическаго здоровья дѣтей, мы необходимо должны будемъ признать за наилучшую комбинацію совершенное отсутствіе дѣтей до 14 лѣтъ на фабрикахъ, но не закономъ предписанное, а какъ естественный результатъ возвышенія фабричнаго заработка взрослыхъ вышеупомянутымъ путемъ увеличенія доходности ихъ самостоятельнаго труда на мѣстѣ.

Если нѣтъ этой комбинаціи, то и всѣ фабричныя законы относительно дѣтей, а равно и тотъ законъ о фабричныхъ школахъ, о которомъ уже была рѣчь въ этой статьѣ, должны имѣть значеніе весьма скромныхъ палліативовъ.

В. Ленскій.

Кое-что объ экономической наукѣ и буржуазной жизни (*).

III.

Протекціонизмъ и фритредерство, это—два направленія хозяйственной политики, которыя вызываются интересами привилегированныхъ классовъ и въ сущности не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ благосостояніемъ. Скорѣй, напротивъ, они имѣютъ своей задачей, путемъ уменьшенія этого *благосостоянія*, увеличить національное *богатство*, т. е. сумму капиталовъ въ рукахъ привилегированныхъ классовъ. Какъ видите, цѣль у нихъ общая, и только средства избираются различныя: съ одной стороны эксплуатація на почвѣ свободной и безшабашной конкуренціи, съ другой—эксплуатація въ рамкахъ принудительной монополіи. Впрочемъ, такой взглядъ уже не диковина въ новой экономической наукѣ. Всѣ послѣдовательные люди давно уже держатся его. Мы укажемъ, напр., читателю на Дюринга, который въ своей «Критической исторіи національной экономіи и социализма» безъ всякихъ обиняковъ называетъ дебаты о свободѣ и покровительствѣ «домашнимъ споромъ старыхъ хозяйственныхъ партій» и высказываетъ слѣдующій взглядъ по этому поводу: «Со времени новѣйшихъ измѣненій социальныхъ отношеній на европейской почвѣ, за исключеніемъ Россіи, гдѣ идеи и факты еще очень отстали, антагонизмъ между покровительствомъ и свободной торговлей можетъ претендовать на значеніе лишь подчиненнаго и отжившаго противорѣчія. Въ соблюденіе всеобщихъ интересовъ при этомъ противорѣчьи не вѣрять болѣе никто, кто изучилъ немножко поинтимнѣе старыя партіи. Обѣ онѣ хотять позивляться добычей на счетъ крупной массы народа; одна партія хочетъ этого на пути искусственной классово-вой монополіи, другая—на пути разнузданной свободной эксплуа-

(*). См. „Дѣло“, № 3.

таціи». (*Kritische Geschichte der National-Oeconomie und des Socialismus, Zweite Auflage, Berlin. 1875, стр. 546*).

Понятно, что, въ такомъ случаѣ, всякій, искренно желающій блага народу, а не возрастанія барышей господамъ землевладѣльцамъ, фабрикантамъ и купцамъ, долженъ стать на высшую точку зрѣнія при оцѣнѣ «домашнаго спора» эксплуататоровъ, а не связывать себя по рукамъ и ногамъ пошлыми и избитыми аргументами двухъ науковъ, которые препираются о томъ, кому изъ нихъ и какъ высосать муху.

Посмотримъ, напр., сначала на аргументы, которые пускаютъ въ ходъ приверженцы свободной торговли, ограничившись, разумѣется, лишь самыми крупными и вѣскими изъ такихъ аргументовъ. Лучше Адама Смита никто не сформулировалъ и не развилъ ученія фритредерства. Обратимся поэтому къ нему, тѣмъ болѣе, что великій шотландецъ искренно стремился ко благу всего населенія, а современные смитовцы норовятъ какъ-бы усыпить профановъ чтеніемъ параграфовъ экономическихъ учебниковъ, да произвести осповательную ревюгнoscировку въ народныхъ карманахъ на началахъ «свободной конкуренціи». Въ IV книгѣ своего изслѣдованія «О природѣ и причинахъ народнаго богатства», авторъ посвящаетъ цѣлыхъ 8 главъ изъ девяти анализу меркантилизма, какъ одной изъ «политико-экономическихъ системъ». Этотъ анализъ ведетъ Ад. Смита къ отверженію меркантильной системы и къ настоятельному требованію перейти къ системѣ свободной торговли, отказавшись отъ всякой протекціи въ пользу туземной промышленности, не говоря уже о «блюденіи» за торговымъ балансомъ и приливомъ въ страну драгоценныхъ металловъ. Смитъ отрицаетъ реальность торговаго баланса. Какой такой балансъ, разсуждаетъ онъ, когда международныя сношенія покоятся на почвѣ взаимной пользы и равенства выгодъ для обоихъ сторонъ. Да и объ деньгахъ не заботьтесь,—будутъ у васъ товары, будутъ и деньги: сами чужестранцы пріѣдутъ въ вамъ покупать ваши продукты и привезутъ вамъ денегъ. Вы только освободите отъ всѣхъ стѣсненій вашу торговлю сношенія съ границей, откажитесь также отъ покровительства туземнымъ промышленникамъ. Самъ естественный ходъ вещей приведетъ къ тому, что вы будете имѣть самый выгодный «торговый балансъ», т. е. будете покупать на дешевѣйшемъ рынкѣ и продавать на самомъ дорогомъ. Но не думайте, чтобъ вы извлекали себѣ пользу изъ обмѣна во вредъ другимъ націямъ. Нѣтъ, и вы, и другія націи будете во взаимной выгодѣ, ибо и другія тоже будутъ покупать на дешевѣйшемъ рынкѣ и продавать на самомъ дорогомъ. Что касается поощренія промыш-

шленности внутри страны, то, повѣрьте мнѣ, ничего изъ этого не выйдетъ путнаго. Вѣдь въ каждый данный моментъ въ странѣ находится извѣстное число капиталовъ, суммой которыхъ необходимо опредѣляется и размѣръ промышленности вообще. При естественномъ ходѣ вещей эти капиталы распредѣляются въ наилучшемъ для общества порядкѣ по различнымъ отраслямъ промышленности, при чемъ это распредѣленіе обусловливается различнымъ количествомъ спроса на предметы той или другой отрасли. Поэтому, если вы создаете путемъ протекціи искусственное оживленіе какой-нибудь туземной отрасли, то вы, во-первыхъ, отклоняете отъ естественнаго распредѣленія по занятіямъ часть капиталовъ, которая отольетъ отъ прочихъ отраслей и прильетъ къ покровительствуемой: въ силу этого часть спроса въ этихъ другихъ отрасляхъ останется неудовлетворенною, что отзовется на умепьшеніи благосостоянія націи. Во-вторыхъ, вы и въ покровительствуемой отрасли не создадите такого приращенія производства и, стало-быть, такого увеличенія спроса со стороны потребителей, чтобы послѣдніе были вознаграждены большимъ удовлетвореніемъ однихъ потребностей за недостатку въ удовлетвореніи другихъ. Ибо, разъ вы создаете протекцію для извѣстной вѣтви туземной промышленности, вы уже этимъ самымъ показываете, что при системѣ свободной торговли она не могла-бы выдержать конкуренціи съ заграничною промышленностью, снабжающею вашъ рынокъ, вашихъ потребителей по болѣе дешевымъ цѣнамъ; а изъ этого слѣдуетъ, что покровительствуемая вѣтвь промышленности, какъ менѣе производительная, сравнительно съ иноземной, будетъ, при большемъ наплывѣ капиталовъ, удовлетворять тому-же количеству спроса со стороны потребителей, какому удовлетворяла иностранная мануфактура, требовавшая меньшихъ затратъ при обмѣнѣ съ вашими потребителями, т. е. меньшихъ капиталовъ. Итакъ, выгоды нѣтъ, а уронъ—опутителенъ. И его несутъ потребители, внося въ цѣнѣ продуктовъ своеобразный налогъ производителямъ. Въ особенности этотъ налогъ тяжело отзовется на рабочихъ классахъ, составляющихъ большинство потребителей.

Этотъ пунктъ одинъ изъ главныхъ во всей аргументаціи Ад. Смита. Поэтому присмотримся къ нему. Прежде всего да позволить намъ читатель заявить дикое въ нашъ просвѣщенный вѣкъ мнѣніе, что торговый балансъ дѣйствительно существуетъ. Чувствуемъ, что этимъ мы потревожили тѣни великихъ экономистовъ и вызвали цѣлый потокъ насмѣшекъ со стороны живыхъ смитовцевъ; чувствуемъ, что мы погубили во мнѣніи всѣхъ либеральныхъ и ученыхъ фритредеровъ... Все, все это чувствуемъ мы и, тѣмъ не

менѣе, исповѣдуемся относительно вѣры въ торговый балансъ. Мы просимъ читателя обратить вниманіе на нижеслѣдующіе резоны. Торговый балансъ, по мнѣнію меркантилистовъ, являлся результатомъ сопоставленія ввоза и вывоза любого государства. Излишекъ ввоза надъ вывозомъ долженъ былъ необходимо покрываться уплатой драгоцѣнными металлами. Государство, которое постоянно покрывало этотъ излишекъ деньгами, непремѣнно должно было бѣднѣть, ибо оно вывозило самый ходкій и цѣнный товаръ, заключавшій въ себѣ, по понятіямъ того времени, самую суть богатства. Такъ думали меркантилисты, рисуя себѣ гибельныя послѣдствія неравенства въ обмѣнѣ между двумя государствами. Мы нисколько не раздѣляемъ мнѣнія меркантилистовъ, что деньги есть самое главное богатство, даже чуть не единственное, а потому въ сущности остаемся довольно равнодушны къ ужасамъ покрытія обмѣна деньгами, но вполне соглашаемся съ ними, что вообще есть неравенство въ международномъ обмѣнѣ и что послѣдствія его дѣйствительно гибельны. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы обращаемъ серьезное вниманіе на торговый балансъ въ этомъ общемъ смыслѣ. Дѣйствительно, припомнимъ одинъ изъ важныхъ законовъ политической экономіи, что на всемірномъ рынкѣ, все равно какъ и на какомъ-нибудь мѣстномъ, не можетъ быть разныхъ цѣнъ на одинъ и тотъ-же продуктъ. Свободная конкуренція неумолимо приравниваетъ цѣны продуктовъ извѣстнаго рода, несмотря на различныя издержки производства, какихъ требовало это производство въ различныхъ мѣстностяхъ и отъ различныхъ производителей. «Общественно-необходимое рабочее время», формулированное К. Марксомъ, имѣетъ значеніе не только на рынкѣ внутри страны, но и на международномъ рынкѣ. Рынку дѣла нѣтъ до того, что русскій затратилъ на производство извѣстной вещи 10 часовъ труда, а англичанинъ лишь 5. Смотря по условіямъ спроса и предложенія, на рынкѣ установится общая цѣна на продуктъ, которая будетъ, напр., заключать въ себѣ 6 часовъ труда, или даже 5. Если условія спроса и предложенія таковы, что русскій можетъ найти сбытъ своимъ продуктамъ лишь по цѣнѣ наименьшихъ издержекъ производства, т. е. въ данномъ случаѣ по англійской цѣнѣ, то онъ будетъ терять на международномъ рынкѣ половину своего труда даромъ, безъ всякаго вознагражденія. Вотъ этотъ-то торговый балансъ и имѣетъ гибельныя послѣдствія для страны, обладающей меньшею производительностію труда. Ибо этотъ балансъ прописывается на спинѣ рабочаго и дефицитъ при обмѣнѣ, вытекающій изъ меньшей производительности труда одной страны, покрывается вывозомъ не драгоцѣнныхъ металловъ, что было-бы еще не бѣда, но вывозомъ здоровья, силы

и счастья народных массъ этой страны. Международная свободная конкуренція обрушивается всею своею тяжестью на трудящійся классъ. Дѣйствительно, представимъ интересующій насъ вопросъ въ формѣ, не столь абстрактной и болѣе приближающейся къ дѣйствительности. Что такой абстрактный русскій, что такое абстрактный англичанинъ? Въ жизни нѣтъ такихъ персонъ. Русскій—это, съ одной стороны, народъ, трудящійся классъ, съ другой—капиталистъ, кулакъ, землевладѣлецъ, словомъ привилегированный классъ. Англичанинъ—тоже съ одной стороны рабочій, съ другой—капиталистъ. Операція международнаго обмѣна должна, значить, продѣлываться между этими не столь абстрактными четырьмя лицами. Предположимъ, что какая нибудь вещь производится въ Англии трудомъ 8 часовъ рабочаго, въ Россіи-же трудомъ 16 часовъ. Русскій и англійскій капиталисты, отсчитавши извѣстную заработную плату своимъ рабочимъ, являются на международный рынокъ въ качествѣ собственниковъ и продавцевъ этихъ вещей. Пусть условія рынка таковы, что вещи этого рода будутъ покупаться по наименьшей, англійской цѣнѣ, по 8 часовъ. Если русскій капиталистъ хочетъ торговать въ свою очередь и не отставать отъ сыновъ коварнаго Альбіона, онъ тоже долженъ продавать свою вещь, стоящую въ сущности 16 часовъ труда, за 8 часовъ. Но вѣдь безъ прибыли русскій капиталистъ не будетъ продавать, равно какъ и англійскій. Предполагая поэтому, что тотъ и другой захотятъ получить одинаковое количество (не говоримъ, одинаковый процентъ) прибыли на каждую вещь, напр., два часа, мы приходимъ къ заключенію, что англичанинъ-капиталистъ достигнетъ этого, если заплатитъ своему рабочему, потратившему на производство вещи 8 часовъ труда, стоимость 6-ти часовъ труда, а русскій капиталистъ—ту-же 6-часовую стоимость своему рабочему, но не за 8, а за 16 часовъ труда. Иначе говоря, русскій капиталистъ только потому получить возможность конкурировать съ англійскимъ на почвѣ свободной торговли, что заставитъ своего рабочаго трудиться вдвое болѣе часовъ, сравнительно съ англійскимъ рабочимъ, т. е. будетъ эксплуатировать его вдвое жесточе. Предѣлы эксплуатаціи опредѣляются вообще лишь степенью податливости рабочаго, потому нѣтъ ничего удивительнаго, если русскій капиталистъ заработаетъ своего рабочаго до полнѣйшаго истощенія силъ ради международнаго рынка. И вотъ, когда на этотъ рынокъ будетъ вывозиться, въ формѣ продуктовъ, рабочая сила народа, его потъ и кровь,—тогда вопросъ о торговомъ балансѣ возстаетъ передъ нами во всей своей ужасающей реальности. Ибо что можетъ быть ужаснѣе и реальнѣе того баланса при обмѣнѣ, который покрывается вывозомъ драго-

цѣннѣйшаго изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ металловъ, — здоровья и счастья народа? Это—равъ.

Затѣмъ, перейдемъ въ другому аргументу А. Смита. Свободная торговля полезна и необходима потому, что при ней является естественное распредѣленіе капиталовъ, и международная конкуренція позаботится о наибольшемъ благѣ потребителя, о дешевѣйшемъ производствѣ и, стало быть, о наиболѣе низкой цѣнѣ продуктовъ. Но вотъ вопросъ: для кого въ особенности является важнымъ эта дешевизна, кто является въ особенности потребителемъ большинства продуктовъ? Разумѣется, рабочій классъ, ибо онъ является представителемъ наибольшаго спроса, составляя большинство населенія. Но какого спроса? Вѣдь спросъ спросу ровъ. Послушаемъ, напримѣръ, Милля: «Но что такое спросъ? Это не простое желаніе имѣть товаръ. Ницѣй можетъ желать имѣть брилліантъ, но какъ-бы велико ни было его желаніе, оно не будетъ имѣть вліянія на цѣну брилліанта. Потому придали слову «спросъ» болѣе тѣсный смыслъ, опредѣляя его такъ: желаніе имѣть, соединенное со средствами купить».' (Основанія полит. экономіи, т. I, русск. изданія, 1874 г., стр. 512). Сопоставимъ съ этимъ объясненіемъ экономиста фактъ, составляющій необходимую принадлежность современнаго капиталистическаго строя, именно, что свободная конкуренція держитъ заработную плату на минимальной границѣ и удѣляетъ изъ рукъ капиталиста рабочему только самое скарденое вознагражденіе. Скажите-же, пожалуйста, какое значеніе можетъ имѣть для рабочаго дешевизна продуктовъ, вызываемая свободной конкуренціей и свободной торговлей, когда онъ не можетъ похвалиться интенсивностью своего спроса, когда у него зачастую „желаніе имѣть“ не „соединено со средствами купить?“ Мы знаемъ, что свободная конкуренція, купно со свободной торговлей, стремится, къ возможно большей дешевизнѣ продуктовъ; знаемъ также, что объ эти сестрицы добиваются этой дешевизны всяческими правдами и неправдами и, между прочимъ, пониженіемъ заработной платы или, по крайней мѣрѣ, ея удержаніемъ на границахъ минимума. Не ясно-ли отсюда, что при современныхъ условіяхъ то, что дается рабочему одною рукою, отнимается у него другою? Не горькая-ли иронія заключается въ томъ, что рабочій получаетъ мало, для того чтобы продукты производства были дешевле, т. е. для того, чтобы онъ получилъ возможность употреблять больше? И не заключается-ли въ этомъ вопіющаго противорѣчія, которое возстаетъ предъ нами во всей своей наготѣ въ эпоху кризисовъ, когда рабочій голодаетъ и бѣдствуетъ потому, что произвелъ слишкомъ много продуктовъ?

Послѣдній выводъ современнаго экономическаго порядка сосгитъ во всемірномъ обмѣнѣ и производствѣ для всего міра.

Необходимымъ дополненіемъ этого вывода является самая ожесточенная конкуренція, а не менѣе необходимымъ слѣдствіемъ послѣдней является голоданіе рабочихъ всего міра, съ цѣлью производства продуктовъ для потребленія этихъ-же самыхъ голодающихъ рабочихъ, ибо они въ совокупности представляютъ громадное большинство потребителей. Таковъ результатъ «естественнаго распредѣленія капиталовъ» и «наибольшей дешевизны продуктовъ для потребителей». Но мало этого. Свободная конкуренція и свободная торговля игнорируютъ дѣйствительными потребностями трудящихся классовъ, которые, не имѣя средствъ предъявить достаточно-сильный спросъ, принуждены довольствоваться наиболѣе низкопробными продуктами, приготовляемыми для нихъ всемірнымъ производствомъ. Рабочіе классы находятся въ положеніи Миллевскаго нишаго, съ тою разницей, что они хотятъ имѣть не брилліанты, а сытную пищу и здоровье жилище, и вмѣсто всего этого получаютъ такія прелестныя условія жизни, что проживаютъ, какъ показываетъ статистика, вдвое менѣе средняго числа лѣтъ привилегированныхъ классовъ. За то не можетъ быть никакого спора относительно того, что политика фритредерства и всяческихъ экономическихъ свободъ какъ нельзя болѣе на руку классу капиталистовъ и вообще предпринимателей, такъ-какъ она даетъ имъ возможность безгранично развивать производительныя силы, безгранично увеличивать свое благосостояніе, рассчитывая на всемірный сбытъ и игнорируя потребностями туземныхъ рабочихъ классовъ.

IV.

„Итакъ, вы за протекціонизмъ?“ спросятъ насъ.—Такъ-же мало, какъ и за фритредерство, отвѣтимъ мы. Ибо стоитъ присмотрѣться къ системѣ покровительства внутренней промышленности, чтобы понять, что и здѣсь дѣло идетъ лишь объ обогащеніи привилегированныхъ сословій. Суть этой системы заключается въ томъ, чтобы *при данныхъ условіяхъ дѣйствительности* развить производительныя силы страны до возможности конкурировать съ заграницей, до возможности ступить позже на тотъ-же самый путь свободной торговли, который теперь пока порицается.

Если оставить въ сторонѣ идеализированіе современныхъ партій и обратить вниманіе на историческую сторону вопроса, то мы дѣй-

ствительно почти всегда увидимъ, что протекціонная система была чѣмъ-то въ родѣ теплицы, гдѣ первоначально выхоливалось древо капитализма, а затѣмъ, по достиженіи извѣстнаго роста и крѣпости, это древо пересаживалось на почву свободной торговли. Такъ было, напримѣръ, въ Англіи, какъ ясно показываетъ трудъ г. Янжула, такъ было и будетъ вездѣ, гдѣ находятся въ силѣ условія современнаго экономическаго режима. Сообразите, дѣйствительно, слѣдующее. Существуетъ общество рутиннаго историческаго типа, общество, слагающееся изъ представителей капитала и неимущихъ рабочихъ или, вообще, трудящихся классовъ. Центръ тяжести его экономической политики лежитъ въ стремленіи развитіи классовое богатство привилегированныхъ сословій.

Всѣ мѣры для этого хороши, включая сюда и лишеніе народа экономическаго благосостоянія. И обыкновенно мы и въ дѣйствительности видимъ, что богатство дирижирующихъ классовъ растетъ на счетъ уменьшенія благосостоянія трудящейся массы. Этотъ фактъ тянется красной нитью чрезъ всю исторію. Однако, развитіе богатства на верхушкѣ общественной пирамиды должно опираться либо на болѣе примитивныя формы присвоенія, либо на экономическіе факторы болѣе мирнаго характера. Съ теченіемъ времени опорнымъ пунктомъ привилегированнаго капиталовладѣнія являются эти послѣдніе факторы. Возрастаніе богатства становится возможнымъ лишь путемъ производства, путемъ удовлетворенія экономическимъ потребностямъ населенія.

Общественное раздѣленіе труда и рынокъ для сбыта продуктовъ являются, уже по мнѣнію Ад. Смита, необходимыми условіями для увеличенія производства и, стало быть, богатства привилегированныхъ классовъ. Большое раздѣленіе труда усиливаетъ производительность его, удешевляетъ продукты и увеличиваетъ спросъ, т. е. расширяетъ рынокъ. Расширеніе рынка, въ свою очередь, дѣлаетъ возможнымъ дальнѣйшее раздѣленіе труда, т. е. увеличеніе его производительности. Изъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ вытекаетъ ростъ производства и, стало быть, при данномъ экономическомъ *statu quo*, увеличеніе богатства имущихъ классовъ. Отсюда само собою понятно, что съ теченіемъ времени условія сбыта, рынка, являются вопросомъ жизни или смерти для капиталовладѣльцевъ, ибо само раздѣленіе труда, какъ его понималъ Ад. Смитъ, начинаетъ играть роль лишь внутри общества, а на фабрикѣ, у отдѣльнаго капиталиста, замѣняется крупнымъ машиннымъ производствомъ съ раздѣленіемъ функций не столько между отдѣльными рабочими, сколько между отдѣльными частями машиннаго механизма.

Читатель не затруднится, разумѣется, понять, что главными представителями спроса, главнымъ рынкомъ для сбыта являются тѣ самые трудящіеся классы, которые за известную плату нанимаются капиталистами для производства. Но, на основаніи сказаннаго нами уже выше, отсюда слѣдуетъ неоспоримо, что туземные рабочіе, внутренній рынокъ, не представляютъ собою надлежащихъ гарантій для расширенія сбыта, а между тѣмъ, это расширеніе—*conditio sine qua non* возрастанія богатства имущихъ сословій. Приходится поэтому разсчитывать въ концѣ-концовъ на всемірный рынокъ и выдерживать здѣсь конкуренцію съ другими, можетъ быть, болѣе искусными производителями. Значить, нужно прежде всего маленько повозмужать, поокрѣпить, увеличить производительность своего труда, чтобы отважиться появиться на всемірномъ рынкѣ. Но какъ это сдѣлать? Нужно, какъ никакъ, опереться сначала на свой внутренній рынокъ, а для этого нужно сировадить съ него по-добру, по-здорову туземныхъ конкурентовъ и создать монополію себѣ среди своихъ земляковъ. Разумѣется, это очень выгодно. Внутренній рынокъ, состоящій въ большинствѣ изъ туземныхъ же рабочихъ, хочешь-не-хочешь, будетъ потреблять продукты производства по болѣе дорогой цѣнѣ и дастъ тѣмъ самымъ возможность расширить производство и развить производительность труда. Затѣмъ, когда необходимое умѣнье и большая степень продуктивности достигнуты, можно и должно попытаться счастья на полѣ 'свободной торговли. И это вполне логично. Ибо сами условія экономической дѣйствительности таковы, что мѣшаютъ и даже приводятъ просто къ логическому абсурду стремленіе опираться исключительно, или даже болѣе, на внутренній рынокъ, сравнительно съ международнымъ. Мы уже говорили, что большинство потребителей, слагающееся изъ рабочихъ классовъ, своимъ механизмомъ капиталистическаго строя ограничивается въ своемъ потребленіи, по скудости вознагражденія, получаемого имъ въ видѣ заработной платы.

Итакъ, протекція имѣетъ свою цѣль, путемъ поднятія цѣнъ на продукты, значить, путемъ жертвъ со стороны рабочаго класса или вообще народа, дать возможность капиталовладѣльцамъ расширить свое производство, увеличить свое богатство и усилить производительность труда. Для чего? Для того, чтобы господа капиталисты могли затѣмъ съ успѣхомъ конкурировать на международномъ рынкѣ и получили, такимъ образомъ, способность работать на потребленіе другихъ странъ, игнорируя мало годный къ расширенію внутренній рынокъ, т. е. иначе говоря, игнорируя потребности туземныхъ рабочихъ. Конечно, въ этой политикѣ заключается не-

малая нелѣпость, ибо погоня за удовлетвореніемъ спроса иноземнаго населенія и пренебреженіе своимъ ведетъ ко всемірнымъ кризисамъ, но вѣдь отъ этого для всемірнаго рабочаго или для „все-мужика“, какъ выразился-бы покойный Достоевскій, ничуть не легче. Возвращаясь къ протекціи, мы видимъ, что она, по внутреннимъ пружинамъ современнаго экономическаго строя, ведетъ къ свободной торговлѣ, къ хозяйственной анархіи и хозяйственному «нигилизму»,—и это путемъ временной монополіи и вздорожанія продуктовъ, которое отражается на ухудшеніи положенія народа. Теперь вопросъ: затѣмъ-ли трудящіеся классы должны нести этотъ своеобразный налогъ на потребленіе и въ пользу промышленниковъ, чтобы придти къ роковой развязкѣ,—всемірной торговлѣ, всемірнымъ кризисамъ, всемірной эксплуатаціи? А не придти къ этой развязкѣ нельзя, потому что современный капиталистическій строй, ограничивающій потребленіе рабочаго минимумомъ средствъ существованія, не можетъ держаться на производствѣ, которое было-бы рассчитано на туземныхъ рабочихъ, ибо сильнаго спроса послѣдніе не могутъ предъявить.

«Но, возразятъ намъ гг. протекціонисты, мы полагаемъ, что этой бѣдѣ помочь легко. Когда согласится принять нашу систему, когда туземная промышленность не будетъ встрѣчать опасныхъ конкурентовъ въ лицѣ иноземцевъ на внутреннемъ рынкѣ, тогда капиталисты будутъ рассчитывать съ рабочими по божески, будутъ вознаграждать ихъ болѣе обильной заработной платой. Посему рабочіе явятся надежными и сильными потребителями продуктовъ». На это мы отвѣтимъ лишь, что можно идеализировать вещи, какъ угодно, но этимъ далеко не убѣдишь человѣка, хорошенько вдумавшагося въ современный режимъ. А главное, было-бы крайне нелогично требовать или даже просто ждать, чтобы извѣстныя пружины капиталистическаго строя стали дѣйствовать иначе подъ сѣнію охранительства и покровительства. Надѣмся, что самые рьяные гг. протекціонисты не могутъ требовать уничтоженія свободной конкуренціи и внутри страны. Ибо это было-бы или возвращеніемъ къ цехамъ среднихъ вѣковъ, что фактически противорѣчить успѣхамъ современной техники и крупной промышленности, или же это достижимо лишь на пути социалистической и даже коммунистической формы производства. Но гг. протекціонисты—люди благонамѣренные. Хоть Фредерикъ Бастиа и оклеветалъ приверженцевъ протекціи въ принадлежности къ «совѣту нечестивыхъ», къ коммунистической партіи (см. его «Melanges», t. II, въ особенноти article: «Protectionisme et communisme», стр. 45—79), но вѣдь это лишь цвѣты фритредерскаго краснорѣчія. На самомъ дѣлѣ, гос-

пода протекціонисты подписываются обѣими руками подъ всѣми послылками и выводами «существующаго строя», за исключеніемъ свободной международной конкуренціи. Какъ истые націоналисты и враги всемірнаго гражданства, они желаютъ, чтобы туземнаго рабочаго обрабатывалъ капиталистическимъ способомъ и туземный предприниматель: вотъ и вся разница. Но если это такъ, то по отношенію ко внутреннему рынку вполнѣ примѣнимы законы капиталистической продукціи. Примѣнимо, напр., вполнѣ, что каждый производитель движется въ дѣлѣ производства личною выгодой, ибо примѣнимъ вообще смитовскій афоризмъ, что «всякій человѣкъ старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала», что «онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу» (т. II, русскаго изданія 1866 г. „Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, стр. 261); примѣнимо, далѣе, и положеніе Рикардо, что «размѣръ того, что можетъ быть дано въ качествѣ задѣльной платы, есть дѣло величайшей важности для вопроса о прибыли, ибо очевидно, что она должна быть высока или низка, смотря по тому, насколько высока или низка задѣльная плата» (Начала пол. экономіи въ русскомъ изданіи «Сочиненій», Кіевъ. 1873. Выпускъ 1, стр. 14); примѣнимо далѣе, наконецъ, и другое положеніе Рикардо: «естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію» (ibid. стр. 54—55).

Иначе говоря, и при протекціи рабочій будетъ жить «вообще» не лучше и не хуже своего положенія при свободной торговлѣ, ибо дѣло не во внѣшней обстановкѣ, а въ самыхъ пружинахъ капиталистическаго строя. Пока не измѣнятся эти пружины, до тѣхъ поръ будетъ капиталистъ, будетъ рабочій, будетъ «железный законъ» заработной платы. Полагаемъ, что гг. протекціонисты никоимъ образомъ не докажутъ, что этотъ железный законъ растаетъ, какъ воскъ, предъ лучами восходящаго солнца покровительственной системы; послѣдняя есть не болѣе какъ особый методъ, покровительствовать капиталу, а трудъ играетъ здѣсь роль крайне-жалкую. Словомъ, что и какъ ни говори, но протекціонизмъ, подобно манчестерству въ концѣ концовъ, начинаетъ бросать любовные взоры на, всемірный рынокъ, повертываясь спиной къ туземнымъ потребителямъ.

Но протекціонисты, какъ извѣстно, любятъ очень часто вползать въ свои разсужденія цвѣты привѣтствія и комплиментовъ народу, сопровождая этотъ процессъ плетенія соболѣзнованіями и выраженіями заботъ о народномъ благѣ. Такъ-какъ настоящее время есть время «народной политики» и такъ-какъ теперь только мертвый не растекается въ горячихъ слезахъ и жалостныхъ словахъ

по поводу положенія народа, то не бесполезно разсмотрѣть суть народничанья протекціонистовъ на двухъ-трехъ частныхъ вопросахъ. Не мѣшаетъ только оговориться. Есть друзья и друзья народа. Однако, и здѣсь вѣрно, что «старый другъ лучше новыхъ двухъ». Лучшую и прогрессивнѣйшую часть литературы шестидесятихъ годовъ, которая и теперь имѣетъ своихъ продолжателей, можно смѣло назвать старымъ другомъ народа. Но давно-ли русскіе крѣпостники и плантаторы влучились говорить о «мужикѣ»?! Давно-ли Колупаевы и Разуваевы, засучивъ рукава, стали доказывать тезу: «и мы-ста изъ народа»?!..

Старый другъ могъ прежде полагать, исходя изъ признанія общины и вообще отрицанія капиталистическаго строя, что интересы русскаго народа могли тѣмъ не менѣе удовлетворяться, между прочимъ, при помощи свободной международной торговли. Черезъ 20 лѣтъ этотъ старый другъ могъ прійти, можетъ быть, къ заключенію, что, исходя изъ тѣхъ-же основаній, теперь было-бы умѣстнѣе ступить на путь покровительства. Но это далеко не значило-бы стать въ ряды чистокровныхъ протекціонистовъ. Старый другъ, приди онъ къ упомянутому заключенію, все-таки стоялъ-бы на отрицаніи капиталистическаго строя; онъ прямо заявилъ-бы, что желаетъ покровительства народу, а не капиталистамъ, чисто-народной промышленности, напр., кустарному производству, а не капиталистической продукціи. Тогда можно было-бы соглашаться или не соглашаться съ этимъ, полагать, напр., что народныя интересы плохо соблюдаются не потому, что существуетъ свободная торговля, а вообще потому, что ходъ общественной жизни развивается въ направленіи къ капитализму; но нельзя было-бы отрицать надлежащей точки зрѣнія на предметъ,—точки зрѣнія народнаго блага.

Но, право, когда, выражаясь словами Гейне,

... die Vipern Liebe girren
Und Wolf und Esel Freiheits Lieder flöten,

„когда ехидны воркуютъ о любви, а волкъ и осель заливаются пѣснью свободы“, мнѣ становится не по себѣ. Чистокровные протекціонисты только говорятъ о народѣ и его благѣ, но содержаніе, сущность ихъ программы анти-народны. Все дѣло заключается, по ихъ мнѣнію, въ покровительствѣ крупной промышленности, въ протекціи гг. капиталистамъ, въ обезпеченіи за ними возможности окрѣпить хорошенько на счетъ потребителей на внутреннемъ рынкѣ, чтобъ затѣмъ „не посрамить земли русской“ на полѣ капиталистической конкуренціи съ заграницей. Пусть читатель припомнитъ, напр., всѣ толки, которые поднялись года полтора тому по поводу измѣненій въ тарифѣ на металлическое сырье и желѣзныя

издѣлія, ввозимыя изъ-заграницы. Пусть еще лучше читатель обратится къ болѣе раннему времени, къ эпохѣ „сѣзда главныхъ по машиностроительной промышленности дѣятелей“. Пусть онъ развернетъ, напр., „Труды“ этого сѣзда и „Труды комиссіи, учрежденной при Русскомъ техническомъ Обществѣ для изслѣдованія положенія въ Россіи машиностроенія etc“. Предо мной лежатъ, напр., „Труды“ этой комиссіи и второй выпускъ трудовъ самого сѣзда („Стенографическіе отчеты засѣданій“. Спб. 1875). Перелистывая то, что попало въ печать, ясно видишь, что здѣсь дѣло шло не о народѣ, хотъ говорилось о немъ много, своевременно и безвременно, говорилось до надсада горла, до потери голоса, говорилось до того, что одинъ изъ ораторовъ выразился даже по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Всѣ мы постоянно говоримъ о пользѣ народа, но приходимъ все къ какимъ-то страннымъ выводамъ и заключеніямъ. Послушавъ двухъ-трехъ ораторовъ, мы вполне убѣдимся, что ни одна изъ предлагаемыхъ мѣръ не идетъ на пользу народа“. (Журналы засѣданій по отдѣленіямъ. Засѣданіе 1 отдѣленія сѣзда 29 апрѣля, стр. 73). Дѣйствительно, здѣсь о такихъ непрактичныхъ утопіяхъ, какъ мѣры, направленныя къ реальному благу народа, и не заходила рѣчь. Трепались лишь „общія мѣста“ о пользѣ народной, и о томъ, съ чѣмъ она болѣе согласима, — съ эксплуатаціей-ли на началахъ свободной международной конкуренціи, или съ эксплуатаціей на началахъ національной монополіи. Все же, что не имѣло характера „общихъ мѣстъ“, представляло собой чисто-домашній разговоръ гг. капиталистовъ и ихъ препирательства по поводу столкновенія между собою интересовъ различныхъ группъ предпринимателей. Владѣльцы машино-строительныхъ и чугунолитейныхъ заводовъ говорили, напр., о томъ, что имъ очень хочется повышенія пошлины на заграничныя машины, но что отсутствіе пошлины для заводчиковъ на заграничный чугунъ является вещью прекрасною и всегда желательною. Нѣкоторые вздумали, было, доказывать свое безкорыстіе въ этомъ отношеніи, говоря, что они готовы отказаться отъ привилегіи беспошлиннаго полученія сырья даже въ случаѣ отказа на повышеніе пошлины на машины. Но, за исключеніемъ г. Нобеля и еще немногихъ, всѣ остальные заводчики заявили, что они согласны на такое измѣненіе лишь за повышеніе машинныхъ пошлинъ. И въ самомъ докладѣ комиссіи значилось, что „заводчики должны быть вознаграждены за свой отказъ“. (Общее собраніе 10 мая, стр. 83—84). Желѣзнодорожники трактовали о необходимости получать изъ-за границы машины и сырье по возможно-умѣреннымъ цѣнамъ и потому отрицательно относились къ пошлинамъ. Горнозаводчики вопіали о необходимости

не потакать машиностроителямъ и обложить сырье изрядной пошлиной, чтобы дать возможность развиться русской горной промышленности. Словомъ, всѣ заботились о томъ, какъ бы доказать свое право на болѣе лакомый кусокъ; народъ-же, несмотря на то, что о немъ много говорили здѣсь, игралъ пассивную роль. Одинъ изъ участвовавшихъ на съѣздѣ съ чисто-джентльменской развязностью началъ даже говорить за народъ въ томъ смыслѣ, что „для каждаго русскаго работника“ ничего «не значить пошлина на желѣзо», которая «уменьшаетъ его денной заработокъ»: вытерпите, молъ,—не баринъ! (Засѣд. 29 апрѣля, стр. 59). По временамъ, даже способъ выраженія «главныхъ дѣателей съѣзда» выдавалъ, что въ душѣ они очень мало думали о народѣ. Одинъ изъ ораторовъ, свидѣтельствуя, между прочимъ, почтеніе кой-кому отъ лица фабрикантовъ и заводчиковъ, въ заключеніе своей рѣчи вѣрно высказалъ свой взглядъ на значеніе предлагавшихся мѣръ для блага промышленности: онъ заявилъ, что эти мѣры должны быть приведены «въ соотвѣтствіе съ промышленными интересами всего русскаго общества» (Общее собраніе 22 апрѣля, стр. 15), т. е. привилегированныхъ классовъ,—ибо «народъ», «мужикъ»—какое-же «общество»?

Вообще, просмотрѣвши толстые выпуски «Трудовъ» съѣзда и комиссіи, читатель придетъ къ глубокому убѣжденію, что вездѣ рѣчь шла о промышленности и, притомъ, крупной, заводской и фабричной, а не о народѣ и его интересахъ. Попробуйте, дѣйствительно, съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія присмотрѣться къ протекціонизму, какъ онъ выражается въ требованіи покровительства «національной промышленности». Что это за національная промышленность? Промышленность крупная, капиталистическая, держащаяся на вольнонаемномъ трудѣ и предполагающая существованіе неимущаго, обезземеленнаго рабочаго. Скажите на милость, что сдѣлаемъ мы своимъ покровительствомъ этой промышленности? А вотъ что. Мы поставимъ ее путемъ налога на потребителей въ болѣе выгодныя условія; мы дадимъ ей возможность съ большимъ успѣхомъ раздавливать мелкую, кустарную форму производства, питающую народъ; мы увеличимъ ея способность притягивать къ себѣ такимъ манеромъ большой контингентъ рабочаго люда и разрывать его связь съ землей. Все это, какъ нельзя болѣе, на руку нашимъ туземнымъ капиталистамъ, но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни истиннаго покровительства трудовому началу.

Однако, протекціонисты разсуждаютъ, особенно со временъ Кери, что нельзя-же вѣчно странѣ оставаться земледѣльческой, ибо, обмѣниваясь съ границей хлѣбомъ и получая за него мануфак-

турныя произведенія, земледѣльческая страна терпитъ двойной ущербъ. Во-первыхъ, она обременяетъ *производителей* (sic!) хлѣба транспортными расходами на перевозку громоздкихъ продуктовъ земледѣлія. Во-вторыхъ, она вывозитъ за границу свою почву, свою кормилицу, не получая взамятъ достаточнаго вознагражденія въ плодосныхъ элементахъ, и потому, наковецъ, истощается. А на основаніи вышесказаннаго, протекціонисты требуютъ заведенія своей собственной промышленности, которая будетъ служить внутреннимъ рынкомъ для земледѣлія.

Пусть будетъ такъ. Посмотримъ, однако, что изъ этого выйдетъ, предполагая коренныя условія экономической дѣйствительности неизмѣненными. Прежде всего мы напомнимъ читателю, что характеръ современнаго строя очень отчетливо выражается въ ограниченіи потребленія рабочаго самымъ необходимымъ. Такова тенденція законовъ, управляющихъ заработной платой. Отсюда слѣдуетъ, что туземная промышленность очень скоро будетъ удовлетворена продуктами земледѣлія, ибо каждый изъ рабочихъ, занятыхъ ею, ограничиваетъ свой спросъ величиной заработной платы. Результатомъ этого должно получиться одно изъ двухъ. Или избытокъ хлѣба долженъ попрежнему направиться за границу и попрежнему истощать своимъ вывозомъ почву страны, или, въ случаѣ запрещенія вывоза хлѣба,—что дѣйствительно проектировали кой-какіе господа недавно и у насъ,—остаться на мѣстѣ. Но тогда цѣна его должна пасть. Разъ цѣна пала, то и заработная плата рабочихъ, занятыхъ промышленностью, падеть, по закону конкуренціи, до уровня, указаннаго Рикардо. Въ результатъ получится только повышеніе прибыли предпринимателей. Вскорѣ затѣмъ наступитъ постоянное переполненіе хлѣбнаго рынка, экономическая гипертрофія; капиталистическое хозяйство приведетъ быстро страну къ глухой стѣнѣ; она упрется въ невозможность совершать правильный обмѣнъ продуктовъ.—Какъ, почему? спросятъ насъ. Вѣдь, если будетъ произведено одинъ разъ слишкомъ много хлѣба, то другой разъ этого не будетъ; излишекъ труда направится на промышленность. Но вѣдь вся штука въ томъ, что и продукты промышленности имѣютъ извѣстную границу спроса на нихъ. Этотъ спросъ, главнымъ образомъ, опредѣляется спросомъ громаднаго большинства населенія, трудящихся классовъ. Но спросъ со стороны этихъ классовъ опредѣляется величиной ихъ заработной платы. Ясно, что мы приходимъ опять къ глухой стѣнѣ. Капиталистическое хозяйство съ одной стороны уменьшаетъ заработную плату до уровня необходимыхъ средствъ къ жизни, съ другой стороны—тщетно рвется расширить производство, не находя достаточно потребленія со стороны боль-

шинства населенія, живущаго именно заработной платой. Является несоотвѣтствіе производства съ потребленіемъ, является кризисъ промышленности, на который уже указывалъ Сисмонди въ своемъ классическомъ примѣрѣ о водоносахъ. Протекціонизмъ-же превращаетъ этотъ кризисъ въ хроническій, и въ то время, какъ склады будутъ ломиться отъ избытка продуктовъ, громадное большинство населенія будетъ бѣдствовать, не получая именно по случаю кризиса заработной платы. Но къ чему-жъ тогда, спросите вы, посредничество лицъ, дающихъ заработную плату? Если населеніе страны слишкомъ много произвело, то пусть оно побольше и потребить. Такая постановка вопроса ведетъ уже къ отрицанію капиталистическаго строя.

Мы не будемъ входить болѣе въ разсмотрѣніе протекціонизма съ частныхъ сторонъ. Подобно свободной торговлѣ, протекціонизмъ оказывается такъ-же мало способнымъ поднять благосостояніе народа, какъ и прочно поставить на ноги ходъ промышленности. Могутъ быть частные случаи, свидѣтельствующіе яко-бы о пользѣ протекціонизма для рабочихъ классовъ, напр., въ Америкѣ, но не нужно забывать, что здѣсь играютъ роль вообще многія побочныя условія, которыя не даютъ капитализму проявиться во всей своей силѣ, а отнюдь не покровительственный тарифъ. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ, напр., такого относительнаго обилія земель, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и притомъ земель, доступныхъ обработкѣ на основаніи всѣхъ приобрѣтеній культуры. Эти выгодныя побочныя условія заставляли уже довольно давно и довольно многихъ экономистовъ смотрѣть на Америку, какъ на рай для рабочихъ классовъ. Уже въ 1867 г. служба швейцарской буржуазіи, профессоръ Вемертъ въ одномъ изъ своихъ рефератовъ (*Uortrag über das Uerhältniß von Arbeiter und Arbeitgeber, Zürich, 1868, стр. 5*) утверждалъ, что въ Америкѣ нѣтъ «рабочаго вопроса» и что тамъ «соціальныя задачи въ быстрой смѣнѣ отношеній разрѣшаются сами собою». Менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ, вслѣдъ за вѣнскимъ крахомъ 1873—74 гг., міру благодушныхъ буржуа пришлось увидѣть «рабочій вопросъ» въ Америкѣ въ формѣ колоссальнѣйшей стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которымъ доказывали законъ спроса и предложенія не цитатами изъ экономистовъ, а залпами изъ солдатскихъ ружей.

Вообще, не мѣшало-бы хорошенько присмотрѣться къ Америкѣ и не приписывать большее благосостояніе ея рабочихъ классовъ исключительно началамъ протекціонизма.

«Итакъ, вы за свободную торговлю»? *Delenda Carthago est*, а тамъ пусть самъ народъ рѣшаетъ, когда и при какихъ условіяхъ

полезно покровительство или свобода. Истинно-народная политика должна исходить изъ принципа, противоположнаго современному— это главное; что касается до формъ сношенія одного народа съ другимъ, то принять ту или другую будетъ зависетьъ отъ тѣхъ условій, среди которыхъ народу, раньше всѣхъ успѣвшему стать на путь чисто-народнаго производства, придется завязывать эти сношенія. Вопросъ о свободѣ и покровительствѣ теряетъ всякое значеніе для того, кому вдали свѣтитъ маякъ не національной, а интернациональной политики, не «вражды племенъ», а слитія ихъ воедино, съ расчлененіемъ на болѣе мелкія, но до извѣстной степени, самостоятельныя единицы. И намъ кажется, что цѣлью всякаго экономическаго изслѣдованія въ наше время должно быть обращеніе вниманія читателей на коренные тормазы народнаго благосостоянія, а не на частные вопросы о свободной торговлѣ и покровительствѣ. Мы думаемъ, напр., что чисто-народническіе планы покровительства мелкой, кустарной промышленности путемъ введенія цѣлесообразнаго тарифа, во-первыхъ, чрезвычайно неудобноисполнимы по сложности современной жизни, включающей въ себѣ какъ капиталистическую, такъ и мелкую, уже народную продукцію; во-вторыхъ, не поведутъ ни къ чему, если останутся въ силѣ отношенія капиталиста къ рабочему, кулака къ народу. А исходя отъ отрицанія этихъ отношеній, поневолѣ отодвигаешь вопросъ о свободѣ и покровительствѣ, какъ вопросъ частный, вопросъ времени и мѣста, на задній планъ.

P.

НОВЫЯ КНИГИ.

Господинъ Великій Новгородъ. Историческая повѣсть, *Д. Мордовцова.* Москва 1882.

Сергій Горбатовъ. Историческій романъ конца XVIII вѣка. *Всеволода Соловьева.* Въ двухъ частяхъ. СПб. 1882 г.

Навожденіе. Романъ *Всеволода Соловьева.* СПб. 1882 г.

Аракчеевщина. Сочиненіе *Н. Богославскаго.* СПб. 1882 г.

И того въ одномъ мѣсяцѣ цѣлыхъ четыре историко-беллетристическихъ произведенія! Правда, «Навожденіе» г. Соловьева—романъ въ тѣсномъ смыслѣ не историческій а.... неизвѣстно какой, но читатель въ своемъ мѣстѣ увидитъ, что мы имѣли право свалить въ общую кучу и это произведеніе. Такой необыкновенный урожай на историческую беллетристику долженъ-же имѣть какія нибудь общія причины, и ихъ не бесполезно было бы выяснить. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, г. Мордовцевъ выступилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ такою апологіею историческихъ романовъ: «неподготовленные субъекты, говорилъ онъ, между прочимъ,—все равно не станутъ читать скучной исторіи, а приобрѣтя навыкъ на легкомъ историческомъ чтеніи, они охотнѣе перейдутъ и къ серьезному, и я полагаю, что историческій романъ не только не развращаетъ своихъ читателей и не отвращаетъ ихъ отъ историческаго чтенія, а скорѣе—наводитъ на путь серьезныхъ знаній».

Теорія г. Мордовцева очень любопытна и въ эстетическомъ, и въ логическомъ, и даже въ нравственномъ отношеніи. Прежде всего она очень удобна—не для читателя, конечно, а для самихъ гг. романистовъ. Ставя историческій романъ въ какое-то среднее, такъ сказать, межеумочное или улюбочное положеніе, эта теорія рѣши-

тельно обезоруживает критику. Въ самомъ дѣлѣ, кому, напр., придеть въ голову предъявить какія нибудь серьезныя научныя или художественныя требованія къ произведеніямъ Жюль Верна? Отъ искусства эти произведенія отстали, къ наукѣ не пристали и стоятъ себѣ особнякомъ, «въ сторонѣ отъ большого свѣта». Романисты полагаютъ, что Жюль Вернъ популяризируетъ науку и что, стало быть, съ него, въ художественномъ отношеніи, требовать нечего. Ученые люди думаютъ, что Жюль Вернъ пишетъ особаго рода романы, которые онъ, для красоты слога, уснащаетъ научными терминами и что къ этому фельетонному баловству нельзя относиться съ академической строгостью. Читатель... но читатель ничего особеннаго не думаетъ, а усердно читаетъ и, главное, покупаетъ занятныя произведенія ловкаго разскащика, который, такимъ образомъ, выходитъ сухимъ изъ воды. Онъ и невинность соблюлъ, и капиталъ прибрѣлъ.

Такое положеніе не лишено серьезныхъ удобствъ, и въ такое то именно положеніе г. Мордовцеву хотѣлось-бы поставить себя и своихъ собратовъ по ремеслу. Художественной критикѣ онъ сказалъ бы: вѣдь мы историки! Исторической критикѣ онъ отвѣтилъ-бы: вѣдь мы романисты! Такимъ образомъ, съ г. Мордовцева и К^о взятки оказались бы гладки и критикѣ поневолѣ пришлось бы ретироваться. Къ сожалѣнію, на всякаго мудреца довольно простоты—не мало ея и у г. Мордовцева. Его теорія, прежде всего, лишаетъ историческіе романы рѣшительно всякаго литературнаго, художественнаго значенія. Искусство служить, безъ сомнѣнія, жизни, но оно не служитъ, тѣмъ болѣе не подслуживается наукѣ. У него свои собственныя цѣли и средства. Она имѣетъ въ виду не популяризацию фактовъ—объ этомъ и говорить смѣшно—а воздѣйствіе на нашу нравственность, нашу психію, нашъ внутренній міръ. Настоящій художникъ не только не рабъ науки, онъ хозяинъ ея. Онъ имѣетъ въ виду не объективную правду. Историческій Донъ-Карлосъ былъ личностью ничтожной, но Шиллеръ, которому это было пужно для нравственныхъ цѣлей, представилъ его намъ въ ореолѣ почти идеальной чистоты—и былъ правъ. Графъ Толстой изображалъ намъ цѣлую коллекцію историческихъ личностей подъ угломъ своихъ чисто-личныхъ воззрѣній, далеко не всегда оправдаемыхъ исторіей, и былъ тоже правъ, потому что говорилъ съ нами какъ художникъ, а не какъ историкъ, давалъ намъ психологическіе типы, а не фотографическіе портреты. Мы ищемъ и находимъ у него не изображенія Наполеоновъ и Кутузовыхъ, а изображеніе человѣка. Конечно, что возможно для Юпитера, то невозможно для быка, и если г. Мордовцевъ, чувствуя свое и своихъ собратовъ безсиліе, добро-

вольно съуживаетъ сферу дѣйствія и значеніе исторической беллетристики—мы ничего не имѣемъ противъ этого. Мы можемъ возразить только противъ произвольныхъ обобщеній, можемъ просить г. Мордовцева, чтобы онъ ставилъ за стуломъ исторической науки только свои и имъ подобныя романы, а не историческій романъ вообще.

Но дѣло въ томъ, что г. Мордовцевъ даже свою специальную задачу—задачу популяризировать исторію—или дурно или вовсе не исполняетъ. Наука исторіи еще не есть «Исторія Государства російскаго» Карамзина или «Исторія Россіи» Соловьева. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, драматизировать, размазывать, изукрашивать, совсѣмъ еще значить популяризировать. Между тѣмъ, вся «историческая» премудрость г. Мордовцева и др. дальше Соловьева и, быть можетъ, нѣсколькихъ монографій рѣшительно не идетъ. Вы встрѣтите у нихъ тщательныя описанія разныхъ старыхъ придворныхъ скандаловъ, дуелей, осадъ, сраженій, любовныхъ интригъ и проч., но жизни народа, его политическаго и экономическаго положенія, т. е. сути исторіи, вы не найдете и слѣда. Правда, объ этомъ и у Карамзина, и у Соловьева не говорится. Что-же касается до самыхъ приемовъ «популяризованья», практикуемыхъ г. Мордовцевымъ съ товарищами, то о нихъ можно лишь сказать то, что это—изумительно упрощенныя приемы. Если напр., у Соловьева значитъ: «тогда NN громко сказалъ»—г. Мордовцевъ пишетъ: «въ этотъ рѣшительный моментъ NN, свирѣпо нахмуривъ брови, грозно прогремѣлъ». Если у Соловьева описывается: «А. бросился на В. и, схвативъ его за бороду, съ ругательствами потащилъ изъ за стола»,—г. Мордовцевъ размахнется: «А, съ налитыми кровью глазами, съ выступившей на губахъ розовато-синевато-бѣловатой пѣной, какъ тигръ ринулся на оторопѣвшаго В., вцѣпилъ всѣми десятью пальцами въ пышную русую бороду В. и повлекъ его, приговаривая: ахъ ты эдакой, распроедакой, курицынь ты сынъ!! «Помилуйте, что же можетъ быть проще такого удивительнаго популяризованья!

Ну, а въ нравственномъ смыслѣ теорія г. Мордовцева, пожалуй, еще менѣе почтенна, Отчего бы г. Мордовцеву не вести своего дѣла на чистоту, зачѣмъ было ему городить огородъ, прискивая для своего ремесла нравственныя санкціи? «Не отвращаетъ», «не развращаетъ» «пріохочиваетъ къ серьезному чтенію»—къ чему это? Мы понимаемъ, что литературное дѣло—не только дѣло торговое и писатель не можетъ оправдывать себя какъ оправдывается гостинодворецъ, сбывающій гнилой товаръ, т. е. что, дескать, мы своего товару никому насильно не всучиваемъ и покупателямъ глаза отъ Бога даны. Но, однако-же, если дѣло поставлено въ самомъ дѣлѣ

по гостинодворски? Если читатель покупатель, въ своемъ невѣдѣніи, упиваясь произведеніями гг. Мордовцевыхъ, Сальясовъ, Соловьевыхъ и пр. полагаетъ что онъ куда какъ далеко ушелъ отъ потребителей. Рокамболя—слѣдуетъ ли его утверждать въ этомъ мнѣніи? Слѣдуетъ ли пустое времяубиваніе возводить на степень серьезнаго хотя бы только и подготовительнаго занятія? Смѣемъ сказать, что все это только шарлатанство, достойное биржи и гостиного двора, но непозволительное въ литературѣ. Г. Мордовцевъ не могъ не знать, что не только «Три мушкетера», но и «Айвенго» еще никого не пріучили къ серьезному чтенію а, напротивъ, очень многихъ отбили отъ него, пріучивши читателя искать прежде всего или прямыхъ пикантностей, или замысловатой фабулы.

Но г. Мордовцеву не хотѣлось откровенно сознаться, что на историческій романъ нынѣ у насъ, по разнымъ обстоятельствамъ, большой спросъ и въ читальняхъ, и въ редакціяхъ, а потому онъ съ товарищами и занялся этимъ литературнымъ гешефтмахерствомъ—не хотѣлось, и онъ сочинилъ невѣроподобную теорію, возводящую прибыльное ремесло чуть-ли не на степень «святого искусства».

Посмотримъ теперь, какъ гг. Мордовцевъ, Всеволодъ Соловьевъ и Богославскій «пріохочиваютъ» читателя къ серьезному историческому чтенію. Въ качествѣ ловкаго романиста и опытнаго историка, г. Мордовцевъ постоянно выбираетъ сюжетами самыя драматическія эпохи нашей исторіи. Борьба Новгорода съ Москвою и его паденіе, безъ сомнѣнія, одна изъ благодарнѣйшихъ для романиста эпохъ, полная и драматическихъ положеній, и драматическихъ личностей. Но г. Мордовцевъ столь невыгоднаго мнѣнія о своемъ читателѣ, что не довольствуется этимъ готовымъ, историческимъ драматизмомъ а, ради пушей занимательности, подбавляетъ еще отъ себя хорошую дозу всякихъ страстей и ужасовъ, вплоть до таинственныхъ колдуній, страшныхъ вороновъ, летающихъ надъ Новгородомъ и каркающихъ «отчаянно»: Новгородъ! Новгородъ! (108). «Охъ, не къ добру, не къ добру!» стонуть на всемъ протяженіи „повѣсти“ новгородцы, а у читателя замираетъ духъ, чего собственно г. Мордовцевъ и добивается. Сама героиня эпохи и повѣсти, Марфа Посадница, занимается по Апокалипсису гаданіемъ о будущемъ Новгорода—главнымъ образомъ этимъ и занимается—и Апокалипсисъ пророчитъ ей: «и взять единъ ангелъ крѣпокъ камень, великъ яко жерновъ, и верже въ море, глаголя: тако стремленіемъ вверженъ будетъ Вавилонъ градъ великій, и не имать обрѣстися ктому. И гласъ гудецъ и мусикій, и пискателей, и трубъ не имать слышатися ктому въ тебѣ; и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обратится ктому въ тебѣ; и шумъ жерновый...» и т. д. и т. д.

(148). У Марфы, разумѣется, „по мѣрѣ чтенія, лицо становилось все блѣднѣе и блѣднѣе... руки дрожали“, читатель, въ свою очередь, подобно Гамлету восклицаетъ: «страшно! о, страшно!» а г. Мордовцевъ, торжествующе указывая на него, заявляетъ: «видите, видите, какъ онъ приучается и приохочивается!» — а затѣмъ, отвернется и засмѣется себѣ въ бороду. Но г. Мордовцевъ не довольствуется ролью занятнаго рассказчика, онъ иногда пускается морализировать, чтобы читатель зналъ, что и онъ, г. Мордовцевъ, не лыкомъ шить, и вотъ тутъ-то читателю приходится окончателно жутко. «Не такое то было время, философствуетъ, напр., г. Мордовцевъ, чтобы щадить воюемую землю и ея населеніе. Не было тогда ничего, что теперь лицемерные «законы» войны придумали для возможнаго укрытія отъ глупаго и довѣрчиваго человѣчества всѣхъ ужасовъ освященнаго законами человѣкоубійства. „Тогда было изъ этого просто“ — не рисовались, не хитрили, не виляли хвостомъ передъ тѣми, кого убивали или разоряли. Не было тогда ни «сестеръ милосердія», ни «красныхъ крестовъ», ни «походныхъ лазаретовъ», ни «санитаровъ», ни „перевозочныхъ пунктовъ“, ни «носилковъ» и „повозокъ для раненыхъ“, ни „военныхъ врачей“, ни «бараковъ», ни «искусственныхъ рукъ и ногъ» — ничего такого, чѣмъ старается современное лицемеріе замазать то, чего ничѣмъ замазать нельзя. Тогда не миндальничали съ людьми, которыхъ шли убивать или которыхъ вели на убой и на убійство. Разорай и пустоши страну, съ которою воюешь или даже въ которой воюешь, жги ея города и села, убивай, вырѣзывай ея населеніе, кормись ея хлѣбомъ и ея скотомъ, ибо тогда не было ни «интендантовъ», ни «поставщиковъ на армію» — такова была война въ то „откровенное“ время... (219). Что все это такое? Иронизируетъ-ли г. Мордовцевъ надъ настоящимъ временемъ, когда война, не измѣняя своей сути, измѣнила свой характеръ, свой декорумъ, или онъ серьезно восхищается тѣмъ, что прежде съ людьми не «миндальничали»? Ни то, ни другое, читатель: г. Мордовцевъ «изъ этого просто» слово на слово нанизываетъ какъ и вообще „просто“ приготовляетъ свои издѣлія, въ расчетѣ что «изъ этого» для читателя вреда не будетъ и г. Мордовцевъ, тѣмъ временемъ, не въ убытокъ себѣ поторгуетъ. Мы вовсе не желаемъ навязывать г. Мордовцеву какихъ-нибудь изъ ряду вонъ грязныхъ расчетовъ. Но мы спрашиваемъ себя — какія причины могутъ побудить не бездарнаго и образованнаго писателя тратить на изготовленіе разныхъ романическихъ ужасовъ дурнаго тона, дешевыхъ эффектовъ, и т. п., и не находимъ объясненія въ какихъ-нибудь общихъ, идейныхъ мотивахъ. А если такъ, то досадная точка надъ і ставится уже сама собою.

Но если трудно найти сколько нибудь благовидное объясненіе дѣятельности г. Мордовцева—это еще труднѣе относительно г. Соловьева. Г. Соловьевъ, сдается намъ, истинный мученикъ своего дѣла. По всей вѣроятности, онъ испытываетъ величайшую скуку, сочиняя свои романы, пишетъ съ зѣвотой и надсадой — по крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе читателя. У г. Соловьева нѣтъ и тѣни воображенія, и онъ не въ состояніи повеселить читателя даже каркающими воронами, ужасными колдуньями и пр., а тихо, благоправно идетъ по тропинкѣ, проложенной Рафаиломъ Зотовымъ. На первомъ планѣ, какъ изстари заведено, герой, у котораго во лбу мѣсяць и въ затылкѣ звѣзда, и вокругъ котораго, какъ изящная оправа вокругъ драгоценнаго брилліанта, располагаются историческія событія—такое неизмѣнный шаблонъ г. Соловьева. Мы-бы не рекомендовали г. Мордовцеву провѣрить свою теорію на счетъ «приохочиванья» посредствомъ романовъ г. Соловьева: эти романы могутъ заставить читателя пожалѣть, что онъ грамотѣ обучался. Первобытная невинность ума г. Соловьева не мѣшаетъ, однакоже, ему довольно исправно выводить верхнія нотки господствующихъ теперь у насъ арій. Такъ, устами своихъ персонажей онъ поучаетъ насъ, что «благо человѣчества не въ насильственныхъ дѣйствіяхъ, не въ разрушеніи существующаго порядка, а единственно во внутренней борьбѣ каждаго человѣка съ самимъ собою, со своими дурными наклонностями, дурными страстями. Правда и счастье не могутъ быть достигнуты преступными средствами, всякая капля пролитой крови влечетъ за собою только неправду и горе» (311). Не ново, но какъ, благонамѣренно! Вообще, о г. Соловьевѣ можно сказать, что если онъ немножко и деретъ, за то отличается прекраснымъ поведеніемъ и въ ротъ хмѣльнаго не беретъ. Но въ г. Соловьевѣ есть и оригинальная черта. Своихъ историческихъ персонажей онъ заставляетъ говорить какъ-бы избранными отрывками изъ передовицъ «Руси», „Новаго Времени“ и т. п., тогда какъ его повѣсти изъ современнаго быта отличаются, мало сказать историческимъ, — археологическимъ оттѣнкомъ. Такова его повѣсть «Навожденіе.» «Исторіи» въ обычномъ смыслѣ, въ этой повѣсти не имѣется, за то есть «сконапель истораръ»,—истоаръ, пожалуй, гораздо болѣе даже раздирательная, нежели самыя эффектныя страницы заправской исторіи. Жилъ былъ одинъ молодой человѣкъ, одаренный всѣми достоинствами и кромѣ того, обладавшій матерью, у которой былъ «необыкновенный умъ сердца» (152). Но бѣднаго молодаго человѣка постигло «навожденіе»: онъ влюбился въ одну особу, которая по виду была изящной молодой дѣвушкой, а на самомъ дѣлѣ—чуть ли не самимъ Люциферомъ. По крайней мѣрѣ, у этой особы «глаза молчаливо и жутко

блестѣли» (21) и, кромѣ того, она еще въ дѣтствѣ любила отрывать у живыхъ раковъ клещи и лапки (20). Участь одного изъ этихъ несчастныхъ раковъ пришлось впоследствии испытать и герою, при чемъ послѣдній велъ себя съ гораздо большимъ достоинствомъ, нежели это безсловесное животное. Ракъ, по своей необразованности, защищался, какъ могъ, тогда какъ герой, съ рѣшимостью во истину героическую, предоставилъ свой носъ въ полное распоряженіе барышни-Люцифера. Барышня этимъ пользовалась, а герой занимался анализомъ своихъ ощущеній, анализомъ, который постоянно резюмировался у него такимъ образомъ: «нужно покончить, нужно непременно! Но въ тоже время я (т. е. герой) отлично зналъ, что ничего не покончу» (186). Барышня, наконецъ, надобло возиться съ этимъ слюняемъ и она сбѣжала отъ него, оставивши ему письмо, въ которомъ, между прочимъ, справедливо замѣчаетъ: «ты всегда хотѣлъ спасать меня, а тебя самого спасать было нужно» (263). Почувствовавши свой носъ на свободѣ и рѣшительно не зная — что съ нимъ дѣлать, герой съ горя застрѣливается, чѣмъ «наводненіе», вѣрнѣе сказать — «поврежденіе» и оканчивается. Ясное дѣло, что повѣсть г. Соловьева не только историческое а, можно сказать, до-историческое, допотопное произведеніе.

До какой степени спросъ на историко-беллетристическую литературу силенъ у насъ—это доказывается примѣромъ г. Богославскаго. Въ дѣлѣ исторіи г. Богославскій, очевидно, профанъ. Достаточно сказать, что, приступая къ характеристикѣ Аракчеева, онъ съ удивительною наивностью, комизмъ которой усиливается еще докторальнымъ тономъ автора, провозглашаетъ: «Личность Аракчеева не можетъ назваться любезною». Неужели не можетъ, г. Богославскій? А вѣдь, всѣ были до сихъ поръ убѣждены, что Аракчеевъ представлялъ собою образецъ изящности, любезности, доброты и мягкости. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что въ «Аракчеевщинѣ» г. Богославскаго Аракчеевъ почти не при чемъ. Въ книгѣ, состоящей изъ 541 страницы, непосредственной характеристикѣ Аракчеева посвящено 40 стр., а въ остальныхъ пятистахъ заключаются заурядные беллетристическіе рассказы, не имѣющіе къ Аракчееву почти, а иногда, и вовсе никакого отношенія. Рассказывается, напр., жизнь нѣсколькихъ офицеровъ, служившихъ въ военныхъ поселеніяхъ, — заурядная жизнь обыкновеннѣйшихъ армейскихъ офицеровъ, съ деньщиками, гитарами, водкой и селедкой. Они состояли подъ верховнымъ начальствомъ Аракчеева — въ этомъ все ихъ отношеніе къ Аракчееву и къ «Аракчеевщинѣ». Такимъ образомъ, если герой какой-нибудь повѣсти жилъ въ домѣ,

въ которомъ квартировалъ, напр., Муравьевъ, повѣсть, по логикѣ г. Богославскаго, можно будетъ озаглавить «Муравьевщина».

Но Богъ съ нимъ, съ г. Богославскимъ, съ его логикой и съ его беллетристкой. Гораздо важнѣе общій вопросъ: откуда это внезапное расширеніе одной специальной и, въ художественномъ отношеніи, довольно неблагоприятной отрасли беллетристики, чѣмъ объясняется этотъ спросъ на историческую беллетристику со стороны общества, спросъ до того усиленный, что даже работы, почти лишенные историческаго содержанія, какъ книга г. Богославскаго, украшаются ярлыкомъ историчности? Г. Мордовцевъ можетъ сколько ему угодно увѣрять, что дѣло объясняется невиннымъ желаніемъ популяризовать исторію, но, очевидно, что причины этого явленія лежатъ гораздо глубже. Развѣ отвѣтъ г. Мордовцева — серьезный отвѣтъ? Почему-же популяризовать непременно исторію и почему эта надобность явилась именно теперь? И если ужъ эта, явившаяся въ обществѣ, потребность ко всякаго рода гробокопательству настоятельна и не фиктивна—почему удовлетворять ей берутся люди третьестепеннаго положенія въ литературѣ? Верхи литературы поступаютъ, какъ разъ, наоборотъ. Авторъ «Войны и мира» бросилъ писаніе историческаго романа «Декабристы»,—о чемъ въ свое время сообщали газеты—и занялся изученіемъ евангелія, собесѣдованіемъ съ Сютяевыми, вообще, страстнымъ исканіемъ всякой «правды». Живи Некрасовъ въ наши дни, онъ точно также не сталъ-бы воспѣвать доблести разныхъ княгинь и графинь, а училъ-бы насъ «сѣять разумное, доброе, вѣчное» за простое «спасибо сердечное» русскаго народа. Г. Шедринъ оставилъ Глузовъ, его градоначальниковъ, его исторію и обращается съ своими письмами, темою которыхъ является всегда даже не вчерашній, а именно сегодняшній день, непосредственно къ тетенькѣ—публикѣ. Примѣръ Писемскаго не менѣе яркъ, хотя и въ отрицательномъ смыслѣ: какъ только ослабъ талантъ этого замѣчательнаго писателя, онъ обратился къ исторической живописи и написалъ своихъ «Масоновъ». Да, живой человекъ можетъ сходить на кладбище, но не останется на немъ долго, особенно если дома работы много... Нѣкоторое объясненіе занимающаго насъ вопроса мы находимъ въ одномъ бѣгломъ намекѣ Достоевскаго, замѣтившаго какъ-то, что процвѣтаніе у насъ историческаго романа происходитъ отъ того, что мы перестали понимать дѣйствительность. Въ этомъ замѣчаніи много правды, хотя недосказанной и недоказанной правды. Безъ сомнѣнія, несовершеннѣйшіе гимназисты, въ родѣ г. Соловьева, всегда оставались-бы позади дѣйствительности, какова-бы она ни была, но дѣло въ томъ, что въ другое время они и не

нашли-бы себѣ другихъ читателей, кромѣ дворниковъ, буфетчиковъ и цивилизованныхъ горничныхъ. Теперь — дѣло иное, и это естественно. Вѣдь и Робинзонъ на своемъ островѣ вель долгие разговоры со своимъ попугаемъ, со своими козлами и кошками.

Что такое спиритизмъ? Бесѣды о спиритизмѣ и медиумическихъ явленіяхъ. Составилъ по «*Qu'est-ce que le spiritisme*», С. Т. Румиловъ. Спб. 1882.

Г. Румиловъ такимъ образомъ опредѣляетъ *raison d'être* своей брошюры: «Съ цѣлью доставить возможность лицамъ, интересующимся спиритизмомъ, но которыя не въ состояніи пользоваться иностранными сочиненіями по этому предмету, я задался мыслью издать рядъ отдѣльныхъ, дешевыхъ выпусковъ, которые, въ сокращенномъ и общедоступномъ видѣ, въ состояніи будутъ ознакомить читателя съ теорією, выработанною французскою школою спиритовъ, подъ руководствомъ извѣстныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, какъ Алланъ Кардека, Бабена, Бонмера, Евг. Нью и др.»

Какъ видитъ читатель, короткое знакомство съ духами не помогло г. Румилову покороче познакомиться съ русскою грамматикой. Безграмотность спирита-автора не мѣшаетъ ему имѣть величайшія претензіи, что, впрочемъ, составляетъ не индивидуальную, а типическую черту: въ массѣ, спириты постоянно отличаются или поразительнымъ невѣжествомъ, или не менѣе поразительною неразвитостію,—фактъ, очень легко объяснимый. Итакъ, что-же такое спиритизмъ? «Спиритизмъ—наука, находящаяся еще въ зародышѣ своего развитія; многое въ ней не разработано и не разъяснено. Она касается всѣхъ отраслей философіи, метафизики, психологіи и этики. Въ книгахъ Аллана Кардека, которыми можетъ воспользоваться каждый, вы найдете отвѣты на всевозможные вопросы» (28). Бѣдный ученый міръ, утруждающій себя разрѣшеніемъ «проклятыхъ вопросовъ» природы и соціальной жизни! Ему не извѣстно, что «отвѣты на всевозможные вопросы» уже имѣются у Аллана Кардека, а если-бы онъ, кромѣ того, ознакомился съ мудростію Мартына Задеки—ему все стало-бы ясно, и Гамлетъ не сказалъ-бы другу Гораціо своихъ язвительныхъ словъ насчетъ «нашихъ мудрецовъ». Равнымъ образомъ, «богомолки, бабы умныя», изъ которыхъ многія видѣли «собственными глазами» и колесницу Ильи-пророка, и пупъ земли, и кievскихъ вѣдьмъ, могли-бы оказать немалыя услуги въ дѣлѣ расширенія научныхъ горизонтовъ. Pourquoi pas? Развѣ наука непогрѣшима? «Когда Фультонъ представилъ свой проектъ па-

рохода, онъ былъ отвергнуть гг. учеными, какъ фантазія, не примѣнимая на практикѣ. А Франклинъ со своей теоріей громоводовъ развѣ не былъ встрѣченъ гг. учеными общимъ смѣхомъ и недовѣріемъ?» (44). Дѣло, стало быть, ясное: руки у науки связаны, ротъ заткнутъ и она лишена всякаго права съ увѣренностью отрицать что-нибудь, между прочимъ, и спиритическія «явленія». Безполезно далѣе ризсуждать съ г. Румиловымъ. Одно невзначай оброненное имъ признаніе, значенія котораго онъ, очевидно, самъ не понимаетъ, очень хорошо обрисовываетъ сущность спиритизма и, въ то-же время, указываетъ на всю бесполезность какихъ-бы то ни было препирательствъ съ гг. спиритами. «Комнѣ, говорить какой-то спиритъ у автора,—почти ежедневно являются лица, которыя, не выдавъ явленій, не ознакомившись съ философіей спиритизма, убѣждены въ полной состоятельности его такъ-же твердо, какъ и я. Для нихъ явленія—дѣло второстепенное, вся суть — въ ученіи и наукѣ, въ которыхъ они находятъ удовлетвореніе своимъ внутреннимъ стремленіямъ. Они нерѣдко приходятъ къ заключенію, что если даже предположить, что никакихъ явленій не существуетъ, то отъ этого ничего не теряетъ философское ученіе, которое и безъ нихъ разрѣшаетъ лучше всего множество вопросовъ, считавшихся по сіе время необъяснимыми» (120). Сама истина говорить въ этомъ случаѣ устами г. Румилова. Люди, занимавшіеся, подобно Карпентеру, изученіемъ спиритизма, какъ психологическаго явленія, объясняли его именно стремленіемъ людей «удовлетворить своимъ внутреннимъ стремленіямъ», какъ выражается г. Румиловъ. «Вѣрить, не вѣрить—ему все равно, лишь-бы доказано было умно», говорилъ Некрасовъ о своемъ героѣ. О спиритахъ можно сказать какъ-разъ противное: доказано или не доказано — имъ все равно, лишь-бы только вѣрить. Это, конечно, ихъ дѣло, но не стыдъ-ли, не поношеніе-ли человѣческаго смысла—говорить при такихъ условіяхъ объ объективной истинѣ, о «наукѣ»?!

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Еврейскій вопросъ“, разрѣшаемый г. Вагнеромъ по Дарвину. Кое-что объ юридической правдѣ по „Московскимъ Вѣдомостямъ“.— Женскіе медицинскіе курсы.

I.

Изъ Сувалокъ пишутъ въ „Голось“, что мѣстные евреи, неистовства, дѣлаемая съ ними, объясняютъ какъ плодъ дикой травли публицистовъ нашей ретроградной печати. Послѣдствія теперешняго тревожнаго времени, по словамъ того-же корреспондента, отражаются на всемъ самымъ пагубнымъ образомъ; на всѣхъ и всемъ лежитъ нравственный и матеріальный гнетъ: торговли почти не существуетъ, много ремесленниковъ сидитъ безъ дѣла и еврейскій пролетаріатъ съ каждымъ днемъ все усиливается“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что истина, наконецъ, возьметъ свое, но вопросъ только въ томъ, какую цѣной мы ее купимъ? Тутъ даже, пожалуй, и не о чувствахъ рѣчь; что разсуждать о моральныхъ принципахъ съ людьми, для которыхъ не существуетъ никакой морали; такихъ людей нельзя убѣждать ни логическими доводами, ни обращеніемъ къ гуманности и симпатіи. Какъ мы уже говорили нѣсколько разъ, еврейскій вопросъ вовсе не еврейскій вопросъ, это вопросъ политической свободы и экономическихъ отношеній. Ну, травите евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, травите всякую даровитость, которая вамъ мѣшаетъ, а что-же будетъ дальше? Дальше поднимутся сами факты жизни, которыхъ вы не предвидѣли, и ужь, конечно, перевѣсъ останется не на сторонѣ насилія и невѣжества. Наша глупость въ теперешнемъ еврейскомъ вопросѣ станетъ скоро притчей во языцѣхъ и сдѣлаетъ насъ посмѣшищемъ иностранцевъ; но наши «народные» политики, люди вообще очень мужественные, знаютъ свое дѣло хорошо, тѣмъ бо-

лѣе, что находятъ себѣ поддержку. Какими-бы они были безъ этой поддержки—мы не знаемъ; но если-бы они и не стали стыдливѣе, то, во всякомъ случаѣ, были-бы осторожнѣе. Теперь-же, когда сила на ихъ сторонѣ, приходится ждать, пока явится на помощь время, а оно уже собирается придти. Такъ: въ двухъ волостяхъ елисаветградскаго уѣзда крестьяне постановили высѣчь всякаго изъ своихъ собратьевъ, кто приметъ участіе въ беспорядкахъ противъ евреевъ. Конечно, этотъ фактъ, рядомъ съ тѣмъ, что сдѣлали съ Балтой, еще не Богъ вѣсть, что такое; но онъ важенъ вотъ въ какомъ отношеніи: если-бы наша полицейская власть сумѣла понять, въ какихъ точныхъ отношеніяхъ она должна находиться къ евреямъ, еврейскіе погромы были-бы положительно невозможны. И теперь уже выяснилось, что народъ на евреевъ не только у насъ, но и за границей поднимали буржуазники и политическіе ретрограды. Послѣ статей Суворина и Аксакова нашлось не мало маленькихъ деревенскихъ Суворинныхъ и Аксаковыхъ, которымъ пришлось по вкусу ихъ проповѣди; и это понятно. Еще-бы лавочнику не желать устраненія своего конкурента. Ну, и начали устранять! Даже «Московскія Вѣдомости» недоумѣваютъ передъ этимъ явленіемъ. И, дѣйствительно, мы, всегда бывшіе чуждыми національностей, мы, вѣчно уживавшіеся съ татарами, киргизами, чувашами, мы, не могшіе даже обходиться безъ еврей, вдругъ внезапно повели противъ него крестовый походъ и въ жестокостяхъ перещеголяли гунновъ! «Московскія Вѣдомости» объясняютъ насклія развращеніемъ нравовъ. Развращеніе, дѣйствительно, есть, но только не нравовъ, а развращеніе политическихъ понятій той части общества, которая всегда пользовалась и будетъ пользоваться народомъ для своихъ цѣлей. Пока у насъ не установятся зрѣлыя политическія понятія и пока не выработается система порядочныхъ взаимныхъ отношеній,—не только евреи, но и мы русскіе не будемъ гарантированы противъ насилія и произвола.

Не у насъ однихъ буржуазные вожди собирательной посредственности, опираясь на поддержку, пользуются народомъ, чтобы поднимать его на евреевъ; они мутятъ, потому что имъ это лично выгодно. Но то, что у насъ народъ еще не понялъ, въ Европѣ онъ понялъ. Нѣмецкій рабочій вообще умнѣе русскаго и потому онъ уже пришелъ къ сознанію, что въ анти-еврейскомъ движеніи принимала главное участіе извѣстная часть буржуазіи, для которой еврей просто опасенъ. Немножечко справедливости, да кусочекъ здраваго смысла—и вся фальшь буржуазной аргументаціи обнаружится и у насъ. Теперь уже ясно, что положеніе еврейскихъ рабочихъ и ремесленниковъ нисколько не лучше, а можетъ быть,

даже и хуже положенія христіанъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ рабочихъ, по поводу русскихъ гоненій, высказываетъ слѣдующія мысли по адресу нашимъ буржуазникамъ. «Въ Россіи, говоритъ онъ,—гдѣ рабочій и вообще масса, благодаря весьма понятнымъ обстоятельствамъ, находятся еще на крайне слабой ступени развитія, извѣстнымъ антисемитскимъ интриганамъ удалось обмануть рабочихъ и подстрекнуть ихъ противъ евреевъ, но у насъ (въ Австріи) это не удастся. Я знаю фактъ, говорилъ ораторъ,—что нѣкоторые антисемиты раздавали деньги, чтобы вербовать среди рабочихъ враговъ антисемитизма. Не позорь-ли это? Если эти агитаторы дѣйствительно желаютъ намъ добра, почему они не вносятъ хорошихъ законопроектовъ въ парламентъ, законопроектовъ, касающихся прямо участи рабочаго, какъ-то: сокращеніе рабочаго дня, уменьшеніе работъ дѣтей, увеличеніе рабочей платы и т. д. Другой рабочій сказалъ, что антисемитское движеніе, произошло у нѣмцевъ, потому что евреи дѣйствительно взяли перевѣсъ надъ христіанами, и что евреи, какъ представители денежнаго хозяйства, пристали къ партіи, которая эксплуатируетъ рабочихъ. Но намъ, сказалъ ораторъ,—не слѣдуетъ забывать, что эксплуатируютъ не евреи, не единичныя личности, а господствующая экономическая система, и что все рабочее движеніе направлено противъ капитала». Затѣмъ ораторъ поставилъ слѣдующую резолюцію, которая была принята: „Нынѣшнее народное собраніе, 16 апрѣля, заявляетъ народной партіи, что оно ничего общаго съ антисемитскимъ движеніемъ не имѣетъ; собраніе убѣждено, что у рабочихъ имѣется только одинъ врагъ—капиталь, и такъ-какъ, онъ не знаетъ ни національностей, ни вѣроисповѣданій, то и рабочіе не могутъ воевать противъ націй или религій“.

Такъ разсуждали нѣмецкіе рабочіе, а вотъ какъ разсуждаетъ русскій профессоръ. Жрецъ науки, Н. Вагнеръ, въ па Дарвина печатаетъ въ «Новомъ Времени» очень длинную статью, въ которой перечисляетъ научныя заслуги умершаго ученаго и значеніе его эволюціонизма. Г. Вагнеръ понимаетъ дарвинизмъ съ точки зрѣнія «Новаго Времени» и приспособляетъ его къ злобѣ дня. Профессоръ разсуждаетъ такъ. Исторія, говоритъ онъ,—указываетъ на полную непреложность дарвиновскаго закона; не истощеніе органическое уничтожаетъ цѣлыя цивилизаціи, но тотъ нравственный маразмъ, который является отъ умственнаго или нравственнаго сомнѣнія и которымъ, какъ кажется, уже заразилось наше общество. «Мы, говоритъ г. Вагнеръ,—дремлемъ въ нашей неподвижности, стремимся къ развитію анти-общественныхъ стремленій, стремимся къ наслажденію жизнью и горько жалуемся, и въ тайнѣ бранимъ нашъ по-

литическій режимъ, какъ-будто этотъ режимъ въ состояніи замѣнить тѣ внутреннія силы саморазвитія, которыя гибнутъ отъ нашего собственнаго бездѣйствія.» И зачѣмъ это г. профессору понадобилось по поводу Дарвина политива? Нужно думать, что г. Вагнеръ взялся далеко не за свое дѣло. Оправдывая нашъ политическій режимъ, г. Вагнеръ обвиняетъ во всемъ общество, но, къ сожалѣнію, не объясняетъ, отъ какихъ причинъ является то нравственное худосочіе, которое передается наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, откуда берется, что все лучшее, все болѣе сильное нравственными качествами, все богатое альтруизмомъ и любовію къ меньшему брату (выраженія г. Вагнера) «все это мало по малу изгоняется, гибнетъ въ весеннемъ цвѣту». Что-же останется? спрашиваетъ г. Вагнеръ, — изъ какихъ силъ сложится будущее русское общество, кто возьметъ верхъ въ неравной борьбѣ? Ну, угадайте, читатель? «Побѣда достанется той бродячей, кочующей націи, не имѣющей отечества, которой цѣпкая и тягучая живучесть выработывалась вѣковыми гнетомъ и гоненіями, говоритъ г. Вагнеръ. Это самые крѣпкіе и опытные борцы въ жизни, въ борьбѣ за существованіе. Ихъ способность примѣняться къ условіямъ жизни выработывалась цѣлымъ длиннымъ рядомъ поколѣній. Они изворотливы, умны, ловки, находчивы, талантливы. Они на все способны и все умѣютъ взять оборотливостью, терпѣніемъ, обманомъ, беззащѣтчивой наглостью или просто нахальствомъ. Они крѣпки по одиночкѣ, но еще болѣе крѣпки и страшны для всѣхъ націй своей ассоціаціей, своей корпоративной національной сплоченностью. Давно уже они поняли, что сила не въ альтруизмѣ, а въ экономическомъ принципѣ. Давно они узнали горькимъ опытомъ, что самая удобная цѣнность, передвижная, легко-скрываемая—это цѣнность дорогого металла. Давно догадались, что деньги — единственная сила, которая можетъ покорить міръ, и теперь владѣютъ уже полъ-міромъ, если не болѣе. Вотъ тѣ борцы, на которыхъ блистательнымъ образомъ оправдывается принципъ Дарвина. Въ теченіи многихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ гоненія, выработывался въ этой націи подборъ производителей, болѣе ловкихъ, находчивыхъ, которые умѣютъ скрыться во время, вернуться или откупиться отъ преслѣдованій. Потомство этихъ производителей, цѣлый длинный рядъ поколѣній существовалъ при тѣхъ-же условіяхъ борьбы, которая вошла въ плоть и кровь націи, сдѣлалась потребностью организма, и теперь только грубая физическая сила можетъ остановить ея дальнѣйшія стремленія къ эксплуатаціи другихъ національностей».

Да, мужъ науки не особенно почтилъ память великаго Дар-

вина, сводя эволюціонизмъ къ избіенію евреевъ. Да и при чемъ тутъ еврей? Если рѣчь вообще о томъ, что всякая большая сила переживаетъ меньшую, если это такой законъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь, если, наконецъ, Дарвинъ великъ именно тѣмъ, что открылъ этотъ законъ—ну, такъ и слава Богу, что сильные и умные люди явятся главными гостями на пиру природы. Вѣдь если-бы этими умными и сильными людьми явились русскіе, г. Вагнеръ ничего не имѣлъ-бы противъ дарвиновскаго закона? Признавая законъ, нельзя-же ему не подчиниться и совершенно бесполезно противъ него протестовать. Но нѣтъ, г. натуралистъ, г. Вагнеръ доказываетъ, что въ силу того-же закона, если нельзя взять умомъ, то слѣдуетъ дѣйствовать кулакомъ и, такъ-сказать, санкціонируетъ дарвиновскимъ закономъ теперешнее избіеніе евреевъ. Но, разъ вы признаете извѣстный принципъ и возводите его въ законъ, то позвольте ему оставаться закономъ до конца. Что-же выйдетъ изъ того, если каждый безголовный кулакъ явится судьей идеи, когда физическая сила вообразить себя компетентной въ разрѣшеніи вопросовъ умственнаго порядка. Да и разрѣшить-ли она ихъ «своимъ средствомъ»? Наконецъ, если законъ теперешнихъ отношеній заключается не въ альтруизмъ, какъ говоритъ г. Вагнеръ, а въ экономическомъ принципѣ, то при чемъ-же здѣсь люди, какъ-бы они ни назывались—евреями, русскими, нѣмцами; очевидно, что вопросъ становится идейнымъ и, какъ идейный, онъ можетъ быть разрѣшенъ исключительно умственными, а не физическими средствами. Дальше: вопросъ этотъ, какъ идейный и, слѣдовательно, не допускающій ни личной, ни національной постановки, становится не домашнимъ, а общимъ, мировымъ, космополитическимъ. Современное денежное хозяйство выдумали, конечно, не евреи; если они сумѣли воспользоваться имъ лучше, нежели другія національности, и если главными банкирами въ Европѣ являются разные Ротшильды и Мендельсоны, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что для уничтоженія дурнаго вліянія денежнаго хозяйства нужно свести съ лица земли всѣхъ банкировъ—евреевъ. Да и почему однихъ евреевъ? Есть банкиры русскіе, французы, англичане; національное разрѣшеніе, очевидно, не подходитъ, а оправдывать избіеніе евреевъ, какъ это дѣлаетъ г. Вагнеръ, и тѣмъ болѣе еще неудобно, что г. Вагнеру пришлось-бы оправдывать и послѣднее дублинское событіе, чего, конечно, г. Вагнеръ не рѣшится сдѣлать. Очевидно, что г. Вагнеру нужно или отказаться отъ своего объясненія дарвинизма и явиться врагомъ всякаго физическаго насилія, а тѣмъ болѣе, когда оно является рѣшителемъ вопросовъ умственныхъ, или-же проповѣдовать избіеніе до конца. Но г. Вагнеру избіеніе

не нравятся; онъ скорбитъ о томъ, что и люди крѣпкіе волей, богатые альтруизмомъ и любовію къ меньшему брату гибнуть въ весеннемъ цвѣту, и боится за будущее русскаго общества. Въ такомъ случаѣ, ополчайтесь всѣми своими умственными силами противъ всякаго гоненія идеи и противъ разрѣшенія идейныхъ вопросовъ путемъ насилія и преслѣдованія.

Экономическій принципъ теперешняго историческаго момента есть не больше, какъ извѣстная стадія въ исторіи развитія человѣчества; моментъ этотъ одинаково тяжелъ для всѣхъ народовъ, и для насъ русскихъ онъ, можетъ быть, самый тяжелый. Еврей явился возлицемъ отпущенія съ одной стороны потому, что толпа, которую на него направили, придерживается теоріи г. Вагнера, а вторыхъ потому, что многіе ученые и писатели слишкомъ не богаты крѣпостію воли, альтруизмомъ и любовію къ меньшему брату. Если-бы у нихъ была та любовь, о которой они такъ красиво рассуждаютъ, они оставили-бы въ покоѣ кости Дарвина и не стали бы пользоваться его святымъ именемъ, чтобы оправдывать балтскій погромъ. Мало этого, они нѣсколько поберегли-бы и свое собственное чувство достоинства и не дали-бы, какъ это дѣлаетъ г. Вагнеръ, своего незапятнаннаго имени, чтобы санкціонировать имъ скверныя буржуазныя побужденія людей, желающихъ мутить отношенія, чтобы затѣмъ достигать своихъ ничтожныхъ, мелкихъ и своекорыстныхъ буржуазныхъ цѣлей. А между тѣмъ, г. Вагнеръ, имя котораго до сихъ поръ было чистымъ, и который искренно скорбитъ, что наше нравственное худосочіе передается будущимъ поколѣніямъ,—этотъ самый г. Вагнеръ защищаетъ всякій режимъ насилія и предлагаетъ его какъ единственное средство для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и какъ единственную силу, которая можетъ создать иной умственный и нравственный порядокъ. Нѣтъ, г. Вагнеръ, отъ этого порядка человѣчество страдаетъ очень давно, оно наболѣло имъ, оно ищетъ успокоенія, взаимной солидарности и возможности мирнаго развитія, и только тотъ явится пророкомъ современнаго человѣчества, только предъ тѣмъ склонятся человѣческія сердца, кто придетъ съ проповѣдью любви, а не съ проповѣдью борьбы. Мечъ, водруженный въ жизнь, стоилъ человѣчеству слишкомъ много крови, и до сихъ поръ она льется потоками, и плохую услугу человѣкъ оказываетъ даже самъ себѣ, если, указывая на то, сколько гнетъ, насиліе и эксплуатація дѣлали людей несчастными, онъ, въ то-же время, предлагаетъ для счастья людей тѣ-же средства насилія и эксплуатаціи, которыя уже оказались разъ ни къ чему непригодными. Намъ просто больно за г. Вагнера, что онъ позволилъ воспользоваться своимъ именемъ, чтобы

проповѣдовать подобныя мысли—и когда же? Въ такой трудный общественный моментъ, какой переживаетъ нынче Россія!

Въ счастью для той-же самой Россіи, въ ней находилось всегда достаточно хорошихъ людей, которые не по наукѣ, а простымъ чувствомъ и здравымъ умомъ разрѣшали вполнѣ правильно вопросы, для разрѣшенія которыхъ не требуется ни науки, ни учености, а достаточно лишь быть живымъ человѣкомъ. Мы убѣждены въ томъ, что въ нашемъ обществѣ скажется, наконецъ, совѣсть, что общество, наконецъ, очнется и пойметъ, въ какую область недостойныхъ и вредныхъ противуобщественныхъ понятій оно было увлечено. Путь насилій тѣмъ ужасенъ, что онъ заразителенъ; человѣкъ, разъ увидѣвшій кровь, становится звѣремъ и жаждетъ ея. Очень насъ испортили и послѣднія войны, начатыя съ очень гуманнми побужденіями и съ стремленіемъ къ освобожденію; онѣ сообщили намъ такія звѣрскія привычки, что не безосновательно будетъ видѣть одну изъ причинъ жестокосердія русскаго общества и его теперешней наклонности къ насиліямъ и гоненіямъ именно въ томъ, что масса людей изъ общества и народа ужъ слишкомъ много видѣла крови. Но въ самой природѣ человѣка заключается реакція противъ зла; реакція противъ злыхъ склонностей уже начинаетъ обнаруживаться и сказалась, между прочимъ, въ одной изъ передовыхъ статей «Русскихъ Вѣдомостей». Вопросъ не о томъ, въ чемъ заключаются причины этой дикой расправы, и какъ еврейскій вопросъ, какъ вопросъ государственный, будетъ разрѣшенъ правительственными мѣрами. Если еврейскій вопросъ есть вопросъ отношеній политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ, то разумѣется онъ и долженъ быть разрѣшенъ только средствами политическими, соціальными и религіозными. Но затѣмъ остаются десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ несчастныхъ людей, подвергающихся страданіямъ и лишеніямъ совѣмъ не по своей винѣ, а потому только, что русское общество, среди котораго они жили и гражданами котораго они считались, не только не защитило ихъ, а напротивъ, какъ-бы отдало ихъ на разграбленіе и раззореніе; поэтому, на русскомъ обществѣ лежитъ обязанность придти на помощь пострадавшимъ, и «Русскія Вѣдомости», взывая къ чувствамъ Москвы, которая была всегда отзывчива на бѣдствія, посѣщавшія ту или другую часть нашего обширнаго государства, предлагаютъ подписку въ пользу пострадавшихъ евреевъ, среди богѣе зажиточной части населенія Москвы. Что выйдетъ изъ этого предложенія—сказать довольно трудно, но, конечно, оно не встрѣтитъ поддержки ни въ «Руси», ни въ «Новомъ Времени». Впрочемъ, это и неважно, но нельзя не пожелать, чтобы мысль

„Русскихъ Вѣдомостей“ встрѣтила правительственную поддержку; правительственная поддержка показала-бы, что и само правительство относится къ несчастнымъ страдающимъ евреямъ съ тѣмъ гуман-нымъ чувствомъ, которое не можетъ не возбуждать вѣрнопопданное и преданное населеніе, не подававшее никогда ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ.

Прежде чѣмъ кончить съ „еврейскимъ вопросомъ“, мы бы попросили г. Вагнера обратить вниманіе на слѣдующую особенность еврейскихъ погромовъ. Погромы эти производятъ впечатлѣніе элементовъ, стремящихся къ хаотическому состоянію. И самое худое, признакъ наиболѣе зловѣщій заключается въ томъ, что въ еврейскихъ погромахъ не чувствуется даже озлобленія, а является простой разгулъ освобождающихся силъ. Вотъ, напримѣръ, двумъ парубкамъ приходитъ желаніе угостить хороводъ, въ которомъ они участвуютъ. Парубки заходятъ въ лавку еврея, берутъ мѣшокъ рожковъ и уходятъ; за этими парубками приходятъ новые парубки и забираютъ въ лавкѣ другія сласти; поднимается шумъ, собирается толпа и, по примѣру парубковъ, каждый тащить, что ему по вкусу. Движеніе, такимъ образомъ, намѣтилось, цѣль для противоположенныхъ инстинктовъ какъ бы опредѣлилась, и толпа, подчинившись инстинкту разрушенія, разсыпается по еврейскимъ домамъ, беретъ все, что только можно взять, а чего нельзя, то ломаетъ и бьетъ. Говорятъ, что убійствъ не было, но рассказываютъ также, что ни полиція, ни дивизионъ кинбурнскихъ драгунъ не могли прекратить беспорядковъ. Да вѣдь, если-бы дивизионъ драгунъ явился на мѣсто въ то время, когда два парубка стащили мѣшокъ рожковъ, то конечно не собралась бы толпа до восьми тысячъ человѣкъ? Когда-же она собралась, то ничего нѣтъ мудренаго, что ни исправникъ, ни сто драгунъ ничего не могли сдѣлать. Всѣ мѣры были приняты уже на другой день: пріѣхалъ губернаторъ, начались обыски и арестовано до 150 человѣкъ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слѣдующій фактъ: большую часть арестованныхъ составляютъ зажиточные домохозяева, такъ что предположеніе, что источникомъ погромовъ служатъ буржуазныя тенденціи и лавочное соперничество, а толпа является только орудіемъ русскихъ кулаковъ и нашей буржуазной прессы,—имѣетъ нѣкоторое вѣроятіе. Тотъ-же корреспондентъ пишетъ (а это корреспонденція изъ Новой Праги), что губернаторъ, созвавъ всѣхъ жителей, сдѣлалъ имъ выговоръ, „но тутъ-же, обратясь къ евреямъ, сказалъ

имъ, что они сами виноваты въ безпорядкахъ, потому что вы- звали ихъ своею эксплуатаціею“.

Намъ непонятенъ этотъ силлогизмъ губернатора, непонятенъ потому, что въ немъ смѣшаны понятія, ни хронологически, ни идейно не соединимыя. Фактъ, вызвавшій губернатора, какъ пред- ставителя полицейской власти, заключался въ насилие, въ погромъ; фактъ этотъ чисто полицейскаго свойства, а потому можетъ быть остановленъ только полицейскими мѣрами. Полицейскія-же мѣры могутъ быть предупредительныя, а если онѣ не удались—то карательныя, но тоже съ цѣлю прекращенія безпорядковъ на бу- дущее время. Однимъ словомъ, логика факта заключается въ томъ, что простой полицейскій проступокъ долженъ быть наказанъ или предупрежденъ полицейскими средствами, т. е., что послѣдователь- ность исполнительной власти можетъ заключаться лишь въ прак- тическихъ мѣрахъ, достигающихъ непосредственнаго полицейскаго успѣха. Если корреспондентъ вѣрно передалъ событія, то вторая половина рѣчи губернатора, т. е. его обращеніе къ евреямъ, яв- ляется какъ бы реакціей противъ его собственнаго поведенія, ибо уничтожаетъ полицейское значеніе первой половины рѣчи. Вѣдь эксплуатація населенія началась не вчера и, можетъ быть, въ то время, когда два парубка пришли за рожками, никакой эксплуата- ции не существовало, слѣдовательно, лавочникъ-еврей, съ котораго начался погромъ, ровно ни въ чемъ не виноватъ. Наконецъ, если говорить объ эксплуатаціи, то не мѣшало бы выслушать и евреевъ, которые могли-бы возразить, что русскіе лавочники эксплуатиру- ютъ также, однако ихъ оставили въ покоѣ; кромѣ того, вопросъ объ эксплуатаціи есть экономическое явленіе, извѣстный экономиче- скій моментъ, который въ данномъ случаѣ вовсе къ дѣлу и не относится, и всякая ссылка на эксплуатацію является прямымъ обвиненіемъ тѣхъ, кого ограбили, и косвеннымъ оправданіемъ тѣхъ, которые грабили. Во всякомъ случаѣ, тутъ рядомъ съ логической ошибкой стоитъ полицейская безтѣтность. Есть множество слу- чаевъ, когда наша полиція дѣйствуетъ энергически, безповоротно и, такъ сказать, безошадно и, нужно отдать ей справедливость, дѣйствуетъ безукоризненно. Но почему-же, спрашивается, въ ев- рейскихъ погромахъ полиція даетъ такъ много простора хаотиче- скому элементу и предоставляетъ ходъ событій самимъ себѣ? Не напоминаетъ-ли такое отношеніе ея къ еврейскимъ безпорядкамъ пожарную команду, которая, сѣхавшись на пожаръ, только смот- рить, какъ огонь дѣлаетъ свое дѣло. Въ такомъ случаѣ, пожарной командѣ незачѣмъ было и пріѣзжать.

Тотъ-же корреспондентъ прибавляетъ, что послѣ рѣчи губерна-

тора была получена телеграмма, извѣщавшая, что въ мѣстечко ѣдетъ генераль-губернаторъ. „Немедленно было собрано около 30 рабочихъ, которые и принялись все приводить въ порядокъ, писать корреспондентъ; черезъ нѣсколько часовъ отъ погрома не осталось наружнаго слѣда: пухъ, обломки были убраны, улицы выметены, окна вставлены и т. д. Словомъ, мѣстечко, какъ по маговенію волшебнаго жезла, не только приняло свою прежнюю фizioномію, но даже получило какой-то праздничный веселый видъ“. Для чего все это дѣлалось—мы не понимаемъ, и если-бы корреспондентъ сообщилъ затѣмъ, что въ погромѣ оказались виноватыми сами евреи, мы-бы нашли все это въ порядкѣ вещей.

Рекомендуемъ этотъ фактъ вниманію г-на Вагнера, потому что, какъ намъ кажется, онъ нивакъ не можетъ быть объясненъ дарвинизмомъ.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, ужасное время, если насиліе находить защитниковъ даже въ „жрецахъ науки“. Куда-же дѣться бѣдной преслѣдуемой истинѣ, если ее гонять апостолы знанія, и когда-же гонять—когда все наше бѣдствіе, весь хаосъ общественныхъ отношеній и даже стремленіе элементовъ къ освобожденію происходитъ именно отъ того, что мысль, знаніе, идея утратили свое вершающее значеніе и явилась практика понятій „железнаго періода“. Прежде людей „железа“ и „крови“ было, можетъ быть, и не меньше, чѣмъ теперь, но фактамъ идейнымъ и гуманнымъ было больше простору, и эти факты, выражавшіе собою прогрессивную идею XIX вѣка, заслоняли собою практику XII и XIII столѣтій. Теперь даже забываешь, что живешь въ XIX столѣтіи, до того назойливо повторяются проявленія дикой силы и на каждомъ шагу обнаруживается общественный индифферентизмъ, точно это такъ и должно быть. Ни общественная совѣсть, ни общественное чувство ничѣмъ не возмущаются, и это печальное равнодушіе служить, можетъ быть, самымъ страшнымъ признакомъ нравственнаго разложенія общества, если только болѣе живучее чувство, болѣе живые истинны не возьмутъ перевѣса. Что эти чувства, наконецъ, возьмутъ перевѣсъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Зачѣмъ-же повторялись, повторяются и будутъ повторяться эти ненужные факты жестокости и гоненія и это безплодное переживаніе Домостроя, точно порядокъ его намъ еще не извѣстенъ? Достоевскій въ одномъ изъ своихъ дневниковъ замѣчаетъ, что ему пришлось разъ говорить съ Салтыковымъ

о творческомъ безсиліи, и Салтыковъ вполне согласился съ нимъ. И они правы, тысячу разъ правы! Какъ-бы писатель ни былъ силенъ талантомъ, ему не воспроизвести даже и сотой доли той мерзости, которой онъ окруженъ; самое талантливое описаніе всегда блѣдно передъ дѣйствительностію.

Возьмите любой № газеты и сѣмъйте только сгруппировать факты—и какой неприглядной покажется вамъ жизнь, сколько грубаго, звѣрскаго окажется въ ней. Это не пессимизмъ, читатель, я говорю только о томъ, что мрачная сторона медали слишкомъ заслоняетъ остальную. Вы, конечно, читатель, слышали о дѣлѣ Пейча и какіе протесты оно вызвало въ „Моск. Вѣд.“ и „Нов. Вр.“. По сказаніямъ этихъ двухъ газетъ, жило въ Малоярославецкомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, семейство Пейчъ, состоящее изъ мужа, жены и шестерыхъ дѣтей. Самъ Пейчъ былъ человекъ прямого и горячаго характера, очень осторожный въ выборѣ знакомствъ и потому державшій себя нѣсколько далеко; вотъ это-то обстоятельство, какъ говорить „Нов. Вр.“ (со словъ „Моск. Вѣд.“), и было ближайшею причиною всѣхъ бѣдствій, обрушившихся вскорѣ на гг. Пейчъ. «Уѣздные воротилы стали питать къ нимъ вначалѣ неприязнь, а затѣмъ нашелся защитникъ вдовъ и сиротъ въ лицѣ адвоката Бѣлаева, который, къ несчастію для гг. Пейчъ, былъ ихъ сосѣдомъ по имѣнію»... Эти нѣсколько точекъ поставлены газетою не безъ ехидства; читателю дѣлается намекъ на какіе-то личные, а можетъ быть, и своекорыстные расчеты и склоняютъ его симпатію въ пользу человека, возбудившаго противъ себя негодованіе благородствомъ, чистотой и откровенностью характера. У этого благороднаго и открытаго, но нѣсколько горячаго человека произошелъ несчастный случай: ребенка посадили на истопленную лежанку, и онъ обжегся. И сейчасъ стоустая молва протрубила, что сама мать, по нелюбви къ ребенку, посадила его на лежанку. Затѣмъ явились свидѣтели: прогнанная кухарка и другія такія-же достовѣрныя лица; начинаются слѣдствіе, дознанія, судъ. Г. Пейча заключаютъ въ одинъ тюремный замокъ, его жену—въ другой, и Пейчи оказываются, наконецъ, на скамьѣ подсудимыхъ. „Мы были на судѣ, рассказываетъ корреспондентъ „М. Вѣд.“;—признаемся, намъ никогда не приходилось видѣть безобразнѣе обвиненія и самоувѣреннѣе защиты: правда была такъ очевидна, напрасное горе подсудимыхъ и ихъ дѣтей такъ бросалось въ глаза всякому, что защита не привлекала массы фактовъ къ свѣдѣнію и обходила свидѣтелей, говорившихъ за нее; а когда подсудимый держалъ послѣднее слово, то невозможно было безъ слезъ слушать и безъ возмущенія подумать, какъ можетъ иногда безвинно страдать человекъ. Присяжные плакали, многіе изъ публики тоже, дѣти не могли

отъ слезъ смотрѣть на своихъ родителей, въ особенности маленькій пятилѣтній сынъ, о которомъ и шла рѣчь... Это была драма въ высочайшемъ значеніи слова. Когда старшина присяжныхъ читалъ отвѣты на вопросы обвиненія, то голосъ его дрожалъ, руки тряслись и когда по третьему, послѣднему вопросу произнеслось вновь „невиновенъ“, то произошло нѣчто необычайное: всѣ заавляли о торжествѣ правды и какъ будто у каждого спала съ плечъ своя бѣда, свое горе! Нужно было видѣть, какъ дѣти бросились къ своимъ родителямъ и какая глубокая задушевность сказалась при этомъ». Правда восторжествовала! замѣчаютъ „Московскія Вѣдомости“ и съ ними «Новое Время». Да, восторжествовала, отвѣчаетъ корреспондентъ «Голоса», восторжествовала не правда, а ложь, самое варварское издѣвательство надъ правдой, которое нашло себѣ мѣсто въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Оправданіе гг. Пейчевъ было не торжествомъ правды, а торжествомъ милости, судъ надъ ними не былъ клеветой, не былъ слѣдствіемъ сплетенъ и наговора, и обморокъ госпожи Пейчъ, и слезы на судѣ—все это было только торжествомъ прощенія. На судѣ обнаружилось, что не только люди, бывшіе въ услуженіи гг. Пейчевъ, но и родственники прислуги, и акушерка, всѣ, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ въ одинъ голосъ показали, что, изъ числа семерыхъ дѣтей, трое было нелюбимыхъ, которыхъ всегда помѣщали отдѣльно, въ кучерской избѣ. Нелюбимыя дѣти ходили въ грязныхъ, рваныхъ рубашкахъ, кормили ихъ такъ плохо, что они подбирали разныя крошки и изъ сора выбирали кочерыжки и глодали ихъ. На предварительномъ слѣдствіи акушерка Ковальская дала такое показаніе:

«Я видѣла, какъ самъ Пейчевъ призывалъ дочь Екаторину (девяти лѣтъ), приказывалъ ей ложиться и затѣмъ сильно билъ хлыстомъ по голому тѣлу, послѣ чего приказывалъ встать и держать руки по-швамъ, потомъ опять приказывалъ ложиться и, поднявъ рубашку, опять наносилъ удары хлыстомъ; когда же она начинала плакать, то онъ ее выгонялъ босикомъ, въ одной рубашкѣ, въ сѣни, на морозъ, гдѣ она пробывала часа по три и болѣе. Тоже дѣлали и съ мальчикомъ Петромъ (трехъ лѣтъ). Когда я жила у Пейчевъ, то Великимъ постомъ мать посадила сына Петра на горячую лежанку голымъ тѣломъ, отчего у Петра все сѣдалище было обожжено такъ, что кожа пристала къ лежанкѣ; отъ боли онъ закрывалъ и на крикъ прибѣжалъ отецъ съ розгою и хотѣлъ его бить, но увидѣвъ, что на сѣдалищѣ не было кожи, бить не сталъ и сейчасъ же всѣхъ троихъ нелюбимыхъ дѣтей отправили въ кучерскую, гдѣ они и лежали въ нетопленной комнатѣ. Бросила же г-жа Пейчевъ Петра на лежанку за то, что, обжегши ручку о ле-

жанку, онъ заплакалъ.» Это показаніе Ковальская подтвердила и на судѣ. Одна изъ свидѣтельницъ, которая на предварительномъ слѣдствіи не сказала правды, на судѣ созналась, что собственными глазами видала, какъ вся кожа на сѣдалищѣ сошла и осталась на лежанкѣ; когда это показаніе дѣлалось на судѣ, свидѣтельница заплакала, заплакали и присяжные засѣдатели; г-жа Пейчъ упала въ обморокъ и засѣданіе было закрыто. «Московскія Вѣдомости» же говорятъ, что присяжные заплакали, глядя на невиннаго человѣка. Если присяжные вынесли оправдательный приговоръ, то только потому, что обвинительный былъ бы не желательнымъ. Ссылка родителей въ мѣста не столь отдаленныя не принесла-бы пользы ни имъ, ни дѣтямъ. Не въ карѣ сила правосудія, а въ томъ, что человѣкъ знающій, что его поведеніе всегда подѣ контролемъ общественнаго мнѣнія, удержится отъ поступковъ, которые могутъ предать его суду общественной совѣсти. Но горе обществу, когда оно утратитъ чуткость совѣсти и когда въ немъ начинаютъ торжествовать противоположныя инстинкты! Мы не отрицаемъ того, что въ настоящемъ случаѣ судъ могъ произвести не на всѣхъ одинаковое впечатлѣніе, но тутъ рѣчь не о впечатлѣніи, рѣчь о томъ обвиненіи, которое пало на судъ. И почему, спрашивается, только дѣло гг. Пейчъ дало «Московскимъ Вѣдомостямъ» поводъ обрушиться на нашъ судебный институтъ тогда, когда есть другія дѣла, которыя даютъ гораздо лучшей для того поводъ. «Московскія Вѣдомости» спрашиваютъ: чѣмъ огражденъ всякій честный человѣкъ отъ скрпизовъ нелѣпаго обвиненія, вопіющаго безобразія собранныхъ улыкъ и отъ сканми подсудимыхъ? По словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта; не даетъ его законъ, не даетъ его организація нашихъ судовъ, при которой слѣдователь можетъ дѣлать съ каждымъ, что ему вздумается, а палата утверждаетъ самый безобразный обвинительный актъ. Въ Англии, гдѣ фактъ преданія суду считается дѣломъ первой важности, актъ этотъ подвергается особому суду присяжныхъ: у насъ-же ничего подобнаго нѣтъ.

Это замѣчаніе «Московскихъ Вѣдомостей» вполне справедливо и если московская газета сдѣлала-бы его по поводу какихъ нибудь другихъ дѣлъ, а не дѣла гг. Пейчъ, подѣ мнѣніемъ газеты подписались-бы всѣ люди, желающіе суда скораго, милостиваго и справедливаго, какой и имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ. «Московскія Вѣдомости», обрушившіяся на Калужскій судъ за гг. Пейчъ, не возмутились однако фактомъ, когда люди, дѣйствительно ни въ чемъ неповинные, были обвинены Богъ знаетъ въ чемъ, и надѣ ними свершился цѣлый рядъ безобразій и произвола. Въ одномъ

селѣ чигиринскаго уѣзда жилъ священникъ, потерявшій всякое вліяніе на крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ скупать ихъ земли. У священника происходили постоянныя стѣны съ крестьянами, взаимныя неудовольствія становились все сильнѣе и сильнѣе, тѣмъ болѣе, что священникъ былъ строгъ и неуступчивъ въ взысканіяхъ за требы. И вотъ, стали ходить разные толки и наконецъ прошла молва о заговорѣ на жизнь священника. Священнику доложили, что крестьяне въ тайномъ собраніи порѣшили взорвать динамитомъ церковь и убить батюшку. Батюшка приказалъ связать заговорщиковъ, велѣлъ заключить ихъ подъ стражу, а самъ уѣхалъ въ Чигиринъ. На другой день пріѣхали въ преступное селеніе приставъ, пять урядниковъ и началось слѣдствіе. Оказалось, что арестованные ни сномъ, ни духомъ ничего не знаютъ; при обыскѣ въ квартирѣ у арестованныхъ нашли, правда, двѣ заржавленныя сабли, но ими нельзя было ничего ни рѣзать, ни рубить. Не смотря на это, арестованныхъ отвезли въ Чигиринъ, и черезъ десять дней въ обвиняемое село пріѣхали исправникъ, надзиратель, приставъ, восемь урядниковъ и шесть полицейскихъ, чтобы снова разслѣдовать дѣло. Но и это дознаніе не привело ни къ чему и въ концѣ концовъ оказалось, что вся исторія завязалась изъ-за штундизма, который перессорилъ крестьянъ съ священникомъ.

Подобное дѣло, дѣйствительно, заставляетъ сожалѣть, что у насъ можно предавать людей суду съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ это дѣлается; что личный произволъ и личныя соображенія могутъ доходить иногда до такого безобразія, какъ это мы сейчасъ сообщимъ, и что судъ иногда дѣйствительно бездѣйствуетъ, когда ему-бы слѣдовало отстаивать торжество истины.

Дѣло, о которомъ мы скажемъ, происходило еще въ прошедшемъ году. Нѣкій капитанъ Макщицкій сопровождалъ въ поѣздѣ семь арестантовъ; на станціи Фастово, оберъ-кондукторъ поѣзда, Егоровъ, вошелъ въ вагонъ капитана и просилъ позволенія обривизовать вагонъ, въ которомъ находились арестанты. Капитанъ нашелъ это требованіе незаконнымъ и отклонилъ его; оберъ-кондукторъ, основываясь тоже на законѣ, настаивалъ на своемъ. Завязался споръ, потомъ началась брань и дѣло кончилось насиліемъ. Позвавъ двухъ рядовыхъ, капитанъ арестовалъ оберъ-кондуктора и посадилъ его въ вагонъ третьяго класса; не довольствуясь этимъ, капитанъ еще вздумалъ надругаться надъ оберъ-кондукторомъ. Войдя въ вагонъ, въ которомъ сидѣлъ арестованный, капитанъ спрашиваетъ, какъ онъ смѣетъ сидѣть въ присутствіи начальника; «вы мнѣ не начальникъ, я не нижній чинъ,» отвѣтилъ оберъ-кондукторъ. Руки по швамъ! командуетъ капитанъ и бьетъ его по рукамъ,

но такъ-какъ оберъ-кондукторъ все-таки не держалъ руки по швамъ, то капитанъ приказалъ рядовымъ научить его этому артикулу, и четыре дюжія солдатскія руки, конечно, научили. На судебномъ слѣдствіи оказалось, что между капитаномъ и оберъ-кондукторомъ существовала давнишняя вражда, вслѣдствіи неоднократно обнаруженной оберъ-кондукторомъ перевозки въ вагонъ для арестантовъ частныхъ лицъ. Послѣ минутнаго совѣщанія, оберъ-кондукторъ былъ оправданъ, но что-же стало съ капитаномъ? Вѣдь съ самаго начала было ясно, что храбрый капитанъ не имѣлъ права посадить подъ арестъ начальника поѣзда. Конечно, зналъ это и мужественный капитанъ, не могъ-же онъ не знать, что его компетенцію составляли только арестанты, которыхъ онъ сопровождалъ, да солдаты, которые составляли его команду. Какъ начальникъ арестанскаго отдѣленія, капитанъ составлялъ только часть поѣзда, и главнымъ распорядителемъ его былъ, конечно, оберъ-кондукторъ, отвѣчающій за весь поѣздъ и, такъ-сказать, держащій въ своихъ рукахъ судьбу всѣхъ пассажировъ. Но храбрый капитанъ, совершившій походъ въ Турцію и Сербію, судить о вещахъ по законамъ военнаго времени и держать себя въ своемъ мирномъ отечествѣ, словно въ непріятельской землѣ. И мало того, что онъ держитъ себя такимъ образомъ, онъ твердо убѣжденъ въ своей правотѣ и является на судъ истцомъ, а не отвѣтчикомъ. Почему-же, спрашивается, такое очевидное и вопиющее дѣло не обрушило „Моск. Вѣд.“ на судъ, а справедливое дѣло гг. Пейчъ вызвало громъ и молнію; вѣдь не могли-же «Московскія Вѣдомости» не понимать, что поведеніе храбраго капитана принадлежитъ къ категоріи невозможныхъ и въ благоустроенномъ обществѣ нетерпимыхъ. А между тѣмъ, онъ оставляетъ судъ, можетъ быть, даже съ такимъ-же убѣжденіемъ, какъ «Моск. Вѣд» отнеслись къ суду надъ гг. Пейчъ, т. е., нашелъ дѣйствія суда несправедливыми. Истинно же правый человѣкъ уходитъ съ радостнымъ сердцемъ, что его не обвинили. По крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстно, протестовалъ-ли оберъ-кондукторъ и какое дальнѣйшее направленіе дѣлу далъ прокуроръ Окружнаго суда; изъ этого дѣла мы видимъ только, что не восторжествовала неправда, но не видимъ, восторжествовала-ли правда.

Судебная власть есть дѣйствительно величайшая власть любой страны, и въ этомъ случаѣ «Московск. Вѣдомости» сдѣлали-бы лучше, если-бы сослались на судъ американскій, а не англійскій. Въ юстиціи заключается гарантія народной свободы, и той высотой, на которой стоитъ юстиція даннаго народа, объясняется, конечно, и степень свободы націи; безъ юстиціи не можетъ быть ни правительства, ни общества; безъ юстиціи не можетъ быть ни личнаго, ни

общественнаго спокойствія и безопасности. Если я не увѣренъ въ неприкосновенности своей личности, не увѣренъ въ своей свободѣ и собственности, я долженъ бѣжать изъ такой страны, потому что на каждомъ шагу, значить, будетъ страдать или моя личность, или моя собственность. Въ восточныхъ государствахъ, гдѣ правосудіе мало извѣстно, у людей исчезла всякая охота къ накопленію, всякая охота къ производительному труду. Зачѣмъ я буду трудиться, когда на завтра плоды моихъ трудовъ могутъ быть отняты? Въ тѣхъ же восточныхъ странахъ отсутствіе правосудія вело къ личному произволу и каждый дѣлалъ то, что ему хотѣлось, разсчитывая на безнаказанность. Конечно, въ восточныхъ странахъ не существовало самаго элементарнаго правосудія, а объ Россіи этого сказать нельзя; но и тѣми фактами, которые нами приведены, достаточно обрисовывается упадокъ у насъ за послѣднее время чувства справедливости. У насъ больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, должно быть поднято значеніе суда, какъ высшей вершающей власти, въ которой каждый можетъ найти то правосудіе, котораго онъ ищетъ. Безъ увѣренности, что человѣкъ найдетъ свое право, жизнь становится невыносимой и невозможной, потому что, вѣдь, нельзя-же, чтобы каждый зависѣлъ отъ произвола и каприза своего болѣе сильнаго сосѣда, разсчитывающаго на безнаказанность. Храбрый капитанъ ни за что-бы не рѣшился поступить такимъ образомъ ни въ Англіи, ни во Франціи, не говоря уже про Америку, а у насъ онъ на это рѣшился, потому что разсчитывалъ на поддержку частью общественнаго мнѣнія, а частью, пожалуй, даже и на свою правоту, вслѣдствіе неяснаго взгляда, который онъ имѣлъ на свою обязанность. Выяснить, установить и сохранить въ чистотѣ ясное пониманіе правъ и обязанностей и заставить уважать законъ можетъ только хорошо организованная юстиція; только она является высшимъ критеріемъ, разрѣшающимъ, какъ частныя, такъ и общія недоразумѣнія и устанавливающимъ всеобщее чувство правды и справедливости, предъ которымъ долженъ преклониться всякій и отъ котораго никто отступить не смѣетъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ Сѣверо-Американскіе Штаты являются единственной страной, гдѣ правосудіе поставлено на высоту, какой оно нигдѣ еще не достигло. Соединенные Штаты первые поняли, что правосудіе есть политическая власть; въ другихъ странахъ юстиція изображаетъ собой видъ администраціи и зависитъ отъ исполнителей. Въ такихъ странахъ юстиція только примѣняетъ законы, и примѣненіе это дѣлается должностными лицами, назначаемыми административною властью или государемъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ юстиція находится въ полной зависимости или отъ администраціи, или отъ исполни-

тельной власти и будетъ совершенно несвободной въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ Америкѣ ничего подобнаго не можетъ встрѣтиться: въ ней судебная власть вполнѣ независима и стоитъ, такъ сказать, между закономъ и конституціей; если законъ противорѣчитъ конституціи, судъ признаетъ его недѣйствительнымъ. Какое-бы ни было нарушение закона или постановленій страны, вы всегда можете быть убѣждены, что въ государственной юстиціи найдете защиту и восстановление вашихъ гражданскихъ правъ, кѣмъ-бы они ни были нарушены. Юстиція, поставленная на такую высоту, представляетъ собою полнѣйшую гарантію сохраненія въ странѣ чувства законности, мѣры и невозможности проявленія ни дикаго произвола, ни насилія, ни нелѣпаго самодурства, которые всегда будутъ возможны тамъ, гдѣ юстиція не является политической властью. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, а между тѣмъ, только въ американскомъ разрѣшеніи вопроса возможна полная гарантія нелицепріятнаго правосудія. Судъ въ Америкѣ не только рѣшаетъ личныя дѣла; судъ или, точнѣе, судебная власть, является охранительницей конституціи во всей ея чистотѣ; отъ судебной власти зависитъ гармонія внутренняго состоянія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и поддержанія главенствъ конгрессовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что въ томъ видѣ, какъ организована юстиція въ Америкѣ, у насъ она невозможна, да мы и говоримъ не объ этомъ; мы хотимъ только сказать, что правильное отношеніе между гражданами невозможно, невозможно и мирное развитіе страны, невозможно удаленіе произвола и насилія, если въ странѣ нѣтъ независимой власти, спеціальное назначеніе которой заключается въ томъ, чтобъ охранять неприкосновенность правъ гражданъ, отстранять покушенія на ихъ свободу, и если эта власть не составляетъ вполнѣ независимую силу, стоящую внѣ административнаго вмѣшательства. Въ Америкѣ судебная власть стоитъ выше административной, она стоитъ судьей между администраціей и народомъ и возстановляетъ повсюду нарушенную правду, кѣмъ-бы она ни была нарушена.

Понятно, что такая организація юстиціи должна была воспитать народъ въ отношеніяхъ, для континентальныхъ обитателей Европы совершенно невозможныхъ. Вотъ, напримѣръ, что рассказываютъ „Новости“. Въ мѣстечко Плумъ-Крикъ, въ Небраска, явился одинъ китаецъ, по имени Юнгъ-Льюнгъ, по ремеслу прачка, и просилъ натурализовать его американскимъ гражданиномъ; населеніе Плумъ-Крика, слышавшее о китайскомъ биллѣ, рѣшило не принимать Юнга, пока судьба билля не будетъ рѣшена. Въ день, назначенный для натурализаціи китаецца, въ официальную залу явилось

множество Плумъ-Крикскихъ обитателей, вооруженныхъ револьверами. Американцы, направивъ въ лобъ злополучнаго китайца дула смертоносныхъ оружій, объявили ему, что скорѣе убьютъ его, чѣмъ примуть въ среду своихъ гражданъ; но Юнгъ-Льюнгъ, раскрывъ грудь, съ твердостью объявилъ, что онъ предпочитаетъ лучше умереть, чѣмъ лишиться своего права. Такая неустрашимость привела публику въ восторгъ; судья тотчасъ-же изготовилъ документъ на гражданство, и всѣ присутствующіе принялись пить за здоровье новаго американца. Чтобы Юнгъ-Льюнгъ могъ потребовать своего права, конечно, ему слѣдовало имѣть убѣжденіе, что онъ на то имѣетъ право и что борьба за право всегда приведетъ къ торжеству его. Если-бы американцы были убѣждены, что бороться за право бесполезно и что сколько не борись, а правды не добьешься, едва-ли-бы они отличались той энергіей независимости, которая ихъ выдѣляетъ изъ всѣхъ народовъ міра. Для воспитанія гражданской энергіи очень важно, чтобы люди имѣли возможность отстаивать свои права и находили-бы поддержку въ юстиціи. Если же отстаиваніе не ведетъ ни къ чему, то ничего нѣтъ мудренаго что энергія смѣняется апатіей, какъ мы это видимъ въ восточныхъ странахъ, гдѣ человѣкъ настолько привыкъ къ несправедливостямъ и невозможности бороться за свое право и за правду, что перестаетъ цѣнить даже высшее человѣческое благо—свою собственную жизнь.

Бываютъ моменты въ жизни народовъ, когда чувство правды какъ-бы утрачивается, когда граница между справедливымъ и несправедливымъ исчезаетъ и когда человѣкъ или съ большимъ трудомъ, или даже и совсѣмъ не можетъ найти защиты своего поправнаго права; въ такія трудныя минуты, дѣйствительно, можетъ потеряться всякая вѣра во все лучшее и благородное, и оторопѣвшій человѣкъ напрасно ищетъ на кого-бы онъ могъ опереться; вокругъ нѣтъ друзей, нѣтъ людей, способныхъ отстаивать его свободу и возстановить поправную правду; ренегатство является уже не исключеніемъ, а правиломъ, и даже сами жрецы науки, вмѣсто истины, начинаютъ служить неправдѣ и насилію. Отступничество г. Вагнера—одинъ изъ печальныхъ признаковъ подобнаго момента, того момента, о которомъ скорбитъ такъ самъ г. Вагнеръ, какъ о признакѣ нашего общественнаго худосочія.

III.

Настоящее внутреннее обозрѣніе отъ обстоятельствъ, не вполнѣ отъ меня зависящихъ, выходитъ нѣсколько теоретическимъ; впро-

чемъ, хорошо говорить о практическихъ вопросахъ, когда существуютъ для нихъ ясныя теоретическія основанія; но если, какъ у насъ нынче, въ обществѣ исчезли идеалы, когда люди отличаютъ съ трудомъ хорошее отъ дурного и справедливое отъ несправедливаго, когда исчезли, повидимому, самыя элементарныя понятія о правдѣ, поневолѣ приходится обращаться къ азбучнымъ истинамъ. Однимъ изъ такихъ азбучныхъ вопросовъ является нынче вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.

Если-бы кто-нибудь спросилъ, нужно или не нужно образованіе вообще, конечно, каждый-бы отвѣтилъ, что образованіе нужно; но если поставить вопросъ такъ, — нужно-ли женское образованіе, когда нѣтъ образованія мужскаго, когда въ обществѣ высказывается громко, что нужно ограничить число слушателей въ университетахъ и въ гимназіяхъ и вообще сократить умственный трудъ, то вопросъ о томъ, нужно-ли учить женщинъ, получаетъ какъ-бы логическую санкцію.

Къ счастью для Россіи, мы всегда жили подъ планидой и до сихъ поръ еще не выработали въ идейныхъ вопросахъ традиціонной программы и извѣстной точной политики. Въ Пруссіи разъ установленный народно-образовательный принципъ не зависѣлъ отъ лицъ и проводился послѣдовательно изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, безъ всякихъ урѣзываній или перемѣнъ. Напримѣръ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гарденбергъ, Штейнъ и другіе рѣшили, что, для торжества Пруссіи, долженъ быть поднятъ народный духъ, должна быть открыта школа, должно ввести высшее образованіе и вообще главная работа государства должна состоять въ томъ, чтобы увеличивать по возможности число знающихъ и думающихъ людей. Система, разъ установленная въ этомъ направленіи и не подвергавшаяся уже никакимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, создала, наконецъ, въ Германіи главенство Пруссіи, и прусскіе государственные люди, ученые и писатели явились настоящимъ цвѣтомъ германской культуры. Политическое могущество Пруссіи и всей Германіи обязано тоже, той разъ установившейся системѣ, которая заботы о національномъ образованіи и развитіи поставила во главѣ всѣхъ остальныхъ заботъ.

У насъ, къ сожалѣнію, заботы о національномъ образованіи никогда не отличались прусской шириной и полнотой, широкой прогрессивной системы никогда не существовало, а существовали лишь отдѣльныя личныя возрѣнія, которыя зависѣли нерѣдко отъ случайныхъ обстоятельствъ и несущественныхъ вліяній. Насколько это вѣрно, читатель можетъ убѣдиться на судьбѣ женскихъ учебныхъ курсовъ.

Женскіе медицинскіе курсы обязаны у насъ чисто-личному почину, не вслѣдствіи сознанія ихъ необходимости государственною властью, а скорѣе какъ-бы вслѣдствіи ея недосмотра. Такъ-какъ первыя медицинскія лекціи 1861 г. явились въ видѣ либеральной случайности, то понятно, что немедленно-же вызвали противъ себя реакцію; но реакція однако худо разсчитала свой успѣхъ, она ошиблась въ разсчетѣ въ томъ, что въ наплывѣ женщинъ на курсы усмотрѣла простое заигрываніе съ знаніемъ, тогда какъ въ сущности умственное движеніе, захватившее нашихъ женщинъ, имѣло корни болѣе глубокіе. Гоненіе, поднятое на женщинъ, вызвало эмиграцію русскихъ женщинъ за границу, что, конечно, не входило въ планы реакціонеровъ, такъ-что волей-неволей пришлось уступить сильно обозначившемуся непреодолимому и неустраняемому стремленію русской женщины къ образованію. Прошло больше десяти лѣтъ этой бесплодной реакціонной борьбы и, наконецъ, въ 1872 г. явились высшіе врачебныя женскіе курсы, признанныя таковыми правительствомъ.

Но и здѣсь нельзя не обратить вниманія на планиду: женскіе медицинскіе курсы оказались учрежденіемъ не Министерства Народнаго Просвѣщенія, а Министерства Военнаго и состояли подъ ближайшимъ покровительствомъ гр. Милютина. Понятное дѣло, что, какъ учрежденіе, такъ сказать, терпимое, существующее потому, что нашелся человекъ, гласно ему покровительствующій, высшіе женскіе медицинскіе курсы не могли считаться заведеніемъ не только прочно установившимся, но и даже введеннымъ въ систему государственнаго образованія. Министерство Народнаго Просвѣщенія до сихъ поръ отказывается ввести ихъ въ среду своихъ высшихъ заведеній и не закрѣпляетъ ихъ существованія своей санкціей. Это межеумочное положеніе должно было непременно привести къ той катастрофѣ, которая и постигла курсы. Вновь назначенный военный министръ нашелъ непослѣдовательнымъ сохранить въ военномъ вѣдомствѣ учрежденіе, не имѣвшее, такъ сказать, органической связи съ главнымъ предметомъ его вѣдѣнія, и въ военномъ министерствѣ возбужденъ былъ вопросъ объ уничтоженіи находящихся при николаевскомъ военномъ госпиталѣ, женскихъ курсовъ. Какъ ни логиченъ былъ подобный вопросъ, но, чтобы закрыть заведеніе, существующее уже десять лѣтъ и у котораго явилась своя традиція,— для этого, конечно, нужно было большое мужество даже и въ такомъ безличномъ обществѣ, какъ наше. Къ счастью, по закону той-же планиды, у курсовъ нашлись защитники и, по приказанію военнаго министра, военно-медицинское управленіе обратилось въ думу съ предложеніемъ: не найдетъ-ли она возможности принять женскіе меди-

цинскіе курсы подъ свое вѣдѣніе. Военное министерство поступило, конечно, великодушно, во всякомъ случаѣ, великодушнѣе министерства народнаго просвѣщенія; тѣмъ не менѣе, центръ тяжести вопроса не въ этомъ, а въ томъ, что высшее женское образованіе не получило у насъ еще до сихъ поръ государственнаго значенія, не возведено въ систему, а существуетъ, какъ нѣчто терпимое, зависящее отъ личной милости, или-же отъ каприза и произвола лицъ, которыя могутъ ему покровительствовать или вредить, смотря по вкусу и по желанію.

Понятно и логически неизбѣжно, что подобный, висящій на воздухѣ, вопросъ, зависящій отъ планды, долженъ былъ подвергнуться случайностямъ всяческихъ рисковъ и очутиться въ зависимости отъ такой-же случайности, которую на этотъ разъ изобразила собою Петербургская городская дума. Мнѣ думается, что гласные были вполне послѣдовательны, когда заявили, что заботы о высшемъ образованіи принадлежать правительству, городу-же принадлежать заботы о первоначальномъ народномъ образованіи и о простыхъ школахъ грамотности, которыхъ недостаетъ въ городѣ. Но были послѣдовательны также и тѣ, кто стоялъ за поддержаніе высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ. Фальшивое положеніе вопроса стало неизбѣжнымъ, какъ только Министерство Народ. Просв., поставило высшее женское образованіе внѣ своей компетентности. Разрѣшеніе должно было встать въ зависимость отъ компромисса, а компромиссы, когда рѣшеніе зависитъ отъ нихъ—всѣ одинаковы. Дума большинствомъ 67 голосовъ противъ 25 постановила: «Сообщить главному военно-медицинскому управленію, что петербургское городское общественное управленіе не встрѣчаетъ препятствій принять въ свое вѣдѣніе женскіе врачебные курсы, коль скоро послѣдуетъ передача городскому управленію городскихъ больницъ и если содержаніе врачебныхъ женскихъ курсовъ, при сохраненіи впредь получаемаго отъ казны пособия, не потребуетъ изъ городской казны расхода болѣе 15,000 рублей въ годъ, а Военное министерство, съ своей стороны, не откажетъ въ денежномъ единовременномъ пособіи для перехода курсовъ въ вѣдѣніе города». Итакъ, судьба медицинскихъ женскихъ курсовъ зависитъ теперь отъ цѣлаго ряда «если». Городская дума обѣщаетъ сохранить имъ жизнь, если больницы перейдутъ въ городское вѣдѣніе, а когда это состоится—неизвѣстно. Далѣе, курсы не умрутъ, если казна сохранитъ имъ пособие, но сохранить-ли она это пособие—тоже неизвѣстно. Курсы не умрутъ, если они не потребуютъ на содержаніе отъ города не болѣе 15,000 р. и если, наконецъ, военное министерство окажетъ единовременное пособие для перехода курсовъ въ вѣдѣніе города.

Опять не разрѣшенные вопросы. Весь этотъ запутанный компромиссъ съ безконечными «если», есть слѣдствіе того фальшиваго положенія, въ которомъ стоитъ въ Россіи женское образованіе; оно является у насъ милостью, подаркомъ, а не неизбѣжной необходимостью, безъ которой невозможно существованіе государства. И любопытно, что просвѣщеннымъ гласнымъ ничего не стоитъ ассигновать пять милліоновъ на мость, затратить сотни тысячъ на несущественные и вовсе ненужные для благосостоянія жителей расходы, а когда коснется вопросъ такого дѣла, какъ женское образованіе, дума говорить, что это не ея дѣло и что если расходъ превзойдетъ 15,000 р. хотя одной копѣйкой, то она закроетъ курсы. Мы думаемъ, что нашъ муниципалитетъ не совсѣмъ ясно понимаетъ свои обязанности и не совсѣмъ сознательно относится къ своей роли, какъ общественнаго представителя. Въ Европѣ, напримѣръ, представители городского управленія лучше сознаютъ роль, какую создала имъ исторія, и то общественное значеніе, которое они призваны поддерживать и выполнять. Наши-же городскія управленія смотрятъ на себя, какъ на прихода-расходныя книги и вполне мирятся съ этой ничтожной ролью.

Но является досадное чувство и на представителей нашихъ врачебныхъ женскихъ курсовъ. Курсы эти существуютъ десять лѣтъ, выпустили они около 300 врачей, но что сдѣлали начальство курсовъ и профессора, чтобы рекламировать въ общественномъ мнѣніи это единственное высшее врачебное женское заведеніе? Любое гимназическое начальство дѣлаетъ гораздо больше для извѣстности своей гимназии и ея успѣховъ, чѣмъ это сдѣлали заправилы курсовъ. Обществу извѣстны только двѣ женщины-врача: г-жи Сулова и Кашеварова-Руднева, да и онѣ окончили курсъ не на этихъ женскихъ курсахъ. Но кому изъ трехсотъ окончившихъ курсъ женщинъ-медиковъ нашъ медицинскій персоналъ помогъ выдѣлиться? Что было сдѣлано, чтобы нѣкоторые, неоспоримо даровитыя, знающія и способныя къ дальнѣйшему серьезному научному труду женщины-врачи получили возможность подняться надъ общимъ уровнемъ и занять передовое мѣсто, на которое онѣ имѣли полное право? Ничего этого женскіе медицинскіе курсы не сдѣлали. Шли они какъ-то рутинно, шагъ за шагомъ, ничѣмъ не заявляя о себѣ обществу, и между лицами и профессорами, завѣдывавшими ими, не нашлось ни одного съ искрой Божіей, который-бы вложилъ свою душу въ это дѣло и поднималъ-бы его на высоту, на которой оно должно стоять.

Причины этого заключаются, конечно, въ тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя ложатся гнетомъ на всякое проявленіе умственныхъ

силъ и умственнаго порыва къ свѣту и самостоятельности. Возьмите дѣло, основанное на спекуляціи, на лжи, на обманѣ, оно непременно найдетъ защитниковъ, ходатаевъ и работниковъ; но возьмите дѣло, въ которое замѣшано знаніе, культура и умственный прогрессъ, и вы напередъ можете рассчитывать или на фіаско, на противодѣйствіе, вражду и зажимъ, или только на половинный, жалкій успѣхъ. Ужь такова, должно быть, наша историческая планида.

И: Ш—ъ.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ *).

Д Ъ Л О Б У Ш А.

I.

Опять, благодаря случайности, повлекшей за собой судебное разбирательство, на время приподнять край завѣсы, обыкновенно опущенной и скрывающей отъ непосвященныхъ тайнства культа съ Калхасами въ дезабилье, приготовляющими въ тиши своихъ кабинетовъ грома и молніи,—и передъ глазами заинтересованныхъ зрителей предсталъ во всей первобытной простотѣ свинства одинъ изъ уголковъ нашего общественнаго зданія.

На этотъ разъ передъ нами не уфимскіе жрецы хищенія и экономія (многими эти слова считаются синонимами), не завоеватели чужихъ имѣній, какъ гг. Токаревъ, Лошкаревъ и К^о, не новѣйшіе покорители Казани, какъ г. Скаратинъ, не несчастные ландъ-лорды, обиженные крестьянами, не кулаки, перешедшіе границы легальнаго грабежа, не блестящіе червонные валеты, благодаря легкомыслію и неосторожности попадающіе съ бала въ мѣста не столь отдаленныя, чтобы снова блистать, какъ Юханцевъ, не становые или исправники, столь неумѣренно пользующіеся правомъ устрашенія, что и они по временамъ мелькаютъ на скамьѣ подсудимыхъ,—нѣтъ... На этотъ разъ передъ публикой явились врачи—и молодые, и пожилые, и старые—люди, вкусившіе отъ науки и съ юныхъ лѣтъ памятующіе, что „mens sana in corpore sano“.

*) Продолженіе „Сумашедшаго Дома“ отлагается до слѣдующихъ книжекъ.
Пр. автора.

Я сказалъ: врачи, хотя въ числѣ подсудимыхъ былъ только одинъ врачъ, бывший флота генераль-штаб-докторъ, тайный совѣтникъ Бушъ; остальные двое подсудимыхъ—чиновники изъ тѣхъ типичныхъ, вліятельныхъ „писарьковъ“, безъ которыхъ, какъ говорятъ, немислима ни одна канцелярія и которые нерѣдко исполняютъ функціи маленькихъ рыбокъ „лоцмановъ“, всегда плывущихъ за акулой.

На скамьѣ подсудимыхъ, повторяю, сидѣлъ одинъ врачъ—г. Бушъ, старикъ, съ небольшою сѣдой бородкой и характернымъ хищнымъ лицомъ, но въ качествѣ свидѣтелей передъ судомъ дефилировалъ цѣлый баталіонъ врачей и, надо правду сказать, въ большинствѣ случаевъ свидѣтели далеко не являлись лучами свѣта на этомъ общемъ фонѣ грязи, искательства, рабскаго подчиненія волѣ начальства, погони за мѣстами, чинами и орденами и обычнаго нытья о женѣ и дѣтяхъ.

Очень некрасивъ самъ „герой“ процесса, устроившій изъ своего вѣдомства аукціонную камеру продажи мѣстъ, не брезговавшій ни деньгами, ни натурой, ни „борзыми щенками“, — но не дурны также и многіе свидѣтели, покупавшіе мѣста, дававшіе „взаймы“, привозившіе начальнику женщинъ (было и это!) и снискившіе всяческія униженія отъ генераль-штаб-доктора...

На невысокомъ уровнѣ оказались у большинства господъ морскихъ врачей и цвическихіа добродѣтели даже въ примитивной степени. Въ этихъ запоздалыхъ проявленіяхъ гражданскаго мужества многіхъ гг. свидѣтелей, въ этихъ изліяніяхъ о собственныхъ заслугахъ (основанныхъ на продолжительности службы, а не на знаніи дѣла) и о притѣсненіяхъ со стороны „Богдана Ивановича“ часто, очень часто, звучала нота „обиженныхъ“, „обойденныхъ“, не воспользовавшихся случаемъ урвать мѣсто, орденъ или чинъ.

Не всегда красивы были и эти личныя, злостныя обличенія, расточаемыя теперь заднимъ числомъ, противъ того самого „тирана“, Богдана Ивановича, который—по словамъ врачей—еще недавно заставлялъ дрожать ихъ поджилки и заставлялъ лепетать представителей науки, какъ городничій передъ Хлестаковымъ: „Не погубите ва-ше... ва-ва... ва-ше превосходительство“,—а теперь сидѣлъ „поверженный во прахъ“, нервно покусывая бороду и злобно поглядывая изъ-подъ очковъ на прежнихъ своихъ „вѣрнопопданнхъ“. Въ этихъ признаніяхъ о страхѣ, который наводилъ бывший царекъ медицинскаго вѣдомства, чувствовался тотъ рабій духъ передъ начальствомъ, который и для насъ русскихъ, привыкшихъ къ рабьему духу, казался ужъ совсѣмъ недостойнымъ... А эти покупки мѣстъ, эти

займы, эти взятки даже хвалебными статьями въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“, изъ-за боязни начальства!

Слушая длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній, невольно приходило на умъ:

„Вотъ что дѣлаетъ наша жизнь даже съ образованными людьми!.. Молодой, полный надеждъ, врачъ поступаетъ на службу; во что онъ обращается—примѣръ на многихъ свидѣтеляхъ, фигурировавшихъ на судѣ...“

Остановимся-же на этихъ характерныхъ показаніяхъ... Онѣ — поучительное свидѣтельство деморализаціи, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ...

II.

Я не буду приводить въ подробности обвинительнаго акта, извѣстнаго читателямъ изъ газетъ. Бывшій генераль-штабъ-докторъ обвинялся въ вымогательствѣ и лихоимствѣ. Свидѣтельскія показанія подтвердили и иллюстрировали данныя обвинительнаго акта. Въ морскомъ судебномъ вѣдомствѣ существовала явная продажа мѣстъ; главную роль при назначеніяхъ играли деньги; о знаніи и способностяхъ не было и рѣчи. Незнающіе ничего въ окулистикѣ назначались „окулистами“; старецъ, дѣлавшій послѣднюю операцію, лѣтъ десять-двѣнадцать тому назадъ, назначается „консультантомъ“ по хирургіи, и т. д. Существовала даже нѣчто въ родѣ определенной таксы на разные мѣста. Такъ, за опредѣленіе во флотъ врачомъ взималось отъ 200 до 300 руб.; за переводы, за повышенія, за назначеніе на хорошія мѣста взимались, конечно, большіе куши. Не возбранялось, впрочемъ, и торговаться; взятки брались не только деньгами, но и натурой; не только крупными суммами, но и небольшими; тѣ-же, кто не могъ платить, подвергались гоненіямъ; съ такими врачами генераль-штабъ-докторъ былъ грубъ и невѣжливъ; короче говоря, въ морскомъ врачебномъ вѣдомствѣ существовало свинство въ полномъ смыслѣ этого слова. Объ этомъ, по свидѣтельству гг. врачей, говорилось громко и въ Кронштадтѣ и въ Петербургѣ, но — какъ многіе заявляли на судѣ—гг. врачи „не вѣрили“, „не хотѣли вѣрить“ и т. п. А, казалось, чего ужъ тутъ не „хотѣтъ вѣрить“, когда факты были на лицо, когда всѣ знали, зачѣмъ г. Андреевъ наѣзжалъ въ Кронштадтъ, когда даже среди студентовъ Медико-Хирургической Академіи составилось убѣжденіе, что врачамъ во флотъ поступить нельзя иначе, какъ за деньги. Нечего и прибавлять, что вся эта торговля велась не непосредственно г.

Бушемъ, а его alter ego, довѣреннымъ г. Андреевымъ, изъ «писарьковъ» сдѣлавшимся дѣлопроизводителемъ и преданнымъ всей душой своему начальнику. Онъ-то и служилъ честнымъ маклеромъ между дающимъ и принимающимъ... Въ обвинительномъ актѣ, правда, приведено не много фактовъ, прямо уличающихъ самого г. Буша (хотя есть факты и очень вѣскіе), но за то есть такая масса подавляющихъ косвенныхъ уликъ, подъ тяжестью которыхъ невозможно подняться. Всѣ эти косвенныя улики, такъ-сказать, одѣлись въ плоть и кровь на судѣ въ безчисленномъ множествѣ показаній свидѣтелей, рисуя во весь ростъ нравственный портретъ самого г. Буша и, въ то-же время, не лѣтя и нѣкоторымъ благороднымъ свидѣтелямъ...

Но да не удивляется читатель, воображая, что только въ морскомъ медицинскомъ вѣдомствѣ процвѣтала торговля. Если вѣрить показаніямъ нѣсколькихъ свидѣтелей, то и въ другихъ медицинскихъ вѣдомствахъ дѣла шли не хуже. Такъ, докторъ Черевковъ, поступившій за 200 р. во флотъ, на вопросъ члена суда, чѣмъ руководствовался свидѣтель, желая поступить въ морское вѣдомство, — отвѣчалъ:

— Я хотѣлъ поступить въ военное вѣдомство, но тамъ, какъ я слышалъ, нужно было заплатить гораздо больше.

Другой свидѣтель — титулярный совѣтникъ Кривуша показывалъ, что «между студентами Медико-Хирургической Академіи, окончивающими курсъ, обыкновенно идетъ рѣчь о мѣстахъ службы. Открываются мѣста въ военномъ и морскомъ вѣдомствѣ только послѣ извѣстныхъ переговоровъ и сношеній. Разница между этими двумя вѣдомствами была та, что въ одномъ объяснились на словахъ, а въ другомъ — посредствомъ переписки. Свидѣтель желалъ поступить въ кронштадтскій госпиталь, который, въ научномъ отношеніи, какъ онъ слышалъ, обставленъ хорошо, и узналъ, что нужно заплатить большую или меньшую сумму, смотря по числу кандидатовъ, и что для этого нужно обратиться къ Андрееву. Онъ обратился къ нему и узналъ, что, въ данное время, курсъ за мѣсто стоитъ въ 300 руб. Такую сумму свидѣтелю трудно было достать. Но когда онъ обратился и въ гражданское вѣдомство, желая поступить въ обуховскую больницу, и когда тамъ тоже нельзя было получить мѣсто, онъ сталъ съ Андреевымъ торговаться и предложилъ 200 руб.; но Андреевъ сказалъ, что уступить нельзя, такъ-какъ о цифрѣ 300 рублей уже доложено. Свидѣтель внесъ эту сумму и получилъ мѣсто. Когда онъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, оказалось, что тамъ вся эта процедура получения мѣста была хорошо извѣстна, такъ что не спрашивали: какъ получилъ мѣсто, а спра-

шивали только, сколько взяли. «Мало того, сказалъ свидѣтель:— мичмана мнѣ говорили: вамъ хорошо, потому-что съ васъ берутъ, да дѣлаютъ, а съ насъ берутъ и ничего не дѣлаютъ». Мнѣ извѣстенъ случай, продолжалъ свидѣтель, что за одного студента хлопотало высокопоставленное лицо, и когда студентъ обратился къ начальнику Академіи, Козлову, то онъ сказалъ ему; «какъ вамъ не стыдно прибѣгать къ протекціямъ?». На это студентъ отвѣтилъ, что считаетъ лучше обратиться къ протекціи, чѣмъ къ деньгамъ».

Прокуроръ: Это—относительно военнаго вѣдомства?

Кривуша: Да, а относительно морскаго я уже сказалъ, что курсъ въ то время стоялъ 300 рублей. Я пытался и въ другихъ вѣдомствахъ, думалъ, что дешевле, но получилъ отказъ».

Такъ это, или не такъ, оставимъ рѣшать свѣдущимъ людямъ. Если и въ самомъ дѣлѣ въ другихъ вѣдомствахъ мѣста врачей продаются, то, надо думать, что продажа тамъ обставлена съ большими предосторожностями, чѣмъ въ морскомъ вѣдомствѣ.

Не смотря, однако, на полнѣйшую безцеремонность, существовавшую въ морскомъ медицинскомъ вѣдомствѣ, г. Бушъ царилъ,—а виѣсть съ нимъ, царило и свинство—очень долгое время и, думаю я—царило-бы и поднесъ, если-бы г. Бушъ былъ человѣкъ болѣе осторожный и лучший психологъ. Не сидѣлъ-бы онъ на скамьѣ подсудимыхъ, а грозно правилъ-бы своимъ вѣдомствомъ, и многіе господа морскіе врачи по-прежнему не смѣли-бы «вѣрить», что такое высокопоставленное лицо—по выраженію одного врача-свидѣтеля,—«могло-бы брать не крупными, а мелкими суммами,»—если-бы не докладная записка дѣлопроизводителя медицинскаго управленія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вакуловскаго, поданная управляющему морскимъ министерствомъ послѣ того, какъ г. Вакуловскій, сдерживавшій свою гражданскую доблесть около десяти лѣтъ, наконецъ, не вытерпѣлъ и вслѣдъ за отставкой (хотя и выговорилъ при этомъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника) не явился обвинителемъ самонадѣяннаго царька, забывшаго басню о львѣ и мухѣ...

Какіе мотивы руководили г. Вакуловскимъ — гражданская-ли доблесть, притѣсненія по службѣ или просто, наконецъ, боязнъ лишиться хорошаго содержанія, а теперь не стану разбирать (съ этимъ свидѣтелемъ мы еще познакомимся въ свое время), но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этой записки было начато дѣло...

Но и тутъ, повторяю, помочь «случай»... Быть можетъ, и по аналогіи, весьма вѣроятно, что дѣло это не раскрылось-бы во всей своей наготѣ, (всѣмъ хорошо извѣстно, какъ не любимъ мы выносить соръ изъ избы), и записка г. Вакуловскаго осталась-бы

документомъ для потомковъ, еслибъ во-первыхъ, не перемѣны въ высшемъ морскомъ вѣдомствѣ (записка г-на Вакуловскаго подана въ маѣ 1881 года) и во-вторыхъ, еслибъ дѣло не попало въ руки энергичнаго, добросовѣстнаго, настойчиваго слѣдователя, не побоявшагося взять на свой рискъ (всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!) руководство однимъ закономъ и не розыгравшаго съ обвиняемымъ тѣхъ церемоній, которыя такъ часто связываютъ руки у слѣдователей, болѣе деликатныхъ къ разнымъ пивантнымъ намекамъ и слухамъ, распускаемымъ на ихъ счетъ, когда дѣло касается, такъ называемаго, высокопоставленнаго подсудимаго...

Сколько мнѣ извѣстно, въ самомъ началѣ слѣдствія генераль-штабъ-докторъ Бушъ не былъ отставленъ отъ должности, и слѣдствію было довольно затруднительно допрашивать свидѣтелей—подчиненныхъ передъ лицомъ начальника, да еще такого, какъ Богданъ Ивановичъ, передъ которымъ поджилки тряслись. Ничего не было-бы мудренаго, если-бъ господа съ такими нѣжными поджилками, при подобномъ положеніи дѣла, ограничивались-бы стереотипными отвѣтами „вѣдать не вѣдаю и знать не знаю“ и въ концѣ-концовъ, слѣдствіе-бы окончилось весьма комически... Вѣроятно, эти соображенія были представлены куда слѣдуетъ, и генераль-штабъ-докторъ былъ уволенъ отъ должности. Тогда и у господъ морскихъ врачей развязались языки и обнаружались цивилескія добродѣтели. Слѣдствіе пошло быстрѣй; вызвана и допрошена была масса свидѣтелей—всѣ морскіе врачи, исключая находившихся за границей; наконецъ, у подсудимыхъ гг. Буша и Андреева былъ произведенъ обыскъ. Эта мѣра возбудила въ то время не мало неудовольствія въ извѣстныхъ кружкахъ; слѣдователи обвиняли чутъли не въ жестокости; самыя нелѣпныя слухи имѣли мѣсто. „Вѣдь это посягательство на неприкосновенность домашняго очага!“ возмущались, разумѣется, такіе чиновные «гуси», которыхъ это «посягательство» на «святость домашняго очага» возмущаетъ всегда, когда дѣло касается высокопоставленныхъ лицъ и нимало, конечно, не удивляетъ и не будитъ гражданскихъ чувствъ, когда «неприкосновенность домашняго очага» нарушается относительно прочихъ смертныхъ...

III.

На разбирательство этого дѣла собралось довольно публики. Процессъ этотъ сильно заинтересовалъ общество. И не мудрено. Взяточничество, безправіе, беззаконіе—эти язвы, о которыхъ мы слышимъ каждый день,—казалось, не должны-бы имѣть мѣста въ

медицинскомъ учрежденіи, среди врачей—людей образованныхъ... «Хоть тамъ, у людей науки да сохранились-же, наконецъ, сколько нибудь приличные порядки»,—разсуждали люди, наивно забывавшіе, что известная система, какъ Молохъ, не дѣлаетъ различій между жертвами; что среди общей деморализаціи невозможно ожидать какого нибудь оазиса гражданской доблести и безкорыстія въ видѣ цѣлаго учрежденія, сохранившаго свою невинность. Въдѣ это учрежденіе, какъ и всякое другое, основано на принципѣ непогрѣшимости своего начальника, контроль надъ вторымъ предоставленъ одному Господу Богу, такъ-какъ иной контроль, при отсутствіи общественнаго контроля и свободы печати, рѣшительно невозможенъ, не смотря даже на самыя лучшія намѣренія очистить авгиевы конюшни, уничтожить хищеніе и водворить правду. Невозможность эта такъ осязательна и на каждомъ шагу подтверждается такими неотразимыми фактами, что можно только удивляться тѣмъ наивнымъ людямъ, которые еще искренно вѣрятъ въ возможность существованія Гарунъ-Аль-Рашидовъ даже въ образѣ директоровъ департамента. Даже на этомъ, сравнительно небольшомъ, попринципѣ департаментскій Гарунъ-Аль-Рашидъ при всемъ желаніи подражать арабскому халифу, будетъ безсиленъ и въ одинъ прекрасный день можетъ оказаться въ очень глупомъ положеніи человѣка, воображавшаго, что онъ что-то очищаетъ, что-то исправляетъ, и вдругъ увидавшаго, что въ его департаментѣ, у него подъ носомъ, у него подъ глазами, вмѣсто экономіи царитъ хищеніе, а вмѣсто правды—неправда... Смѣшно и доказывать, что даже одинъ становой, хотя-бы воплощенная добродѣтель, не можетъ имѣть больше двухъ глазъ во лбу, —а что мы-то всѣ публицисты дѣлаемъ, какъ не повторяемъ эту азбучную истину каждый день?.. И что-же показываетъ вся наша общественная жизнь, всѣ эти процессы какъ не безчисленный рядъ фактовъ, иллюстрирующихъ эту истину?..

Возьмите хоть-бы дѣло Буша и отвѣтите по совѣсти: возможно-ли, чтобы такіе порядки, какіе существовали въ медицинскомъ вѣдомствѣ, оставались въ теченіи 10 лѣтъ неизвѣстными обществу въ какой-нибудь другой странѣ? Возможно-ли, чтобы среди сослуживцевъ не нашелся человѣкъ, который выступилъ-бы съ обличеніемъ не по манерѣ г. Вакуловскаго? Я не хочу этимъ сказать, чтобы не было злоупотребленій и въ Англии, и въ Америкѣ, и во Франціи. И тамъ онѣ существуютъ, но дѣйствіе ихъ несравненно болѣе кратковременно, такъ-какъ о нихъ узнаютъ тотчасъ-же, благодаря общественному контролю, весьма чуткому. Да и цивическія добродѣтели не являются тамъ заднимъ числомъ, а во-время, ибо вся

страна заступится за человѣка, жалоба котораго справедлива, хотябы эта жалоба была подана даже на... на генераль-штаб-доктора.

Въ показаніи престарѣлаго статскаго совѣтника Галузинскаго довольно мѣтко очерчены какъ самъ подсудимый, такъ и порядки, бывшіе въ медицинской сатрапіи. По словамъ его «Бушъ не скоро довѣрялъ себя людямъ и прежде подвергалъ ихъ всевозможнымъ испытаніямъ. Подобнаго рода искусы продолжались годами, въ теченіи которыхъ онъ подвергалъ испытуемаго всевозможнымъ униженіямъ, ругалъ какъ попало и, вообще, обращался чрезвычайно грубо. Получивъ власть главнаго начальника, Бушъ считалъ необходимымъ сначала запугать подчиненныхъ, нагнать на нихъ страхъ, обезличить, чтобъ затѣмъ съ развязанными руками дѣлать то, что онъ хочетъ. И онъ блистательно достигъ своей цѣли. Онъ изгонялъ со службы людей достойныхъ и окружалъ себя такими, какіе ему были нужны. Это былъ человѣкъ... странный: то онъ либеральничалъ до тошноты, то былъ грубъ до дерзости». Произведя полную деморализацію въ средѣ морскихъ врачей, Бушъ, параллельно съ этимъ, началъ протезировать совершенно недостойнымъ людямъ». Такъ, напримѣръ, врача Коноплицкаго, не имѣющаго за собой никакихъ данныхъ, кромѣ дружбы съ Андреевымъ, Бушъ перевелъ въ Петербургскій портъ старшимъ ординаторомъ въ Калининскій госпиталь и поручилъ ему важнѣйшую отрасль медицины—хирургическую. «Врачъ этотъ былъ такой-же хирургъ, сказалъ свидѣтель:—какъ я—китайскій императоръ». Всѣ ожидали, что подобное назначеніе кончится какимъ-нибудь скандаломъ, такъ какъ Коноплицкій, кромѣ совершеннаго невѣжества, былъ еще одержимъ падуцею болѣзнию. Но находчивость Буша сказалась и въ данномъ случаѣ. Онъ приставилъ хирурга Мартынова консультантомъ. Это—специалистъ знающій и, конечно, работаетъ самостоятельно. За эту консультацію казна платитъ ему 1,200 р. въ годъ. Расходъ этотъ казна несетъ, очевидно, только потому, что Бушъ желалъ удержалъ на посту человѣка, который совершенно негоденъ по этой специальности. Относительно отчетности свидѣтель показалъ, что Бушъ изобрѣлъ и требовалъ такую отчетность, что самые опытные люди не могли составить отчетъ безъ того, чтобъ къ нему нельзя было придратъся, такъ что приходилось отчеты оплачивать; ихъ исправлялъ Андреевъ. Далѣе, врача Умецкаго, также друга Андреева, Бушъ перевелъ старшимъ врачомъ, когда тотъ не имѣлъ на это мѣсто никакого права ни по своимъ знаніямъ, ни по своей службѣ. Свидѣтель привелъ еще нѣсколько примѣровъ подбора лицъ, угод-

ныхъ Бушу, и заявилъ, что изъ всего этого, въ средѣ врачей, составилась мнѣніе, что тутъ дѣло нечистое, что происходитъ купля-продажа. Впослѣдствіи это мнѣніе превратилось въ убѣжденіе и получило подтвержденіе въ фактахъ. Вмѣстѣ съ большимъ чиномъ, Бушъ возмнилъ, что онъ сталъ и многоученнымъ. Въ засѣданіяхъ врачей онъ поролъ такую дичь, что присутствующіе только переглядывались и пожимали плечами. Въ прежнее время, въ морскомъ медицинскомъ мірѣ служба была традиціонно облагороженная, но, со вступленіемъ Буна, это исчезло. «Послѣ вполне достойнаго, умнаго, добраго и высокообразованнаго флота генераль-штабъ-доктора Розенберга—сказалъ свидѣтель—мы попали въ эту позорную кабалу». На мѣсто Розенберга ожидали иного назначенія. Такъ, напримѣръ, полагали, что будетъ профессоръ Якубовичъ или профессоръ Эйквальдъ, или профессоръ Юнге, но назначенъ былъ Бушъ, и это всѣхъ озадачило. Кромѣ взятокъ, Бушъ былъ очень чувствителенъ еще и къ протекціямъ. Такъ, напримѣръ, докторъ Бенезе, при покойномъ Краббе былъ всесильнымъ человѣкомъ и потому былъ большимъ другомъ Буша, который даже занскаивалъ въ немъ. Но какъ только Краббе закрылъ глаза, Бушъ тотчасъ-же началъ гнать Бенезе, такъ что тотъ, насколько извѣстно свидѣтелю, потерялъ здоровье: «не было столь грязныхъ словъ, которыми Бушъ не награждалъ-бы Бенезе». Съ другой стороны, свидѣтель никогда не видѣлъ примѣра, чтобъ столь высокопоставленный начальникъ, какъ Бушъ, былъ въ такихъ интимныхъ отношеніяхъ съ недавно бывшими писарями, какъ Андреевъ и Парфеновъ, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли вполне согласный триумvirатъ. Свидѣтелю самому приходилось нѣсколько разъ завтракать у Буша съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ чиновниковъ. Относительно доктора Мерцалова свидѣтель удостовѣрился, что онъ ничего не зналъ о взяткахъ, и назначенія, награды и переводы дѣлались помимо его и отъ него скрывались. Что касается подсудимаго Андреева, то свидѣтель объяснилъ, что въ рукахъ другого человѣка это былъ-бы весьма полезный и усердный чиновникъ, но онъ вынесъ искусъ Буша и остался въ его тискахъ». На вопросъ защиты о томъ, какимъ образомъ Бушъ, человѣкъ весьма недалекій и плохой медикъ, былъ назначенъ на столь высокій постъ, свидѣтель отвѣчалъ, что это былъ просто капризъ покойнаго адмирала Краббе. Бушъ всегда былъ однимъ изъ послѣднихъ, и всѣ были крайне удивлены его назначеніемъ.

Почему именно «капризъ» адмирала Краббе палъ на доктора Буша,—объ этомъ изъ свидѣтельскихъ показаній, къ сожалѣнію, не видно, такъ что «капризъ» адмирала остается ничѣмъ не мооти-

рованымъ и, мало того, возбуждаетъ опасенія, что если назначеніе высшихъ медицинскихъ начальниковъ зависить отъ каприза того или другого адмирала или генерала, а не отъ медицинской Академіи, какъ казалось-бы слѣдовало, по моему скромному мнѣнію,—то едва ли врачебное дѣло можетъ быть поставлено на надлежащую высоту въ морскомъ и военномъ вѣдомствахъ. Если капризъ адмирала Краббе могъ выбрать г. Буша, «весьма плохого медика», на высокій постъ, то такой-же капризъ другого адмирала можетъ сдѣлать генераль-штабъ-докторомъ и другаго какого-нибудь неокончившаго курсъ лекаря, дослужившагося до чиновъ и все-таки ничего не свѣдущаго въ медицину, хотя, быть можетъ, и слишкомъ опытнаго въ житейской практикѣ... Требовать отъ адмираловъ и генераловъ тщательнаго выбора, основаннаго на заслугахъ врачей, тоже самое, что заставить меня экзаменовать кого-нибудь изъ китайской грамматики... Разумѣется, мнѣ останется на выборъ одинъ «капризъ», если я не обращусь къ свѣдущимъ людямъ за указаніемъ... Результатомъ подобныхъ «капризовъ» снова можетъ явиться медицинская сатрапія, хотя, быть можетъ, и не съ такимъ исключительнымъ направленіемъ, какъ въ долготѣнее царствованіе г. Буша.

Да, процессъ г. Буша—одна изъ любопытнѣйшихъ иллюстрацій нашей деморализаціи, и стоитъ остановиться на немъ подольше, чтобы прослушать этотъ длинный рядъ свидѣтельскихъ показаній. Галерея свидѣтелей, повторяю, не менѣе характерна, чѣмъ самъ герой процесса. Показанія многихъ изъ нихъ—живое свидѣтельство такого поврежденія нравовъ, такой своеобразной чиновничьей нравственности, что даже публика, бывшая въ судѣ и, очевидно, настроенная противъ Буша, нерѣдко пожимала плечами и изъ среды ея раздавались восклицанія, не лестныя для многихъ свидѣтелей.

III.

Первымъ по порядку въ качествѣ свидѣтеля выступаетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ медицины Вакуловскій, который былъ, такъ сказать, первымъ вѣстникомъ о злоупотребленіяхъ въ медицинскомъ управленіи. Этотъ свидѣтель, небольшого роста пожилой господинъ, очевидно, чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ цивическимъ героемъ. Онъ первый обличилъ (правда, хоть и нѣсколько поздно, но вѣдь, лучше поздно, чѣмъ никогда) передъ высшимъ начальствомъ злоупотребленія г. Буша послѣ того, какъ

«потерпѣлъ» по службѣ и, натурально, гордится свершеннымъ имъ подвигомъ гражданскаго мужества.

Но, увѣ! этотъ подвигъ гражданскаго мужества получаетъ совсѣмъ особенный характеръ въ глазахъ безпристрастнаго слушателя послѣ того, какъ онъ цѣлыхъ пять часовъ слушаетъ показанія свидѣтеля, который, мало по малу, дѣлается все развязнѣе и развязнѣе и годъ конецъ уже окончательно входитъ въ роль торжествующаго гражданина, потерпѣвшаго за правду, но нашедшаго удовлетвореніе въ ея торжествѣ...

Сначала онъ занимаетъ судъ и публику своей автобіографіей, рассказываетъ, какъ онъ превосходно служилъ, какъ его отличало начальство, какъ онъ отлично исполнялъ свое дѣло, однимъ словомъ, занимается благодарнымъ дѣломъ самовосхваленія. Если вѣрить словамъ г. Вакуловскаго, то онъ образецъ всѣхъ добродѣтелей, когда-либо существовавшихъ въ подлунной... На этотъ счетъ онъ распространялся добрую долю времени и — странное дѣло — тѣмъ болѣе этотъ почтенный свидѣтель говорилъ о своихъ доблестяхъ и о порокахъ другихъ, тѣмъ болѣе и болѣе становились подозрительными мотивы, подвигнувшіе его на проявленіе гражданскаго мужества. Эта подозрительность увеличивалась по мѣрѣ дальнѣйшихъ его показаній и при перекрестномъ допросѣ сторонъ, такъ что, въ концѣ концовъ, стало казаться, что г. Вакуловскій никакого мужества не оказалъ, а просто на просто, въ качествѣ „обойденнаго“, хотѣлъ отменить флота генераль-штабъ-доктору Бушу.

Служилъ онъ въ управленіи болѣе десяти лѣтъ дѣлопроизводителемъ; съ 1874 года, по его словамъ, онъ приходилъ только въ управленіе къ 20 числу, т. е. ко дню полученія жалованья, и не проявлялъ долгое время никакихъ серьезныхъ признаковъ возмущенія.

Правда, по словамъ обвинительнаго акта, г. Вакуловскій еще въ 1868 г. обращалъ вниманіе Буша на слухи о взяткахъ въ Управленіи, но только въ 1878 г., т. е., черезъ 10 лѣтъ, подалъ объ этомъ записку генераль-штабъ-доктору, когда отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ уже были обострены и г. Вакуловскій жаловался, что его держать въ черномъ тѣлѣ. Г. Бушъ уговорилъ свидѣтеля взять записку эту обратно и г. Вакуловскій согласился. Но съ этого момента между начальникомъ и подчиненнымъ возникаютъ довольно странныя отношенія; между ними начинаются своеобразныя дипломатическіе переговоры; г. Бушъ намекаетъ объ отставкѣ г. Вакуловскаго. Онъ не прочь, но требуетъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Генераль-штабъ-докторъ общается, но, въ свою очередь, требуетъ съ г. Вакуловскаго росписку въ томъ, что

онъ, Вакуловскій, по полученіи генеральскаго званія, выйдетъ въ отставку. Г. Вакуловскій росписку эту даетъ, но, сдѣлавшись генераломъ, въ отставку выходить не хочетъ, и начинаются новые переговоры на этотъ разъ о Владимірѣ 3-й степени. Даютъ и Владиміра 3-й степени. „Ну, теперь, кажется, вполне награжденъ этотъ сослуживецъ“, думаетъ г. Бушъ и опять говоритъ объ отставкѣ. Но г. Вакуловскій не согласенъ и грозитъ въ письмѣ г. Бушу обличеніемъ „секретныхъ дѣйствій“, извѣстныхъ только ему и г. Бушу. Что подразумѣвалось подъ этими „секретными дѣйствіями“, такъ и осталось невыясненнымъ на судъ; если вопросъ шель о взяткахъ, то эти дѣйствія вовсе не были «секретныя», по крайней мѣрѣ для врачей. Свидѣтель настаивалъ, что подъ „секретными дѣйствіями“ онъ разумѣлъ именно взятки, но защита отрицала это увѣреніе. Какъ-бы то ни было, а этотъ видъ нѣкотораго, такъ сказать, торга, конца которому не предвидѣлось, взорвалъ г. Буша и онъ перевелъ г. Вакуловскаго старшимъ врачомъ въ 8 флотскій экипажъ, что, по словамъ г. Вакуловскаго означало пониженіе по службѣ, такъ какъ тамъ онъ получалъ-бы содержаніе менѣе того, чѣмъ пенсія, еслибъ онъ вышелъ въ отставку. Тогда г. Вакуловскій окончательно рѣшился свершить гражданскій подвигъ, назрѣвавшій съ 1868 года, и имѣлъ объясненіе съ бывшимъ управляющимъ морскимъ министерствомъ. Онъ вынужденъ былъ подать въ отставку и получилъ ее съ пенсіономъ по генеральскому званію, приобрѣтенному имъ, можно сказать, съ бою, и затѣмъ лишь 23 мая 1881 года подалъ морскому министру извѣстное прошеніе, въ которомъ заявлялъ о притѣсненіяхъ, имъ претерпѣнныхъ за несочувствіе «секретнымъ дѣйствіямъ» Буша, и обличалъ существующія злоупотребленія...

Такимъ образомъ, хотя г. Вакуловскій обнаружилъ свое гражданское мужество и позднеенько, но онъ, такъ сказать, убилъ двухъ зайцевъ. За подавленіе своихъ гражданскихъ чувствъ въ теченіи 14 лѣтъ, онъ получилъ генеральскій чинъ и Владиміра, не говоря уже объ экскурсіяхъ въ управленіе разъ въ мѣсяцъ, оплачиваемыхъ аккуратно, а затѣмъ вывелъ лихонмство на свѣжую воду. И капиталъ прибрѣтенъ, и невинность соблюдена, по крайней мѣрѣ, въ собственныхъ глазахъ!

Когда свидѣтель рассказывалъ о притѣсненіяхъ, коимъ онъ подвергался, о томъ, какъ онъ пострадалъ по этому дѣлу, принужденный выйти въ отставку, когда онъ распространялся о своихъ добродѣтеляхъ, когда онъ съ чувствомъ нескрываемаго ожесточенія обвинялъ бывшаго генераль-штабъ-доктора, когда онъ намекалъ, что нынче неправда непременно выйдетъ на свѣтъ и вино-

ватые непременно получают должное возмездіе, — невольно являлся вопросъ: „отчего столь мужественный гражданинъ такъ долго медлил?.. Отчего онъ раньше не проявлялъ гражданской доблести?“ За этимъ вопросомъ невольно вытекали другіе: „Если-бы г. Бушъ не столь увлекался своимъ положеніемъ въ медицинской сатрапіи и сдумѣлъ-бы поладить съ г. Вакуловскимъ, хотя-бы послѣдній совсѣмъ не являлся въ Управленіе, и если-бы въ награду за его усердную службу послѣдовательно представилъ-бы г. Вакуловскаго въ тайные совѣтники, давалъ-бы награды денежныя и инныя, — на какое время задержалось-бы проявленіе гражданскихъ чувствъ возмущеннаго свидѣтеля и сидѣлъ-ли-бы тайный совѣтникъ Бушъ на скамѣ подсудимыхъ?..“

Въ лицѣ этого свидѣтеля мы имѣемъ дѣло съ высшимъ проявленіемъ цивическихъ чувствъ среди морскихъ врачей, возмущенныхъ порядками, существовавшими при г. Бушѣ... Это, такъ-сказать, перво-степенный мученикъ, пострадавшій за правду... Другіе, не проявляли такого мужества и не столь открыто хвалились своими доблестями.

Вотъ еще свидѣтель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бенезе — тоже одинъ изъ «гонимыхъ» съ тѣхъ поръ, какъ умеръ бывшій министръ Краббе, съ которымъ свидѣтель состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ. Свидѣтель испыталъ рядъ притѣсненій со стороны генераль-штабъ-доктора въ теченіи пяти лѣтъ. Онъ на судѣ много говорилъ о разныхъ характерныхъ продѣлкахъ въ Управленіи, о взяткахъ, но скромно, разумѣется, умолчалъ — отчего-жъ онъ, занимающій видный постъ главнаго доктора морскаго Калининскаго госпиталя, не обнаружилъ хотя бы въ умѣренныхъ предѣлахъ своего гражданского мужества? Г. Бенезе подробно рассказывалъ, какъ его поражало назначеніе того или другого недостойнаго врача, а самъ онъ давно уже и, разумѣется, достойно занимающій постъ старшаго врача Калининскаго морскаго госпиталя, все-таки молчалъ... Очень жаль!.. Говорю очень жаль, не предъявляя свидѣтелю особыхъ требованій мужества. Онъ не мелкая сошка, которую можно было-бы стереть въ порошокъ, особенно во время управленія адмирала Краббе. Кромѣ того, любопытно относительно этого свидѣтеля еще слѣдующее обстоятельство. При жизни г. Краббе, почтенный г. Бенезе былъ другомъ г. Буша и, по замѣчанію свидѣтеля Голузинскаго, «всесильнымъ человѣкомъ», въ которомъ даже занесивалъ г. Бушъ. Отчего-бы тогда этому «всесильному человѣку» не посовѣтовать своему другу, по меньшей мѣрѣ, воздержаться отъ безобразій. По крайней мѣрѣ, г. Бенезе не пришлось-бы росписывать теперь

бывшаго друга въ такихъ мрачныхъ краскахъ и не представлять тысячу перваго примѣра о непрочности дружбы. Право, очень жаль, что г. Бензэ такъ запоздалъ со своими обличеніями. Повторяю, очень жаль.

Передъ нами новый свидѣтель, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ, занимавшій видный постъ въ медицинско-й іерархіи. Онъ начальникъ медицинской части с.-петербургскаго порта, и дѣлопроизводителемъ его управленія былъ тотъ самый г. Андреевъ—правая рука г. Буша—который сидитъ теперь на скамьѣ подсудимыхъ. Показанія г. Мерцалова имѣютъ характеръ полной искренности и не производятъ дурнаго впечатлѣнія, хотя, впрочемъ, не особенно свидѣтельствуютъ въ пользу надлежащаго пониманія свидѣтелемъ служебнаго долга. Онъ принялъ мѣсто, по предложенію Буша, но скоро увидѣлъ, что «служить съ Бушемъ невозможно». Послѣ этихъ словъ вы ждете, что г. Мерцаловъ тотчасъ-же и заявитъ, что онъ пересталъ служить съ «невозможнымъ человѣкъ», но изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что г. Мерцаловъ протестовалъ только „платонически“ и даже не потрудился провѣрить слуховъ, давно ходившихъ объ его дѣлопроизводителѣ, о которомъ было всѣмъ извѣстно, что онъ «агентъ Буша». Свидѣтель перечислилъ передъ судомъ не мало несправедливыхъ назначеній и, между прочимъ, объяснилъ: „Еслибъ генералъ-штабъ-докторъ не держалъ отъ меня въ секретѣ всѣ эти назначенія, то я указалъ-бы ему на людей болѣе достойныхъ и имѣющихъ болѣе права, какъ по своимъ научнымъ, такъ и служебнымъ заслугамъ“. Изъ показаній свидѣтеля, къ сожалѣнію, неизвѣстно указывалъ-ли г. Мерцаловъ своему начальнику на недостойныя назначенія послѣ того, какъ она переставали быть секретомъ, или же держалъ въ секретѣ свои указанія на людей достойныхъ. Мнѣ кажется, что по своему служебному положенію, г. Мерцаловъ могъ-бы это сдѣлать и безъ всякаго для себя риска (я, какъ видитъ читатель, и не предъявляю требованія риска — куда ужъ тутъ рисковать!); тоже очень жаль, что г. Мерцаловъ не пояснилъ на судебномъ слѣдствіи, что отвѣчалъ онъ своему начальнику, когда г. Бушъ, по словамъ свидѣтеля, неоднократно говорилъ ему: „что мнѣ ваши образованные! Онъ начнетъ рассказывать свои высшія соображенія, такъ только слушай, да кланяйся, а я больше люблю писарей. Этому что скажешь, да прибавишь непечатное слово, онъ скушаетъ и отлично сдѣлаетъ свое дѣло“.

Не смотря на болѣе благопріятное впечатлѣніе, производимое показаніями этого свидѣтеля, онъ все таки возбуждаютъ нѣкоторое

недоумѣніе. Обо многихъ мерзостяхъ свидѣтель знаетъ, но никакого противодѣйствія не оказываетъ и ограничивается только увѣщаніями г. Андреева. Когда онъ говорилъ Андрееву, что тотъ дурно поступаетъ, то краска стыда появлялась на лицѣ Андреева и онъ, какъ удостовѣряетъ свидѣтель, отвѣчалъ ему: „Что-же мнѣ дѣлать? Я маленькій человекъ, меня сотрутъ, а вѣдь мнѣ только крохи передадутъ“. Въ этомъ отвѣтѣ едва-ли не заключалась горькая пропрія и по отношенію къ свидѣтелю... Въ самомъ дѣлѣ, онъ увѣщиваетъ «писарька» Андреева и совѣтуетъ ему «дурно не поступать», а самъ, въ свою очередь, человекъ совсѣмъ не маленький, протестуетъ только въ глубинѣ души! Ужь нечего тутъ поучать другихъ!..

И насчетъ «надеждъ» г. Мерцаловъ, какъ кажется, нѣсколько поспѣшенъ. По крайней мѣрѣ, я заключилъ это изъ complimenta, сказаннаго на судѣ по адресу только что назначеннаго новаго генераль-штабъ-доктора. Я не былъ въ судѣ, когда показывалъ г. Мерцаловъ, но въ судебномъ отчетѣ, напечатанномъ въ „Голосѣ“, прочелъ слѣдующія слова его:

«— Теперь,—сказалъ свидѣтель, *свободно вздохнувъ*,—слава Богу, въ морскомъ медицинскомъ мірѣ дѣло возвращается къ прежнему порядку, какой существовалъ до назначенія тайнаго совѣтника Буша».

Я не имѣю причинъ сомнѣваться, что г. Мерцаловъ, *свободно вздохнувъ* (какъ замѣчаетъ стенографъ, а ему вѣрно было видно, какъ вздохнулъ г. Мерцаловъ), искренно выразилъ свое мнѣніе, но нѣсколько изумляюсь, какъ такой опытный администраторъ, какъ г. Мерцаловъ, не понимаетъ, что для очистки порядковъ, введенныхъ Бушемъ, требуется не два мѣсяца новаго управленія, а побольше, и какъ г. Мерцаловъ такъ скоро увидалъ поворотъ къ лучшимъ порядкамъ, когда многія недостойныя, по мнѣнію г. Мерцалова, лица до сихъ поръ остаются на мѣстахъ, данныхъ имъ Бушемъ. Я не знаю, чѣмъ извѣстенъ новый генераль-штабъ-докторъ Кудринъ; въ медицинскомъ мірѣ объ его имени никто ничего не слыхалъ; какъ администраторъ, г. Кудринъ тоже едва-ли извѣстенъ г. Мерцалову, такъ какъ, по словамъ самого же новаго генераль-штабъ-доктора, онъ большую часть своей службы проводилъ въ плаваніи, и слѣдовательно, въ медицинской администраціи homo novus. Чтожъ заставило свидѣтеля свободно вздохнуть? Я, напримѣръ, слышалъ только, что г. Кудринъ не окончилъ даже полного курса на медицинскомъ факультетѣ и выпущенъ изъ московскаго университета во время крымской войны изъ 4-го курса.

Нѣкоторая поспѣшность въ выраженіи своихъ надеждъ со сто-

роны г. Мерцалова является тѣмъ болѣе неосновательною, что черезъ день или два послѣ того, какъ свидѣтель сдѣлалъ „комплиментарныя“ заявленія новому генераль-штабъ-доктору, этотъ же самый генераль-штабъ-докторъ Кудринъ въ своемъ свидѣтельскомъ показаніи высказалъ, между прочимъ, мнѣніе, едва ли дающее право на возбужденіе большихъ надеждъ. О своемъ предшественникѣ новый генераль-штабъ-докторъ тоже отозвался очень хорошо.

По словамъ г. Кудрина, „личныя отношенія его съ Бушемъ начались съ 1868 года. Потомъ, съ 1870 года, свидѣтель находился постоянно въ плаваніи и очень рѣдко и ненадолго бывалъ въ Петербургѣ. Знаетъ Буша за человѣка честнаго и былъ крайне пораженъ тѣмъ, что было написано въ газетахъ. Свидѣтель и Бушъ находились между собою въ хорошихъ отношеніяхъ. Къ медицинскому персоналу, насколько свидѣтелю извѣстно, Бушъ относился всегда въ высшей степени вѣжливо, и хотя отъ нѣкоторыхъ врачей свидѣтель слышалъ, что Бушъ былъ рѣзокъ, но этихъ рѣзкостей въ присутствіи его никогда не было, и онъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что, обыкновенно, начальникъ обремененъ массою различныхъ просьбъ, болѣею частью неосновательныхъ, а потому *иногда нельзя не быть рѣзкимъ*. Насколько свидѣтелю извѣстенъ Бушъ, онъ находитъ, что обвиненіе его въ вымогательствѣ положительно невозможно. Свидѣтелю также извѣстны заботы Буша о пользѣ службы, и онъ считаетъ его человѣкомъ, приносившимъ большую пользу медицинскому вѣдомству. На вопросы прокурора свидѣтель отвѣчалъ, что послѣ 1870 года онъ никакихъ отношеній къ врачамъ и госпиталямъ, находясь постоянно въ плаваніи, не имѣлъ. Что касается консультантовъ, то должность эта была установлена въ тѣхъ видахъ, чтобы консультанты по извѣстной своей спеціальности руководили молодыми врачами; а для этого на подобныя мѣста могли быть назначаемы только специалисты. Былъ-ли докторъ Миллеръ специалистомъ по окулистикѣ, свидѣтель не знаетъ; но ему извѣстно, что Миллеръ—большой энциклопедистъ, такъ что въ Максимилиановской лечебницѣ онъ принимаетъ больныхъ по груднымъ и ушнымъ болѣзнямъ“.

На спросы о подсудимыхъ гг. Андреевѣ и Парфеновѣ,—генераль-штабъ-докторъ объяснилъ, «что Андреева знаетъ всего только два мѣсяца; что-же касается Парфенова, то его свидѣтель находитъ очень способнымъ человѣкомъ»...

Это свидѣтельское показаніе, разумѣется, нисколько не ослабило всей массы косвенныхъ уликъ, падающихъ на г. Буша, и конечно, не остановило-бы моего вниманія, если-бъ не оптимизмъ г. Мерцалова относительно новой эры въ медицинскомъ вѣдомствѣ... Въ дока-

зательство поспѣшности надеждъ, я позволю себѣ только отмѣтить характерное замѣчаніе въ устахъ г. Кудрина: «начальнику иногда нельзя не быть рѣзкимъ», въ виду того, что начальникъ бываетъ большей частью обремененъ не основательными просьбами.—Отчего непременно неосновательными просьбами и большей частью?? Казалось-бы, врачъ, по профессіи своей приучается къ мягкости, но свидѣтель тоже врачъ, высказывается въ пользу рѣзкости. Это во всякомъ случаѣ заявленіе не особенно приятное для поджилокъ гг. врачей!

Положительно, г. Мерцаловъ обнаружилъ надежды не впадать...

Г. Кудринъ, по крайней мѣрѣ, высказался съ большой определенностью, и пусть не пеняютъ на него врачи, если онъ иногда будетъ съ ними рѣзокъ. Иначе нельзя-съ, господа врачи. Про то свидѣлствуетъ публично вашъ новый генераль-штабъ-докторъ, со времени поступленія котораго, т. е. въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ, уже успѣли замѣтить поворотъ къ до-бушевскимъ временамъ. Тѣмъ не мевѣ, и положеніе г. Кудрина нѣсколько странное. Онъ, такъ сказать, одобрилъ отношеніе г. Буша къ врачамъ и даже нашель г. Парфенова очень способнымъ человѣкомъ, а судъ ни дѣйствій г. Буша, ни дѣйствій г. Парфенова не одобрилъ. Какъ быть теперь г. Кудрину? Впрочемъ, этотъ вопросъ праздный, по крайней мѣрѣ, для нашихъ медицинскихъ чиновниковъ, и я убѣжденъ, что г. Кудринъ послѣ приговора суда безповоротно убѣдится, что г. Бушъ виноватъ и что г. Парфеновъ неспособный человѣкъ.

Вотъ еще свидѣтель, это ужъ не «старецъ», а изъ болѣе молодыхъ—коллежскій ассесоръ Архангельскій. Послушаемъ его:

«По окончаніи курса въ Медико-Хирургической Академіи, я былъ определенъ во флотъ младшимъ врачомъ. Затѣмъ, я выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и просилъ флота генераль-штабъ-доктора прикомандировать меня въ петербургскому порту, такъ какъ я желалъ продолжать научныя занятія. Потомъ меня встрѣтилъ Андреевъ и спросилъ: «вы хотите перейти въ петербургскій портъ?» Я отвѣчалъ, что очень этого желаю. Онъ сказалъ, что есть мѣсто, которое стоитъ 500 руб. Я согласился, но такъ какъ у меня не было столько денегъ, то я сказалъ, что 300 рублей могу дать, а 200 рублей впоследствии, когда буду имѣть возможность. Черезъ нѣсколько времени я получилъ приглашеніе быть у г. Буша. Онъ спросилъ меня, желаю-ли я перейти въ Петербургъ и хотѣлъ знать, что за причина, причемъ говорилъ, что въ матеріальномъ отношеніи мнѣ лучше оставаться въ Кронштадтѣ. Но я сказалъ, что желаю заняться научными работами и потому прошу перевести меня въ Петербургъ. Затѣмъ состоялся мой

переводъ и я отдалъ Андрееву 300 руб., а 200 руб. долженъ и по настоящее время. Обратился къ Андрееву потому, что слышалъ отъ товарищей, что чрезъ него можно все сдѣлать.

Прокуроръ. Вы раньше отдали Андрееву 300 рублей, чѣмъ состоялся переводъ?

Архангельскій. Нѣтъ, потомъ.

Вопросъ. Слѣдовательно, у васъ былъ такой уговоръ?

О. Нѣтъ, на честное слово.

Далѣе свидѣтель показаль, что поступилъ на службу въ 1875 году, по рекомендаціи генераль-майора Жемчужникова, который, вмѣстѣ съ нимъ, свидѣтелемъ, былъ у Буша для этой дѣли. Во все время служенія Бушъ былъ съ свидѣтелемъ вѣжливо и, вообще, въ хорошихъ отношеніяхъ. На вопросъ прокурора, почему свидѣтель въ первомъ своемъ показаніи на предварительномъ слѣдствіи показываль иначе, чѣмъ во второмъ, свидѣтель объяснилъ, что въ первомъ показаніи онъ сказалъ, что деньги Андрееву далъ въ долгъ, но сознание ложности этого показанія и укоръ совѣсти заставили его явиться къ судебному слѣдователю и дать второе показаніе, которое онъ и подтвердилъ здѣсь на судѣ. Свидѣтель слышалъ, что за дачу взятки придется отвѣчать и нѣсколько опасался показывать правду.

Не лишено пикантности и показаніе капитана Яковлева, въ которомъ капитанъ передаваль о разсказѣ врача Еремеева, заплатившаго за переводъ въ Петербургъ 300 р., какъ онъ, Еремеевъ, былъ приглашенъ къ Бушу пить чай. Вмѣстѣ съ нимъ у генераль-штаб-доктора пила чай и танцовщица Селезнева. «Въ это время г. Бушу принесли конвертъ изъ Кронштадта, по прочтеніи котораго онъ сказалъ: «Что за дуракъ этотъ Шванкъ — не умѣетъ назначить врача» и просилъ Селезневу самой назначить. Она назначила Тихова и, дѣйствительно, какъ я потомъ узналъ, именно Тиховъ пошелъ въ плаваніе».

Зналь-ли молодой врачъ Тиховъ, кому онъ обязанъ своимъ назначеніемъ?

А вотъ и наивный авторъ хвалебной статьи въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» врачъ, г. Коржавинъ. На судѣ онъ показываль, что г. Бушъ не сдѣлаль ему существеннаго вреда, но онъ опасался этого вреда, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно было нерасположеніе къ нему г. Буша, такъ что онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ *„для того, чтобы личность моя не производила на г. Буша непріятнаго впечатлѣнія“*. Вѣроятно, для уничтоженія такого впечатлѣнія свидѣтель, по просьбѣ нѣкоторыхъ своихъ коллегъ, написалъ статью въ похвалу г. Буша, и статья была напечатана въ «Кронштадтскомъ

Вѣстникѣ“. Послѣ этого свидѣтель былъ произведенъ въ старшіе врачи.

— „За эту хвалебную статью вы и получили мѣсто старшаго врача?“ спросилъ прокуроръ.

— „Это не хвалебная, нѣтъ“, отвѣтилъ свидѣтель. Дѣйствительно, одинъ докторъ замѣтилъ мнѣ, что тутъ была похвала, ну, и я потомъ не сталъ писать болѣе, потому что дальнѣйшая статья могла быть куреніемъ оѣмѣма начальству.

— „Въ которомъ году эта статья была напечатана въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ?“ спросилъ защитникъ.

И, вѣроятно, къ неудовольствію защитника, наивный свидѣтель отвѣтствовалъ:

— „Въ 1875 или 1876 году, *при производствѣ меня въ старшіе врачи*“.

Новый свидѣтель, докторъ Баумбахъ, о которомъ г. Бушъ сперва былъ самаго дурнаго мнѣнія и которому потомъ далъ мѣсто главнаго врача въ Владивостокѣ, показалъ на судѣ то-же, что и на слѣдствіи. А на слѣдствіи онъ далъ слѣдующія любопытныя показанія о покупкѣ имъ мѣста. «Будучи городовымъ врачомъ, онъ подвергался преслѣдованіямъ со стороны Буша. Благодаря другимъ врачамъ, служившимъ въ Кронштадтскомъ госпиталѣ, которые постоянно доносили, что онъ, Баумбахъ, лечитъ проститутокъ въ домахъ терпимости, чего онъ никогда не дѣлалъ, главный докторъ Шванкъ прямо сказалъ ему, что лучше оставить должность городского врача, такъ какъ Бушъ непременно хочетъ удалить его. Баумбахъ слышалъ, что врачъ Кротковъ заплатилъ 500 р., чтобъ занять должность, по удаленіи Баумбаха, городского врача Кронштадта. Затѣмъ, въ февралѣ или мартѣ, къ Баумбаху пріѣхалъ помощникъ аптекаря Бетъ и сказалъ, что Андреевъ желаетъ поговорить съ нимъ, Баумбахомъ, объ одной вещи, которая будетъ ему пріятна. Въ тотъ-же день Андреевъ сказалъ ему, что Бушъ нуждается въ деньгахъ, и не можетъ-ли Баумбахъ дать въ долгъ 4,000 р., въ чемъ Бушъ дастъ вексель или заемное письмо. Баумбахъ сказалъ, что подумаетъ. Онъ не хотѣлъ давать деньги, но его жена сказала, что нужно или дать, или выйти въ отставку, а потому Баумбахъ поѣхалъ къ Бушу и далъ ему 3,100 руб. % бумагами, по номинальной ихъ цѣнѣ. Бушъ выдалъ собственноручно росписку, приложенную къ дѣлу. 27-го февраля, Баумбахъ получилъ телеграмму отъ Пфейфера, главнаго доктора въ Владивостокѣ, въ которой сказано: «Я подалъ въ отставку. Клянюсь товарищу». Вслѣдствіе этого, Баумбахъ поѣхалъ къ Бушу и заявилъ желаніе занять мѣсто во Владивостокѣ, на что Бушъ отвѣтилъ, что

если не будетъ кандидатовъ, которые имѣютъ больше права, то онъ доложить объ этомъ управляющему морскимъ министерствомъ. Еще до назначенія, когда онъ былъ однажды у Богдана Ивановича (Буша), то тотъ спросилъ: «ну, какъ наши дѣла?». Баумбахъ отвѣтилъ, что если онъ будетъ назначенъ и ему будетъ возможно, то онъ сосчитаетъ долгъ Буша уплаченнымъ. Послѣ этого, 6 июня 1881 года, состоялся высочайшій приказъ о назначеніи Баумбаха главнымъ врачомъ во Владивостокъ. Обращеніе Буша съ Баумбахомъ, до уплаты долга, было грубое; послѣ же уплаты Бушъ сталъ обращаться вѣжливо. Тутъ, кстати замѣчу, что изъ множества другихъ свидѣтельскихъ показаній, называется, что назначеніе г. Баумбаха на мѣсто старшаго врача очень всѣхъ поразило и вообще общее мнѣніе свидѣтелей о г. Баумбахѣ невысокое.

Возвращаясь къ исторіи Баумбаховскаго займа, надо сказать, что сдѣлка не состоялась. Во Владивостокъ свидѣтель не поѣхалъ, потому, что ему не дали прогоновъ и деньги онъ получилъ съ г. Буша обратно.

На вопросъ, нѣсколько наивный, г. прокурора: охотно-ли г. Баумбахъ давалъ г. Бушу займы деньги,—свидѣтель отвѣчалъ, что онъ посоветовался съ супругой и она сказала: «или дать или выдти въ отставку». Я и порѣшилъ, что нужно дать». Супруга свидѣтеля, такимъ образомъ, явилась „демономъ искусителемъ“ г. Баумбаха. Бѣдныя жены! Чего только не валятъ на васъ мужья!

Довольно характерно и показаніе одного младшаго врача 85-го Выборгскаго полка. По словамъ судебного отчета, напечатаннаго въ «Голосѣ», свидѣтель на судѣ далъ показаніе, согласное съ изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, которое заключается въ слѣдующемъ:

„Еще будучи студентомъ, онъ слышалъ, что во флотѣ можно поступить или имѣя сильную претекцію, или заплативъ г. Бушу. Тогда свидѣтель обѣщался заплатить 400 р., если получить мѣсто, изъ прогонныхъ денегъ. Состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи свидѣтеля въ Владивостокъ; являясь передъ отъѣздомъ къ г. Бушу, свидѣтель извинился, что не можетъ теперь-же уплатить 400 р. Г. Бушъ раскричался и сказалъ: «Еслибъ я зналъ, что вы—такой подлецъ, то я-бы никогда не принялъ васъ на службу!». Въ отвѣтъ на такое напутствіе своего начальника, свидѣтель обѣщалъ выслать деньги изъ Владивостока, но г. Бушъ выгналъ его вонъ. Въ Владивостокѣ и потомъ въ Кронштадтѣ свидѣтель терпѣлъ притѣсненія и перешелъ потомъ въ военное вѣдомство.

На судебномъ слѣдствіи этотъ-же свидѣтель заявилъ (по отчету

ту „Новаго Времени“), что въ Кронштадтѣ, въ госпиталѣ есть нѣкій дѣлопроизводитель Терентьевъ, играющій при главномъ докторѣ Шванкѣ такую-же роль, какъ Андреевъ при Бушѣ, «такъ что управление Шванка безъ Терентьева немислимо».

Передъ судомъ является еще благородный свидѣтель—морской и театральнй врачъ, г. Каменскій человекъ еще молодой, но, какъ видно, изъ «раннихъ». Показаніе его благопріятно подсудимому, но отвѣты его, хотя и уклончивые, на вопросы прокурора, совсѣмъ ужъ неблагопріятны и для подсудимаго, и для самаго свидѣтеля, въ особенности для свидѣтеля. Эти отвѣты проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на такую особенность отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, на такія недвусмысленныя обязанности свидѣтеля, весьма похожія на обязанности сводника,—что большей грязи и мерзости, кажется, нельзя и вообразить себѣ.

На вопросъ прокурора о томъ, какимъ образомъ письма интимнѣйшаго характера, адресованныя къ свидѣтелю, очутились у г. Буша и находятся при дѣлѣ,—свидѣтель не пожелалъ отвѣчать; но на дальнѣйшіе вопросы объ его отношеніяхъ къ Бушу показалъ, что «близость отношеній существовала вслѣдствіе того, что г. Бушъ обратился къ нему съ просьбой руководить его сына».

«Прокуроръ. Бушъ платилъ вамъ за это деньги?»

Каменскій. Нѣтъ.—В. Есть въ дѣлѣ счеты портного и друг., по которымъ Бушъ платилъ за платье, сдѣланное для васъ.—О. Я рассчитался съ Бушемъ.—В. Затѣмъ есть цѣлая пачка писемъ отъ артистокъ театра — г-жѣ А., В... и отъ многихъ другихъ. Изъ этихъ писемъ видно, что вы привозили артистокъ къ Бушу и потомъ отвозили ихъ обратно. Сверхъ того, вы исполняли различныя порученія относительно обѣдовъ, угощеній и т. п. Не можете ли вы сказать, что это такое?—О. Это знакома г. Буша и мои.—В. Какое-же участіе вы принимали въ этомъ?—О. Никакого.—В. Почему же вы увѣдомляли Буша такъ аккуратно и такъ часто,—очевидно, это велось систематически—что такая-то изъ артистокъ будетъ обѣдать у него, такая-то поѣдетъ въ циркъ, а такая-то не поѣдетъ—словомъ, вы входите въ этихъ письмахъ въ различныя детальныя описанія? (*Свидѣтель молчитъ*).

Предсѣдатель. Вы можете сказать только относительно вашихъ отношеній къ Бушу. Что касается писемъ, то содержаніе ихъ не идетъ къ дѣлу и вы объ этомъ можете не говорить.

Каменскій. Первое, что связывало меня съ Бушемъ, это—воспитаніе его сына. Поэтому, я часто бывалъ у Буша.

Предсѣдатель. И вы исполняли его различныя порученія?

Каменскій. Особыхъ порученій я не имѣлъ.

Прокуроръ. Такъ что васъ связывало съ Бушемъ только воспитаніе его сына?

Каменскій. Да.—В. А отношенія, основанныя на этихъ письмахъ, вы объяснить не желаете?—О. Нѣтъ.—В. Не можете-ли объяснить одно ваше письмо, отъ 12 мая 1880 года, въ которомъ вы пишете, что какая-то вдовушка пріѣзжала къ вамъ за адресомъ Андреева и вы дали ей его адрессъ, и сообщаете въ этомъ письмѣ Бушу, что не успѣли предупредить объ этомъ Андреева. Что это значить?—О. Не припомню“.

Не довольно-ли свидѣтельскихъ показаній? Не довольно-ли всей этой грязи, которая обнаружилась на этомъ процессѣ? Повторяю, не одинъ только подсудимый вышелъ изъ этого процесса некрасивымъ,—это еще была-бы не большая бѣда,—а бѣда въ томъ, что „правы“ въ вѣдомствѣ морскихъ врачей оказались уже очень «поврежденными». Это-то и составляетъ характерную черту процесса, какъ очень серьезный признакъ деморализаціи, охватившей насъ со всѣхъ сторонъ.

Разумѣется, и въ этомъ баталіонѣ свидѣтелей оказались вполне порядочные люди, но я говорю о впечатлѣніи, которое производитъ большинство. Какимъ образомъ и почему молодой, полный жизни и добрыхъ намѣреній врачъ, желавшій посвятить себя дальнѣйшему усовершенствованію въ наукѣ, желавшій принести пользу своими знаніями, мало-по-малу бросаетъ науку и дѣлается медицинскимъ чиновникомъ, у котораго трясутся при встрѣчѣ съ начальствомъ поджилки, и, въ погонѣ за чинами, орденами и окладами, пускается по проторенной дорожкѣ взятокъ, исканій и самыхъ позорныхъ компромиссовъ? Ахъ, это нерѣдкія метаморфозы въ нашемъ отечествѣ, гдѣ независимость характера, сила убѣжденій и стойкость совѣсьмъ не имѣютъ сбыта на общественной службѣ. А тамъ, гдѣ этого нѣтъ, деморализація идетъ быстрыми шагами, поражая не однихъ только свободныхъ отъ образованія людей и доводитъ наконецъ, до такихъ «ласковыхъ телятъ», какъ этотъ, на все готовый, молодой человекъ, г. Каменскій.

IV.

Прокуроръ сказалъ, вѣрнѣе—прочелъ свою рѣчь сдержанно и безцвѣтно. Защитникъ г. Буша, присяжный повѣренный Бобріщевъ-Пушкинъ, началъ съ заявленія своего глубокаго убѣжденія въ безусловной невинности Буша. Оставимъ на совѣсти г. присяжнаго повѣреннаго это «глубокое убѣжденіе», вынесенное вѣ-

роятно послѣ нѣсколькихъ дней процесса и не удивимся конечно, что его длинная рѣчь, производила непріятное впечатлѣніе... Слишкомъ ужъ онъ превозносилъ своего кліента, замѣняя доказательства красивыми фразами и эффектными восклицаніями. Слишкомъ ужъ театралною казалась его рѣчь и самъ онъ походилъ на тенора ді гразіа, поющаго любовную арію; пафосъ его, длившійся непрерывно въ теченіи 2-хъ часовъ, совсѣмъ не дѣйствовалъ на слушателей...

Приемы его защиты тоже были не изъ очень красивыхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ онъ, указывая на обличенія начальника подчиненными, скорбѣлъ объ упадкѣ дисциплины, и гдѣ онъ сваливалъ вину съ плечъ своего кліента на плечи другого подсудимаго, Андреева. Это ужъ совсѣмъ некрасиво...

Защитникъ Андреева, присяжный повѣренный Нечаевъ, хоть и не обладаетъ сценическимъ талантомъ г. Бобрищева-Пушкина, но произвелъ своей искренней, простой рѣчью лучшее впечатлѣніе.— Подсудимые отказались отъ заключительныхъ словъ. Судъ удалился на совѣщаніе въ 6 ч. 40 м. Въ 12 ч. 40 м. ночи председатель объявилъ резолюцію, по которой судъ призналъ виновными: *Буша*—въ томъ, что за опредѣленія, перемѣщенія, назначенія повышенія и награды подвѣдомственныхъ ему чиновъ, состоя флота генераломъ-штабъ-докторомъ, бралъ въ свою пользу деньги, а когда требовалъ и не получалъ отъ подчиненныхъ ему чиновъ денегъ, то по этому поводу дѣлалъ притѣсненія; *Андреева*— въ томъ, что за опредѣленія, перемѣщенія и проч. съ подвѣдомственныхъ Бушу чиновъ, состоя его довѣреннымъ лицомъ, требовалъ и получалъ деньги, причемъ судъ призналъ уменьшающія вину его обстоятельства, и *Парфенова*—въ томъ, что по дѣламъ и дѣйствіямъ, касающимся службы, принималъ деньги или подарки, а потому судъ постановилъ:

1) Буша, 61 года, на основаніи 372-й, 376-й, 377-й и 378-й ст. улож. о наказ. и ст. 86-й воен. морск. уст. о наказ., лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою приобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, а также дворянства, чиновъ, орденовъ и знаковъ отличія и сослать въ Томскую Губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста назначеннаго ему жительства въ теченіи одного года и въѣзда въ другіе города и области Сибири въ теченіи 4 лѣтъ, съ прочими послѣдствіями, въ улож. о наказ. означенными;

2) Андреева, 54 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою приобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, исключить изъ службы, лишивъ дворянства, чиновъ и

орденовъ, и сослать въ Архангельскую Губернію съ воспрещеніемъ отлучки въ теченіи трехъ лѣтъ, съ послѣдствіями, въ улож. о нак. означенными;

3) Парфенова, 39-ти лѣтъ, отставить отъ службы съ послѣдствіями, въ воен. морск. уставѣ означенными.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 19-го мая, въ часъ дня.

Когда послѣ окончанія рѣчей защитниковъ я выходилъ изъ суда, кто-то изъ публики замѣтилъ:

— Ну, теперь до слѣдующаго представленія...

— Какъ, до слѣдующаго?

— А такъ... Пока какой-нибудь обиженный гражданинъ случайно не заявитъ претензіи и случайно не возбудится новое дѣло... Вѣдь и Бушъ случайно попалъ... Очень ужъ неосторожный сатрапъ былъ!

— И вы думаете, что взятки не прекратятся?..

— Еще-бы! перебилъ первый...

— Но устрашающее вліяніе суда?..

— Мало смущаетъ осторожнаго человѣка...

— Гдѣ-жъ средство?

— Ужъ, конечно, не въ этихъ процессахъ, гдѣ крупный лихоимецъ является случайно!.. замѣтилъ скептикъ, прерывая разговоръ.

Откровенный писатель.

Въ апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ „Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ“, вкрались слѣдующія опечатки:

... На страницѣ 88, стр. 14—16 напечатано: „и исходили въ своихъ выводахъ изъ положеній, что при этомъ стрѣи интересы производства и распредѣленія національнаго богатства и благосостоянія представляются *тоже естественными*“. Слѣдуетъ читать: „и исходили въ своихъ выводахъ изъ положенія, что при этомъ стрѣи интересы производства и распредѣленія, національнаго богатства и *народнаго* благосостоянія представляются *тоже естественными*. На этой же страницѣ, на 11 строкѣ снизу, напечатано: „*наиломъ* соперничества“, вмѣсто „*началомъ* соперничества“.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ апрѣльской книжкѣ журнала «Дѣло», въ некрологѣ Николая Ивановича Шульгина, вкралась довольно крупная ошибка, исправить которую я считаю своимъ долгомъ. Авторъ некролога говоритъ: „Шульгинъ, задумавъ издавать большой журналъ, составилъ его программу, вошелъ съ прошеніемъ въ Цензурное Управленіе и получилъ разрѣшеніе; разрѣшенный журналъ назывался „Дѣло“. Когда послѣдовало разрѣшеніе, къ Шульгину пріѣхалъ Благосвѣтловъ и предложилъ ему издавать журналъ вмѣстѣ“... Изъ всего этого вѣрно только то, что прошеніе въ Цензурное Управленіе было подано дѣйствительно Шульгинимъ, а не моимъ покойнымъ мужемъ, которому, какъ бывшему редактору-издателю „Русскаго Слова“, закрытаго по распоряженію правительства, не послѣдовало-бы разрѣшенія издавать новый журналъ. Даже и впоследствии, много лѣтъ спустя, ему не удалось получить дозволенія подписываться редакторомъ-издателемъ «Дѣла.» Однимъ словомъ, инициатива изданія и программа его всецѣло принадлежали Благосвѣтлову. Утверждая это, я не хочу уменьшать заслуги покойнаго Николая Ивановича Шульгина, но только возстановляю истину. Отнимать у Благосвѣтлова заслугу основанія журнала „Дѣло“ и главнаго руководительства имъ—значить, отнимать у него большую часть значенія его литературной дѣятельности.

Эта ошибка тѣмъ болѣе замѣтна, что въ некрологѣ моего покойнаго мужа, помѣщенномъ въ «Дѣлѣ» полтора года назадъ, сказано, между прочимъ: «Силу своей энергіи Г. Е. особенно обнаружилъ, оберегая «Дѣло», которое онъ основалъ послѣ запрещенія въ 1866 году «Русскаго Слова». Можно даже сказать, что вся сила его энергіи, вся его жизнь,—все его нравственное существованіе заключалось въ «Дѣлѣ». Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ двухъ некрологахъ, не можетъ не броситься въ глаза.

Е. А. Благосвѣтлова.

Проверено 1949 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копечья марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногороднаго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло“.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднымъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціей-просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЪЛО“

въ 1882 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39).

Редакція считаетъ себя ответственной за исправную и своевременную
высылку журнала только черезъ тѣхъ изъ своихъ подписчиковъ, кто
указалъ на конвертѣ свой постоянный домашній адресъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ —
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ „ за границу, во всё госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Издатели: басл. Р. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 790